

Федерация Независимых Профсоюзов России
Федерация Профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

**Санкт-Петербургский
гуманитарный университет профсоюзов**

ДЕНЬ НАУКИ

**В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ПРОФСОЮЗОВ**

*Материалы
международной научно-практической конференции
“Гуманитарная культура
как фактор преобразования России”*

22—23 мая 1997 года

Санкт-Петербург
1997

Материалы сборника продолжают и расширяют тематику проводимых СПбГУП традиционных международных научно-практических конференций: “Взаимодействие общества и государства как фактор социально-культурного развития” (1993 г.), “Человек в современной социально-культурной ситуации” (1994 г.), “Гуманитарная культура как фактор преобразования России” (1995, 1996 гг.).

Актуальность обращения авторов сборника к проблемам гуманитарной культуры определяется ее важнейшими функциями в сохранении культурной преемственности и духовном развитии личности. Гуманитарная культура — это основа основ нравственного совершенствования человека. Аккумулируя весь накопленный человечеством духовный потенциал, гуманитарная культура представляет своеобразную социально-генетическую программу деятельности человека и общества.

Авторами сборника являются крупнейшие отечественные ученые, выдающиеся мастера российской культуры и искусства, общепризнанные лидеры светской и духовной жизни, дипломаты, представляющие культуру своих стран в Санкт-Петербурге. При всем многообразии оттенков авторских концепций их объединяет понимание приоритетности культуры, ее ведущей роли в духовном возрождении России.

Ответственный редактор
Заслуженный работник культуры России,
проректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
доктор педагогических наук, профессор В. Е. Триодин

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик Российской академии наук, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов ВЕЛИКАЯ КУЛЬТУРА ПРИМИРИТЕЛЬНА ПО СВОЕЙ СУТИ	17
М. В. ШМАКОВ, председатель Федерации Независимых Профсоюзов России ПРОФСОЮЗЫ И ВЛАСТЬ	19
В. А. ЯКОВЛЕВ, губернатор, председатель Правительства Санкт-Петербурга САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА ЕВРОПЫ	21
В. А. ГУСТОВ, губернатор Ленинградской области ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ НАЧНЕТСЯ С ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	23
Г. В. СВИРИДОВ, композитор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, Народный артист СССР, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов О НАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА В РОССИИ	25
М. К. АНИКУШИН, скульптор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии России им. И. Е. Репина, Народный художник СССР, действительный член Академии художеств России, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов ЦЕННОСТИ ПЕРЕОЦЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ЕСЛИ ОНИ ПОДЛИННЫЕ	26
Н. М. ДУДИНСКАЯ, Народная артистка СССР, лауреат Государственных премий, председатель Фонда Константина Сергеева, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ БАЛЕТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА	27
А. П. ПЕТРОВ, композитор, лауреат Государственных премий СССР и России, Народный артист СССР, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга, президент Филармонического общества Санкт-Петербурга, президент Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации содействия культуре, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов УЧИТЬСЯ У КЛАССИКОВ	28
В. Г. КИНЕЛЕВ, Министр общего и профессионального образования Российской Федерации ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ИСТОРИИ НАРОДА	29
В. В. РАУШЕНБАХ, академик Российской академии наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ	32
Н. Н. МОИСЕЕВ, академик Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В БУДУЩЕМ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ	33
Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ, академик Российской академии наук ВРЕМЕНА И ЭПОХИ НЕ ВЫБИРАЮТ	35
А. М. ПАНЧЕНКО, академик Российской академии наук РУССКИЙ ГОРОД И РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: РЕЛИГИОЗНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ	36

Н. В. КАРЛОВ, председатель Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, ректор Московского физико-технического института, член-корреспондент Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор физико-математических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	37
Р. Г. ЯНОВСКИЙ, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения философии, социологии, психологии и права Российской академии наук РУКОВОДИТЕЛЬ КАК НОСИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ	38
Р. Ш. ГАНЕЛИН, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института истории Российской академии наук ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО НАУЧНОГО И КУЛЬТУРНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	40
К. Ю. ЛАВРОВ, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России, Народный артист СССР, президент Международной Конфедерации театральных союзов, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, художественный руководитель АБДТ им. Г. А. Товстоногова ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ И ЕДИНСТВО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	42
С. П. КАПИЦА, заведующий кафедрой общей физики Московского физико-технического института, профессор АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ	43
К. А. ТИТОВ, председатель Комитета Совета Федерации по бюджету, налоговой политике, финансовому, валютному и таможенному регулированию банковской деятельности ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ	44
Г. А. ЗЮГАНОВ, депутат Государственной Думы, действительный член Международной славянской академии, доктор философских наук В СУДЬБЕ РОССИИ — СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	45
В. Б. ИСАКОВ, начальник Правового управления Государственной Думы, доктор юридических наук, профессор ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ — ПОКАЗАТЕЛЬ ВЫСОКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	48
А. Г. АСМОЛОВ, заместитель Министра общего и профессионального образования Российской Федерации, вице-президент Российского общества психологов, доктор психологических наук, профессор КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ МИРОВ	49
М. Е. ШВЫДКОЙ, заместитель Министра культуры Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор искусствоведения, профессор КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ	51
В. В. КРАЙНЕВ, Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, президент Международного благотворительного фонда помощи юным пианистам, действительный член Академии гуманитарных наук, профессор Московской консерватории и Высшей музыкальной школы в Ганновере (Германия) КУЛЬТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ	51
Т. А. ТАРАСОВА, Заслуженный тренер СССР, мастер спорта международного класса, художественный руководитель ледового театра “Все звезды” (США) ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ, ГОСУДАРСТВО И НАШИ СУДЬБЫ	53

П. Х. ЗАЙДФУДИМ, первый заместитель Председателя Государственного комитета Российской Федерации по социально-экономическому развитию Севера, доктор биологических наук, профессор “НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ” КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА	55
ЖАН-ПЬЕР СЮЕР, мар г. Орлеана (Франция) СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: КАКИМ ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ.....	56
М. В. СЕСЛАВИНСКИЙ, заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА	57
В. П. МОТЫЛЬ, кинорежиссер КОГДА В ЖИЗНИ НЕ ХВАТАЕТ ГЕРОЕВ... ..	58
И. ЯРОСИНЬСКА, консул по культуре Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА В ПОЛЬШЕ	60
ВАН СТРАТЕН, консул Генерального консульства Нидерландов в Санкт-Петербурге МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАВАНЬ	61
АННА-МАРИЯ ЛИУККО-ХАННАНЕН, вице-консул Генерального консульства Финляндии в Санкт-Петербурге КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ	63
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой культурологии, доктор культурологических наук, профессор ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	66
СЕКЦИЯ I. РОССИЙСКАЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ	
И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, Почетный член Всемирной Федерации исследований будущего, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова К РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ И ДАЛЬШЕ	70
Е. А. КЛИМОВ, президент Российского психологического общества, декан факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор НАС ОБЪЕДИНИТ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	71
А. А. БОДАЛЕВ, академик Российской академии образования, действительный член Академии педагогических и социальных наук, Международной академии психологических наук, Международной академии акмеологических наук, Академии наук высшей школы, Балтийской педагогической академии, доктор психологических наук, профессор ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ И ПОДЛИННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ — ВАЖНЕЙШИЕ УСЛОВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ	72
В. Т. ЛИСОВСКИЙ, директор Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор ЦЕННОСТНЫЙ МИР И ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ МОЛОДЕЖИ	73
Б. Д. ПАРЫГИН, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Международной академии психологических наук, Академии гуманитарных наук, Балтийской педагогической академии, Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, профессор РОССИЙСКАЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СЕГОДНЯ	76

М. С. КАГАН, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета О РЕАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ “НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ”	77
М. М. ЧУЛАКИ, писатель, председатель Союза писателей Санкт-Петербурга ИДЕЯ ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ	79
А. А. НУЙКИН, публицист НУЖНА ЛИ РОССИИ “ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ”?	80
Г. Г. ВОДОЛАЗОВ, главный редактор журнала “Мегаполис”, доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, действительный член Академии политических наук О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ “НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ”	81
Ю. А. АНДРЕЕВ, доктор филологических наук, член Союза писателей России, почетный доктор Международной ассоциации творческих работников “Созидание”, почетный член Клуба целителей Санкт-Петербурга ОБЩЕРОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СЕЙЧАС И В БУДУЩЕМ	82
А. С. МЫЛЬНИКОВ, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов ЭТНИЧЕСКИЙ ХРЕБЕТ РОССИИ: РУССКАЯ ИЛИ РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ?	84
Г. П. ВЫЖЛЕЦОВ, заведующий кафедрой философии и культурологии Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ: ОТ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ К НАРОДОПРАВСТВУ	86
И. А. ВАСИЛЕНКО, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова ГРЕКО-ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОПЫТКА СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ	88
В. Н. САГАТОВСКИЙ, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ: СТАТУС И СОДЕРЖАНИЕ	89
В. В. ШАРОНОВ, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальной антропологии и психологии Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	91
В. В. СЕЛИВАНОВ, главный научный сотрудник, заведующий сектором социологии Государственного Эрмитажа, президент ассоциации “Диалог культур”, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор РОССИЯ НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ПОИСК ОСНОВ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ	93
К. Г. ИСУПОВ, доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена ЛОЖЬ КАК АНТИТЕЗА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ	94
П. И. СМIRНОВ, доктор философских наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов ЕДИНСТВО РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ КАК УСЛОВИЕ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА	96
В. Д. НАЗАРОВ, заместитель директора Центра “Петр Великий” Московского физико-технического института ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И “НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ”	97

СЕКЦИЯ II. ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

Ю. У. ФОХТ-БАБУШКИН, заведующий сектором Научно-исследовательского института искусствознания, доктор философских наук, профессор ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО НЕ ПЛАВАНИЕ БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ	99
Ж. Т. ТОШЕНКО, главный редактор журнала "Социологические исследования", доктор философских наук, профессор СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ — ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ	101
А. Ю. ТОЛУБЕЕВ, Народный артист России, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ И ВЛАСТЬ	103
В. В. КОЖИНОВ, писатель ИСХОДНЫЙ ПУНКТ РАЗМЫШЛЕНИЙ НА ТЕМУ: "ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА"	105
Н. А. ДОЛГУШИН, Народный артист СССР, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Ф. В. ЛОПУХОВ. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО	106
А. А. РЕАН, член-корреспондент Российской академии образования, действительный член Нью-Йоркской академии наук, заместитель декана по научной работе факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ АГРЕССИИ	107
Т. Н. ЛАВРОВА, Народная артистка России, лауреат Государственных премий СССР, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И УСПЕХИ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ	109
А. Л. КАЗИН, заведующий сектором Российского института истории искусств, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	110
А. А. ФЕДОСЕЕВ, доктор философских наук, профессор кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного университета ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	112
И. С. КОН, академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор СЕКСУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ	113
В. Ф. ЛЕВИЧЕВА, заведующая кафедрой социологии Института молодежи, доктор философских наук, профессор МОЛОДЕЖЬ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	115
В. А. КОНЕВ, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор ДВА НАЧАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА	116
Е. А. ЛЕВИШИНА, доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской академии театрального искусства, член президиума Ассоциации менеджеров исполнительского искусства России КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	118
Т. А. КЛЯВИНА, директор Российского института истории искусств, кандидат искусствоведения ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА	119

А. А. СКОРНЯКОВ,
исполнительный директор Санкт-Петербургского отделения Института "Открытое общество" ("Фонд Сороса")
НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КУЛЬТУРЫ 120

А. А. ГЕТМАН,
директор Санкт-Петербургской академической государственной филармонии им. Д. Д. Шостаковича
**ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
К КУЛЬТУРЕ БЕЗ ГОСУДАРСТВА** 122

А. А. ЗОЛОТОВ,
Заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии России и премии им. А. В. Луначарского,
профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Академии творчества
КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО 126

СЕКЦИЯ III. СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А. В. ВОРОНЦОВ,
вице-губернатор Ленинградской области, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, заведующий кафедрой
социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, действительный член
Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, профессор
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 129

Г. Н. ФУРСЕЙ,
лауреат Государственной премии, действительный член Российской академии естественных наук, академик-секретарь по
внешним связям, вице-президент Международной лиги защиты культуры, вице-президент Санкт-Петербургского
физического общества, профессор
ОБЪЕДИНЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ 131

Н. Н. СКАТОВ,
директор Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, главный редактор журнала
"Русская литература", председатель комиссии Отделения литературы и языка РАН по литературному образованию,
заместитель председателя Совета по русской культуре при Президиуме РАН, заместитель председателя экспертного
совета Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор
ИНТЕЛЛИГЕНТ — ТОТ, КТО СВЕТИТ 133

ИВ АВРИЛЬ,
доктор литературы, профессор лицея Сен-Шарль, г. Орлеан (Франция)
РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 134

А. И. НОВИКОВ,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории и философии Санкт-Петербургской
академии культуры, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Академии
гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза писателей
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС 135

А. С. ПАНАРИН,
заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора
журнала "Полис", доктор философских наук, профессор
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЦИКЛАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ 136

А. М. ВАВИЛИНА-МРАВИНСКАЯ,
Заслуженный деятель искусств России, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова
Э. С. БАРУТЧЕВА,
кандидат искусствоведения, доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова
ВЕЛИКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ 139

Н. В. КУЗЬМИНА-ГАРШИНА,
президент Международной академии акмеологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, доктор
педагогических наук, профессор
Л. Е. ВАРФОЛОМЕЕВА-ГАРШИНА,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского
государственного университета
В. Е. ИНОЗЕМЦЕВА-ГАРШИНА,
заместитель начальника аттестационного отдела Министерства общего и профессионального образования РФ, кандидат
психологических наук, доцент
**СУДЬБА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НА ПРИМЕРЕ РОДА ГАРШИНЫХ** 141

Г. А. ПРАЗДНИКОВ, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Академии гуманитарных наук, профессор, член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга	
ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ — ИНТЕЛЛИГЕНТ	142
Л. Е. ГАККЕЛЬ, Заслуженный деятель искусств России, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова	
ВЕРНУТЬСЯ И СКАЗАТЬ	145
К. С. ПИГРОВ, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор	
“КОРАБЛЬ” ТОНЕТ: ОБЯЗАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	146
М. Г. БЯЛИК, заслуженный деятель искусств России, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова	
МУЗЫКАЛЬНОСТЬ КАК АТРИБУТ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ (ДВУХГОЛОСНАЯ ИНВЕНЦИЯ)	147
Л. Г. БЕЛКИН, профессор (Прага)	
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1918—1938 ГОДАХ	149
В. А. ГУРЕВИЧ, заведующий кафедрой искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор искусствоведения, профессор	
“НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ” (СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ СНГ)	151

СЕКЦИЯ IV. РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ

А. А. ГУСЕЙНОВ, заместитель директора Института философии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор	
НРАВСТВЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КАК ЗАПРЕТЫ	152
В. Л. МАРИЩУК, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусства, доктор психологических наук, доктор философских наук, профессор	
ДОСТАТОЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ	154
А. В. СОКОЛОВ, член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов	
РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	156
В. Г. ИВАНОВ, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов	
“ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО” НРАВСТВЕННОСТИ — ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛОГ КАТЕГОРИИ РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ	158
Э. В. СОКОЛОВ, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор	
“ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО” КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ	160

М. М. БОБРОВ, Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации, Заслуженный тренер Российской Федерации, заведующий кафедрой физического воспитания Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, президент Федерации современного пятиборья Санкт-Петербурга и Ленинградской области, арбитр международной категории, действительный член Российской академии туризма, действительный член Русского географического общества, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, профессор	
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТЕ	162
Л. А. ГРОМОВА, доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена	
ИНВАРИАНТЫ РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ	164
Г. С. УСЫСКИН, доктор исторических наук, вице-президент Санкт-Петербургского туристско-спортивного союза, председатель Комиссии по истории ленинградского туризма, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов	
СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ИДЕЯ РАЗУМНОГО ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ	165
ЛИ ДИН, президент Балтийской ассоциации су-джок-терапии, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, профессор	
ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАННИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ С ПОЗИЦИИ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ	166
С. Б. ТИХВИНСКИЙ, главный специалист по спортивной медицине Санкт-Петербурга, профессор кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор медицинских наук, мастер спорта	
РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ В СПОРТЕ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ	168
Г. Т. КОМЛЕВА, Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии России, президент Международного общества русского стиля танца, балетмейстер-репетитор Мариинского театра	
А. А. СОКОЛОВ-КАМИНСКИЙ, руководитель исследовательского центра Фонда Ф. В. Лопухова, член редколлегии журнала "Балет", доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова	
ПРИНЦИП РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ В РУССКОМ БАЛЕТЕ КОНЦА XX ВЕКА	169
Т. А. ЕВДОКИМОВА, заведующая кафедрой физических методов реабилитации и спортивной медицины Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, доктор медицинских наук, профессор	
О. М. ЕВДОКИМОВА, ОПТИМИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ ПРИ НАРУШЕНИЯХ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО СТАТУСА ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА	170
БОГДАН СОЙКО, протоиерей, настоятель Николо-Вогоявленского кафедрального собора, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов	
ПРИНЦИП РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ	171
Л. А. МАЙБОРОДА, президент Петровской академии наук и искусств, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор	
ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	172
А. Г. ФАЛАЛЕЕВ, заведующий сектором физиологии спорта Научно-исследовательского института физической культуры Санкт-Петербурга, доктор биологических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов	
В. А. КОВЗЕВ, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института физической культуры Санкт-Петербурга, доктор медицинских наук	
ОПТИМИЗАЦИЯ ТРЕНИРОВОЧНЫХ НАГРУЗОК С УЧЕТОМ УРОВНЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ	173

М. А. АРИАРСКИЙ, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургской государственной академии культуры, профессор	
ПРИНЦИП РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	175

СЕКЦИЯ V. КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. П. БЕЛЯЕВА, директор Института профессионально-технического образования Российской академии образования, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор	
МЕТОДОЛОГО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ	177

С. Н. ИКОННИКОВА, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской академии культуры и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов	
ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	178

О. Е. ЛЕБЕДЕВ, руководитель лаборатории довузовского образования Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	180

В. С. ОВЧИННИКОВ, член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор Академии труда и социальных отношений	
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ВЫВОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА	181

А. П. ВАЛИЦКАЯ, заведующая кафедрой эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор	
О ПРИРОДЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	182

В. А. ЯДОВ, директор Института социологии Российской академии образования, доктор философских наук, профессор	
СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	185

П. С. ХЕЙФЕЦ, генеральный директор Российского лицея традиционной культуры, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор	
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	185

Т. В. КАЗАНКИНА, Заслуженный мастер спорта СССР, заведующая кафедрой массовой физкультурно-оздоровительной работы и туризма Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, трехкратная чемпионка Олимпийских игр, президент Союза спортсменов Санкт-Петербурга, академик Российской академии туризма, профессор	
Ю. Н. ФЕДОТОВ, доцент Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, член методического совета Федерации туризма России, мастер спорта СССР	
НОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ: ТУРИЗМ, ОРИЕНТИРОВАНИЕ, СКАЛОЛАЗАНИЕ	187

Р. М. ЮСУПОВ, Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, директор Института информатизации и автоматизации Российской академии наук, доктор технических наук, профессор	
ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК МОЩНЫЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	188

С. А. КЛЕЙМЕНОВ, ректор Московского государственного радиотелевизионного учебного центра, ректор Академии менеджмента инноваций, заместитель директора Российского центра UNEVOC/UNESCO, действительный член Академии проблем качества, доктор технических наук, профессор КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО САМОРАЗВИТИЯ СТРУКТУР ОБУЧЕНИЯ НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ	191
С. И. ГОЛОД, директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор СЕМЬЯ И ЛИЧНОСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦИОЛОГА	192
С. Н. АРТАНОВСКИЙ, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской государственной академии культуры ИДЕЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОБНОВЛЕНИЕ	193
И. Ф. ГОНЧАРОВ, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, действительный член Петровской академии наук и искусства, член-корреспондент Международной славянской академии, доктор педагогических наук УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЗАЛОГ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА	195
А. М. ЗИМИЧЕВ, вице-президент Международной академии акмеологических наук, действительный член Международной кадровой академии ЮНЕСКО, доктор психологических наук, профессор БЫТЬ ЛИ РУССКОЙ ЭЛИТЕ?	197
В. Г. БЕЛОВ, Заслуженный деятель искусств России, композитор, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, лауреат международных конкурсов ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	199
А. С. КОЛЕСНИКОВ, заведующий кафедрой зарубежной философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО	201
И. С. ХРУСТАЛЕВА-ФРЕЙНКМАН, доктор психологических наук, Центр психологической адаптации эмигрантов (Берлин) ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	203
В. Г. ВЕСЕЛАГО, профессор Московского физико-технического института INTERNET — НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	205
Л. П. СКОРОВАРОВА, начальник учебного отдела, директор Центра гуманитарного образования "Петр Великий" Московского физико-технического института ФИЗТЕХ — НАДЕЖДА РОССИИ	206
Ю. М. ПОР, доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ГУМАНИТАРНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	207
И. А. МАЙЗЕЛЬ, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	207
В. П. ПЕТЛЕНКО, главный ученый секретарь Петровской академии наук и искусств, председатель Ученого совета Международного института резервных возможностей человека, заведующий кафедрой валеологии Санкт-Петербургской медицинской академии постдипломного образования, доктор медицинских наук, доктор философских наук, профессор ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РОССИЯ: СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА	209

Ю. И. ГРОМОВ, Заслуженный деятель искусств России, заведующий кафедрой хореографического искусства Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АКТЕРА (СЦЕНИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА)	211
А. П. МАРКОВ, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов КУЛЬТУРОЛОГИЯ В МИРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЕМИОТИКИ)	212
Э. А. КУРУЛЕНКО, заведующий кафедрой культурологии Самарской академии культуры, профессор ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	215
ЛЮДО МИХИЕЛЬСЕН, координатор Проектов российско-фламандского сотрудничества, директор RMS-центра. (Бельгия) ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ	216
С. А. ЭКШТУТ, редактор отдела исторических иллюстраций журнала "Родина", доктор философских наук МАНИФЕСТ ИСТОРИОСОФСКОГО МАНЬЕРИЗМА	218
И. М. БЫХОВСКАЯ, доктор философских наук, профессор Российского института культурологии КУЛЬТУРОЛОГИЯ В ПОИСКАХ СЕМИОТИКИ: ВЕКТОРЫ И ПОДХОДЫ	219

СЕКЦИЯ VI. ЭКОНОМИКА И ПРАВДЫВОДИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

В. Т. ПУЛЯЕВ, президент Академии гуманитарных наук, директор Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете, доктор экономических наук, профессор Н. И. БОЕНКО, доцент Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований при Санкт-Петербургском государственном университете РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В ЗЕРКАЛЕ ПРАВДЫВОДИМОСТИ: РОССИЙСКИЙ РАКУРС	222
Н. А. ЧЕРКАСОВ, главный научный консультант аппарата Межпарламентской ассамблеи СНГ, действительный член Международной академии информатизации ООН и Международной академии наук высшей школы, доктор экономических наук, профессор ПРАВДЫВОДИМЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	224
Ю. В. КУЗНЕЦОВ, президент Российской академии туризма, заведующий кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА — ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВА	225
Р. А. ИСЛЯЕВ, директор Института региональной экономики и управления Санкт-Петербургской государственной инженерно-экономической академии, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, член экспертного совета при Комитете по делам Федерации и региональной политике Государственной Думы и Комитета по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ — СТРАТЕГИЯ ПРАВДЫВОДИМО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ДВИЖЕНИЯ ЭКОНОМИКИ	226

В. Н. КАШИН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель академика-секретаря Отделения экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕДОВЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	228
Н. Ф. ГАЗИЗУЛЛИН, первый проректор Санкт-Петербургского института управления и экономики Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК ИНТЕГРИРУЮЩАЯ СИЛА НРАВСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА	230
И. К. СМЕРНОВ, заведующий кафедрой экономики и права Санкт-Петербургского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ	231
Л. С. БЛЯХМАН, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета ЕВРАЗИЙСКИЙ СТИЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА	233
Э. Н. ФЕТИСОВ, президент Международного института психологии, социологии и экономики труда, заведующий кафедрой экономической социологии Московского института повышения квалификации Госкомстата Российской Федерации, доктор философских наук, профессор ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА?	234
А. В. БУЗГАЛИН, президент Международной ассоциации "Ученые за демократию и социализм", заведующий лабораторией производственного самоуправления экономического факультета, заместитель заведующего кафедрой политической экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА: ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	236
В. Н. ИВАНОВА, директор Института региональной экономики и управления экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель директора программы Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации по подготовке государственных служащих, главный ученый секретарь Российской академии туризма, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	237
И. П. ЛЕЙБЕРОВ, лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный деятель науки республики Абхазии, действительный член Международной академии информатизации и Нью-Йоркской академии наук, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ	239
Д. В. СОКОЛОВ, заведующий кафедрой экономической кибернетики Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, действительный член Международной академии высшей школы, Международной академии информатизации, доктор экономических наук, профессор УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО РЫНКА	241
В. А. ПЕТРИЦКИЙ, заведующий кафедрой культурологии, социологии и политологии Санкт-Петербургской лесотехнической академии, иностранный почетный член Французской и Польской швейцарской ассоциаций, доктор философских наук, профессор НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ	242
О. В. РОМАШОВ, заместитель заведующего кафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений, доктор философских наук, профессор КРИЗИС НАЕМНОГО ТРУДА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	244

И. Д. АФАНАСЕНКО,
декан факультета коммерции Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, вице-президент
Российской академии туризма, доктор экономических наук, профессор
ТУРИЗМ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ 246

А. Б. КРУТИК,
действительный член Академии гуманитарных наук, член-корреспондент Инженерной академии, доктор экономических
наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
М. А. ГОРЕНБУРГОВ,
профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ 249

СЕКЦИЯ VII. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК УСЛОВИЕ УСПЕХА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

И. П. ГЛУЩЕНКО,
Заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов, заведующий кафедрой отраслей права, действительный член Международной славянской
академии, помощник депутата Государственной Думы, профессор
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН 252

В. П. САЛЬНИКОВ,
заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД Российской Федерации, член экспертного
совета Государственного высшего аттестационного комитета по юриспруденции, действительный член Российской академии
педагогических и социальных наук, Российской академии естественных наук, Международной академии акмеологических
наук, доктор юридических наук, профессор кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ,
МЕСТО И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 254

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ,
председатель координационной группы по законодательству Законодательного собрания Санкт-Петербурга
О ПРИНЦИПЕ ДЕПУТАТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 257

С. А. МАЛИНИН,
консультант ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов по специальности "Юриспруденция",
доктор юридических наук, профессор
МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ
(В КОНТЕКСТЕ ст. 15 п. 4 КОНСТИТУЦИИ РФ 1993 ГОДА) 259

А. И. ЗЯБКИН,
Заслуженный юрист Российской Федерации, декан заочного факультета, заведующий кафедрой государственного и
международного права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор
РОЛЬ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА 262

Ю. М. НОВОЛОДСКИЙ,
депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, государственный советник юстиции 2-го класса, действительный
член Инженерной академии, профессор кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов
КРИЗИС ПРАВА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА 263

Л. И. АНТОНОВА,
заведующая кафедрой трудового права Северо-Западной государственной кадровой академии, доктор юридических наук,
профессор
СОЧЕТАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ 264

А. В. ЗИНОВЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЕЛЫ В КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 267

В. Н. СМИРНОВ,
доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и профсоюзного права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА 269

И. Е. ТАРХАНОВ,
доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ 271

Ю. А. ЛУКИЧЕВ,
Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
**ГУМАНИЗАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ —
ПОКАЗАТЕЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА** 273

М. Г. ЛЮБАРСКИЙ,
доцент кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
**О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ
ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА И УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА** 275

СЕКЦИЯ VIII. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА ПУТЯХ ОБНОВЛЕНИЯ

В. С. ГОНЧАРОВ,
заместитель председателя Федерации Независимых Профсоюзов России
III СЪЕЗД ФНПР ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ТРУДЯЩИХСЯ 278

В. Я. САЛЕНКО,
первый проректор Академии труда и социальных отношений
ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ 279

В. И. НОСАЧ,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики профсоюзной работы Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФСОЮЗОВ И ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ 280

Л. Д. НЕЧАЕВА,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующая гуманитарным отделом Совета Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области
**ГОСУДАРСТВО И ПРОФСОЮЗЫ —
РАВНОПРАВНЫЕ СУБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ** 282

В. А. КАМЕНЕЦКИЙ,
руководитель Аппарата, уполномоченный делами Федерации Независимых Профсоюзов России
ПРАВСТВЕННОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВО 284

Е. И. МАКАРОВ,
председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области
ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ 286

Н. Н. ГРИЦЕНКО,
ректор Академии труда и социальных отношений, доктор экономических наук, профессор
ПРОФСОЮЗЫ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА 289

В. М. РАЙКЕВИЧ,
Заслуженный экономист Российской Федерации, заведующий экономическим отделом Совета Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 290

Ю. Н. МИЛОВИДОВ,
директор Центра по изучению рабочего и профсоюзного движения Академии труда и социальных отношений
РОССИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТРИПАРТИЗМА 292

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д. С. ЛИХАЧЕВ,

академик Российской академии наук, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ВЕЛИКАЯ КУЛЬТУРА ПРИМИРИТЕЛЬНА ПО СВОЕЙ СУТИ

Наша страна живет сегодня без какой-либо осознанной перспективы своего развития — особенно в области культуры.

Между тем Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути.

Отсюда ясно: если Россия не стремится стать чем-то вроде объединения восточных эмиратов, а желает и впредь быть страной подлинно великой и “желанной” для всего человечества, она должна прежде всего развивать, поддерживать свою культуру. Мало-помалу стал меняться ассортимент книг на уличных лотках. “Чтива” по-прежнему полно, но все больше появляется серьезной литературы. Не только художественной — и научной, и философской. Частные издательства печатают труды Карсавина, Лосского. Издательство “Северо-Запад” начало реализовывать большую программу по выпуску отечественной и мировой классики. Стихотворения Блейка и Киплинга увидели свет двуязычным изданием — английский оригинал параллельно с русским переводом. О чем все это говорит? О том, что издатели, встав на ноги, могут позволить себе жить не одним лишь сегодняшним днем, вкладывать капитал в долгосрочные предприятия. Мы видим воочию: есть люди, желающие и умеющие работать на благо нашей культуры, располагающие для этого определенными материальными возможностями. Тем важнее определить, за что взяться в первую очередь. Мы вообще как-то растерялись в последнее время: какую же все-таки цель ставит перед собой среднее образование? Долгие годы ответ был ясен: школа готовит молодых людей к поступлению в высшие учебные заведения. В другое время на свой лад пытался ответить на тот же вопрос тогдашний глава Ленинградского обкома партии Романов — среднее образование при нем было ориентировано на овладение рабочими профессиями, “обычную” школу заметно потеснили различные ПТУ. Система эта провалилась: нельзя же в самом деле чуть ли не с младенчества “привязывать” еще далеко не сложившегося человека к профессии! Какова же задача школы сегодня? Может быть, она как раз в том и состоит, чтобы растить интеллигентных людей любой профессии, даже ручного труда?

Чтобы решить задачу, надо ее сначала поставить. Точно сформулировать. Потом искать пути решения. Искать новое. И “хорошо забытое старое”. Нам есть что вспомнить. Даже известные “суды” над литературными героями, практиковавшиеся в школе двадцатых годов, далеко не всегда были так уж смешны и нелепы. Я уж не говорю о том, что нам предстоит “реабилитировать”, вслед за генетикой и кибернетикой, еще одну репрессированную науку: педологию. Педологов разогнали, потому что их идеи приходили в конфликт с официальной идеологией.

Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый “доход” в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни. А главное — управление страной становится более умным, ибо умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства, то понимать это следует не в том смысле, что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимо особое управление (сильные карательные органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немислимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т. д.).

Культура — понятие сложное, многослойное. Культура пронизывает все стороны жизни страны: это и поведение на улице, и система хранения и изучения культурных ценностей, и отношение к наукам, особенно фундаментальным, и уровень телевизионных передач, и, конечно, литература и искусство. Различные элементы культуры развиваются неравномерно. Если в так называемой “высокой” культуре мы находимся на уровне высших мировых достижений, то в культуре бытовой, повседневной отстаем от многих цивилизованных стран.

Тип культуры и сложившиеся географические границы — разные вещи. Те же японцы свою современную культуру строят по европейскому образцу. Разумеется, сохраняется много национальных черт. Но их университеты — это учебные заведения европейского типа. Я бы сказал, в Европе сложилась определенная модель “университетской цивилизации”, распространившаяся затем и в Азии, и в Америке. Отличительная черта этой модели — способность вбирать в себя, осваивать достижения других культур и цивилизаций. Недаром слово “университет” родственно слову “универсум” — мир, Вселенная. На необъятных просторах России университеты располагались не столь густо, как в Западной Европе, зато у нас возникло нечто свое, специфическое — Академия наук. Европейские академии — это совсем другое. А наша представляла собою тоже своеобразную модель мира. В ее подразделениях изучались и изучаются, в числе других предметов, и азиатские культуры. В России сложились замечательные школы арабистики, тюркологии, угрофинноведения, китаеведения, гебраистики. В этом, и только в этом, смысле мы — “евразийцы”. И нашу академию мы, безусловно, должны хранить и беречь.

Но культура не сосредоточена только в университетских и академических центрах. Культуру нельзя развивать, ориентируя ее на два или три гигантских города, слабо связанных со всей остальной страной. Должно быть приостановлено разбухание таких городов, как Москва и Петербург, еще и потому, что в их “каменных джунглях” антикультура растет быстрее, чем собственно культура.

Должен сказать, что я возлагаю большие надежды на малые российские города. В небольших городах люди живут теснее друг к другу, они менее испорчены, здесь лучше сохраняются традиции. И, что очень важно, здесь виднее, кто есть кто.

В больших городах труднее складывается общественное мнение о человеке, его репутация. Где и как это мнение складывается? Разумеется, в общественных организациях прежде всего. И, разумеется, в условиях полной свободы высказываний — устных и печатных. Нельзя не радоваться тому, что общественная жизнь в последнее время заметно оживилась и в малых городах. Таких, как, например, Старая Русса с ее конференциями, посвященными Достоевскому, имеющими уже международный резонанс. Или совсем маленький Мышкин на Ярославщине, где в уютной и красивой Опочининской библиотеке собираются завзятые мышкинцы, чтобы справить юбилей кого-либо из русских писателей, посмотреть новую тематическую выставку, познакомиться с новыми книгами. В этом маленьком городке тщательно оберегают его историческое лицо от натиска современной безликой архитектуры. Там есть единственный в мире музей мыши — милая столица мышиного царства, охотно посещаемая и взрослыми, и детьми. Запасы духовности в нашей провинции по-прежнему велики. И чувства юмора — тоже.

Я давно пропагандирую идею создания цепочки небольших городов между Москвой и Петербургом, связанных скоростной магистралью. Идея скоростной магистрали принята, а цель, ради которой она предполагалась, забыта. А состояла она в том, что жители небольших городов, располагающихся вдоль скоростного пути, не будут чувствовать себя в отрыве от большой культуры, смогут ездить в Москву или Петербург в театры, музеи, даже работать и учиться в этих городах, не теряя вместе с тем связи с природой, друг с другом. Специалисты говорят, что технически такая идея вполне осуществима.

Наконец, не следует забывать, что наряду с городской в России всегда существовала и деревенская, крестьянская культура. На долгие годы мы как бы забыли с ней. Лишь в последнее время появились ученые, которые обратили внимание на культуру крестьянства: не на этнографические и фольклорные ценности, а на культуру в широком смысле слова, культуру труда в первую очередь. А прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Многие наши трагические конфликты в значительной мере происходят от бескультурья. От несдержанности в выражениях. От неумения выслушать оппонента, убедить его. Выработать, если надо, условия компромисса. Высокая культура примирительна по своей сути. И в этом смысле она с лихвой окупает любые затраты.

М. В. ШМАКОВ,
председатель Федерации Независимых Профсоюзов России

ПРОФСОЮЗЫ И ВЛАСТЬ

С момента создания ФНПР одним из важнейших инструментов деятельности профсоюзов стало взаимодействие с органами государственной власти всех уровней.

Этот курс еще раз был подтвержден III съездом ФНПР, который среди приоритетных направлений деятельности Федерации отметил необходимость содействия развитию системы социального партнерства, трехстороннего сотрудничества между профсоюзами, работодателями и государством, повсеместного внедрения коллективно-договорных отношений.

К сегодняшнему дню определенная система социального партнерства уже сложилась: сформированы трехсторонние комиссии на федеральном, отраслевых и территориальных уровнях, наработана практика заключения Генерального, отраслевых, региональных (специальных) соглашений, коллективных договоров. Подавляющее большинство профсоюзов заключают соглашение в масштабе отрасли или крупных производственных объединений. Практически во всех регионах действуют двух- или трехсторонние территориальные соглашения.

Однако от создания системы до ее эффективного функционирования — дистанция огромного размера. Сегодня система социального партнерства недостаточно эффективна в основном по трем причинам.

Первая — массовое несоблюдение органами государственной власти взятых на себя обязательств.

Вторая — недостаточная степень организованности и ответственности со стороны работодателей. В 1996 году только 20 процентов отраслевых тарифных соглашений заключено с объединениями работодателей, основная же их часть подписана с федеральными министерствами, их департаментами и другими ведомствами, не располагающими достаточными экономическими, финансовыми и властными полномочиями. В некоторых регионах работодатели вообще не представлены в трехсторонних комиссиях. Среди целого ряда новых собственников укоренилось мнение о нежелательности присутствия профсоюзных организаций на их предприятиях. Многие из них затягивают переговоры, не хотят заключать коллективные договоры.

Третья причина — недостаточная настойчивость самих профсоюзных организаций. По данным обследования, проведенного в 1996 году, коллективными договорами охвачено только 60 процентов предприятий, на которых функционируют первичные организации.

Система социального партнерства в России пока находится в процессе становления. Профсоюзам еще предстоит добиться повышения статуса Российской трехсторонней комиссии, трехсторонних комиссий в отраслях и регионах, усилить роль отраслевых и региональных соглашений, решить проблему их распространения на работодателей, не связанных тарифно-правовыми отношениями, урегулировать вопросы присоединения к подобным соглашениям. Поэтому одной из важнейших своих задач ФНПР считает борьбу за принятие такого законодательства о социальном партнерстве, которое ужесточит ответственность сторон за исполнение обязательств и сделает невозможным уклонение от переговоров или их затягивание.

Решить этот вопрос нельзя без тесного контакта с законодательной властью. ФНПР придерживается принципа конструктивного сотрудничества со всеми политическими силами, представленными в Федеральном Собрании Российской Федерации. Мы рассматриваем в качестве союзников всех, кто готов действовать в интересах трудящихся страны, независимо от исповедуемой идеологии.

Руководствуясь этим принципом, ФНПР провела переговоры с шестью из семи фракций Госдумы. С тремя из них — «Наш дом — Россия», КПРФ и «Яблоко» — подписаны протоколы о сотрудничестве в законодательной деятельности в области социально-трудовых отношений. Несколько раз организовывались и проводились встречи с председателями Палат Федерального Собрания. Эти контакты, а также деятельность неформальной «профсоюзной» группы, которая была создана из числа наиболее активно сотрудничающих с профсоюзами депутатов, положительно повлияли на принятие ряда важнейших законопроектов и постановлений Госдумы.

Среди них особенно важным для профсоюзов стало принятие нового Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Законом предусматривается, что проекты законодательных актов, затрагивающих социально-трудовые права работников,

рассматриваются федеральными органами государственной власти с учетом предложений профсоюзов, а профсоюзы вправе выступить с предложениями о принятии соответствующих законов и иных нормативных актов, касающихся социально-трудовой сферы. Эти положения закона в некоторой степени компенсируют отнятое у профсоюзов право на законодательную инициативу и могут быть реализованы только при тесном взаимодействии профсоюзов с Федеральным Собранием Российской Федерации. Принятие Закона о профсоюзах требует внесения изменений и дополнений в ряд действующих законов и учета его положений при разработке и принятии новых законодательных актов.

Очевидно, что без участия профсоюзов эта работа проводиться не может.

В настоящее время ФНПР накопили значительный опыт участия в законотворческой деятельности. Предложения профсоюзов учтены при разработке и принятии многих новых российских законов в области труда, социальной политики, экономики. Сотрудничество с Федеральным Собранием доказало, что профсоюзы способны оказать содействие практическому продвижению правовой реформы, преодолению правового нигилизма, устранению нарушений прав человека в сфере социально-трудовых отношений.

Острейший вопрос для профсоюзов — задержки выплаты зарплаты. Одной из главных причин этой ситуации является не только плачевное положение нашей экономики в целом, но и отсутствие четких норм, определяющих обязанности и ответственность работодателя за своевременную и полную оплату труда.

ФНПР добилась принятия закона об ответственности за задержку выплаты заработной платы. Государственная Дума Российской Федерации приняла Федеральный закон «О выплате пени в связи с нарушением сроков выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и других социальных выплат». Однако закон не действует, поэтому ФНПР продолжает добиваться принятия законодательных актов, ставящих барьеры на пути нарушителей одного из основных прав работника — прав на своевременную оплату выполненного труда.

С этой целью в 1996 году по инициативе и при непосредственном участии специалистов ФНПР были подготовлены дополнения и изменения в ст. 885 Гражданского кодекса Российской Федерации, установившие приоритетность расчетов с работниками по начисленной зарплате по отношению к другим обязательным платежам работодателя.

Среди большого числа законов, принятых и введенных в действие в 1995—1996 гг., предложения ФНПР были учтены: в Гражданском кодексе Российской Федерации: в законах «О порядке разрешения коллективных трудовых споров»; «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О коллективных договорах и соглашениях»»; «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Российской Федерации», «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации о возмещении работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей»; «Об общественных объединениях», «Об акционерных обществах», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об основах государственной службы Российской Федерации», «О ветеранах», «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и других.

С непосредственным участием профсоюзов разрабатывались основы законодательства Российской Федерации об охране труда.

Развивая взаимодействие с органами власти, профсоюзы, особенно в нынешней крайне тяжелой экономической обстановке, не должны отказываться от других форм защиты интересов людей труда — пикетов, забастовок, требований судебных решений в отношении работодателей. Однако без развития системы социального партнерства, без создания необходимой законодательной базы, установления твердых правовых гарантий защиты трудовых и социальных прав даже самые решительные действия трудящихся не приведут к существенному улучшению их реального положения.

В. А. ЯКОВЛЕВ,
губернатор, председатель Правительства
Санкт-Петербурга

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА ЕВРОПЫ

Санкт-Петербург был, есть и будет северной столицей Европы. Сделать из Санкт-Петербурга город “с областной судьбой” не удалось никому. Это духовный и культурный центр, идеальный транзитный узел, поскольку есть порт, железная и автомобильная дороги, паромная переправа, которые соединяют город со всеми частями региона.

Начиная работу после выборов, мы договорились, что вопросы сохранения культурных объектов будут для нас в числе самых приоритетных. В числе первоочередных объектов я называю Кунсткамеру — первый русский музей, находящийся сейчас в аварийном состоянии; Ботанический сад, который жители блокадного города спасли во время войны, а сейчас похожий на чахнувшее без воды и солнца растение (чтобы спасти его, нужно порядка триллиона рублей, но мы уже запустили там тепло, проложили инженерные коммуникации); Театр на Моховой — бывший ТЮЗ, а ныне Учебный театр Академии театрального искусства, закрытый для студентов и зрителей. На ремонт здания мы дали деньги и в следующем году введем этот театр в строй действующих.

На следующий год мы включили в список около сотни объектов, нуждающихся в реставрации. Что делать, если ни на федеральный, ни на местный бюджет надеяться не приходится? Будем находить другие источники: с помощью бизнесменов, различных благотворительных фондов. Кто-то взял на себя заботу о Ростральных колоннах, кто-то — о Кунсткамере, кто-то — о знаменитых петербургских решетках... Зачем это бизнесменам нужно? Сразу же после выборов — для того чтобы наладить нормальные отношения с новой Администрацией города. Сейчас их интересы развиваются дальше, а участие в решении городских проблем становится все более конструктивным, взаимовыгодным.

Мы разработали программу реконструкции центральной части города, создания пешеходных зон. Сейчас снимаем трамвайные пути на Биржевой площади, на Адмиралтейском проспекте, чтобы уменьшить опасность провала грунтов.

“Больной” вопрос для Администрации — жилищный. В городе 811 тысяч очередников. Мы провели инвентаризацию и обнаружили много людей, у которых уже в собственности от двух до пятнадцати квартир. Сняли из очереди 50 тысяч человек.

Еще один аспект проблемы. Процентом сорок зданий в центре Санкт-Петербурга принадлежат не городу, а различным министерствам, ведомствам, организациям. Я предложил: тот, кто владеет зданием, должен привести его в порядок. Для этого нужно употребить власть, заставить сделать что-то полезное. Нет денег? Ну что же, мы предоставим такое же помещение, но не на Невском проспекте, а в районе новостроек. Мы четко проработали конкретные программы: “Фасады”, “Ворота” и ряд других. В ближайшие четыре года объекты, названные в этих программах, должны быть восстановлены — и не из бюджетных средств.

С самого начала я обещал меньше заниматься политикой, а больше конкретными делами, к этому и стремлюсь. Но конкретные дела и есть лучшая политика. Я уже получил приглашения от многих руководителей государств, которые хотели бы обсудить со мной совместные проекты.

Встречаясь с премьер-министром Польши, мы обсуждали вопросы подъема у нас в городе легкой промышленности, которая сегодня находится на крутом спаде, хотя возможности у нее очень большие. В Польше, кстати, единственной из бывших социалистических стран, сейчас происходит активный подъем по всем направлениям. Они объясняют это тем, что задолго до всяких преобразований активно занимались “челночной” деятельностью. И так же, как турки или испанцы, крепко на этом поднялись. Своим последним непродуманным постановлением по “челнокам” правительство лишило миллионы людей заработка, ничего не создав взамен.

Мы провели большую работу с Европейским и Всемирным банками реконструкции и развития и в январе подпишем контракты на реконструкцию инженерных сетей и на пилотный проект по реконструкции одного из центральных кварталов Санкт-Петербурга. Это около трехсот миллионов долларов.

Мы встречались с президентом и премьер-министром Финляндии. Это наши соседи, тем более что они находятся в Европейском сообществе, и нам очень выгодно через них получать заимствования, особенно на строительство скоростной автодороги Хельсинки—Санкт-Петербург—Москва. Санкт-Петербург — буквально узкое место этой дороги. Финны жалуются, что на границе возникают пробки. Но там понятно: кто-то на таможне хочет класть себе в карман лишние деньги, и этот вопрос мы решим очень быстро. Гораздо важнее сделать объезд вокруг Санкт-Петербурга, хотя бы полукольцо с севера, потому что через город провести дорогу просто невозможно. Петербург — единственный город в мире, который не имеет кольцевой автострады! Нужны средства. Моя задача, чтобы часть капиталов осела в Петербурге.

Но возникает ряд вопросов. Мы знаем, что много миллиардов долларов ежегодно разными путями уходят из России. И будут уходить, потому что законы не позволяют им здесь активно работать. Есть мировой опыт легализации скрытых доходов, и нам его надо перенимать. А начинать лучше всего с принятия закона о легализации всего добытого тем или иным путем. Люди ездят на “мерседесах”, строят огромные коттеджи, устраивают офисы — нет иного выхода, кроме легализации всех доходов.

Необходимо разобраться и с налоговой системой. Первыми в России мы установили в городе твердые налоги на три года вперед. Налоги в местный бюджет в сторону увеличения меняться не будут!

Сейчас общероссийские налоги на прибыль по банковской деятельности равны 30 процентам. У себя мы сохранили те 22 процента, которые были раньше. Это в плане “перетягивания финансов” в Петербург. Налог на прибыль с производственной деятельности мы установили вместо 22 — 20 процентов, а на третий год устанавливаем 19 процентов. Ну не собираются сейчас налоги с предприятий, потому что те не работают! А если не можешь ничем помочь конкретным, то хоть морально поддержи. На три года вперед предприятие будет знать о своей судьбе и не прятать прибыль.

Постоянно слышу жалобы от руководителей транспортных организаций, они жалуются: из-за огромных таможенных пошлин не можем приобретать новые транспортные средства. Мы сократили налог на приобретение транспорта в пять раз — с 10 до 2 процентов. Давить на предприятие, которое и без того уже почти не дышит, — бессмысленно.

В Петербурге сейчас сто с лишним филиалов российских банков, из них серьезных — всего с какой-то десяток. Оттока финансов от города через них я не чувствую. Наоборот, мы ждем привлечения средств на такие крупные проекты, как строительство автодороги Москва—Санкт-Петербург, кольцевой автострады, скоростной железнодорожной магистрали. Мы проведем с Ю. М. Лужковым совместные заседания двух правительств: кто, сколько и каким образом будет вкладывать средства, кого привлекать. Это должно активизировать и создание акционерных обществ. С Москвой вообще у нас множество совместных проектов по самым разным направлениям.

Но особой поддержки и помощи Санкт-Петербургу мы ни от кого пока не чувствуем. Складывается впечатление, что о нашем городе многие стараются забыть, хотя на словах порой и обещают помощь, но ее явно недостаточно. А такой мегаполис, как Санкт-Петербург, только своими силами, конечно, развиваться не может. Но, к сожалению, именно на это была нацелена политика предыдущего состава правительства — на отдаление от регионов. Вот Санкт-Петербург и оказался в “гордом” одиночестве. Теперь всем уже ясно, что, если мы ничего не предпримем кардинального, город остановится в своем развитии. Вот поэтому новая петербургская Администрация и стремится к контакту со всеми, кто готов на деле помочь городу. Мир и согласие, а именно к этому мы и стремимся, надо не декларировать, а каждодневно реализовывать.

В. А. ГУСТОВ,
губернатор Ленинградской области

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ НАЧНЕТСЯ С ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Известно, что бюджет — основа стабильности региона. В конце декабря прошлого года без лишней помпы и суеты принят бюджет Ленинградской области на 1997 год. Сформировано и работает новое правительство. Между двумя ветвями власти — исполнительной и законодательной — в Ленинградской области сложились нормальные отношения сотрудничества, и это — немаловажное достижение.

Еще один положительный фактор, значение которого пока еще не все осознали: мы сумели нормально организовать проведение муниципальных выборов и формирование органов власти на местах. (Если бы местные выборы были проведены еще в 1993 году, несомненно, сейчас Россия уже была бы совершенно другая.) На местах нужна власть, которая имеет право на свою позицию, которая способна эту позицию отстаивать, потому что она избрана народом, и ее представителей никто не вправе снять или запугать.

Сейчас, по завершении муниципальных выборов, из районов уже поступают планы социально-экономического развития. Они составлялись по нашей инициативе: мы хотим, чтобы в каждом районе четко рассчитывали, что нужно и возможно сделать на местах для улучшения экономической ситуации и социального климата; осознали, что теперь муниципальные образования, по мандату граждан, сами отвечают за устройство жизни на своей территории.

В правительстве сформировалось четкое видение, каким образом в ближайшей перспективе должно происходить развитие производства Ленинградской области. Сейчас у нас в работе находится порядка 80 инвестиционных центров развития, которые позволят поднять многие предприятия Ленинградской области.

Чтобы вывести из кризиса одну из наших самых болевых точек — Ивангород, мы пошли на радикальную меру: с 1 января снизили для местных промышленных предприятий плату за электроэнергию до 50 рублей за киловатт-час. Надеюсь, что благодаря этому уже через шесть месяцев в Ивангороде наметятся перемены к лучшему.

Проанализировав ситуацию на наших трех целлюлозно-бумажных комбинатах, мы и для них в два раза снизили плату за электроэнергию. Главная наша задача — пустить в первом полугодии 6—8 предприятий, в том числе остановившееся спиртовое производство в Киришах и целлюлозно-бумажные комбинаты. Необходимо разобраться с ситуацией на ЛАЭС, пустить новый завод по производству древесных плит в Приозерске и решить вопрос со строительством фабрики “Филип Моррис” — она будет давать нам солидные доходы в бюджет.

И конечно же, в числе приоритетных задач — строительство портов. Без них мы теряем более 200 млн долларов ежегодно.

В ближайшие шесть месяцев нам также предстоит существенно расширить фронт работ по начатой газификации области, и прежде всего ряда ее стратегических пунктов: Сясьстрой, Ивангорода, Дружной Горки, Киришей. Это позволит к концу года высвободить из структуры теплообеспечения Ленинградской области более двух миллионов тонн мазута. Тогда мы сможем привлечь кредиты и приступить к более глубокой переработке нефти на Киришском НПЗ. Нам необходимо уйти от прежней системы, когда нефть подвергалась переработке только на 48—50 процентов, а остальное уходило в топку.

Техническое переоснащение сельского хозяйства — приоритетная программа аграрного сектора.

Уже принято решение о закупке новых комбайнов, в частности финских, для уборки ячменя. Подготовлено 37 проектов по реконструкции областных пищеперерабатывающих предприятий.

Сейчас мы выделили аграрникам 100 млрд рублей и еще 40 млрд предоставим в виде гарантий, чтобы они могли взять порядка 140 млн долларов кредита. Мы пойдем на гарантирование кредитов примерно под одну треть учетной ставки (если ставка 40 процентов, аграрники платят 13, остальное покрываем мы сами). Должен отметить: просто на “проедание” средств мы будем давать все меньше и меньше. Тот, кто нуждается в поддержке, должен представить проект, защитить его, и только тогда он сможет получить необходимые бюджетные средства на возвратной основе.

Особо хотелось бы остановиться на взаимоотношениях с городом.

Мы предложили Санкт-Петербургу наладить прямые поставки продукции с трех — четырех областных птицефабрик на социально значимые объекты города: ясли, детские сады, школы, военные училища, больницы, интернаты. Это позволило бы, работая без посредников, экономить существенные средства. В обмен мы просим только одно: если в какой-то момент этим птицефабрикам понадобятся средства на закупку зерна или реконструкцию, помочь нам взять льготные кредиты.

Еще одно предложение, с которым мы выступили в адрес правительства Санкт-Петербурга: посодействовать области в строительстве дорог к крупнейшим садоводствам. Ленинградская область и так вкладывает большие средства в строительство дорог и мостов: мы уже приняли в эксплуатацию более 1200 км новых дорог с покрытием, на этот год запланировали проложить еще 600 км и реконструировать 10 мостов. (В области дорожный налог составляет 2,5 процента, а в городе — только 1,5.) Однако мы не можем брать на себя целиком строительство дорог к садоводствам, где участки, как правило, принадлежат петербуржцам. Уверен, для города с его бюджетом в 13 трлн 50—100 млрд на строительство дорог, которыми будут пользоваться главным образом сами петербуржцы, не такая уж большая сумма.

Самый глобальный вопрос — инвестиционные проекты, в частности строительство трех портов в Финском заливе, что позволит и нашему региону, и всей стране экономить колоссальные суммы (только Ленобласть сможет сберечь до 200 млн долларов в год).

Вот почему один из лозунгов моей прошедшей предвыборной кампании “Возрождение России начнется с Ленинградской области” — не обычное популистское обещание, а программа, построенная на точном экономическом расчете.

В Усть-Луге на строительстве порта в декабре прошлого года уже освоено 15 млрд рублей. Развертывается строительство портов в бухте Батарейная и в Приморске.

Среди уже реализованных проектов — введение централизованных поставок угля по прямым соглашениям с Воркутой, которое позволило Ленинградской области сэкономить 18 млрд рублей.

Естественно, предметом основных забот областного правительства был и остается весь социальный комплекс. Если в октябре Ленинградская область собирала 80—85 млрд рублей в Пенсионный фонд, то к январю эту сумму удалось увеличить до 103 млрд. Однако потребность составляет 147 млрд рублей. Но, к сожалению, федеральные органы крайне недостаточно восполняют исторически сложившийся дефицит. Придется пойти на тяжелые меры и взять кредиты, чтобы ликвидировать задолженность по пенсиям.

Районам, где есть задолженность по зарплате учителям, предложено брать кредиты в банках и таким образом эту проблему решать.

В 1997 году мы должны завершить строительство ряда школ и больниц, в которых работы уже выполнены на 90 процентов (Волосово, Коммунар, Лодейное Поле, Сланцы, Кингисепп).

В сфере образования мы вернулись к одной из старых, хорошо зарекомендовавших себя форм — возродили Областной институт усовершенствования учителей. Вносим коррективы в концепцию и программу развития образования Ленинградской области на длительную перспективу.

Сейчас ведутся переговоры о закупке оборудования и установке 100 компьютерных классов в школах Ленинградской области. Возрождаем музеи в школах там, где они были разрушены. Сотрудничаем с различными фондами, чтобы поддерживать материально наших лучших учителей, способствовать проведению педагогических конференций, созданию учебно-методической литературы.

В сфере здравоохранения мы гласно, с привлечением всех заинтересованных сторон разрабатываем новую концепцию обеспечения лекарствами жителей области, вновь занимаемся проблемами обязательного медицинского страхования и ролью страховых компаний в этом деле.

В сфере культуры мы обращаем самое большое внимание на развитие художественной самодеятельности снизу: наша задача — возродить народное творчество во всех уголках Ленинградской области, поддержать клубы, библиотеки, музеи.

В спортивной сфере мы обязательно будем стимулировать развитие массовой физкультуры и спорта так, как это было в прежнее время. Спорт должен вернуться в школы, в профессионально-технические училища, в вузы. Тогда будущее поколение будет расти здоровым и вновь появится серьезная база для подготовки чемпионов.

В Ленинградской области есть все необходимые экономические и людские ресурсы для возрождения. И наше правительство в отпущенный ему срок реализует эту задачу.

А с возрождением Ленинградской области начнется и возрождение России.

Г. В. СВИРИДОВ,

композитор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, Народный артист СССР. Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

О НАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА В РОССИИ

... Искусство несет в себе божественную тревогу.

Правда, что оно обречено на непонимание (или недостаточное понимание) в обществе. В том беда и искусства, и общества.

Но искусство "обречено" и на сердечную любовь множества людей, миллионов отдельных личностей, сливающихся в представление о целом народе.

У великого народа и любовь к искусству великая, интуитивная, испытующая. В глубине этого чувства — страстное желание постичь смысл жизни через постижение божественной природы человеческого существа.

Искусство великое все-таки стоит непоколебимо: Леонардо да Винчи, Толстой, Пушкин...

В чем же вечная ценность искусства? Как найти слова?..

Ценность искусства совсем не в денежном или в каком-то ином эквиваленте.

Когда мы говорим: "из золота" — не обязательно, чтобы речь шла о золотой вилке или солонке, хотя бы и сделал эту вилку или солонку сам Бенvenuto Челлини и она очень красивая.

Дело не только в самой красоте, и, конечно, не в одной красоте. Есенин, конечно же, не "ситцевый". Его поэзия — из золота, и она костична!..

Подлинное искусство — обязательно из драгоценного материала. Оно должно научить человека хорошему.

Воспитательная роль искусства весьма велика. Из "дидактического" поучения вышли божественные книги, без которых, в свою очередь, не могла бы сложиться жизнь искусства, возникнуть художественное творчество.

Ты смотришь на создание художника, слушаешь музыку — ты воспринимаешь искусство во времени или пространстве, ты восторгаешься им.

Это еще не само содержание искусства. Содержание (трудно объяснить словами) лежит где-то на дне искусства, и надо проникнуть в его глубины, нужно стараться как-то его постичь. И здесь нам необходима культура. Поучение часто лежит на самом дне искусства. Ты сам для себя смекаешь, в чем может быть тут польза для человека и в чем поэзия...

Александрю Блоку принадлежит простая, но глубокая мысль: для того чтобы создавать искусство, надо уметь это делать.

Дело художника — создание самого искусства, создание шедевра.

Качество созданного, долговременность воздействия — вот единственное мерило ценности искусства. Оно вечно. Оно едино.

Роль искусства в России, его художественная и нравственная функция немного иные, чем в других мировых пространствах. Мы склонны придавать искусству совершенно особенное значение. Мы верим в его духовное предназначение, возвышающую и преобразующую силу.

Влияние России на мир ощущается многими прежде всего как нравственное, культурное, художественное влияние — влияние возвышающее.

Воздействие мира на Россию — всегда испытание.

Судьбы искусства, всей культуры, судьба российского интеллигента в новый, определенный период времени складываются весьма драматически. Идет сложный процесс в умах, душах людей, в их повседневной жизни. Процесс этот бывает окрашен в трагические тона.

При всей непонятности, таинственности, я бы сказал, происходящего вокруг одно непреложно: создается будущее России, которой предстоит жить и творить в новой мировой ситуации.

... Я русский человек, и для меня Россия — некое таинственное образование, некая, как говорил Блок, лирическая величина. Я пишу музыку, повинуюсь внутренней идее и пытаюсь ощутить и выразить ту божественную тревогу, которую всегда несет в себе искусство.

М. К. АНИКУШИН.

скульптор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии России им. И. Е. Репина, Народный художник СССР, действительный член Академии художеств России, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ЦЕННОСТИ ПЕРЕОЦЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ЕСЛИ ОНИ ПОДЛИННЫЕ

Главная тема творчества каждого истинного художника — человек, его красота, гуманность, его благородство.

Мое творческое кредо — показать каждого человека таким, какой он есть. Не я хочу награждать его какими-то чертами, что-то придумывать, а он сам должен выразиться. Хочу быть объективным по отношению к каждому персонажу, к его характеру. И тогда он сам о себе расскажет. Это очень трудно — ждать, порой десятилетия, когда твой замысел воплотится в жизнь: на памятник Пушкину у меня ушло более 10 лет, памятник Чехову для Москвы ждет своего часа уже лет двадцать (пока не получается того, что хочу). Но получится, обязательно получится — “надо только выучиться ждать”, как поется в одной известной песне.

Будучи реалистом по природе, приветствовал и буду приветствовать все яркое, самобытное, вне зависимости от стиля. Меня уже много раз пытались расспрашивать о творчестве Михаила Шемякина, порой толкая на весьма некорректный ответ. И я всегда подчеркивал, что — согласен я или не согласен с его манерой — Шемякина уважаю и поддерживаю: он художник и переживающий человек. Просто у него свой почерк — и слава Богу.

Каждая эпоха, каждое поколение творцов рождает свое, в чем-то не похожее на предшествующие, видение художественных образов. Вот, например, Петр Первый. Мы привыкли в скульптуре к двум—трем его “типажам” — созданиям Фальконе, Растрелли, Антокольского. Но все их три работы мало связаны с “конструкцией” самого Петра. Ведь его рост был 2 метра 4 сантиметра! Надо обязательно учитывать, как люди такого роста двигаются, как они “переживают” этот рост. Но у наших классиков это немаловажное обстоятельство отброшено. Там на коне — порывистый, державный полет — Медный всадник! Или торжественно едущий царь-император у Растрелли. А Михаил Шемякин подошел к раскрытию этого образа, используя растреллиевскую конструкцию с ее фигурой. Он в своем образе воплотил рост Петра Великого, даже нелепицу его движений. К тому же Петр Первый носил парик, а Шемякин снял его и оставил голый череп. Может быть, поэтому подобная фигура несколько шокирует зрителей. Однако самому автору отказать в оригинальности и оправданности замысла и органичности его воплощения нельзя. Это Петр глазами большого художника, отделенного от него тремя веками российской истории и всем тем, что эти столетия в себя вобрали. Вот что главное.

Особое мое внимание привлекает новое в творчестве, в его разных областях — науке, искусстве, педагогике. И здесь показателен пример Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. За 5 лет, начав “с чистого листа”, коллектив Университета под руководством профессора А. С. Залесоцкого сумел создать не просто дееспособное, а весьма преуспевающее учебное заведение, имеющее прочную материальную основу и замечательный интеллектуальный потенциал. В этом плане меня, естественно, в первую очередь волнует судьба факультета искусств. И я рад, что, наряду с традиционными для вузов кафедрами театрального, хореографического и музыкального искусства, активно развивается и растет профессионально близкая мне кафедра искусствоведения. Ее руководителю профессору В. А. Гуревичу удалось собрать блестящих специалистов, некоторых из них (профессоров О. Ф. Петрову, А. А. Гозенпуда) я знаю по нескольким десятилетиям. Это мастера классической отечественной школы, и они способны шаг за шагом, на основе непреходящих ценностей отечественной и мировой культуры подготовить искусствоведов XXI века.

Несмотря на все беды и тревоги сегодняшнего дня, я остаюсь оптимистом. Россия всегда была страной великих мастеров — таковой и останется.

Н. М. ДУДИНСКАЯ,

Народная артистка СССР, лауреат Государственных премий, председатель Фонда Константина Сергеева, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ БАЛЕТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

“Вдохновенный поэт танца”, “лирический тенор нашего балета” — так характеризовали творчество Константина Сергеева на протяжении его многолетней сценической деятельности. Едва ли не с первых самостоятельных шагов на сцене танцовщик заявил свою глубоко индивидуальную творческую тему — проникновенного лиризма, просветленной романтической мечты. Ведущий солист Театра оперы и балета им. С. М. Кирова на протяжении более 30 лет, он танцевал весь классический репертуар, был первым исполнителем многих новых произведений отечественных хореографов.

Строгий вкус, благородство манеры, совершенство линий, осмысленность и одухотворенность — эти качества Сергеев унаследовал от предыдущих поколений петербургских танцовщиков. Он закончил Ленинградское хореографическое училище в 1930 году по классу В. И. Пономарева. Из класса этого выдающегося педагога вышли многие артисты нашего балета, совершившие подлинно революционный переворот в области мужского классического танца. Среди них и Константин Михайлович Сергеев.

Сейчас, к сожалению, на балетной сцене не часто можно увидеть артиста, владеющего навыками актерского мастерства. Сергеева же называли танцовщиком-артистом. Психологическая глубина проникновения в образ отличала все его исполнительские работы. С юношеских лет увлекаясь драмой, он был знаком и дружен со многими выдающимися деятелями драматической сцены. Их творчество находило отражение в собственной исполнительской деятельности. Многие драматические артисты пристально приглядывались к сергеевским жестам, деталям, позам — столь неожиданно выразительными выходили у него самые простые “физические действия”.

В жизнестойкость классического балета К. М. Сергеев не просто верил, а веровал! Классическая хореография формировалась веками, каждая эпоха приносила в нее что-то новое. Вель традиции в балете вовсе не означают нечто косное, застывшее, их развитие можно проследить исторически. Сила традиций — в их преемственности. Всю свою жизнь Сергеев отдал сохранению и развитию этих традиций. И как исполнитель, и как балетмейстер, а потом и руководитель балетной труппы, и как художественный руководитель балетной школы. Он был глубоко убежден, что в воспитании будущего артиста нет мелочей. Очень важно, чтобы, только переступив порог школы, дети почувствовали, что отныне они попали в другой мир. Это мир искусства, особой духовности, где огромное значение имеют не только профессиональные данные. Будущего художника формирует многое, даже сама величественная атмосфера улицы Зодчего Росси. Важно все — как вы ходите, здороваетесь, держитесь внешне. И хотя до выхода на профессиональную сцену начинающему ученику еще далеко, думать об этом нужно с первых шагов в школе.

“Художник-интеллигент” — такое определение как нельзя более подходит для характеристики личности Константина Михайловича Сергеева, выдающегося артиста, балетмейстера, первого президента Академии русского балета имени А. Я. Вагановой.

А. П. ПЕТРОВ,

композитор, лауреат Государственных премий СССР и России, Народный артист СССР, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга, президент Филармонического общества Санкт-Петербурга, президент Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации содействия культуре, Почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

УЧИТЬСЯ У КЛАССИКОВ

Раздумывая о воспитании молодых композиторов, я считаю, что образовательная система призвана прежде всего научить учиться у классиков. Желая понять, в чем сила и величие больших художников XX века — Стравинского, Прокофьева, Бартока, я всегда обнаруживаю для себя, что чем крупнее композитор, тем (при всем его новаторстве) сильнее его связи с классическими традициями. Я нахожу у них глубокое переосмысление того, что накопило музыкальное искусство предшествующих эпох. Претворить это в собственном творчестве на новой основе — сложнейшая задача: ведь композитор должен извлечь из всего этого богатейшего арсенала не просто технические приемы, а живительные соки для собственного творчества.

Конечно, учебный процесс, занятия с педагогом должны помочь овладению гармонией, полифонией, оркестровкой, формой. Но мы знаем немало примеров, когда музыкант, окончив консерваторию, способен грамотно, по всем правилам оркестровать, а его собственная партитура лишена “дыхания”, фантазии. Наверное, молодой композитор, учась на классических образцах, должен не просто овладевать техническим мастерством, но видеть в музыке классиков великолепные примеры использования художественных средств для воплощения сегодня уже иных, современных задач.

Не могу не вспомнить в связи с этим Стравинского: он обладал удивительным умением брать для своих новаторских сочинений какие-то приемы, элементы из старых стилей и форм музыкального искусства, по-новому переосмысливая их для воплощения своих замыслов. Думается, что при всей разнице творческих индивидуальностей музыка прошлого должна быть для нас своеобразным “мостом в XXI век”, искусство которого явится результатом всего предшествующего художественного развития человечества.

Сегодня одна из глобальных проблем в музыкальном искусстве — это существование огромного разрыва между так называемой серьезной и так называемой легкой музыкой. Разрыв этот проявляется в совершенно разных “музыкальных языках у композиторов”, в совершенно различных слушательских аудиториях. Конечно, людей, предпочитающих песню, романс, танцевальную музыку, эстраду, всегда было (и, наверное, всегда будет) гораздо больше, чем тех, кто получает наслаждение от симфонической или оперной музыки. Но в последнее время этот разрыв между ними увеличился. Наверное, отчасти по той причине, что язык, например, современной музыки очень усложнился и уже очень мало кто его понимает. В то же время на другом полюсе широчайшее распространение получила поп- и рок-музыка, очень часто отличающаяся упрощенным и ограниченным кругом художественных средств. В этих эстрадных жанрах мы часто встречаемся с обращением к таким темам, к которым легкая музыка ранее никогда не обращалась, которые были гораздо более закономерными для академических жанров серьезной музыки: для оперы, оратории, симфонии. Ныне же появились рок-оратории, рок-оперы. И авторы их обращаются часто к значительным философским, этическим и социальным темам. Вспомним рок-оперу “Иисус Христос — суперзвезда”, моно-рок-оперу “Гамлет”. Конечно, подобное расширение, обогащение диапазона эстрадного жанра — явление плодотворное. Это раздвигает его стилистические рамки, открывает новые художественные возможности. Но вместе с тем, как это часто бывает, у этого явления есть и обратная, теневая сторона.

Дело в том, что всеядность современной легкой музыки, ее чрезмерная художественная самоуверенность и амбициозность привели к тому, что миллионы ее поклонников стали довольствоваться лишь подобным искусством, уверовав, что ему подвластны все самые большие и сложные житейские и философские темы; что стилистикой, выразительными средствами рок-музыки можно отразить любые темы, образы и характеры.

Но палитры этих средств и приемов современной легкой музыки (как бы они ни обогащались за счет завоеваний большого классического искусства), конечно же, недостаточно для адекватного музыкального воплощения трагедий Шекспира, романов Толстого, Достоевского. И у поклонников рок-музыки создается ложное впечатление, что через обращения их кумиров к подобным темам они приобщаются к самому высокому и философски значительному. А по существу происходит отторжение от "высоких" жанров, утверждается ложная и наивная уверенность, что рок-музыке подвластно все. И для миллионов молодых людей огромный, прекрасный и богатейший мир музыки — оперной, симфонической, хоровой, народной — заменяется гораздо меньшим и ограниченным (хотя во многом и замечательным) миром рока.

В то же время в современной симфонической, оперной музыке происходят, по-видимому, разумные и необходимые процессы на пути демократизации, доступности серьезной музыки, своего рода шаги навстречу рок-музыке. Многие композиторы в своих оперных, балетных, симфонических партитурах широко используют принципы песенного мелодизма, ритмы современной танцевальной музыки, стремясь быть более понятными и доступными для публики. Может быть, наиболее ярко эти тенденции проявились в американской музыке (Гершвин, Бернстайн), в отдельных произведениях мы встречаемся с ними и у отечественных композиторов (Щедрин, Канчели, Эшпай).

Эта проблема всегда занимала и меня, т. к. я постоянно работаю в разных жанрах. И в музыке балета "Согворение мира", и в операх "Петр I", "Маяковский начинается" есть очень многое из моего опыта работы в жанре песни, эстрадной музыки, и, наверное, особенно в жанре музыки для кино. Основной путь взаимопроникновения различных жанров музыки, как мне кажется, пролегает через песню и танец, потому что в конце концов песня и танец — это те виды музыкального искусства, самые древние и вечные, из которых практически родилась вся мировая культура. Но в своих композиторских поисках я использовал не только технологические приемы из опыта работы в демократических жанрах музыки. Я старался разнообразить и способы эмоционального воздействия на публику, привлечь ее слушательское внимание путем более динамичной и "театральной" драматургии произведения, применения более лаконичных и эффективных музыкальных форм и построений.

Сейчас, на исходе столетия, многие задумываются: какая музыка будет в XXI веке? Вряд ли это возможно более или менее точно предсказать. Но, исходя из сегодняшней ситуации в мировой музыке, когда наличествуют классическая и современная академическая музыка, рок- и компьютерная музыка, традиционный и (мало еще известный) "экзотический" фольклор, можно предположить, что и дальше будет происходить сближение различных направлений, стилей, жанров музыкального искусства, их взаимообогащение и некий синтез.

В. Г. КИНЕЛЕВ.

Министр общего и профессионального образования Российской Федерации

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ИСТОРИИ НАРОДА

Приближение нового тысячелетия осознается нами не просто как межевая дата мирового календаря. Оно побуждает к осмыслению прошлого, новому пониманию смысла жизни, к определению контуров грядущего, объединению наших усилий, направленных на создание лучшего будущего.

Судьба подарила нам счастье быть участниками этого неповторимого события и огромную ответственность за то, каким будет мир в XXI веке. Эти два чувства невольно заставляют оглянуться назад, чтобы заново прочесть великую книгу истории движения человека к знанию.

Уже первые шаги человека по дороге знаний поразили его неисчерпаемым богатством явлений материального и духовного мира. Понадобилось не одно столетие для того, чтобы отягощенный грузом накопленных фактов человек впервые задумался о необходимости их отбора и последующей систематизации, заложив тем самым основы знаний и образования.

Накопление знаний, формирование и становление духовной и интеллектуальной жизни заметно меняют нравы и порядки. Вопросы образования начинают привлекать не только философов и литераторов, но и политиков. Образование приобретает массовый характер. Возникают школы, академии... Достоин восхищения разум древних. Они понимали огромную значимость высокого уровня воспитания и образования граждан для судеб государства. Время показало, что Аристотель был прав, когда утверждал, что "лучшее воспитание обеспечивает и лучший вид строя".

Свой вклад, бесспорно, внесла и последующая эпоха — эпоха Возрождения, когда возникли прообразы первых европейских университетов, зародились научные академии и центры мировой культуры.

Книга — первый и, может быть, самый великий этап в становлении эпохи Просвещения. Изобретение книгопечатания поднимает общеобразовательные институты на недостижимую до этого высоту. Реформатор Лютер, чешский педагог Я. Коменский, Локк, Монтескье, Декарт, Паскаль, Вольтер, Дидро, Руссо, Гельвеций... Благородное стремление сделать мир лучше, уничтожить духовное рабство, воинствующее невежество давало силы этим великим просветителям в их титаническом труде.

Как необходимо нам, сегодняшним, размышляющим о судьбе своей страны, мучительно ищущим выход из житейского и духовного кризиса, вновь наполниться верой в непреходящую правоту их убеждений.

Россия вступила на путь знаний позже многих народов.

Так уж распорядились время и история, что когда на Руси только начал широко распространяться алфавит на основе кириллицы, в Европе уже существовали университеты; в Сорбонне решались сложнейшие математические задачи, а наши соотечественники едва постигали арифметику. Трудно представить, что еще 250 лет назад в российском государстве нечасто можно было встретить человека, который толково ответил бы на вопрос, что такое физика, химия. И тем впечатлительнее наши сегодняшние достижения, основа которых — талант и любознательность русского народа, понимание своей особой роли в истории народов и государств.

Прошло время, и сегодня Россия — одна из ведущих мировых образовательных и научных держав. Она стала родиной многих выдающихся людей, давших миру и совершеннейшие образцы человеческой мысли, и ярчайшие откровения человеческого духа. О них должны знать будущие поколения, чтобы не растерять, а приумножить то бесценное духовное богатство, которое по крупицам, на протяжении многих веков собиралось нашим народом и которое составляло, составляет и будет составлять основу того, что выделяло, выделяет и будет выделять Россию среди других государств и народов. "Мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, героизм Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя, Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, ... умирающих за Россию, были для тебя святыми. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая и свободная личность и как духовная сила", — писал в начале XX века П. Струве.

Опыт прошедших веков неоспоримо убеждает в том, что не имеет будущего тот народ, который не противопоставляет невежеству духовность, забывает свои исторические корни, отвергает культуру других народов.

Близится рубеж тысячелетий... Еще мгновение — и уйдет XX век, явивший миру черты новой цивилизации, доселе неведомой. Человек вышел в космос, опустился в глубины морские, создал сложнейшие машины, покорил термоядерную энергию и сам стал ее заложником, научился использовать в невиданных масштабах богатства природы, но гораздо менее преуспел в залечивании нанесенных ей ран.

Рост потребностей современного человека породил гигантскую индустрию быта. Ресурсы уничтожаются с чудовищной скоростью. Энергетика стала обязательной спутницей любой развитой страны. Она же послужила причиной огромного числа катастроф.

Все это свидетельствует о неудовлетворительном состоянии общественной морали, образовательной философии и индустриально-технологической практики. Общество фактически смирилось с существованием "одномерного человека", профессионального обучения, узкого миропонимания. Дифференциация и специализация, вроде бы диктуемые логикой научного прогресса, в действительности подвигают мир еще ближе к катастрофе. Отдельные представители культуры или экологического движения бессильны справиться с инстинктами толпы, цепляющейся за удобный и приятный образ жизни.

В связи с этим становится очевидным, что вся система знаний о мире, человеке и обществе должна быть кардинальным образом пересмотрена. Придется вернуться, хотя и на более высоком витке развития, к целостному знанию, философии, к единому мироустройству. Иными словами, к фундаментализации образования на основе органического единства его естественнонаучной и гуманитарной составляющих. Человек должен научно, зримо, материально увидеть свою взаимозависимость с окружающим его миром. Культура народов, экология, информатика, страноведение, религиоведение, математика, физика, биология и другие предметы должны составлять программу знаний.

Человек, уровень его культуры и образования должны стать исходным пунктом и конечным результатом новой парадигмы развития общества. В связи с этим закономерна постановка вопроса об обновлении содержания образования, прежде всего — гуманитарного.

Содержание образования должно быть предельно насыщено основополагающими ценностями, знаниями и смыслами. Чтобы быть, знать, понимать и действовать, вступающая в жизнь человеческая личность призвана овладеть универсальными константами жизненного мира, обратиться к устоявшейся культурной и исторической традиции. Сегодня, как никогда ранее, реальный смысл приобретают мудрые, пророческие слова Ф. Бэкона: «Знание — это сила».

Назовем такой подход фундаментальным образованием. Здесь важны основательность, строгость, даже педантизм в отборе и систематизации изучаемого материала в противовес облегченному, калейдоскопическому, конъюнктурному. Константа образования, его фундаментальное культурно-научное ядро призваны помочь представителям новых поколений не только приспособиться к меняющемуся миру, но и самобытно участвовать в позитивных изменениях. Это требует таких знаний и такой технологии обучения, которые должны приобрести — и реально приобретают — новаторский и творческий характер.

Социально-экономическое переустройство, проводимое в нашей стране в последние годы, создало принципиально новую ситуацию в сфере высшего образования. Возникла острая необходимость в создании устойчивой беступиковой системы непрерывного образования при многообразии типов образовательных учреждений, реализуемых в них программ и форм обучения. Необходима дальнейшая децентрализация и демократизация управления на основе самостоятельности вузов в выборе и реализации образовательных программ, проведении научных исследований, решении всего комплекса вопросов организации учебно-воспитательного процесса, предоставленной высшим учебным заведениям в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании».

Важной составной частью реформы высшей школы стала реализация разработанной программы реформирования и развития гуманитарного образования, что подкреплено правительственным постановлением «О развитии гуманитарного образования в Российской Федерации». Вся разрабатываемая нормативно-методическая база, реализуемые в вузах технологии ориентированы на активные методы овладения знаниями, развитие творческих способностей студентов, переход от поточного к индивидуальному обучению с учетом потребностей и возможностей личности.

Мы понимаем, что успешное проведение структурно-содержательной реформы высшего образования во многом зависит от наличия надежного, эффективно работающего информационно-методического базиса высшей школы, его издательского и информационно-библиотечного обеспечения.

Хорошим стимулом для учебно-методического обеспечения высшего образования является учреждение премий Президента и Правительства Российской Федерации за научные исследования и инновационные разработки в области образования. 3 февраля 1997 г. утверждено «Положение о конкурсе работ, представленных на соискание премии Президента Российской Федерации и премий Правительства Российской Федерации в области образования». На премию Президента РФ в области образования выдвигаются работы, открывающие новые направления в области педагогической науки, инновационных разработок и технологий обучения. На премии Правительства Российской Федерации в области образования — научно-практические разработки, оказывающие эффективное влияние на процесс обучения и воспитания, учебники и учебно-методические комплексы. На премии Президента Российской Федерации и премии Правительства Российской Федерации в области образования выдвигаются выдающиеся педагоги, достигшие высоких результатов в обучении и воспитании. Моральная, материальная и организационная поддержка инновационной активности педагогов должна быть для нас приоритетной задачей.

Отмечу исключительное значение для деятельности как учащейся молодежи, так и педагогов новых информационных технологий. Принятая нами стратегия их масштабного продвижения в образовательную сферу, с одной стороны, встречает заинтересованное отношение и энергичный отклик у самой учащейся молодежи, а с другой — наталкивается как на нехватку ресурсов, так и на консерватизм педагогического персонала. В среде деятелей образования порой недооценивается, что информатизация породила еще одну рукотворную природу — инфосферу. Среди ее творцов уже царит иной способ мышления, новая этика и преобразованная культура. Здесь обретает новые возможности не только информационно-техническая, но и разумно-гуманистическая сила, которую Юрген Хабермас пронизательно называл “производительной силой коммуникации”.

Становление инфосферы впервые сталкивает нас с феноменом надбиологических и, пожалуй, сверхпсихологических изменений в личности человека. Компьютер, информационная техника и технология выступают не просто как умножители интеллекта — они открывают новые измерения сознания. А живая коммуникация, неотделимая от информатизации, связывает эти измерения в единое целое, образуя упорядоченную систему новой культуры.

Становление информационного общества повлечет за собой радикальные изменения в сфере производства и деловой активности людей, а также и во всей социальной сфере. Нам предстоит решать проблему адаптации к условиям жизни в этом обществе, где решающую роль будут играть не вещество и энергия, а информация и научные знания — факторы, которые станут определять как общий стратегический потенциал общества, так и перспективу его дальнейшего развития.

Б. В. РАУШЕНБАХ,

академик Российской академии наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Левинской премии

РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ

Еще в Древней Греции была общеизвестна мудрость: “Ничего через меру”, которой, впрочем, не так легко следовать. В повседневной жизни постоянно сталкиваешься с затруднениями подобного рода: трудно удержаться от излишнего количества вкусного угощения, некоторым — от излишнего количества вина и т. п. В справедливости этого утверждения убеждаешься постоянно, встречая тучных людей или пьяниц. Каждый может сам увеличивать число таких примеров, не ограничиваясь одной лишь гастрономической областью человеческой жизни.

Пока речь идет о жизни и судьбе отдельного человека, соблюдение разумной достаточности во всем является частным делом этого человека. В конце концов, отклоняясь от разумного поведения, он вредит лишь себе самому. Дело, однако, приобретает совсем иной характер, если древнее “Ничего через меру” не соблюдается в общественной жизни, если в обществе появляются люди, некоторый общественный слой, который не желает следовать старинной мудрости. К сожалению, именно эта ситуация возникла в сегодняшней России.

Проведенные пару лет назад реформа хозяйственной жизни страны и приватизация были осуществлены поразительно некомпетентно (или преступно?), и в результате в стране возникла неожиданно для всех, а возможно и для реформаторов, прослойка крупных собственников. Эта прослойка представляет сегодня очень большую опасность для России. Новые богачи в условиях катастрофически неразумного управления страной (взять хотя бы отмену государственной монополии на спиртное!) стремятся “хапнуть” как можно больше, забывая о разумной достаточности, необходимой во всем.

Средства вкладываются ими не в промышленность, а лишь в такие программы, которые гарантируют немедленную отдачу, причем не общепринятую во всем цивилизованном мире прибыль, а сверхприбыль; полученные таким образом средства переправляются в другие страны и не приносят России ничего, кроме вреда. Финансовый гений Запада, американский миллиардер Сорос, хорошо знающий нашу страну, помогающий ей, часто бывающий как в Москве, так и в других городах, не находит вежливых слов для того, чтобы охарактеризовать современные рос-

сийские порядки. Он говорит, что патологическая погоня за сверхприбылями привела к тому, что у нас возникла не цивилизованная рыночная экономика, а грабительский капитализм. Деньги идут не нормальным бизнесменам, а "грабителям". В итоге возникла недопустимая разница между богатыми и бедными. Он считает, что это приведет к гибели страны или возникновению диктатуры, и начинает сомневаться, стоит ли продолжать свою помощь России.

Н. Н. МОИСЕЕВ,

академик Российской академии наук, лауреат
Государственной премии СССР

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В БУДУЩЕМ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ

Прошло пять лет после беловежской катастрофы, и сейчас, более чем когда-либо, необходимо понять, куда она нас сбросила, понять положение нашей страны и нашей нации, оценить перспективы и организовать ее энергию. Сейчас, в преддверии "Рио 92 + 5", во всем мире идет интенсивная работа над "Хартией Земли", и очень важно включить наш собственный анализ в русло общественной мысли, дать наше, российское, представление о происходящем в рамках возможных тенденций будущего.

Если в начале своей общественной жизни можно было говорить о коллективном разуме рода, может быть, племени, то теперь уместно говорить о возникновении Планетарного Интеллекта. Знания становятся планетарным, коллективным достоянием. И в отличие от частной собственности, знания — собственность общественная, которая лишь умножается, когда люди ее используют. Знаменитая фраза Бернарда Шоу: "Если я тебе даю яблоко, то у нас остается одно яблоко, а если я тебе сообщаю идею, то у нас остается две идеи" — яркая иллюстрация этого тезиса.

Развитие коллективного интеллекта представляет собой естественный процесс, так же как и развитие науки, техники, технологии. Это тесно связанные между собой процессы самоорганизации человечества. Благодаря им происходит развитие общества, обретение им новых возможностей. Но они же могут служить и источником кризисов, что уже не раз происходило в истории становления рода человеческого. В то же время они содержат и внутренние возможности преодоления этих кризисов, изменяя качественно сам характер развития человечества.

Об одной из таких перестроек уже было сказано, когда возникли зачатки нравственности (табу "не убий!") и человечество сменило канал своего развития — перешло от эволюции биологической к общественному развитию. Еще одна из таких перестроек произошла почти на памяти человека и носит название неолитической революции. Тогда человек овладел земледелием и скотоводством и положил начало современным цивилизациям общества потребления.

Всякий раз преодоление кризиса и выработка нового образца существования и новой структуры ценностей носили стихийный характер: действовали механизмы группового естественного отбора и люди платили за преодоление кризиса огромную цену. Так, есть все основания думать, что в эпоху неолитической революции население планеты сократилось раз в 8—10!

Сейчас человечество находится у порога кризиса, по своим масштабам и последствиям никак не уступающего катаклизмам, через которые оно уже прошло. Но теперь, в век атомного оружия, человечество не может допустить стихийного характера преодоления кризиса, ибо финал его предсказуем: произойдет перестройка всей биосферы и в ее новом состоянии для человека уже не будет места!

Человечество стоит на пороге информационного общества, в котором Коллективный Интеллект будет играть в едином организме биосферы и общества такую же роль, какую играет интеллект человека в его судьбе. И тогда в информационном обществе могут возникнуть условия новой перестройки его социальной природы и структуры общечеловеческих ценностей, при которых станет возможной реализация принципов коэволюции человека и биосферы.

Есть основания думать, что такой поворот событий возможен. В самом деле, мы видим, что сейчас идет стремительное развитие Коллективного Интеллекта. И уже многое понятно, многие звания сделались общественным достоянием, и поэтому вопрос о возможности реализации второ-

го сценария, т. е. необходимой перестройки цивилизационных основ общепланетарного общества, сводится в конечном итоге к вопросу формирования информационного общества, нарастания могущества Коллективного Интеллекта либо к процессу нарастания общепланетарного экологического кризиса.

Каково положение России в этом потоке событий? Какова должна быть ее стратегия, т. е. на что должны быть направлены усилия народа и государства, чтобы обеспечить будущим поколениям более или менее благоприятные условия существования, отвечающие нашей культуре и традициям? Наша целенаправленная активность способна не только повлиять на собственную судьбу, но и внести определенные изменения в характер эволюции всего планетарного сообщества.

Условимся сначала, что на планете будет продолжать укрепляться система ТНК (единого планетарного экономического организма), которая во все большей степени станет контролировать международный рынок, а диктатура стран “золотого миллиарда” — совершенствоваться, опираясь на военное могущество США. Тогда просматривается два, тоже крайних, варианта развития ситуации в России.

Первый путь — сохраняются тенденции, которые начали формироваться еще в период перестройки и стали совершенно очевидны после беловежской трагедии. Государственная власть будет продолжать непрерывно слабеть, все отчетливее станет проявляться отсутствие руководящей идеи и представление о той социальной организации российского общества, которую правящие силы (т. е. компрадорский капитал и мафиознообразные структуры) хотят видеть в нашей стране.

Постепенно формируется режим, который уже получил хлесткое название “семибанкирищина”. По существу это компрадорская, со значительным элементом мафиозности структура, которая властвует, но не правит. Она не заинтересована в развитии промышленности, в сохранении ее потенциала как производственного, так и научного. Ее интересы вполне соответствуют основной задаче “Мира ТНК” — обеспечить эффективное действие “дьявольского насоса” и гегемонию “золотого миллиарда”. Внешние инвестиции будут ничтожными, в размерах, лишь необходимых для поддержания режима.

Все правительственные “микрорешения”, вроде попыток финансовой стабилизации или введения чрезвычайной комиссии по сбору налогов, лишь замедлят дальнейшую деградацию, депопуляцию, снижение уровня образованности нации, но не изменят общих тенденций превращения нашей страны в эксплуатируемую окраину “цивилизованного мира”.

Второй крайний сценарий — попытка вписаться в “Мир ТНК”, сделаться его активным членом.

Такой поворот российской истории не только более благоприятен для нации, но и возможен. Однако он требует правительства эгергичного, способного править, которое сможет оценить потенциальные возможности страны, направить усилия нации в определенные каналы и создать собственные ТНК. Примеров такого поведения государства более чем достаточно. Японские корпорации, их могущество — порождение японского государства. Весьма назидательна история корпорации “Самсунг” в Южной Корее и т. д.

Для этого государство должно определить приоритетные направления развития, согласованные не только с конкурентоспособностью в данный момент, но и с тенденциями развития “Мира ТНК”. Пример такой деятельности — концентрация усилий корпораций Японии и США по созданию электронной техники пятого поколения.

Только в этом случае может возникнуть положительная обратная связь с “Миром ТНК” и мы окажемся его достойными членами. И если не войдем в состав стран “золотого миллиарда”, то хотя бы сможем быть с ними в партнерских отношениях.

Некоторые направления такой деятельности более или менее очевидны. Прежде всего следует использовать наше географическое положение (лучше даже сказать — геополитическое). В современном мире складываются два центра экономической власти — Западная Европа и Тихоокеанский регион, наиболее короткая связь между которыми проходит через Россию. В том числе и морская (Северный морской путь). Подобно тому, как путь “из варяг в греки”, объединение Новгорода и Киева помогли созданию могущественного средневекового государства, так и сегодня организация соответствующей инфраструктуры может оказаться решающим толчком на пути в “Мир ТНК”. Эта инфраструктура органически необходима “Миру ТНК” и поэтому не вызовет негативных реакций у стран “золотого миллиарда”. Нам же необходимы оба берега евразийского моста.

Путь “из англичан в китайцы” — это не только мост, это ключ к нашим собственным богатствам и, в частности, к богатствам шельфа Ледовитого океана, примыкающего к Сибири.

Далее — необходимо опереться на интеллигенцию, особенно техническую, которая в своем большинстве находится не у дел, привлечь ее к активной деятельности не грошовыми подачками,

а предложением дела. Таким делом может быть дальнейшее развитие тех точек роста, тех очагов своеобразной модернизации, которые были созданы в Советском Союзе и которые способны создавать конкурентоспособную продукцию. Одним словом, нужен план, назовем его условно ГОЭЛРО-2. Это план превращения того окровавленного обрубка, который сегодня зовется Россией, в нормальное государство; это план обустройства Севера Евразии — нашей естественной экологической ниши.

Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ,
академик Российской академии наук

ВРЕМЕНА И ЭПОХИ НЕ ВЫБИРАЮТ

Процесс преобразования оказался настолько сложным и имеющим столько компонентов, что совершенно невозможно, например, приклеить какому-то человеку, а тем более — социальному слою, ярлык сторонника или противника реформ. Ведь человек может, скажем, поддерживать введение частной собственности, но быть противником конкретных форм приватизации. Он может быть идейным сторонником либерализации экономики, но не принимать тех методов, которыми пользовалась “команда” Гайдара.

Одни считают, что реформы идут слишком быстро, другие — что слишком медленно, третьи — что необходимо усилить социальную защиту. Тысячи подобных позиций, проявившихся затем в реальной жизни, вносили свои коррективы в те упрощенные представления, которые господствовали во второй половине 80-х годов.

Кстати, уже тогда я говорила, что деление общества по критерию отношения к переменам будет происходить не по социальным группам, а внутри каждой из них, что и произошло. Просто каждая из этих групп будет в разной пропорции делиться на поддерживающих перемены и их противников. А само разделение будет определяться, если так можно выразиться, ресурсом адаптации к новым, в общем-то более суровым условиям. Ведь рынок — жесток.

В сущности, за последние годы произошла подлинная перестройка социально-профессиональной структуры общества, явно направленная в рыночную сторону. Наиболее перспективны два типа социальных групп. Первый объединяет прямых носителей рыночного начала: крупных, средних и мелких предпринимателей, работников торговли и сервиса. Ко второму относятся группы, обладающие дефицитными на современном рынке труда профессиональными качествами (это высшая интеллигенция, рабочая элита, работники силовых структур). Их труд пользуется высоким спросом и хорошо оплачивается, что облегчает адаптацию к новым условиям и способствует притоку активных представителей смежных групп в эту сферу деятельности.

С моей точки зрения, результаты трансформации можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, либерализовался и демократизировался сам процесс формирования социальной структуры. Во-вторых, она стала более подвижной и дифференцированной, типы социальных статусов — более многообразными. В-третьих, во много раз выросла открытость элиты и субэлитарных групп. Вот вам характерный пример: госдачи номенклатуры прятались за высокими заборами, а коттеджи “новых русских” красуются на виду у всех.

Но здоровая тенденция социальной дифференциации сопровождается, к сожалению, углублением статусного разрыва между элитой и основной частью общества. Благосостояние большинства групп населения резко снизилось, а система социальной защиты фактически пребывает в коллапсе. В результате вместо ожидавшегося социального партнерства демократической власти с народом произошло дальнейшее усиление антагонизма “верхов” и “низов”.

В-четвертых, возник новый элемент социальной структуры — слой предпринимателей-собственников и менеджеров: бизнес-слой. Обладая значительной социальной энергией и существенным экономическим статусом, этот слой потенциально способен содействовать эффективному развитию реформ. В то же время нынешние условия его функционирования нельзя назвать благоприятными.

Еще одна любопытная тенденция: усиливается прямая зависимость нашего социального статуса от социокультурных факторов — качества образования, уровня квалификации, професси-

онального опыта, что связано с процессами приватизации в экономике и становлением свободного рынка труда (конкуренция!). Например, опросы последнего времени фиксируют у молодежи интерес к повышению образования и квалификации, к сложной, но хорошо оплачиваемой работе.

Ситуация противоречива. Общее направление трансформации социальной структуры носит, на мой взгляд, прогрессивный характер. Но позитивные сдвиги пробивают дорогу через тернии негативных. Социальная цена реформ оказалась крайне высокой. И теперь задача состоит в том, чтобы максимально использовать достигнутые положительные результаты и нейтрализовать отрицательные. Причем главное — решить проблему адаптации различных групп населения к новой социальной реальности.

А. М. ПАНЧЕНКО,

академик Российской академии наук

РУССКИЙ ГОРОД И РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: РЕЛИГИОЗНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Россия, на протяжении жизни одного поколения(!) ставшая из страны сельской страной городской, пережила это как тяжелейшую катастрофу, в сравнении с которой обе смуты XX века кажутся мелкими. “Народная вера” была попорана, что породило неустойчивость и болезненность национальной психологии. “Народная вера” не умозрительна, она предметна. Повседневный мир не постоянно, как предлагает и предписывает православие, а прерывисто контактирует с миром священным. Этот контакт осуществляется через места — перекресток дорог, священные колодцы, камни, деревья, также и храмы (обычай ставить церкви на высоких холмах), и через времена, “праздники”.

Чтобы приоткрылась дверь в сакральное (она всегда отворяется “с той стороны”), надлежит соблюдать “заветы”, или “обеты”. Крестьянин приносит в часовню, к лесному поклонному кресту и т. п. “обетные” свечу, монету, полотенце, часть одежды — и там оставляет. Это не жертва, а знак присутствия: он здесь был, просто приходил поклониться либо у него что-то случилось. Временные “обеты” (это может быть праздник, учрежденный деревней, реже — несколькими деревнями в память об избавлении от какой-нибудь нахожей повальной болезни) предусматривают непременною праздность — не поголовное пьянство, как теперь ведется, а отдохновение души и благочестивое созерцание. Еще в XVI веке митрополит Даниил наставлял: “И аще хочещи прохладитися, изыди на преддверие храмины твоея, и виждь небо, солнце, луну, звезды, облака, (...) и в сих прохладжайся”. “Прохлад” — это синоним “досуга”, притом синоним удачный: Господь заповедал Адаму и всем нам, его потомкам, трудиться в поте лица своего, но предусмотрел и праздники. Природа — видимый мир, созданный Богом. Через природу мы его познаем. Существовали запреты на работу в праздники (ср. поговорку “Мужик-проказник работает и в праздник”). Каждому ясно, каким надругательством над “народной верой” были хотя бы советские “воскресники”.

Сельский житель был частью биоценоза, он “произрастал” из матери сырой земли (это словосочетание — не метафора, а реальное переживание, в чем легко убедиться по текстам православной покаянной дисциплины). Сетования на “нерешенность земельного вопроса”, которые начались сразу после 19 февраля 1861 года и продолжаются до сих пор, не учитывают многовековой религиозной инерции. Л. Н. Толстой, который учился в университете и вообще был гений, не принял “хуторов и отрубов”. “Несправедливость состоит в том, что как не может существовать право одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли или не будет это установлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не должна, не может быть собственностью отдельных людей точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждавшие рабство, все знали, что этого не должно быть” (из письма П. А. Столыпину от 26 июля 1907 г.).

Голос Толстого — поистине “глас народа”, которому жуткими и кощунственными должны были представляться лозунги тургеневского Вазарова и псевдотворца Мичурина: “Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник”; “Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача”. Но социальная практика и религиозность обычно конфликтуют. Воплотить в реальность идеи Толстого были способны разве что дети, испокон веку лазавшие за заборами в чужие сады. Впрочем, религиозная инерция, повторяю, чрезвычайно сильна. Ее учет необходим при рассуждениях о “великом переломе” (“И все вокруг колхозное, и все вокруг мое” — чем не Толстой?), о сельской общине и “мирском” сознании.

Отношения русского города и русской деревни в петербургский период складывались поровну. Была и относительная близость — в XVIII веке, была и конфликтность, обозначившаяся при Николае I. Ее нельзя списывать на “политику” либо “эксплуатацию”. Главный фактор — распространение европейской техники. Некрасовская “Железная дорога” — если не диагноз болезни, то ее симптом. “А по бокам-то все косточки русские...” Покопайте! — не устаю призывать. — Нет там скопления костей! (как думала княгиня Е. Р. Дашкова и сейчас думает А. И. Солженицын). Покопайте!.. Но так думал народ, уверенный в обязательности “строительной жертвы”. Кстати, при большевиках эта уверенность воплотилась: Беломорско-Балтийский канал, дорога Котлас—Воркута и другие “великие стройки коммунизма” — те действительно на костях, без всяких кавычек. Некрасов выразил крестьянский ужас перед вражеским вторжением техники. Это можно сравнить с погубительным действием алкоголя, завезенного “цивилизованными” колонистами индейцам, эскимосам, чукчам. У этих народов, как и у других, была в обычае бытовая наркомания. Они что-то приготавливали из поганых грибов (потребление тоже регулировалось религиозными предписаниями), но никто не становился наркоманом.

Другое следствие конфликта — “изъятие” крестьянина из привычного ландшафта (он слагался из одного—двух десятков деревень). Культура крестьянина универсальна, культура горожанина должна быть профессиональной. Именно их несовместимость породила, с одной стороны, кризис деревни, а с другой — уничтожение Аральского моря и строительство БАМа, по которому никто не ездит и ничего не возит. Что до наших перспектив — о них разговор особый.

Н. В. КАРЛОВ,

председатель Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, ректор Московского физико-технического института, член-корреспондент Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор физико-математических наук, профессор

НАЦИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Мне представляется, что люди, рассуждающие о смысле понятия “российская интеллигенция” или, что еще круче, причисляющие себя к таковой и рискующие говорить о том публично, должны прежде всего сделать упор на российскую составляющую этой идеограммы.

Вне российской государственности нет, да и не может быть по самой сути своей, российской интеллигенции. Вообще говорить об интеллигенции можно только в сопоставлении с той или иной государственностью, с той или иной властью. Чем крепче, чем авторитарнее власть, тем определеннее, тем яснее выражены интеллигенция и ее место в обществе, соответствующей властью охваченном. Строго говоря, интеллигенция существует тогда и в той мере, когда и в какой мере существует власть. Но это я оставляю в стороне.

Вернемся к составляющей понятия “российская интеллигенция”. Российской она стала сравнительно недавно. Условно скажем, не более ста лет назад. До этого она была русской. И как общество людей интеллектуального труда, несмотря на все разнообразие, иногда даже противоречия во взглядах по различным конкретным вопросам бытия, всегда характеризовалась высоким уровнем патриотизма.

Митрополит Иларион, Нестор и Никон — летописцы, Антоний и Феодосий Печерские, безвестный автор “Слова о погибели Русской Земли” и многие другие переписчики и составители летописных сводов — первые профессиональные гуманитарии русской культурной традиции — строили идею русской национальной государственности вплоть до торжества оной в XV веке. Иван III Васильевич — Иван Великий созданием “Судебника” 1497 года завершил конституирование основ администрации Русского национального государства. Перед этим прозвучал призыв старца Филофея “Москва — Третий Рим”.

XVI век, несмотря на все ужасы и преступления опричного периода Ивана Грозного и гогуновско-шуйского междоусобия, укреплял Русь, хотя только отцы Стоглавого собора могут рассматриваться как интеллигенты, пытавшиеся гармонизировать властно-конфессиональные проблемы тогдашнего общества. Иван не внял Собору. Отсюда проистекают корни Смуты начала XVII века.

Выход был найден в сочетании методов государственного строительства Романовыми с методами просветительско-образовательными. Окольничий Федор Ртищев, его ученое братство Андреевского и Донского монастырей, братья Лихуды и Симеон Полоцкий, т. е. Славяно-греко-латинская академия, наряду с приглашением западных врачей и военных специалистов, заложили основы создания русской служилой интеллигенции.

А дальше начинается уже Петровское время, тема русского патриотизма в котором звучит мощно и определяюще уверенно.

Вся послепетровская история построения современной России свидетельствует о том, что дела российские шли хорошо тогда, и только тогда, когда люди профессионального интеллектуального труда (воины, инженеры, врачи, священнослужители, учителя, администраторы) были воодушевлены так или иначе понимаемой ими идеей русского патриотизма. Как только интеллигенция становилась апатриотичной, страна приходила к кризису, ступала на край гибели.

Долг интеллигенции — быть созидателем, носителем и распространителем идей российско-го патриотизма во всем богатстве этого понятия.

Необходимым условием этого является правильное преподавание отечественной истории. Выскажу еретическую мысль: преподавать историю, на мой взгляд, необходимо в обратном порядке, идя от времен нынешних к временам прошедшим, поясняя в наглядном виде, из чего что проистекало.

Р. Г. ЯНОВСКИЙ,

член-корреспондент Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения философии, социологии, психологии и права Российской академии наук

РУКОВОДИТЕЛЬ КАК НОСИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ

Спрос на талантливых руководителей не подвержен спаду, он сохраняется не только в период экономического подъема, но и во время социально-экономических кризисов, его значимость столь же велика и в условиях обеспечения ежедневного функционирования как государственных организаций, так и коммерческих структур.

Высоки рыночные требования к экономичности и качеству продукции, экологичности технологии производства. Однако в еще большей степени они предъявляются к руководителям, возглавляющим предприятия, фирмы, объединения. Осуществляя общие функции руководства социально-производственным организмом, оказывая непосредственное воздействие на деятельность как всей организации, так и на уровень эффективности работы персонала, руководители, обеспечивая конкурентоспособность выпускаемой продукции, предлагаемых услуг, активно влияют на морально-психологический климат, работоспособность и сплоченность трудовых коллективов.

В современной практике хозяйствования Российской Федерации складываются две кадровые тенденции. Первая — увеличивается число мелких и средних фирм, компаний, повышая

численность руководителей среднего и мелкого бизнеса. Вторая — становится жизненно необходимой проблема грамотного использования кадрового потенциала персонала, профессиональных возможностей каждого работника, его индивидуальной компетенции. По существу, умение руководителя создать условия работы с учетом склонностей и задатков работника является одновременно стартовым и основным капиталом мелкого и среднего бизнеса. При этом как в первом, так и во втором случае значительно возрастает необходимость систематического проведения социологических и социально-психологических исследований деятельности руководителя в рыночных условиях хозяйствования.

В развитых странах целенаправленное формирование социально-психологических отношений на всех уровнях управления позволяет без капитальных вложений, инвестиций повышать эффективность производства за счет содействия качественному решению следующих задач: оптимальность подбора, расстановки, использования потенциала кадров, поддержание стабильности состава персонала; развитие профессиональных и личностных качеств; совершенствование стиля руководства; сведение конфликтных ситуаций до минимума. Регулируемые социально-психологические отношения оказывают воздействие не только на конечные экономические результаты, но и на повседневное эффективное функционирование организации. Практикой доказано, что без положительных социально-психологических отношений невозможна интегративная деятельность администрации и коллектива, то есть их отрицательное проявление не позволяет достичь должного взаимопонимания между работниками и руководителями.

В доперестроечное время имелось немало монографий, но в основном по отдельному изучению социолого-психологических аспектов поведения руководителя и жизнедеятельности коллектива. Проводимые исследования, как правило, затрагивали отдельные проблемы, связанные с выбором адекватного стиля и методов руководства, формированием здорового социально-психологического климата, преодолением конфликтов, культурой должностных взаимоотношений, деловым этикетом.

Однако в рыночных условиях хозяйствования важность изучения социально-психологических проблем эффективного руководителя приобретает чрезвычайную актуальность не только в научном, но и прикладном аспекте. Непрекращающаяся инфляция, падение объемов производства, рост безработицы, усиление социальной напряженности превращают проблему руководителя в одну из самых актуальных для преодоления социально-экономического кризиса в стране.

Имя честного и компетентного руководителя, его опыт и знания, деловая интуиция способны объединить устремления и усилия не только отдельных работников, но и коллективы предприятий, регионов для организации производства, оказания услуг, что способствует сокращению безработицы, установлению гражданского мира и согласия в обществе за счет умелой, эффективной руководящей деятельности.

В разработке социолого-психологического среза проблемы руководителя можно выделить следующие аспекты: экономический, юридический, философский, социологический, управленческий. В экономическом аспекте исследуются главным образом вопросы эффективности воздействия социально-психологического механизма руководства на жизнедеятельность трудового коллектива. В юридическом аспекте изучается прежде всего комплекс вопросов, связанных с оптимальным сочетанием действий руководителя как единоначальника и неформального лидера при организации производства, поддержании трудовой и исполнительской дисциплины. В философском аспекте разрабатываются методологические вопросы понятийного аппарата, критериев и принципов сохранения оценки деятельности руководителя. В социологическом аспекте рассматриваются в основном вопросы статуса, престижности труда, механизма профессионально-должностного роста, кадрового резерва. В управленческом аспекте изучаются прежде всего проблемы стиля и методов руководства, личной организованности, оптимальной численности аппарата и взаимодействия с ним, делового общения.

В современной экономической, социологической, социально-психологической и управленческой литературе вопросы оценки кадров, определения потенциала эффективного руководителя представлены весьма широко. Много внимания в ней уделяется рассмотрению сложившихся национальных систем работы с кадрами, организации деятельности руководителя, технологии найма, расстановки, продвижения, оценки и аттестации, материального вознаграждения и стимулирования их труда.

Развернуто и концентрированно методология национальных критериев определения потенциала руководителя представлена в концепциях центров оценки кадров развитых стран. Существует три центра: европейский, американский и японский, которые базируются на опреде-

ленной идеологии управления, принципах и критериях, являющихся основой разработки концепций, моделей и методик формирования эффективного руководителя.

В Западной Европе в качестве образца нового типа руководителей выдвигается лидер. Можно сказать, что “быть лидером” — это новая профессия. Нас учили специальным, строго определенным, застывшим ремеслам, тогда как профессия лидера — это не столько знания и умения, сколько образ жизни.

Основополагающий принцип японского управления — всестороннее изучение, накопление, селекция, использование в интересах производства прежде всего коллективного интеллектуального потенциала. Коллективная мудрость лежит в основе японской системы управления производством.

В компаниях США при подборе или найме кандидатов на руководящие посты отдают предпочтение работникам, имеющим большой опыт практической работы. В японских и южнокорейских фирмах, наоборот, приоритет получают выпускники вузов. При назначении работника на более высокий пост в американских фирмах ориентируются в основном на соответствие профессиональных навыков и квалификации кандидата новому назначению. В японских и южнокорейских фирмах больше интересуются не образованием претендента на вакантную должность по диплому или профилем его профессиональной подготовки, а тем, насколько он освоил определенную сферу бизнеса, специфику какой хозяйственной сферы он знает наилучшим образом.

Большое место в американских концепциях отводится вопросам повышения эффективности труда руководителей, увеличения их вклада в конкурентоспособность фирм. Для этого вводится двойной, а в некоторых случаях и тройной метод “лестницы карьеры”. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы дополнить иерархическую административную лестницу научной или проектной. Создание параллельных “карьерных лестниц” в организационных структурах корпораций способствует разрушению бюрократической окостенелости систем управления.

Результаты современных исследований подтвердили, что структура (или система) качеств эффективного руководителя динамична в зависимости от стадий развития предприятия. Оказалось, что предприятию, находящемуся в кризисе, необходим руководитель с авторитарным стилем руководства. Если предприятие находится на подъеме или стабильном производственно-финансовом уровне, то предпочтение следует отдать руководителю с демократическим стилем руководства.

Современные специалисты в США считают, что эффективных руководителей характеризуют три основных качества: способность к здравым суждениям и успешному применению их в решении проблем; уровень эмоциональной зрелости (способность управлять своими чувствами и эмоциями); наличие сильной установки на лидерство и достижение успеха.

Р. Ш. ГАНЕЛИН,

член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института истории Российской академии наук

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО НАУЧНОГО И КУЛЬТУРНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

К началу 1930-х годов с несомненностью обозначился успех русской эмиграции в сохранении и развитии основ национальной культуры, причем не только в масштабах зарубежья. При всех трагических условиях, в которых находилась русская интеллигенция, оказавшаяся вне России, ее роль в сохранении и развитии культурной традиции по меньшей мере не уступала той, которую, несмотря на все препятствия, сыграли ее носители, оставшиеся на Родине. И на то были свои причины. Первая заключалась в том, что советское правительство высылало из страны наиболее талантливых и ярких в профессиональном отношении представителей науки и культуры, которые, пополняя ряды эмигрировавшей русской интеллигенции, занимали видное место в духовной и интеллектуальной жизни русского зарубежья и западных стран. Вторая причина — в партийном влиянии на науку и культуру на родине, в их “оказенивании”, не совместимом с интересами их нормального поступательного развития.

Связанное с государственным вмешательством в духовную жизнь, но, с другой стороны, исторически необходимое приобщение к культуре широких слоев населения также не способствовало углублению культурной традиции.

Численность российской эмиграции с трудом поддается точному установлению. Применительно к началу 1920-х годов немецкий автор Римша определял ее в 3 млн. человек, в то время как американский Красный Крест исходил из цифры в 2 млн. Но уже в 1930 году число продолжавших считаться эмигрантами составляло всего 0,5—0,8 млн.

Жизненные тяготы, бесспорно, способствовали тому, что число оказавшихся за границей бывших российских поданных уменьшалось естественным образом. При преобладании мужчин и обычных в таком случае материальных и психологических трудностях (жизнь в бараках, безработица, сопротивление ассимиляции, существование вне культур) заключалось мало браков, особенно между русскими, низкой была рождаемость. Высока была и смертность.

Но в большей мере на уменьшении статистической численности эмиграции отразилась утрата "русскости", ассимиляция, особенно во Франции. Здесь из русской эмигрантской среды вышли такие ученые, как Пригожин, слависты Водов и семья Береловичей, известные писатели (Волков, Труайя), политики (Береговуа, отец нынешнего премьер-министра) и др.

Что же касается поколения, родившегося в 1930-х годах, то оно, как справедливо считает современный американский исследователь М. Раев, полностью интегрировалось в странах пребывания. Этим, кстати, было обусловлено угасание к началу второй мировой войны русского просвещения, которое сразу же после исхода из России было развито в значительной мере благодаря деятельности и материальной поддержке Всероссийского союза земств и городов.

При всем том роль русских ученых разного возраста была очень велика в развитии русской культуры не только эмигрантской среды, но и таких ее "дочерних форм", как русистика и советология на Западе.

Школа русистики в науке США в большей мере обязана своим зарождением Вернадскому и Карповичу, нежели чикагскому профессору Харперу, который при поддержке бизнесмена Крайна, одного из собственников завода Вестингауз в Петербурге, женившегося на русской, еще в дореволюционное время начал "русские студии". Равным образом изучению советской экономики, позднее достигшему в Америке значительных успехов, положили начало Войтинский, Югов, Ясный, Прокопович и др.

Русские ученые и деятели культуры на Западе и Востоке сразу после эмиграции начали создавать там русскую научную и культурную среду. Упомянувшийся уже М. Раев считает, что инициатива в этом шла из Англии и принадлежала сэру Полю (Павлу) Виноградову, известному русскому исследователю средневековой английской истории, который жил в Англии и до революции. Виноградов, Милюков и английские доброжелатели организовали сбор средств для содействия русской академической жизни за рубежом. Это начало получило отклики в Париже и Берлине. На английские деньги и средства Американской ассоциации христианской молодежи создается Русская академическая группа, которая организовала Русский институт со многими курсами для молодых людей, частично из числа военнопленных, чтобы они могли возобновить прерванную войной учебу или начать ее.

Германский профессор русской истории О. Гетцш и министерство иностранных дел Германии оказали Русскому институту свою поддержку, как и Берлинский университет, и Высшая техническая школа. Был признан диплом института, его окончание давало возможность поступать в германские университеты.

При помощи Американской ассоциации христианской молодежи Бердяев и высланные вместе с ним из Советской России философы и ученые создали в Берлине Свободную духовную и философскую академию, которая вместе с Русской академической группой дала работу некоторым эмигрантам. Ф. Степун, С. Франк и другие ездили с лекциями по Германии.

Русская академическая группа в Берлине имела свои "Труды". Их издавал один из редакторов берлинской русской газеты "Руль" А. И. Каминка. Академические группы возникли в разных городах Европы, и в 1923 г. в Праге была созвана их конференция.

Прага стала академической столицей русского зарубежья. Этому способствовала и денежная помощь чехословацкого правительства, особенно в рамках так называемой Русской акции Т. Масарика 1922 года, имевшей целью подготовку специалистов для России в расчете на свержение большевизма. Помимо денег, выделявшихся из средств президента страны, Американская ассоциация христианской молодежи оказывала финансовую помощь и здесь, как и упоминавшийся уже Ч. Крайн, занимавший пост посла в Чехословакии. Две тысячи студентов обучались

на чехословацкие средства в Русском университете в Праге. Участники семинара академика Кондакова занимались исследованиями по истории Византии, русской древней и средневековой культуры. Вернадский одно время, до отъезда в США, был секретарем этого семинара. Прокопович возглавлял в Праге так называемый "Экономический кабинет". Здесь существовали и украинские университет и научный институт.

Столицей зарубежной России в области политики, литературы и искусства был Париж. Лишь Институт Пастера и Музей человека включили русских ученых в орбиту своей деятельности. В 1919 году был основан Институт славянских исследований, в котором ведущая роль принадлежала выдающемуся французскому слависту Мазону. Издательская деятельность эмиграции проводилась здесь также при помощи Американской ассоциации христианской молодежи.

В Харбине, где эмигранты соединились с большим числом русских служащих Китайско-восточной железной дороги, эта Ассоциация способствовала созданию трех русских высших учебных заведений — коммерческого, технологического и юридического.

Средства, находившиеся в распоряжении руководящих монархических эмигрантских сфер, по-видимому, в какой-то их части шли на нужды культуры. Однако они расходовались прежде всего на политические цели, вплоть до субсидирования в Германии милитаристских профашистских организаций.

Вместе с тем необходимо отметить, что проблемы истории русского зарубежья требуют дальнейшего изучения.

К. Ю. ЛАВРОВ.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России, Народный артист СССР, президент Международной Конфедерации театральные союзов, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, художественный руководитель АБДТ им. Г. А. Товстоногова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ И ЕДИНСТВО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В 1991 году, когда распался Советский Союз, возникла идея создания на месте старого Союза театральные деятели СССР новой организации — Конфедерации мастеров сцены. Эта конфедерация объединяла мастеров театра всех бывших республик. Наши связи — и творческие, и человеческие — оказались весьма стойкими, и мы продолжали нуждаться друг в друге, как и прежде. Все, что нас объединяло в прежние времена, оказалось весьма сильным фактором. Стоит вспомнить фестивали искусств наших республик, которые проводились в разных городах страны и никогда не были формальным мероприятием.

Мне предложили возглавить эту Конфедерацию. Я долго колебался, так как был уже избран художественным руководителем БДТ после смерти нашего учителя и лидера Г. А. Товстоногова. Кроме того, я прежде всего артист и никогда не собирался бросать дело своей жизни. Все-таки меня уговорили занять этот почетный пост, и вот уже в течение шести лет я пытаюсь вместе со своими товарищами из стран СНГ, из Москвы развивать наши контакты и творческие связи.

Новые закономерности нашей жизни ставят и новые условия перед нами. Мы в большей мере лишились надежной финансовой поддержки государства и правительства и вынуждены искать новые формы, чтобы сохранить наше главное достояние — репертуарный театр, который всегда вызывал зависть артистов стран дальнего зарубежья. Вместо финансовой опеки мы получили свободу от цензуры, от вмешательства государственных и партийных чиновников во внутреннюю жизнь театров. Да, свобода — великое дело, одно из главных завоеваний перестройки. Но мы вынуждены заново учиться, как использовать эту свободу. Наш менталитет приходится менять на ходу, а это очень непросто. Мы привыкли всегда что-то доказывать, за что-то бороться, искать эзопов язык для выражения хотя бы частицы правды жизни. Сегодня это самая жгучая, острая проблема, которую мы обсуждаем на всех наших конференциях и собраниях. Мы все-таки научились обеспечивать себе материальную основу для поездок, понимая, что только живое общение друг с другом и с театрами сделает наше существование оправданным.

Наш актив состоит из выдающихся деятелей театров, артистов, режиссеров и драматургов. Прекрасно принимали нас и в Ереване, и в Тбилиси, и в Минске, и в Алма-Ате, не говоря уже о Москве и Санкт-Петербурге. Мы смотрим лучшие спектакли, созданные театрами тех городов, где проходят наши конференции.

Разумеется, мы пытаемся бороться с той суетой, разбродом, которым охвачены многие театры страны, оказавшиеся без надежной материальной поддержки и без идеологической опеки партийных и государственных структур.

Наше государство, в основном через партийные организации, стремилось, естественно, получить за свои деньги, награды и поощрения то, что ему казалось основной задачей искусства — прославление и утверждение, но было наивно требовать от театров того же, что требовалось от газетных статей. Все это называлось громко — государственный заказ. Многих развращала видимая легкость этого требования, и, как результат, — большие премии и поощрения. Иногда дело доходило до абсурда. Самый высокий чин по культуре, например, требовал: «Поставьте спектакль о строительстве стадиона в Лужниках». Многие секретари обкомов партии прямо просили артистов показать их «образ» на сцене. Пьесы таких драматургов, как А. Володин или А. Вампилов, казались им мелкими, «серенькими», потому что в них действовали обычные, ничем не примечательные люди. А именно такие пьесы составляли творческую радость артистов и режиссеров. Было даже установлено некое негласное соглашение: «Ну ладно, поставьте Володина, зато потом две пьесы к знаменательным датам». Театры бывало трудно укротить, и недаром во времена ужесточения цензуры с большим успехом трудились и Г. Товстоногов, и А. Эфрос, и О. Ефремов, и Ю. Любимов. Все новое, рождаемое в муках и борьбе, не проходило мимо внимания зрителей, театр завоевывал авторитет у зрителей нашей страны и в мире. Зрители шли в театр за информацией в широком смысле слова, и театральные залы были наполнены...

Случались непредвиденные казусы, когда жизнь напрочь опрокидывала порочную систему заказа. Например, в 50-е годы было решено правительством и лично И. В. Сталиным построить канал где-то в степи, проведя туда воду от реки Дон. Были заказаны произведения на эту тему, среди них пьеса, которая так и называлась — «Дон Иваныч». Всю пьесу шла стройка канала и вместе с тем борьба с единственным отрицательным героем, который упорно говорил, что канал высохнет и вся эта затея провалится. Все остальные герои были положительные и, совершенно естественно, уничтожали строптивного одиночку. Он был посрамлен и морально уничтожен. Канал был построен. Но только на сцене... В жизни он начисто высох, и отрицательный герой оказался прав. Всю эту историю замяли, пьеса сошла со сцены сама по себе, очень быстро...

Сегодня мы избавлены от подобных казусов. Все это — достояние истории. Но нам мешает суета вседозволенности, спешка в погоне за кассовым успехом, всеядность и неразборчивость в выборе репертуара. И с этими явлениями мы пытаемся бороться с помощью нашей Конфедерации.

Жива вера в вечное искусство театра, которое способно радовать людей, заставлять их смеяться и плакать. Наивно думать о моментальном перевоспитании зрителей средствами театра, но заронить нравственную искру, оказать этическое и эстетическое воздействие на людей — в этом высокая миссия театра.

С. П. КАПИЦА,

заведующий кафедрой общей физики Московского физико-технического института, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Российскую национальную идею, по-видимому, нельзя выделить по велению сверху, поскольку такие понятия формируются как результат истории. Быть может, политический деятель крупного масштаба, уловив дух времени, как бы дает такую идею и часто именно так входит в память страны, а идея — в общественное сознание. Однако здесь имеет смысл обратить внимание на один из факторов, способствующий выражению и даже формированию национальной идеи, а именно на язык: язык как инструмент культуры, как основа объединения людей, как явление, непосредственно связанное с национальным характером, что должно сегодня рассматриваться и

как мощный политический фактор. Особое значение он приобретает в эпоху распада империй. Для нас может быть поучителен опыт англоязычных стран и всего того, что Франция и французы связывают с франкофонией. К сожалению, в России крайне мало делается не только для защиты языка, его пропаганды, но и для того, чтобы на такой основе строить отношения в среде и мире русскоязычной культуры.

Государство и культура ныне находятся в разводе, и нет ни понимания, ни тем более политики в этой области. То же можно сказать и в отношении науки, в первую очередь фундаментальной науки, которую следует рассматривать как часть современной культуры.

Особо следует сказать об ответственности интеллигенции в то сложное и интересное время, которое мы переживаем. Многие из того, что происходит, несомненно, связано с неполным пониманием роли, и в первую очередь ответственности как гражданской, так и профессиональной, нашей интеллигенции или тех, кто себя к ней относит.

К. А. ТИТОВ,

председатель Комитета Совета Федерации по бюджету, налоговой политике, финансовому, валютному и таможенному регулированию банковской деятельности

ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

В настоящее время наиболее сложной проблемой для России является проблема межбюджетных отношений.

Позиции бюджетного федерализма в России достаточно сложные и, к сожалению, до сих пор неопределенные. У нас отсутствуют законодательные инициативы, налоговое законодательство, в котором в той или иной степени была бы определена формула бюджетного федерализма.

В свое время Президент Российской Федерации обратился к членам Федерального Собрания, депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации с ежегодным посланием, в котором даны прямые указания о разработке принципов и организации работы по бюджетному федерализму. В развитие идей, содержащихся в послании Президента, есть постановление Правительства и официальное распоряжение В. С. Черномырдина — определить формулу бюджетного федерализма и начать ее осуществление на территории Российской Федерации.

К сожалению, на сегодняшний день поручения и распоряжения Президента и Председателя Правительства Российской Федерации не выполнены.

Сформулирую некоторые принципы, связанные с бюджетным федерализмом:

1. При принятии решений в финансово-бюджетной сфере твердо придерживаться конституционного принципа равенства субъектов Российской Федерации, что означает необходимость четкого законодательного закрепления расходных функций бюджетов различных уровней.

2. Обеспечить укрепление финансово-экономической самостоятельности субъектов Российской Федерации на базе более полного использования ими своих внутренних ресурсов и формирования доходной и расходной частей бюджета на единой нормативной и методической основе, подготовленной Правительством России с участием субъектов Федерации, утвержденной Федеральным Собранием.

3. Активно использовать возможность налогового стимулирования и бюджетного финансирования инвестиционной деятельности производителей, определив предельно допустимый уровень налогообложения предпринимательской деятельности, структуру бюджетного финансирования инвестиционных программ. Финансовая помощь в перспективе должна осуществляться в возрастающей степени через федеральные целевые программы по комплексному социально-экономическому развитию конкретных регионов.

4. Осуществлять стимулирование интересов территорий-доноров по развитию собственной инфраструктуры региона и наращиванию на этой основе налогового потенциала. С этой целью при распределении бюджетных средств между регионами необходимо переориентировать приоритеты бюджетного регулирования с выравнивания обеспечения текущих бюджетных расходов на выравнивание инвестиционного потенциала регионов.

5. При совершенствовании методики расчета Фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации предусмотреть, что формирование Фонда финансовой поддержки должно осуществляться, исходя из учета общего уровня социально-экономического развития; основой, на которой должны базироваться расчеты о финансовой помощи региону, может служить и среднедушевой, и валовой внутренний продукт, произведенный в данном регионе.

6. Максимально возможное сокращение встречных финансовых потоков между бюджетами различных уровней, в том числе за счет перевода финансирования федеральных расходов и федеральных целевых программ через территориальные органы федерального казначейства за счет доходов, образованных на их территории.

7. Отказаться от централизации в федеральном бюджете долей подоходного налога и налога на землю, предусмотрев порядок целевого расходования этих средств в бюджетах субъектов Федерации.

8. Изменить принципы расчета доли субъектов Российской Федерации в Фонде финансовой поддержки регионов, исходя из уровней общей финансовой обеспеченности, включающей не только бюджетные доходы региона, но и все финансовые ресурсы.

9. Предусмотреть выделение федеральной помощи особо нуждающимся регионам не в форме дотаций, а в форме субвенций, выделяемых для строгого целевого финансирования расходов региональных бюджетов.

Г. А. ЗЮГАНОВ,

депутат Государственной Думы, действительный член Международной славянской академии, доктор философских наук

В СУДЬБЕ РОССИИ — СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Есть иерархия социальная, в рамках которой самовыражаются “элиты”, и есть иерархия нравственная. Последняя не признает официальных чинов, и отсюда еще одна ключевая, исконно русская категория — разночинность. Настоящая знатность тождественна антикастовости. Лучшая часть общества — это лучшая часть всех, без исключения, общественных групп и слоев сверху донизу. Слова на памятнике, воздвигнутом на Красной площади, — “Гражданину Минину и князю Пожарскому” — прекрасно это иллюстрируют.

Хорошо, если социальная и моральная иерархии совпадают. И хотя нигде и никогда этот идеал не был пока достигнут, если общество продвигается к нему — значит, оно здорово. Когда же движение происходит в обратном направлении, это признак того, что общество больно, причем одной из самых опасных и тяжелых болезней.

Такой болезнью страдает сегодня Россия. Выражаясь научным языком, в России существенно повреждены каналы вертикальной социальной циркуляции. Сложилась система отбора и продвижения “наверх” по критериям, не имеющим ничего общего с интересами всего общества.

Слова знаменитой песни “Вышли мы все из народа” превратились в злую пародию на чиновников и новоявленных миллиардеров. Оторванность от народных корней, народных традиций и национальных святынь помогла распуститься ядовитым цветам политиканства и безудержной демагогии. Понятия бескорыстия, честности, преданности делу и верности идеалам для них превратились в пустой звук. Бал правят корысть и тщеславие, приспособленчество и поворотливость, беспринципность и карьеризм.

Россия с честью выходила из самых ужасных испытаний, когда лучшие представители высших классов “умели понять все то, что было во всяком русском человеке”. Когда они умели понять также и то, что своим развитием обязаны не случайности рождения в кругу элиты, а тем, что оно куплено трудом миллионов безвестных и безграмотных людей, перед которыми элита всегда останется в неоплатном долгу.

И, наоборот, все кризисы и смуты в России знаменовались не ослаблением элиты, а усилением “элитарности” высших классов и сословий, превращением их в касту, оторванную от народа, все более замыкающуюся в своих эгоистических интересах. Последний наглядный пример: превращение советской партийно-государственной номенклатуры в “элиту”, отгороженную от реальной жизни, и как закономерное следствие — предательство ею интересов страны.

В России армия с древнейших времен являлась настоящей кузницей кадров для национальной элиты. И это не случайно.

В ходе формирования единой, централизованной и независимой российской государственности русскому народу пришлось воевать без конца. Специалисты подсчитали, что только за первые четыре столетия, с 1055 по 1462 годы, летописи насчитывают 245 известий о нашествиях на Русь и военных столкновениях. Из 537 лет, прошедших со времен Куликовской битвы до момента окончания первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. За это время ей пришлось 134 года воевать против различных антирусских союзов и коалиций. Причем одну войну она вела сразу с девятью врагами, две — с пятью, двадцать раз ей пришлось воевать против трех противников и тридцать семь — против двух. В советскую эпоху венцом славы и доблести армии стала победа в Великой Отечественной войне — самой кровопролитной в истории человечества.

В нашу историю золотыми буквами навечно вписаны имена многих воинов и полководцев, ставших олицетворением лучших качеств национального характера. Александр Невский и Дмитрий Донской, Суворов и Кутузов, Ушаков и Нахимов, Жуков и Рокоссовский стали благодаря своему полководческому гению национальными героями. И за последние десятилетия Вооруженные Силы СССР выдвинули множество блестящих администраторов, ученых, политиков и дипломатов.

Что же теперь?

На протяжении короткого срока страна уже пережила две трагедии — 1991 и 1993 годов, в результате которых безопасность и целостность Отечества понесли огромный, трудновосполнимый ущерб. Невиданный материальный и моральный урон нанесен и самой армии. Она влачит жалкое существование. Ее золотой фонд — офицерский корпус — находится на грани развала. Ее славные традиции попораны и оплеваны, гарнизоны заброшены, а значительная часть “паркетных” генералов ельцинской выпечки коррумпирована и непатриотична.

Судите сами, может ли быть кузницей кадров национальной элиты армия, в которой офицеры по полгода не получают денежного содержания и вынуждены в свободное от службы время подрабатывать торговцами в ларьках? Армия, которую политики вынудили выполнять полицейские функции, заставив из танков расстреливать законно избранный парламент? Армия, у которой отсутствует даже официальная концепция патриотической идеологии? Командование которой политически разобщено, а кадровая система практически полностью парализована?

Как могло произойти такое? Ведь обычно столь бесперемонно обращаются только с разбитыми армиями, с армиями, которые не уважают. Да, приходится признать горькую правду. Не уважают армию, пассивно взирающую на предательское разрушение государства, которому она присягала. Не уважают армию, позволяющую в упор расстреливать из танков избранную народом законную власть.

Армия — это не просто вооруженные отряды. Армия — это прежде всего идея, моральная категория. Для русского, советского солдата и офицера тяготы военной службы всегда облегчались сознанием своего высокого долга, верностью присяге, чувством чести и достоинства защитника Отечества. Без высшего духовного смысла ратного труда армия исчезает — остаются лишь “вооруженные формирования” неопределенного статуса. Им уже не помогут никакие реформы, никакие блага и регалии не уберегут от позора. Ими и впредь будут помыкать, их и впредь будут “подставлять”, их и впредь будут покупать и продавать.

Политическим временщикам и стоящим за ними “новым русским” сильная армия, способная надежно защитить коренные интересы страны, не нужна. Им нужна наемная военная каста — “элитные” спецчасти, стоящие не на страже рубежей Родины, а на страже их несправедливо нажитых капиталов. Вооруженная сила нужна им не для защиты народа, а для защиты от народа.

Настоящая армия нужна только народу и государству. Однако народ лишен власти и ограблен. А государства, создавшего могучую Советскую Армию, более не существует. Люди в погонах обязаны спросить себя: все ли возможное ими сделано для того, чтобы сохранить Державу, чтобы защитить народ от унижения и разорения? Ведь только они могут дать армии то, что ей необходимо.

Главное, что нужно армии, — укрепить свой духовный стержень, без остатка проникнуться идеей служения Отечеству. Сегодня эта идея заключается прежде всего в том, чтобы армия стала гарантом прочного внутреннего и международного мира, гарантом народовластия, не допустила скатывания страны в хаос гражданской войны и неминуемо следующей за ней окончательной национально-государственной катастрофы.

Наш путь — преодолеть социальные корни разделения на “верхи” и “низы”. Хотите иметь полноценную национальную элиту — позаботьтесь не об устройстве элитных теплиц и питомни-

нам, а о том, чтобы дух “элитарности” был изгнан из экономики и политики, из школы и армии, из науки и культуры. Чтобы восторжествовали сотрудничество и подлинное товарищество, чтобы каждый человек имел возможность свободно развиваться, каждый талант был поддержан государством.

Попробуем в заключение обозначить, какими качествами должна обладать настоящая, полноценная национальная элита, для того чтобы она могла удовлетворительно выполнять свое социальное служение — реально, а не на словах воплощая в себе “ум, честь и совесть эпохи”.

Ответственность перед народом, которая невозможна без контроля со стороны народа. А это, в свою очередь, возможно исключительно в условиях развитого и эффективного народовластия.

Ответственность должна быть всесторонней и полной: моральная наравне с политической, гражданской и, в случае необходимости, — уголовной. Но главное — такая ответственность должна предполагать ясность национального самосознания и понимания своего общественного служения как гражданского долга. Она накладывает в первую очередь дополнительные обязанности и уж вследствие того дает определенные права.

Только тогда, когда вне зависимости от положения отдельных лиц в обществе весь народ дышит и живет “едиными устами, единым сердцем”, возможно то сверхусилие, которое столь необходимо сегодня России для выхода из кризиса.

Реализм. Он заключается прежде всего в способности своевременно и ясно наметить очередные цели общественного развития — практически достижимые, исторически оправданные, последовательные и осознанные общественным мнением.

Нравственная чистоплотность. И все же надо твердо помнить и ясно понимать: только тогда, когда люди, стоящие у кормила государственной власти, контролирующие хозяйственную жизнь страны и средства массовой информации, будут готовы не на словах, а на деле “положить душу свою за други своя”, у нас появится реальная возможность обуздать смуту и вывести Россию из кризиса.

Мировоззренческая зрелость. В том идеологическом хаосе, в который наш народ был ввергнут усилиями своих внутренних и внешних недругов, национальная элита должна выработать единое, целостное и самобытное мировоззрение. Лишь увлеченность великой идеей — идеей воплощения идеалов социальной справедливости и народной свободы, соборного единства, державной и духовной крепости — позволит обществу мобилизовать все свои ресурсы для преодоления нынешнего хаоса.

Наличие действенных механизмов очищения и самоочищения. После того как общество за последние годы стало свидетелем целой серии безобразных скандалов “в верхах”, после того как обвинения в коррупции самых высокопоставленных функционеров стали для нас будничной повседневностью, необходимость таких механизмов столь очевидна, что не требует никаких комментариев. Главный из них, повторяю еще раз, всесторонний контроль со стороны общества, недопущение сословной замкнутости, полная открытость и “прозрачность” по вертикали и горизонтали.

Неукоснительное соблюдение требований социальной справедливости. Речь не об уравниловке, а о том, что различие в положении дворника и бизнесмена может быть следствием их разного вклада в общественное благосостояние, а не результатом грабительского перераспределения материальных благ в пользу наглых.

Устойчивым и процветающим обществом может стать лишь тогда, когда внутри него различными социальными группами устанавливается баланс интересов. Когда общенациональные, объединительные, центроостремительные силы получают явное преобладание над силами группового эгоизма — регионального, профессионального, этнического и политического. Только таким путем в современной России может быть реализован принцип социальной справедливости, являющийся, безусловно, необходимой предпосылкой для преодоления нынешнего кризиса.

Современное сверхсложное общество может стабильно существовать лишь тогда, когда эффективно и согласованно действуют все его ведущие слои и группы. России нужен “полный набор” честных, ответственных профессионалов в политике и экономике, науке и культуре, во всех жизненно важных сферах. И, скажем, честные и ответственные банкиры с этой точки зрения потребны стране никак не меньше талантливых и волевых военачальников.

Пора признать: критерием полезности для общества того или иного индивидуума является не то, чем он занимается, а то как он делает свое дело. И я хочу во всеуслышание сказать: уже сейчас во всех без исключения ведущих слоях современного российского общества существуют и действуют талантливые, инициативные, порядочные профессионалы, настоящие патриоты своего Отечества. И первоочередной задачей государства является забота о том, чтобы таких людей

стало как можно больше. Здесь недопустимы догматические подходы. Единственным критерием должна служить практическая общественная и государственная польза. Ответственная власть просто обязана поддерживать все конструктивные общественные силы и всячески помогать их развитию и становлению.

Таков, на мой взгляд, нормальный эволюционный путь воспитания мудрой, волевой и нравственно безупречной национальной элиты. Именно по этому пути и должна пойти Россия.

В. Б. ИСАКОВ,

начальник Правового управления Государственной Думы, доктор юридических наук, профессор

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ — ПОКАЗАТЕЛЬ ВЫСОКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Правовая культура как часть общей культуры включает в себя знания, способности ими пользоваться и стремление руководствоваться, управляться умозаключениями, а не только благими намерениями, сиюминутными чувствами и эмоциями (без которых тоже немислимо представить себя полноценным человеком). В правовой культуре собраны воедино теория, практика, история и будущее. У нее три составляющие: а) определенный арсенал правовых знаний; б) наличие методики их правильного применения; в) стремление повиноваться, подчиняться им.

Жизнь, действительность свидетельствуют, что крайне редко все три компонента обнаруживаются одновременно. Это относится и к лицам, имеющим юридическое образование, и к тем, кто такового не имеет. Знания законов и правильного их применения далеко не достаточно, главное — желание, стремление ими управляться, отдавать им предпочтение. Правовая культура есть показатель содержания человека, его отношения к правилам поведения, выработанным в обществе и действующим в нем. Правовая культура — это показатель отношения гражданина к государству, его прошлому, настоящему и будущему. Уровень правовой культуры определяет уровень государственного правосознания, уровень готовности стоять за него, совершенствовать его, бороться за его будущее.

Духовное единение людей объективно ведет к организации взаимоотношений на основе общих правил поведения (права), общей, единой государственной власти и территории. Однако это случается тогда, когда государство представляет собой политико-правовую форму организации жизнедеятельности, одинаково учитывающую интересы всех слоев населения, заботящихся об их благополучии.

Таким образом, право и государство создаются для установления, закрепления духовного единения, а оно обеспечивается через правосознание, осознанность важности и значимости правовой системы, правовых взаимоотношений. Одних лишь изволений, предписаний недостаточно, ибо если они будут отражать интересы определенной части общества, отдельных составных частей "государства", то вскоре превратятся в ненавистное для остальных граждан понуждение, понукание, закабаление. Отношение к государству в таком случае начинает превращаться в нежелательность иметь с ним взаимосвязь, а к правителям — как к узурпаторам, надсмотрщикам.

Государство может рассчитывать на достойное свое существование, только обеспечив духовное единство своих сограждан, добившись правильного понимания и исполнения выработанных правил поведения. Внешнее поведение есть результат внутреннего содержания. Взаимопонимание между государством и гражданином есть показатель приемлемости государственного образа мыслей, который, в свою очередь, представляет собой разновидность правосознания. В данном случае всякий гражданин, имеющий возможность здраво мыслить, обязан ответить на важнейшие вопросы: принадлежит ли он государству? Если да — то какому? Принадлежность государству должна быть сознательно принята и требует добровольного самообязывания, то есть сознательно возложения на себя обязанностей и запретов. Отсутствие в государстве указанных возможностей, обстановки грозит ему разложением, утратой суверенитета, самостоятельности.

Государственные образ мыслей, правосознание, волепредписание — это основа живого, действующего государства, ибо они свидетельствуют о наличии единства и объективности государственной цели и политической направленности усилий всего общества. От них всецело

зависит и путь, которым будут идти нога в ногу государство и гражданин, и время их нахождения в этом движении. Первостепенным и неременным условием тут должно стать своевременное определение значимости их усилий для последующих поколений. Цементирующим, направляющим стержнем в этом поиске пути может быть только государственное правосознание, способное объединить и умножить государственный потенциал с разносторонними, многоликими возможностями и способностями народных масс.

А теперь попытаемся доискаться подтверждения высказанным выше суждениям относительно того, что ядром правовой культуры может быть только государственное правосознание, которое, в свою очередь, есть духовное средство, объединяющее усилия государства и граждан. Имеется ли в настоящее время единая государственная идея, отражающая интересы большинства наших граждан? Каким путем предложено идти обществу и что там в конце его? От ответов на эти вопросы во многом зависят уяснение роли законов, права в нашем обществе, определение уровня правовой культуры и наличие в настоящее время в России государственного правосознания. Правосознания собирающего, правосознания, облагораживающего общество, его граждан, правосознания, укрепляющего правовую и экономическую системы государства, правосознания, способного сделать государство и граждан заинтересованными в становлении стабильных взаимоотношений.

Государство и гражданин должны быть достойны друг друга, стоять на страже общих интересов, стремиться к установлению добропорядочных партнерских отношений, а это все возможно только при наличии государственного правосознания, должного уровня правовой культуры и взаимной ответственности перед законом государства и личности. Хочется верить в то, что такое время наступит, государственная объединяющая идея возобладает над частной, эгоистичной, отражающей интересы отдельной личности либо группы лиц.

А. Г. АСМОЛОВ,

заместитель Министра общего и профессионального образования Российской Федерации, вице-президент Российского общества психологов, доктор психологических наук, профессор

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ МИРОВ

В нашем сознании прочно засела мысль Дарвина, которую Карл Поппер свел к формуле: "Выживают выжившие". Мысль, связанная с идеей естественного отбора. Голоса людей, таких как Владимир Иванович Вернадский или Петр Леонидович Кропоткин, которые пытались миру сказать другое, не то что не были услышаны — они не были вообще восприняты. Вернадский вдруг обронил столь близкую моему сердцу идею, что мы живем в психозойскую эру, а тем самым человечество (а через что? — через образование!) начало архитектурную постройку какого-то ноосфера планеты. Кропоткин же (не осознавая тогда это как борьбу — это мы уже так осознаем) очень точно определил гипотезу о том, что отбор движет миром, как одну из примитивных. И выдвинул гипотезу о взаимопомощи как факторе эволюции. Взаимопомощь, согласие, солидарность, на нашем языке мы можем сказать — социальное партнерство. Иными словами, в эволюционный контекст уже попадут две разные идеи. Но самое интересное, что чем дальше, чем больше работали наши блестящие специалисты, будь то Вавилов, будь то Пригожин (я имею в виду теорию диссипативных систем бельгийского физика) или наш известный антрополог Алексеев, — они так или иначе подошли к совершенно новой гипотезе, которая называется "гипотеза рассеивающей или поддерживающей эволюции". С их позиции, мир развивается прежде всего постольку, поскольку находятся системы, поддерживающие индивидуальность, поддерживающие вариативность.

Начинает работать механизм, который все время через образование решает: либо я должен все время гасить отклонения от нормы, либо я должен поддерживать все вариации, которые цветут. Иными словами, образование стало — как это ни парадоксально — уникальным социогенетическим механизмом (и это я резко говорю впервые), либо поддерживающим вариации, либо гасящим их. И так никто не сравнивал типы образования. Когда мы заявляем, что у нас есть

типовые программы, типовые планы, когда мы говорим, что по учебнику Перышкина в один час (с учетом географического пояса) занимаются и во Владивостоке, и в Москве, и в других каких-то городах, то тем самым мы придумываем какой-то уникальный механизм работы на отбор и погашение любых вариаций, любых отклонений, любых уходов от вариативности. Но стоит нам осознать, что за главным механизмом развития (как говорили и Шмальгаузен, и особенно Алексеев, и очень известный медик Давиденков) стоит рассеивающий отбор или поддерживающий отбор и что только человек может заселить всю Ойкумену и везде, в каждом ареале найти себе место, тогда-то мы по-другому начинаем понимать механизм социогенеза. И тогда мы говорим: любые разговоры об образовании как о селекции к усреднению — это не просто ошибка, это по сути дела то, что начинает менять логику историко-эволюционного процесса. То, что произошло за последние годы и что должно с образованием связываться, это ренессанс индивидуальных целей личности.

Раньше в культуре мы все время падали ниц перед общественно-коллективными целями и считали их главными целями развития. На самом деле сегодня происходит малозаметный феномен — приватизация индивидуальных целей. Приватизация не дома, не здания, а частной жизни. В этой ситуации именно образование и веер вариативных программ могут помочь каждому человеку (называйте меня утопистом, но эти программы появляются) найти свою индивидуальную траекторию развития.

Государство слабо чувствительно к образованию. Этого нельзя сказать об обществе. Здесь возникает дихотомия государства и общества. Общество сегодня начинает все более и более осознавать, что, как бы нам ни мешало государство, образовательные цели необходимы.

Появление частных школ есть появление необходимости дать другим поколениям возможности выбора. Образование становится важным фактором конкуренции, более того, образование становится путевкой на выезд.

Возникает вопрос, который еще не осознал до конца никто: сегодня образование выступает как серьезнейший фактор безопасности России. И уменьшения того или иного риска. Никто не породил риск катаклизма и образования. Образование, грамотно понятое и проработанное, будучи вариативным, играет на понижение уже не общественного, а именно того самого государственного риска.

Причину Чернобыльской и иных трагедий можно отыскать в трех “б”: *без-духовности, без-грамотности, без-ответственности*. Мы никак не связываем образование с риском. Образование сегодня — это система безопасности России. Это не понимается очень многими. За эти годы мы перешли на поисковое, вариативное образование. И учителя, которым мы всегда поклониться готовы, начали (я не говорю обо всех, но — очень часто) тянуться к творчеству. Мы сегодня забыли о новаторах — и это прекрасно! Потому что у нас не только новаторы, не волки-одиночки, как Акела на скале Совета, — у нас сегодня настоящее инновационное поколение. Образование — это момент стабильности, в историко-культурном плане оно выступает как механизм культурогенеза, настроенный на поддержку вариативности. Пока образование работает как механизм на поддержку вариативности, оно больше готовит систему к жизни в неопределенной ситуации. А готовя систему к жизни в неопределенной ситуации, оно тем больше укрепляет стабильность системы и уменьшает возможность риска в этой системе. Уменьшение риска снижает уровень и интенсивность угроз системе, укрепляя тем самым ее безопасность как единого целого, что позволяет добиваться наибольшего эффекта в главном: жизни, развитии личности и общества.

Основная парадигма для меня, вещь в самом сердце сидящая — это парадигма развивающего образования. Ее со своими коллегами я пытаюсь проводить в жизнь. Она противостоит парадигме зуновской, парадигме знаний, умений и навыков.

Второй момент — копирование. Вся жизнь я говорил, что везде в истории культуры опасен феномен, который я называю “гипноз спины”: попытка догнать и перегнать впереди идущего человека. Это отсекает любые другие пути развития, и это просто неэкономно. Поэтому копирование западных образцов, особенно в сфере образования, это просто нонсенс в нашей ситуации. То, что могут дать нам культурно-историческая школа Выготского, идеи Давыдова, идеи Библера, освобождает нас от нужды заимствований.

Целенаправленными управленческими действиями можно добиться больших результатов. В типовых положениях (о школе, о вечернем дополнительном образовании и т. д.) я ввел индивидуальный момент. В бюрократически сухие документы я закладываю алгоритмы жизни, чтобы, как Выготский говорил, они были психологически наполнены, стали бы психологическими инструментами. Через архитектуру бюрократических документов мы делаем психологическую типологию.

Самая большая армия идет к победам через образование. Надо менять доктрину России и переходить от укрепления военной безопасности к обеспечению образовательной безопасности.

М. Е. ШВЫДКОЙ,

заместитель Министра культуры Российской Федерации,
действительный член Академии гуманитарных наук, доктор
искусствоведения, профессор

КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Творчество — революционно. Культура — консервативна (эволюционна). Творчество переосмысливает мир, открывает неведомые прежде горизонты. Культура связывает прошлое и будущее в единую цепь бытия, хранит ценностную систему. Творчество сохраняет традицию через ее отрицание. Культура — позитивна. Творчество — критично.

Власть — если она стремится к стабильности — не может не заботиться о культуре. При этом отношения власти и художественного творчества — всегда конфликтны, неприязненны.

Политика — искусство возможного. Художественное творчество неизбежно стремится к невозможному. Именно поэтому творчество не может не находиться в изначальной оппозиции к власти.

“Забота хорошего правительства” (так называется пьеса Джона Ардена) состоит в понимании этого конфликта. Власть — для того чтобы ее уважали — нужны не льстецы, готовые воспевать любые ее безумства, но оппозиционеры, с которыми она должна находиться в диалоге. Это понимали в Советском Союзе, где часть художников как бы пребывала в легальной оппозиции.

Этого не понимают сегодня. Прежде всего из-за властного равнодушия к творчеству. К тому его уровню, который является частью высокой культуры.

Взаимодействие с представителями шоу-бизнеса во время предвыборной кампании 1996 года показали, что властные структуры весьма невысоко оценивают интеллектуальный и культурный уровень электората, к которому они обращались. Такой подход, возможно, хорош во время кратковременной предвыборной кампании — и, безусловно, плох, если думать о создании процветающей и стабильной страны. (Да и во время выборов роль шоу-бизнеса была во многом преувеличена. Важнее были — сам Б. Н. Ельцин и электронные средства массовой информации.)

Совершенно очевидно, что в России по традиции художественная интеллигенция является важной социальной группой, влияющей на общественное мнение. Стабильная власть должна создать реальную систему взаимоотношений с этой группой. Процветание России невозможно без процветающей культуры и конструктивного диалога с художественной интеллигенцией.

Культура обеспечивает идентичность нации и целостность государства. Россия, обретающая новое понимание государственности и национальной (российской) идентичности, сохраняет эти качества во многом благодаря универсальной, всемирной “отзывчивости” своей культуры, ее мировому значению.

Власть, которая забудет об этом, может потерять предмет управления.

В. В. КРАЙНЕВ,

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР,
президент Международного благотворительного фонда помощи
юным пианистам, действительный член Академии
гуманитарных наук, профессор Московской консерватории и
Высшей музыкальной школы в Ганновере (Германия)

КУЛЬТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Не без сомнений пришел я в педагогику. Я не создал и, наверно, уже не создам ни одной работы об основах пианизма. Я всю жизнь “писал” только на клавиатуре. Человек, который пишет, как надо играть, обычно не может выйти на сцену. Я, наоборот, могу сыграть. Число лауреатов, которые учились у меня за десять лет преподавания, говорит о том, что, возможно, я

неплохой педагог. Дальние результаты мне, естественно, неизвестны. Время покажет. У меня были замечательные учителя, и впечатление от того, как и чему они учили, надеюсь, осталось во мне навсегда. Несколько десятилетий конкретной работы, международные конкурсы, в которых я был и учеником, и членом жюри, и председателем, попытка понять себя и своих учеников — вот основания некоторых предложенных здесь суждений.

Убежден, главное — помочь раскрыться личности музыканта. Сделать это с пятнадцатилетним учеником проще, чем когда работаешь со взрослыми студентами, уже сложившимися пианистами. И все-таки психика пластична, а потому личность можно менять. Естественно, если педагог сам из себя что-то представляет. Но “давить” на ученика надо очень осторожно и лишь в тех направлениях, в которых, как ты чувствуешь, он недостаточно развит. И еще — необходимо сформировать глубочайшее уважение к автору. Я стараюсь добиваться от учеников того же, что требовал и от меня в свое время Генрих Густавович Нейгауз, — детальнейшего проникновения в текст композитора. Может быть, это странно, но дело обстоит именно так: чем ближе к тексту играет пианист, тем полнее проявляется его собственная индивидуальность.

Однако очень непросто молодому музыканту выстроить свою жизнь как раз в ситуации, когда вроде бы все хорошо складывается: пианист уже заявил о себе, попал в “обойму” концертирующих. Желание выступать как можно больше, не пропуская ни одной возможности показаться в концерте, вполне естественно. Но тогда ему уже некогда заботиться о расширении репертуара. Более того, его сложившаяся программа неизбежно засоряется. На ней появляется налет ложной эстрадности, псевдовиртуозности, акцентируются моменты игры на публику... Молодому музыканту, новоиспеченному лауреату конкурса так необходимы четкое ухо и верная рука, но, выйдя из стен консерватории, он лишается опеки и мудрого руководства. Это очень трудный период, и только личностные качества обеспечивают из него достойный выход в серьезное творчество. Поэтому важнейший принцип педагогики — помочь сформировать необходимые для жизни человеческие качества, а не просто научить играть.

Нас не учили “голому концертированию”, как это (что греха таить!) случается сейчас, когда консерватория порой напоминает поточное производство. Нам преподавали науку познания искусства во всем его гармоничном многообразии. Занятия музыкой нередко перерастали в страстные диспуты о жизни и творчестве, о новом спектакле, картине, поэме... Нейгауз, Игумнов, Фейнберг, Гольденвейзер, Ойстрах, Янкилевич ставили своей первейшей задачей гармоничное развитие личности ученика. Только личность в состоянии переживать чувство неудовлетворенности собой, а без этого чувства нет самодвижения таланта. Есть успех, известность, кажется, что все уже постиг, все знаешь. Чтобы не остановиться, нужно быть “самоедом”. Только это спасает. С годами энергия физики переходит в энергию ума. Мне кажется, я стал понимать гораздо глубже и интереснее даже то, что давно играл, что давно пройдено.

Сейчас трудно говорить о существовании каких-либо национальных школ. Все перемешалось, и это хорошо. Но мы оказали очень сильное влияние и на Запад, и на Восток. У меня в Ганновере занимаются француз, немец, японка, кореянка, русские, украинцы. В культурном пространстве мы сливаемся. Мальчик из Китая получил на моем конкурсе третье место. Он играет Листа и Бетховена, переживая всю совокупность культуры, а не “я — китаец и играю как китайцы”. Классическая музыка — общение наднациональное. Ныне произошло сложное взаимопроникновение школ, стилей, направлений, в результате которого обогатились как мы, так и Запад. Но если все-таки попытаться выявить своеобразие русской школы, то его в первую очередь характеризуют: культура звукоизвлечения, сложность высказывания, не щадящая эмоциональность.

У нас сейчас — ужасающий хаос, но я вижу, совершенно отчетливо вижу перспективу возвращения к организованной системе образования. Есть прочные традиции, сложившаяся база в сфере профессионального обучения.

Сужу по мастер-классам, которые случается проводить в разных городах, по моему Харьковскому конкурсу юных пианистов. Он начинался как конкурс для детей СНГ, но на нем уже играли пианисты из Финляндии и Швеции, Китая и Филиппин. Я вижу, как невероятно поднимается планка мастерства и опускается планка возраста. То, что было признаком гениальности, стало обычным. Ребята выходят на концертную эстраду, играют в престижных залах и, надо сказать, получают определенную материальную поддержку. Многие организации, многие деятели культуры установили свои призы: Спиваков, Башмет, Сондецкис, сестры Лисициан, Светлана Безродная, Жванецкий, международная фирма грамзаписи “Русский сезон”. Я очень тронут их вниманием, но особенно благодарен главному спонсору — Фонду эстетического воспитания детей и юношества.

Наша исполнительская школа была и остается лучшей в мире. И тяга к музыке у русской публики была всегда больше, чем у западной. Европа живет сытно и спокойно, а Россия с 1914-го года живет в постоянном стрессе. Четыре поколения набирали в гены стресс! Это отражается на слушании музыки. Оно необыкновенно эмоционально.

Конечно, обстоятельства в России сейчас таковы, что поводов для печали более чем достаточно. И все-таки ни в какой другой стране не существуют профессиональные детские школы, подобные нашей ЦМШ, где с малолетства формируются музыканты высокого уровня. Рано или поздно (на свой век, честно говоря, не рассчитываю) все должно наладиться. Я верю.

Т. А. ТАРАСОВА,

Заслуженный тренер СССР, мастер спорта международного класса, художественный руководитель ледового театра "Все звезды" (США)

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ, ГОСУДАРСТВО И НАШИ СУДЬБЫ

Условия существования большого спорта всегда в огромной мере определялись государством. В современном мире спортивные успехи — важная составляющая государственного престижа. Менее очевидна зависимость интереса к спорту от материальных условий жизни, от общего психологического настроения людей. Казалось бы, совсем недавно выступления фигуристов собирали полные стадионы людей. И вполне объясним нынешний резкий спад этого интереса: слишком много физической и душевной энергии уходит у людей на обеспечение их повседневного существования. Наверное, когда-то ситуация изменится, но те перемены, которые уже произошли в стране, открыли возможность возникновения и существования нашего необычного коллектива.

Я начала заниматься театром, когда еще работала в спорте. Почему я вообще начала театр? Тому несколько причин.

Причина личная: тренировки, поездки, соревнования и при этом всегда тяжелые отношения с руководством — я была независимая, не позволяла начальству вторгаться в мою профессию и диктовать. Театр мог обеспечить мне большую свободу. К тому же номера, которые я ставила в спорте, были мини-спектакли и приближали меня к своему театру.

Есть, однако, и более весомая причина. Ведь только в последнее десятилетие всерьез заговорили о судьбах людей, покидающих большой спорт. Полные сил, не потерявшие мастерство молодые люди, уходя из спорта, как бы умирали. Поздно начинать другую жизнь, обретать новую профессию, а главное, практически невозможно, занявшись новым делом, достичь в нем тех же результатов.

Выдающаяся Роднина работает тренером, а могла бы до сих пор кататься. Во всяком случае, могла долго украшать профессиональные коллективы Америки (у нас своих не было). Она собирала бы полные залы и была бы абсолютно счастлива. И ее призвание превратилось бы в профессию. Сколько ни обращались в Центральный Комитет — все было закрыто, все нельзя. Так ушла великая Пахомова. Я уже не говорю о Моисеевой и Миненкове, которые и сейчас бы украсили профессиональные шоу высшего ранга. Чудом успели Бестемьянова и Букин. В театре, которому 12 лет, еще есть артисты "первого призыва" — чемпионы и призеры СССР.

Сейчас приходят молодые ребята, но все они очень сильные спортсмены. Без отличного владения коньком невозможно создать никакой художественный образ. Нужны страсть, полет, технические трюки.

Из нашего театра можно уйти обратно в спорт, можно поехать на чемпионат мира среди профессионалов и войти в тройку призеров. Есть и такие примеры. Это говорит о том, что спортивная сторона не только не растрачивается, а растет. Наши умеют делать на льду даже то, чего не умеют делать спортсмены, — у нас нет запретов, мы абсолютно свободны.

Вначале нас было только 9 человек, и спектакли строились на номерах, поставленных для показательных выступлений. Первый специально подготовленный спектакль мы сделали к 40-летию Победы на песни военных лет. Потом я сразу же поставила много: "Болеро" Равеля, рахманиновскую "Рапсодию на тему Паганини" для английской пары Торвилл и Дина, "Кармен" Визе-Щедрина, в которой аккомпанировали "Виртуозы Москвы", "Половецкие пляски" из "Князя Игоря". Я никогда не училась хореографии специально. Но всегда была театралкой и балетоман-

кой. Можно было приходиться на репетиции к Игорю Моисееву, которого я считаю своим главным учителем. Можно было поехать в Ленинград к Борису Эйфману, у которого всегда были новые идеи и особая изысканность хореографии. Я очень много смотрела: Наймайер, Макмиллан, Марта Грэм — у всех старалась чему-то научиться.

Решение поставить настоящий полнометражный балет и поставить его, как полагается балету, на сцене, было, конечно, рискованным. В фигурном катании главное — скорость. В этом весь эффект, на этом построены все прыжки, подкрутки. А какая же скорость в тесном пространстве сцены? Сейчас я не нахожу ничего, что бы ограничивала сцена. Я придумала, как сохранить ощущение большой скорости. Это была самая важная находка. Я хотела открыть новый жанр в искусстве. Кажется, это удалось. Возможности сцены безграничны. Здесь другой контакт со зрителем: зал — это не стадион. Не имеет значения, что у тебя на ногах — пуанты или коньки. Если это искусство — это волнует. Я верю, что такой жанр, как мюзикл на коньках, будет рано или поздно “работать” и на Бродвее. Наши находки уже используют. У нас очень сильная труппа. Из мастеров спорта международного класса я стараюсь сделать заслуженных артистов. Премьера нашего последнего спектакля, музыку к которому писал популярнейший британский певец и композитор Дэвид Эссекс, состоялась в Лондонском Королевском Альберт-холле. Это было непередаваемое ощущение: быть допущенной на сцену, где выступали величайшие музыканты мира.

Я получаю от театра громадную радость. Проработав 20 лет в спорте с его жесткими ограничениями, я и сама не могла представить свои возможности хореографа-постановщика в большом балете. Теперь, когда позади несколько спектаклей, переполненные залы, аплодисменты и успех, есть уверенность, что успех этот не случайный. Сначала нас знала публика, любящая фигурное катание. Теперь на нас стали ходить балетоманы.

Но, видно, мне не суждено расстаться со спортом и с тренерской работой. Ведь эта профессия совмещает творчество с педагогической деятельностью. Если вы что-то знаете и видите человека, которому можете эти знания отдать, потому что тому нужно, педагог не может устоять. Климова и Пономаренко обратились ко мне с просьбой подготовить их к Олимпийским играм. Я снова стала тренером, и мы выиграли Олимпиаду. К новым Играм я тренирую танцевальную пару — трехкратных чемпионов мира и чемпионов Олимпийский игр Оксану Грищук и Евгения Платова.

Спорт, любой спорт, будь то фигурное катание, гребля или тяжелая атлетика, всегда связан с риском. И фигуристы, танцующая, должны рисковать. Первенство в спорте всегда завоевывается на грани риска. Тренер тоже рискует.

Мне всегда нравилось быть тренером большой группы. Я тогда чувствовала себя сильной. Не любила работать с одной парой. Хотя пара — это уже коллектив. А сейчас впервые готовлю к Олимпиаде одиночника — талантливейшего Илью Кулика. Работа с тренером — один на один. Тут должны быть абсолютное взаимопонимание и абсолютное доверие. И вот теперь я могу утверждать, что такого удовольствия от работы не получала никогда.

Тренерская работа во многом построена на интуиции. Учебников нет. Когда работаешь с молодым, растущим организмом, надо быть особенно осторожным, чтобы не “перекачать”. А в работе с чемпионами свои трудности. Они все — нелегкие люди. Чемпионы не бывают простыми. Каждый день, преодолевая себя, они работают с нечеловеческими нагрузками. И от этого меняется характер, меняется психика. И что бы они ни делали, их мысли устремлены только в одном направлении — туда, на Олимпийские игры. Я очень их всех люблю и очень жалею. Иногда это большая, совместно прожитая жизнь. Бестемьянова и Букин были на трех Олимпиадах, сначала седьмыми, потом вторыми. В Калгари — первыми. Это выдающиеся спортсмены. Сказать, что они мои дети, значит, ничего не сказать.

В нашей профессии нужно все время доказывать свое первенство. У меня 30 золотых медалей, серебряные и бронзовые я не считала. Но мне же не дали медаль на всю оставшуюся жизнь, мне их давали за мгновения, которые оказались победными. Этих мгновений было много, но нужно ловить новые.

Какая из всех медалей — самая золотая? Я хотела бы, чтобы она еще была впереди. Не потому, что это будет рекорд Гиннеса — ни один тренер не готовил чемпионов в трех видах фигурного катания. А потому, что Илья Кулик такой замечательный, необыкновенный. И у меня сейчас такая пора, когда многое знаешь, еще многое можешь и очень хочешь сделать, и есть такой талантливый ученик, который, кажется, сумеет все.

Нынешние молодые ребята прекрасно работают: преодолевают себя, заставляют себя. Как они сами хотят! Это нельзя просто так делать. Так можно работать, когда понимаешь для чего. Родилось новое поколение. Перед ними теперь открыт весь мир. Они стали свободными людьми. Они могут там, а могут и здесь. И они понимают, что такое профессия. А профессия дается всегда напряженным трудом. В любой профессии тяжело быть лучшим.

Как вообще можно говорить, что я там живу? Я там работаю. А живу я здесь. И всегда буду здесь. Так уж мы устроены. Это большое счастье, когда можешь зарабатывать своей профессией. И пока, что не могу купить самолеты, вертолеты, дорогие машины и дома. Но моя семья живет нормально.

Хочу и через двадцать лет оставаться таким же сумасшедшим тренером. Так же бояться, что не сумею поставить программу перед новым сезоном, как боюсь этого уже три десятка лет. И все-таки ее поставить. И стремиться сделать ее самой лучшей в мире.

Я хотела бы иметь таких же преданных и любимых учеников, каких я имела и имею. Я хотела бы так же волноваться на тренировках. Страдать при каждом прокате, работать, пока есть силы, не знаю на сколько их хватит. Хотелось бы, чтоб их хватило надолго.

П. Х. ЗАЙДФУДИМ,

первый заместитель Председателя Государственного комитета Российской Федерации по социально-экономическому развитию Севера, доктор биологических наук, профессор

“НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ” КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

Опыт проведения реформ в России показывает, что любые экономические или социальные программы остаются благими пожеланиями, если они не имеют под собой солидной политической основы, под которой прежде всего подразумевается та или иная форма государственной политики, чутко улавливающая общественные потребности в изменении качества жизни. Именно в таком понимании (в данном контексте) исторически важен факт совпадения и совместимости по главным параметрам концепции адаптивно-реабилитационного регулирования жизненной среды с формированием новой политической платформы российского государства в отношении развития северных территорий, которую можно характеризовать как “неотрадиционализм”.

История показывает, что “традиционалистические” тенденции государственной политики в отношении развития северных регионов России преобладали в период оживления рыночных структур экономики и относительной демократизации общества (1920-е годы, нэп), а “модернизаторские” подходы доминировали в годы усиления командно-административных методов управления обществом (1930—70-е годы).

Исходя из нынешней социально-политической ситуации в России и учитывая тенденции ее развития, “традиционалистическая” ориентация в наибольшей степени соответствует настроением российского общества, народов Севера, мировым гуманитарным и юридическим нормам. Одновременно с этим важно подчеркнуть, что новый “традиционализм” не означает возврат в прошлое. Это должен быть путь вперед, конструктивное развитие, но с особыми приоритетами применительно к ситуации, сложившейся в северных регионах и у народов Севера России.

Российская государственная политика, опирающаяся на принципы “традиционализма”, с одной стороны, должна быть направлена на полное сохранение целостности этнических общностей как самобытных образований. С другой стороны, одной из главных задач такой политики не может не быть устойчиво-прогрессивное социально-экономическое развитие. Следовательно, наряду с традиционализмом, такая политика должна содержать и новые социальные, экономические, технологические идеи и практические меры. Максимально должен быть учтен опыт взаимодействия народов Севера с природной средой. Такая государственная политика, в которой бы сочетались традиционные этнокультурные ценности, социальные институты и структуры народов Севера с новым технологическим, экономическим и экологическим подходом к их развитию, означает:

— в политическом отношении — обращение к историческим традициям российского государства и СССР (до 1930-х годов) в отношении народов Севера, переход от прямого к “косвенному” управлению этнополитическими процессами;

— в экономике и экологии — синтез традиционного природопользования и рыночных экономических отношений с опорой на помощь государства и получение компенсаций от промышленной разработки ресурсов;

— в социальном плане — равноправное активное и конструктивное взаимодействие центральных государственных органов (Госкомсевер, Госкомнад, Минэкология и др.) и новых этнических институтов взаимодействия и контактных общественных структур (ассоциаций, фондов, общинных корпораций и пр.).

В целом для управленческих и контролирующих государственных органов “неотрадиционализм” предполагает стремление к нахождению и поддержанию равновесия между целями экономического развития северной региональной промышленности и традиционного хозяйства северных народов, требованиями экологической рациональности и необходимости щадящего режима природопользования, задачами сохранения и развития этнокультурной самобытности народов Севера.

На общегосударственном уровне “неотрадиционализм” означает сохранение (а для нынешней ситуации и укрепление) особых отношений центральной государственной власти и народов Севера в противовес более динамичным ныне, но часто несправедливым и нестабильным отношениям, возникающим между региональными структурами (представителями администрации краев и областей, автономных округов) и этническими группами народов Севера. Прямые отношения “центр — народы Севера” нужно создавать и укреплять, не довольствуясь отношениями типа “центр — регион — народы Севера”.

На региональном уровне “неотрадиционализм” — это прежде всего государственная протекция и, при необходимости, прямое вмешательство для защиты интересов народов Севера. На этом уровне госучреждения должны оказывать правовую, политическую и экономическую помощь.

На местном уровне “неотрадиционализм” — это целенаправленная политика государства по учреждению и поддержке “этнических территорий”, “зон приоритетного природопользования”, а также моноэтнических общин с опорой на местные силы и инициативы.

Таким образом, важнейшими целевыми компонентами “неотрадиционализма” являются:

1. Сохранение, упрочение, реабилитация региональных особенностей жизнеобитания, укрепление регионального самоуправления и экологической политики жизнеобеспечения.

2. Главным действующим лицом должен всегда быть тот, кто здесь живет; всякая инновация, новая привозная технология и т. д. должны быть “пропущены” через людей, адаптированы средой, т. е. должны быть “привязаны” к месту, иначе рано или поздно они будут отторгнуты.

3. Формирование и поощрение социальной, экономической и культурной активности на местном уровне равнозначно становлению и развитию всех потенциально активных форм общественной деятельности в этой среде.

Все это подразумевает закрепление за “неотрадиционализмом” статуса официальной государственной политики в отношении северных регионов, даст возможность оптимально сочетать науку и практику на всех уровнях управления при формировании устойчивой среды жизнедеятельности.

ЖАН-ПЬЕР СЮЕР,
мэр г. Орлеана (Франция)

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: КАКИМ ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ

Не случайно само название “университет” восходит к понятию “универсальность”. Любой университет, который достоин носить это имя, прежде всего отличается стремлением к универсальности знаний. Истинный университет объединяет ученых-исследователей, преподавателей и студентов, специализирующихся в самых разных областях.

В свое время возникла идея создания тематических, узкоспециализированных или ограниченных какой-либо одной дисциплиной университетов. Но я не думаю, что это возможно, а главное — желательно. Всякая наука неизбежно порождает философские построения, а всякая философия

она есть вместе с тем философия науки. Изучение языков тесно связано, с одной стороны, с математикой и формальной логикой, а с другой — с социологическим и историческим анализом. История представляет собой в одно и то же время историю событий, социальных формаций, культуры, искусства, письменности и литературы. Можно привести множество других примеров, наглядно свидетельствующих о том, что каждая дисциплина связана с остальными и что всплеск гуманитарных наук в XX веке придал особую актуальность критерию универсальности, которая была столь естественной для просветителей и ученых (зачастую это были одни и те же люди) эпохи Возрождения, классического периода или эпохи Просвещения. А ведь еще недавно можно было услышать насмешки по поводу плюродисциплинарности, так долго не выходявшей из моды!

В этот вопрос следует внести предельную ясность. Если плюродисциплинарность сводится к механическому соединению дисциплин или специальностей, без выявления их взаимосвязей, она не представляет никакого интереса. Если она приводит к чрезмерному выпячиванию связей между дисциплинами в ущерб вниманию, которое должно уделяться каждой из них, то это не более чем уловка и соблазн. Однако обоснованная критика поверхностных или ложных концепций плюродисциплинарности вовсе не является аргументом в пользу узкоспециализированных университетов.

Истинная плюродисциплинарность подразумевает совместную работу специалистов, представляющих разные дисциплины. Имеется в виду, что университет должен стать некой научно-исследовательской общностью, местом, где рассматриваются не только достоверные факты, но и гипотезы.

Человеческое существо наделено как общими, так и индивидуальными чертами. Между людьми столько же сходства, сколько и отличий. Верность гуманистическим традициям побуждает сотрудников и студентов университета противостоять угрозе дробления знаний, которая всегда идет рука об руку с их утилитаризацией.

Такое учреждение, как университет, подразумевает полную свободу мысли, абсолютную независимость его сотрудников по отношению к любым структурам власти. Само существование университета оправдано лишь в той мере, в какой его работа вписывается в перспективу универсализации знаний.

М. В. СЕСЛАВИНСКИЙ,

заместитель председателя Комитета по культуре
Государственной Думы

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

С самых ранних этапов развития государственности человеческая цивилизация стремилась через имеющиеся рычаги управления формировать в обществе не только те или иные эстетические и нравственные идеалы, но даже вкусы и пристрастия. Как правило, эта деятельность носила объективный, и субъективный характер. Наряду со стремлением руководителей многих государств (особенно это заметно в периоды расцвета цивилизации) стимулировать деятельность творцов во всем самым разным направлениям искусства, фактически неизбежно существовали и тенденции, характерные для тоталитарных и посттоталитарных обществ. Имеется в виду желание навязать обществу однообразные и зачастую тенденциозные эстетические взгляды.

Эти направления государственной политики весьма отчетливо наблюдаются и в новейшей истории развития российского государства.

Общеизвестно, что в период развития социалистического тоталитарного общества стремление крайне сузить мировоззрение основной части населения и поставить всю отечественную культуру в рамки государственной идеологической концепции проявлялось наиболее отчетливо. Экспрессивные меры за инакомыслие и даже «инаковидение» окружающего мира были стремительными и эффективными. Стимулирование творцов со стороны государства также происходило с применением идеологических критериев.

Нынешнее состояние этой проблемы также весьма любопытно. С одной стороны, государство на словах и на деле стремится к идеологическому и эстетическому многообразию. Этот принцип неоднократно провозглашается в Конституции Российской Федерации (ст. 13, 19, 28, 29,

30, 44 и др.). Аналогичные положения зафиксированы и в законодательных актах, регулирующих взаимоотношения в области культуры. Так, например, Закон "О библиотечном деле" прямо провозглашает в качестве обязанностей государственных и муниципальных библиотек необходимость отражать в своей деятельности сложившееся в обществе идеологическое и политическое многообразие (статья 12). Статья 11 "Основ законодательства Российской Федерации о культуре" гарантирует каждому человеку право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности. Современное законодательство весьма медленно, но неуклонно формулирует общепринятые нормы и принципы финансовой поддержки различных направлений развития духовной сферы. Это выражается как в бюджетном финансировании, так и в различных налоговых льготах для организаций и учреждений культуры, а также непосредственно для творцов.

С одной стороны, часто приходится сталкиваться и с пережитками прошлого, проявляющимися не столько в избранном (по идеологическим мотивам) распределении со стороны государства различных материальных благ, сколько в сохранившейся тенденции зависимости получения финансовых средств от теплых личных отношений с представителями государственной власти. Наиболее ярким примером этого состояния общества является широкомасштабная деятельность в Москве скульптора Зураба Церетели. Крайне критическое отношение к ней основной части общества и средств массовой информации не может пока оказать влияния на руководство города, активно навязывающего свои вкусы жителям столицы, не считаясь ни с какими затратами из бюджетных средств.

По всей видимости, стратегическим направлением решения проблемы взаимоотношения отечественной культуры и государства является создание гораздо более эффективной системы экономических мер, стимулирующих привлечение в духовную сферу частного капитала, и развитие открытой и гласной политики по распределению бюджетных ассигнований на всех уровнях государственной власти.

В. П. МОТЫЛЬ,
кинорежиссер

КОГДА В ЖИЗНИ НЕ ХВАТАЕТ ГЕРОЕВ...

Настоящий фильм всегда было снять сложно. Это иллюзия, что художник сегодня свободен в своем творчестве. Диктат идеологический сменился диктатом экономическим. Даже когда уже начались съемки последнего моего фильма "Несут меня кони", я все время боялся, что его так и не удастся доснять.

Мы простаивали по четыре с половиной месяца. Представьте, на "Мосфильме" уже построены декорации, а нас туда не пускают — счет за аренду не оплачен вперед.

А до того была вообще целая эпопея. Я все время "прокалывался" на каких-то проходимцах, которые меня сами находили и использовали. Около трех лет назад на меня вышел один полковник, якобы ветеран Афганистана. Он сказал, что его обуревают мечты помочь мне сделать фильм, что он под это дело создаст для меня студию, на которую у него есть хорошие деньги. Сказал, что я могу снимать все что угодно. Лестью полковника я был просто пленен. А в то время действовало положение, согласно которому предприниматели, вкладывающие деньги в культуру, имели право на льготный кредит. Полковник взял кредит якобы под мою студию — и был таков.

Потом был другой жулик, который возглавлял фирму, связанную с торговлей самолетами, а заодно, как потом выяснилось, — с порнобизнесом. Вертелись там какие-то чеченские военные. Мне были обещаны большие деньги под новый проект. Но и эти ребята внезапно испарились. А перед тем помогли некоему американскому соинвестору перевести лучшие мои фильмы в систему NTSC. Многие месяцы работы пропали даром, пока меня водили за нос эти пройдохи.

Но в былые-то годы волокиты и унижений было еще больше. Непробиваемая стена. Хамство, чванство чиновников. Они меня ненавидели за то, что я находил в себе силы не делать им незаслуженных комплиментов. Раздражало и мое нежелание состоять в штате какой-то одной киностудии. Но если б я не имел возможности кочевать по студиям разных городов и республик, предлагая свои замыслы одновременно в нескольких местах, ни один из моих фильмов вообще не вышел бы на экран. И уже на четвертом году обвального успеха "Белого солнца пустыни", когда

я приступал к "Звезде пленительного счастья", союзный министр кинематографии прямо сказал обо мне в Карловых Варах: "А вот этот режиссер делает совсем не то, что нам нужно!". Потом запретили мою картину "Лес". Я написал письмо с протестом в ЦК. Это была полная глупость с моей стороны. Еще писал председателю Совета Министров, требуя разоблачить обман. Нас тогда грубо обсчитали по "Белому солнцу пустыни". Съёмочной группе заплатили в пять раз меньше положенного. В результате я в Госбезопасности попал под формулировку "тенденционист". Это когда ты вроде бы еще не диссидент, но, раз жалуешься на министра кинематографии, члена ЦК, значит, у тебя тенденция против власти. Все — невыездной! Поездки по миру, даже в качестве туриста, для меня были исключены.

При тоталитарном режиме киногенералы сделали все, чтобы мое имя нигде не мелькало.

Когда какие-то иностранные журналисты пробовали устроить мою пресс-конференцию, им говорили: "Ну что вы! Этот режиссер завален предложениями, его нет в Москве, он где-то новый фильм снимает". А я в это время занимал у знакомых где пятерку, где десятку, чтобы как-то продлить свое существование. С матерью-пенсионеркой, без собственной крыши над головой, снимая углы по коммуналкам.

Я как-то привык, что обо мне молчат. И сейчас уже не хочу переделываться в сверхзаметную светскую личность. Смотрю на всех этих "бомондюков", отупевших от успеха, — мне противно, я не хочу рядом с ними сидеть. Меня недавно пригласили на московскую презентацию "Планеты Голливуд" Шварценеггера. Гостей поместили в какой-то накопитель, черт знает сколько там продержали, а потом говорят, что надо пройти перед телекамерами по такому красному "языку". Я вырвался оттуда и пошел прямо в ресторан. Шоу посмотрел, с коллегами пообщался. Но выхаживать перед зрителями по ковровой дорожке мне неохота.

Я знаю, что и Ельцин, и Черномырдин, и мэр Лужков, и генерал Лебедь публично признавались в любви к "Белому солнцу пустыни". Но на мою судьбу это по-прежнему никакого влияния не оказывает. Как при Брежневле этот фильм "скинули" с госпремии, так и в наши дни он, дважды выдвинутый РТВ, был проигнорирован моими коллегами. На сей раз один из фаворитов нынешнего Президента Ролан Быков, который возглавляет киносекцию по госпремиям, счел фильм недостойным.

Я мог бы, конечно, подойти, полюбопытствовать, в чем дело. Но я не могу себя заставить выяснять отношения из-за таких вещей. Мне в 1992 году звание хотели присвоить — я и от него отказался. Это же все атрибуты тоталитарного государства. Я уже и так наполучал от народа всяких званий. Приезжаю на Сахалин — там на афишах о встрече со мной написано: "заслуженный деятель искусств России". Отправляюсь в Одессу — там меня уже народным артистом России обозвали. Я объясняю: нет у меня никаких званий! А когда поехал в Америку, там эмигранты вывесили: "Встреча с народным артистом СССР Мотылем"! Вот эта любовь народа перевешивает всю гнилую систему вокруг меня. Поэтому, что со мной ни делали, я не сломался.

Конечно, сегодня ситуация во многом изменилась. Я могу демонстрировать свои фильмы за рубежом. Вот только что возил новый фильм на фестиваль в Чикаго, потом в Италию. В ближайшее время отправляюсь в Германию и в Индию.

Я привык избегать современной темы. В прежние времена я ею не пользовался, потому что, делая фильм "про наши дни", приходилось либо врать, либо идти на самосожжение. Я не был готов ни к тому, ни к другому. И все время тянулся к напоминанию о вечных истинах. "Белое солнце пустыни" было задумано в то время, когда наше общество окончательно обуял прагматизм, и захотелось напомнить, что человек прекрасен именно своей способностью к самоотверженным поступкам. Тогда же я задумал и сюжет о декабристах — "Звезду пленительного счастья".

В сегодняшней нашей жизни есть люди того же калибра, что и герои "Звезды пленительного счастья". Это Сергей Ковалев. Таким был академик Сахаров. Последний пример — мэр Владивостока Черепков. Смотрите-ка: не берет взятки! Караул! Губернатора не слушается, судится с Президентом! Таких людей проще сразу объявлять безумцами. Христа и Магомета тоже называли сумасшедшими, когда они начали проповедовать. И если бы в то время существовали психушки, мир никогда бы не узнал об их великих идеях.

А в этот раз мне захотелось снять любовную историю, которая зацепила бы молодежь. Сделать фильм о грехах молодости, за которые приходится потом расплачиваться. Хотел сначала написать современный сценарий, а потом подумал: "Да ведь все это уже есть у Чехова!". Можно было снять костюмный фильм про чеховскую эпоху, но он бы и стоил дороже, и для зрителя был бы скучнее. Я перенес чеховский сюжет в сегодняшний день, и получилась история слабака, каких вокруг нас большинство. Этакое циничного баловня, проматывающего свою юность, начисто забывающего о Боге. Это и есть современный герой.

Когда-то, при жизни Чехова, критика и его обвиняла в неубедительности повести. Уже в то время дуэли были подзабыты. Разумеется, сегодня они выглядят еще более экстравагантно. Нетипично, что называется. Ну а разве в Красной Армии служили одни Суховы? Разве Д'Артаньян — типичный француз, а Дон Кихот — тип среднестатистического испанца? Я вот вспоминаю слова моего любимого поэта Пастернака. За дословную точность не ручаюсь, но он сказал однажды, что когда в жизни героев не хватает, то обязанность “подбросить” миру настоящего героя ложится на искусство. Будущее кинематографа — в нашей молодежи.

Год назад мы осуществляли очередной набор, и я каждого конкурсанта предупредил письменно: “Подумайте о своих семьях, о кризисе в кино и в стране, который неизвестно сколько лет еще продлится. Готовы ли вы рисковать?”. Но только два—три человека в результате не пришли на экзамены, а сотни других пришли — и был как обычно огромный конкурс. Знаете, эти новые тридцатилетние сильнее тех, что были пять или десять лет назад. Это уже другой уровень. Они способны сопротивляться подлости, подстергающей нас в жизни, они умеют постоять за себя и огрызнуться.

И. ЯРОСНИНСКА,

консул по культуре Генерального консульства
Республики Польша в Санкт-Петербурге

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА В ПОЛЬШЕ

I. Исторический фон (весьма существенен для понимания настоящей ситуации!).

1) Конец XVIII в. — разделы Польши: государство перестало существовать; культура становится основной формой бытия, сохранения нации.

2) Раздвоение польской культуры на отечественную и эмигрантскую:

— отечественная подчинена цензуре и репрессиям;

— эмигрантская объединяет крупнейших мастеров культуры XIX в. (Мицкевич, Словацкий, Красинский, Норвид, Шопен).

3) Восстановление независимости в 1918 году и возрождение польского государства; недолгая “радость от обретенной свалки” по определению одного из выдающихся тогдашних польских писателей. Люди культуры (интеллигенция, писатели, художники и пр.) полны желания служить своему государству. Символом единения, сплоченности становится факт предоставления Стефану Жеромскому (“совести нации”) квартиры в Варшавском Замке (подобно тому, как если бы А. Солженицын поселился в Кремле).

4) 1939—1945 годы. Война и немецкая оккупация — польская культура снова в подполье; потери в польской культуре.

II. Ситуация в культуре после 1945 года.

1) Установление цензуры (1946 г.), охватывающей практически все сферы жизни (в культуре и образовании прежде всего).

2) 1949 г. — Штеттинский съезд писателей провозглашает доктрину социалистического реализма как “единственно верную форму художественной выразительности”.

3) Культура становится инструментом идеологии государства-партии. Отсюда опять разделение польской культуры:

— на “официальную”, т. е. подчиненную цензуре и “за это” пользующуюся разнообразными привилегиями: “придворные” мастера (например, Галчинский) и рядовые исполнители соцреалистических рецептов;

— на эмигрантскую, снова Париж, как 100 лет назад, становится средоточием выдающихся мастеров (Милош, Гомбрович, журнал “Культура”, позже — художники, например Ян Лебенштайн, кинорежиссеры — Роман Полянский);

— конец 70-х гг. — возникновение в Польше уникального явления, так называемого “другого обращения”, т. е. “обращения вне цензуры” (подпольные издательства, домашние театры и пр.), после введения военного положения — Комитет независимой культуры осуществляет практически широкие функции Министерства культуры.

III. Ситуация культуры после 1989 года. Образование нового государства (называемое подчас Третьей Жечпосполитой — для акцентирования преемственности традиций демократической Польши).

1) 1990 год — ликвидация цензуры; самороспуск “другого обращения”; возвращение ряда мастеров из эмиграции (назидательный пример ранга символа — основатели подпольного издательства NOVA (NOWA) становятся директорами крупнейшего в стране Государственного научного издательства, PWN).

2) Польская культура как бы спланивается, во всяком случае она начинает излечиваться от прежних болезней.

3) И все же травмы остались: любая связь с государством (“культурная политика”) воспринимается как покушение на свободу и независимость культуры.

4) С другой стороны, сохраняется закодированная идея покровительства, меценатства государства (“государство-опекун”), особенно по отношению к второразрядным мастерам, поскольку государство выделяло стипендии, финансировало издательства, театры, кинематографию и т. п., то есть давало возможность как-то (худобедно) прожить, но требовало взамен абсолютного послушания (о чем сейчас легко забылось).

IV. Последствия перемен в государственном строе: пауперизация интеллигенции и культуры, необходимость перехода на собственный расчет, неременное приспособление к законам рынка, действующим и в данной сфере жизни.

V. Идеал? Предотвращение известной по прошлому ситуации, когда культура служила государству (разными способами): именно государство должно служить культуре, гарантируя преемственность и достойное существование ее основополагающих институтов, таких как национальный музей, национальный театр, национальная филармония, национальная библиотека. Культура, в свою очередь, должна служить универсальным, а не сиюминутным политическим целям.

ВАН СТРАТЕН,

консул Генерального консульства Нидерландов в Санкт-Петербурге

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАВАНЬ

Нидерланды — это страна, окруженная многими соседями. Она граничит с морем, открыта всему миру, и большая часть ее территории — искусственные насыпи грунта. Это страна, которая, не впадая в изоляцию, выделила себя весьма примечательно из своего окружения и языком, и историей, и национальным характером народа. С другой стороны, смесь любознательности и предпринимательского духа позволила голландцам держаться вполне самостоятельно среди больших по размерам и более “самоуглубленных” (склонных к самосозерцанию) стран.

Идиосинкразическая (т. е. не приемлющая влияния), но далекая от доминирования или угроз, страна стала своего рода сторожевым постом, но в то же время и местом встреч, рынком для товаров и идей, местом, где все “линии” сходятся.

В культурном отношении это вело к свободе мысли, выражения и поведения, к относительной терпимости и эгалитаризму. И все это в атмосфере гармоничного мира и респектабельной умеренности, которые считались (особенно в прошлые века) одним из чудес света.

Фактически Нидерланды — это свободный порт, место встреч людей со всего мира. Амбиции, связанные с желанием Нидерландов быть международным арбитром, и специализация на инфраструктуре позже стали играть важную роль в зарубежной культурной политике нидерландцев, а возможно, даже в политике страны в целом. Именно поэтому я проявляю интерес к программам пребывания здесь зарубежных деятелей искусств, к международным фестивалям и международным учебным программам, к программам визитов и создания в стране различных центров интернациональной деятельности. Важным является также сотрудничество с соседними странами нашего геокультурного региона.

Идея Нидерландов как свободного порта будет далее развита в программе, задуманной с целью предоставить известным зарубежным артистам возможность приехать и работать здесь в течение ограниченного времени. Цель этого джояка. С одной стороны — дать возможность гостям познакомиться с голландским обществом и голландской культурой. С другой стороны — она позволяет голландским деятелям культуры встретиться с деятелями искусства из других стран и по возможности начать новые совместные проекты. Это, конечно, оживит культурную жизнь в Нидерландах, поможет распространению голландской культуры за рубежом. Принципами развития этой концепции являются осуществление связи между уже существующими инфраструктурами и предоставление координационной и информационной поддержки.

Международные фестивали могут помочь составить представление о Нидерландах как о месте международных встреч и поэтому заслуживают дополнительного внимания. Зарубежные страны все более проявляют интерес к системе менеджмента в сфере культуры и к политике в этой области, сформировавшейся в Нидерландах. Большой вклад в это вносят публикуемые по инициативе Совета Европы доклады о голландской культурной политике. Я начну программу визитов, чтобы зарубежные эксперты могли приехать и изучить ситуацию в Голландии самостоятельно. В нашей стране существует ряд учебных центров с международной репутацией. Это помогает крепить международные связи студентов и преподавателей. Одним из путей повышения статуса учебных центров является их специализация. Это особенно важно в сфере культурного наследия. Я рассмотрю этот аспект в его европейском контексте. По мере интернационализации международные связи растут и в культурной сфере, в той самой сфере, где голландские учреждения культуры хорошо представлены. Я согласен с тем, что интерес к международным структурам и организациям очень важен. В рамках Совета Европы и ЕС (Европейского Союза) я буду добиваться более существенной финансовой базы для такого рода международных организаций.

Парадоксально, но по мере развития европейской интеграции и исчезновения межгосударственных границ контингент все более и более становится региональным. Внешнее влияние на культурное развитие в странах все более усиливается, и поэтому становится все труднее контролировать события исключительно в национальном контексте, через национальную политику в области культуры. Поэтому в последние годы все больше внимания уделяется культурным связям с нашими соседями. Прежде всего, учитывая наше общее лингвистическое наследие, растет сотрудничество с Фландрией (провинция Бельгии). Более тесные отношения поощрялись с немецкой провинцией Рейнланд — Вестфалия, областью, близкой Нидерландам по размеру, населению и культурной инфраструктуре.

Особое значение в последние годы приобретают также проекты в области развития и культуры в странах “третьего мира”. В рамках культурной политики есть место и для деятельности в поддержку процессов демократизации, особенно в странах Ближнего и Дальнего Востока, в Суринаме и ЮАР. На основе перечня задач, составленного моим коллегой, занимающимся проблемой развития стран “третьего мира”, будут приняты решения о более тесном сотрудничестве. В краткосрочном плане будет начат ряд совместных проектов. Никогда раньше не могли Нидерланды гордиться таким культурным разнообразием. Важно и то, что мы поддерживаем крепкие культурные связи с местами проживания и регионами наших этнических общин. Я имею в виду конкретно Марокко и Турцию, которые связаны ныне новыми узами партнерства с ЕС и странами Средиземноморья, а также Суринам и (в рамках нашего королевства) Нидерландские Антилы и Арубу.

Сегодня многостороннее сотрудничество в области культуры сфокусировано на общих проблемах и кросс-границных темах. Интерес к Нидерландам связан со сравнительным изучением культурной политики, с программами по ликвидации неграмотности, с образованием в области культуры, с культурным наследием и аудиовизуальными средствами массовой информации. В ЮНЕСКО Нидерланды предложили дополнения к списку мировых памятников культурного наследия, а также способствовали распространению идей Гаагской конвенции по защите культурного наследия в периоды вооруженных конфликтов. Новыми темами в этой сфере являются подводная археология и нелегальная торговля предметами культурного наследия. Включение параграфа о культуре и дополнений к статье 92 Маастрихтской конвенции привело к более здравому подхо-

ду к проблемам культуры в Европе. Я не вижу необходимости в изменении существующей структуры, но возможность для улучшения работы в области культуры со стороны Совета Министров ЕС существует.

Культурные презентации являются важной частью международных мероприятий. Я собираюсь выделить определенный фонд или создать организацию, действующую как голландский комиссариат при презентациях нидерландского изобразительного искусства, архитектуры и дизайна, таких как Венецианские биеннале или Миланские триеннале.

Задача пропаганды на международных выставках голландского дизайна ложится на Институт дизайна. В сотрудничестве с министром экономики я добьюсь того, что качество голландского дизайна будет достойно представлено на экономических презентациях за рубежом.

Нидерланды имеют культурные связи с Индонезией, Суринамом и ЮАР. Голландцы оставили после себя многочисленные здания, архивы и археологические памятники за пределами Европы. Информацию об этом аспекте нашей культуры надо сделать доступной. Я буду сотрудничать с министром по делам развития стран "третьего мира" по этому вопросу, имея в виду важность культуры в процессе экономического и социального развития. Контакты с правительством ЮАР выявили их интерес к культурному сотрудничеству с Нидерландами. Голландская позиция в международном движении против апартеида сыграла в этом свою роль, так же как и наши общие исторические связи, особенно, конечно, наш язык. По просьбе правительства ЮАР я в 1995 и 1996 годах принял участие в подготовке проекта культурной политики. Сотрудничество с нашими коллегами из "параллельного" отдела будет продолжаться и по другим направлениям. На границах королевства наши культурные связи с Нидерландскими Антилами и Арубой занимают особое место. Здесь большую роль играют голландские аренды и институты (организации).

Я договорюсь с рядом фондов и организаций относительно дальнейшего хода формирования международной культурной политики и относительно ее приоритетов, буду также держать под контролем планы субсидируемых организаций в этой области. Там, где это будет необходимо, я буду рассылать ежегодные рекомендации относительно финансовой поддержки такими организациями специальных сфер, которые я посчитаю важными. В определенных случаях я предоставлю ресурсы соответствующим фондам и организациям.

В Северной Америке великолепные результаты были достигнуты вследствие назначения эксперта по голландской культуре на дипломатический пост, своего рода офицером связи по вопросам международного культурного сотрудничества. Создание сети таких функционеров в крупнейших культурных центрах мира не представляется целесообразным, но в сотрудничестве с государственным секретарем по международным связям я буду изучать вопрос о постепенном увеличении нашего представительства в течение ближайших четырех лет, начиная с Германии. Неформальная сеть местных советников может явиться важным фактором осуществления международной культурной политики. Я буду просить фонды культуры и учреждения использовать силы дипломатов для анализа местных условий при оценке международных проектов.

АННА-МАРИЯ ЛИУККО-ХАННАНЕН,

визе-консул Генерального консульства Финляндии в Санкт-Петербурге

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ

Большие изменения, произошедшие в Европе в конце 80-х годов, активизировали и культурную политику. Они открыли наличие таких движущих сил культурного развития, которые практически были забыты в период раскола мира на два лагеря в 1945—1989 годы. Эти движущие силы связаны с проблемами национального государства, национализма и национального самосознания и через них — с важнейшими проблемами культурной политики.

В Финляндии, как и в других скандинавских странах, вопросы национализма и национального самосознания не стояли так остро в политических дискуссиях и в культурной политике, как

в других странах Западной Европы. Сильное национальное самосознание народа и центральная роль национального государства всегда считались само собой разумеющимися. Это связано со сравнительно высокой культурой и лингвистической однородностью. Мирное развитие национальной культуры и современной демократии в сочетании с благоприятным экономическим развитием тоже внесло свой вклад. В Финляндии, как и во всех странах Скандинавии, быстрое преобразование традиционного национального государства в современное государство всеобщего благосостояния также усилило чувство национального самосознания народа и роль национального государства.

Хотя до недавнего времени страны Скандинавии демонстрировали схожие схемы развития в отношении национализма, национального самосознания, национального государства и направления культурной политики, эта схожесть не может быть переоценена. Особенно в Финляндии развитие во многих отношениях отличалось от пути развития других скандинавских стран, так как на протяжении более ста лет она была отделена от остальной Скандинавии в период вхождения в состав России в 1809—1917 годы. Следовательно, развитие в политическом отношении было более интенсивным и продуманным.

Региональное распределение и финансирование культуры

Культурная политика определялась постепенно через законодательство, и этот процесс продолжается в тесном сотрудничестве с реформой образования. Обширный план по разделению обязанностей и расходов между центральной и местной администрацией, разрабатываемый в 1980-х годах и в настоящее время завершённый, частично превратил правительство из источника финансирования в автоматический источник фондов, чей вклад будет главным образом основываться на местном населении и на налоговой системе.

Это будет означать, что обязанности центрального правительства будут сосредоточены на высшем образовании, предоставлении грантов мастерам искусства, на государственных культурных учреждениях и главных культурных событиях.

В будущем предусматривается, что правительственные чиновники оставят свои кабинеты и отправятся на места посмотреть, где культурный рост наиболее силен. В настоящее время такие полевые наблюдения и сбор данных производятся в основном двумя маленькими, но активными научными центрами. Один из них, Отдел исследований и публикаций Художественного совета Финляндии действует при Министерстве образования. Другой исследовательский центр — Отдел исследований современной культуры в университете г. Ювяскюля.

Консультации экспертов в Национальном и региональных Художественных советах — решающий фактор в поддержке искусства. Целью Национальных художественных советов и Художественного совета Финляндии, образованных в 1968 году, в первую очередь является содействие развитию изобразительного и сценического искусства путем предоставления грантов и рекомендаций Министерству образования. Региональные Художественные советы решают схожие задачи в своих регионах. Поддержка непрофессионального искусства осуществляется через региональные Художественные советы, так как они имеют лучшее представление о микроструктуре, в которой действуют различные любительские коллективы их регионов. Целью является передача полномочий на принятие решений от министерства на низшие уровни, а также создание контактов между секторами общественной администрации.

На муниципалитеты возложена ответственность за культурную деятельность, объединяющую местные особенности. Законодательством от 1980 года обеспечивается государственная поддержка культурной деятельности на местах, а местные власти обязываются оказывать ей содействие. Основные культурные службы определяются как публичные библиотеки, образовательные учреждения для взрослых, музыкальные школы, учреждения культуры и искусства и общая муниципальная культурная деятельность. В среднем 40 процентов средств поступает от центрального правительства и 60 процентов — из местных доходов. Местная администрация вправе сосредоточить внимание на каком-либо одном важном разделе культуры.

Культурное строительство

Одним из основных требований развития культуры на местном уровне является наличие должных предпосылок. В 1980-х годах в Финляндии было построено около 200 библиотек, 30 культурных центров и множество общественных и спортивных зданий. Школьные здания часто предназначены служить многофункциональными центрами.

Самым значительным правительственным проектом в области культурного строительства стал новый Оперный театр в Хельсинки (1993 г.). Целью этого проекта явилось придание большого национального и международного значения оперному и балетному искусству Финляндии. Государство также выделило средства на строительство новых театров в Тампере, Лахти и Ювяскюля, а также на реконструкцию старейшего театра Финляндии, Шведского театра в Турку.

Роль литературы в финской культуре

За всю историю существования финской нации искусство и культура были представлены в основном организациями. Эти организации сначала были образованы спонсорами, а впоследствии профессионалами. Образованные в XIX веке спонсорские организации имели как лингвистическую, так и политическую направленность. Одной из таких старейших организаций является Общество финской литературы, основанное в 1831 г. для распространения финского языка, поддержки финноязычной литературы и распространения информации о Финляндии и ее истории.

Общество опубликовало "Калевалу" и "Кантелетар", ставшими классическими символами финской литературы, а также переводы на финский язык таких классиков мировой литературы, как Шекспир и Шиллер. В настоящее время Общество занимается публикациями и исследованиями, при нем действует Финский литературный информационный центр, который поддерживает международные контакты в области литературы, организует семинары и встречи.

Литература, чтение и доступность книг всегда были важными элементами культурной политики Финляндии. В настоящее время правительство выделяет на литературу 30 млн финских марок, из которых 80 процентов получают авторы. Эта сумма не включает субсидии для публичных библиотек, которые составляют 800 млн финских марок. Финляндия является одной из ведущих стран Европы по количеству публикаций на человека.

Культура в средствах аудио- и видеотехники

Взаимодействие между средствами аудио- и видеотехники и культурой — одна из важнейших проблем культурной политики в ближайшем будущем.

На местном уровне видеостудии были созданы для поддержки любительской видеопродукции и как часть муниципальной культурной деятельности для молодежи. Прогресс в средствах связи привел к появлению новых профессий, они были включены в образовательную политику. Хотя в различных областях искусства используются новые технологии, открытый взгляд и новые перспективы все еще необходимы для ломки традиционных предрассудков.

Эффективная защита авторских прав является одним из основных направлений в новой международной политике в области культуры и средств связи. С 1970-х годов страны Скандинавии сотрудничают по вопросам реформирования законодательства об авторских правах. В Финляндии для этой цели был образован Национальный комитет. Недавно эта работа была объединена с законодательной деятельностью ЕС.

Шведскоязычная культура и культура других национальных меньшинств Финляндии

В отличие от финноязычной культуры положение шведскоязычного меньшинства и его культуры в Финляндии всегда было на высоком уровне. Значение шведского культурного наследия для нации в целом хорошо понятно. Музыка и литература всегда были традиционно сильны в шведскоязычной культуре Финляндии. Принцип равенства языков осуществляется в деятельности культуры и досуга.

Саамы являются древнейшей этнической группой в Северной Европе. Они говорят на одном из финно-угорских языков и имеют собственную культуру. Главной заботой саамов является сохранение своего языка и культуры, а также поиски возможностей для развития традиционных ремесел. На саамском языке ведется преподавание в школах, саамские художественные организации получают совместные субсидии от скандинавских стран.

Другим значительным национальным меньшинством Финляндии являются *цыгане*. Средний уровень образования у цыган ниже, чем у остальной части населения. И все же высокая оценка уникальности культур национальных меньшинств связана с более широким пониманием многокультурной действительности.

Финляндия понимает необходимость даже для небольшого культурного сообщества поддержания культурных связей с другими народами. Сотрудничество со скандинавскими странами определялось ходом истории, но, с другой стороны, контакты со странами Балтии и российской Карелией очень важны для стимулирования развития национальной культуры, традиций и искусства, несмотря на политические изменения, происходившие в разные годы.

Культурная политика ЕС и Совета Европы рассматривает вопросы, которые Финляндия считает современными. Для Финляндии Маастрихтское соглашение открыло новые пути для сотрудничества с другими европейскими странами. Без ложной гордости мы можем сказать, что культура и искусство являются в Финляндии правом каждого человека. При этом не имеют значения его богатство или происхождение, и целью культуры является на многих уровнях и множеством путей помочь людям наслаждаться богатством мысли и полнотой жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ.

ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой культурологии, доктор культурологических наук, профессор

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Сегодняшнее состояние российской духовности вызывает глубокую озабоченность. Результаты многочисленных исследований фиксируют снижение показателей духовной жизни общества, значительную переориентацию общественного сознания с гуманистических идеалов на ценности материального благополучия, гедонизма. Не менее существенные проблемы наблюдаются в гуманитарной сфере. Происходит интенсивное разрушение русского языка, ведущее к деформации национальной картины мира. Теряет позиции гуманитарная интеллигенция, которая традиционно являлась наиболее совестливой частью общества. Практически невостребованным в ходе реформирования страны остается огромный человекотворческий потенциал российской гуманитарной культуры.

В связи с этим особенно актуальным становится всестороннее и комплексное исследование гуманитарной культуры — ее сущности, функций, специфики российской гуманитарной культуры, разработка теоретико-методологических основ реализации ее возможностей в развитии личности в сфере образования, которое необходимо рассматривать как важнейший механизм духовной преемственности, сохранения и развития культурного достояния нации и всего человечества.

Гуманитарная культура есть прежде всего человекоориентированная составляющая культуры, высшее проявление идеальной деятельности человека, процесс, результат и критерий духовного богатства индивида и общества, условие индивидуализации культуры и социализации личности. Пронизывая все уровни культурного организма, она концентрируется вокруг духовно-нравственных основ человеческого бытия и содержит в себе всю совокупность универсальных способов реализации сущностных сил исторического субъекта, выступая тем самым как проявление истинной сущности человеческой истории и культуры.

Мир гуманитарной культуры — это рефлекслируемый срез человеческого опыта и бытия, содержащийся в языке, традициях, преданиях, т. е. в “текстах” культуры. Развитые формы че-

ловеческого самосознания, вырабатывая идеальные представления о должном и опредмечиваясь в формах гуманитарной культуры (религия, философия, искусство, нравственность), становятся надличностной системой регуляции отношений человека к миру, другим людям, самому себе. Носитель гуманитарной культуры — совокупный общественный субъект. Ее “тело” уходит в бесконечное прошлое, в текстах и преданиях которого фиксируется вся совокупность духовно-нравственных, художественно-эстетических, политических, ценностных ориентаций, потребностей, идеалов, содержатся идеальные модели будущего.

Гуманитарная культура принципиально диалогична, она живет в пространстве социально-культурных коммуникаций. Бытие гуманитарной культуры — это всегда *со-бытие*. Вне духовного мира человека, воспринимающего “текст” гуманитарной культуры, она мертва. Именно диалогический характер постижения человеком явлений гуманитарной культуры принципиально отличает этот процесс от изучения естественнонаучных или технических знаний, которое монологично по своей сути.

Гуманитарная культура — важнейшая часть духовной культуры общества, которая живет в форме “текста” и выполняет функцию сохранения и передачи духовного опыта человечества. С другой стороны, духовная культура является частью гуманитарной культуры, которая интериоризирована субъектом, вошла в сферу его духовной жизни и приобрела там свойство уникальности и неповторимости. Иными словами, духовная культура — это бытие гуманитарной культуры “в человеке и для человека”, в его сознании и переживании. Духовность — это феномен, отражающий конкретный уровень развития личности и общества, который во многом определяется потенциалом гуманитарной культуры, но не равен ей. Процесс формирования духовности носит сложный и противоречивый характер, нередко сопровождается снижением нравственных критериев и превращается в свою противоположность — бездуховность и нравственную деградацию личности.

Гуманитарная культура, находя свое концентрированное выражение в сфере религии, философии, морали, не сводится к аксиологическому пласту культуры. Онтологический срез ее бытования обнаруживается в системе базовых культурных ценностей, в языке, искусстве, в общественной нравственности, нормах, традициях, преданиях. Праксеологический аспект гуманитарной культуры проявляется в идеологии, политике, образовании, которые институционализируют ее ценности и идеалы, создают условия для их практической реализации. Особое место в гуманитарной культуре занимает искусство как универсальный способ художественного освоения человеком мира.

Гуманитарная культура выполняет важнейшие функции в системе “личность — общество”, задает жизненные ценности и идеалы (как личностные, так и общественные), социальные ориентации и стандарты поведения, способствует общественному согласию, консолидации человеческих сообществ, обеспечивает индивидуальное самоопределение личности (ее понимание смысла жизни, представление о чести и достоинстве и т. д.), социальный контроль (как внешними запретами, осуществляемыми с помощью социальных институтов, так и внутренними “контролерами”, функцию которых выполняет нравственное переживание ответственности и долга, совести и вины). Гуманитарная культура выступает специфическим средством познания мира и человека, является тем уникальным социальным механизмом, благодаря которому совершается процесс наследования, передача духовных ценностей, социального опыта от одного поколения к другому.

Жизнь общества периодически обрывает связь времени и нить культурной преемственности, вырывая целые поколения из культурного континуума (революции, перестройки и т. п.). И лишь “тексты” гуманитарной культуры, которые предзаданы субъекту, фиксируют “генотип духовности”, выполняют функцию национального самосознания и культурной самоидентификации все новых и новых поколений. В этой связи гуманитарную культуру можно рассматривать как форму духовного обмена между различными поколениями, историческими эпохами и народами, сущностными силами и продуктами духовного производства — общественно значимыми идеалами и ценностями, приращиваемыми в ходе исторического развития общества, человечества. Каждое новое поколение, входящее в мир гуманитарной культуры, актуализирует и реализует свою социальную и индивидуальную сущность и тем самым воспроизводит ее вновь и вновь. Гуманитарная культура содержит не только “генную” информацию, обеспечивающую самостождественность и целостность социума, но и “иммунную” матрицу, которая позволяет субъекту идентифицировать себя с определенной системой ценностей и одновременно распознать образ и элементы “других” культур. Ценностное “разоформление” культуры вызывает кризис идентичности, духовно дезориентирует человека.

“Тексты” гуманитарной культуры являются основой формирования ценностных ориентаций человека и общества. Диалог с идеальным миром гуманитарной культуры, который потенциально содержит в себе всю совокупность сущностных предназначений и смыслов человеческой жизни, дает возможность каждому ответить на вопрос, зачем, во имя чего живу, работаю, творю?

Ценностно-ориентационный потенциал особенно ярко демонстрирует российская культура, которая всегда была сконцентрирована на проблеме идеала, рассматривая его и как путь личного самосовершенствования и обретения смысла жизни, и как метафизическую проблему смысла существования России во всемирной истории. Это философское направление, которое терминологически определилось как “русская идея”, объединяет в одну философскую традицию самых разных мыслителей — Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, Л. Карсавина, Н. Бердяева, И. Ильина, евразийцев и др.

Индивидуализирующая функция гуманитарной культуры проявляется в ее способности обеспечить человеку понимание собственной уникальности и неповторимости, обрести свое *призвание*. Воспринимая “тексты” культуры, человек целостным образом самопроявляет свою сущность, которая разворачивается и объективируется в процессе диалога — с идеей, автором, героем.

Социально-консолидирующая функция гуманитарной культуры определяется самой сущностью гуманитарного творчества, которое социально, диалогично по своей природе. Именно пласт гуманитарной культуры, представляя собой концентрированную форму самосознания общества, содержит в себе ценностно-ориентационные доминанты, составляющие основу и специфику национально-культурной ментальности — духовного пространства, базовые ценности которого являются своеобразными “линиями притяжения”, преобразующими эмпирическое многообразие национальной культуры в единую системную целостность.

В этом плане отечественная гуманитарная традиция обладает огромными возможностями. Исторически сложилось так, что объекты-образы-символы национальной идентификации в России не носили этнического характера — самоопределение осуществлялось по вероисповеданию или по территориальному признаку. Тип “советского” самоопределения также соответствовал традиционной, внеэтнической природе национальной идентификации российского человека — в эпоху “развитого социализма” символом идентификации был “советский народ” как новая историческая общность людей. После распада Союза произошли резкое усиление значения этнического фактора в структуре самоидентификации, политизация этнического самосознания.

Сегодня противовесом этническим основаниям идентичности могут стать духовные факторы консолидации. Не этническое происхождение, но отождествление с типичной и сущностной системой базовых ценностей определяет принадлежность человека к культуре, социуму, обеспечивая тем самым единое смысловое, ценностное и коммуникативное пространство общества. Отечественная гуманитарная культура содержит в себе ценности, способные консолидировать общество, обеспечить мировоззренческую основу разработки концепции национальной идеологии переходного периода.

Разработка условий и механизмов востребованности человекотворческого потенциала российской гуманитарной культуры — одна из важнейших теоретических и практических проблем. Глубокие изменения, переживаемые ныне Россией, охватили все сферы ее жизни, оказали существенное воздействие на духовный уклад общества. Они заставляют пересматривать многие традиционные идейно-нравственные ценности, искать новые духовные ориентиры. Отечественная гуманитарная культура содержит в себе проблематику таких пластов бытия человека и общества, которые сегодня приобретают особую актуальность в связи с характером переживаемого российским обществом этапа. Это прежде всего тексты религиозно-философского направления, центральным предметом которых был поиск духовно-нравственных устоев человеческого бытия и одновременно анализ политико-идеологических реалий российской общественной жизни, проблем исторического призвания России. Философский пласт гуманитарной культуры генерализует антропологический, гуманистический смысл всей русской духовной мысли. При этом следует отметить практическую интенциональность российской гуманитарной мысли, которая никогда не оставалась равнодушной к проблемам земного бытия. Русские философы постоянно утверждали преобразовательную функцию гуманитарной мысли, ее направленность не только на преобразование самого человека, но и

активное преобразование внешней действительности. Анализ государственно-политической и идеологической сфер общественной жизни, исследование причин и условий революционного движения в России, способов реализации идеала социальной справедливости, оценка перспектив русской государственности, характеристика специфических функций и нравственного долга русской интеллигенции даны в работах Н. А. Бердяева, Д. С. Мережковского, И. А. Ильина, Г. П. Федотова, Ф. Л. Степуна, В. Ф. Эрна, П. И. Новгородцева, П. В. Струве и других. Неотъемлемой частью гуманитарной культуры России являются труды представителей революционно-демократической мысли, в которых всесторонне разрабатывается идеал социальной справедливости, содержится немалый человекотворческий потенциал (Н. Г. Чернышевский, Г. В. Плеханов, М. А. Бакунин и др.). Важнейшей составляющей гуманитарной культуры России является православное богословие, культурное искусство (литература, музыка, живопись и др.), которые растворены в ткани общенациональной культуры и во многом определили ее духовно-нравственный стержень.

Но квинтэссенцией гуманистических исканий всех направлений гуманитарной мысли выступает человек, постижение высшего смысла бытия которого становится центральным пунктом всей отечественной гуманитарной культуры. Проблема человека, смысла его жизни является общей для всех направлений и ветвей русской мысли, которая предельно антропологична, но в то же время иначе (в отличие, например, от философии экзистенциализма) решает проблему человека: да, человек есть основа бытия, но его сущность не в нем самом — она *пред-задана* ему — культурой, историей, миром человеческого общения.

Обращение к “текстам” отечественной гуманитарной культуры, в которых содержится аутентичное осмысление духовного опыта России (в том числе и в наиболее драматичные периоды ее истории), приобретает сегодня особую актуальность. Знание ответов на вечные вопросы бытия может стать мировоззренческой предпосылкой адекватного понимания подлинных причин и реальной картины духовной жизни российского общества в условиях кардинальных перемен, условием поиска оптимальных моделей общественных преобразований.

Проблема востребованности отечественной гуманитарной мысли особенно актуальна для молодежи, которая наиболее остро и болезненно переживает духовный кризис, обусловленный утратой общественного идеала и разрушением традиционных механизмов культурной преемственности. Преодоление нравственной и духовной драмы молодого поколения во многом будет определяться способностью общества (и прежде всего системы образования, воспитания) использовать огромный человекотворческий потенциал отечественной гуманитарной культуры.

СЕКЦИЯ I. РОССИЙСКАЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,

академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, Почетный член Всемирной Федерации исследований будущего, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

К РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ И ДАЛЬШЕ

Общество, как и армия, крепко прежде всего моральным духом. Исторический опыт показывает, что сильная духом армия при прочих равных условиях способна разгромить противника, вдесятеро превосходящего ее по численности. И напротив, общество, так сказать, падшее духом, становится жертвой кучки головорезов. Примеров тому масса, начиная с падения Римской империи и кончая сегодняшними днями.

Одушевление идеей национальной независимости помогло русскому народу сбросить иноземное иго и поднять свое государство на уровень мировой державы. Позже, уже в XIX веке, когда эта идея была на излете, ее пытались реанимировать формулой "православие, самодержавие, народность". Сегодня, когда дезидеологизация общества очевидна и имеет катастрофические последствия, слышны призывы повторить такую попытку. Возможно ли это?

Православие, которому царь Иван Васильевич, царь Алексей Михайлович и царь Петр Алексеевич нанесли сильнейшие удары, подорвав его статус, само нуждается в реанимации. Тем более, что большевики довели дело до полного его разгрома, инициировав губительный процесс тотальной деморализации общества. Хотя, заметим, у религии был и остается значительный потенциал реморализации общества. Дело за тем, чтобы возможно полнее его реализовать.

Что касается самодержавия, то его не надо реанимировать. Сегодня российский президент более самодержавен, нежели российский император после революции 1905 года. Но это только ухудшает положение. Речь идет о необходимости и желательности перехода от лично-авторитарного режима на всех уровнях государственного управления к демократическому не по форме, а по существу.

Наконец, народность может быть понята сегодня в двух смыслах: в смысле националистичности и в смысле демократичности. Первый, учитывая особенности современного положения России, является в самом прямом смысле самоубийственным. Второй, как уже говорилось, желателен, но весьма затруднителен в реализации.

Что может быть предложено еще в качестве национальной идеи?

Обратимся к опыту СССР. Роль локомотива тогда играла коммунистическая идеология, которой придерживалось заведомое меньшинство населения (большинство просто приспособлялось, чтобы выжить), но которая, бесспорно, играла руководящую, ведущую роль в развитии общества. Основная масса населения придерживалась тысячелетней идеологии своих предков, которая и давала силы выжить в чрезвычайно тяжелых условиях. Не случайно именно к ней обращалось в критические моменты и коммунистическое руководство. В основе традиционной идеологии лежали такие ценности, как добросовестный труд, упорядоченный быт и досуг, не дающие разрушать личность и общество, самоотверженность ради семьи, народа, Отечества, государства, преемственность поколений, национальное достоинство и др. Исторический опыт показывает, что люди, воспитанные в таком духе, способны показывать чудеса массовой самоотверженности и героизма.

Очевидно, что эти ценности могут быть востребованы и сегодня, особенно если подкреплены этически и эстетически, в правовом и политическом отношении, с позиции Науки и Веры. Однако, по нашему мнению, они способны лишь незначительно стабилизировать положение, дав ощутимый эффект лишь в процессе смены нескольких поколений, т. е. на протяжении ряда десятилетий.

Положение меняется, если начать глубже осознавать особенности глобальных проблем современности. Прогностические исследования показывают, что человечеству не избежать глобальной

катастрофы в обозримом будущем ближайших десятилетий, если оно не сумеет преодолеть нагнетающиеся негативные тенденции. Растущее сознание надвигающейся опасности должно не пугать, а организовать людей на борьбу с ней. Тогда русская национальная идея органически входит в комплекс идей так называемой альтернативистики — обоснования необходимости и желательности перехода к цивилизации, способной успешно преодолеть глобальные проблемы современности. Не надо никого догонять, не надо никому противостоять — надо вместе с другими народами строить качественно новую цивилизацию. Кстати, именно таким образом могла бы реализоваться мессианская роль русского народа (и не только его одного), о которой говорили многие носители “русской идеи”.

Е. А. КЛИМОВ,

президент Российского психологического общества, декан факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор

НАС ОБЪЕДИНИТ ПРОФЕССИОНЕДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Все согласятся, что априорное уважительное отношение к стороннему, незнакомому человеку и правильное понимание этого человека, его основной активности не могут не вносить важный вклад в душевный комфорт взаимодействующих людей и, в конце концов, в благополучное общественное настроение. Иначе говоря, речь идет о важном условии психологической экологичности социальной среды.

Так, о работнике дошкольного учреждения могут сказать, что он “гуляет”, “играет” с детьми, и то время как на самом деле он реализует программу ознакомления детей с окружающим миром, игровыми средствами он закладывает основы правосознания будущего гражданина. Обобщенно говоря, за кажущейся очевидностью мы сплошь и рядом односторонне, неполно и подчас неверно, обесценивающе понимаем активность самой важной части общества — “делателей”, профессионалов. А непонимание этого рода чревато конфликтами.

Сообразно сказанному мы исходим из психоэкологической гипотезы: если в обществе будет последовательно культивироваться дифференцированное, детальное знание о содержании внутреннего мира разнотипных профессионалов, это существенно минимизирует недоразумения, переживания напряженности, конфликты в сфере взаимодействия “делателей”, руководителей и подчиненных, политиков и народа. “На людей, имеющих заслуги перед республикой науки, я не буду нападать за их ошибки, а постараюсь применить к делу их добрые мысли” (М. В. Ломоносов).

В свою очередь необходимым условием благоприятного состояния общественного сознания является культивирование (в системах образования, воспитания разных типов и уровней, начиная от семьи и кончая высшими формами профессиональной подготовки) уважительного отношения к своеобразию психики стороннего человека, преодоление стихийно возникающей иллюзии, что другие должны видеть и понимать реальность именно “как я”.

Сложность реализации обсуждаемой задачи состоит в том, что психика стороннего человека — реальность незримая; ясные, четкие представления о состояниях и особенностях внутреннего мира сторонних людей отнюдь не легко строить и удерживать в сознании. В связи с душевным и профессиональным невежеством возможно и совершенно искреннее, “честное” варварство, “дожимание” других по своему образу и подобию, что представляется при этом единственно правомерным и нужным.

Дело здесь обстоит не проще, чем, скажем, в отношении таких незримых факторов среды, как радиационная или микробиологическая опасность. Но ведь какой ценой досталось и достается сносное состояние гигиенической, радиационно-экологической культуры в обществе! Не следует думать, что удовлетворительный уровень психологической культуры в ее профессиональном аспекте может возникнуть сам собой. Здесь требуется именно просветительский бум, которому должны предшествовать систематические исследования в области научного психологического профессионализма.

А. А. БОДАЛЕВ.

академик Российской академии образования, действительный член Академии педагогических и социальных наук, Международной академии психологических наук, Международной академии акмеологических наук, Академии наук высшей школы, Балтийской педагогической академии, доктор психологических наук, профессор

ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ И ПОДЛИННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ — ВАЖНЕЙШИЕ УСЛОВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Отечество у нас у всех одно — Россия. Сейчас она в беде. И не только от президента и правительства зависит, как скоро она выйдет из этой беды, но и от каждого из нас. Не так важно, кто этот каждый — министр ли, директор предприятия, банкир, бизнесмен, рабочий, колхозник, ученый, врач, педагог, работник правоохранительных органов, военный, священнослужитель, артист или представитель какой-то другой области труда, но несравнимо важнее, чтобы все, кто носит в своем сердце боль за теперешнее состояние своей Родины, поняли, что их повседневные поступки и деяния или работают на возрождение могучей, материально и духовно богатой России, или тормозят этот процесс, или никак на нем не сказываются, и, соответственно, искали и находили способы сделать свое поведение, свою деятельность полезными не только для себя, но и для России.

Немодный сегодня классик Фридрих Энгельс писал: «Оппортунизм — это предательство интересов цели ради минутных интересов дня». Чтобы не изменять стратегическую цель — сохранение целостности страны, восстановление ее промышленного и сельскохозяйственного потенциала, повышение ее обороноспособности, интеллектуальное и культурное насыщение до высокого уровня среды обитания наших сограждан и превращение этой среды в зону безопасности для их жизней, должны быть достигнуты мотивационная вовлеченность и включенность каждого нашего взрослого соотечественника (как личности и профессионала) в осуществление этой цели. Психологической мотивацией включенности и вовлеченности являются истинные ценности жизни — Отечество, благо его граждан, творческий труд во всех его формах, семья и др. ставшие собственными ценностями человека.

Для нас невозможно возрождение, страна будет еще сильнее ввергнута в состояние социально-бесплодного прозябания и беззастенчивого варварства во всех сферах ее бытия, если названные выше ценности не превратятся в главные мотиваторы поведения и деятельности нашей молодежи.

Поэтому необходимо оградить молодежь от внедрения в ее сознание и самосознание псевдоценностей — культа денег, добываемых любым способом, насилия, животного секса, низкопробной массовой культуры. У психологически зрелой личности псевдоценности, пропагандируемые образом жизни «новых русских» и современными СМИ, «оседают» лишь на периферии ее сознания и самосознания. Но если власть имущие потворствуют «обездуховливанию» и «обессердечиванию» молодого поколения, значит, вся наша интеллигенция должна мобилизоваться и разработать реальную программу по преодолению духовного калечения молодого поколения. Заинтересованные в сохранении национальной культуры партии, академии, творческие союзы, различные фонды, а также церковь не должны остаться в стороне от этого святого дела. Прозвучавший в свое время вопрос-призыв М. Горького: «С кем вы, мастера культуры?» — сегодня как никогда актуален.

Чрезвычайно существенным условием, определяющим движение России вперед, выход из глобального кризиса, в котором она оказалась, является также побуждение каждого нашего согражданина, в какой бы области он ни трудился, стать настоящим профессионалом своего дела. Чем выше и ответственнее пост, предоставляемый человеку, тем значимее для страны, чтобы его занимал профессионал экстра-класса. К сожалению, это правило и поныне не соблюдается при назначении людей на высшие государственные (и не только) должности. Нарушается оно и в тех сферах, от состояния дел в которых в немалой степени зависит жизнеспособность страны. И в результате мы имеем то, что имеем: на протяжении ряда лет неумение создать учитывающую особенности России программу, выполнение которой привело бы к нормализации экономики страны, перестройке и развитию промышленности и сельского хозяйства, нацеленных на применение самых современных технологий, к принятию сопряженных друг с другом законов, действительно работающих на оздоровление общей обстановки в стране, не к словесному, а к подлинному реформированию армии, к упреждению возникновения межнациональных конфликтов, к приоритетному развитию науки, совершенствованию системы образования и воспитания, поддержке здравоохранения, культуры, всей сферы социального обеспечения.

Отсутствие профессионализма проявляется на всех уровнях государственного организма.

В почти забытом сейчас лозунге-призыве периода расцвета советской власти: “Кадры решают все!”, который тогдашнее руководство России сделало достоянием народа, превратив ее в страну всеобщей грамотности и индустриальную державу, была заключена большая правда. Конструктивную идею этого лозунга блестяще реализовал Ф. Рузвельт, выводя США из великой депрессии конца двадцатых — начала тридцатых годов.

Верность, глубина, действенность мысли о том, что “идеи становятся материальной силой общества, когда они овладевают массами”, была не раз подтверждена в критические периоды истории России. Эту идею тоже следовало бы взять на вооружение и реализовать, потому что без привлечения разума и силы народа реформирование России или затянется на долгие годы, или просто провалится.

В. Т. ЛИСОВСКИЙ,

директор Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор

ЦЕННОСТНЫЙ МИР И ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ МОЛОДЕЖИ

Система ценностей человека является фундаментом его отношений к миру. Ценности — это не идеи, а жизненные ориентации. Это относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ, культурных явлений, которые служат средством для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности, то есть “ценности — это то, ради чего люди живут, что они ценят”.

Ценностный мир каждого человека необъятен. Однако существуют вневременные ценности, которые являются значимыми в любой сфере деятельности. К ним можно отнести трудолюбие, образованность, воспитанность, честность, порядочность, терпимость, доброту, человечность и ряд других. Именно падение значимости этих ценностей в тот или иной период всегда вызывает в нормальном обществе серьезное беспокойство.

В современной России разрушены многие ценности, которые еще недавно в массовом сознании казались стабильными, меняется общественно-политический строй. В сфере политики и идеологии царят авторитаризм и экстремизм, ложь и мировоззренческая неразборчивость. В сфере образования — переход от всеобщего среднего образования к девятиклассному. В сфере науки — “безостаточный” принцип финансирования и “утечка умов”. В сфере культуры — торжество пошлости и “кича”, навязывание “генитальной литературы”. В социально-материальной сфере — расслоение на “богатых” и “бедных”, ограбление населения, отказ от принципа социальной справедливости. В международных отношениях — вражда и ненависть, постоянные конфликты и войны.

Трудности в экономике — причина многих возникающих проблем и серьезное основание для политического кризиса. Мы долгое время находились в плену иллюзий, считая, что можно построить более совершенное общество на низкой материальной основе, за счет лишь усиления идеологической и воспитательной работы.

Переход к рыночной экономике затронул интересы и ценности всех слоев и групп российского общества.

Широко распространившиеся в обществе идейно-нравственный вакуум, падение культуры, безработица, “платность” обучения убивают у вступающего в жизнь поколения веру в свои силы и возможности, талант и знания оказываются невостребованными, безудержно растут преступность, пьянство и наркомания.

Молодые люди нуждаются в социальной защите и экономической помощи, в создании необходимых условий для самоопределения и самоутверждения, в сочувствии и внимании. Ибо только образованная, воспитанная, верящая в свои силы и в будущее молодежь может вместе со взрослыми обустроить страну.

Молодость в жизни людей — физически преходящее явление. Каждое подрастающее поколение переходит в новую демографическую фазу, становится зрелым поколением, отказываясь от устаревших ценностей и усваивая формирующиеся нравственные идеалы.

В апреле 1996 года по квотной выборке ученые НИИКСИ СПбГУ провели опрос 1577 молодых людей и девушек 14 городов России.

На вопрос: *“Как Вы думаете, почему в нашей стране появляется все больше бедных людей?”* — респонденты ответили: сегодня у них объективно нет возможности жить лучше — 59,2 %; им не везет — 3,1 %; нет силы воли и они ленивы — 14,0 %; они не избавились от старой идеологии — 16,9 %; другое — 6,8 %.

“Почему в нашей стране есть богатые люди?” — они люди новой идеологии — 27,1 %; умеют работать — 26,8 %; богатство — удел немногих — 18,0 %; им везет — 6,9 %; другое — 21,2 %.

Подрастающему поколению России постоянно навязывают так называемое “новое мышление”, основанное на рваческой психологии, принципе “купи—продай”, диктатуре лавочников и презрении к честному труду. Конечно, молодежь неоднородна и не все сидят в ларьках. Миллионы учатся, честно трудятся, занимаются спортом. И все же серьезное беспокойство вызывает тот факт, что в обществе утрачивается ценность профессионализма, отчуждение от труда захватило все отрасли производства. Исковерканы установки молодых на развитие своего профессионально-квалификационного потенциала. Главное для многих — разбогатеть любым путем.

Дело в том, что в последние годы в России появилось немало реальных возможностей финансового самоутверждения личности, где не требуется высокий уровень образования, но платят большие деньги. Для определенной части молодежи эти пути кажутся достаточно привлекательными, хотя они не ведут к настоящему успеху, а усиливают ощущение духовной пустоты и бессмысленности жизни, временности всего происходящего.

То, что происходит сегодня в России, напоминает установление нового (старого) феодально-го строя. СМИ же превращают лавочников, торгующих всем и вся, в нравственные маяки! Бизнесмены (иногда полуграмотные) вещают на всю Россию как новоявленные “гуру”.

Широко внедряется в сознание населения миф о том, что, наворовав достаточно средств и выучив своих детей за границей, “новые русские” превратятся в заботливых меценатов и затмят своей славой Савву Морозова. Блажен, кто верует.

Высказывается обоснованная точка зрения, что “власти выгодна низкая материальная обеспеченность населения: люди тратят все свое время на поиск средств существования и о политике им думать некогда”. Один из французских писателей такую позицию назвал “философией колбасы”.

Многих думающих людей беспокоит нравственное одичание общества, постоянная ложь. Не случайно все чаще и чаще начинают вспоминать о необходимости выработки единой национальной идеологии, разработки концепции воспитательной работы с молодежью, воссоздания системы духовно-патриотического воспитания.

Российская молодежь, как и общество в целом, переживает кризис ценностей. В общественном и личном сознании образовался духовный вакуум, следствием которого стало нарастание бездуховности, безнравственности и маргинализации.

“Если бы Вы стали президентом России, что бы Вы сделали для того, чтобы помочь молодежи реализовать свои социальные потребности?” — первые три ответа по значимости: улучшил материальное положение — 16,1 %; решил проблему занятости — 15,3 %; предоставил возможность получить хорошее образование — 14,5 %.

“Как бы Вы оценили отношение государства к молодежи?” — скорее как безразличное — 23,3 %; когда ему нужно, государство вспоминает о нас — 56,6 %; в целом отношении заинтересованное, но у государства мало возможностей — 17,6 %; другое — 2,5 %.

Полагают, что современной молодежи должны быть предоставлены право на бесплатное образование — 29,7 % и право на труд — 9,9 %; нужны свои неполитические организации — 78,5 %, политические организации — 41,7 %; хотели бы видеть в Государственной Думе молодежную фракцию 70 % респондентов.

“Молодежь часто обвиняют в гражданской пассивности. Так ли это?”, — в целом, да — 49,5 %; скорее, нет — 23,8 %; затрудняюсь ответить — 26,7 %.

В общественном мнении широко распространен миф об аполитичности молодого поколения. Так, по крайней мере, считают многие представители старшего поколения. А что думает по этому поводу сама молодежь?

“Интересуетесь ли Вы политической ситуацией в нашей стране и насколько Вы в ней ориентируетесь?” — активно интересуюсь и разбираюсь в том, что происходит, — 21,8 %; интересуюсь, но трудно в этом разобраться — 58,2 %; не интересуюсь — 20 %.

Итак, вне политических событий лишь каждый пятый из опрошенных. Правда, большинству в них трудно разобраться. И в этом нет ничего удивительного, ибо современная российская политика непредсказуема. Яркий пример — Чечня: то “бандиты-сепаратисты”, то “соратники по наведению порядка”. Умудренные жизненным опытом люди, и те нередко теряются в оценке происходящих событий. Что ж тут говорить о молодежи!

По мнению респондентов, более всего современной России подходят следующие типы руководителей: “хозяйственник-управленец” — 36,8 %; “правозащитник” — 19,9 %; “мудрый судья” — 16,7 %; “интеллектуал” — 12,4 %; “вождь” — 9,6 %; другой — 4,6 %. Заметим, что “вожди” непопулярны среди молодежи.

Более всего привлекают молодежь следующие качества руководителей: нравственные — 69 %; деловые, профессиональные — 58,6 %; интеллектуальные — 52,3 %; социально-политические — 21,7 %; культура — 16,3 %; другие (доброта, порядочность, честность, трезвость) — 16,3 %.

Более других этими качествами обладают: Явлинский — 8,9 %; Зюганов — 5,9 %; Жириновский — 5,8 %; Лебедь — 5 %; Гайдар — 4,7 %; Ельцин — 4,6 %; Святослав Федоров — 4,4 %; по 1—1,5 % набрали Горбачев, Немцов, Черномырдин, Борис Федоров; по 0,1 % — Бороной и Шахрай; нет таких — 47,4 %; не ответили — 8,1 %.

Гордятся, что родились и живут в России, и не представляют себя гражданами другой страны — 60,7 %; хотели бы жить в какой-нибудь другой стране, но сохранить при этом российское гражданство — 24,2 %; хотели бы родиться и жить в какой-нибудь другой, преуспевающей стране и быть ее гражданином — 15,1 %.

Испытывают стыд и горечь за: войну в Чечне и межнациональные конфликты — 87,5 %; расстрел Белого дома в октябре 1993 года — 22,1 %; путч в августе 1991 года — 15 %.

Выход России из кризиса в решающей степени зависит от того, какие ценности будут преобладать, верховенствовать в жизни общества и, следовательно, каким будет общее направление исторического процесса, как в зависимости от этого будут восприниматься и воплощаться остальные, в том числе индивидуальные, личные ценности.

Молодежь делает исторический выбор. Этот выбор должен быть свободным, иначе это не выбор. Но даже если выбор свободен, надо помнить, что свобода не абсолютна.

Система новых ценностей — вот камень преткновения российских реформ. Реформы должны проводиться не над людьми, не вокруг них, а в самих людях. Но для этого необходимо создавать реальные возможности. Ибо невозможно долго жить в духовном вакууме, без света в конце туннеля, без надежды.

В ходе анкетного опроса молодежи 14 городов России мы поставили цель выяснить, к какому типу поколений относят себя респонденты. Именно так был сформулирован один из вопросов. Назвали себя представителями потерянного поколения 21,6 %. Однако большинство (78,4 %) назвали себя представителями поколения надежд. И это вселяет определенный оптимизм.

Б. Д. ПАРЫГИН,

заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Международной академии психологических наук, Академии гуманитарных наук, Балтийской педагогической академии, Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, профессор

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СЕГОДНЯ

Духовное состояние России — преобладающее в данный момент общественное настроение, его готовность или неготовность вылиться в эффективное действие по пути конструктивного развития социума — является существенным фактором, способным оказать сегодня значительное влияние на атмосферу отношений российского общества и государства.

Последняя, на наш взгляд, может быть как отражением, так и интегральной характеристикой современного состояния российского национального самосознания, его энергетического потенциала и направленности на решение острейших проблем социума, т. е. стать концептуальной основой российской общенациональной идеи.

Эту идею можно рассматривать прежде всего как способ осознания главного противоречия в судьбе российского общества, а соответственно и путей его преодоления.

В отечественной истории сложилось немало подходов к решению названной задачи. Для одних главное противоречие в судьбе российского общества связано с разрывом между величиной исторической миссии русского народа, с одной стороны, и его сложным, противоречивым характером, с другой (Н. А. Бердяев). Для других это несоответствие между высоким уровнем уже достигнутого Россией международного статуса и явно отстающим от него внутренним (духовным, социальным и материальным) ростом.

Именно в этом видел главное противоречие отечественного социума выдающийся русский историк В. О. Ключевский. Исходя из этого он завещал русскому и другим народам России «напряженно работать над самими собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения» (См.: Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 62).

Несомненный интерес представляют и новейшие попытки отечественных исследователей понять природу противоречий российской истории. Так, в последнее время предметом широкого обсуждения стала концепция философа А. С. Ахиезера, согласно которой важнейшей социокультурной категорией развития России является «раскол», а сама Россия представляет собой особую «расколотую цивилизацию». Различая традиционную и либеральную цивилизации, А. С. Ахиезер рассматривает историю России как движение между этими двумя факторами (Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991; Он же. Социокультурные проблемы развития России. М., 1992).

Отдавая дань ценности такого подхода, историк Г. Л. Соболев вместе с тем отмечает, что только «расколом» нельзя объяснить всю самобытность отечественной истории, «не приняв во внимание роль территориального фактора, геополитического аспекта, национального характера и др. Эта самобытность нашла свое выражение в высоких нравственно-религиозных качествах народа, в его приверженности православию как истинному христианству, в коллективистских началах, в крестьянской общине, в резком протесте против социальной несправедливости, в симпатиях к идеям утопического социализма, в неприятии западной модели прогресса и др. И нельзя однозначно ответить, что здесь является причиной раскола и что — его следствием» (Соболев Г. Л. В поисках новой теории истории. «Гуманитарий». Ежегодник № 1. 1995. С. 105).

Как «расколотость», так и противоречивость отечественной истории предполагают определение той пусковой доминанты, которая есть и продукт, и фактор ее развития.

Полагаем, что глубже других в понимании этого фактора был Н. А. Бердяев, который обратился к противоречиям русского характера, вытекавшим из всех других, внешних по отношению к нему, геополитических обстоятельств и парадоксов российского бытия.

Россия, по мнению Н. А. Бердяева, — страна безграничной свободы духа, бытовой свободы, неведомых передовым странам Запада, и вместе с тем это страна жуткой покорности, лишенная сознания прав личности и не защищающая ее достоинства. Исходя из этого и других противоречий

он делал вывод о необходимости “перевоспитания русского характера” и усвоения некоторых западных добродетелей, “оставаясь русскими” (Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 7).

Однако вопрос о том, как конкретно, какими методами осуществить это “преобразование” российского характера, как преодолеть его противоречия, оставался открытым.

Существенный вклад в решение рассматриваемой проблемы внес замечательный русский мыслитель, гуманист, философ, а во многом и социальный психолог И. А. Ильин. Он предложил конструктивную стратегию гуманистического подхода к коррекции социальной психологии человека. В ее основе лежит идея приоритета позитивных ценностей в характере человека как предмета первостепенного внимания и развития (См.: Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Собр. соч. Т. 3. М., 1994).

Очевидно, что перспективы перевоспитания характера целого народа, а тем более российского, потребуют немало сил и времени. Ведь характер народа и его внутренняя основа (архетип) складываются столетиями. Значит, и радикальные изменения, коррекция характера займут не меньшее время. Совместимо ли это с традиционными для любого народа ожиданиями перемен к лучшему в ближайшем будущем?

Ответ на этот вопрос предполагает переход от психологии стабильного характера к динамичному социально-психологическому феномену — духовному и психическому состоянию народа, к его преобладающему общественному настроению.

Обязательными условиями успешного решения обозначенной выше задачи должны стать позитивные сдвиги в более подвижных, чем характер, структурах социальной психологии народа, к каковым следует отнести различные состояния социального сознания и психики — преобладающее общественное настроение, уровень гражданского и национального самосознания, а также различные виды социально-психологической культуры (нравственной и политической, экономической и правовой, производственной, управленческой и бытовой).

Однако промедление с решением чревато потерей и без того немногих шансов изменить сложившуюся ситуацию. Так, монархическая Россия в свое время проиграла в психологической войне с марксизмом и большевизмом, потому что была психологически не готова к решению многих, и прежде всего духовно-нравственных, проблем. Но и победители не смогли сохранить свою власть и обретенную с их участием мощь советской России, потому что оказались не готовы к психологическому состязанию с Западом.

Сегодняшняя ситуация острее, чем когда-либо раньше, вновь ставит вопрос о психологической готовности российского общества, народа и государства к решению самой трудной в их истории задачи — духовно-нравственного возрождения и развития.

Таким образом, российская общенациональная идея направлена на осознание самобытности характера и реализацию духовного потенциала народа, что возможно при условии всестороннего иллучного, и прежде всего социально-психологического, обеспечения готовности общества, народа и государства к включению в решение этой задачи.

М. С. КАГАН,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

О РЕАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ “НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ”

1. Представление о “русской идее” — одно из ключевых в славянофильско-почвеннической идеологии, необходимое для обоснования исключительного места и значения русского народа в истории человечества, мессианского взгляда на его призвание: согласно классическому определению Вл. Соловьева, “идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности”. Классик русской религиозной философии полагал: он знает, “что Бог думает” о русском народе, а его последователи в философии “серебряного века” (в эмиграции) разделили это убеждение. Возвращение к обсуждению “русской идеи” в наши дни — закономерное следствие активизации “национально-патриотической” идеологии, связанной с трудностями

перехода от сталинского шовинистического тоталитаризма к демократическому типу общества и культуры; одной из граней этого процесса в общественном сознании и идеологии является изживание сталинистского национализма, маскируемого интернационалистской демагогией, и становление подлинно интернационалистского сознания.

2. Не нужно доказывать, что каждая нация имеет свои отличительные черты, порождаемые особенностями ее исторического развития и, в свою очередь, многие его особенности определяющие; нации суть “личности человечества” (В. Белинский). Однако несмотря на этот очевидный факт и на яркое отражение национального своеобразия каждого народа в его языке, быте, нравах, искусстве, социально-философская мысль большинства наций не знает подобного понятия — нет в ней концептов “английская идея”, “французская идея”, “итальянская идея”; единственным исключением является принесенное немецким национал-социализмом понятие “германская идея” (впрочем, оно исчезло вместе с бесславной гибелью гитлеризма). Такая близость двух идеологий не случайна — она объясняется запоздалым развитием буржуазного общества в России и в Германии, из-за чего многие черты феодального сознания были у этих народов особенно стойкими: монархизм, легко перешедший в “вождизм”, традиционализм, коллективизм — общинная психология, значимость сознания принадлежности к своей нации (“национальная гордость”, по В. Ленину) и к массовой политической партии.

Следовательно, именно в социально-историческом контексте нужно рассматривать гипотезирование национальных признаков, одним из проявлений которого является “русская идея” — идеологизация унаследованной от феодального прошлого и имеющей еще более древние корни, хорошо описанные Б. Поршневым и И. Копом, архаической социально-психологической антитезы “мы — они”.

3. Но есть у этой проблемы и другой важный аспект: если в прошлом веке появление “русской идеи” было логичным выражением политического, экономического и культурного господства русского народа над всеми “инородцами” (выразительнейший термин, этимологически подобный слову “немцы” — “не-мы”, “немые”), то в наше время в многонациональной России, утверждающей равноправие всех населяющих ее народов и узаконившей различие понятий “россияне” и “русские”, провозглашение “русской идеи” звучит явным анахронизмом, а заменить его выражением “российская идея” невозможно. Нужно ли разъяснять, к чему подобный строй мышления ведет на практике — например, “чеченская идея”, и к чему может привести УНСО-вская “украинская идея”...

4. История человечества свидетельствует с полной несомненностью, что его развитие идет от племенного противостояния “мы — они” и основанного на военных столкновениях враждебных этносов рабовладения через постоянные этнонациональные конфликты эпохи феодализма к постепенному преобладанию торгового обмена и культурного взаимодействия в отношениях народов и, наконец, к осознанию в конце XX века, что *общечеловеческое* обладает приоритетом перед *национальным*, что неодолимая сила технико-технологического прогресса ведет к *выравниванию уровня развития* всех народов мира и что поэтому на рубеже третьего тысячелетия история ставит каждую нацию перед *объективной необходимостью включиться в этот процесс обобществления, объединения, диалогического взаимодействия во всеми другими*. В этом смысле “русская идея” имеет сегодня то же содержание, что татарская, польская, немецкая, китайская или турецкая, то есть является уже *не национальной идеей, а всечеловеческой*; национально своеобразны способы ее осуществления, что весьма ценно с культурологической точки зрения, но это не составляет содержания “идей”.

5. Та “всечеловечность”, которая казалась Ф. Достоевскому сто лет назад специфическим свойством русской ментальности — ибо ему хотелось таким образом примирить славянофилов и западников, была в действительности отличительной чертой *петербургской модификации* национальной психологии россиян, ибо была порождена петровскими реформами, воплощенными в созданной им для этой цели при жестком противодействии Москвы новой российской столице, а в наше время эта черта социальной психологии является уже и не петербургской, и не русской, и не общероссийской, а *общечеловеческой*. Культивирование той или иной “национальной идеи” есть *зов к прошлому, а не к будущему*, ибо оно противопоставляет одну нацию всем другим, тем самым служит разъединению народов, а не их организационно-политическому и духовно-нравственному объединению. Истинно современная и единственно прогрессивная идея сегодня — идея “*диалога культур*”, единая для всех народов многонациональной России, Европы, Запада, всего человечества.

М. М. ЧУЛАКИ.

писатель, председатель Союза писателей Санкт-Петербурга

ИДЕЯ ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

“Русская идея”, как и всякая национальная идея, — опасный миф.

В качестве национальной идеи всегда выдвигается некое идеологическое построение — от “превосходства арийской расы” до “православия, самодержавия, народности”. Оставим арийцев и их идеологию как безусловно скомпрометировавших себя. Но ведь и уваровская триада ведет к разъединению человечества, несет в себе зародыши конфликтов — религиозных, национальных, межгосударственных. Как бы мирно ни был настроен одержимый национальной идеей человек, все равно он воспринимает мир как арену, на которой встречаются “мы” и “они” — с неизбежным противостоянием сторон. Как бы веротерпим ни был человек религиозный, он уверен, что истинная вера — его, и следовательно, все остальные — еретики. Поэтому культивирование национальных и религиозных чувств, возведение их в идеологию страны — путь к недоверию, путь к вражде.

Те, кто видит корень наших бед в отсутствии общенациональной идеи, должны были бы для начала объяснить слушателям и читателям: а в чем, например, современная “немецкая идея” или “английская идея”? Немецкая идея существовала во времена Бисмарка, когда многочисленные германские государства стремились к объединению. Сопровождалось это благое дело, тем не менее, войнами с соседями — Данией, Австрией, Францией, а в итоге закончилось первой мировой войной. Нацистские идеи привели к следующей мировой войне. Сейчас Германия процветает, но особой национальной идеи при этом не “просматривается” — разве что стремление завосвать в очередной раз корону футбольных чемпионов. Впрочем, и это почти что невинное желание приводит к столкновению с фанатичными болельщиками других стран, а неонацисты испытывают инстинктивную тягу к переполненным стадионам. Но идея национальной футбольной исключительности служит как бы прививкой от более серьезных идеологических столкновений, и потому войны между членами НАТО или Европейского Союза представить сегодня невозможно.

Невозможно не видеть и того, что русская национальная идея уже существует. Пока приличные, но излишне наивные люди еще только заняты ее поисками, только еще надеются сконструировать привлекательную, но все-таки безвредную национальную идею (очень это напоминает “богостроительство”, развлекавшее досужих интеллигентов в начале нынешнего века), истинные патриоты уже всю “размахивают” этой идеей, как дубиной: “Великая Россия в границах 1914 года!”, “Мессианская роль России, призванной спасти коснеющее в разврате человечество!” и прочее в том же роде. Достаточно побывать на ИХ митингах, почитать ИХ газеты, чтобы почувствовать, сколько ненависти уже аккумулировали эти идеи, какой агрессивный потенциал накоплен. Ну а циничные политики готовы использовать подобные идеи как предохранительный клапан, чтобы направить на соседей отчаяние и ненависть новых бедных, населяющих сегодня Россию. Даже страшным конфликтом с Украиной готовы рискнуть, твердя об исконных правах на Севастополь, да и весь Крым. И не случайно, что “вернуть Севастополь” призывает прежде всего Лужков, этот ревнитель православия, строитель второго храма Христа Спасителя на Москве — религиозная и национальная идеи всегда рядом, всегда одинаково агрессивны...

Однако страна, как и все человечество, нуждается не в исключительной “национальной идее”, но в объединяющей идеологии точно так же, как не может прожить без любви (хотя и любовь привела ко множеству трагедий!).

Такая идеология существует — и для мира, и для России.

Россия — это целый континент гибнущей природы. Нигде в мире не было таких катастроф, как в нашей страдающей стране. Нигде нет таких мертвых зон, как на Урале, на Алтае — в десятках и десятках мест. На территории СНГ, России в том числе — язва Чернобыля, равная по площади едва ли не Франции! И потому единственно возможной идеологией национального спасения должно стать движение за сохранение русской природы. Это все равно как для ракового больного единственно возможной целью жизни становится лечение — хирургическое, лекарственное. Лекарства же стоят очень дорого, но приходится продавать все — от дачи до фамильных драгоценностей, чтобы купить очередную коробку ампул.

Идея всегда несет в себе элемент жертвенности. И мы обязаны жертвовать даже нынешними скудными нашими доходами, чтобы жили люди на нашей Земле завтра. Чтобы новорожденные 2000 года унаследовали прекрасную страну, а не остались доживать в муках на смердящей свалке.

Сегодня мы с недоумением спрашиваем отцов и дедов: как вы допустили гражданскую войну, как терпели сталинский террор, унесший миллионы людей?! Спрашиваем, и не понимаем, что потомки зададут нам куда более горькие вопросы: как терпели ВВ уничтожение самой природы, отравление родной Земли?!

Убийство природы — самое страшное преступление, которое не имеет срока давности, которому не может быть прощения. Мы расстреливаем Чикатило, убившего пятьдесят человек, — и правильно делаем, разумеется, но забываем при этом, что Чикатило — жалкий кустарь. Сегодня над Алтаем подрываются межконтинентальные ракеты, на благословенную заповедную землю выливаются сотни тонн страшно ядовитого топлива, умирают в мучениях люди. Генералы, отдавшие этот преступный приказ, — массовые убийцы. Но они не разделят по сегодняшним законам судьбу маньяка Чикатило, они будут доживать, получая солидные пенсии. Таково наше первое бытовое законодательство, не защищающее наши жизни от действительно массовых преступлений. А сколько таких отравленных мест в России, мест, где продолжительность жизни 40—45 лет!

Единственный наш шанс — одуматься уже сегодня, сейчас, если мы не хотим жить по принципу: “После нас — хоть конец света!”, потому что простым людям потом уже не удастся откупиться от судьбы. Так что идеи не выбирают. Они являются — и берут за горло. Идеи ценю в жизнь.

А. А. НУЙКИН,
публицист

НУЖНА ЛИ РОССИИ “ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ”?

Объединительная, мобилизующая идея для России сейчас, безусловно, необходима.

Дискуссии на эту тему чаще всего заходят в тупик из-за непроясненности, что именно должны означать в данном контексте понятия “общенациональное” и “идея”.

Многие трактуют понятие “общенациональная идея” этнически — в качестве “национальной идеи”, а то и еще откровеннее — в качестве “русской идеи”. В многонациональной, многоконфессиональной стране такие искания ведут не к объединению, а только к расколу, вражде, крови.

Хотя это и не в традициях русского языка, но в данном случае “общенациональное” можно понимать только как НАДнациональное, общегосударственное, т. е. так, как это слово воспринимается в США или Западной Европе.

Много путаницы внесли в дискуссию отсылки к триаде “эталонных”, якобы объединительных, государственных идей прошлого: Москва — Третий Рим; самодержавие, православие, народность; коммунизм — как светлое будущее всего человечества. Спекулятивные лозунги рвущихся или пришедших к власти политиков неправомерно выдаются за объединительные общенациональные идеи.

У Москвы времен Ивана III была могучая идея — скорейшего объединения разрозненных русских земель, формирования единого мощного государства, способного защитить народ от многочисленных внешних угроз. Вот в чем заключалась *идея* времени, и она сработала. Она, а не бахвальная фраза инока Филолея.

Лозунг Уварова вообще “идеи” не содержит, а лишь намечает приоритеты самодержавной политики в деле просвещения и пропаганды. Ни укрепление самодержавия, ни курс на искусственную поддержку православия не могли в то время объединить народы, наоборот, они лишь множили ненависть и противоборства.

Идея построения бесклассового общества путем уничтожения всех классов дала, как мы убедились, такое “единение”, что до сих пор Россия в обмороке.

Все очевиднее становится, что мы вновь приблизились к ситуации эпохи Ивана III, но спасение наше не в следовании римским (имперским) образцам, а в срочном объединении всех с целью формирования мощного демократического государства, способного остановить экономическую деградацию, защитить от внешних угроз, покончить с преступностью и коррупцией, надеть узду на монополии, утвердить на деле законность и порядок, обеспечить все конституционные права и свободы своих граждан.

Сейчас это просто жизненно необходимо. Это ключ ко всему. Это способно объединить всех: власть и народ, рабочих и капиталистов, русских и татар, плохих и хороших, блондинов и брюнетов, честных и жуликов.

Я убежден, никакие другие идеи, даже самые благостные и симпатичные, сейчас на статус общенациональной претендовать не могут.

Г. Г. ВОДОЛАЗОВ,

главный редактор журнала "Мегаполис", доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, действительный член Академии политических наук

О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ "НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ"

1. Необходима, возможна ли "национальная идея" в современной России? Я отвечаю утвердительно в обоих случаях: она необходима и возможна. Но при этом добавляю: возможна и необходима она лишь в том толковании, которого придерживаюсь я.

Сама мысль о какой-либо "объединительной идее" для общества не нова, даже банальна. Со времен возникновения политической науки, со времен Платона и Аристотеля, подмечено, что (общество) разделено на богатых и бедных, управляющих и управляемых, ведущих борьбу между собой: "Два государства в государстве", — говорил Платон. И ставилась задача: найти "идею", которая обеспечит обществу стабильность и развитие. Это важно для любого общества. Но для нашего современного общества постановка подобной задачи особенно важна потому, что в нем сегодня не просто существуют конфликты, противоречия, "раздраи", которые можно попытаться смягчить в рамках целостного организма (общество должно быть целостным организмом при всех противоречиях внутри него!), а потому, что в нашем обществе разорвана сама социальная ткань. Потому что прежний целостный организм (сейчас я не говорю, хорош он или плох — это особый вопрос, но это был целостный организм) исчезает. Он разложился, а новый не сформировался, и главное, что он и не складывается по-настоящему. Вот почему сегодня так актуальна идея единой социальной ткани, "целостности".

2. Пока большинство предложений по поводу "общей идеи", на мой взгляд, несостоятельно. Неверно определяется само направление, методология поиска. Все-таки в большинстве своем политические писатели, деятели, политологи видят свою сверхзадачу в том, чтобы предложить такую идеологию, такую систему идей, которую бы разделяли все или, по крайней мере, большинство людей в этом обществе. Они говорят: давайте замесим эту единую идею на идеологии так называемой державности России, патриотизма, опоры на собственные силы, в каком-то противопоставлении, противостоянии проiscaм извне и так далее. Другие говорят: ваша идея неплохая, но односторонняя, потому что современный мир сегодня — это объединяющееся человечество, это всемирная система отношений, и Россия не может существовать и развиваться в ней как величина самодостаточная. Надо, чтобы в основе лежал-де подход интернациональный.

Сторонники первой точки зрения именуют "интернационалистский подход" "космополитическим", а "интернационалисты" ("космополиты") называют первую точку зрения "националистической". Они спорят друг с другом, но и у тех и у других — одна и та же методология: сделать свой подход *одинаковым* для всех, то есть обеспечить "единство одинакового".

3. Попробуем "по-центристски" объединить противоположности в рамках единой идеологии. Соединим воедино лучшие элементы "либерализма" и "социализма", "патриотизма" и "интернационализма", религии и атеизма. Утопия! Невозможно быть одновременно либералом и социалистом, атеистом и верующим, крайним патриотом и крайним интернационалистом. Не совместится это в одной голове. Что же делать? Надо сменить методологию "единства одинакового" на методологию "единства разнообразного".

Так, если в одной голове не может совместиться атеизм и религия, то в обществе они могут совместиться, сосуществовая и взаимодополняя друг друга. Ибо во всех этих позициях — патриотизма и интернационализма, либерализма и социализма, религии и атеизма и так далее — есть

элементы социальной истины. И хорошо, если они будут сосуществовать и взаимодополнять друг друга, взаиморазвиваться рядом друг с другом. Но что является объединяющим пространством для этих противоположностей? Объединяющим пространством может быть только одно: демократическое пространство, демократический идеал, демократическое общество. Демократическая идея и должна сегодня стать общенациональной идеей, в рамках которой будут сосуществовать противоположности, своей борьбой обеспечивая развитие, а своим демократическим сосуществованием — стабильность.

Ю. А. АНДРЕЕВ.

доктор филологических наук, член Союза писателей России, почетный доктор Международной ассоциации творческих работников "Созидание", почетный член Клуба целителей Санкт-Петербурга

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СЕЙЧАС И В БУДУЩЕМ

1. Официально выраженной идеи, объединяющей все слои российского общества, сейчас нет. Тем не менее ведущая и определяющая *реальную* жизнь государства концепция имеется. Правда, она не прокламируется, ясно и явно не формируется.

Что же это за реальная концепция? Почему у г-на Президента возникла необходимость воздвигнуть некую словесную ширму, дабы за нею сокрыть уже мощно действующую конкретную силу, вместо четкого ее определения? Почему с таким невероятным трудом "говорящие головы" пытаются создать отвлекающий словесный флер, почему не желают четко обозначить то, что уже всю торжествует праздничный бал в нашей нынешней жизни?

Определяющей для правящих в России верхов является в настоящее время идея автоматической якобы организации всех сторон жизни народа под воздействием всемогущей силы голого чистогана. Эту силу нельзя даже более цивилизованно определить: "первенствующая роль экономических факторов"? Идеологам капиталистического строя она давно известна как роль субъективного человеческого момента в производстве, как значение плановых государственных рычагов для национальной экономики, как экономическая необходимость доброго здоровья населения, как первенствующий смысл для развития того же производства народного образования, финансирования фундаментальных наук и многого другого, о чем в нынешней России и говорить не приходится.

Вся ведущая концепция верхов сводится ныне к нехитрой формуле "деньги не пахнут", и только она определяет суть деятельности тех, кто всплыл наверх после гибели великой державы и захватил в личную собственность значительную часть созданного общенародным трудом государственного богатства и содержимое ее недр. Кровавая, губительная для судеб России чеченская война, развязанная решением г-на Президента, в качестве самого яркого проявления именно этой доминанты успешно "работала" на безмерные сверхприбыли нескольких столичных банков и во имя обогащения клана высокопоставленных чиновников. Деньги без всякой им альтернативы стали выше человеческой жизни и целостности государства. Отчетливо прослеживаются процесс вхождения в государственные органы новых олигархов и сугубо придаточная роль по отношению к ним иных из даже наивысших, с потрохами закупленных сановников.

Разгром отечественной промышленности, сельского хозяйства, армии, науки, системы образования, судебной системы, торжество на территории страны криминальных "законов" однозначно позволяют увидеть, что Россия усилиями нынешних власть предержащих ликвидируется как прежний мощный конкурент мировых капиталистических держав и сверхсрочно, торопливо переводится в положение сырьевого придатка к их экономике. Совершенно естественным в этом грандиозном "колумбийском варианте" является борьба за захват власти различного рода мафиозными структурами, представители которых ныне так же, как и финансовые магнаты, реально претендуют на вхождение в государственные органы.

Народ во имя безоговорочного торжества диктатуры чистогана, во имя незыблемой власти денежных мешков обольщается с безмерной интенсивностью посредством водки, табака, телевидения, кино; массовое разложение молодежи — попсой и наркотиками, внедрением идеалов

бандитизма, правоты голой силы и снятием моральных запретов — ведет к превращению ее в бессмысленное быдло. Неблаговидной во многом является роль церкви, под благовест речей о поддержке нынешней власти приобретшей лицензию на продажу водки во имя... строительства храмов.

Приведя среднюю смертность российского мужского населения к допенсионному возрасту — в 58 лет, совершенно естественно г-н Президент и его присные не стремятся прямо и недвусмысленно обозначить направление “тех реформ, с которых мы не свернем”. Их открытое четкое определение, полностью соответствующее стратегии раковой болезни (выжирание жизненно важных органов), привело бы к немедленному краху правящей верхушки. Отличие в деятельности нынешних правителей от раковой болезни заключается в том, что та — безмысленна и не ведает в силу этого о “перспективе” оказаться вместе с сожженным телом в двухметровой последней квартире. Эти же полагают, что сумеют в необходимое время убраться из погибающего “тела” в благодатные, с их точки зрения, страны. Эти деятели не ведают того, что сублимированная ненависть обездоленных ими миллионов людей в качестве совершенно материальной субстанции неукоснительно достигнет их на любом расстоянии.

Естественно, что “говорящим головам”, которым “дадено” столь ответственное задание, как строительство маскировочной ширмы для прикрытия общенационального разгрома, приходится очень трудно. Им нужно придумать нечто более благообразное, чем уже изодранные в клам прежние ширмы словесных терминов. В самом деле: рынок в России, по мнению экономистов мирового класса, лауреатов Нобелевской премии, есть карикатура на идею данного инструмента экономики; реформы — им так и не было нигде дано внятного словесного объяснения, но гибель производства, но гигантский рост смертности в стране показал их действительную цену; демократия — какова цена этому слову при условии обнищания и полного бесправия большинства и полной безнаказанности даже схваченных прессой за руку беспредельщиков?

Придумать очередной фиговый листок, прикрывающий совершающееся повсеместное циничное безобразие, становится нынче не только трудно, но уже и лично небезопасно, ибо память народа на национальное предательство вряд ли будет выжжена даже миллиардами гекалитров изливающейся в него водки.

2. Страны, которые в отличие от России имеют общенациональную идеологию, характеризуются завидным физическим и духовным здоровьем (хотя следует сказать, что идеология эта не столь уж прочна, с высокой точки зрения). Так, например, радостная и романтическая, приверженная революции и Фиделю Кастро Куба с ее великолепным уровнем средней смертности в 77 лет (рядом с такой же этнически Колумбией, где средняя смертность даже ниже, чем в России) — что будет там после ухода Фиделя? Так, например, радушный и процветающий народ США (средняя смертность подходит уже к 79 годам), для которого деньги являются божеством, но божеством законопослушным, — что будет с ними, если и другие страны Земли исподволь поднимутся на их уровень машинерии? Ведь их 7 % земного населения сжигают 40 % всего земного кислорода, и благополучие американцев в конце концов подрубает общий сук, на котором сидят все остальные народы. Экологически планета уже на грани кризиса, и никому никуда с нее не сойти... Так, например, “трудоголики” японцы уже достигли средней смертности — 82 года, но они же опередили США по уровню приема психотропных средств и постоянному недосыпанию, а это чревато появлением таких соматических заболеваний, которые сведут на нет все блага компьютеризованной жизни.

Но пока отметим, что дух народов, обладающих общенациональной идеей, находится на высоте.

Что же может заставить подняться дух у россиян? Нынешняя идея “рви, грабь, тяни к себе, каждый за себя” у нас не пройдет, ибо эта концепция оголтелого индивидуализма противоречит идее коллективизма, присущей населению нашего Отечества в силу его этнографических, географических и исторических корней тысячелетнего развития. На первых порах такой общей, объединяющей подавляющее большинство россиян явится идея *сильной, самостоятельной, процветающей России* (а не забитого, колониального придатка развитых экономических стран).

Реальность подсказывает два возможных пути к этой идеологии, они схожи по своей стратегической цели, но рознятся по методам. Первый из них можно было бы определить как хирургический — это путь Александра Лебеда: сначала убрать из организма все метастазы в виде коррумпированных чиновников и бандитских образований, а уж затем организм сам возродится. Второй путь — терапевтическая методика Юрия Лужкова: сначала наладить деятельность народного хозяйства на основах конвергенции, т. е. лучшего, что имеется в капиталистической и плановой системах, а уж этот здоровый организм сам сладит со злокачественными новообразованиями.

Смею полагать, что благоприятные изменения в российской действительности начнутся много раньше, чем этого ждут (вернее, не ждут) нынешние любители ловить рыбку в мутной водичке.

Но если говорить об отдаленных перспективах общенациональной идеи, то они являются еще более серьезными и, на мой взгляд, позволят России со временем стать явным лидером мирового развития. Что имеется в виду? Дух подлинного удовлетворения может быть прочным только в том случае, если жизнь человеческая станет развиваться в соответствии с объективными законами великого Космоса, неразрывной, неотъемлемой частью которого мы являемся. Коль скоро мы созданы по образу и подобию Творца, столь скоро мы будем подлинно счастливы и благополучны, шествуя путем развития и раскрытия прежде всего неисчерпаемых внутренних ресурсов беспредельного огромного Шара — головы человека, а не первенствуя в хищническом расчерпывании конечных запасов крошечного шарика — своей планеты: Земля не в силах долго выдерживать темпы нынешнего экологического грабежа во имя торжества безудержного потребительства.

Русский народ волею судеб менее народов других стран погряз в трясине потребительства, он пока в большинстве своем не уподоблен гражданам иных государств, которым из безудержного потребительства выбраться столь же трудно, как нелегко мухам, попавшим в мед, взлететь вверх.

3. Наивно было бы полагать, что всемогущие, духовно святые “золотые рыбки” (вспоминая сказку А. С. Пушкина) в обозримом будущем станут преобладающим большинством населения. Конечно, долго-долго основной частью его будут “рыбаки”, труженики, добрые люди. Но главное, что все меньшую роль со временем станут играть и у нас, и в других странах те “старухи” (обоего пола), жадные потребительские запросы которых относительно вещей и власти воистину беспредельны. Сохранение их протяженного во времени господства ныне привело бы уже не к разбитому корыту, как в гениальной сказке, а к расколотой Планете.

Резюме: Самая современная общенациональная идея сейчас — это конституционный смысл нынешнего ядовитого клубка временщиков, коррупционеров, бандитов в унитаза истории.

Прцветание сильной самостоятельной России — наша ближайшая идеологическая перспектива.

Россия духовная, живущая по законам великого, породившего людей Космоса, — такова общенациональная и общемировая идея не столь уж отдаленной перспективы будущего.

А. С. МЫЛЬНИКОВ.

директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ЭТНИЧЕСКИЙ ХРЕБЕТ РОССИИ: РУССКАЯ ИЛИ РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ?

Что такое “русская идея”, о которой так много говорили и говорят со времен Н. А. Бердяева и раньше? Каковы ее смысл, ее содержание? Заметим в связи с этим, что одно из весьма распространенных заблуждений в обществоведении — представление о константности смысла привычных словосочетаний. Не говоря уже о некорректном переносе тех или иных понятий, выработанных в рамках одной этнической культуры, в явления, присущие другой или другим культурам; зачастую содержание терминологии сегодняшнего дня с легкостью переносится на ее употребление в далеком или недавнем прошлом. Между тем, даже такие, казалось бы, очевидные понятия, как “время”, “труд”, “семья”, “счастье” и так далее, имели далеко не адекватное значение в разные эпохи, у разных народов, в различных регионах.

Нечто похожее отмечается в эволюции семантики этнонима “русские”, этническая и территориальная локализация которого теперь и, скажем, в средние века или в раннее Новое время, по крайней мере до XVI—XII веков, была не однозначна. Сложность заключалась в том, что этот этноним в равной мере применялся к восточным славянам эпохи Киевской Руси и к формиру-

являемся на базе древнерусской этнополитической общности трех родственными народами — русскому (великорусскому), украинскому и белорусскому: “русичи”, “русские”, “русские”, “русы”, “русаки”, “рутены” и иные огласовки. Свою роль играли многие факторы как субъективного, так и объективного порядка, включая обширность расселения восточных славян, их вхождение в состав разных государственных образований. Хотя, вместе с тем, люди прошедших эпох осознавали не только различия, но и общность языка, культуры и происхождения “русских”.

В ряду многих источников, подтверждающих сказанное, назовем трактат Александра Гваньини “Описание европейской Сарматии”, вышедший в свет в Кракове (1578 г.) на латинском языке и получивший широкую международную известность. В трактате этом, в частности, сообщается, что обширное пространство “Руссии”, т. е. России, делится на две неравные части, состоявшие под властью двух государей. Первым является “Великий князь Московский, который именует себя императором всей Руссии, ибо обладает большей частью ее земель”, а второй — “Польский король, который как покровитель Великого княжества Литовского, включающего русские княжества, обладает Витебским, Мстиславским и другими русскими княжествами, в Литву входящими” (л. 70).

Сходство самоназвания трех восточнославянских народностей повлекло за собой, особенно для иностранных наблюдателей (государственных деятелей, ученых, путешественников), попытку терминологического различения представителей этих народностей. Словом, производным от топонима “Русь”, стали именовать предков нынешних украинцев и белорусов, тогда как нынешних русских обычно называли по имени центра складывавшегося Русского (Московского) государства — “московитами”. Этот этноним самоназванием не был. Как показал еще в 1953 г. академик М. Н. Тихомиров, в собственно русских источниках формы “Россия”, “Росия” появляются с XV в., закрепляясь в следующем столетии, причем с параллельным употреблением термина “Российское царство”. В начале XVII в. возникает еще более емкое понятие: “Всероссийское государство”, получившее глубокий смысл. Отныне под термином “Московское государство” стали понимать ядро страны, в состав которой входили и другие государства: Новгородское, Владимирское, Казанское, Астраханское, Сибирское.

Едва ли это было неожиданным. С самого начала государственности восточных славян в эпоху Киевской Руси страна была не моноэтничной, а полиэтничной. В ее состав, помимо доминирующего древнерусского этноса, входили соседние народы, прежде всего — тюркского и финно-угорского происхождения. Аналогичная ситуация сложилась и в эпоху формирования Русского (Московского) государства, причем полиэтничность сопровождалась и поликонфессиональностью (в данном случае мы не освещаем вопрос о миссионерских шагах Русской православной церкви по “обращению” подвластных народов, у которых бытовали собственные религиозные установления). Главное, что следует подчеркнуть: единство проживавших в рамках одной страны народов при доминировании древнерусского (в период Киевской Руси) и русского (великорусского) этносов (в последующие периоды) скреплялось общей государственностью. Слово “русский” приобретало поэтому двойственный смысл: не только этнический, но и государственно-правовой. В отличие от обычных форм этнонимов, отвечавших на вопрос “кто?” (француз, поляк и т. п.), этноним “русский” (во множественном числе “русские”) отвечает на вопрос: “чья, какие?” В последнем случае речь идет не об этнической, а о государственной принадлежности.

Современная Российская Федерация, будучи правопреемником Советского Союза (а до него — Российской империи, хотя и в сильно урезанных границах), остается многонациональным формированием со всеми связанными с этим последствиями. В том числе и конфессиональным плюрализмом. Надо заметить, что такое положение создавало в прошлом немало коллизий, отразившихся по-разному в законодательстве. Вот, например, одна из интересных попыток ее разрешения, относившаяся к периоду краткого правления императора Петра III. Именным указом он поручил Сенату 29 января 1762 г. подготовить предложения, исключавшие преследование за веру старообрядцев, дабы им “никакого в содержании закона по их обыкновению возбранения не чинить”. Одновременно в повелении Петра III говорилось, что в России не только христиане, но “и иноверные, яко магометане и идолопоклонники состоят”, в связи с чем, при сохранении первенствующего положения православной церкви, провозглашался принцип веротерпимости (ПСЗ, т. 15. № 11420). Такой подход отвечал и взглядам одного из советников императора, М. В. Ломоносова, который не случайно назвал свой трактат “О сохранении и размножении российского народа”. Подчеркнем, великий русский патриот разделил именно о российском народе, то есть о всем населении многонациональной и многоконфессиональной России.

Практика государственного строительства во всем мире по вполне понятным причинам опирается обычно на этнос, по своей численности и роли выполняющий государственнообразующую миссию. Таковым в России являлся и является русский народ, в настоящее время

составляющий около 80 % всего населения Российской Федерации. Следующими за ним являются тюркские (прежде всего татары) и финно-угорские народы, а после православия наиболее распространенными конфессиями являются мусульманство и протестантизм. Можно ли игнорировать эти факторы?

Между тем, сторонники так называемой “русской идеи” в числе компонентов ее называют православие. Но включение в эту идею религиозного фактора не усиливает, а ослабляет единство общества, заключая в себе потенциальную угрозу раскола не только по этническому, но и по конфессиональному признакам. Поэтому вместо “русской идеи” следует выдвинуть “российскую идею”, включающую в себя такие составные части, как укрепление общей государственности и разумно понятый, здоровый патриотизм. Это значит, что в основу кладется принцип государственного строительства, в котором участвуют все граждане своей (а не “этой”!) страны.

Настоящий патриотизм — святое чувство, в котором уважение к своему народу естественно сочетается с уважением к другим народам, прежде всего к тем, которые входят в состав общего государства. Истина проста до банальности: человек, не уважающий окружающих, относящийся к ним высокомерно, а тем более нетерпимо, по сути дела, не уважает самого себя. А ведь народы состоят из конкретных людей! Открытость, вселенское сострадание, нередко в ущерб своим интересам, как подчеркивал Ф. М. Достоевский, являются характерными чертами русского этнического менталитета, своего рода моральным императивом. Это возлагает особую ответственность за судьбы России на русский народ как на самый многочисленный этнос страны. Но и не только на него. История распорядилась так, что следующими за русскими по численности идут тюркские и финно-угорские народы России. Все вместе они составляют этнический хребет, вокруг которого консолидируются все народы и этнические общности российской Евразии.

Фактором, обеспечивающим такое объединение, и призвана стать российская идея как идея общегосударственная и общенациональная. Вопрос о ее содержании и характере требует отдельного обсуждения. Но уже очевидно, что она должна обладать объединительным качеством, включая обеспечение свобод граждан независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности, и права каждого народа, проживающего в Российской Федерации, на развитие своей (в том числе, разумеется, и русской!) культуры в контексте духовной жизни страны.

Г. П. ВЫЖЛЕЦОВ,

заведующий кафедрой философии и культурологии
Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете, действительный
член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук,
профессор

РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ: ОТ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ К НАРОДОПРАВСТВУ

“Свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа” (А. К. Толстой). В одном только XX веке, если не углубляться в историю, Россия примеряет уже вторую заимствованную у Запада идею в качестве общенациональной: сначала коммунистическую, теперь буржуазную, да еще в самом ее неприглядном, изначально торгашеском варианте. И обе они, как видим, явно для нее тесноваты. Однако видимая “легкость”, точнее, быстрота исторической смены одной формы социально-экономического строя на другую, да еще, по сути, прямо противоположную, свидетельствует, как это ни парадоксально, именно о внутренней, духовно-правственной устойчивости здорового ядра ее многонационального народа. Это означает, что для России не только ничего не потеряно, как кому-то хотелось бы, а все только начинается (вот уже в который раз за последнее тысячелетие). Ибо сейчас происходит не реформа или перестройка и не просто очередная смена государственного строя, а возрождение отсутствовавшей почти весь XX век российской государственности. Речь может идти, конечно, не о воссоздании воинственного имперского могущества, на что ни обескровленных народных сил, ни, главное, народной воли уже не осталось, а видимо — о собственно общенародном государстве. Не случайно и Президент Российской Федерации заговорил о совести и новой государственной идеологии, а правительственная “Российская газета” даже объявила конкурс на “Идею для России”.

Действительно, в России, в отличие от Запада, идеал “духовной государственности” (В. Н. Сагатовский) органичен народному самосознанию. Поэтому российская идея может стать общенациональной лишь при участии народного духа в становлении этой новой государственности. При этом общенациональное единство должно включать, во-первых, как внутри-, так и междунациональные отношения; если не гармонию, то разумный компромисс между политической властью и народом, во-вторых; и достаточно сбалансированное равновесие социально-экономической материи с духовной культурой, в-третьих. И все это одновременно на индивидуально- и социально-психологическом уровнях, не говоря уже об идейно-теоретическом обосновании и информационно-пропагандистском обеспечении. Иными словами, российская идея, отвечающая всем вышеперечисленным условиям, должна быть не очередным утопическим идеалом-мечтой для будущих поколений, а практически осуществимой и, главное, — осуществляемой! Как сверху, так и снизу, причем одновременно. Одним лишь красивым словам и лозунгам сегодня, к счастью, мало кто поверит, тем более что осуществимость такой идеи наглядна и потому легко проверяема самой повседневной жизнью.

Эту давнюю, традиционно русскую идею, предложенную еще П. И. Шуваловым в 1754 году в виде “Проекта сбережения народа”, А. И. Солженицын не без основания считает сутью всего “русского вопроса” в конце XX века. И реалии дня свидетельствуют, увы, что это действительно так, тем больше оснований войти с нею в век XXI. Для этого идея “народосбережения” должна стать не только принципом государственного строительства новой России, но и базовой жизненной ценностью всего российского общества на рубеже тысячелетий. Только на такой содержательной основе может быть приостановлен, а затем и преодолен политико-правовой беспредел экономического удушения и духовного растрепывания народа, прекращена междунациональная рознь, осуществлена действенная защита детства, материнства и старости, — основы основ самой общественной жизни.

Для введения в обиход принципа народосбережения как идейно-правовой нормы достаточно (для начала) исходных конституционных положений. Так, в статье 2 Конституции Российской Федерации 1993 года прямо сказано: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства”, тем более, что, как утверждает далее статья 3 пункт 1: “Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ”.

Во исполнение этих конституционных надпартийных норм необходимо и достаточно пока, чтобы все властные структуры — от поклявшегося принародно на тексте Конституции Президента Российской Федерации, парламента и правительства до местных администраций — стали или хотя бы объявили себя органами государственного народосбережения. Для этого нужна лишь их добрая воля, пока пусть даже просто для привлечения людей на избирательные участки. Диалектика целей и средств народосбережения должна стать основой и критерием деятельности экспертных органов всех уровней — от Конституционного суда, Экспертного совета при правительстве до профессиональных и местных экспертиз, что жизненно актуально для находящихся на грани вымирания малых народов, особенно Крайнего Севера. Особую роль в этом процессе призвано сыграть введение специальной гуманитарной экспертизы основных политико-правовых актов, производственно-экономических проектов и местных административно-хозяйственных решений со стороны общества.

Философско-теоретическая проработка российской идеи — проблема, конечно, специалистов, но кровное дело всей интеллигенции, гуманитарной и технической, — бросить все же искру этой идеи в народное сознание. А ее реализация самим многонациональным народом и станет первым шагом на пути к соборному идеалу общенародного самоуправления, или “народоправства” (И. А. Ильин), основанного на совестливости человека российской культуры, взамен зависящей от техники выборов западной демократии. Может быть, тогда Россия и станет, по словам А. Тойнби, “моделью мира в целом”, вот только в двадцать ли первом веке? Поживем — увидим.

И. А. ВАСИЛЕНКО,

доктор политических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ГРЕКО-ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОПЫТКА СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ

Греко-православная идея способна сегодня стать мощным преобразующим фактором в развитии русской культуры, выступая реальной альтернативой вестернизации.

Об этом еще в начале века размышлял Г. Флоровский. С большой долей иронии он рассуждал: может ли человек “фаустовской культуры” удовлетвориться статическим шифром устарелого эллинизма? Не расплавились ли все эти архаичные слова? Не стала ли сама душа совсем иной и не потеряла ли она впечатлительность к этим “роковым и фатальным образом не современным” словам и символам?

Г. Флоровский был убежден, что “современность”, не помнящая родства, не способная включать в себя свое же прошлое, от которого она оторвалась и отщепилась, обречена на бесплодие и декаданс. Хочется подчеркнуть, что на заре христианства, западная и восточная его ветви были не только равновеликими культурными и духовными традициями, но за Востоком признавалась большая духовная глубина. Можно согласиться с С. Хоружим, который видит особенности восточного христианства в сочетании “углубленной духовной практики, выверяющей и хранящей тождественность отношения к Богу, с воздержанием от выговаривания”. Если на Западе христианская традиция была интеллектуально эксплицирована, но при этом приняла в себя “долю человеческого произвола”, субъективности интерпретаторов, то на Востоке этого не произошло, поскольку здесь христианская традиция так и не была прояснена интеллектуально.

Духовный потенциал православного христианства до сих пор остается до конца не раскрытым, завет древней православной традиции современному сознанию — до конца не расшифрованным. Но даже наиболее общие принципы и установки православной аскетики, мистики, литургики показывают, что Благая Весть греко-православной традиции несет миру особую духовность, особое наследие.

В православной духовности заключен своеобразный взгляд на человека, на его отношения с Богом и социумом. Краеугольным камнем православной этики выступает осознание абсолютной ценности личного духовного пути и личной духовной судьбы человека. И вместе с тем — осознание ответственности человека за свою судьбу. В “Духовных беседах” св. Макария Египетского читаем: “Как Бог свободен, так свободен и ты; и если захочешь погибнуть, никто тебе не противится и не возбраняет... Если захочет человек, делается сыном Божиим или сыном погибели”.

Но если римско-католическая традиция делает особый акцент на утверждении индивидуальности, то греко-православная в число кардинальных мотивов духовности вводит необходимость раскрытия индивидуальности в соборность. Человек здесь заключается в единое соборное деяние, в “общее дело”. Идея соборности предполагает, что духовная работа человека не может замыкаться в рамках его индивидуальности, она должна быть обращена ко всем людям.

Предвосхищение православной соборности поразительно вписывается в ожидания современной глобальности, которая утверждает, что ни одна страна в одиночку не в состоянии справиться с глобальными проблемами даже на региональном уровне. Здесь требуются поистине соборные условия, кооперация народных волей в единый миропасательный проект.

Высокая духовность, устремленные ввысь духовные идеалы, вечный дискурс о смысле жизни и назначении человека — вот чем всегда была сильна греко-православная традиция, чем она выделялась в диалоге культур. Лучшие представители этой традиции, среди которых известные всему миру русские имена — Пушкин, Достоевский, Толстой, никогда не боялись противопоставлять идеалы Правды, Добра и Красоты узкому прагматизму и практицизму мира Машины, культивируемому на Западе. Они верили: красота спасет мир! И оказались правы. Сегодня, когда миф всемогущей Машины окончательно развеян угрозой экологической катастрофы, хрупкий идеал Красоты — природы, человека, культуры — это единственное, что можно противопоставить техническому уродству Прогресса. “Искрящаяся и в темноте доброта”, заключенная в православной вере, в произведениях выдающихся православных мыслителей и художников, сегодня с новой силой привлекает к греко-православной традиции представителей разных культур.

Немало оригинальных глубоких положений содержит православная онтология, которая созвучна современной науке понятиями “синергии”, “коэволюции”. В православии энергичный характер связи человека с Богом закреплён догматом. Это означает, что уровни бытия связаны

между собой не сущностью, а энергийно-устремлениями, “волениями” навстречу друг другу. Человек воспринимает благодать посредством особой духовной работы, и в этом состоит его энергийное соединение с Богом.

Известно, что в римско-католической традиции уровни бытия связаны преимущественно сущностно, принцип благодатности не является здесь основополагающим. Платонизм с его учением об идеях служит классическим образцом онтологии этого типа: любому из явлений земного шара соответствует определенная идея в мире потустороннем (умном мире, *kosmos noetos*).

Как справедливо отмечает С. Хоружий, важнейшим отличием энергийного соединения от сущностного составляет его свобода. «Организация и ориентация энергий к восприятию благодати есть духовная работа, которую человек волен делать или не делать: его свобода, наряду с благодатью, есть “равноправный фактор в деле обожения”».

Понятие синергии в православии означает принцип свободного сотрудничества, энергийной согласованности человека и Божьей благодати. Современная наука широко использует это понятие в разных областях знания. Идеи синергетики подчеркивают принципиальное различие между двумя рядами эволюции: один из них относится к природным системам и процессам, другой — к отношениям между людьми, к актам культурного творчества. Все это позволяет по-новому представить сложное взаимодействие человека и природы.

Идеи синергетики выявляют многоплановость и неслияемость, самостоятельность многих эволюционных процессов, создающих сложную полифоническую картину мира. Эти идеи исключают монологическое, бездумно-завоевательное отношение к природе. Синергетика позволяет выявить многоплановые напряжения, возникающие в процессе эволюции природных систем и цивилизаций. Она дает возможность осознать причины дисгармонии и даже кризисов, если один эволюционный ряд разрушается во имя доминирования другого. К сожалению, эвристические возможности синергетики пока до конца не выявлены в современной науке, но, несомненно, им предстоит стать новой познавательной моделью в недалеком будущем. Но главный завет греко-православной традиции состоит в решении вопроса о приоритетах, который волнует человечество на протяжении всей истории: “Ты или Я?”. Наше малое “Я” или наше великое “Ты”? Христос выбрал “Ты”, раскрыв божественную суть и внутренний смысл нашей жизни. Сможем ли мы быть достойными этого завета?

В. Н. САГАТОВСКИЙ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ: СТАТУС И СОДЕРЖАНИЕ

Что такое идея? Под идеей какой-либо человеческой общности подразумевается концентрированное выражение доминирующих ценностных ориентаций и представлений о должном устройстве мира, характеризующее специфическую сущность данной общности.

Идея есть “почка” или “клеточка”, конкретизация, развертывание которой дает соответствующий идеал, на основе которого, в свою очередь, строится идеология в целом.

Не всякая общность (как и не всякая личность) обладает такой степенью зрелости, которая *естественно* выражается в идее. Нельзя искусственно сконструировать идею нации, партии и т. п., если их духовный потенциал не готов, чтобы дать свой Ответ на Вызов истории: получается нечто мертворожденное, плагиат (что-то вроде обязательного президента для любого субъекта федерации).

Идею нельзя сконструировать, как нельзя “сделать” архетипы коллективного подсознательного или базовые ценности, но ее можно и нужно осознать и отчетливо выразить (в той части, которая вообще поддается рационализации). В этом и состоит задача интеллигенции.

Что такое национальная идея? Термин “нация” употребляется, по крайней мере, в трех основных смыслах: этническом, культурологическом и гражданском (политико-правовом).

В первом смысле речь идет о происхождении, “общности крови”. Вряд ли выражение такой общности может подняться на уровень идеи, если не ударяться в расистско-националистические спекуляции. “Стопроцентный” славянин может оказаться совершенно чуждым русской культуре, а “инородец” — украсить ее. (Хотя я, разумеется, не отрицаю роли этнических особенностей в формировании нации во втором и в третьем смыслах этого слова.)

Во втором смысле нация возникает на основе “консорции” (Л. Н. Гумилев) как субъекта “культурной мутации” и задается общностью культуры. Соответствующую роль, к примеру, в генезисе американской и русской нации сыграли пуританство первых белых поселенцев и православие. Развитие и концентрированное выражение общей культуры нации может получить форму национально-культурной идеи: американская мечта, японский дух, русская идея.

В третьем смысле (наиболее распространенном на Западе) нация есть совокупность граждан данного государства: любой гражданин США есть американец, независимо от своего этнического происхождения и духовно-культурной ориентации. Зрелое, стабильное государство обладает общенациональной идеей (первый признак возникающей нестабильности американского общества — то, что “американская мечта” как идеал среднего класса перестает быть общенациональной идеей, а “плавильный котел” все больше превращается в “ragu”).

Ситуация в России. Русская идея как выражение неповторимой картины мира в русской культуре не стала столь же статистически значимым выражением жизненных ориентаций русской нации (и, тем более, всех граждан России), как это имеет место в отношении “американской мечты” для костяка американского общества или “японского духа” для японцев. Роковой раскол устремлений народных масс, правящего меньшинства и интеллигенции (усугубляемый расколом внутри каждого из этих слоев) — причина нашей трагической ситуации.

Тем не менее духовно-культурный потенциал русской идеи исключительно велик. Она синтезирует положительные моменты духовно-культурных доминант Запада и Востока (самоценность личности и сопричастность к самоценной надличностной целостности) в их взаимодополняющем единстве на основе фундаментального настроения любви к миру (воля к любви, а не воля к власти или слиянию с абсолютном). В этом смысле *соборность* — суть русской идеи (подробнее см.: Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994), и только такая духовная переориентация способна вывести мир из глобального кризиса, направив его на путь созидания развивающейся гармонии природы, общества и личности, созидания подлинной ноосферы, а не паллиативного “устойчивого развития” (как будто оно достижимо при реальном господстве парадигмы воли к власти, максимуму прибыли и престижного потребления!).

Без осознания роли русской идеи невозможно ни духовное возрождение русской нации в культурологическом смысле (она все больше будет превращаться в “бесхозное” “население этой территории”), ни конструктивный диалог с другими национально-культурными общностями российского государства.

Русская идея — в силу своего богатства и исторических предпосылок — может сыграть роль *духовной* основы диалога различных этнических составляющих внутри России, но для полного обеспечения их единства требуется *общенациональная российская* идея для всех граждан России (российской, “евразийской” нации в гражданском смысле этого слова, принадлежность к которой должна наполнять гордостью любого гражданина нашего государства, подобно тому как граждане США гордятся тем, что они американцы. И достойны ли находиться в составе России общности и быть ее гражданами личности, не разделяющие такой устремленности, но активно работающие на ее развал?!). В состав такой идеи должны войти еще какие-то компоненты, помимо ее общей духовной основы — русской идеи, символизирующей культурно-мировоззренческую миссию России в современном мировом сообществе.

Содержание общенациональной российской идеи. Российское общество может и должно быть сплочено на трех уровнях, на основе трех доминирующих идей: духовной, социальной (основа идеала общественных отношений) и организационной (основа идеала способа управления). Ни в одном из этих случаев ничего не надо выдумывать. Требуется лишь осознать присущие России, исторически сформировавшиеся тенденции.

Духовный уровень общенациональной российской идеи образует русская идея соборности как духовной основы ноосферы. Именно это неповторимое слово обращает к миру великая русская культура.

Социальный уровень образует идея *социальной справедливости* в ее солидаристско-социалистическом варианте, т. е. понимание справедливости не как гарантированных законом прав отдельных индивидов на основе "общественного договора" (либерально-демократический вариант) и не как "уравниловки" (вариант вульгарно-социалистический), но как "правды отношений" (А. Солженицын), где каждый думает не только о собственных правах, но о своем вкладе в совершенствование мира — общественного и природного — как целого: доминирование кооперации над конкуренцией, органического единства над механической "нейтрализацией порока пороками" (характеристика сути западной демократии одним из ее апологетов — А. Яновым). При всех издержках политических режимов Россия никогда не была ориентирована на безоговорочное подчинение входящих в нее народов (тем более на их уничтожение, о чем могут говорить лишь откровенные клеветники; пусть сравнят освоение Евразии с освоением Америки), но всегда — так или иначе — на достаточно гибкое и взаимоуважительное сотрудничество (в советский период — даже в явный ущерб русской нации). Создание общественного и межнационального евразийского единства на основе *правды отношений* — таков, на наш взгляд, социальный уровень общероссийской национальной идеи. И здесь критерии также достаточно ясны: видите ли вы основы правды отношений в соборности или, скажем, в классовой борьбе, или войне против "неверных", или (что, увы, имеет место в действительности) в окончательном добивании былого российского единства.

Идея организационно-управленческого уровня естественно вытекает из сопоставления двух обстоятельств: социального идеала, ориентированного на правду целого, а не "качание" атомарных прав, с одной стороны, и реальной неорганизованности, противоречивости, огромности территории, все более углубляющегося распада — с другой. Выход, подкрепленный историческими традициями, очевиден для каждого, кто не мечтает о полной гибели "империи зла", — *сильное государство*.

Практически это, конечно, самый сложный вопрос: как перейти от сильной во имя собственных интересов криминализованной бюрократии, от отрицательных традиций российского чиновничества и советской номенклатуры к государству, способному к "сопротивлению злу силой" (И. Ильин), сильному на основе соборности и справедливости, харизматическому в лучшем смысле этого слова? Возможно, это вообще утопическая задача. Но без сильного государственного центра Россия не решит своих проблем (и отнюдь не любой Пиночет окажется здесь на месте).

Итак: *соборность, справедливость* (органическая, а не утилитарно-торгашеская или люмпенско-уравнилельская!) и *сильная харизматическая государственность* как средство их реализации и защиты.

Сравните эту идею с духовной основой американского общества: свободная самореализация индивидов в достижении максимального богатства, престижного потребления и власти над миром в рамках правового общества и либерально-демократического государства (способного действовать весьма тоталитарно при "защите национальных интересов"). И решайте, что ближе нашему культурно-историческому менталитету, а проще — что нам по душе.

В. В. ШАРОНОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальной антропологии и психологии Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Одно и то же действие, входя в разномотивированные структуры, психологически меняется, приобретая новый смысл. Поэтому поиск смысла всегда имеет исходным своим моментом мотивацию. В связи с этим надо еще раз подчеркнуть необходимость оценивать действия человека не только по объективно достигнутому результату, но и по их мотивировке и по значению достигнутого результата для психологической самооценки самой действующей личностью. Смыслу жизни нельзя научить; его нельзя и насильственно навязать человеку. Человек может и должен этот

смысл своей жизни найти самостоятельно, обрести *самопоиском*. Поэтому он должен быть ориентирован на поиск смысла жизни своими собственными *личностными* усилиями.

Знания, общие идеалы и цели — это ориентиры и помощники в поиске смысла жизни, а не смысложизненные самоцели. Нельзя в том числе рассматривать и ценности культуры как смысложизненные сущности, а тем более не обладают таким статусом искусственно инициированные идеалы и ценности. Их в этом плане не могут спасти никакие общегосударственные, общенациональные или иные “общейдеологические” гарантии и обеспечения. Их значение в лучшем случае состоит в том, что они, как и все ценности, выступают лишь как *средства* поиска и обретения смысла индивидуальной человеческой жизни.

Логика нашего рассуждения приводит к проблеме соотношения индивидуального и всеобщего в содержании смысла жизни. Для диалектически мыслящего человека этот вопрос неизбежен, ибо утверждение индивидуального не есть отрицание общего, а указание на необходимость искать отношение индивидуального к общему.

Индивидуальность смысла, о которой речь шла до сих пор, отнюдь не означает отрицания неких общих черт и характеристик, присущих различным ситуациям, в которых находятся люди, озабоченные поиском смысла своей жизни. Более того, есть нечто общее, что характеризует отношение людей к своим жизненным ситуациям. Несмотря на всю индивидуальность бытия человека, он всегда связан с бытием других людей тысячами экономических, социально-политических, духовных связей. Поэтому есть общие черты сугубо индивидуальных смыслов, т. е. смыслы жизни, которые какими-то своими характеристиками присущи многим людям данного конкретного общества, которые *разделяются* множеством людей, объединяемых условиями и обстоятельствами данного эпохального состояния человеческой истории.

У многих людей, находящихся в сходных жизненных ситуациях, возникает некое общее содержание их жизненных смыслов. Это общее смысложизненное содержание и называется ценностью. Ценность, таким образом, следует определять как универсалию жизненного смысла.

Будучи нормативно (не в правовом, а скорее в нравственном отношении) закрепленным обобщением смыслов, ценности затем выступают в качестве средств унификации поиска людьми своего индивидуального смысла жизни в уникальной жизненной ситуации.

Особое значение ценностей состоит в том, что они участвуют в формировании мотивов смысложизненного поиска. Ценности известным образом стандартизируют, унифицируют, сокращают и облегчают поиск смысла жизни, предупреждают от ошибок и просчетов, присутствовавших в смысложизненном поиске других людей, как предшественников, так и современников. Это относится как к нравственным, так и к эстетическим ценностям. Такого же рода ориентирами являются ценности традиций и обычаев.

Ценности соотносят множество индивидуальных смыслов друг с другом, связывают их в некое *смысловое единство*. Благодаря общим ценностям, индивидуальный поиск смысла жизни сопрягается с аналогичными усилиями других индивидов — членов данного сообщества, учитывает и принимает смыслосодержание жизни других людей, их опыт, их проблемы.

Ценность должна быть осознана как общественно значимый ориентир индивидуального поиска смысла жизни. Только в таком понимании общая ценность обретает и индивидуальную значимость для человека, включается в систему его личных ценностей, а следовательно — в систему мотивации его смысложизненного поиска.

Наверное, у ценности есть и другие функции и роли. Здесь же хотелось обратить внимание только на те, которые связывают ценность со смыслом индивидуальной жизни человека, его осознанием и поиском.

В связи с этим весьма рискованны попытки создания некоего единого (и единственного, тем более) окончательного смысла всей жизни человека. “Окончателность”, “всеобщность” и “абсолютность” смысла жизни есть, по сути дела, отрицание многообразия бытия человека, бесконечности возможностей его развития, приложения сил, совершенствования способностей и талантов. Связывать смысл жизни с неким внеситуационным бытием — значит, свертывать человека в неразрешимую конфликтами конечность его жизненного бытия, в конфликты рока, фатума, предначертанности судьбы. Утверждение единственности и всеобщности смысла жизни есть обратная сторона утверждения бессмысленности реального существования человека, есть утверждение заурядности смысла его жизни, *посмертности* его. В этом отношении нельзя не вспомнить видного русского кантианца середины прошлого века А. И. Введенского, утверждавшего, что тот, кто не верит в бессмертие души человека, не может говорить и о смысле его жизни. Но это — особая мировоззренческая позиция, специально обсуждать которую в рамках научного симпозиума вряд ли уместно.

В предлагаемых тезисах проблема ставится в чисто теоретическом ключе. Перевод ее в область практической реализации общих идей и ценностей неизбежно связан с рядом дополнительных трудноразрешимых противоречий. Об этом свидетельствует, в частности, вся многовековая история государства российского.

В. В. СЕЛИВАНОВ,

главный научный сотрудник, заведующий сектором социологии Государственного Эрмитажа, президент ассоциации "Диалог культур", действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор

**РОССИЯ НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ:
ПОИСК ОСНОВ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ**

Если попытаться оценить состояние современного российского общества, то, вероятно, самым адекватным определением станет "неопределенность". И действительно, какая-то бесформенность, расплывчатость господствует во всем, не позволяя видеть и понимать происходящее, общую тенденцию событий, логику действий отдельных лиц и государственных структур. Упрощение ситуации может привести к примитивизму оценок, сведению до элементарнейших состояний животного эгоизма, разбуженной жажды наживы, цинизма прагматических отношений — скрытых причин поведения, явлений. Но заметна связь происходящего с логикой истории, зависимость современных событий от недавнего и далекого прошлого. Уже формируется устойчивая традиция в жизни нашей страны, а возможно, и всего мира — заканчивать век и начинать новое столетие со смуты, переворотов, катаклизмов, порождая в сознании тревогу, неуверенность, неопределенность, туманную неясность ближайших и дальних перспектив.

Так было в России, например, в конце XVI — начале XVII вв. — кризис власти Бориса Годунова, Смута, появление Лжедмитриев... Так было и на рубеже XVII—XVIII вв. — свержение правительницы Софьи, заключение ее в монастырь, стрелецкий кровавый бунт, начало правления Петра I, его реформы. На переходе от XVIII к XIX веку — смерть Екатерины II, убийство Павла I, война с Наполеоном, восстание декабристов. На грани XIX и XX веков — кризис полицейского режима в России, революции 1905 и 1917 годов. На рубеже XX и XXI веков — кризис тоталитаризма и тяжелый, мучительный поиск новых путей, новых перспектив...

Дело, вероятно, заключается еще и в том, что такая же закономерность сопровождает и всю мировую историю. На рубеже веков усиливаются противоречия — революции, войны, перевороты, реформы же обозначают переходы в новое культурно-историческое измерение, наступает смута в сознании и событиях, неопределенность. Сегодня, накануне III тысячелетия, мир устал от выпавших на долю его народов тяжелых испытаний. В революциях и войнах, в конкурентной борьбе израсходовано немало сил, понесено немало потерь. Еще не ушли из жизни старые, как уже накапливаются новые недоверие, горечь утрат и страданий, порожденные ими недобрые мысли и чувства, обращенные друг к другу. И все же желание покоя, надежды на долгожданный мир, на благополучие, безопасность, сотрудничество, взаимопонимание, на возвращенное доверие, взаимоподдержку и помощь — пожалуй, и сегодня главное в ожиданиях людей не только в России, но и во всем мире. Разочарования и надежды — как знакомы эти чувства в конце и в начале каждого столетия...

Сознание спутано, нет четкого концептуального мышления, все носит оперативный, временный, краткосрочный характер. И это происходит не только оттого, что слом эпох не порождает высокие умы, но и потому, что на рубеже XX—XXI веков происходит нечто необычное: глубокие коренные сдвиги, (не только в России, но и во всем мире), преобразующие облик этого мира и формирующие новые принципы и законы исторического движения и взаимодействия народов и стран.

Для России эти сдвиги оказались особенно чувствительными, поскольку наложились на свои еще не решенные проблемы, идущие из глубины истории, из трудно складывавшейся общей судьбы российских народов. В сознании россиянина сегодня равно присутствуют и взаимодействуют и опыт прожитых десятилетий тоталитарного режима, и новое открытие, постижение опыта Европы, ее противоречивой, неоднозначной истории, ее неопределившейся судьбы, ее недуги-

гов и достижений, и новые впечатления от стран Востока — Японии, Индии, Китая, их осознание как соседей, давних партнеров, исторических спутников, и новые представления о Юге — Африке, Азии, Латинской Америке. Не менее значимо сегодня и пробуждающееся, формирующееся новое самосознание России как многонационального единства народов в их сложной и длительной совместной истории. Не только россиянин, но и современный европеец задумываются сегодня над собственной судьбой, перспективами культуры и цивилизации. Мы видим один и тот же предмет напряженных раздумий и у индийского, и у японского, и у арабского философа...

Чем вызваны, с одной стороны, эти глубокие, сосредоточенные размышления, а с другой — активные и порой даже преступные действия отдельных экстремистских групп и партий, националистических движений и сект? Пожалуй, четыре особенности современной истории определяют спутанность сознания и внутреннюю необходимость в новом понимании происходящих событий. Первой особенностью следует признать все более интенсивный процесс соединения, слияния отдельных, частных историй народов и государств в единую, общую историю культуры и народов всего мира. Этот процесс, объединяя людей всех континентов и стран, в то же время создает опасность утраты национальных особенностей, традиций и достижений, как, впрочем, и своих собственных ресурсов развития, духовных ценностей и материальных благ, своего маленького самобытного мира и самостоятельного взгляда на мир в целом.

Второй особенностью является тот факт, что по мере объединения истории человечества в единое целое возрастает и осознается самобытная ценность каждой национальной культуры, включая все малочисленные народы планеты. Эти самостоятельные культуры все более признаются как неповторимые, уникальные явления современного мира, без которых мировая культура сегодня невозможна.

Третьей особенностью современного состояния истории и мира является понимание того, что история человечества есть параллельно развивающееся множество историй, определяемое суммой специфических закономерностей. Следовательно, европейская цивилизация уже не может претендовать на избранность на особое положение, вершину прогресса, поскольку понятие прогресса в каждой культуре, у каждого народа понимается по-своему. Нет единого критерия прогресса для Франции и Китая, Бенина и Бразилии, Соединенных Штатов Америки и России. Следовательно, здесь еще немало работы для будущих историков и философов XXI века.

Четвертой особенностью эпохи перехода к III тысячелетию является отчетливо осознаваемое значение духовной культуры в будущих судьбах народов и мира. Все более становится очевидным, что не наука и не религия прокладывают путь к единому человечеству. Уже в прошлые века было понятно, что религия более разъединяет, чем соединяет народы; что религиозное самосознание народов может выполнять позитивную роль только в моменты национальной консолидации, а в расширении диапазона новых общностей, в ходе формирования единой истории необходимым становится надрелигиозный уровень взаимодействия и взаимопонимания народов, который способна дать только культура. К концу XX века и наука стала уступать место культуре как приоритетному началу современной истории. И здесь перед Россией встают новые задачи и горизонты, определяющие не только ее собственную судьбу. Как знать, может быть, понесенные ею тяготы и лишения и служат своего рода уроком жизни (или судьбы?), выводящим ее сознание и самосознание, ее историческую активность на уровень новой всемирной, всеобщей истории?

К. Г. ИСУНОВ,

доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

ЛОЖЬ КАК АНТИТЕЗА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

По определению, ложь есть искажение подлинности: атрибут и самоцель демонической инициативы. В мировой мифологии и основных религиях ложь вменена миру в качестве естественного модуса существования: в ней проявляется органическое Зло. Иудео-христианская традиция связывает генезис лжи с грехопадением и злокозненными антагонистами Творца. Если тварность есть падшесть и отягощенность ложью (наследное искушение Лукавым), то лживы и

тварное знание (наука), и искусство (“условность”), и логика (хитроумие); деятельной правде Бога противостоит самообман человеческой суеты (Экклезиаст). Ложь есть впадение в самоотрицание Добро (Сатана). У Добра нет эволюции и истории, оно предвечно и субстанционально: лишь в историческом (тленном и временном) мире возможна власть Зла в его кардинальном проявлении — лжи. В моделях мира, где Зло оказывается в центре (ереси маркионитского типа, романтизм, символизм), оно накапливает внутри себя энергию амбивалентных трансформаций: Зло в состоянии избытка захлебывается в собственной лжи и как бы меняет знак (в этом векторе строилась эстетика ужасного у Бодлера, гротескная поэтика Гоголя и всей школы “черного юмора” — до обернутов включительно: ср. описания судьбы Зла в концепциях манихейского типа — от Я. Беме до Н. Бердяева и Д. Андреева). Самоисчерпание Зла не превращает его в Добро, а ложь — в правду, но создает эту возможность, фиксируемую в срединной категории “блага” (горней ступени от Зла к Добру) и в понятии истины (дольный переход от лжи к последней Правде).

Ложь претендует на онтологическую неустранимость в апофатической диалектике бытия. Мир и человек обречены на объятья изобретательной и многоликой лжи, коль скоро в симметрию промыслительного плана истории и в согласии с ним поставлено Зло как источник мировой событийности. Так, карамазовский черт убежден, что “без него не будет никаких происшествий”. Экспериментальная дьяволицца Достоевского условно оправдывает Зло и ложь как принципы динамики саморазвития с проекцией последних на избыточную свободу воли личности. Вся демоническая рать (от князя Тьмы и бесов до Антихриста) призвана к творчеству событийной реальности, относительно которой Промысел выполняет функцию фильтра: в ранг события вводятся лишь те факты, которые отвечают смысловой архитектуре Божьего Домостроительства. Факты, не ставшие событиями смысла (т. е. вечными событиями метаистории), образуют план мировой лжи, “ничтояствующей” во Зле, но от этого не перестающей быть реальной онтологической угрозой человеку.

Напряженное внимание в XX в. к категории Ничто, сочетание ее с экзистенциалами страха и трепета, ужаса и тревоги, абсурда и смерти — свидетельства отчаянной борьбы с Ложью как порчей мира. Искажение вышней Правды в кривой онтологии дольного мира признается имманентным качеством здесь-бытия: от миметических иерархий и “пещеры Платона” до тварно-нетварной Софии С. Булгакова. Гносеология возникает как наука о верном внутреннем зрении; трагедия и этика — в поединке с ложной свободой; эстетика — как дисциплина правильного чувствования; лингвистика — как вербальный устав обмена информацией. Артистическая спецификация лжи в профессиях дипломата и шпиона, купца и врача, гетеры и шута, риторика и лицедея, инквизитора и исповедника дополняется тотальным ее присутствием во всем списке бытовых ролей.

Интроспекция лжи (внутренняя речь и диалог с собой; горделивое самохуление; эротическая провокация; идейный самообман; претенциозная неадекватность “я”; религия эстетизма) создала устойчивые типы игрового поведения, отраженные в художественной литературе: авантюрист (Чичиков) и лгун (Хлестаков), “самосочиненный” маргинал (амбивалентные клоуны и гаеры Достоевского), гений лицемерия (Иудушка), псевдогуманист (горьковский Сатин). Искус априорной ложью самосознания характерен для традиций кантианского антиномизма и картезианского “эпохе”. Легитимная реабилитация вроде “спасительной лжи” (добродетельного самообмана) или чекистского лозунга Э. Багрицкого “если надо солгать — солги” создала в XX в. ситуацию, точно определенную А. Платоновым: правда приходит в форме лжи, это ее форма самозащиты (ср. предназначенные для “чтения-вспять” его утопии-антиутопии “Чевентур” и “Котлован”); такие тексты, как “Антихрист” Ф. Ницше, “Философические письма” П. Чаадаева или книга М. Бахтина о Рабле, снабжены обратимым контекстом. В формах приблизительности и гипотезы ложь получает свое место в символическом знании (религиозные картины мира), эстетике (ирония, сарказм, поэтика фокуса и парадокса, риторика инверсивного речения), богословии (учение об апокатастасисе — от Григория Нисского до русских софиологов), в революционной этике, детской психологии, математической теории игр и конфликта.

Общим врагом правды и лжи является полуправда (так, донос опасен и его “герою”, и автору). Ложь не нуждается в мимикрии самой себя, ей свойственно достигать потребного объема в среде любой степени сопротивления. Ложь сама есть мимикрия, муляж правды. Правдивый лжец не ощущает себя лжецом (Ноздрев). Есть особый фанатизм лжи, мания идеологической объективации, их жертвами стали инициаторы коммунистического и социалистического строительства, тысячелетнего Рейха, “четырёх модернизаций” и т. п.

Тема лжи и социальных фантомов — вечный предмет отечественной философской публицистики; обострение интереса к нему фиксируется в трудах М. Шербатова и П. Чаадаева, в прозе Любомиров и славянофилов, в статьях Ф. Тютчева. В ситуации ускоренного роста национального самосознания, в пространстве русского “я”, многократно усложнившего свои структуры, происходит семантический разрыв между словом и мыслью; этот “топос лжи” пыталась дезавуировать романтическая эстетика жизненных единств: программы и дела, поступка и высказывания, намерения и жеста, чести и авторитета. Борьбой за “правду жизни” отмечена эстетика демократов и народническая публицистика. Адекватность религиозного переживания — тема многих богословских диспутов конца XIX — начала XX вв. (ср. католические искания от П. Чаадаева и Н. Гоголя до Вяч. Иванова: переходы в инославие как политическая фронда). Бегство от лжи мира — сильнейший стимул русского странничества, проповедничества и “уходов” разного рода. Философская критика “серебряного века” (исследования о Пушкине, Гоголе, Герцене, Достоевском, Л. Толстом, Чехове) строилась по преимуществу как герменевтика ложных состояний сознания и как анализ духовной одержимости стихией Зла (см. комментарий эстетизма Ставрогина и полемику вокруг “Великого Инквизитора” в работах В. Розанова, Д. Мережковского, И. Лапшини, Л. Карсавина, Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Гроссмана, А. Мацейны).

В наше время ложь как научный объект переместилась в сферу интересов социальной психологии, семиотики и исторической семантики.

П. И. СМIRНОВ,

доктор философских наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ЕДИНСТВО РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ КАК УСЛОВИЕ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Нынешний кризис в России по своей глубине и масштабности заслуживает названия “вялотекущая катастрофа”. Объективно он обусловлен проигрышем России в мирном соревновании с Западом, но его катастрофические последствия связаны с неспособностью нашей элиты правильно оценить ситуацию проигрыша и найти достойный выход из нее.

Главная беда советской (в том числе русской) элиты, не позволившая ей справиться со своими задачами, — отсутствие единства в ней. Наша элита не была единой ни по национальному и социальному происхождению, ни по мировоззренческим и ценностным установкам.

Многонациональность правящей элиты — давняя традиция в России. Об этом писал В. О. Ключевский применительно к периоду Московского царства. Прием иностранцев на службу широко практиковался в императорской России, а в советское время многонациональность нашей государственной и культурной элиты прямо программировалась.

Многонациональность сама по себе не имеет ничего дурного. Просто в таком случае элита нуждается в каком-то объединяющем стержне — вере, учении, интересе, фигуре. Если такой стержень существует (государь, православие, марксистское учение), элита сохраняет способность к единым действиям. Если нет, она рассыпается на отдельные группы и становится недееспособной.

Разнородным во все времена был и социальный состав российской элиты. Начиная с сословных перетасовок Ивана Грозного, а далее через реформы Петра I и Сперанского, в российской государственности наблюдалась тенденция привлекать к управлению все более низкие общественные слои и группы. Чрезвычайно пестрой по социальному происхождению была советская элита, в которой смешались потомки рабочих и капиталистов, крестьян и дворян, “пламенных революционеров” и “врагов народа”. Образовавшееся своеобразное “новое дворянство”, представители этих социальных групп не успели выработать ни общего мировоззрения, ни общих ценностей, ни общих норм поведения.

Но, возможно, главная линия раскола внутри нашей элиты проявлялась в реакции отдельных ее представителей на “служебный” и “цивилизационный” соблазны.

Служебный соблазн возникает потому, что служебная деятельность (которая в России всегда занимала ведущее место) требует от человека подчинения служебному долгу, что часто противоречит личным интересам. Одновременно служба дает возможность использовать должностные полномочия в личных целях. Возникает ситуация выбора: либо жертвовать личными

интересами в пользу служебного долга, либо жертвовать служебным долгом в пользу личных интересов. Это и есть служебный соблазн, который может разрешиться и в пользу долга, и в пользу интересов и на фоне которого идет борьба "честных служаек" и "карьеристов".

Представители последних в большей мере способны занимать ведущие позиции, особенно в мирное время. В условиях войны "служаки" еще могут выдвинуться, ибо сама обстановка позволяет оценить вклад человека в общее дело. Но в мирный период львиная доля элиты может использовать служебное положение в корыстных целях без явно заметного ущерба от деятельности конкретного чиновника. Карьеристы легко сплываются на основе личных интересов, не дают ходу честным служащим, и когда почти вся элита оказывается во власти служебного соблазна, она практически перестает выполнять свои функции.

Цивилизационный соблазн также существовал почти на всем протяжении нашей истории. Комфорт и безопасность европейской жизни, постоянное обновление научных и философских идей, технический прогресс, права и свободы человека — магнитом притягивали к себе русских людей. У многих это вызвало болезнь "европейничанья" (Н. Я. Данилевский), привычку смотреть на наши дела с точки зрения общественного мнения Европы. Искажалось реальное восприятие русской жизни, ее достоинств и недостатков. Изыскивались странные, а порой чудовищные рецепты лечения "ее язв и пороков" (попытки построить "светлое будущее" — коммунистическое по Марксу, капиталистическое по Саксу). Далеко не все россияне были готовы на самопожертвование во имя этого будущего, и единство элиты также нарушалось.

Итак, многонациональный состав, пестрое социальное происхождение, служебный и цивилизационный соблазны помешали формированию единства нашей элиты. В силу этого она оказалась неспособной адекватно отреагировать на вызов и защитить интересы страны.

Два фактора могут способствовать единению нашей элиты. Во-первых, инстинкт самосохранения, ибо нынешние реформы в их настоящем виде прямо ведут к ее уничтожению. Во-вторых, элита может сплотиться на почве защиты национальных интересов, суть которых в том, что россияне должны остаться хозяевами в своей стране, а каждому гражданину ее должны быть предоставлены максимально благоприятные условия развития. Если элита займется защитой этих интересов, она может сохранить себя в качестве высшего социального слоя. Если нет, ее существование теряет смысл, а гибель неизбежна.

В. Д. НАЗАРОВ.

заместитель директора Центра "Петр Великий" Московского физико-технического института

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И "НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ"

1. В прошлом страны можно насчитать совсем немного периодов, когда так или иначе сформировавшиеся национальные идеи становились важнейшей составляющей политической и социальной борьбы. Смуты начала XVII в. — из их числа. При всей уникальности тогдашней ситуации, ее исторической неповторимости, в событиях Смуты выявляются типологически существенные признаки, актуальные в современном течении жизни.

2. Прежде всего отметим, что Смута стала открытым проявлением глубокого структурного кризиса всех (или почти всех) сфер деятельности общества, поразившего Россию во второй половине XVI в. Это был главный фактор, вызвавший длительную и ожесточенную вооруженную борьбу больших масс разной сословной и территориальной принадлежности. Внутреннее противостояние было усугублено внешней агрессией гражданской войны (с определенного момента). Действия Речи Посполитой и Швеции поставили под вопрос не только территориальную целостность страны, но и ее самостоятельное государственно-национальное и конфессиональное бытие. Захват столицы интервентами, поражение восстания москвичей в марте 1611 г., арест членов "Великого (земского) посольства" под Смоленском были восприняты общественным сознанием того времени как "конечное разорение Московского царства".

3. Именно в реставрации государственно-исторического бытия российского царства сошлись главные политически активные силы страны. При всем расхождении социальных и материальных интересов требования освобождения столицы, изгнания интервентов из страны, избрания (в специфическом для того времени понимании этого термина) носителя монархической власти из

отечественных претендентов, сохранения и укрепления православной церкви, установление социального согласия в обществе постепенно составили плоть комплекса "национальной идеи" тогдашней России. Подчеркнем еще раз постепенное и по преимуществу объективно-спонтанное складывание этих идей и умонастроений, происходившее в острых противоречиях, а порой и конфликтах (земские ополчения, борьба на избирательном соборе 1613 г., последующие вспышки социальной борьбы). Хотя, конечно, с первых моментов рождения эти идеи были сферой активной пропаганды (в специфических формах).

4. Существенно, что избрание Михаила Романова российским царем не стало финальным пунктом в становлении и действии "национальной идеи" — Смута как факт внутривнутриполитического открытого противостояния и вооруженной борьбы на международной арене продолжалась еще шесть лет.

5. Очень важно, что формирование "национальной идеи" в тех условиях объективно оказалось связанным с укреплением институтов сословного представительства, а порой и рождением новых форм политической самоорганизации сословных групп на региональном и местном уровнях. Показательно, что их жизнедеятельность отнюдь не прекратилась с избранием нового царя.

6. Схожие (хотя далеко не во всем) ситуации имели место в начале XIX в., а также в начале и середине нынешнего столетия. Решающим фактором становилась реальная внешняя угроза самостоятельному бытию страны. С другой стороны, эпохи реформ, особенно на первых этапах, не создавали объективных предпосылок для возникновения и упрочения "национальной идеи". Особенности проведения реформ в России были таковы, что и в последующие годы не формировались, как правило, основания для широкого общественного согласия на новой основе.

7. Формирование "национальной идеи" — особенно в новых социально-политических обстоятельствах — есть длительный процесс, в котором успех зависит во многом от общественного согласия по поводу реальных и достаточно близких целей движения. Само по себе общественное согласие не может не базироваться на историческом опыте, закреплённом, пожалуй, не столько в ученых трудах, сколько в историческом сознании общества. Последнее неизбежно включает в себя могучий пласт давней, но по-прежнему современной, спонтанно сложившейся и целенаправленно формируемой исторической мифологии. К ней, пусть и отчасти, относятся и столь популярные споры об абсолютной неповторимости исторического пути России, уникальности ее судеб (при этом в обеих, казалось бы полностью противоположных, вариациях современного политического спектра). Дело профессионалов — предоставлять обществу возможность очистить его многослойное сознание по поводу прошлого от наиболее архаичных и опасных в современном раскладе сил мифов.

СЕКЦИЯ II. ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

Ю. У. ФОХТ-БАБУШКИН,

заведующий сектором Научно-исследовательского института искусствознания, доктор философских наук, профессор

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО НЕ ПЛАВАНИЕ БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

За последние годы в культурной деятельности населения России обозначились серьезные противоречия. Это коснулось, судя по данным статистики и результатам социологического исследования Государственного института искусствознания, всех трех видов культурной деятельности людей: “потребления” ими производной искусства; приобретения знаний об искусстве; собственного художественного творчества.

С одной стороны, продолжала расти сеть многих учреждений культуры, но, с другой — нередко сокращались как объемы предложения культурных благ, так и масштабы их потребления населением. Только за период с 1991 по 1994 год число театральных спектаклей в стране уменьшилось на 21%, концертов — на 64%; посещаемость спектаклей упала на 33%, концертов — на 48%, музеев — на 19%. При этом “домашние” формы приобщения людей к художественной культуре не получили развития.

Правда, как следует из результатов социологических исследований, посещаемость спектаклей, концертов, выставок сократилась меньше, чем может показаться при знакомстве со статистическими данными о работе учреждений культуры. Госстатистика фиксирует работу только государственных учреждений культуры, но сейчас открылось много негосударственных театров-студий, выставочных залов, устраиваются концерты частными лицами, различными общественными и коммерческими организациями и т. д.

Тем не менее примерно девять десятых жителей сел и четыре пятых горожан не ходят на спектакли, в художественные музеи и на выставки; три четверти и в селах, и в городах не посещают концерты; треть в городах и две пятых в селах практически не читают художественную литературу. А пятая часть горожан и четверть сельских жителей вообще не бывают ни в каких учреждениях культуры и практически не обращаются к художественной литературе.

Происходит и очевидное падение уровня художественного вкуса населения, этого важнейшего показателя культуры людей: более или менее сформированным вкусом отличались в начале 80-х годов 36% горожан и 23% сельских жителей, сейчас — соответственно 14 и 9%.

В условиях “дикого” рынка, столь характерного сейчас для нашего общества, на население обрушился поток низкопробной литературы, третьесортного зарубежного кино и легковесной музыки. Ослабевает тем самым развивающая роль искусства и усиливается развлекательно-релаксационная. Искусство продолжает достаточно широко проникать в общество, но все меньше на него влияет.

Однако отмеченные процессы снижения посещаемости учреждений культуры и ухудшения вкуса вовсе не свидетельствуют о падении интереса населения к искусству. Данные исследований, касающиеся наиболее привлекательных для населения форм проведения досуга, свидетельствуют, что за прошедшие полтора десятилетия в городах возросла популярность всех видов искусства, в селах чуть сократилась лишь читательская аудитория. Причем такая самооценка людьми своего отношения к искусству вовсе не носит умозрительного характера, она подтверждается их реальным поведением — деятельным интересом к тому или иному искусству.

Основным фактором уменьшения посещаемости государственных учреждений культуры оказывается вовсе не угасание интереса к искусству. Публика чаще всего называет три причины. Во-первых, несоответствие предлагаемой учреждениями культуры художественной продукции запросам населения. Во-вторых, отсутствие учреждений культуры и каких-либо гастрольных выступлений в зоне “транспортной доступности” для жителей различных населенных пунктов. В-третьих, дороговизна билетов.

Сохраняющийся интерес населения к искусству — реальный резерв развития художественной культуры народа. Тем самым, при соответствующей политике государство имеет возможность активизировать культурную деятельность россиян.

Отмеченные негативные тенденции в значительной мере являются следствием снижения роли государства в художественной жизни общества. Сложившаяся в стране новая социокультурная ситуация, предполагающая свободную культурную деятельность населения как в пределах государственного сектора, так и вне его, бесспорно является историческим завоеванием демократии в России. Но свобода вовсе не предполагает устранения государства от регулирования процессов в обществе. Сегодня в сфере культуры государство распространяет свое влияние лишь на подведомственные ему учреждения и организации. Сильно отдающая анархией, негосударственная система распространения искусства руководствуется в большинстве своем лишь одним соображением — прибылью, а отнюдь не мыслью о духовном обогащении народа. Отсюда и возникает никем не контролируемый поток развращающего зелья под маской искусства. При этом удельный вес негосударственного сектора в общем объеме контактов населения с искусством стремительно увеличивается. Государственная культурная политика не может ограничиваться одним госсектором, следует искать пути влияния на всю художественную жизнь в стране. Только государство способно ее упорядочить.

Ослаблением влияния государства можно объяснить и явно увеличивающиеся различия между регионами страны по степени приобщенности населения к искусству, что связано отнюдь не с культурным своеобразием регионов, а с резким ухудшением культурного обслуживания и, в частности, со свертыванием гастрольно-выездной деятельности в стране.

Столь же негативным явлением стал упадок всей системы искусства для детей, а также разрушение клубного дела, игравшего заметную роль в жизни прежде всего сел и малых городов. Изживая пороки прошлого, мы вместе с тем отбросили и многие плодотворные достижения тех лет.

Самыми эффективными рычагами управления являются, конечно, не запретительные, а поощрительные меры: материальная и моральная поддержка деятельности учреждений и организаций искусства; отдельных лиц, создающих подлинные художественные произведения и заботящихся о духовном развитии населения. Причем это должно касаться как работающих в государственном секторе культурной жизни, так и в негосударственном, что позволит оказывать влияние на свободное предпринимательство.

Важнейшими задачами государственной политики по развитию культурной деятельности населения являются:

— обеспечение всему населению страны доступа к культурным ценностям за счет организации планомерной гастрольно-выездной деятельности и укрепления инфраструктуры культуры в регионах;

— разработка механизмов прямой государственной поддержки культурной деятельности малоимущих и социально незащищенных групп граждан;

— восстановление и развитие всей системы создания и распространения искусства для детей, а также художественно-образовательной и художественно-воспитательной работы учреждений культуры с подрастающим поколением;

— создание системы поощрений за деятельность по развитию художественной культуры населения;

— разработка системы мер по защите населения от засилья низкопробной квазихудожественной продукцией зарубежного производства.

Ж. Т. ТОЩЕНКО,

главный редактор журнала "Социологические исследования",
доктор философских наук, профессор

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ — ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Какая первая ассоциация возникает, когда мы слышим слово "настроение"? Можно побиться об заклад, что в большинстве случаев возникает представление (после исходного признания, что речь идет о человеке) о явлении, связанном с переживаниями, эмоциями, чувствами, оказывающими воздействие на жизнь общества под влиянием процессов и событий, затрагивающих интересы и стремления людей. Вместе с тем, где-то незримо признается, что речь идет о явлении, носящем отпечаток временности, ситуативности, переменчивости и вообще о чем-то быстро переходящем в сознании и поведении людей.

С одной стороны, в своей обыденной жизни слово "настроение" мы связываем с восприятием мира, совершающимися вокруг нас явлениями, что волей-неволей ассоциируется с чем-то изменчивым, быстро переходящим из одного состояния в другое, и очень часто даже по неосознаваемым причинам.

С другой стороны, данное понятие в течение долгого времени было предметом исследования только психологической науки, которую в своем поиске интересовали в первую очередь проблемы развития и функционирования индивида, что вело к сугубо личностному рассмотрению этого феномена, поиску тех компонентов и факторов, которые определяли сознание и поведение конкретного человека. И поэтому не без влияния этой науки произошла (и даже укрепились) исключительно психологическая трактовка данного понятия, что повлияло на его интерпретацию и восприятие, особенно в рамках реально функционирующего, обыденного сознания.

Но жизнь не стоит на месте. Меняются и сами понятия, и наши представления, обогащенные реальной жизнью, когда в ней происходят существенные изменения, что подвигает нас к иному восприятию и иной трактовке уже, кажется, давно устоявшегося, всем понятного. Нечто подобное происходит и с понятием настроения, когда оно приобретает не просто иное, а принципиально иное звучание, играет иную роль и оказывает иное воздействие на общественную жизнь. И это проявляется в том, что настроение все более трактуется не просто в качестве момента (структурного элемента) сознания и поведения, а как доминирующий фактор, обращение к которому в известной мере становится центральным, решающим при объяснении кардинальных сдвигов в общественной жизни. И это не преувеличение — это реальность.

Напомню некоторые сдвиги по превращению нашего представления о настроении из эфемерного в нечто влиятельное, определяющее. Когда-то (как, впрочем, и сейчас) мы говорили и говорим: "настроение испортилось", "настроение поднялось", "настроение изменилось". Все эти выражения так или иначе отражали и отражают состояние нашего внутреннего мира, реакцию на происходящие процессы в нашей личной и общественной жизни.

Нечто иное, более глубокое и весомое, мы имеем в виду, когда говорим: "сделали под влиянием настроения", "настроение у меня на работе хорошее (плохое)". Здесь появляется не просто ситуативная характеристика одного из компонентов сознания и поведения — здесь уже возникает картина определенного типа восприятия и отношения к миру, которая решающим образом определяет оценку происходящего вокруг нас.

Еще более значительный смысл мы вкладываем, когда характеризуем степень нашего воздействия на окружающий мир: "настрой на дела", "поддержать настроение"; когда подразумеваются две существенные характеристики: активность и длительность функционирования важных для человека позиций в сознании и поведении.

И, наконец, совсем по-иному звучит данное понятие, когда людей просят охарактеризовать их настроение; по отношению к событиям не только в их личной, повседневной, трудовой жизни, а по отношению ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут. В этом случае человек, не осознавая или осознавая частично, аккумулирует в своем сознании сотни и тысячи элементов восприятия о самых разнообразных проявлениях и реакциях общества, окружающей действительности и, взвешивая для себя на не видимых никому весах свое отношение к окружающему миру, выносит для себя окончательное суждение о процессах, в нем происходящих. Как отмечает Б. Д. Парыгин, это уже не ситуативное, временное образование — это вполне весомая характеристика активнейшего взаимодействия с окружающей средой, причем такое, которое выступает решающим фактором, доминантой по отношению к другим компонентам сознания и поведения.

О том, что социальное настроение превратилось и приобрело характер *особого феномена современности*, говорит его новая оценка представителями современной научной мысли.

Прежде всего обращаем внимание на исключительный, на первый взгляд парадоксальный, вывод экономистов, которых трудно заподозрить в преувеличении роли сознания и духовных начал в общественной жизни.

Анализируя складывающуюся ситуацию в сфере экономики, заместитель директора Центробанка России, бывший заместитель министра финансов С. Алексашенко утверждает, что социальное самочувствие во многом определяет экономическое поведение людей. Их ценности, их ориентации, их представления о социальном статусе стали настолько значимы, что они являются для большинства людей основой принятия решений как в личной, так и в общественной жизни. Поведение людей в экономической сфере все больше определяется тем, какой социальный статус они приобретают, занимаясь той или иной производственной деятельностью, в какой степени возможна реализация их социальных ожиданий, насколько престижен их образ жизни, их общественное положение.

Этот феномен проявляется не только для тех людей, которые успешно вписались в рыночные реалии, но и для тех, кто находится в стесненных жизненных обстоятельствах, кто не смог привыкнуть к новой общественной ситуации. Но характерно, что как в первой группе (преуспевающих) далеко не все обладают хорошим настроением (по разным причинам), так нельзя считать, что во второй группе (бедных, живущих от зарплаты до зарплаты) все потеряли всяческий оптимизм и опустили руки перед неизбежными трудностями. Но и в том и другом случае социальное настроение во многом определяет смысл их действий, их поведение в условиях рыночных отношений.

Еще более значимые характеристики социальное настроение приобретает, когда исследователи анализируют процессы, происходящие в социальной структуре общества, в образе жизни людей.

Результаты исследований показывают, что существует реальный диссонанс между тем, когда социальная структура определялась способом производства и долгое время характеризовалась единым сознанием, более или менее согласованным поведением, и тем, что в настоящее время определяет мотивы, ориентации и потребности людей, их социальный статус, их социальное положение, но между которыми нет прямой корреляционной зависимости. Социальное настроение некоторых групп работников промышленности — например, шахтеров — уже который год во многом определяет политический климат в стране.

Их стихийное, но глубоко аргументированное противостояние центральным партийным и государственным органам СССР было умело использовано в конце 80-х годов в борьбе с существовавшим социалистическим строем. И сейчас, в середине 90-х годов, настроение горняков также во многом сказывается на политической ситуации.

Социальные настроения пенсионеров тоже оказывают воздействие на политические решения, вносят существенные коррективы в поведение политической элиты. Под нажимом участников Великой Отечественной войны прекращена начавшаяся в начале 90-х годов кампания по переоценке событий 1941—1945 годов, по их дискредитации и ошельмованию. Именно по их настойчивым требованиям красное знамя Победы приравнено к государственному флагу России. Именно под их давлением осуществлен поворот к судьбам поколения, отстаивавшего страну в битве с немецким фашизмом.

Все это позволяет сделать вывод, что настроения социальных групп могут быть определяющими при выработке государственной политики, в процессе создания климата сотрудничества и доверия.

Еще более влиятельны социальные настроения в политической сфере. Ожидания людей, их притязания и оценка происходящих процессов приобрели характер решающего фактора в ходе выборных кампаний. Столкновение политических настроений очень четко проявилось при выборах Президента России в 1996 году, когда социалистически ориентированные избиратели противостояли таким же избирателям, но предпочитающим либерально-демократические ценности при огромном количестве промежуточных позиций, которые все же в конечном счете примыкали к одной из вышеназванных ориентаций.

Анализ итогов избирательной кампании Президента России показывает, что отнюдь не беспристрастная логика руководила людьми. Они ориентировались на свои эмоции, чувства, на предпочитаемые ими ценности, на ожидания и притязания при достижении поддерживаемых ими целей, т. е. на свое настроение, в котором в самом причудливом соотношении нашли отра-

жение и эмоциональные, и рациональные оценки их как личной, так и общественной жизни. Поэтому дикость попреков со стороны отдельных политических деятелей, средств массовой информации и некоторых ученых в “невежестве” масс, в их “совковости” отражает лишь низкий уровень политической культуры самих деятелей, но отнюдь не народа. А реальность такова, что настроение населения в настоящее время достаточно адекватно выражается в результатах голосования и становится решающим фактором в определении судьбы государства.

Не менее показательны изменения, происходящие в социальном настроении, когда идет речь о духовных процессах. Такие элементы социального настроения, как социальный престиж, вносят большие изменения в оценку людьми системы образования, особенно когда речь заходит о будущем их детей. Именно изменение жизненной позиции родителей создало предпосылки появления и развития негосударственных форм и видов обучения, создания альтернативных систем получения среднего, средне-специального и высшего образования. Более того, получение образования в особых или специальных учебных заведениях (лицей, колледжи, частные вузы) стало рассматриваться как условие для повышения социального статуса, для укрепления будущего социального положения.

Очень многое для формирования, изменения и даже провоцирования социального настроения в духовной сфере общества делают средства массовой информации и особенно телевидение. Их сила оказывается достаточно весомой, чтобы манипулировать социальным настроением, создавать имидж политическим силам или общественным институтам как в позитивном, так и в негативном плане. Однако и здесь имеются свои непредвиденные, побочные результаты. Чрезмерное увлечение пропагандой не проходит бесследно для социального настроения людей — у них появляется эффект отторжения той информации, которая часто даже на уровне интуиции воспринимается как заданная, небеспристрастная и далекая от объективной реальности, распространяемая в интересах отдельных социальных групп. Как в свое время общественное сознание не приняло, а социальное настроение отторгло шельмование Ельцина в конце 80-х годов, так точно такое же явление происходит в середине 90-х годов по отношению к позициям коммунистов и сторонников народно-патриотических сил. Перебор с трактовкой информации — эта застарелая болезнь российской политической элиты — не проходит до сих пор.

Можно привести и другие, не менее значительные примеры, когда социальное настроение во многом, а иногда в решающей степени, определяет ход социально-экономических, социально-политических и духовных процессов, обнаруживая тем самым возросшую, а иногда ведущую роль субъективного фактора при решении самых различных общественных проблем. Феномен социального настроения проявляется, следовательно, в том, что на историческую арену вышел и в полной мере такой из важнейших элементов общественного сознания (и бытия!), который в течение длительного времени воспринимался как величина, не играющая такой значительной роли. Специфическая особенность современного общества состоит в том, что тенденция повышения значимости индивидуальности нашла отражение в таком интересном и многоплановом явлении, как социальное настроение.

А. Ю. ТОЛУБЕЕВ,

Народный артист России, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России

ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ И ВЛАСТЬ

Возникнув как благотворительное общество, РТО--ВТО—СТД старалось во все времена сохранить определенную преемственность в главных направлениях своей деятельности. Стратегия развития самого государства порой менялась на глазах одного—двух поколений, и до сих пор умение, а главное — необходимость осознавать проблемы дня и текущие заботы людей и деятелей театра было и есть основной задачей Союза.

Главными опорными пунктами сегодняшней концепции Союза являются:

- социально-бытовая поддержка членов Союза;
- создание условий для выполнения, развития и востребованности таланта.

В практическом аспекте ситуация по всем направлениям тупиковая.

Нерешенность политических вопросов и вытекающий отсюда экономический кризис втягивают как отдельных членов Союза, так и его лидеров в несвойственную им по задачам и целям Союза и ненужную по творческой жизни политическую борьбу. И каждый, осознавая свою ответственность перед временем, должен участвовать:

- в выборах президента государства;
- выборах в государственную думу;
- выборах в городской совет;
- выборах в системе своей организации.

Выборы в СТД лишены политической окраски, но не лишены остроты предвыборной кампании.

Участие лидеров творческого Союза в предвыборной кампании на стороне тех или иных политических (а стало быть, и экономических) сил касается всех членов Союза. Собственно, участие и самих художественных руководителей, главных режиссеров, директоров, ведущих актеров в такой кампании не может пройти бесследно для возглавляемых ими коллективов, особенно если личные и политические амбиции политиков, пришедших к власти, оказываются сильнее здравого смысла и жизненных реалий.

К сожалению, в политической жизни главную роль играет авторитарное мышление. Не столь заметное в поведении отдельной личности, в массовом сознании оно становится фактором принятия судьбоносных решений, когда пакет предвыборных обещаний становится весомее пакета профессиональных и человеческих качеств претендента. Есть случаи, когда претендент на власть и не обещает социальному или политическому меньшинству (в том числе и творческим работникам, а если брать шире, то и всей интеллигенции) исполнения тех или иных реальных пожеланий. Не обещает в угоду, как он полагает, большинству или текущему моменту (как всегда, требующему жертв, и прежде всего от самой интеллигенции).

Авторитарность мышления приводит к поиску авторитетов. Для членов Союза это означает поиск такого авторитета, которого власть, по меньшей мере, выслушает. На заре Российского театрального союза авторитет императора, под покровительством которого и находился союз, распространялся, само собой разумеется, и на лидера. Теперь этого может и не быть. Приоритеты, выбранные властью в государстве, лишенной идеологии, как правило, не совпадают или могут не совпадать с запросами творческих работников.

Не прослеживается и выраженного желания этих самых работников участвовать в работе не только исполнительной, но и законодательной власти. Сам творческий Союз лишен права законодательной инициативы, да и вряд ли при наличии такой возможности его инициативы были бы поддержаны большинством законодателей, а поэтому насущной потребностью всех деятелей культуры, и театра в том числе, становится профессиональное (или, по меньшей мере, сочувствующее) лоббирование и продвижение таких инициатив в законодательных собраниях от страны до города и района.

Выдвижение во власть никогда не было кровным интересом людей театра, да и необходимости такой практически не было. В государстве, в котором мы жили до так называемой "перестройки", о российском театре и его Союзе заботилось прежде всего само государство и партия власти. На сегодняшний день государство не в состоянии поддержать даже те институты, которые положены ему по штатному расписанию: суды, армию, энергетику и т. д. Практически все, что относится к сфере культуры и образования (в том числе и театрального), вышло из бюджета. Вопрос о создании условий для выявления и развития талантов скоро закроется сам по себе, а при повсеместном падении уровня самой культуры востребованность таланта в обществе сведется к минимуму. Ключевая точка этой проблемы — отсутствие самой идеи государства, в котором хотелось бы жить.

При нынешней бесхозяйственности, постоянном "урезывании" льгот, данных прежней властью, Союз театральных деятелей с угрожающей скоростью теряет собственность, которую нажил более чем за столетие. Неумелость самих хозяйственников Союза и грабительская налоговая политика государства неумолимо приводит нас (Союз) к сокращению и сведению к минимуму всяческой помощи труженикам театра, к свертыванию всех социальных программ: санаторного лечения, содержания и использования по назначению домов отдыха, пионерских лагерей, библиотек, спортивной работы, содержания поликлиник и домов творчества, улучшения или просто решения жилищного вопроса и т. д. Создается впечатление, что мы продолжали держаться только на порядочности отдельных личностей (в том числе и представляющих власть), а не на сознательном законодательном управлении. Те источники доходов, благодаря которым нам удавалось осуществлять социально-бытовую поддержку рядовых членов, испытывают острейший экономический кризис, становятся нерентабельными, и перед ними встает вопрос о переходе в

управление либо той же самой власти, либо на откуп представителям новой экономической олигархии (так называемого "бизнеса"), которым нет, как правило, никакого дела до той идеи, ради которой существуют эти исчезающие структуры (единственные постоянные источники доходов Союза).

Управление культуры, его комитеты (при администрации города) — пожалуй, единственная инстанция, которая по долгу службы знает об истинном положении учреждений культуры (в том числе и театров), но и она ограничена бюджетным финансированием и скована инструкциями и положениями, множеством законодательных актов. Но даже при поддержке комитета и главы администрации сам процесс реализации любого предложения творческих работников может натолкнуться на абсурдность политики вышестоящих чиновников. Пример тому — взимание особого налога на пересечение границы России. Нельзя не понимать, что это напрямую отразится на творческих контактах не только со странами дальнего, но и ближнего зарубежья.

Чтобы власть и творческие союзы сосуществовали, необходимо освободить предприятия и организации творческих союзов от налогов, как это и было раньше.

В. В. КОЖИНОВ,
писатель

ИСХОДНЫЙ ПУНКТ РАЗМЫШЛЕНИЙ НА ТЕМУ: "ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА"

На тех или иных этапах истории человечества взаимоотношения государства и культуры имели различный характер. Так, например, еще в прошлом веке достаточно плодотворно развивалась своеобразная и по-своему богатейшая *крестьянская культура*, в очень малой степени связанная с государством, в том числе и с государственными системами образования.

Но вся *современная культура* явно опирается на систематическое образование, и уже хотя бы поэтому роль государства в развитии культуры стала необходимой и, более того, первостепенной.

К великому сожалению, очень многие в сегодняшней России полагают, что государственная система образования — явление, присущее "тоталитарному" СССР, а в "нормальных" странах — особенно в США — такая система либо не играет определяющей роли, либо даже вообще отсутствует.

В действительности же подобное представление в какой-то мере соответствует ситуации в США в первой половине нашего столетия. И в высшей степени показательно, что выдающиеся успехи США 1930—1940-х годов в сфере научно-технической мысли или в музыкальном исполнительском искусстве *почти исключительно* связаны с деятельностью *иммигрантов*, получивших образование в "Старом свете" (в частности в России).

И, как известно, именно послевоенные достижения СССР — от запуска первого в истории спутника до триумфальных гастролей корифеев танцевального искусства — заставили правительство США принять в 1958 году государственный закон об образовании, резко изменивший положение в этой области.

В 1986 году более 90% школьников и 79% студентов США получали образование в *государственных* учебных заведениях (см.: *Современные США. Энциклопедический справочник*. — М., 1988. С. 391), — хотя новый курс с самого начала вызывал решительнейшие протесты консерваторов типа Барри Голдуотера или Милтона Фридмана, объявивших сей курс (и не без оснований!) "наступлением социализма".

Стоит внимательно вдуматься в следующие цифры. В 1986 году государство СССР израсходовало на образование (в целом) около 40 млрд рублей, а государство США — более 270(!) млрд долларов (см.: *Народное хозяйство СССР в 1988 г.* — М., 1989. С. 633 и уже упомянутый справочник "Современные США...". С. 131, 392, 396). Правда, реальное соотношение "возможностей" тогдашнего рубля и доллара установить гораздо труднее, чем сейчас думают (достаточно упомянуть, что в СССР — в отличие от США — учебным заведениям не надо было покупать либо арендовать землю, на которой они располагались), но ясно другое: 40 млрд руб. — это 5% валового национального продукта (ВНП) СССР в 1986 году, а 270 млрд долл. составляли тогда 6,4% ВНП США. То есть положение дел в обеих странах было почти одинаковым.

Вполне вероятно, меня упрекнул в том, что, заговорив о проблеме “государство и культура”, я затронул только один и, как заметят, не имеющий “центрального” значения ее аспект. Однако столь распространенное ныне незнание и даже подчас прямое нежелание знать то, о чем я вел речь, обрекает на пустые, хотя и прекраснотушные, разговоры о не могущих реализоваться “идеалах”.

Нельзя не сказать еще о причинах указанного незнания. Наличие мощной государственной системы образования в США замалчивали у нас до 1991 года, дабы не возникло позитивное представление о “твердыне капитализма”, а теперь этот факт замалчивается с противоположной целью — чтобы не родилась мысль о “нормальности” той государственной системы образования СССР, которую во многом заимствовали в нас в 50-х годах США.

И только осознав все это, можно всерьез обсуждать вопрос о соотношении государства и культуры.

И. А. ДОЛГУШИН.

Народный артист СССР, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Ф. В. ЛОПУХОВ. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

20 октября 1996 года исполнилось 110 лет со дня рождения Федора Васильевича Лопухова (1886—1973). Его творческая деятельность составила целую эпоху в истории хореографического театра. Танцовщик, балетмейстер, педагог, репетитор, теоретик и организатор, он постоянно расширял сферу своих занятий, старался внести более значительный вклад в любимое дело. Широта и размах сочетались в нем с профессионализмом самого высокого класса.

Первый концертный номер “Казак” на музыку Ф. Бюхнера Лопухов создал в 1910 году, последний балет “Картинки с выставки” М. Мусоргского — в 1963. За более чем полувековой период менялись требования к искусству, задачи, ставившиеся перед ним, актуальность тем, сюжетов, образов. Необычайно чуткий к нарождающимся новым веяниям, повинувшись своей творческой интуиции и редкому аналитическому дару, Лопухов шел навстречу новым требованиям, легко переходя от одного жанра, от одного выразительного средства к другому. Тематическая, жанровая и образная емкость творчества Лопухова производит впечатление неисчерпаемой. В числе его сочинений танцсимфония “Величие мироздания” на музыку Четвертой симфонии Бетховена (1923); первый советский революционный балет “Красный вихрь” В. Дешева (1924); “Пульчинелла” (1926) и “Байка про Лису” (1927) И. Стравинского; “Ледяная дева” на музыку Э. Грига (1927); новый вариант “Щелкунчика” П. Чайковского (1929); “Красный мак” Р. Глиэра, поставленный совместно с Л. Леонтьевым и В. Пономаревым (1929); “Болт” (1931) и “Светлый ручей” (1935) Д. Шостаковича; “Тарас Бульба” В. Соловьева-Седого (1940); “Весенняя сказка” П. Чайковского-Б. Асафьева (1947) и другие. Знаток фольклора многих народов, Лопухов искал разные способы его сценического претворения, особенно в русских и славянских сказочных сюжетах, создавал балеты на материале истории, разрабатывал советскую тематику, нащупывал пластическое воплощение образов современников.

Главным выразительным средством в балетах Лопухова был классический танец. Развивая традиции М. Петипа и М. Фокина, он создал жанр, который назвал танцсимфонией и которым положил начало существованию так называемого бессюжетного балета, где хореография подчинена музыке и, в пределах своей специфики, становится ее аналогом. Другим открытием Лопухова стало применение классического танца для раскрытия образов современников, ибо, по его словам, “реализм в балете должен быть осуществлен своими специфическими средствами, то есть прежде всего средствами танца и, в частности, танца классического”. Параллельно Лопухов создал новый, казалось бы, противоположный танцсимфонии жанр — синтетический спектакль со словом, пением, цирковыми приемами, кукольным театром, где танцу все равно принадлежало главное место и где сюжет, действие, характеры решались танцевально.

Находки Лопухова в области формы позволили выкристаллизовать творческую тему хореографа. В балетах, отразивших его программу, Лопухов зачастую показывал зыбкость, неустойчивость, текучесть, непостоянство ликов человека и природы, его окружающей. Природа могла олицетворяться образом Ледяной девы, прекрасной, гипнотической, но несущей смерть, или

гармонично сосуществующими в "Величии мироздания" светом, солнцем, птицами, бабочками, крестьянами; судьба человека, сильного или слабого, целеустремленного или нерешительного, с душой возвышенной или приземленной, оказывалась неожиданной, часто непостижимой.

Лопухов опубликовал три книги: "Пути балетмейстера" (1925), "Шестьдесят лет в балете" (1966) и "Хореографические откровения" (1972). Книги и статьи Лопухова положили начало теоретическому осмыслению хореографического искусства. Многие его открытия стали основополагающими для советских балетмейстеров. Научная ценность теоретических работ Лопухова сочетается с увлекательностью изложения, ибо они открывают мир его воспоминаний или размышлений.

Лопухов был щедр не только в творчестве, он с радостью делился своими идеями и знаниями. Он хотел, чтобы понятное и найденное им жило. Лопухову принадлежала идея о необходимости дать образование будущим хореографам. В 1937 году он организовал и возглавил балетмейстерские курсы при Ленинградском хореографическом училище. В числе выпускников были В. Варковицкий, Б. Фенстер, К. Боярский, А. Обрант. В 1962 году по инициативе Лопухова открылось балетмейстерское отделение при Ленинградской консерватории. Осуществилась заветная мечта хореографа — дать балетмейстерам музыкальное образование. Г. Алексидзе, Н. Боярчиков, А. Асатурян, Н. Маркарянц были студентами того курса, на котором Лопухов сам вел занятия по специальности.

Спектакли Лопухова не сохранились на сцене, и это — невосполнимая утрата для советского балета. Но она не стала утратой всего найденного хореографом. Его искания и находки опередили свое время, и это одна из причин, почему многие из них в течение долгих лет оставались непризнанными. Между тем, неценной особенностью творчества Лопухова явилось то, что каждый его балет, особенно 20-х годов, был экспериментальным и стал разведкой новых путей, дал жизнь тем или иным направлениям советского или зарубежного хореографического театра. К танцсимфонии "Величие мироздания" восходит бессюжетный балет, особенно распространенный на Западе, но достаточно широко представленный и в Советском Союзе; "Крепостная балерина" К. Корчмарева, в подзаголовке которой стояло: "хореографическая драма", открыла длинный перечень спектаклей, получивших название драмбалетов или хореодрам; в "Щелкунчике" Лопухова — ключ решения почти всех последующих постановок этого балета на советской сцене.

Признание практики и теории Лопухова происходило медленно, но тем более устойчивым оно оказалось. Его влияние испытали на себе хореографы разных поколений всего мира, среди них В. Вайнонен, Л. Якобсон, Р. Захаров, Л. Лавровский, Ю. Григорович, И. Бельский и многие другие. Своим первым наставником назвал его Дж. Баланчин. Находки и эстетика Лопухова живут и в созданиях молодого поколения нынешних балетмейстеров.

А. А. РЕАН.

член-корреспондент Российской академии образования, действительный член Нью-Йоркской академии наук, заместитель декана по научной работе факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ АГРЕССИИ

Для психологов несомненно лестной является мысль, что проблема различия между любовью и ненавистью принадлежит не философии, а психологии (Б. Рассел, 1914). Но, несмотря на это, мы не можем в рамках этико-гуманистического подхода к проблеме агрессии игнорировать мировоззренческие идеи христианской концепции человека. Христианская концепция относится по своей сути именно к данному (а не к эволюционно-генетическому) подходу. Более того, идеи различных концепций, входящих в этико-гуманистический подход, так или иначе восходят к этическим традициям христианского учения. И, наконец, между христианством и психологией в целом, между христианством и гуманистической психологией в частности есть немало общего. Этого общего даже настолько "немало", что уже обсуждается вопрос об интеграции христианства

и психологии, о чем, например, речь шла на международной конференции “Psychology and Christianity: a Way of Integration” (1995).

С точки зрения христианства, агрессия как действие, причиняющее вред другому, однозначно оценивается как зло. Уже центральные заповеди провозглашают: “не убий”, “не укради”, “не судите, да не судимы будете”. Эти заповеди запрещают действия, реально причиняющие или направленные на причинение ущерба, вреда. Причем речь в равной степени идет о негативной оценке действий, причиняющих физический или психический (моральный) ущерб. Неприемлемой оказывается не только агрессия как действие, но и *агрессивность как свойство личности*: “возлюби ближнего своего”, “любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас”. Последняя заповедь прямо противостоит эволюционно-генетическому подходу, при котором бесспорно позитивно оценивается адаптивная агрессия, то есть такая агрессия, которая направлена на защиту витальных интересов индивида, личности. Христианская же доктрина глобально неприемлет агрессивность как свойство личности, осуждая *любую* личностную готовность к агрессии. Готовность к агрессии осуждается не только на поведенческом (практическом) уровне, но и на когнитивном: “И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазу не чувствуешь”.

В психологии в рассматриваемый эτικο-гуманистический подход к проблеме агрессии наиболее последовательно вписывается так называемая “третья сила” — гуманистическая психология. Несмотря на нетождественность концепций различных авторов гуманистической ориентации, относительно взгляда на проблему агрессии и агрессивности можно говорить о наличии значительного количества общих положений. Сам дух гуманистической психологии проникнут позитивным отношением к человеку, верой в его силу и позитивность личностного потенциала. Очевидно, не случайно, что гуманистическая психология в противовес идее *формирования* личности выдвигает идею *свободного развития* личности, наиболее полной самоактуализации (А. Maslow, В. Frankl, С. Rogers, Е. Fromm), выражающейся, например, в осуществлении индивидуальных смыслов личности (В. Frankl), а также создания “помогающих отношений” (С. Rogers) для достижения этих целей. Провозглашение данных постулатов было бы невозможно, если бы гуманистическая психология исходила из убеждения в изначально агрессивной природе человека. Потому что в этом случае указанные принципы означали бы предоставление свободы и создание наиболее “помогающих” условий для развития агрессивности как свойства и проявления агрессии как действия. Но гуманистические психологи убеждены, что, самоактуализируясь, высвобождая подавленное Я, человек раскрывает свою величественную природу (А. Maslow), что “в основе человека лежит стремление к положительным изменениям” (С. Rogers), а никак не наоборот. Конечно, представители гуманистической психологии (к которым автор относит и себя) не настолько наивны, чтобы идеализировать человека, представлять его себе как свободного от всяких негативных влечений. Человеку присущи разные, в том числе и негативные, влечения, импульсы. Но важно понимать, что свобода человека как личности выражается, в частности, и в достаточно высокой его свободе относительно собственных влечений. Человек обладает влечениями, однако влечения не владеют им (В. Frankl). Иначе говоря, необходимо не отрицать наличие агрессивных импульсов, а видеть принципиальную разницу между агрессивными импульсами, агрессивным импульсивным поведением и свободным (зрелым) поведением личности. Отсутствие такого разграничения, игнорирование относительной свободы личности, ее поведения от собственных же импульсивных влечений ведет к фатальной агрессии, ибо в этом случае агрессивные импульсы оправдывают агрессивное поведение, превращаясь в своеобразное алиби. Однако, как справедливо замечает В. Франкл, “человек не перестанет ненавидеть, пока его учат, что ненависть создается импульсами и механизмами. Но это *он сам* (курсив мой) ненавидит!”

Импульсивно-инстинктивная сфера есть сфера обеспечивающая, но не управляющая (так же, как топливо обеспечивает движение (жизнь) механизма, но управляет этим движением). Регулятивный контур связан с другой сферой: сознания, самосознания, системы отношений и установок личности, включая этическую регуляцию поведения. Другое дело, что личность не хотелось бы абсолютно отождествлять лишь с социальностью человека, с его социальной сферой. Более близким для меня является представление о личности как о целостности врожденного и приобретенного (Е. Fromm), к которому из отечественных концепций более всего приближаются представления о личности и интегральной индивидуальности (Б. Ананьев, В. Мерлин).

Рассматриваемое мной с позиций гуманистической психологии положение об относительной свободе человека от своих же разрушительных, агрессивных влечений и импульсов перекликается с аналогичными взглядами христианско-теологического учения. Естественно, там эти взгляды представлены собственным, специальным образом. Общность подходов, однако, видится не в форме представления взглядов, а в их содержании. В христианско-теологическом

учении обсуждается правомерность постановки следующего вопроса: “Если Бог благ. Он не может допустить зла, а если Он его допускает, то, значит, Он не благ или не всемогущ, а потому и не Бог, или же просто Его и нет” (епископ А. Семенов-Тянь-Шанский). Ответ на этот вопрос сводится к следующему. Если бы человек не был создан *свободным*, он не был бы богообразной личностью, а был бы механизмом. Свободная суть человека есть и наличие у него свободы *выбирать* между добром и злом. Но, замечу, такая свобода выбирать означает и свободу в выборе своего поведения, или *возможность свободного управления своими влечениями*, а не фатальное подчинение им.

Одной из важнейших для гуманистической парадигмы идей является идея самотрансценденции. Самотрансценденция означает для человека находиться в отношении к чему-то, быть направленным на что-то иное, нежели он сам. В более категоричной форме эта мысль звучит в утверждении “быть человеком — значит быть направленным не на себя, а на что-то иное” (V. Frankl). Категоричное противопоставление самотрансценденции и самоактуализации как двух альтернатив, по-моему, нецелесообразно. Сила гуманистического подхода и перспективы его развития состоят в органичном соединении этих двух идей. К сожалению, этой проблеме целостного объединения двух принципов уделено пока явно недостаточно внимания в самой гуманистической психологии. Однако понимание того, что это все-таки возможно, хотя и не всегда акцентировано, уже проявлялось: самоактуализация может быть осуществлена лучше всего через увлеченность значимой работой (A. Maslow); в служении делу или в любви к другому человек осуществляет сам себя (V. Frankl). Утверждение собственной жизни, счастья, развития, свободы человека коренится в его способности любить; причем любовь неделима между “объектами” (другими) и собственным Я (E. Fromm). Неявная на первый взгляд связь феномена самотрансценденции и проблемы агрессивности является в действительности очевидной. Идея самотрансценденции отвергает агрессию и агрессивность, ибо в рамках данного подхода агрессия как разрушительное действие, как причинение ущерба другому неминуемо ведет и к разрушению самого себя. Самоосуществление ведь состоит в позитивной направленности во вне. И чем более выражена эта направленность, тем более человек становится человеком и самим собой. Следовательно, отсутствие такой позитивной направленности во вне и замена ее на систему агрессивных установок пагубны и должны быть устранены, так как блокируют самоосуществление личности.

Т. Н. ЛАВРОВА,

Народная артистка России, лауреат Государственных премий СССР, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И УСПЕХИ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Как-то, включив радио, я услышала концерт, посвященный памяти солистки Мариинского театра Нины Александровны Серваль, в котором участвовала и знаменитая Софья Преображенская. Прошлое видится издали совершенно иначе. Впечатление было потрясающим. Положа руку на сердце, я с полной ответственностью могу сказать, что голоса артисток, их вокальное мастерство ни в коей мере не уступали самым прославленным итальянским певцам и, возможно, даже самой Монсеррат Кабалье.

Но кто за рубежом помнит сейчас имена Серваль или Преображенской? Кроме отечественных меломанов, они никому не известны. Ведь эти выдающиеся певицы практически, кроме своего родного театра, нигде не выступали. После революции и во время “холодной войны” гастроли наших артистов за рубежом были огромнейшей редкостью и уделом считанной московской музыкальной элиты. Если бы кто-нибудь попытался высказать в то время предположение, что наступит момент, когда российские певцы смогут выступать и на равных состязаться со своими итальянскими коллегами, это было бы воспринято как не очень удачная шутка.

Однако законы жизни всегда берут свое. “Железный занавес” бесславно рухнул, а колючая проволока, отделявшая нашу страну от остального культурного мира, была сметена демократическими преобразованиями. И сразу же произошло, казалось бы, немыслимое: “Ла Скала”, лондонский королевский “Ковент Гарден”, нью-йоркский “Метрополитен”, парижская “Гранд-

Опера”, Венская опера и многие другие прославленные сцены всех континентов были буквально “оккупированы” нашими вокалистами.

Самое интересное, что здесь “первооткрывателями” были в основном питомцы Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова: Атлантов, Образцова, Нестеренко, Марусин, Охотников, Богачева, Гороховская, Лейферкус, Морозов, Стеблянко, Бородина, Шевченко и многие другие ее известные выпускники. Я горжусь тем, что одна из моих последних выпускниц Елена Прокина по результатам традиционного опроса среди крупнейших театральных деятелей, дирижеров и режиссеров была признана за рубежом “Лучшей оперной певицей мира 94 года”. При этом не следует забывать и о том, что современный вокалист международного класса просто обязан владеть минимум четырьмя языками: итальянским, немецким, французским и английским, поскольку все оперы в крупнейших театрах идут только на языке оригинала.

Наша консерватория, как и все учреждения культуры России, переживает сегодня тяжелые времена. Порой борьба идет буквально “за выживание”. Однако лучшие традиции этого старейшего музыкального вуза страны бережно сохраняются и передаются от поколения к поколению. Сейчас появились молодые профессора и педагоги, достойно продолжающие и развивающие опыт прошлого и вносящие свои свежие идеи в воспитание молодых вокалистов.

Успеху выпускников Санкт-Петербургской консерватории, повышению их общей гуманитарной культуры, безусловно, способствует и наш великий город с его уникальными дворцами, музеями, Эрмитажем, Большим залом Филармонии им. Д. Д. Шостаковича, Александринкой, БДТ, Мариинским театром, а главное — своими богатейшими культурными традициями, поддерживаемыми лучшими представителями подлинно петербургской интеллигенции, имеющей свое особое лицо.

Я очень надеюсь, что грудные времена российской науки и искусства канут безвозвратно в прошлое и наш любимый и славный Петербург вновь станет символом и признанным центром мировой гуманитарной культуры.

А. Л. КАЗИН,

заведующий сектором Российского института истории искусств,
доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Культура — это воплощение истины в человеческом творении. Без истины или вне истины нечего делать в культуре ни художнику, ни мыслителю. Культура и духовная истина относятся друг к другу как нравственность и добро, как искусство и красота, как вера и Бог. Но как найти истину в культуре или, точнее, культуру в истине?

Ответ на этот вопрос предполагает два различных образа культуры: утверждение человека как самодостаточного существа (антропоцентризм) и понимание человека как посланного в мир его Создателем (“вечности заложник — у времени в плену”, по выражению Б. Пастернака). В западноевропейских (католическо-протестантских) странах культура после эпохи Возрождения пошла по пути гуманизации и индивидуализации творчества: человек стал мерой всех вещей. Культ “чистой” науки в познании, культ формы в эстетике, культ наслаждения в морали — все это продукты разложения классической картины мира, когда культура противопоставляется духовности, превращаясь благодаря этому в мозаичное мелькание стилей, школ, имен, произведений, мнений. Философия здесь становится игрой ума, искусство — инструментом утонченного чувственного переживания. Господствующими методами становятся позитивизм и символизм, преобладает эротика и смех во всех видах, каждый автор становится полным собственником своего произведения (“космогонистом”).

В России культура развивалась иначе. У нас, вплоть до последнего времени, онтологически ценностный источник культуры находился на той духовной глубине, где человеческий образ встречается со сверхиндивидуальным порядком мироздания. Современный германский ученый, доктор богословия и философии Ф. фон Лилиенфельд не так давно обоснованно упрекнула нашу

интеллигенцию в том, что она плохо знает собственную историю и собственные богатства. Говоря о своеобразии русского духовного пути, она отмечает: “У вас — татарское иго, у нас — расцвет схоластики и рыцарской поэзии. Русь страдала и шла вглубь, вспомните проповеди Серапиона Владимирского, “Слово о погибели русской земли”. Эта способность уйти вглубь дала удивительное явление, которое получило название “северной Фиваиды” — Сергей Радонежский и все остальное. Такого влияния монашества на культуру у нас никогда не было. Этот путь в глубь существования человека и создал традицию”. (Литературная газета. 1988. 13 апреля. С. 13). От Андрея Рублева до Пушкина и Достоевского мы встречаемся, по сути, со светской формой православной духовности — с культурой, для которой прежде всего было важно исповедание высшей Правды, а потом уже все остальное.

Разумеется, и Россия в достаточной мере испытала на себе последствия “индивидуалистической революции” в культуре; более того, в некоторых отношениях она является родиной мирового авангарда. Парадокс, однако, заключается в том, что в общенациональном масштабе русский модернизм был оттеснен на второй план советской неоклассической идеологией: если первые революционные праздники на Красной площади и площади Урицкого еще оформляли футуристы, то позднее их попросили покинуть улицы. То же самое фактически произошло с такими гениальными художниками-модернистами, как В. Мейерхольд или С. Эйзенштейн: театр Мейерхольда в конце концов закрыли, а его ученик Эйзенштейн как раз в те же годы приехал к новой для себя эстетике в “Алекサンドре Невском” и “Иване Грозном”.

Вслед за Пушкиным мы должны осознать, что русская история (как послереволюционная, так и дореволюционная) требует “иной мысли, иной формулы”, нежели европейская. Если классическая русская литература хотела прославить “положительно прекрасного человека” (Достоевский) как такового, то советское искусство бросило его из “северной Фиваиды” в мир, обрело его на тяжелейшие испытания. Ценность личности предполагает сверхличные ценности — отсюда, при всем различии их мировоззрения и творчества, исходили не только Пушкин и Достоевский, но и Блок и Белый, Прокофьев и Шостакович, Платонов и Булгаков, Шолохов и Леонов, Довженко и Шукшин, Распутин и Солженицын. Более того, и путь художника-модерниста в условиях советской истории оказывается радикально иным (снова сошлемся в связи с этим на пример Эйзенштейна).

О превращении модернизма (авангарда) в сколько-нибудь серьезную самостоятельную силу можно говорить только применительно к последним тридцати годам нашей истории, начиная примерно с хрущевской “оттепели”. А. Вознесенский и Ю. Любимов, А. Шнитке и И. Бродский — вот некоторые ключевые фигуры этого движения. Художество подобного рода — это гениально утонченный эстетизм, играющий всеми словами и красками на клавиатуре жизни и различающий их в перспективе авторской личности, ибо начало всей системы координат он приписывает себе.

Следующим шагом на пути утраты духовной цельности искусства явился постмодернизм. Несмотря на существенные мировоззренческие и эстетические отличия, постмодернизм — это именно “после модернизма”, новейшая его разновидность, разделяющая с ним все его исходные ценностные позиции. Конечно, ввести в средневековый монастырь Шерлока Холмса (“Имя Розы” Умберто Эко), смешать кровавую мелодраму с “фильмом протеста” (“Асса” С. Соловьева) или, скажем, вывести на эстраду одновременно рок-группу, джаз, оркестр народных инструментов и алябьевского “Соловья” (“Поп-механика” С. Курехина) — все это нечто необычное даже в рамках модернизма, однако по существу — это следующий шаг в его развитии. Если, как мы писали выше, классическое искусство создавало свои творения под знаком вечности, а модернизм разглядел в вечности только образ собственного “Я”, то для постмодернизма и то и другое уже не важно. Иными словами, постмодернизм — это тот же самый модернизм, дошедший по пути субъективистского отрицания мира до разрушения самого себя.

Классическое искусство видело свет бытия, искало и находило его духовную истину. Модернизм отвернулся от бытийной истины и красоты, утвердившись на прагматической позиции, согласно которой истина не существует, а создается (творится) руками и разумом человека. В постмодернизме этот круг замкнулся на использовании бытия и творчества в интересах “жизни после смерти”. И бытие, и творчество уже умерли, их не воскресить, но можно попользоваться их остатками — снять, например, кинофильм в стиле “ретро” или построить из бетона дом в стиле “классицизм”...

Гениальное описание постмодернистской ситуации культуры дал Герман Гессе в романе “Игра в бисер”. Традиции классики, отвергаемые авангардом, парадоксально восстанавливаются в постмодернизме, но уже в качестве особой игры смыслами, “игры стеклянных бус”. Постмодернизм смеется там, где модернизм был серьезен: идеями — даже нигилистическими — можно

жить, тогда как смыслами можно только играть. Мышление художника-постмодерниста включает в себя любую норму — от классицистской до абсурдистской, — но только в плане снижающего ее отношения к другим известным в культуре нормам. Постмодернистское искусство представляет собой как бы бескачественную ровную смысловую плоскость, где вещи и слова не имеют своего природного места, а лишь отражаются друг в друге, благодаря чему комедия приравнивается к трагедии, страх — к смеху, красота — к уродству, реальность — ко сну. Постмодернистское сознание заключает своего рода брачный союз между “означаемым” и “означающим”, всячески избегая при этом каких-либо мировоззренческих деклараций. Если модернизм был, так сказать, еще невинен, то есть совпадал в своем отвержении благодатного бытия с самим собой, то постмодернизм осознал потерю невинности: его центр — везде и нигде, он постоянно обитает в зазоре между “да” и “нет”, в некоей, говоря философским языком, дифференции. Как бы то ни было, понятия вроде “истины”, “действительности”, “добра” и т. п. для постмодернизма суть допотопные мифы, еще доживающие свой век где-то на задворках догматического сознания, но уж к современности относящиеся примерно так же, как, скажем, оперетта “Прекрасная Елена” к неомессианству Майкла Джексона.

Попросту говоря, это означает, что одинаково правы страстотерпец и эстет, богослов и безбожник, герой и злодей; что нет смысла различать утверждение и отрицание, Моцарта и Сальери, Андрея Рублева и Сальвадора Дали. Более того, их надо “уравнять”, то есть поместить под одну обложку или представить на одной выставке в духе “хрустального дворца”, который когда-то привиделся Достоевскому в качестве символа мертвого будущего. Да, именно тогда наступит постмодернистский рай. Тогда соцреализм путем “интертекстуальности” объединится с эротикой, и они вместе, прихватив с собой “Логико-философский трактат”, Л. Витгенштейна и древнекитайскую “Книгу перемен”, отправятся пить кофе в Дом писателей или в Дом кино по случаю своей полной победы над историей и ее смыслом. Так, под знаком “семиодинамики” воздвигается новый тоталитаризм, нетерпимость которого покоится именно на всеобщей относительности мнений и слов, выдаваемой за суть дела и предполагающей решительное отвержение всего серьезного.

Наша интеллигенция, уже не раз получавшая суровые уроки истории, способна в очередной раз явиться жертвой собственного легкомыслия. Мало свидетельствовать о том, что в доме темно, — нужно попытаться внести в него свечу. Нельзя играть со злом, превращая его носителей в карнавал беснующихся шутов. Карнавал в любой его разновидности — от фарсового трюкачества до “метаметафорической” поэзии или “виртуальной” реальности видеоклипа — это всегда духовное оборотничество, переворачивание ценностной вертикали. Издавна карнавал происходил на соборной площади, которая своими строгими очертаниями вводила эту стихию в определенные берега, оформляла ее. Вне подобного оформления постмодернистская карнавальная стихия обращается в безбрежную “веселую относительность”, грозящую поглотить в себя все.

Отечественную культуру ждут трудные времена, если она свое законное стремление к вольному мыслению не сумеет соотнести с высокой духовной традицией, если она свободу предпочтет истине. Той самой истине, в присутствии которой культура только и делается собой.

А. А. ФЕДОСЕЕВ,

доктор философских наук, профессор кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного университета

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Государство и культура представляют собой весьма важные и чрезвычайно сложные явления общественной жизни, имеющие как общие, так и специфические черты, обусловленные их длительным историческим сосуществованием и разнокачественной природой: политической и гражданской. Государство и культура России служат убедительным тому подтверждением.

Взаимоотношения между государством и культурой определяются многими факторами и прежде всего: характером экономического и социально-политического строя страны; достигнутым уровнем ее государственности и культурности; приоритетностью гражданских или политических начал в процессе осуществления различного рода государственных и культурных

деяний; наличием и совершенством конкретного механизма для согласования как общих, так и специфических государственных и культурных интересов.

В современной России указанные взаимоотношения оказались существенно деформированными не только вследствие длительного существования сначала тоталитарно-политической, а затем и административно-командной систем, но и по причине неспособности нынешних политических лидеров найти ей достойную демократическую альтернативу. Результатом такой деформации стал необычайно затяжной по времени, глубокий по своим разрушительным последствиям кризис и государственной политики в области культуры, и самой российской культуры в целом.

Формы проявления этого кризиса весьма ощутимы и чрезвычайно многообразны. Применительно к государственной политике они выражаются, в частности, в беспрецедентном сокращении бюджетных ассигнований на культурные цели, регулярных неплатежах заработной платы работникам сферы культуры, незначительном отношении к сохранению и развитию культурного достояния. Что касается кризиса самой культуры, то об этом свидетельствует прежде всего по существу полная утрата ею просветительской функции, равно как и продолжающиеся коммерциализация и опошление.

Совершенно очевидно, что все вышеназванные, а также и другие кризисные явления, деформирующие нормальный характер взаимоотношений между государством и культурой в современном российском обществе, ставят под сомнение истинный смысл ряда статей ныне действующей Конституции Российской Федерации. Речь идет, в частности, о статьях 1, 2 и 7 Конституции, где говорится о том, что Россия является демократическим, правовым и социальным государством, к обязанностям которого относятся не только признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, но и создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности. Речь идет также о ст. 71, в соответствии с которой установление основ федеральной политики и федеральных программ в области культурного развития отнесено к ведению Российской Федерации, и о ст. 72, согласно которой в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся общие вопросы культуры, науки, образования и воспитания.

Вот почему предотвращению дальнейшего развития и углубления кризисных явлений в сфере взаимоотношений между государством и культурой современного российского общества может и должно способствовать неукоснительное выполнение государством тех обязательств, которые возложены на него нынешней Конституцией. Важнейшим из них является разработка и претворение в жизнь такой программы государственной политики в области культуры, которая бы, *во-первых*, исходила из приоритета гражданского общества над обществом политическим, а еще точнее — из приоритета культуры как основы экономического, социального, политического и духовного саморазвития общества и человека; *во-вторых*, широко использовала опыт государственно-культурного сотрудничества, накопленный в разные исторические периоды как нашей, так и другими странами; и, *в-третьих*, не на словах, а на деле свидетельствовала о создании в нашем обществе не только демократического, правового и социального, но и культурного государства со всеми вытекающими отсюда последствиями теоретико-методологического и практического характера.

И. С. КОН,

академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор

СЕКСУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ

Мир, в котором мы живем, очень быстро меняется. Особенно это касается сексуального поведения подростков.

В 1995 году был проведен первый в России крупный профессиональный опрос 16—19-летних юношей и девушек в Москве, Новгороде, Ельце и Борисоглебске (руководитель проекта В. В. Червяков, научный консультант И. С. Кон). Было опрошено 2870 человек. Хотя эти данные и

нерепрезентативны для страны в целом (в частности, мы ничего не знаем о сексуальном поведении и установках сельской молодежи), они вызывают серьезную озабоченность.

Первое, что бросается в глаза, — драматическое снижение среднего возраста сексуальной инициации. По данным опроса 1993 года, проведенного теми же исследователями в Москве и Петербурге (было опрошено 1615 школьников и учащихся ПТУ от 12 до 17 лет), до 17 лет пережили половой акт 25% девушек и 38% юношей; в 1995 году соответствующие цифры составили 33 и 50%. Сами по себе эти показатели не сенсационны и вполне сопоставимы с западноевропейскими и американскими. Однако нигде в мире эти сдвиги не были такими быстрыми. Проблема не в том, что подростки занимаются сексом, не спрашивая согласия своих учителей и родителей, а в том, что они плохо подготовлены к цивилизованному и безопасному сексу. Их сексуальное поведение резко дифференцировано по социально-классовому признаку. Обычная средняя школа и ПТУ — два совершенно разных социальных мира. Среди 16-летних школьников в 1995 году сексуальный опыт имели 24% девушек и 44% процента мальчиков, а среди учащихся ПТУ соответственно 56 и 63%. У 17-летних разница составляет 40 и 61% (девушки), 44 и 72% (юноши). Очень велики показатели сексуального насилия и принуждения, нежелательных беременностей и т. п.

Эти тревожные цифры не случайны. Неподготовленность российского общества к подростковой сексуальной революции — закономерное наследие многолетней большевистской сексофобии и, как следствие этого, разрушение сексуальной культуры. Но сегодня надо смотреть не назад, а вперед. Сексуальная культура — неотъемлемая часть всей культуры общества. Она включает в себя следующие основные элементы: 1) общие ценностные ориентации, отношение к телу, наготы, сексуальности и половым различиям; 2) сексологические исследования, начиная с биолого-медицинских и кончая философскими и социокультурными; 3) сексуальное просвещение в семье и особенно в школе; 4) эротическое искусство.

По всем этим параметрам ситуация неблагоприятна.

За последнее время отношение общества к эротике радикально изменилось с огульно-отрицательного на положительное, однако в этом вопросе налицо острый конфликт поколений, который сплошь и рядом заслоняет существо дела. Многие официальные лица вообще не понимают разницы между эротикой и порнографией. Против научно-издательского центра ЛАДОМИР, который пытается научно обоснованно возродить особенности традиционной русской эротической культуры, хотели даже возбудить уголовное дело.

Научных исследований по вопросам сексуальной культуры в стране почти не ведется из-за отсутствия денег и низкой профессиональной подготовки специалистов. Врачи-сексопатологи зарабатывают неплохие деньги частной практикой, но среди них много шарлатанов, да и решить проблемы сексуальности чисто с медицинской точки зрения невозможно. Среди же психологов и психоаналитиков шарлатанов еще больше. За иностранной научной литературой систематически не следит никто, собственных изданий нет, а созданная несколько лет назад сексологическая ассоциация «Культура и здоровье» ни разу не собиралась и существует только на бумаге.

Определенные положительные сдвиги наметились в сексуальном просвещении, по линии Российской ассоциации планирования семьи, а также по некоторым другим каналам, но здесь является препятствием крайняя разобщенность между медиками и педагогами. Составленные по заказу Министерства образования пробные школьные программы написаны практически без учета зарубежного опыта. В настоящее время под эгидой ЮНЕСКО начинается разработка экспериментального школьного курса сексуального просвещения, но нет уверенности в том, что это дело не потонет в бюрократической возне министерских чиновников.

Очень важным элементом сексуальной культуры является эротическое искусство. В последние годы россияне, наконец, получили к нему доступ. Однако в массовой культуре решительно преобладает примитивная коммерческая дешевка, вызывающая законное отвращение людей с художественным вкусом.

Методы запретов и административного регулирования в этой области не действуют. Единственный выход — широкая междисциплинарная кооперация с опорой на немногих реально работающих специалистов.

В. Ф. ЛЕВИЧЕВА,

заведующая кафедрой социологии Института молодежи, доктор философских наук, профессор

МОЛОДЕЖЬ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Отечественная традиция исследования проблем молодежи, сложившаяся за последние 30 лет, почти полностью основывалась на методологических принципах субстантивизма. Субстантивистский подход к изучению социальной действительности, когда та или иная социальная группа ("профессия", "элита", "интеллигенция" и др.) отождествляется с реально существующей и эмпирически фиксируемой совокупностью людей, действительно обладает значительными возможностями в анализе источников формирования и пополнения социальных общностей, особенностей их структурирования, институционализации и т. п. Однако этот подход оказывается крайне несостоятельным, когда исследуемая социологом реальность начинает вести себя непредсказуемо и парадоксально, заставляя профессионала испытывать тяжелое чувство растерянности. Примерно так обстоят дела с "поведением" двух наиболее изученных и неоднократно интерпретированных групп российского общества: молодежью и интеллигенцией.

С началом экономических преобразований в нашем обществе эти социальные группы обнаружили "странные" для традиционного социолога, но видимые для непрофессионала и реально ощутимые для самих действующих лиц — членов этих групп качества: их границы стали как бы размываться, потеряли определенность, основные социально-статусные характеристики, разрушились или деградировали каналы политического и социокультурного (символического) представительства. Более того, проблематичной оказалась сама социальная позиция, формирующая эти группы в социально-стратификационной структуре общества. Сегодня впору задаться вопросом, который еще несколько лет назад показался бы нелепым: существует ли молодежь в современном российском обществе (то же — об интеллигенции)? Или — на традиционном философском языке — как возможна молодежь в нашем обществе?

Воспроизводство социальной позиции, активное "прорастание" социальных связей и отношений институционального типа — это решающее условие эффективного усвоения молодежью существующих социальных практик, интериоризации их схем и механизмов и, следовательно, воспроизводства собственной социальной идентичности или молодежного сообщества в целом как реального социального организма и "кванта" социальной стратификации всего общества. Реальность 90-х годов: резкое сокращение молодежных СМИ, уменьшение молодежного движения, превращение многих молодежных организаций в "карточные домики" при одновременном свертывании каналов т. н. "рационального представительства" интересов (низкие политические ресурсы Комитета по делам молодежи, Российского союза молодежи, молодежных секций политических партий), затрудненность и бедность социокультурной референциации молодежи — все эти процессы свидетельствуют о происходящем сужении поля институциональности и, значит, о зыбкости форм объективации тех социальных позиций, с которыми молодые люди могли бы идентифицировать себя. Возникает вопрос: кому сегодня в российском обществе переданы, вернее, кем перехвачены функции по символизации групповых характеристик молодежи и представительству ее интересов?

Распад или нереализованность совместных политических, обще- и субкультурных, коммуникационных, игровых и др. практик молодежи, укорененных в советском (российском) обществе на протяжении жизни нескольких поколений, породили ту ее социально-групповую корпоративную "недостаточность", которая фиксируется в текущих исследованиях как сформированная социокультурная идентичность, ущербная поколенческая солидарность, распыленная энергетика или полное отсутствие совместных социально-политических акций, нередкая утрата национальных культурных координат, формирующих чувство "мы".

Однако подобная социально-групповая "недостаточность" молодежи находит свои компенсации, результатом которых выступает ее негативная мобилизация. Речь идет о возникновении множества институций (институции понимаются нами как некие устойчивые поля социальных взаимодействий или относительно стабильные, но незавершенные и не имеющие четких границ "сгустки" общественных отношений) молодежи, отражающих область практик "теневых", нелегитимных или "виртуальных" для общества. Российская молодежь сегодня составляет абсолютное

большинство в секторе “теневой” занятости, объем которого, по-видимому, во много раз превышает сектор “теневой” безработицы; наблюдается новый подъем (после почти полного спада начала 90-х годов) неформальных движений преимущественно субкультурного характера; формируются и разрастаются молодежные социальные практики криминального и околокриминального характера, причем последние сегодня на глазах у всего общества быстро теряют свою маргинальность, превращаясь в энергетически очень емкий концентрат общественных связей, формирующий не только жизнеспособную социальную ткань, но и множество институций. Среди них группы лоббирования, различные ассоциации, фонды и т. п., отдельные каналы СМИ, коммуникационные сети, языковые и субкультурные хэппенинги и т. д.

В основе трансформации всей институциональной системы российского общества лежат изменения базисных социальных практик. Понимание молодежи как социокультурного события концентрирует внимание исследователя на социальном движении, при котором специфические групповые характеристики возникают в результате инкорпорации практикуемых отношений и социальных взаимодействий. Это позволяет ученому дистанцироваться от оценочных позиций публициста и дать свой ответ на вопрос: “Кто пришел?”

В. А. КОНЕВ,

заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор

ДВА НАЧАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА

Очевидная двойственность природы человека — его принадлежность к миру природы и миру духа — не может не отразиться на всем, что становится следствием его деятельности. Весь так называемый социальный мир амбивалентен изначально, ибо любой феномен этого мира, как и мифический Янус, имеет два лица: лицо, показывающее себя здесь-и-теперь; и лицо, к которому это “здесь-и-теперь” отсылает. Но социальный Янус не просто смотрит одновременно в противоположные стороны, а, смотря в одну, он видит и другую сторону, поэтому социальный Янус — это дважды Янус, так как каждый лик его, обращаясь в свою сторону, одновременно созерцает и другую. Амбивалентность — вот исходная характеристика человеческого бытия. Это проявляется и в производстве: марксов анализ двойственной природы труда и товара дает тому блестящий пример. Это проявляется и в общении: каждый поступок не только пространственно определен, но и имеет нравственный смысл. Это, наконец, находит свое проявление в символичности всех социокультурных образований, на что указал еще Э. Кассирер.

Янус-модель становится структурным архетипом строения человеческого бытия. Весь человеческий мир и каждое его проявление построены по его принципу. С ним связано и глобальное разделение человеческого мира на мир общества и мир культуры, одним из проявлений которого стало противопоставление государства и культуры. Слово, с которого началась новая эра: “Богу — богово, а Кесарю — кесарево”, превратилось в конце второго ее тысячелетия в мотто нашего смутного российского времени: “Государство, спаси культуру!”

Государство — квинтэссенция общества, а духовность — квинтэссенция культуры. Общество и культура, государство и духовность — это своеобразные концы двух параллельных нитей, переплетение которых включает в себе реальность человеческого мира подобно тому, как переплетение в спираль двух молекул ДНК генетически включает в себе реальность организма. Строение-содержание двух начал человеческого мира может быть представлено такими следующими двумя рядами понятий-характеристик:

общество	культура
тело	дух
вещь	знак
продукт	произведение
повторение	творчество
тираж (множество)	уникальность (единое)
польза	смысл
потребность	жажда
работа	служение
служба	призвание
богатство	нищий дух
пространство	время
тождество	различие
коммуникация	диалог
знание	мысль
группы (классы)	личность
институты	универсалии
планирование	пророчество
семья	любовь-вера-надежда
притязание	утверждение-отрицание
суд-наказание	совесть-покаяние
власть	абсолют
закон	долг
необходимость	свобода
государство	духовность (Царство Духа)

Конечно, представленный перечень понятий-характеристик сферы общества, с одной стороны, и сферы культуры, с другой, не полон. Естественно, оппозиционное соответствие понятий требует дальнейшего обсуждения. Но думается, что подобная теоретическая работа необходима, так как заставляет обратить внимание на то, что человеческое бытие внутренне раздвоено, поэтому его нельзя свести ни к материальному началу, как пытался это сделать марксизм, ни к духовному, как предпринял это С. Л. Франк. Человеческое бытие — это “мерцающее” бытие, бытие, постоянно “перескакивающее” с одной “сферы” своего проявления на другую. Поэтому вся суть такого бытия заключена в этом переходе, в трансцензусе от “тела” к “духу” и обратно, от одной стороны оппозиции к другой и обратно. Этот переход меонтичен, он есть и его нет. Он есть, ибо без него нет альтернативности социальности и культуры, и его нет, так как ничто конкретное в социальном или культуре не может претендовать на его абсолютное предъявление. Связь между социальной и культурной сторонами человеческого бытия подобна связи между сторонами ленты, соединенной в кольцо Мебиуса, в котором двусторонняя поверхность ленты превращается в одностороннюю, сохраняя в то же время в своей односторонности обе стороны. И это совпадение-различие сторон наблюдается в любой точке односторонней поверхности кольца Мебиуса, но только для этого необходимо совершить “проход” по всему кольцу.

Так и в человеческом бытии — трансцензус от социального к культурному и обратно совершается в любом их феномене, но при условии, если данный феномен социального или культурного берется в отношении к целостной исторической системе, т. е. такой социокультурной системе, которая исторически (конкретным временем) замкнута.

Поэтому, хотя государство (общество) замкнуто на реальность материального, а готовность (культура) — на реальность идеального (Богу — богово, а Кесарю — кесарево), исторической действительности, если государство (общество) хочет сохранить свою реальность, оно должно “спасти” культуру, а духовность не сохранит свою идеальную чистоту, если культура не “спасет” государство.

Е. А. ЛЕВШИНА,

доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской академии театрального искусства, член президиума Ассоциации менеджеров исполнительского искусства России

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие и становление художественной культуры, то станет ясно, что искусство всегда получало поддержку либо государства, либо общества, либо какого-нибудь социума или группы людей. Менялись лишь способы такой поддержки, в них отражались основные культурологические концепции эпохи. Интересно попытаться проследить динамику механизмов поддержки художественной культуры.

С античных времен нам в наследство достался ряд терминов, происходящих от корня “полис”, в том числе термин “политика”. Свободный гражданин полиса был человеком общественным, он должен был обладать умением жить в обществе, приносить обществу пользу. Общественное согласие и взаимопонимание, столь важные для античного мировоззрения, требовали распространения и всеобщего признания неких идей. Искусство, доставлявшее эстетическое наслаждение и дающее духовное обогащение, рассматривалось как способ ретрансляции определенной идеологии. Государству-полису, заинтересованному в потреблении художественной культуры с целью общественного согласия, важно было приобщить как можно больше граждан к культурным ценностям. Полис не жалел средств на строительство “театронов” — мест для зрелища. А для того, чтобы любой житель полиса мог посмотреть представление, ему выдавали обола — своего рода билеты для посещения театра. Государство платило зрителю, но не помогало созданию произведений. Драматург действовал на свой риск, иногда ему и актерам помогал меценат. Меценатство обеспечивало развитие искусства, полис — его распространение.

Средние века с их общей идеей “человек для Бога” выработали совсем другие механизмы обеспечения художественной культуры. Искусство для Бога — архитектура, иконопись, музыка, мистериальные действия — поддерживалось церковью и монастырями. Монастырь давал художнику приют и хлеб, освобождал от других забот для творчества. Вне стен монастыря оставалось то, что за его стены не пускали, т. е. изгнанное, поэтому оно и было гонимым. Бродячие музыканты и поэты, певцы и актеры если и задерживались в замках или городах, то ненадолго. Церковь обеспечивала создание и распространение одобренных ею культурных ценностей; не получавшие ее одобрения художники ждали помощи от добрых людей (своего рода меценатов); государство не видело своей роли в этом процессе.

Со времен Возрождения духовное начало стало считаться главенствующим культурным рычагом. Искусство и наука понимались как высочайшие формы духовности. Положение художника в мире при этом меняется. На долгие годы его берут под свою опеку владетельные персоны. Вплоть до нового времени, и даже, может быть, особенно в эпоху Просвещения, “моцарты” и “лейбницы” живут при княжеских дворах под покровительством и на службе у патрона, который нередко олицетворяет и государственную власть. Владетели платят за создание произведений, но вторая сторона бытования художественной культуры — распространение культурных благ — остается неразвитой. Публичные музеи, например, и даже организационные формы публичного концертного дела появляются лишь в конце XIX века.

В приведенном коротком перечне высвечены лишь отдельные исторические точки, но и этот сжатый разбор исторической смены форм и методов поддержки искусства подтверждает, что первичным является сложившееся в данное время понимание социальных функций художественной культуры.

Особенно интересно проследить изменение отношения к художественной культуре в XX веке. На этом пути встает проблема массового человека, поворот отношения и личности в общественном сознании, зафиксированный в “Декларации прав человека и гражданина”, распространение деятельностной концепции культуры. В результате развитые страны сформировали на сегодня системы поддержки художественной культуры, которые в разных пропорциях сочетают государственные и общественные вложения, соединяют прямое субсидирование со скрытыми способами помощи в виде льгот и особых условий деловой активности.

Общий тезис об отношении к художественной культуре, естественно, годится и для России. В советские времена, когда в рамках марксистской философии культура определялась как совокупность материальных и духовных благ, накопленных человечеством, а материальное производство объявлялось базисным, средства на поддержку художественной культуры выделялись из бюджета по остаточному принципу, что означало: останутся деньги, затратим их на то, чтобы накапливать еще духовные ценности, потратим их, а не останутся — можно и подождать накапливать. Художественная культура воспринималась как институция, выполняющая социальные функции наряду с другими институтами: идеологическую вместе с машиной политической пропаганды, рекреационную вместе со спортом, познавательную вместе с наукой и т. д. Самоценность искусства не признавалась, да и сейчас плохо признается.

В первой половине 90-х годов XX века новые власти продолжали финансировать сферу художественной культуры, однако не потому, что осознали ее подлинную социальную роль, а потому, что видели в художественной интеллигенции могучую политическую силу. Сколько раз президентская команда собирала форумы и телешоу в поддержку референдумов или в рамках избирательной кампании. На выборах в Государственную Думу каждая политическая партия или объединение включали в свои партийные списки имена крупных артистов. За всем этим стояла уверенность, что известных деятелей культуры народ послушает, за ними пойдет, что, в общем-то, себя оправдывало.

Укрепившись политически (или, во всяком случае, так считая), новая власть стала сдержаннее выделять средства учреждениям культуры.

Государство, как, впрочем, и всякий вкладчик, платит за помощь в реализации своих интересов. А государственные интересы в сфере художественной культуры носят преимущественно нехудожественный характер. Государство готово использовать возможности художественной культуры для формирования гражданского согласия, распространения определенных идей для того, чтобы население проводило свободное время в социально одобренных формах и т. д., однако к подлинному содержанию и назначению искусства оно равнодушно.

Сегодняшняя проблема художественной культуры России — выстроить новую модель функционирования в соответствии с мировым опытом и на базе национальных традиций, соединив государственную и общественную поддержку. Только множественность источников финансирования обеспечит свободу творчества и гарантии непрерывности культурного процесса. Вместе с тем общественное понимание роли художественной культуры, ее подлинного значения, которое станет твердым фундаментом обеспечения, должно распространяться и собственными усилиями художественной культуры.

Т. А. КЛЯВИНА,

директор Российского института истории искусств, кандидат искусствоведения

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

Изучение и анализ процессов социальной реализации творческих инициатив в современной художественной культуре невозможны вне контекста общеуправленческих проблем. Еще несколько лет назад казалось, что удалось разорвать прямую зависимость художественной активности от характера и типа управления, провозгласив творческую свободу как безусловную и признаваемую государством ценность.

Поскольку последнее десятилетие, как и многие годы ранее, российское государство продолжает быть бесконечно отдаленным от общества и реальной общественной жизни, социальная реализация творческих инициатив протекает по усложненному сценарию, отличительной чертой которого остается выбор опоры между жестко регламентированными государственными структурами и безбрежным ныне морем общественной востребованности.

Между желанием творить и самой творческой деятельностью пролегает мощный пласт институтов социализации и социального контроля. Если в начале этого десятилетия востребованность со стороны государственных структур и общества можно было четко разделить по целому

ряду так называемых “чистых признаков”, то ныне размытость критериев востребованности является доминирующим признаком ситуации.

Прежде мы могли выделить две схемы прохождения творческой инициативы — нормативную и, условно говоря, антинормативную.

Нормативная схема

1. Инициатива
2. Личность (объект)
3. Организация
4. Деятельность

Антинормативная схема

1. Инициатива
2. Личность (субъект)
3. Деятельность
4. Организация

В этом варианте основной интерес представляло взаимодействие и соотнесенность организации и деятельности в ситуации, когда творческая личность воспринималась в противоположных качествах: в одной схеме как субъект, в другой — как объект.

Сегодня, когда обе схемы, во-первых, имеют равные права, а во-вторых, практически не существуют в чистом виде, вновь огромное значение приобретает, условно говоря, личностный потенциал художника или той творческой единицы, которая выступает субъектом художественной деятельности.

Государственное управление, которое в последние годы стремится стать программным, то есть осуществлять финансовую поддержку через сеть утвержденных и отобранных программ, может опять оказаться тем тормозом, который невольно будет сдерживать инициативное развитие культурной деятельности. Видимо, должны активно прорабатываться вопросы адресной поддержки творческих субъектов, быть может, именно через общественное финансирование.

А. А. СКОРНЯКОВ,

исполнительный директор Санкт-Петербургского отделения
Института “Открытое общество” (“Фонд Сороса”)

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КУЛЬТУРЫ

Российские реформы пока не вывели страну на путь устойчивого демократического развития. В России по-прежнему нестабильно и существует угроза социальных взрывов. Среди наиболее важных условий дальнейшей демократизации и стабилизации общества — *информационная открытость и интеграция в мировое сообщество, сохранение и развитие демократических общественных институтов, сотрудничество различных сил общества (партнерство)*.

Специфика Санкт-Петербурга заключается в том, что он, являясь, по существу, второй культурной столицей России и обладая множеством культурных центров, имеющих поистине мировое значение, практически не имеет института спонсорства. Проще говоря, в отличие от Москвы в Санкт-Петербурге нет крупных коммерческих и иных структур, которые могли бы взять на себя эту роль, а военно-промышленный комплекс, который всегда имел очень весомое значение для города, в настоящее время находится в абсолютно критическом положении.

Близость Санкт-Петербурга к западным границам России определяет его значение как города, соединяющего Россию с Западом. В настоящее время не экономический, а именно культурный потенциал Петербурга привлекает к нему внимание мирового сообщества. Прежде всего это касается стран Балтийского региона. Хорошо известны соглашения, включающие положения о культурном и информационном сотрудничестве Петербурга со Швецией, Финляндией и другими странами Балтии. С 1995 года в Санкт-Петербурге действует представительство Совета Министров Северных Стран. Международное сотрудничество начинается и в дальнейшем поддерживается культурными связями.

Вместе с тем *Санкт-Петербург является стержнем для развития* (как культурного, так и экономического) *всего Северо-Западного региона России*. Политические, экономические, культурные и социальные процессы, происходящие в городе, оказывают непосредственное влияние на ситуацию в регионе.

Невозможно обеспечить социально-экономическое развитие города и региона, их включение в мировое сообщество, не поддерживая организации культуры и культуру в целом. В

Санкт-Петербурге существует несколько тысяч как государственных, так и негосударственных организаций культуры: музеи, библиотеки, архивы, театры, художественные галереи, концертные залы и т. п., насчитывающие сотни тысяч рабочих мест. Другой очевидный аспект: город-музей привлекает миллионы туристов. От состояния культуры в городе, от активности культурных организаций непосредственно зависит развитие туризма в Санкт-Петербурге, а значит, и его экономическое благополучие.

В годы застоя демократическое движение носило в Ленинграде преимущественно культурный характер (в отличие от Москвы и провинции, где противостояние коммунистической власти было резко политизировано). Квартирные семинары по истории, философии, религии, десятки самиздатовских “толстых” журналов; “неподцензурные” художественные выставки и театральные студии; мощное рок-движение — все это формировало общественно-политическую позицию сотен тысяч людей. Первые оппозиционные многотысячные демонстрации в Ленинграде в 1987—88 годах были посвящены защите от сноса исторических зданий в центре города.

Сегодня, конечно, уже открыто позиция деятелей культуры в значительной степени влияет на общественные процессы в городе. Благодаря деятельности негосударственных организаций культуры формируются новые институты (общественные советы, комиссии и т. д.). И в этом особенность Санкт-Петербурга. Конечно, было бы слишком смело утверждать, что в Санкт-Петербурге только негосударственные организации культуры содействуют демократизации общества, но в сравнении с другими регионами России их роль значительно выше.

Область культуры является важным “пространством”, где происходит сотрудничество различных сил общества, “нащупываются” и развиваются механизмы социального партнерства.

Со второй половины 1996 года, когда бюджетный кризис особенно остро коснулся учреждений культуры, стало ясно, что методы работы государственных и негосударственных организаций в основном совпадают. В ряде государственных учреждений культуры появились и активно работают негосударственные организации (фонды, общества друзей, общества содействия и т. д.). Многие профессиональные деятели культуры так или иначе связаны с негосударственными организациями, являясь их учредителями, членами, попечителями или участниками деятельности. Сегодня организации третьего сектора охватывают все без исключения направления культурной сферы.

Начинается диалог третьего сектора с бизнес-структурами, начинающими понимать: нет культуры — нет бизнеса. Налаживается взаимодействие с государством, в том числе в области местного законодательства, в поддержку организаций культуры и третьего сектора. Инвестиционный климат региона определяется сейчас не только местной политикой. Санкт-Петербург рассматривается мировым сообществом как крупнейший культурный и деловой центр; снижение данного рейтинга сразу повлечет за собой сокращение инвестиций в экономику.

Только развивая партнерство между секторами, можно говорить о подъеме экономическом, социальном, культурном.

Таким образом, для выполнения задач Института “Открытое общество” (ИОО), целью которого является содействие формированию открытого общества, *приоритетными направлениями работы в Петербурге должны быть культурные и культурно-образовательные программы*, их тесная связь является спецификой Санкт-Петербурга. Стратегические задачи организации (информационная открытость социальной и культурной жизни, содействие формированию структур гражданского общества, содействие преодолению стереотипов имперско-тоталитарного мышления) в Петербурге могут быть решены именно через эти программы. Причем важнейшим моментом в их реализации является полный переход в 1997 году Петербургского отделения ИОО от операционных программ к системе грантовых конкурсов и внеконкурсных грантов, которая стимулирует развитие местных культурных инициатив и содействует формированию гражданского общества.

Приоритетные направления программы “Культура и искусство” для Санкт-Петербурга

1. Проекты в области историко-культурного наследия.

По этому направлению будет оказываться грантовая поддержка в виде конкурсов (*конкурс на финансирование проектов по сохранению архивных материалов с использованием современных технологий*), а также внеконкурсных грантов (“*Санкт-Петербург — единое культурное пространство XXI века*”, “*Вхождение библиотек Петербурга в мировое библиотечное пространство*”, “*Центр информационных технологий для театров России*”).

2. Поддержка негосударственных организаций культуры.

На решение этих проблем направлены такие внеконкурсные гранты Санкт-Петербургского отделения ИОО, как *“Центр поддержки некоммерческих организаций культуры Санкт-Петербурга”*, *“Школа кураторов”*, а также конкурс проектов для негосударственных театров Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона по укреплению материально-технической базы.

3. Поддержка новых педагогических технологий, связанных с изучением художественного наследия.

Наиболее перспективной в этой области является программа *“Образ и мысль”*, предлагаемая Петербургским отделением ИОО в виде внеконкурсного гранта.

А. А. ГЕТМАН,

директор Санкт-Петербургской академической государственной филармонии им. Д. Д. Шостаковича

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ К КУЛЬТУРЕ БЕЗ ГОСУДАРСТВА

На фоне тяжелейшего кризиса, в котором пребывает сегодня экономика России, проблемы отечественной культуры вряд ли могут показаться чем-то из ряда вон выходящим. Скорее всего, эти проблемы есть закономерное следствие данного кризиса. Культура в доперестроечной России, о которой так часто сегодня вспоминают практики, не испытывала подобных изменений, да и вряд ли кто мог предположить, что такое вообще возможно. Советские артисты, писатели, музыканты были не просто элитой общества, они служили живым примером успешной работы системы, в которой только (как тогда нас уверяли) и возможно плодотворно заниматься творческим трудом.

Гастроли за рубежом как отдельных творческих коллективов, так и выдающихся советских артистов, проходившие под строгим организационным и финансовым контролем Госконцерта, действительно потрясали западную публику не только своим профессиональным мастерством, но и широтой размаха, который был возможен при государственном финансировании, осуществляемом по пресловутому остаточному принципу.

Справедливости ради надо отметить, что демонстрировать на Западе преимущества социалистического строя доверяли далеко не всем. Это право надо было заслужить и доказать. Именно тогда в нашем обиходе появилось понятие *“выездной коллектив”*. Но один раз *“оправдавшим”*, как правило, щедро выделялась государственная поддержка — и прежде всего финансовая.

Работа творческих коллективов на родине также находилась под неусыпным контролем государства. Способы, которыми осуществлялся такой контроль, мы прекрасно помним, а некоторые практики и по сей день автоматически употребляют давно ушедшие из повседневного обихода термины: план, норма, показатель посещаемости и т. д.

Помимо контроля за выполнением плановых показателей, достоверность которых не беспокоила ни проверяемых, ни проверяющих, существовал еще и контроль идеологический, от результатов которого, по сути, и зависели как коллективы, так и профессиональная карьера их руководителей. Система этого контроля была выстроена по вертикали тщательнейшим образом, и занимались этим контролем профессионалы куда большие, чем те, кто проверял цифровые показатели. Еще совсем недавно для нас привычно звучали слова *“прием спектакля городским художественным советом”*, *“согласование зарубежной выездной программы”*, *“получение “лита” на пьесу”*.

Говоря о контроле, необходимо отметить роль Министерства культуры, значимость которого в то время трудно переоценить. Распределяя немалые средства на содержание и развитие учреждений культуры и выполняя одновременно с этим функции идеологического фильтра, Минкульт того времени обладал большой властью и возможностями. Имея доступ к средствам, с одной стороны, и пользуясь определенным доверием партийной власти — с другой, руководство Министерства реально влияло на кадровую и репертуарную политику учреждений культуры.

В то же самое время тысячи советских граждан ежедневно заполняя театры, музеи, концертные залы, библиотеки, совершенно не задумывались над тем, что культура в стране благодаря ее государственному регулированию не просто общедоступна, а практически обязательна.

Таким образом, политика в отношении культуры России советского периода заключается в том, что она была государственной, находилась на его полном финансовом обеспечении, обслуживая интересы коммунистической идеологии.

О недостатках такого рода культурной политики говорить не очень уместно. Однако не стоит сбрасывать со счетов и то, что именно в условиях государственной культуры, а точнее вопреки ей, гремел на всю страну театр на Таганке, творил великий Шостакович, писали Бродский и Солженицын. Система, породившая прославляющую ее серость, объективно создала условия для появления тех, кто, не желая обслуживать государственную идеологию, на конфликте с ней создавал великие произведения искусства. Парадокс заключается в том, что и то и другое финансировалось за счет этой самой системы.

Процесс разрушения государственной культуры как составной части ее идеологии происходил постепенно и был связан со сведением на нет эпохи коммунистического диктата. За несколько лет произведения художественной литературы, музыки, живописи, авторов которых совсем недавно нельзя было произносить вслух, стали чуть ли не бестселлерами. Действуя по принципу "что можно, то обязательно", чуть ли не половина театров всей страны ставила М. Булгакова, Н. Эрдмана. Издательства печатали стихи Бродского, прозу Солженицына и Замятина, философские труды Бердяева. Не рекомендованные ранее к исполнению произведения Шостаковича и Шнитке за считанные месяцы превратились в самые репертуарные и исполняемые произведения в стране. Надо отметить, что оперативнее всех на изменившиеся условия отреагировал кинематограф, которому позволили снять с "полок" годами простоявшие запрещенные ленты Тарковского, Михалкова-Кончаловского, Германа.

Происходящие в России процессы вызвали резко возросший интерес к ней на Западе. Упавший "железный занавес" открыл дорогу за рубеж десяткам отечественных творческих коллективов.

Важно отметить и то, что именно в этот период в стране появилось театров-студий, оркестров, выставок и галерей больше, чем за предыдущие несколько десятков лет. Страна и ее граждане упивались ларованной им свободой. Сегодня, оглядываясь назад, это напоминает школьный выпускной вечер, когда, уже не опасаясь учителей, можно говорить о школе то, что думаешь, а впереди видится только счастливое будущее...

В то же время экономическая система страны не в состоянии была быстро отреагировать на произошедшие изменения и по-прежнему финансировала опьяневшие от свободы учреждения культуры. Сильно пошатнувшаяся вследствие потери идеологических рычагов власть Министерства культуры все еще имела реальную силу по причине доступа к государственным средствам и инерции отношения к власти у граждан.

Однако только наивный мог предполагать, что государство, невзирая на происходящие изменения, так и будет содержать культуру. С исчезновением коммунистической идеологии серьезных причин для этого практически не осталось. Вопрос состоял в том, когда будет предложена новая экономическая стратегия развития страны и насколько эта стратегия будет учитывать реальные потребности культуры.

Под влиянием творческих союзов и представителей творческой интеллигенции, попавших на волне перестройки в высший законодательный орган страны, в начале 90-х годов был принят Закон о культуре. В нем была сделана попытка определить новую государственную политику в отношении культуры. Однако, как и большинство законов, принятых в России в то время, он вряд ли имел какие-то перспективы в отношении его исполнения, и прежде всего самим государством в лице ее исполнительной власти. Как и любая стратегия, ее реализация предполагала реальные финансовые средства, недостаток которых в России начала 90-х годов стал абсолютно очевиден.

Принцип остаточного финансирования культуры, начиная с 1993 года, превратился в прямое ее недофинансирование, уровень которого постоянно увеличивался. Тотальная нехватка средств привела к тому, что появившиеся на волне перестройки молодые творческие коллективы стали исчезать, просуществовав всего несколько лет. Городским и федеральным учреждениям было немного легче: десятилетиями отработанная система имела некоторый запас прочности и, несмотря на нехватку средств, все же продолжала работать.

Однако этого запаса не могло хватить надолго. Понимали это и в Министерстве культуры, и в правительстве. Казалось бы, именно тогда и должны были быть предприняты срочные меры

по разработке стратегии развития отрасли, основанной на реальных финансовых возможностях государства. Но вместо этого для учреждений культуры, как, впрочем, и для других бюджетных организаций, ввели новое понятие — защищенные статьи расходов, которые предполагали гарантированное финансирование только заработной платы и связанных с ее выплатой налогов. Пожалуй, это был первый шаг на пути уничтожения государственной культуры.

Сегодняшнее положение музеев, театров, библиотек в России, наверное, не требует подробного описания. Все прекрасно знают о нищенском существовании как самих организаций, так и людей, в них работающих.

Создание рыночной экономики в России, безусловно, не предполагало, да и не могло предполагать, что сотни учреждений культуры будут содержаться государственным бюджетом. Бюджет не всякой экономически развитой страны мог бы выдержать такой груз. А уж про Россию и говорить не приходится. Но на смену полному финансовому обеспечению культуры в СССР должна была прийти новая, продуманная экономическая стратегия развития, а не уничтожение отрасли. Конечно, культура в России не уничтожена, однако созданы все условия для того, чтобы процесс уничтожения стал необратимым.

Надо отметить, что не только в России в последнее десятилетие происходила смена общественного строя. В странах бывшего социалистического лагеря были похожие и не менее болезненные изменения. В бывшей ГДР, например, где тоже существовала государственная культура, сумели предвосхитить пагубные для культуры последствия экономической реформы. Стратегия государства заключается в том, что людям творческого труда прежде всего гарантирована вполне обеспеченная жизнь. Администрация же государственных театров, оркестров, музеев может сосредоточенно работать в поисках внебюджетного финансирования, зная, что актеры, музыканты, художники получают достойную плату за свой труд. Одновременно с этим были предприняты шаги, которые естественным образом спровоцировали интерес частного капитала к государственной культуре.

В России же по сей день на долю заработной платы в бюджетах учреждений культуры приходится не более 35—37%, что и до либерализации цен в 1992 году не обеспечивало достойного существования.

Результатом такого рода действий стало обнищание большинства театров, музеев, библиотек. Как следствие этого, начался процесс оттока кадров из этих организаций. Оказавшись в униженном положении, бывшая элита общества — артисты, музыканты, художники — просто покинула Россию в поисках лучшей доли. Но если люди творческого труда вследствие своего образования (ибо где еще работать актеру, как не в театре?) все равно приходят работать в творческие организации, то проблема с такими кадрами, как профессиональные администраторы, бутафоры, бухгалтеры и т. д. стала неразрешимой для учреждений культуры.

Функцию финансирования защищенных статей расходов в бюджетах учреждений культуры приняло на себя Министерство финансов, оставив тем самым Министерству культуры скромную роль согласования цифр. Потеряв таким образом последний реальный рычаг власти, Министерство культуры России сегодня представляет из себя учреждение, смысл существования которого определить крайне сложно.

На первом этапе демократических реформ, когда государство еще выделяло достаточные средства на культуру, перед Министерством ставились задачи определения приоритетов финансирования своей отрасли. Именно тогда, впервые за долгие десятилетия, руководить Министерством культуры доверили людям творческого труда. Однако когда выделяемые на культуру средства сократились до объема защищенных статей, для Министерства осталась лишь роль по оказанию методической помощи своим организациям. Руководители Министерства в силу своей «гражданской» профессии, как и большинство людей творческого труда, явно растерялись, оказавшись визави с новой экономической ситуацией.

Думаю, что неспособность Министерства предложить четкую культурную политику стала одной из причин создания в октябре 1996 постоянно действующей комиссии по культуре при Президенте России. На эту мысль наводит то, что сформулированные в Указе Президента цели и задачи этой комиссии полностью дублируют цели и задачи Министерства культуры. Эффективность работы такого органа весьма проблематична хотя бы потому, что комиссия сформирована опять-таки из известных актеров, режиссеров, музыкантов, художников, т. е. из представителей творческого «цеха», которые в силу своей профессии вряд ли смогут предложить что-либо новое, кроме возвращения к системе государственного финансирования культуры, а это сегодня уже невозможно.

Единственно положительной стороной создания такого органа является то, что государственная власть интуитивно пытается найти ответ на вопрос, во что же превратилась культура, которая некогда была общедоступной и обязательной для граждан всей страны.

Сегодня, сведя финансирование учреждений культуры до размера их фондов заработной платы, государство прежде всего отлучило от театров и концертных залов миллионы людей. С одной стороны, фактически прекратилась гастрольная деятельность театров и оркестров по России. С другой — не получая достаточно средств на свою деятельность, директора учреждений культуры пытаются компенсировать часть расходов на содержание своих организаций прежде всего за счет публики, постоянно повышая цены на билеты и услуги. Это, в свою очередь, совершенно определенным образом влияет на качественный состав зрительных залов. Ведь испокон веков в России потребителями услуг учреждений культуры были в основном представители технической интеллигенции, врачи, учителя, пенсионеры, т. е. те же бюджетники, к которым относятся пока и работники культуры. Крайне ограниченные финансовые возможности этого слоя населения не позволяют им выдержать пресса постоянного повышения цен на билеты, и они уходят из театральных и концертных залов. Следуя законам рынка, учреждения культуры, теряя потребителя своей услуги, обращаются к поиску нового, который способен соответствовать нынешним экономическим реалиям. Однако этот новый потребитель культурной услуги (зритель, слушатель) соответственно формирует и свой социальный заказ; таким образом, спрос рождает предложение.

Характерной чертой сегодняшнего времени стали проекты, смысл которых сводится к организации концертов популярных зарубежных артистов, сомнительных по качеству спектаклей и шоу, билеты на которые стоят сотни тысяч, а иногда и миллионы рублей. Подобные проекты привлекают внимание частного капитала, оказывающего им финансовую поддержку. Такая поддержка позволяет директорам учреждений культуры не только покрыть свои расходы, но и иметь необходимые средства на содержание и развитие организации. Проблема в том, что такие проекты чаще всего не имеют никакого отношения к искусству, к тому же их количество постоянно растет.

Таким образом, постепенно появляется новый класс российских предпринимателей, который не просто оказывает влияние на отечественную культуру, а формируют свою, совершенно новую современную культуру. К сожалению, качество создаваемой ими культуры весьма невысокое. Однако, отдавая должное современным предпринимателям, надо признать, что широта размаха финансируемых ими "культурных" событий сравнима разве что с концертами в честь годовщин Октябрьской революции или партийных съездов. Влияние новой российской культуры настолько велико, что из всех искусств для нас важнейшим стала "попса". Весной—летом 1996 года, в период предвыборной президентской кампании, власть впервые обратилась не к знаменитым артистам и режиссерам театра и кино, а к поп-звездам. Акция "Голосуй, а то проиграешь" продемонстрировала истинную расстановку сил и приоритетов на сегодняшнем фронте искусств.

Можно сказать, что мы имеем дело сегодня тоже с государственной культурой, но эта культура изменилась не только по жанру, но и по сути. Она не требует более финансовой поддержки от государства, ибо сама в состоянии себя содержать. При этом она охотно оказывает государству услуги, в том числе и идеологические.

Позиция государства в отношении новой культуры понятна: гораздо выгоднее иметь культуру, не требующую финансовых вложений, но обладающую при этом огромной силой воздействия на ее потребителя.

Чем опасна создававшаяся ситуация? Тем, что вырастает поколение, представители которого не только не знают имен великих русских актеров, художников, писателей, но и не понимают, зачем вообще нужно это знать? Последствия такого положения начнут сказываться через десять—пятнадцать лет, когда представители "попсового" поколения сами начнут воспитывать детей, преподавать в школах. И вот тогда процесс уничтожения культуры в России можно будет считать законченным, т. к. в отсутствие спроса предложение обречено на исчезновение.

В заключение хочу сказать, что автор этих строк отнюдь не является ярким противником рыночных отношений. Наоборот, я считаю, что российская культура обязана научиться не просто выживать, а плодотворно работать в этих условиях.

Однако государство обязано определить свою культурную политику и выработать такую экономическую стратегию по отношению к культуре, чтобы способствовать переходу ее в рыночные отношения, а не наоборот. Сегодняшняя экономическая политика государства по отношению к культуре очень похожа на примитивный урок плавания: вывезли на середину реки и перевернули лодку. Хочешь жить — выплывешь. Результаты таких экспериментов уже очевидны: выплывают не все, причем не доплывают до берега лучшие.

Сегодня правительство много делает для защиты отечественного производителя. В частности, защищая флагман отечественного автомобилестроения ВАЗ, государство терпит многомиллиардные убытки. Не берусь обсуждать экономическую целесообразность такого рода защитных действий, осмелюсь только предположить, что отечественная культура сегодня также требует защиты, причем не от западного производителя, а от вновь сформировавшегося внутреннего потребителя. Такая защита видится как целый комплекс выверенных и целесообразных экономических действий. В противном случае культура проиграет, а следовательно, проиграет общество, целью существования которого по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, является сохранение и развитие Культуры.

А. А. ЗОЛОТОВ,

Заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии России и премии им. А. В. Луначарского, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Академии творчества

КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО

Жизнь искусства, культуры и жизнь государства соединены одной общей судьбой.

Поиск смысла отдельного и общего существования, о котором говорил Андрей Платонов, размышляя о предназначении литературы, всякий раз решительно определяет точки соприкосновения, столкновения и, в редких случаях, согласия искусства, культуры, с одной стороны, и государства — с другой. И еще его определяют отношения “вины и ответственности” (термин М. М. Бахтина).

Эта формула отношения вины и ответственности, на мой взгляд, весьма точно выражает отношения культуры и государства в системе взаимной зависимости, взаимного влияния и связи судеб. Воистину искусство, культуру и государство связывает общая судьба.

В различные эпохи, в различных цивилизациях, в разные исторические периоды жизни одного и того же государства взаимоотношения искусства, культуры и государства складывались совершенно особенно, а применительно к отдельным художественным деятелям — индивидуально.

И Россия здесь не исключение, а, наоборот, одно из самых впечатляющих и незабываемых полотен в некоей мировой галерее художественной мысли о народе и государстве, собранной и всячески поддерживаемой обществом и в конечном счете государством для своеобразного живого увековечивания взаимно неразделенной любви и демонстративно акцентируемой зависимости-независимости друг от друга культуры и государства, искусства и государства. И так на протяжении веков.

Если рассмотреть взаимоотношения культуры и государства, искусства и государства в России в двадцатом столетии, то можно четко проследить эмоциональную, идейную и властную зависимость художественной личности, художественного процесса от государственной идеи (можно назвать ее национальной идеей — в данном контексте это практически синонимы), от конкретных личностей, олицетворяющих государство и его политику в разных областях, и в частности в области культуры и искусства. Однако “частность” эта воспринимается как замкнутая целостная система, самодовлеющая и приблизившаяся к культуре и искусству до почти непозволительной степени.

Определенная зависимость культуры от государства, деятеля культуры, человека искусства, от тех или иных государственных институтов — реальность. И влияние этой реальности на художественный уровень процессов в искусстве и культуре, на художественный результат твор-

ческого труда того или иного мастера по-своему непредсказуемо и не всегда отрицательно (хотя и критерий "положительности" может быть здесь применен с известной условностью; во всяком случае, он не представляется нам исчерпывающим).

Влияние государства на личность и жизнь художника косвенно, а иногда и весьма непосредственно проявляется в результатах творческой деятельности художника, в его предприятиях.

Влияние же художника на государство — скорее личностный процесс. Произведения художника или его сложившийся имидж поддерживают личность художника, его имя, подобно крыльям. В итоге эти крылья устремляют ту или иную (но отнюдь не всякую) художественную личность к берегам обитания государственного аппарата, влиятельных государственных мужей и, наконец, тех государственных и политических деятелей, которым по роду их обязанностей или взятых на себя обязательств надлежит непосредственно опекать культуру и искусство.

Там, на этих берегах, совершается таинство использования художественной личностью возможностей государства для собственной, как правило, пользы: создания общественного "имиджа", авторитета, сферы влияния, которые будут способствовать возрастанию в глазах общества, публики и самой художественной среды авторитета художественного деятеля на какой-то (вполне ограниченный, как всегда выясняется) период.

Сочинения могут быть более или менее звучными, масштабы художественного дарования и результаты творческой деятельности могут разнообразно оцениваться строгой реальностью, но система авторитетов в искусстве (из числа людей искусства, признанных государством или, точнее, в государстве, а следовательно, прямо или косвенно, в народе, в публике) постепенно выстраивается и практически выполняет некую регулирующую роль. Точнее, выполняет функцию некоей регулирующей системы — регулирующей, утверждающей, подвергающей сомнению системы ценностей в художественном мире, рассматриваемом как часть жизни общества и общественной жизни.

Очевидно и влияние культуры, а также морального авторитета выдающихся деятелей искусства и культуры на уровень государственного мышления, характер и конкретные проявления государственной культурной политики.

В этом отношении особенно любопытно рассматривать списки новых лауреатов государственных премий, "носителей" различного рода почетных званий и государственных наград, новые назначения в сфере искусства и культуры. Дело это серьезное.

Я совсем не принадлежу к числу тех, кто, получив едва ли не все звания и награды, ратует за то, чтобы в новых исторических условиях награды и звания были отменены как проявление "власти" государства над художником и "зависимости" художника от государства. Все это так: и власть, и зависимость. Но одновременно это и принятая форма проявления благодарности общества, народа, а стало быть и государства, к тому или иному человеку, к тому или иному деятелю культуры и искусства, к его вкладу в искусство.

В такие минуты, когда государство объявляет о своих решениях относительно важных назначений, званий, орденов и других наград, воочию видишь, что и кто символизирует для государства высокие ценности в сфере культуры и искусства.

И в дальнейшем уже само общество, размышляя над этими "объявленными" ценностями, может рассуждать, насколько эти ценности подлинные, насколько этим ценностям "нет цены".

Безусловно, государство должно изыскивать достаточные средства для поддержания культуры и искусства. Вместе с государством эту ношу должно нести на себе и общество в целом, его отдельные группы, личности.

Однако признание государства — особенное признание. Хотим мы этого или не хотим, а в сознании и самих деятелей искусства государственное признание приравнивается к народному признанию, к признанию людей, к благодарности общества за твой труд и вклад в искусство. И сознание, что твое произведение оценено обществом, что есть и твой вклад в понятие "культурное достояние отечества", окрыляет.

Но как только встает проблема оценки художественного явления, так сразу возникает проблема "переустройства" самой художественной среды.

Если в самой художественной среде смещены представления о подлинных ценностях, то есть опасность, что финансовые вложения государства окажутся в руках тех, кто никак не может претендовать на подлинное олицетворение культурного достояния отечества и национальной традиции в развитии.

Искусство равно зависит от народа и государства и не зависит от них в аспекте сугубо творческом, духовном. Оно самоценно и самодостаточно, несмотря на все бедствия в процессе своего существования.

Искусство (если оно не противопоставляет себя людям, но надеется вписаться в жизнь народа как часть общей жизни) может стать тем “магическим кристаллом”, сквозь который жизнь будет видеться людям в своей прекрасной неожиданности и необходимости, в своем чудесно обновляющемся облике, соединяющем правду бытия и истину духовного существования.

Что же до государственного аппарата и особенно той его части, которая призвана каждодневно осуществлять государственную культурную политику, то здесь можно желать одного: пусть люди, что взяли на себя труд быть посредниками между культурой и государством, пребывая в недрах государственного аппарата, осознают себя людьми искусства и культуры перед лицом государства. От них многое зависит, от их чести и совести, ума и таланта, художественного дара, политического разума и человеческого такта...

Взаимоотношения культуры и государства регулируются сознанием общества; уровнем культуры и искусства в обществе; состоянием экономики в государстве и в мире; уровнем индивидуального культурного сознания государственного руководства и государственного аппарата. И, кроме того, степенью внутренней причастности к судьбам государства на уровне мысли и чувства, практической включенностью в процесс общественно-государственной жизни самой интеллигенции — творческой художественной элиты.

Искусство, культура в целом и государство в целом взаимодействуют друг с другом, отталкиваются и притягиваются, сливаются и противостоят друг другу, полностью или частично совмещаются, совпадают в одной системе координат.

Воздействие же государства на жизнь и творчество художника и художника на жизнь государства часто проявляется неожиданно. Рассмотрение отдельных художественных и человеческих судеб позволяет иногда прояснить то, что определяет атмосферу в обществе, искусстве и государстве.

СЕКЦИЯ III. СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А. В. ВОРОНЦОВ,

вице-губернатор Ленинградской области, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, заведующий кафедрой социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, действительный член Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, профессор

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Интерес к интеллигенции и ее роли в судьбе России всегда усиливался в кризисные периоды и на исторических изломах. Так было в 60—70-е годы XIX века, в первое десятилетие нынешнего столетия, а затем в 20 и 60-е годы. При всем своеобразии такая же ситуация наблюдается и сегодня.

Напрашивается вопрос: чем это вызвано?

В начале века на него попытался ответить С. Булгаков. В небезызвестных "Вехах" он писал: "Душа интеллигенции, этого создания Петрова, есть вместе с тем ключ и к грядущим судьбам русской государственности и общественности. Худо ли это или хорошо, но судьбы России... находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна наша интеллигенция". И несколько ниже: "Вот почему для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской интеллигенции, и вместе с тем нет заботы более томительной и тревожной, как о том, поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция, получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волею, ибо, в противном случае интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию". Давайте согласимся и признаем, что все, о чем здесь написано, звучит свежо и современно.

Две проблемы неизменно оказываются в фокусе жарких споров. Первая — определение, самоидентификация интеллигенции; вторая — ответственность интеллигенции за происходящее и, если угодно, ее историческое предназначение. Ныне, когда Россия и ее народ вновь стоят перед лицом исторических испытаний, страсти вокруг этих проблем накалились.

У меня нет возможности вдаваться в детали дискуссий, которые ведутся вокруг понятия "интеллигенция". Но стоит, видимо, отметить два традиционных подхода к его толкованию — *социологический и культурологический*.

Социологический подход в современной научной литературе представляет собой выделение интеллигенции как особой социальной группы, а также анализ занимаемого ею определенного места в социальной структуре общества. При этом она профессионально выполняет функции квалифицированного умственного труда, что, как правило, требует соответствующего образования и подготовки.

Культурологическая традиция, восходящая к XIX веку, состоит в том, что за основу берутся позитивный этический критерий, социальная и нравственная значимость личности. Согласно этой точке зрения, интеллигенция понимается как чисто национальное, русское явление, а именно: как некая общность людей, видящих смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности и культуры в народ, и уподобляющих эту задачу священной миссии. Вспомним радищевское: "*Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала*". Способность сострадать и связанное с ней стремление "*соучастником быть во благоденствии себе подобных*" и есть подлинная сущность интеллигенции в культурно-этическом понимании.

Еще совсем недавно указанные традиционные подходы сосуществовали как бы параллельно, а попытки соединить их оставались робкими и незавершенными. В последние годы эти попытки заметно активизировались. Однако говорить о каких-либо весомых результатах по меньшей мере преждевременно. И дело здесь не только в трудностях теоретических изысканий. Главная сложность в ином. Она носит, скорее, онтологический характер. Она — в противоречии между бытием и сознанием нашей интеллигенции.

Как мне кажется, можно выделить два фактора, объясняющих поведение и нынешние умонастроения нашей интеллигенции, по крайней мере той ее части, которая именovala или именуется себя демократической. Первый фактор связан с политикой в области культуры и идеологии, проводимой в нашей стране в доперестроечный период. Направленная на поддержание идеологической стерильности, она ставила интеллектуальную и творческую свободу в достаточно жесткие рамки. Второй фактор — традиционное влияние Запада и западной культуры. Высокий статус интеллектуальной элиты, социальное благополучие тех групп интеллигенции, которые входят в средний класс, культурный и идеологический плюрализм — все это возбуждало зависть в определенных кругах нашей интеллигенции, питало недовольство (“чем мы хуже!”), побуждало к активным политическим действиям. Этот процесс был значительно усилен активностью части партийно-государственной номенклатуры, обеспечившей себя в периоды застоя и перестройки мощными экономическими и финансовыми ресурсами и стремившейся легализовать свое новое положение.

Последствия того, что произошло, хорошо известны. Историческая драма российской интеллигенции продолжается в новых условиях. Как и в начале века, она вновь оказывается расколотой. Тотальность этого раскола проявляется в том, что он вобрал в себя сферу политических и идеологических ориентаций, отношение к религии, оценку прошлого России, ее современного состояния и ее будущего. Идеинные метаморфозы и очередная смена вех, которыми отмечен духовный путь части интеллигенции, кажутся невероятными и парадоксальными. Цели и ценности меняются, как в калейдоскопе. Антибуржуазность и антимещанство русской национальной интеллигенции, ее народолюбие и традиционный атеизм в начале века, верность социалистическим и коммунистическим идеям в советскую эпоху — все это отбрасывается как ненужное и отжившее. И старая, и новая, “элитарная” интеллигенция усердно освящает “этику успеха”, индивидуализм, социальное неравенство и другие ценности западной культуры нередко только потому, что они западные.

Вдумаемся в пережитое нами за последние годы. Еще раз подтверждается истина, что *реальные последствия социально-исторических действий*, как правило, не совпадают с первоначальными целями и благими намерениями их инициаторов. Так называемые демократические реформы не привели к желаемым результатам, не принесли обещанного обновления и возрождения России, не укрепили ее государственности. Дело обстоит как раз наоборот. Масштабы деградации и упадка таковы, что вопрос стоит о выживании и сохранении нации. Когда-то советологи не без успеха разрабатывали теорию “цены революции”. Не пора ли задуматься о “цене демократических реформ”? И можно ли считать реформами то, что до сих пор демонстрировало свою деструктивную энергию? Не следует ли сказать прямо и откровенно и об ответственности интеллигенции, ставшей вольной или невольной соучастницей разрушительных для страны процессов?

Сегодня есть множество проблем, решение которых настоятельно требует объединения усилий интеллигенции и ее активного участия. Коснусь лишь одной, на мой взгляд, наиболее значимой. Речь идет о проблеме коррекции проводимых реформ, изменении их социального вектора (они должны служить интересам большинства соотечественников, а не только избранным!), что требует более точной оценки российского западничества. На международной научной конференции в 1993 г. (в Институте философии РАН) участники дискуссии пришли к обескураживающему выводу: главным препятствием на пути модернизации России во многом является само западничество. В критические периоды оно обнаруживает себя как умонастроение, не умеющее адаптироваться к традициям нашей культуры и пытающееся обрести новую монолитность и ортодоксальность, только теперь — западническую.

Нельзя не согласиться с теми, кто считает: отказ от принципиальных идей духовного наследия прошлого равнозначен самоуничтожению нации, которое может, попутно отметим, происходить и в форме установления культурной (или, точнее, антикультурной) диктатуры “нуворишей”.

Россия не может обойтись без интеллигенции как носителя и проводника образованности и культуры. В обществе все еще сохраняется вера в интеллигенцию как силу, способную найти выход из кризиса, в котором пребывает Отечество. Об этом говорят данные авторитетных опросов общественного мнения. Согласно одному из них (1995 г.), на вопрос: "Какие силы, по Вашему мнению, могли бы сейчас прежде всего способствовать выходу России из кризиса?" — получены из 13 вариантов следующие ответы: на 1-м месте (51,1%) — "сильное, властное руководство страной"; на 2 и 3-м местах (по 28,6%) — "опытные хозяйственники, руководители промышленности" и "образованные, квалифицированные люди". Показательно, что так считают не только респонденты с высшим образованием, но и значительная доля тех, кто его не имеет.

Нельзя допустить, чтобы это доверие было обмануто.

Г. Н. ФУРСЕЙ.

лауреат Государственной премии, действительный член Российской академии естественных наук, академик-секретарь по внешним связям, вице-президент Международной лиги защиты культуры, вице-президент Санкт-Петербургского физического общества, профессор

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ

Интеллигенцию всегда пытались столкнуть с остальной частью населения. Она всегда оказывалась в оппозиции к власти. Но то, что она к власти оказывалась в оппозиции, — это совершенно нормально. Когда рождается интеллигент, когда рождается талант, когда рождается выдающаяся личность, то это успех всей нации. Если мы эту часть нации теряем, если нация теряет своих детей, наиболее талантливых и одаренных, то это трагедия нации. И поскольку эти дети располагают большими возможностями, то на них по сравнению с другими людьми легла наибольшая ответственность, т. к. эти люди обладают обаянием, словом, средствами изобразительными — очень многим, что им позволяет убеждать.

Но я считаю — наша вина состоит в том, что мы не можем до сих пор, используя все эти преимущества, преодолеть довольно бездарных оппонентов, преодолеть давление серости, которое сейчас заполняет наше интеллектуальное пространство.

Великий русский писатель, великий человек и мыслитель Л. Н. Толстой как-то сказал очень простые слова, которые так трудно оказалось реализовать. По мнению Толстого, если люди порочные объединены и составляют силу, то людям хорошим нужно лишь делать то же самое. Ведь это так просто. Нужно объединиться. И мне кажется, что эта проблема объединения личностей — всегда проблема, потому что каждый осознает себя личностью и очень трудно, отчасти поэтому, действовать совместно. Но сейчас, по-моему, это совершенно необходимо.

Я хочу вам сказать, что некоторое движение в этом направлении произошло в нашей стране. Возник целый ряд спонтанных движений, где интеллигенция, в частности ученые и представители искусства, литературы, в резкой форме выражали свое несогласие с тем состоянием, в котором сейчас находятся наша культура, наш мозг, наша нравственность. И все это было гласно: об этом писали и с этим обращались. Но беда в том, что нас не слышат. Очень трудно найти точку опоры. Очень трудно пробить эту стену серости.

Вот я, например, и мои коллеги, мы временами ощущаем себя в таком ватном коконе: что бы мы ни сделали, все гасится, никуда не проходит.

Хочу привести один пример. Мы написали манифест в защиту культуры, предполагали, что мысли, которые там выражены, в какой-то степени повлияют на выборы в нашу Государственную Думу, на население, в какой-то степени усуютят определенных людей, которые претендовали быть выбранными.

Газета "Культура" отказалась опубликовать этот манифест!

И вот это наша беда. Поэтому мы должны найти ту форму, в которой сможем эту стену пробить.

Я согласен с тем, что интеллигенция, люди, обладающие наивысшими знаниями и владеющие многими навыками культуры, почти никак не повлияли на исход страшной трагедии — чеченской войны. Это случилось не только потому, что они якобы не действовали. Есть масса обращений, есть масса публикаций, люди жертвовали жизнью — и тем не менее сигнал не был услышан. Гибли журналисты, священники попадали в плен, происходила масса событий на самом деле. И они были не слышны.

Пятьдесят лучших людей нашего города — Даниил Александрович Графин, Михаил Константинович Аникушин, Дмитрий Сергеевич Лихачев, а также присоединившиеся к ним москвичи написали письмо Президенту. Так вот, это письмо до Президента не дошло! Его какими-то окольными путями до него доводили.

Написали письмо в Правительство и в Думу, и опять никакой реакции, ни одной строчки в ответ на то, что эти люди обратились.

Я считаю, что одна из возможностей состоит в том, чтобы создать мощное движение в защиту культуры.

И это движение в какой-то степени уже состоялось. 12 февраля 1996 года в Москве была учреждена международная организация, или, точнее, международное движение, называющееся Международной лигой защиты культуры.

Вы знаете, что культура падает во всем мире, а не только в России, но Россия — основная болевая точка. Главная задача — спасти, добиться приоритета культуры, и, как неоднократно говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, культура должна быть одним из основных приоритетов, прорисованных в законах. Это должно быть записано в Конституции, во всех остальных законах и подзаконных актах, связанных с социальной жизнью нашего города.

Ведь этого почти нигде нет, а значит — надо добиваться!

Эту организацию поддержали и наши международные коллеги. Откликнулись такие люди, как Илья Пригожин — я говорю об ученых — откликнулись такие люди, как Ив Кусто, откликнулись многие зарубежные организации, откликнулись и наши замечательные соотечественники.

Здесь прозвучала мысль, что вообще интеллигенция — это субстанция очень хрупкая. Это действительно так. И я хочу вам сказать, что не надо ничего сейчас говорить людям, они это ощущают и понимают.

Говорят, что интеллигенция ничего не делает. А ведь люди жертвуют жизнью, отдают свою жизнь.

Академик Страхов, милейший, очень мягкий, интеллигентнейший человек, объявил голодовку насмерть. Его еле-еле уговорили ее прекратить. И это повлияло. Это замалчивали. И многим, я должен сказать, из ученой среды не нравилось, что человек такого ранга голодает и демонстрирует это. Но ведь это же подвиг!

Некоторые не выдержали и сломались. Вы знаете академика Нечая, который покончил с собой; несчастье, которое произошло в науке, паталогическое совершенно — человек застрелил себя, своих ближайших сотрудников и свою жену.

Что же это? Что будет дальше?

Мы должны объединиться и создавать то, о чем я здесь говорил, — резонанс общественного мнения интеллигенции.

Нужно писать аналитические бумаги по несколько страниц и добиваться, чтобы они были опубликованы!

Власть никогда не создает счастья народу, как недавно совершенно правильно сказал Солженицын.

Мы должны самоорганизоваться и включить все свои возможности, весь свой опыт и интеллект для того, чтобы преодолеть ту катастрофу, которая уже существует, на нас надвигается, как ком. Она разбивает.

Н. Н. СКАТОВ,

директор Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, главный редактор журнала "Русская литература", председатель комиссии Отделения литературы и языка РАН по литературному образованию, заместитель председателя Совета по русской культуре при Президиуме РАН, заместитель председателя экспертного совета Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор

ИНТЕЛЛИГЕНТ — ТОТ, КТО СВЕТИТ

Сейчас, по-видимому, впервые все человечество уподобилось одному человеку в том смысле, что осознало — и уже совсем не отвлеченно — свою смертность. Но до определенного времени мы уже почти привычно думали, что лишь ядерная катастрофа способна пресечь наше брэнное существование. Потом раздались немногие тревожные голоса, робко оповещающие о нашей способности к неминуемому самоубийству, каковым станет убийство родительницы-природы для нас, окаянных ее сыновей.

Не это ли осознание заставило нас задуматься над вопросами: кто есть мы? И кем мы должны стать? Или неминуемо погибнуть?

Не потому ли человечество предпринимает сейчас судорожные, но не бессмысленные и не бесполезные усилия по спасению себя через спасение культуры, которое, вероятно, явится решающим фактором выживания человечества.

Мы должны первыми искать пути к спасению уже потому, что три главных угрозы человечеству (ядерная и экологическая катастрофы и кризис культуры) сосредоточились и проявились у нас в России с особой силой.

Еще никогда, по-видимому, культура не была в такой степени беззащитна и уязвима, и трагическая ее судьба встает в ряд глобальных кризисов и катастроф, которые переживает (или не переживает) человечество. Устами одного из героев в "Бесах" когда-то пророчил Достоевский, говоря о полунуаке: "...Полунуака, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунуака — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда".

Полуинтеллигентность есть производное и производящее полунуаки и полукультуры.

Полукультура! Полукультура — это не то, что еще не вполне культура, что стало культурой лишь наполовину. Полукультура противостоит культуре (как и полунуака — науке, как и полуинтеллигенция — интеллигенции) в принципе. И сейчас уже не нужно быть Достоевским, чтобы понимать это. И именно у нас сейчас разгул полукультуры (есть у нее и другие названия, например, "массовая", хотя, точнее всего, видимо, было бы сказать — "стадная") принял особый масштаб: мы ведь действительно удержу ни в чем не знаем. Дело не только в прямой пропаганде жестокости, насилия, порнографии, накатывающейся "девятым валом", хотя обычно примитив примата агрессивен: это и в литературе, и в театре, и в музыке, и в кино.

Полукультура ведет не наверх — к культуре, а вниз, — к одичанию.

Но настоящая наука, настоящая культура дорого стоят. Меценатство не случайно и не вчера возникло. В так называемом цивилизованном мире культуру содержат: система фондов, дотаций, побуждающая помогать культуре система налогообложения.

У нас же, думается, необходима мощная общественно-государственная культурная программа — комплексная, сбалансированная, составленная с привлечением лучших и разнообразных сил страны. Необходима мобилизация всего духовного потенциала народа, его интеллигенции. Но что же такое интеллигенция?

По сути своей, в традиционном русском смысле интеллигенция — не социальный слой, тем более не прослойка (слово-то какое ужасное!). Интеллигентность не определяется родом профессиональных занятий. Интеллигентным может быть рабочий и не быть инженер. Может не быть врач, какой-нибудь современный Ионыч, — и быть медсестра: слово-то опять, как и понятие, извращено и обесмыслено: медицинская сестра — сестра в медицине или медицины? А ведь нужно-то: сестра! Чего? Милосердия!

Великий русский писатель Глеб Успенский говорил: "Интеллигенция! И слова-то этого множество разглагольствующего народа не понимает путем; тогда как оно должно бы иметь самый определенный, глубокий смысл... Интеллигенцию надобно понимать вне званий и состоя-

ний, вне размеров благосостояния и общественного положения. Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда *одну и ту же задачу*. Она всегда — свет, а только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу". Решим ли мы нашу "интеллигентную" историческую задачу? Для этого необходимо осознание ее кровной насущности и необходимости, и — главное — громадное нравственное напряжение. Когда-то Гете, сравнивая со старыми мастерами художников новейшего времени, говорил, что последние подходят "к воспроизведению природы по-человечески расслабленными, артистически беспомощными и полагают, что у них что-то получается. Они стоят *ниже* того, что изображают". Речь идет прежде всего о создании самих себя, о высоте своего духа как условия создания культуры. Ибо, говоря словами того же великого немца, "нужно чем-то *быть*, чтобы что-то *сделать*".

ИВ АВРИЛЬ,

доктор литературы, профессор лицея Сен-Шарль, г. Орлеан (Франция)

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Сама постановка вопроса о роли интеллигенции в вузе может показаться странной. Ведь преподаватели и студенты — это в первую очередь интеллигенты, т. е. люди, которые занимаются умственным трудом, используя главным образом свои интеллектуальные способности и память, даже в тех определенных областях, где велика роль технических средств или чувственно-эмоционального начала (например, в художественных дисциплинах или в спорте). Иначе говоря, на первый взгляд, вопрос кажется надуманным: без интеллигенции не может быть и высшей школы.

Но если обратиться к исходному, этимологическому значению слова "интеллигент", можно обнаружить нечто важное: оно тесно связано со словом "интеллект" (от лат. *intellectus* — ум, рассудок, разум) и происходит от латинского *intellegentia* — понимание, рассудок, познавательная сила, способность восприятия. Для того, кто по своему складу, т. е. по своей натуре, призванию или образованию (все эти три фактора неразрывны) причисляет себя к интеллигенции, первостепенное значение в его профессиональной деятельности и окружении имеет разум. Любая ситуация будет им прежде всего методически и объективно проанализирована, а полученные результаты послужат основой для принятия решения. Он будет поступать таким образом, "чтобы верно направить свой разум", распространяя сферу действия дедуктивного метода Декарта не только на научные вопросы, но и на рассмотрение любого предмета. Тем самым он отказывается как от чисто эмоциональной реакции, так и от подчинения идеологии или любой другой предвзятой системе, не упуская, однако, из виду обе эти опасности, постоянно его подстерегающие.

Столь же постоянно интеллигенция испытывает два искушения: первое — противопоставить себя тем, кто занимается трудом физическим, как "недостаточно использующим" свои мыслительные способности. Второе, вытекающее из первого, — сгруппироваться в некое сообщество, занимающееся только критикой, претендующее на исключительное право обладания разумом, а следовательно и истиной, и с презрением отбрасывающее любое решение, исходящее не от него. Подлинная же интеллигентность, как известно, подразумевает прежде всего открытость и великодушие.

Противостоять этим искушениям интеллигенту позволяет явление, носившее в прежние времена во Франции емкое и прекрасное название "гуманитарная культура" (*les humanites*) — культура широкая, беспристрастная, всеобъемлющая, учитывающая время и традиции; культура, которая использует все, чтобы помочь человеку двигаться вперед в теоретических и практических областях знаний, а также участвовать в общественной жизни на различных уровнях: семейном, профессиональном, политическом.

Таким образом, интеллигент в высшей школе — это человек, который обогащает всех, с кем он соприкасается в своей деятельности, — студентов, коллег, представителей администрации, не только профессиональными знаниями, но и широтой своих суждений и справедливостью доводов, в основе которых лежит его разносторонняя образованность. Как сказал герой древнеримского комедиографа Публия Теренция (II век до н. э.): "*Homo sum, humani nihil a me alienum puto*" (Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.)).

А. И. НОВИКОВ.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории и философии Санкт-Петербургской академии культуры, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза писателей

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

В наши дни, как и сто лет назад, продолжают бесконечные споры о судьбах русской интеллигенции. Разброс суждений отражает весь пестрый спектр оценок и пристрастий, свойственный различным слоям, группам, партиям, отдельным лицам — всему многообразию российского общества. От пессимистических прогнозов: «интеллигенция теряет свою сущность, так как слилась с государственным аппаратом», «она исчезает как особое явление», «в демократическом обществе ее быть не может» — до привычных восторженных фраз о «святых традициях» и «великой миссии».

Если вдуматься в любое из этих суждений, то окажется, что в каждом есть доля истины. Но надежда найти общую и завершенную формулу — определить роль интеллигенции или прогнозировать ее судьбу — иллюзорна. Многим разнородным характеристикам недостает исторического подхода, а ведь только он позволит сохранить осмысленность, рациональность суждения в противовес чисто эмоциональным восклицаниям и субъективным оценкам. Никакие логические построения, никакие теоретические доводы, претендующие на конструирование общей модели судьбы интеллигенции, не действительны вне исторического ракурса.

Этот ракурс включает в себя как элементы анализа семантический, терминологический подходы, то есть выявление истории термина.

Но и воспроизведение истории слова [задолго до П. Боборыкина (1866)] само по себе недостаточно. Важна исторически меняющаяся наполненность терминов. Совершенно прав американский историк России Ричард Пайпс, который в своей книге «Россия при старом режиме» (Кембридж, Массачусетс, 1981) пишет, что «термин «интеллигенция» не поддается точному и повсеместно признаваемому определению». Р. Пайпс отмечает, что суждение, будто термин этот русского происхождения, неверен, им пользовались на Западе — и в Германии, и во Франции — уже в 40-х гг. XIX в., вкладывая в него, вопреки расхожим представлениям, отнюдь не профессиональную характеристику, а «выдающуюся гражданственность». Особенность же российского функционирования — многозначность, маргинальность.

Обращение к истории русской философской и общественной мысли дает методологический ключ к современному толкованию проблемы.

Здесь следует различать *объективный* аспект проблемы и *нормативный, субъективный* аспект. В первом случае — это образованные люди, люди умственного труда. Именно об этом говорится в современной монографии «Русская философия накануне Петровских преобразований» (СПб., 1996) в главе «Русский интеллигент-западник XVII века Григорий Котошихин». Этот аспект был решающим в функционировавшей многие годы марксистской интерпретации категории «интеллигенция» (буржуазная, мелкобуржуазная, социалистическая, «прослойка» и т. д.). Но уже более века функционирует и второй подход к категории «интеллигенция», который и допускает многовариантность знаний.

Начиная от народников всех течений и разновидностей (от умеренных до радикалов), с понятием «интеллигенция» связываются такие качества, как полезность народу, чувство долга перед ним, неприятие деспотизма, способность к критическому мышлению. Эта характеристика законсервировалась и стала как бы эталоном, по ней сверяли и оценивали поведение и позицию интеллигентов вот уже целое столетие, вплоть до нашего времени.

Но эта оценка, верная в свое время и во многом имеющая основание и по сей день, все же не может и не должна абсолютизироваться. К сожалению, другие подходы часто не принимаются во внимание, попросту игнорируются. Это не значит, что их следует безоговорочно принимать, одобрять, но их следует учитывать.

Такова позиция одного из самых глубоких и парадоксальных русских мыслителей XIX в. — Константина Леонтьева, близкого неославянофилам, полагавшего, что интеллигенция в России живет иллюзорной жизнью, оторвана от почвы, некритически перенимает плоды западного прогресса, навязывает русскому крестьянину чуждые ему идеи. Отсюда и раскол, разрыв между слоями русского общества. Критическое отношение к сложившимся стереотипам самооценки

интеллигенции высказали ведущие мыслители начала XX века — Н. Бердяев, П. Струве, С. Булгаков. В “Вехах” (с подзаголовком “Сборник статей о русской интеллигенции”) отмечались бескорыстие, субъективная честность, подвижничество русской интеллигенции, но вместе с тем с поразительной прямоотой было сказано о ее духовной закрепощенности, готовности “принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы” (Н. Бердяев). П. Струве считал отличительными признаками интеллигенции отщепенство и противогосударственность — отрыв от религии, народного сознания, от интересов государства. Но гиперкритицизм беспочвен. Поэтому в “Вехах” из интеллигентов были исключены Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов, Герцен, В. Соловьев как духовно свободные, творческие люди.

“Вехи” призывали интеллигенцию освободиться от “внутренней казенщины”, “внутреннего рабства”, то есть приверженности к узкому кругу идей, что было встречено русской критикой с позиций “либеральной” (П. Миллюков), “ультрамарксистской” (В. Ленин) интеллигенции.

Критическое отношение к эйфорическому, романтическому восприятию интеллигенции выразили и многие философы русского зарубежья в своих суждениях о “безнациональной” направленности интеллигенции, оторвавшейся от духовных корней народа (Г. Федотов); о ее партийно-политической разобщенности, подавившей нравственность и свободу личности (С. Франк); о ее доктринерстве и страсти к экспериментаторству, не учитывающему российские реалии.

В то же время живущий в США архиепископ Иоанн (князь Шаховской) считает первым, необходимым признаком русского интеллигента — приобщенность к религии в той или иной форме. Так, в книге “К истории русской интеллигенции” (Нью-Йорк, 1975) он пишет об отношении к религии Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Крылова и А. И. Солженицына.

Итак, можно не принимать каждую из этих оценок интеллигенции, но учитывать их необходимо, т. к. в каждой из них есть элемент истины и основания для общего вывода: нельзя абсолютизировать ни одно из качеств, ни одну из характеристик, они все относительны. Поэтому по-своему правы те, кто скептически оценивает будущее интеллигенции в российском обществе. Но правы и те, кто верит в возможность становления интеллигенции духовно свободной, склонной не только к критицизму, но прежде всего к сознанию, к целостному мировоззрению, в котором формальная, научная истинность будет соединена с нравственной правдой, право — со справедливостью.

Только исторический подход дает возможность непредвзятой оценки такого многоаспектного феномена, как российская интеллигенция.

А. С. ПАНАРИН,

заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала “Полис”, доктор философских наук, профессор

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЦИКЛАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1. Народ как “послушник” Истории

XX век высветил особую черту российской истории — ее трагическую цикличность. Прежде подобные циклы занимали столетия, а в нашем веке за 80 лет (с 1917 по 1997 г.) успели смениться два цикла. Динамику таких циклов воплощают три персонажа: государство, народ и интеллигенция. Государство в России олицетворяет всю тяжесть нашего общественного бытия: тяготы Долга в его повседневно-хозяйственном, административно-управленческом и ратном воплощениях. Народ несет этот долг отчасти по привычке, отчасти по убеждению и здравому смыслу: вместо него это делать некому. Общественный порядок в России держится на таком понятии, как необходимость, обретающем в нашей восточно-христианской традиции явный фаталистический оттенок.

Максим Максимыч (у Лермонтова) и Платон Каратаев (у Толстого), пожалуй, ярче других литературных героев выражают фаталистический склад русского народного характера, переживающего суровую необходимость выполнения Долга без ложной экзальтации вымученного “энтузиазма”, но и без истерик. Наш народ — фаталист, но, в отличие от созерцательного фатализма юго-восточного (например, индо-буддийского) типа, это фатализм деятельный. Необходимость выступает не в качестве того порядка бытия, который существует помимо нашей воли, а в качестве тяготеющего над нами Долга: осуществляется в нас и через нас.

2. Эмансипаторский мир интеллектуалов

Если народ воплощает роль “послушника” истории, то интеллигенция — ее “ослушника”. В характере нашей интеллигенции явно проступают черты “младших сыновей” — любимцев и баловней семьи. Старшие сыновья, угловатые и крепкие, идут ковать железо и сеять хлеб. Младшим готовят участь “выдвиженцев”, пробивающихся “в люди”. Их отправляют в столичные университеты, от них ждут успеха, удовлетворения тщеславных запросов семьи. Подвижные и любознательные, наделенные несколько нервической впечатлительностью, они изначально проникаются убеждением, что долг и необходимость — не для них, что в суровом порядке бытия найдутся щели и трещины, сквозь которые им удастся пробиться к иным порядкам, к иному складу жизни. Этот комплекс любимцев, уклоняющихся от необходимости, находит отражение в великих освободительных мифах, которые интеллигенция распространяет в народе под видом “научно апробированных” теорий общественного развития. Все ее сарказмы направлены против необходимости: они разоблачают все виды общественного долга, утверждая, что за ними никакая объективная необходимость на самом деле не стоит, что все это — злокозненная воля эксплуататоров, мешающих установлению рая на земле. Тяготы повседневного бытия якобы связаны с экономической эксплуатацией, тяготы ратного труда — с империалистической политикой “верхов”, дисциплины и нормы — с пережитками отжившей, консервативной этики. Стоит только прогнать эксплуататоров (в той ипостаси, в какой они являются нам в данный момент истории), как на земле тотчас же установятся благоденствие без трудовых повинностей, мир без войн, порядок без государственного принуждения. Словом, психология интеллигентского уклонизма получает свое высшее алиби в “великих учениях” о “конце истории”. Народ до поры до времени упорно сопротивляется этим мифам, противопоставляя им опыт и здравый смысл, а также великую религиозную традицию, заставляющую не забывать о том, что рай бывает только на небесах, но не на земле. За это он удостоивается самых саркастических оценок и вызывает благородное негодование адептов прогрессизма: вчера — коммунистического, сегодня — либерального. Интеллигенция сетует на темноту и невежество народа, на дурную историческую наследственность, на роковые изъяны российской культурной традиции и “менталитета”.

И наконец в какой-то момент усердие соблазнительей дает результаты: народ “пробуждается от спячки”, все активнее внимает “пропагандистам” светлого будущего, проникаясь убеждением, что во всех тяготах национальной истории, да и человеческого бытия в целом, очень мало необходимого, а много того, что идет от злой воли и своекорыстия эксплуататоров. Наступает массовая “демобилизация” народа и “карнавализация” общественной жизни. Воспринимается это как скачок из царства необходимости в царство свободы — небывалых возможностей, открытых прогрессом. Это означает вступление во вторую фазу цикла, связанную с реваншем (победой) “великой эмансипации” над прежней необходимостью.

Трагический парадокс этой фазы цикла состоит в том, что все очень скоро обнаруживают себя помещенными не во Вселенную прогресса, а во Вселенную Н. Винера, доказавшего, что наиболее вероятным состоянием мира является не прогресс и порядок, а хаос. Необходимость, в которой прежде видели лишь проявление злой изобретательности прежних правителей, навязывающих нам тяготы Долга, оказывается спасительным экраном, отделяющим нас от хаоса. Дважды после “великих революций” — октябрьской (1917) и августовской (1991) жизнь становилась не легче и возвышеннее в духовном смысле, а многократно ухудшалась и деградировала, являя собой победу варварства над цивилизацией, голой силы над правом и моралью.

3. Тоталитаризм как торжество утопии

Мы имеем возможность наблюдать, с каким упорством интеллигентский “авангард” не желает видеть неудачи очередного социального эксперимента, не хочет признавать банкротства своего “великого учения”. Сначала с удивительной для просвещенных людей последовательнос-

тью интеллигенция просто не замечает грандиозных и очевидных провалов “революционного курса”. На фоне воцарившейся нищеты говорят о процветании, на фоне разгула злой силы — о “новом порядке”, на фоне очевидного человеческого регресса — “о новом человеке”. Это было характерно для большевистской пропаганды после провалов авантур “военного коммунизма” и коллективизации с ее ужасающими последствиями. Это же наблюдается и сегодня: на фоне катастрофических результатов номенклатурной “приватизации”, приведшей к замене государственной экономики “экономикой” мафиозного разбоя, спекуляцией и хищением, говорят о воцарении рыночной экономики, об отношениях “гражданского партнерства” и даже о “правовом государстве”.

Однако слишком долго игнорировать этот разрыв между “правдой учения” и правдой фактов невозможно. Политическая история страны вступает в следующую, заключительную фазу цикла. Вместо того чтобы прямо признать банкротство новейшего “великого учения”, его адепты утверждают, что хорошее учение досталось плохому народу, что в “этой” стране любые начинания обречены на неудачу.

Эта фаза — критическая. Именно в этот период перед тем или иным революционным “авангардом” возникает дилемма, связанная с тем, как упрятать “концы в воду” и уйти от ответственности за великую авантюру, приведшую к национальному банкротству.

Здесь намечаются два выхода. Либо эмигрировать из “этой” страны, предоставив “туземному населению” самому расхлебывать последствия великого эксперимента, либо... установить в стране жесточайшую диктатуру, способную второй раз на протяжении нашего века обеспечить парадоксальное разрешение проблемы социального утопизма, о котором предупреждал проницательный Н. Бердяев. Он говорил, что вопрос об утопии в нашем веке обретает особый характер. Вопрос не в том, осуществима ли утопия, а в том, как избежать ее окончательного осуществления. Тоталитаризм, собственно, и есть не что иное, как способ подчинить реальность в условиях, когда навязавший утопию авангард кровно заинтересован в ее торжестве. Банкротство военного коммунизма и коллективизации — этих воплощений коммунистической утопии — породило большевистский тоталитаризм. Не готовит ли нам нового тоталитаризма банкротство современной либеральной утопии, если либеральный “авангард”, вместо того чтобы признать банкротство своего эксперимента и уйти, предпочтет остаться любой ценой?

Банкротство утопии неизбежно раскалывает интеллигентский “авангард”. Те, на кого снизошло запоздалое прозрение относительно истинной цены нового “великого учения”, предпочтут эмигрировать из страны, разрушенной очередным экспериментом. Те же, кто глубже проникся духом утопии и самоутвердился вместе с нею в качестве новых хозяев жизни, предпочтут отстаивать правоту утопии силой диктатуры. Такой раскол произошел с интеллигентским революционным “авангардом” после октябрьского переворота 1917 года. Симптомы аналогичного раскола среди нашего демократического “авангарда” — на будущих эмигрантов и будущих диктаторов — можно наблюдать уже сегодня. Одни с безответственностью будущих эмигрантов расхищают, разваливают и растлевают страну. Другие исподволь формируют инфраструктуру тотального насилия, с помощью которой надеются защитить себя, свою узурпацию собственности и другие привилегии от возможного натиска обманутого и оскорбленного народа.

Западнический “авангард” пытался связать тоталитаризм с давлением азиатской традиции, иными словами, вменить его в вину “этому” народу. Пора, наконец, понять, что тоталитаризм является изобретением этого “авангарда” — средством, с помощью которого он утверждает правоту утопии (и свою собственную безошибочность) уже после того, как ее банкротство стало “секретом Полишинеля”.

А. М. ВАВИЛИНА-МРАВИНСКАЯ,

Заслуженный деятель искусств России, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова;

Э. С. БАРУТЧЕВА,

кандидат искусствоведения, доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

ВЕЛИКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Уходящее столетие оставляет миру немало вершин музыкального исполнительства. Одна из таких горных вершин — творчество великого Евгения Александровича Мравинского, наше драгоценное национальное достояние.

Среди множества званий и наград он имел титул “гражданина Вселенной”, но при этом был истинным петербуржцем — по рождению, по воспитанию, по духу. Он вырос на традициях русской дворянской культуры, внутренне их проработал, развил и бесстрашно пронес через тернии иных эпох. Корни этой культуры с их нерасторжимостью категорий этического и эстетического определили цельность и гармоничность облика, ту особую его возвышенность, которая расчищает “до самой сути” слова: Благородство, Бескорыстное служение, Чистота художественных помыслов и деяний...

Строгую дисциплину, любовь к порядку и повседневному труду прививали Е. А. Мравинскому уже в семье (а в семейном генеалогическом древе — видные специалисты, общественные деятели, поэты — от Афанасия Фета до Игоря Северянина, блистательная примадонна Мариинского театра Евгений Мравина).

Профессиональную школу молодой музыкант прошел не только в консерваторском классе Николая Малько и Александра Гаука, где его научили основам дирижерской техники, но и на концертах и спектаклях крупных артистов (такого уровня, как неповторимый Иван Ершов), а более всего — при самостоятельном изучении партитур.

Путь в Большую музыку начался с Театральной площади, с Мариинского театра, где недавний пианист-аккомпаниатор балетного училища встал за пульт, чтоб по-своему, “свежими ушами” услышать, заново открыть богатства, таящиеся в партитуре “Спящей красавицы”. В этой первой своей значительной работе Мравинский со всей решительностью продемонстрировал тот подход к делу, который впоследствии остался для него единственно возможным: партитуру Чайковского он прочитал непредубежденно, преодолевая затвердевшие штампы, извлекая все потаенное и сокровенное и в итоге — открывая, казалось бы, известную музыку заново. Может быть, есть нечто символическое в том, что первый шаг к восхождению на высоты был сделан в связи с музыкой именно этого композитора и именно в этом театре, где долгие годы пела его любимая тетушка, творили такие великие мастера, как “одержимый искусством” Ершов, и где еще недавно сам Мравинский, красивый, высокий молодой человек, подрабатывал в мимансе...

Однако судьбу свою Евгений Александрович связал с Петербургской—Ленинградской филармонией, куда пришел после блестящей победы на дирижерском конкурсе в 1938 г. Оркестр, главным дирижером и художественным руководителем которого он стал, уже тогда был удостоен звания заслуженного коллектива республики, имел давние традиции, т. к. вел родословную от Придворного оркестра и состоял из отличных музыкантов. Но именно с приходом Мравинского он превратился в подлинно академический, образцовый, великолепный, один из лучших оркестров мира. При Мравинском он получил много званий и наград, покорила миллионы слушателей в странах Европы, Америки, Азии, значительно расширил репертуар, фундамент которого составили основные достижения Мравинского — столпы мировой симфонической музыки: Бетховен и Брамс, Шуберт и Брукнер, Гайдн и Моцарт, Вагнер и Р. Штраус, Чайковский и Скрябин, Глинка и Глазунов, Прокофьев и Стравинский, Шостакович и Сибелиус, Дебюсси и Онеггер, Хиндемит и Барток... С этими великими именами связаны выдающиеся художественные открытия, ибо Мравинский неизменно становился первопроходцем, брался ли он за только что созданное сочинение (как было с творчеством Шостаковича) или за “общеизвестную” австро-немецкую классику.

За полвека сотрудничества с одним и тем же коллективом (редчайший пример долголетнего союза; в Петербурге подобное показал лишь глава Мариинского театра Эдуард Направник) maestro воспитал у своего оркестра (“оркестром Мравинского” его так и звали повсюду) не только лучшие профессиональные — ансамблевые и звуковые — качества, естественность интонирования, техническую безупречность, но и умение играть на пределе возможностей, во всем блеске индивидуального мастерства.

Творческие принципы Мравинского складывались под воздействием его мировоззренческой системы. Основа основ для него — значительность общественной и нравственной идеи. Поэтому не было и не могло быть в его деятельности и в его музыке ничего суетного, случайного, злободневного. Все совершалось с непомерной степенью ответственности, с предельной концентрацией духовной, творческой и физической энергии. Любой выход на концертную эстраду становился актом величайшей важности, священнодействием, Голгофой и Олимпом одновременно. Мастер знал — “искусство должно потрясать”...

В любой музыке он стремился постичь ее Божественное начало, провидел и воплощал жизнь человеческого духа. Бился над тем, как передать не ноты, не текст, а то, что он любил называть “атмосферой вещи”. Еще одно любимое выражение — “волхование музыки”. В эту тайну он вглядывался особенно пристально... Интерпретации Мравинского всегда отличались одухотворенностью и глубиной. Ему, как немногим, дано было сочетать масштабность замысла, красоту концепций, стройность крупной формы с тщательной обработкой, ювелирной отделкой каждой детали.

Мравинский был не только выдающимся интерпретатором, художником-мыслителем, но и столь же выдающимся учителем, педагогом, воспитателем оркестра, наставником всех музыкантов вместе и каждого в отдельности. Он умел идеально работать, ибо всегда знал, чего он хочет, почему, зачем ему это нужно и как добиться желаемого. Репетиции Мравинского — счастье и мука, тяжкий труд и вдохновенное творчество — феномен не менее самоценный, чем известные музыкальному миру репетиции Артуро Тосканини. Недаром школа, пройденная любым оркестрантом Мравинского, до сих пор высоко котируется: само имя Мастера стало во всем мире гарантией чрезвычайно высокого исполнительского класса, художественного совершенства, безукоризненного профессионализма.

Академия. По отношению к Мравинскому это понятие вбирает в себя и масштаб музыкального мышления, и артистический ранг, и уровень профессиональной работы. Наверное, сюда входят также аристократизм натуры, строгость вкуса, сдержанность дирижерской манеры, интеллигентность в поведении и в речи...

Исполнительство — материя тонкая, недолговечная, чудо создающейся словно на наших глазах музыки — ускользающе-неуловимо, хрупко. А Евгений Александрович не любил “консервов”, не всегда охотно соглашался даже на трансляции концертов. И все же наследие его огромно. Оно — и в сохранившихся прекрасных записях, и в памяти нескольких поколений воспитанных Мравинским слушателей, и в музыкантских заповедях, оставленных прямым и опосредованным ученикам, и в благотворных нравственных уроках...

И нам всем еще предстоит постичь величие того, кто, по выражению С. Цвейга, служил музыке “всеми средствами земного служения: посреднической силой жреца, благочестием верующего, требовательной строгостью учителя и неустанным рвением вечного ученика...”

Н. В. КУЗЬМИНА-ГАРШИНА,

президент Международной академии акмеологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор;

Л. Е. ВАРФОЛОМЕЕВА-ГАРШИНА,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

В. Е. ИНОЗЕМЦЕВА-ГАРШИНА,

заместитель начальника аттестационного отдела Министерства общего и профессионального образования РФ, кандидат психологических наук, доцент

СУДЬБА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ РОДА ГАРШИНЫХ

Сформулированную в названии проблему мы хотим рассмотреть в свете предмета акмеологии — новой области знаний в системе наук о человеке. Предметом акмеологии являются закономерности, условия и факторы самореализации человеком творческого потенциала на пути к высшим достижениям (вершинам) в жизни и в профессиональной деятельности.

Понятие “акме” — вершины предполагает сравнительный анализ результативности (или продуктивности) чего-либо и малопродуктивности (или непродуктивности), опирающейся на заранее сформулированные критерии. В акмеологии оно употребляется в качестве показателя:

— времени зрелости (возрастной, духовной, физической и профессиональной), обеспечивающей наивысшую продуктивность на жизненном и профессиональном пути от рождения до смерти; вершин может быть несколько, их можно достичь в любом возрасте и в различных видах деятельности;

— качества творческих достижений одного человека по сравнению с достижениями других людей в данной определенной группе (учебной, профессиональной) или, например, в родовой ветви данного поколения (родители, дети, внуки, правнуки, праправнуки);

— наивысших творческих достижений в истории человечества (вершина вершин); история культуры, искусства, литературы, науки и техники содержит критерии выделения вершин в каждой конкретной области и использует их в научном анализе этих явлений.

Для того чтобы установить так называемую вершину того или иного поколения, рода и выяснить, в ком, как, в чем именно проявился талант, необходимо, во-первых, договориться, что вкладывать в понятие “род”, во-вторых, решить, по каким признакам можно судить о значительных достижениях того или иного представителя рода по сравнению с другими, в-третьих, учитывать социальные условия, в которых созрел талант, и в какой мере они содействовали или препятствовали его развитию.

Род мы рассматриваем как большую семью, в которую входят родители, дети, внуки, правнуки, праправнуки, не обязательно живущие вместе, ведущие совместное хозяйство, носящие общую фамилию. Род — сообщество людей, имеющих общих предков, “пересекающийся” акмеэнергоинформационный потенциал, заключенный в генах представителей рода, в его конституции, в потребностях творческого самосознания и самовыражения.

Род Гаршиных — представители русской интеллигенции (от *intelligens* — понимающий, мыслящий, разумный). Признаками интеллигентности данного рода являются: занятия интеллектуальным трудом, наличие духовных интересов, правдивость и искренность в общении. Он ведет свою историю с 1632 г. — записи в Первой дворянской книге. Мы коснемся лишь одной его ветви — Михаила Егоровича Гаршина и Екатерины Степановны Гаршиной (Акимовой), родителей четверых сыновей: Георгия, Виктора, Всеволода и Евгения. Рассмотрим черты, характерные для настоящих российских интеллигентов, на примере внуков и правнуков М. Е. и Е. С. Гаршиных от сына Георгия.

Выдающаяся личность излучает свет, который высвечивает его предков и потомков. Гаршины интересны своим вкладом в развитие русской культуры. В учебнике профессора Струмилина “История начального образования в России” говорится о том, что Е. С. Гаршина в 1862 году явилась основательницей первых воскресных школ в Петербурге. Ее сын В. М. Гаршин — выда-

ющийся русский писатель, вошедший в историю литературы как первый создатель коротких психологических рассказов. В его литературном наследии имеются также сказки, стихотворения, очерки. В Болгарии перед “Домом-памятником” стоит памятник В. М. Гаршину, гражданину России, который оставил институт, любимый город, мать и ушел добровольцем на русско-турецкую войну освобождать братьев-славян от турецкого ига. Как литератор он и родился там, написав свои “Четыре дня”. А после войны принимал самое горячее участие в создании литературного фонда в помощь нуждающимся писателям, который существует до настоящего времени.

В поколении внуков М. Е. и Е. С. Гаршиных, очевидно, наиболее выдающимся был действительный член Академии медицинских наук, доктор медицинских наук, профессор, главный патолог Ленинграда В. Г. Гаршин. Его студенты знали, что он увлекается нумизматикой. Выпускники Первого медицинского института им. проф. И. П. Павлова были на всех фронтах и оказывали помощь не только раненым советским воинам, но и пленным. Как же искренне нужно было любить своего профессора, чтобы стремиться пересылать или привозить ему в дар наградные знаки для его коллекции. А В. Г. Гаршин собрал и безвозмездно передал Эрмитажу все наградные знаки всех армий, принимавших участие во второй мировой войне.

В Военно-медицинском музее раздел “Медицина в русско-японской войне 1904—1905 гг.” был составлен по материалам, собранным и систематизированным медицинской сестрой В. Г. Андреевой-Гаршиной, участницей этой войны, старшей сестрой В. Г. Гаршина.

В поколении правнуков наиболее выдающимся представляется А. В. Гаршин, кандидат технических наук, старший научный сотрудник одного из НИИ, который, выйдя на пенсию, занялся изучением своей родословной (результаты исследований опубликованы в книге: Гаршин А. В., Замкова В. П., Терещенко В. Т. Новое слово о Всеволоде Гаршине. Артемовск, 1996.) Книга построена на новых архивных материалах. В ней впервые опубликованы портрет отца писателя, его посмертная маска и его автопортрет. Еще больший интерес представляет монография А. В. Гаршина “Новое о В. М. Гаршине”, в которой впервые на основании изучения архивных материалов исследуется семья Акимовых — предков Е. С. Гаршиной-Акимовой. Книга является опытом акмеологического анализа жизни и литературного творчества В. М. Гаршина.

Интеллигенция — неотъемлемая часть нашего общества. По мере того как изменяются общественные традиции и система воспитания интеллигенции, меняется и сама интеллигенция. К сожалению, время уносит фамилию Гаршиных. В числе праправнуков рассмотренной ветви рода носителей фамилии Гаршиных не осталось. Всеволод Георгиевич Гаршин мечтал иметь двенадцать сыновей, чтобы сохранить фамилию. Но имел двух дочерей, одна из которых не была замужем и не имела детей; от другой жива только дочь.

Мы надеемся, что и по женской линии рода Гаршиных обязательно будут продолжены замечательные традиции русской интеллигенции — высокая культура, нравственность, гражданственность и бескорыстие.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,

заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Академии гуманитарных наук, профессор, член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ — ИНТЕЛЛИГЕНТ

Вряд ли нуждается в особых доказательствах соотносительность слов “интеллигентность”, “интеллигент”, “интеллигенция”, равно как и их связь с понятиями “интеллект”, “интеллектуальная деятельность”. Вместе с тем реальные явления, стоящие за данным словесным рядом, предполагают различение не по грамматическим связям (существительное, прилагательное и т. д.), а по смысловым признакам. Ошибочно полагать, что интеллигенция — это просто совокупность интеллигентов. Не останавливаясь специально на этом семасиологическом сюжете, отметим несомненную, на наш взгляд, правомерность понимания интеллигенции как группы (слоя, прослойки, класса, совокупности) людей, объединенных общностью образовательных и

профессиональных характеристик, мировоззренческих ориентаций, безотносительно к уровню интеллигентности ее конкретных представителей. Вопрос: “Интеллигентен ли интеллигент?” — вполне возможен. Это не игра в слова. Но столь же несомненно и то, что само понятие интеллигенции возникло в связи с деятельностью в тех сферах, где явственнее, чем в иных областях, выявилось соотношение этой деятельности со смыслом человеческого бытия, с утверждением основных нравственных ценностей. Поэтому интеллигентами считали в первую очередь представителей искусства и гуманитарного труда, а не инженеров, математиков или естествоиспытателей. Именно в этой среде формировался человеческий тип, наделенный признаками интеллигентности. Невозможность такого узкого подхода сегодня очевидна.

Совокупная характеристика интеллигенции как внесловной, внеклассовой группы людей, создающих духовные ценности, определяющих наиболее общие цели и смыслы деятельности и способных соотносить с этими смыслами и целями конкретные факты многообразной человеческой жизни, кажется, не нуждается в комментариях и корректировке. Основные характеристики интеллигенции (разумность, образованность, творческий характер деятельности, развитое личностное начало, самостоятельность, высокая этическая культура, убежденность и т. п.) являются в равной мере *условием* осуществления ею своего общественного назначения и *следствием* постоянного духовно-нравственного труда. Даже без учета реального состояния входящих в эту общность индивидов, мы вправе называть ее интеллигенцией, ожидать реализации ее высокого предназначения и совокупно оценивать меру осуществления ею своей миссии.

Однако необходимо осознавать, что “интеллигент” — не функциональная, ролевая характеристика, а некое единичное определение человека как личности. По-видимому, наиболее точно эта сущность выражается понятием “жизненная позиция”. Им обозначается нравственно-смысловое самоопределение человека в ценностях бытия, реализующее целостное отношение человека к миру и сохраняющее единство личности в значительных отрезках времени.

Установление таким человеком своего места относительно всеобщих закономерностей бытия предполагает форму знания, выраженную в понятиях и принципах, иначе говоря — мировоззрение. Оно органично входит в состав жизненной позиции человека. У интеллигентного человека целеполагающая деятельность, несомненно, опирается на теоретическое знание, подразумевает широкую информированность в различных сферах культуры, развитую способность к абстрактному мышлению, а также совершенное воображение, способное сопрягать частное и общее, индивидуально-интимное и всечеловеческое. “Интеллигент” вовсе не синоним “хорошего человека”. Разговор об интеллигентности солженицынской Матрены или распутинских старух — не более чем риторическая фигура. Вместе с тем есть в этих деревенских женщинах нечто, существенно значимое для интеллигента. И в то же время наличие всех вышеобозначенных духовных черт, знаний, способностей даже у самого информированного и развитого человека — ученого, философа, художника — не переходит автоматически в интеллигентность. “Скоты интеллектуализма” — такую жесткую характеристику дал Борис Пастернак определенной группе людей, весьма образованных и с широкими культурными запросами. Не без основания появилось недавно понятие “люмпен-интеллигенция” по отношению к группе известных артистов, беспринципно “обслуживающих” выборные кампании разных политических деятелей, не пропускающих тусовок с “новыми русскими” и одновременно участвующих в акциях демократической направленности. Ни тех, ни других нельзя вывести из состава интеллигенции, но и нельзя назвать интеллигентами. Ибо самое существенное в жизненной позиции то, что она в равной мере и *над* жизнью (осмысление жизни), и *в* самой жизни. Жизненная позиция — это “воплощающийся принцип” (Гегель), “самостоянье человека” (Пушкин), мироотношение, явленное в поведении, устойчивая жизненная стратегия. Это не теоретическое суждение о смысле жизни, *но само смысложизненное бытие* как “ответственное поступление” (Бахтин).

В интеллигентности как нравственном качестве личности органично слиты важнейшие составляющие человеческой жизни: свобода, ответственность и духовность. Свобода не в качестве политического права, а как задание самому себе, как труд свободы, неотделимый от ответственности, связанной с постоянно свершающимся актом выбора действия. Только я сам принимаю решения и сам действую, а потому это — *поступок*, то есть сущностное выражение и воплощение нравственной активности. Активность, по определению, не может быть побуждаема извне. Но ответственность исключает действия, диктуемые ближайшими вождениями. Достоевский различал людей искренних и честных: и искренние, и честные поступают согласно своим убеждениям, но честные еще постоянно возбуждают в себе вопрос: “Верны ли мои убеждения?”. Духовность человека — это масштабность и глубина его мироотношения, то смысловое пространство, в грани-

цах которого он себя мыслит и с ценностями которого соотносит свою позицию. Эти ценности не открываются в стихийном бытии. Их надо знать. Причем это знание не только рациональное, но и постигаемое в опыте личного, субъективного переживания (“память сердца”). Если интеллектуальное осмысление места человека в мире — прерогатива философии, то универсальные возможности переживания ценностного мира, лежащего за границами индивидуального повседневного бытия, открываются в общении с искусством. Искусство и философия осваивают и раскрывают мир в предельной выраженности единичного, общего и в их органической сопряженности. Эти формы культуры всегда идут рядом, дополняя друг друга, “усмиряя” склонность умозрения успокоиться на всеобщем, а художественного воплощения — на единичном. Следует помнить, что способность искусства репрезентировать не только единичность, но и *единственность*, определяет его высочайшее нравственное назначение. Эта способность, реализованная в человеке, — один из важнейших признаков интеллигента, всегда поверяющего истинность конкретной (единственной!) ситуации.

Именно поэтому в духовном мире интеллигенции искусство и философия занимают особое место, а их роль в формировании интеллигента поистине уникальна. Они как бы интегрированы существеннейшей особенностью жизненной позиции: ее становление всегда есть результат *свободного самосозидания*. Философское и художественное содержание не может быть однозначно передано ни в каких знаковых единицах. Такое содержание не транслируется, ему невозможно научить, к нему — *приобщаются*. Входя во внутренний мир человека, оно обретает статус *духовного и душевного опыта* — важнейшей составляющей жизненного самоосуществления. Этот опыт — устойчивое (себетождественное) и одновременно меняющееся динамическое образование, где интегрируются мысли, ценностные ориентации, мировоззренческие установления. Интегрируются на основе личной, собственной, индивидуальной жизни, осуществляющей родовые, общечеловеческие смыслы.

Интеллигентность не связана с той или иной профессиональной принадлежностью, более того, одна из важнейших ее характеристик — целостное отношение к миру, сохранение гармоничного положения человека в мире, преодоление фрагментарных ориентаций жизнедеятельности (в том числе и духовных). Обладая в мире интеллигента высочайшим ценностным статусом, духовность не должна абсолютизироваться. Аристократизм духа может трансформироваться в чувство интеллектуальной исключительности, а интеллектуальная острота — обрести черты “интеллектуалистской наглости” (Т. Манн). Высокий интеллект обладает самостоятельной ценностью, заставляющей порой мириться с малопривлекательными качествами его носителя, но это совершенно иной сюжет, лишь косвенно связанный с разговором об интеллигентности.

По-видимому, интеллигентность — нормальное, естественное состояние человека. Даже душевное равновесие во многом зависит от органической соотнесенности повседневного существования, профессиональной деятельности и общих смыслов человеческого бытия. Столь же естественно для человека самосозидание, самоосуществление, а именно таким путем формируется интеллигент. Но это не природная естественность. Интеллигентный человек часто простодушен, однако его простодушие — результат сложной душевной и духовной работы, а не изначальная позиция. Слишком сложен мир, чтобы можно было начинать с простоты. Интеллигент не своенравен, не своеволен. (Даже решая вопрос о собственной жизни, интеллигент не должен терять чувство ответственности. С этих позиций Т. Манн осудил самоубийство С. Цвейга: на этот поступок, сокрушающий веру других в возможность противостояния фашизму, он не имел морального права.) Быть интеллигентом невозможно без праведничества, жертвенности, известного аскетизма.

Такое органичное соединение духовности, свободы и личной ответственности не может быть массовым. Именно поэтому интеллигенция в лице лучших своих представителей — элитна. В признании ее элитности нет ничего дурного. Напротив, оно дает осознание нравственного предназначения интеллигенции и служит ценностным ориентиром в конституировании человеческого бытия.

Л. Е. ГАККЕЛЬ,

Заслуженный деятель искусств России, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

ВЕРНУТЬСЯ И СКАЗАТЬ

В декабре 1996 г. во дворце Белосельских-Белозерских проходила дискуссия на тему “Судьба российской интеллигенции”; ее организовал Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов в честь 90-летия академика Д. С. Лихачева. Все было продумано превосходно, импровизации сведены к минимуму, и отчасти поэтому я, не решившись выступить “из зала”, унес свою речь домой.

Она состоит как бы из двух частей: той, что предполагалась к произнесению, и той, что возникла “по пути домой”. Публично я мог и хотел сказать о 90-х годах, трудных в любом столетии, ибо “*Alles nahe werde fern*”: “Все, что было близко, удаляется” (Гете), и это всегда происходит в конце века. Я хотел сказать, что в культуре невозможны никакие “возвраты”, никакая реставрация, что мы обречены навсегда остаться в постсоветских пределах. А раз так — для нас вечно будет существовать *проблема цены*: цены за прошлое, а также и за наше нынешнее существование с его относительной свободой. Тоталитарная система заставляет пребывать в кругу идеальных требований, строгих этических норм — этот устрашающий парадокс общеизвестен, и одной из них является норма “параллельной жизни”, вовсе не означающая неперемогимого морального падения. Если угодно, в ней продолжена старая русская традиция двойничества: можно вести идеальное существование в обеих ипостасях (отнюдь не по модели “Доктор Джекиль и мистер Хайд”, при которой второй из обликов есть зло). Но двойничество все же является *ценой*, расплатой, ибо в двойничестве душа сохнет и полнота мира становится недоступной для нее; к тому же существование “во имя народа”, традиционное для российского интеллигента и предполагавшее верность “почвенным”, *крестьянским* ценностям (по-русски “крестьянство” недаром тождественно “христианству”, да еще с простиупающим “крестным” оттенком) — это существование сегодня почти фантомно из-за разрушения крестьянского, “почвенного” уклада жизни. Фантомным (или, если угодно, атавистическим) существованием мы платим за трагическую удачу родиться и пребывать в современной России...

Была и еще одна вещь, о которой я намеревался сказать. Иррационализм укоренен в России; русская мысль глубока, но размыта, и это в новейшей нашей истории опасным образом соседствует с догматизмом официальной идеологии. Роль интеллигенции в подобных условиях — спасти разумное начало жизни, “додумывать” иррационалистские призывы, откуда бы они ни шли. Мы скорбим о катастрофе 1917 года, но если бы российская интеллигенция прославленного “серебряного” века додумала до конца ситуацию “августа четырнадцатого”, то картина близкого будущего могла бы отрезвить многих. Речь идет не о пророчестве, а о разумном прогнозе. Он нужен и сегодня, когда мы утопаем в апокалипсических ощущениях — казалось бы, противоположных ликованиям 1914-го, но столь же бесплодных...

Это все, повторяю, предполагалось к произнесению, но не было произнесено на собрании интеллигенции. Зато там я выслушал несколько иеремиад и ряд бодрых призывов вернуться к “почвенным” ценностям. Ответом стала “речь по пути домой” или, как говорят в таких случаях, “мысли на лестнице”.

...Интеллигент — это тот, кто получает от жизни огромное удовольствие. Ибо с ним — культура, а “культура — это плодотворное существование” (Б. Л. Пастернак); культура позволяет увидеть связи всего со всем в человеческом мире и ощутить настоящее время в потоке истории. Культура дает понять, что на свете нет равновеликостей, что любое явление больше себя самого и что все существует только на пересечениях (идеальных и реальных), только внутри широкой картины бытия.

Интеллигент получает удовольствие от жизни, находясь в России, ибо с ним — его образованность, а она говорит, что Россия не погибнет, как не погибала никогда, и что ее не погубят “западные спецслужбы”, раз уж она выдержала нашествие двенадцати языков. С интеллигентом — юмор, позволяющий усомниться в том, что идеологию России создадут “комиссии при президенте”, или помогающий по достоинству оценить такую должность, как “министр культуры

Ленинградской области". А если серьезно — он смягчает жесткости жизни; соединяясь с традиционно русским жизненным стоицизмом, он подвигает интеллигента к достойному несению материальных тягот.

Интеллигент наслаждается жизнью, ибо он толерантен. Есть чудесная формула Е. Л. Шварца: "Интеллигент — это тот, кто ко мне хорошо относится". Воистину: интеллигент есть тот, кто хорошо относится "ко мне", "к тебе", ко всему на свете, тот, кто искренне уважает жизнь и людей, приемлет человека как ценность независимо от личных человеческих свойств.

А особенно хорошо жить интеллигенту, если он музыкант (здесь я сужу изнутри собственной профессии). Музыка обладает невероятной органичностью, в любом творении она предстает перед нами как история себя самой, и поэтому деяния музыканта всегда суть *встреча*: встреча эпох, стран, культур. Музыкантам дарована необыкновенная полнота бытия, и ее не могут уменьшить никакие исторические обстоятельства; "жажда большего существования", испытываемая интеллигентом-творцом, утоляется музыкантами без затруднений, и им более всех открыто зрелище Универсального человека.

Может быть, надо было вернуться на собрание (я ушел до его окончания) и сказать все это? Такая возможность упущена. Тем охотнее отвечаю на предложение выступить письменно, обращаясь к тем, "к кому я хорошо отношусь".

К. С. ПИГРОВ,

заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор

"КОРАБЛЬ" ТОНЕТ: ОБЯЗАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Согласно Платону, миром должны править люди мудрые и могучие. Но мудрость и могущество распались еще в античности. Поэтому мудрость перестала быть подлинной мудростью, а могущество — настоящим могуществом. Что такое интеллигенция? *Это мудрецы, вместе с мужеством потерявшие подлинную мудрость. У немногих достает смелости в этом сознаться, как сделал, например, Сократ, сказавший: "Я знаю, что ничего не знаю".*

Есть ли у современной российской интеллигенции какие-то особые проблемы? Думаю, что нет. Она несет те же тяготы нашего бытия, что и весь народ, не больше, а в целом — даже и поменьше, чем остальное население. Не на бедствиях интеллигенции, а на ее обязанностях необходимо сосредоточиться.

Вина российской интеллигенции в том, что она позволила самой себе легкомысленно, "с детской резвостью" раскачать и обрушить какую-никакую, а все-таки цивилизацию — советскую цивилизацию. Советская цивилизация была сложена на обломках (и из обломков) старой российской цивилизации, та уходила корнями в цивилизацию Византии и Древней Греции. И вот сейчас мы, в который уж раз, снова сидим на пепелище, восклицаем: "Что же натворили!"

Обязанность российской интеллигенции в том, чтобы снова с ангельским терпением и дьявольским упорством начать созидание следующей нашей цивилизации, назовем ее пока "постсоветской". Это обязанность "малых дел", постепенного и скромного, но прочного и надежного движения к порядку, к материальной, духовной и душевной устроенности. Нельзя верить радикалам, которые обещают быстрые и простые-легкие пути. Нам необходимо прежде всего выстроить новый социальный контракт для России.

Обязанность российской интеллигенции сегодня в том, чтобы объяснить, что не Запад показывает нам наше счастливое будущее, а мы показываем своим настоящим и прошлым Западу его будущее — ту катастрофу, которая началась уже у нас и со временем неминуемо захватит и Запад. Эту катастрофу нельзя радикально предотвратить, но можно постараться, по возможности, подольше не допускать, оттянуть ее.

Наш мир подобен "Титанику". Пробойна в трюме уже есть, туда неостановимо хлещет вода. Третий класс (или "третий мир", или — мы в своем странном "межмирном" положении сегодня)

уже заливают. А наверху — свет, праздник, играет музыка, и кажется, что наступили лучшие времена, настолько прекрасные, что прямо “после истории”. Мы должны, по возможности, заделать дыру или, по крайней мере, уменьшить приток воды. Мы должны оказать милосердную помощь тем, кому уже сейчас очень плохо.

Обязанность интеллигенции, этих в буквальном смысле ясновидящих (они ведь видят то, что народ еще не видит), в том, чтобы мягким убеждением, исполненным терпения и понимания, говорить с властью. Мягким утешением и состраданием говорить с народом.

И то, и другое — без всякой надежды на успех и на счастливый конец.

М. Г. БЯЛИК.

заслуженный деятель искусств России, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ КАК АТРИБУТ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ (двухголосная инвенция)

Должен ли интеллигентный человек понимать, знать, любить музыку?

Разумеется. Интеллигентный человек — человек культурный. Стремление постичь культуру составляет важное слагаемое интеллигентности, музыка же — важное слагаемое культуры. Среди прочих искусств музыка более других удалена от житейского прообраза, от реальности. Оттого романтики — и не только они — считали ее самой благородной, возвышенной, идеальной из областей творчества.

Из пут пространства узкого
Обыденных невзгод
Людей уносит музыка
В дерзающий полет.

(С. Городецкий)

Не в дерзающий ли полет устремлен каждый интеллигент?..

Но музыкальность дана людям от Бога. Не каждого наделяет он музыкальной одаренностью.

Да, это так. Для восприятия музыки необходимы специфические способности: слух, чувство ритма, память, а главное — эмоциональная отзывчивость на искусство звуков. Но в большей или меньшей степени этими способностями одарены все. Пианист А. Б. Гольденвейзер в старости утверждал, что за всю длинную свою жизнь ни разу не встретил человека музыкально бездарного: “Абсолютно немзыкальные люди (если они существуют) весьма редки, они встречаются, вероятно, не чаще, чем гениально одаренные. Опыт показал, что музыкальность, даже слабая, довольно легко поддается развитию, если заняться этим достаточно планомерно и целесообразно”. Последнее замечание маститого педагога весьма существенно. Люди, безразличные к музыке, не должны оправдываться: “У меня, дескать, нету слуха”. Стоит им захотеть и приложить усилия — музыка придет к ним и вознаградит за желание и труд.

Представление об интеллигентности связывается с нравственными понятиями...

Представление о музыке — тоже. Совершенного человека мы именуем гармоничной личностью. Но слова “гармония”, “гармоничный” — из музыкального лексикона. В свою очередь, характеризуя и оценивая музыку, мы прибегаем к категориям из области морали: “искренняя”, “целомудренная”, “героическая” или “развязная”, “пошлая” и т. д. Еще в античные времена возникло учение об этосе — нравственно-воспитательном воздействии музыки, ее даре посредством различных ладов, ритмов, тембров пробуждать в людях разные эмоциональные состояния, воздействовать на их характер и мораль. Аристотель считал, что музыка призвана “сделать нашу жизнь более радужной”; “ровные и спокойные” мелодии дорийского лада, полагал он, способствуют воспитанию мужества и рассудительности, фригийский же лад как возбуждающий более пригоден для “очищения” страстей.

Вера в облагораживающее, вдохновляющее влияние музыки подтверждается бесконечным числом примеров. Во времена Великой французской революции офицеры посылали донесения: «Пришлите тысячу ружей или тысячу экземпляров “Марсельезы”!». Медики убеждены, что воздействуя на душу, музыка врачует и тело — “музыкотерапия” продолжает свои эксперименты уже много веков.

Вот, пожалуй, “оптимальное” выражение веры в нравственную силу музыки — словами Шекспира (“Венецианский купец”):

Нет на земле живого существа
Столь жесткого, крутого, адски-злого,
Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота.
Кто музыки не носит сам в себе,
Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть изменником, лгуном,
Грабителем: души его движенья
Темны, как ночь, и, как Эреб, черна
Его приязнь. Такому человеку
Не доверяй...

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Вряд ли придет кому-либо в голову воспринять содержащееся здесь утверждение впрямую: будто каждый, кому чужда музыка, — злодей. Это — поэтический гимн музыке, с принятыми в поэзии метафорами, преувеличениями. Но главная мысль стихов — о том, что музыка очищает, возвышает душу человека, надо думать, справедлива.

Если следовать этой мысли, придется согласиться с тем, что все музыканты — хорошие, высоконравственные люди. Но это ведь не так! Можно привести немало примеров того, как несомненная музыкальность соединяется в человеке с безнравственностью. Известно, что некоторые из начальников гитлеровских концлагерей были меломанами. Из музыкантов, томившихся в заключении, они формировали ансамбли, заставляя их под дулами автоматов играть Моцарта, а потом хладнокровно убивали — музыковеды полагают, что подобная тема звучит в Восьмом квартете Шостаковича.

Примеров разлада между музыкальными наклонностями людей и их нравственностью, поведением, к сожалению, много. Но тем не менее, все эти случаи, хочется верить, не опровергают общей закономерности. Очевидно, симпатия дурного человека к возвышенной музыке не затрагивает его существа — она нечто внешнее для него, что можно, как пальто, сбросить в передней. Такое бывает и с музыкантами-профессионалами. И ярчайшим примером тому может служить пушкинский Сальери — противоположность Моцарту, истинному “сыну гармонии”. В приведенном отрывке из Шекспира есть знаменательная строка: “Кто музыки не носит сам в себе...” Вот что следует иметь в виду: как глубоко укоренена музыка в душе человека, настолько ли, чтобы эстетическое и этическое гармонично сливались. Ведь только такого человека можно назвать интеллигентным.

Но если между музыкальностью и интеллигентностью существует прямая, хоть и не примитивная, связь, давайте теперь зададимся вопросом, насколько музыкальна и, следовательно, интеллигентна нынешняя Русь.

Как же определить это? Судить по уровню музыкальной образованности общества? Он очень низок. У меня не выходит из головы телепередача: музыкальный обозреватель Ирина Тайманова, беседуя с группой молодых людей — интеллектуалов, эрудитов, задала нехитрый вопрос: все ли знают, где находится филармония? Не знал никто! Социологи, выяснявшие, какой процент петербургской молодежи посещает филармонию, были шокированы: не более полупроцента... Если же судить по вкладу России в мировую музыкальную культуру — он исключительно велик. Скрябин, Рахманинов, Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Свиридов — какая еще страна дала в XX веке столько гигантов! А Рихтер, Мравинский, Гилельс, Ойстрах, Ростропович, Кремер, Башмет! Увы, между достижениями искусства и его востребованностью у нас — большая дистанция.

Что же делать? Заняться музыкальным обучением и просветительством? Но обществу не до этого. Каждое поколение, вырастающее вне культуры, в частности, музыкальной, — потерянное поколение, приближающее гибель страны. Если культура, не поддержанная обществом, чахнет, на ее место устремляется псевдокультура. Всмотритесь, вслушайтесь: нынче правят бал деньги и из

щелей прет музыка, которая легко продается, — примитивная, шумная, наглая. Если верно, что хорошая музыка очищает душу, то дурная ее развращает. Не медля нужно спасать детей и юношество.

С чего же начать? Составить перечень авторов, исполнителей, произведений, которым можно доверять? Это может пригодиться лишь на первой стадии образования. Цель же состоит в том, чтобы воспитать в человеке вкус, который позволил бы ему самому, вне диктата (ведь человек интеллигентный прежде всего свободный человек), оценивать художественное явление, отличать совершенное от халтурного, благородное от пошлого. Музыкальное образование и просвещение — развитая система. Музыка в семье, в школе, в средствах массовой коммуникации, на концертной эстраде и в театре, в синтезе с другими искусствами — ни одно из звеньев цепи не должно быть пропущено.

Так с чего же все-таки начать?

Нужна широкомасштабная целевая программа эстетического и, в частности, музыкального просвещения. Я не говорю “государственная”, ибо на государство не надеюсь. Объединиться для создания и реализации ее должны все, кто может по-деловому, квалифицированно этим заняться. А застрельщиком мог бы выступить, на мой взгляд, гуманитарный университет.

Л. Г. БЕЛКИН,
профессор (Прага)

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1918—1938 ГОДАХ

После Октябрьской революции часть граждан России была вынуждена покинуть свою Родину (по разным источникам, от 1,5 до 2 млн. человек). Наибольшее количество эмигрантов проживало во Франции, в Германии, в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, в Турции, в США, в Китае и в странах Латинской Америки. В Чехословакии к середине 20-х годов насчитывалось 25 тысяч эмигрантов из России. Подавляющее большинство эмигрантов дожили свою жизнь в тех странах, куда они эмигрировали. Лишь немногие добровольно вернулись в СССР, где их ждала трагическая судьба. Немало их было арестовано в 1945 году органами НКВД и в Чехословакии и помещено в советские тюрьмы и концентрационные лагеря.

Общепризнанным является тот факт, что, по сравнению с другими странами, в Чехословакии для русских эмигрантов были созданы наилучшие условия. Уже в 1921 году по инициативе президента Т. Г. Масарика возник продуманный план так называемой “русской акции”, в реализации которого приняли активное участие прежде всего министр иностранных дел Эдвард Бенеш и его заместитель Вацлав Гирса. В помощи эмигрантам деятельное участие принял первый премьер-министр чехословацкого правительства Карел Крамарж. Президент Масарик стремился к тому, чтобы в Чехословакии сосредоточился культурный потенциал эмиграции и велась подготовка новой интеллигенции для будущей демократической России.

Помощь эмиграции начала разворачиваться с 1921 г. и продолжалась до 1928—1932 гг. в значительных масштабах. Именно благодаря этой помощи в Праге были созданы Русский юридический факультет, педагогический и кооперативный институты, автомобильно-тракторная школа, Высшее училище техников путей сообщения, кабинеты по изучению России и ряд других учреждений. Учрежденный 17 марта 1921 года Земгор (объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии), получивший около миллиона крон от чехословацкого правительства, организовал столовые, общежития, профессиональные курсы, медицинскую помощь для эмигрантов. Особое внимание уделялось подготовке кадров. Всего в Чехословакии к 1 января 1924 года обучалось 3245 русских студентов.

Российская эмиграция 20-х годов не только сохранила культуру своей страны, но познакомилась с ней другие народы и приняла активное участие в развитии науки, техники и искусства разных стран. Она вписала много ярких страниц в историю человечества. Интеграция русских и украинских ученых и чехословацкой науки проявилась в принятии их в чехословацкие научные общества и организации, а также в их деятельности в чехословацких высших учебных заведениях. Многие историки, филологи, этнографы и экономисты создали ценные научные труды богемистическо-

го характера. Большое значение для чехословацкой византологии имела деятельность Н. П. Кондакова и особенно института, названного затем его именем. До 1925 года одним из самых известных центров научной мысли в Праге был признан семинар профессора П. В. Струве, который занимался разработкой экономических и правовых вопросов. Русские социологи прославились, главным образом, в США. Самый известный из них, профессор П. А. Сорокин, в 20-х годах некоторое время жил в Праге.

Ни в одной из научных дисциплин не было создано такого количества работ, как в историографии. Первым историком, сделавшим обзор проблематики русской истории, был Е. Ф. Шмурло, автор работы "Спорные и невыясненные вопросы русской истории", который нашел свое пристанище в Праге. С Прагой связано и возникновение евразийской политико-философской школы в русской историографии во главе с П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским. Профессорами Пражского Карлова университета были Д. Дорошенко, А. А. Кизеветтер, И. И. Лаппо, А. В. Флоровский, историки искусств Н. П. Кондаков и Н. Л. Окунев.

Исключительно плодотворно работали русские и украинские историки литературы, филологи и фольклористы. В Праге занимались плодотворной научной деятельностью ученые мирового масштаба: П. С. Богатырев, С. О. Карцевский, В. А. Францев, Р. О. Якобсон и др. Многие из них преподавали в вузах.

В Чехословакии работали представители естественных и технических наук. Международного признания добились астроном В. В. Стратонов, геолог и палеонтолог Н. И. Андрусов, зоолог М. М. Новиков, ботаники В. С. Ильин и П. М. Миловидов, физик А. А. Эйхенвальд, конструктор паровых котлов А. С. Ломшаков и многие другие.

Вслед за Парижем наиболее значительное место в литературной жизни эмиграции занимала Прага. Литераторы и публицисты объединялись в Союзе русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике. В Праге издавался один из самых известных литературных журналов русской эмиграции "Воля России", здесь существовал литературный кружок "Скит поэтов". Среди других литераторов в Праге некоторое время жили Аркадий Аверченко и Марина Цветаева.

В 20 и 30-х годах в Праге регулярно устраивались выставки русских художников. Особым явлением среди русских художников, прижившихся в чешской среде, был член объединения "Умелецка беседа" Григори Мусатов. Среди русских скульпторов, живущих в Чехословакии, выделялся А. С. Головин, из архитекторов стал наиболее известным В. А. Брандт, прославившийся своими работами: русской церковью на Ольшанском кладбище в Праге и виллой Крамаржа в Высоке над Йизероу.

С Прагой связана судьба Русского камерного театра и пражской группы Московского художественного театра, членом которой была и актриса Мария Германова. В историю чешского театра вписали свою страницу прима-балерина Национального театра Елизавета Никольская, хореограф Ремислав Ремиславский, певица Национального театра в Брно Александра Чванова. С Прагой были связаны последние годы жизни русского хормейстера, композитора церковной хоровой музыки и организатора храмовой музыки А. А. Архангельского.

На Ольшанском кладбище вместе с воинами Красной Армии, погибшими при освобождении Праги в мае 1945 года, спят вечным сном и те, для кого с 20-х годов Чехословакия стала второй Родиной. Русская православная церковь произвела освещение их могил 24 ноября 1991 года.

В. А. ГУРЕВИЧ.

заведующий кафедрой искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор искусствоведения, профессор

“НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ” (судьба российской интеллигенции в государствах СНГ)

В силу разных исторических пертурбаций русская интеллигенция задолго до революционного 1917 года оказалась разделенной между метрополией (собственно Россией) и ее национальными окраинами. Где-то ее положение мало чем отличалось от московского или рязанского (Украина, Белоруссия), где-то она сумела стать довольно органичной частью многонациональной городской культуры (центры закавказских губерний: Баку, Тбилиси), где-то являлась “культуртрегерской” прослойкой колониальной администрации (Ташкент, Ашхабад и другие города присоединенного во второй половине XIX века среднеазиатского региона). Так или иначе, ее основы сформировались независимо от советской истории и были к ее началу объективной реальностью.

После Октября и гражданской войны, в соответствии с программами социально-культурного строительства, приток русского (а точнее сказать, русскоязычного, т. к. в него входили представители десятков наций и народов СССР, в качестве консолидирующего начала избравшие на новом месте жительства русский язык и русскую культуру) населения в эти районы резко усилился, пережив несколько миграционных волн (середина 20-х гг., период Великой Отечественной войны, первое послевоенное десятилетие, целинная эпопея). В итоге все столицы бывших союзных республик обладали компактным и многочисленным русскоязычным контингентом жителей, трудившихся как в промышленности, в сферах управления и обслуживания, так и в образовании, просвещении, науке, культуре. Специфика их жизни вела к тому, что если не первое, то второе поколение вливалось в ряды интеллигенции.

Крушение СССР стало невиданной в истории катастрофой для десятков миллионов русских людей за пределами России, в том числе и для представителей интеллигенции — носителей российской ментальности и культуры. Из элиты они почти в мгновение ока превратились в олицетворение чужеродного, имперского начала (к которому, конечно, сами по себе не имели никакого отношения, ибо страдали от властей ничуть не меньше, нежели местные национальные интеллектуалы). Разумеется, в каждой из республик процесс отторжения шел по-разному, но результат его к концу 90-х годов оказался равно неутешительным: были вынуждены покинуть обжитые места тысячи и тысячи семей. Причины разные: от бедственной экономической ситуации до нежелания участвовать в локальных военных конфликтах, а главное — приход к власти сил, ведущих национально ориентированную политику, в которой русскоязычной интеллигенции нет места. Националистические режимы плохо рассчитывают дальние перспективы, и урон наносят не только России, но и прежде всего самим себе. Кое-где наступает отрезвление, и стоило властям Киргизии признать русский язык официальным, поток эмиграции спал и 1996 год ознаменовался возвращением 6 тысяч семей. В ряде бывших союзных республик преобладание русскоязычного населения столь очевидно (Центральный и Северный Казахстан), что потребуются десятилетия, дабы заставить его сняться с обжитых мест (подобное стремление подспудно прослеживается в решении о переносе столицы Казахстана из Алма-Аты в Акмолу) или добиться внедрения не принимаемых большинством жителей языковых норм и законов (Крым, северо-восточные районы Украины, Приднестровье). Поскольку мировое сообщество смотрит на подобные дискриминационные действия “сквозь пальцы” (причины этого — предмет особого разговора), а нынешние российские власти ограничиваются уговорами и увещеваниями, ситуация в целом отнюдь не улучшается.

Нужна целевая и *практически* выполнимая программа спасения и развития русской культуры в ближнем зарубежье. Принятие такой программы, ее поддержка всеми общественными силами, и в первую очередь российской интеллигенцией станет достойным ответом на еще один вызов, брошенный нашей многострадальной Родине Историей и Временем.

СЕКЦИЯ IV. РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ КАК МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ

А. А. ГУСЕЙНОВ,

заместитель директора Института философии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор

НРАВСТВЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КАК ЗАПРЕТЫ

В современных дискуссиях о перспективах человека и цивилизации важную роль играет убеждение в том, что человечество близко к исчерпанию природных и духовных возможностей своего развития. В качестве примеров можно сослаться на идею пределов экономического роста в связи с истощением невозобновляемых целевых ресурсов или идею конца истории. На место безоглядно доверчивого движения вперед приходят разумная сдержанность и настороженность. Сегодня будущее — не только горизонт надежды, но и источник тревог. Оно таит в себе смертельные опасности. Установка на то, чтобы избежать негативных следствий деятельности, становится намного важнее, чем добиться ее позитивных целей. Безопасность (устойчивость) развития оказывается важнее самого развития. Быть может, будет чрезмерным утверждать, что на место идеала совершенствования приходит идеал ограничения. Тем не менее очевидно: способность и готовность к ограничению — несомненный, осознанно фиксируемый приоритет, если не по существу, то по времени; это предварительная и необходимая предпосылка в стремлении сделать жизнь лучше. В рамках такой постановки вопроса актуальна тема нравственного сдерживания, или разумной достаточности.

Принято думать, что ограничивающие нормы (запреты) составляют часть нравственности. Между тем саму нравственность в целом можно истолковать как ограничение.

Принцип разумной достаточности, рационально выражающий чувство меры и составляющий основание позитивных (конструктивных, плодотворных, творческих) межчеловеческих отношений, с точки зрения морали, соответствует требованию: “Не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали по отношению к тебе”. Следовательно, “золотое правило” нравственности выражено в форме запрета. Можно сказать, что запрет, таким образом, определяет некоторый минимум морали, или, иначе говоря, является границей разумной достаточности.

Согласно выдвигаемой нами гипотезе, нравственные требования имеют форму запретов и только в этом качестве могут претендовать на практическую действенность и рациональную обоснованность.

Подтверждение этому дает обращение как к далекому прошлому, так и к современным проблемам.

У Сократа, по его собственному признанию, был добрый гений, таинственный внутренний голос, который счастливо удерживал его от определенных поступков. Этот голос иногда говорил, чего не надо делать. Но он никогда не говорил, что надо делать. Так впервые (в рамках европейской культурной традиции) было зафиксировано, что нравственные требования имеют форму запретов. Это открытие Сократа многократно подтверждено как историческими, так и индивидуальными опытами нравственной жизни: форму запрета имело античное требование меры (“Ничего — слишком”, — говорил Солон) и золотая середина — не цель, к которой люди стремятся, а место, куда они попадали, когда избегали опасных крайностей. На отрицании (“не убий”, “не укради” и т. д.) зиждется праматерь всех моральных кодексов — десятисловие Моисея. Ахимса (ненасилие) составляет этическое ядро жизнеучения Будды. Слово “нельзя” является опорным в нравственном дисциплинировании детей.

Нравственные требования, рассмотренные с точки зрения их языкового выражения, могут быть также позитивными. Более того, позитивность принято даже считать более зрелой, высшей их формой. На самом деле она является превращенной формой и скорее скрывает суть нравственности, чем выражает ее. Нравственные требования, имеющие позитивную форму и выступающие в качестве предписаний, в самом общем виде могут быть подразделены на неопределенные и определенные.

К неопределенным следует отнести те из них, которые сводятся к требованию быть нравственным (например, требование любить людей, стремиться к добру, быть человеком и т. п.). Их в строгом смысле слова вообще нельзя считать требованиями, так как они не предполагают каких-либо поступков и скорее представляют собой незаконный способ обоснования морали, чем ее предписания (к примеру, “стремиться к добру” суть сугубо тавтологическое утверждение, ибо по определению добро есть то, к чему человек стремится).

Определенные (предметные, обладающие мотивационной конкретностью) нравственные предписания, в свою очередь, подразделяются на две подгруппы: всеобще-локальные и всеобще-общезначимые.

Всеобще-локальными могут считаться, например, конфуцианский трехлетний траур по умершим родителям, мусульманское требование пятикратной молитвы в день, пуританская бережливость, коммунистическая верность интересам рабочего класса, государственный патриотизм и т. д. Все они представляют собой нравственную санкцию норм целесообразности коллективной жизни той или иной человеческой общности, попытку придания абсолютного статуса относительным нормам. Отсюда — их внутренняя напряженность, являющаяся источником нравственных раздоров и кризисов. То, что для пифагорейца было предметом священного трепета, для остальных являлось всего лишь вкусной пищей. То, что для пуританина — знак высокого нравственного качества, для аристократа — тавро несомненной нравственной низости. То, что для одного государства свято, для другого достойно попраiania. То, что в одну эпоху вызывает нравственный ужас или восхищение, в другую становится обыденным делом. Когда-то профессиональный труд считался малопочтенным занятием. В современную эпоху, напротив, общественное достоинство человека связано с его профессиональным самоутверждением. Если один и тот же предмет может получать противоположную нравственную оценку, то это как раз и означает, что сама нравственная оценка не зависит от ее предметного наполнения. Во всеобще-локальных предписаниях нравственное совпадает со всеобщим (самой идеей святости, абсолютности), а локальное (то есть предметное содержание) оказывается внешним и случайным. Но что означает, какое позитивное содержание может заключать в себе всеобщее требование, лишенное предметной определенности?

В этом случае сама идея всеобщности начинает выступать в качестве нравственного требования и последнее становится всеобще-общезначимым. В этих требованиях всеобщность и состоит в общезначимости. Или, говоря по-другому, общезначимость признается в качестве единственного содержания нравственной всеобщности. Все такого рода требования так или иначе сводятся к “золотому правилу” нравственности: “Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе”. Их строгой логической формулой является категорический императив Канта. Нравственная общезначимость сама по себе не задает никаких определенных поступков, она не может стать достаточным мотивом действия. Она является лишь условием, ограничивающим человеческие мотивы и поступки. Смысл процедуры универсализуемости в том и состоит, чтобы реальные мотивы реальных поступков испытать на тест общезначимости (то есть установить, не отрицают ли они сами себя в случае, если их представить в качестве требований всеобщего законодательства) и наложить запрет на те из них, которые данного испытания не выдерживают. Место нравственности в общей системе человеческой мотивации можно было бы уподобить ОТК, функции которого состоят не в том, чтобы производить продукцию, а определять качество уже готовой, выбраковывая то, что не соответствует ГОСТу. Таким образом, требования всеобщности и общезначимости, которые, по сути дела, и являются собственно нравственными требованиями, приобретают определенность только в качестве ограничений, запретов.

Мы не рассматриваем вопрос о позитивных нравственных формулах в целом, который сам по себе является достаточно сложным и интересным, а ограничиваемся лишь констатацией: позитивные нравственные требования в той мере, в какой они являются чисто нравственными и действительно требованиями, на самом деле сводятся к запретам. Только в качестве запретов, ограничивающих условия поведения, они приобретают действительность, поддаются сознательному контролю и проверке.

Фактические аргументы в пользу выдвигаемого нами утверждения дополняются логическими. Нравственные требования необходимо являются запретами, не могут не быть запретами. Только в качестве запретов они поддаются рациональному обоснованию. Это касается прежде всего таких специфических признаков моральных требований, как безусловность (абсолютность, категоричность) предписаний и бескорыстие мотивации.

Мораль (и этим прежде всего определяется ее особое место в культуре) образует тот вектор человеческого поведения, который ориентирован на бесконечность совершенства, полноту идеала. Это означает, что, выступая в качестве требования, действенного механизма поведения, она может только фиксировать степень несовершенства индивидов, говорить о том, чем они не являются. При этом не имеет значения реальный уровень нравственной зрелости индивида, ибо какую бы мы ни взяли точку на линии, ведущей в бесконечность, расстояние от нее до бесконечности всегда будет бесконечно. Более того, сам уровень нравственного совершенства измеряется как бы от противоположного — степенью осознания собственного несовершенства. Мораль не может сказать о том, как мы близко подошли к идеалу. Она говорит только о том, как далеко мы от него отстоим.

Другая общепризнанная особенность морали состоит в том, что она понимается как добрая (чистая) воля. Чистота нравственных помыслов не может быть определена иначе, как отсутствие соображений, связанных с материальным и социальным благополучием индивида. Бескорыстие — самая конкретная расшифровка нравственной мотивации. Христианская этика понимает нравственную мотивацию как любовь, однако сама любовь становится реальным мотивом только тогда, когда она предстает как отрицание нелюбви, непротивление злу. Для Канта нравственным мотивом является долг, но реально проверяемым содержанием долга оказывается готовность действовать независимо и даже вопреки склонностям. Словом, нравственные требования не могут приобрести позитивную форму предписаний без того, чтобы они не лишились таких характеристик, как абсолютность и чистота мотивов, и не перестали тем самым быть нравственными. Нравственная мотивация в своей исходной и существенной основе обозначает недовольство человека эмпирической скованностью своего бытия, его желанием подняться над собой, и поэтому бескорыстие (отсутствие эмпирического интереса) является пределом ее предметной определенности и, с точки зрения морали, верхней границей принципа разумной достаточности.

Возвращаясь к идее разумной достаточности, можно сказать следующее: нравственность — не просто один из критериев, позволяющий установить границы человеческой деятельности в тех или иных случаях. Она является ее всеобщим ограничивающим условием, обязывающим принять ценность самого ограничения, сдерживания. Было сказано: не бойтесь ошибаться, ибо не ошибается тот, кто ничего не делает. Однако бывают ситуации, когда лучше ничего не делать, чем ошибаться. Прежде чем говорить о разумной достаточности чего-либо, надо признать разумность самой достаточности.

В. Л. МАРИЦУК,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств, доктор психологических наук, доктор философских наук, профессор

ДОСТАТОЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Представление о достаточности как универсальном положении, регламентирующем определенный оптимум жизнедеятельности, отношений в природе и обществе, было заложено еще в христианской Библии, мусульманском Коране, иудейском Талмуде и др. Оно связано с призывами к умеренности, благоразумию.

Таковы, например, изложенные в Библии требования исключать излишества в пище, питье (1-е послание апостола Петра). Это же содержится в притчах, где излагаются увещания против корысти, расточительства, излишней торопливости. В послании апостола Павла к ефесянам есть советы против ненасытности и др.

В Коране изложены требования: употреблять власть с “соразмерностью” (Сура 67), давать воздаяние “соответственное” (Сура 78), не устремляться за отведенные пределы (Суры 7 и 70). “Кто богат (Сура 4) — пусть будет воздержан, а кто беден — пусть ест с достоинством”. Как и Библия, Коран призывает к умеренности (т. е. достаточности): “Вкушайте плоды... давайте должное во время жатвы, но не будьте неумеренны... Аллах не любит неумеренных” (Сура 6) и т. п.

Хотя биологические системы, обеспечивающие жизнедеятельность, характеризуются некоторой избыточностью, что необходимо для противостояния неожиданным ситуациям, но это входит в общее понятие достаточности как принципа, определяющего эффективное и надежное функционирование данных систем.

Понятие достаточности тесно связано с философской категорией меры, а также с некоторыми физиологическими и психологическими явлениями. Такова, например, закономерность Йеркса-Додсона, выраженная инвертированной V-кривой, суть которой в том, что мотивирование до определенной величины (до предела достаточности) ведет к повышению результатов деятельности, а затем к падению. В наших исследованиях при оценке влияния эмоционально-психического напряжения эта закономерность описывалась трапециевидной кривой: при излишнем стимулировании (нарушении принципа достаточности) люди сначала переставали на него реагировать, а затем деятельность ухудшалась обратно пропорционально стимулирующим воздействиям. Физиологическими коррелятами негативной стороны деятельности являются механизмы уравнивающей стадии в нейродинамике, а затем парадоксальной ее стадии.

Передозирование (нарушение достаточности) ведет к самым печальным последствиям даже в таких благотворных для человеческого организма явлениях, как упражнения из арсенала физической культуры и спорта. Мы обследовали группу спортсменов — мастеров высокого класса и обнаружили, что на пике спортивной формы и при максимальных соревновательных успехах у них обнаружилось резкое падение показателей гамма-глобулиновой фракции крови, характеризующей иммунную реактивность — сопротивляемость к инфекции, к простудным заболеваниям. Мы назвали это явление “функциональным СПИДом”. В последующем значимое падение иммунных свойств наблюдалось нами у ряда чемпионов, рекордсменов. Это определялось по методике оценки фагоцитарного индекса при выявлении повреждений клеток крови, появлении белка в моче и другим показателям (В. Л. Марищук. 1973, 1994, 1995, 1996. В. Л. Марищук и др. 1972, 1983, 1996). Все это прежде всего являлось результатом чрезмерных физических и эмоциональных нагрузок, т. е. нарушения принципа достаточности. Некоторые спортсмены и тренеры ради соревновательного успеха сознательно идут на нарушение оптимума нагрузок во вред здоровью; другие не понимают, что делают себя уязвимыми к различным заболеваниям. Но для достижения спортивных рекордов совсем не обязательно разрушать свой организм. Можно тренироваться с большим напряжением, не переходя критические пределы, соблюдая принцип достаточности. Еще более разрушительными последствиями характеризуются нарушения принципа достаточности в социальной жизни, в общественных отношениях. Так, например, финансовые средства представителей имущих классов могли бы обеспечивать безбедное существование подавляющего большинства населения земли, однако одни “бесятся с жиру”, а другие умирают в беспросветной бедности. Что же касается “демократических” лозунгов о якобы равных для всех правах и возможностях, то они являются лишь откровенной демагогией, как и слова о классовом мире (между кошками и мышами, волками и овцами и т. п.). Одни люди, лишённые моральных устоев, берут гораздо больше, чем им требуется; другим недостает самого необходимого.

В военном аспекте нарушение принципа достаточности тесно переплетается с экономическими и политическими проблемами. Так, зарубежным сообществам удалось втянуть бывший Советский Союз в непосильную для него и бессмысленную гонку вооружений, нанося тем самым огромный ущерб благосостоянию его народа. Имело место огромное превышение количества вооружений к необходимому (достаточному) его уровню. Ядерных боеприпасов накопилось столько, что хватило бы десятки раз уничтожить все живое на Земле. Бессмысленность такой гонки можно пояснить бытовым примером. У одного солдата оказалось 10 пистолетов, у другого — 15. Чтобы убить друг друга, им было достаточно всего по одному, а они продолжали требовать еще и еще, особенно тот, кто имел “только” 10 пистолетов.

Но речь должна идти о подлинной достаточности, в том числе и в отношении силы, чтобы не оказаться в таком положении, как наше государство, не способное противостоять бандитам в Чечне. Бандиты не только грабят, убивают, захватывают заложников в больницах, кроме того, еще требуют с нас огромную контрибуцию. Под разными предлогами деньги бандитам идут, и это в

условиях, когда многим миллионам правопослушных граждан месяцами не выплачивается законная зарплата. Труженикам нечем кормить семьи, детей. Какая уж тут достаточность?

Важно обратить внимание и на то, что достижение уровня достаточности в одной области деятельности может противостоять достаточности в другой области. Например, обеспечение американскими куриными ножками населения Санкт-Петербурга по ценам ниже себестоимости производства куриного мяса на наших птицефабриках привело к фантастическому банкротству последних. Таким образом, достаточность в обеспечении петербуржцев куриным мясом на данном этапе экономической и политической жизни может поставить город в положение остаться вообще без мяса, если американцы вдруг прекратят поставки.

Идея достаточности находит свое место в физике, химии, биологии, технике, дизайне, в науках об управлении, в искусстве и многих других отраслях человеческой деятельности. Она имеет свои каноны и в природе, в животном мире. В педагогике это доступность обучения, в психологии — положение об оптимальности и т. д. Проблема достаточности должна решаться комплексно, на основе системного подхода. Это повысит вероятность достижения успеха в решении самых различных теоретических и практических, в том числе бытовых, задач.

Учитывая важность самой идеи достаточности, ее связи с понятиями оптимальности, экономичности, социальной и биологической значимости, есть основание уделять ей соответствующее внимание при прохождении программного материала по дисциплинам гуманитарного и естественного цикла как в средней школе, так и в вузах.

А. В. СОКОЛОВ,

член-корреспондент Российской академии естественных наук,
доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов

РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

“Торжество разума в том и состоит, чтобы уживаться с людьми, не имеющими его” (*Вольтер*)

Принцип разумной достаточности выдвинут и обоснован В. В. Журкиным и его коллегами применительно к современным межгосударственным отношениям. Этот принцип еще в 70-е годы был использован Советским комитетом защиты мира при разработке предложений по ядерному разоружению, ограничению стратегических вооружений, прекращению гонки вооружений и др. В 80-е годы разумная достаточность стала одним из главных ориентиров военно-политического курса страны. Политологами разумная достаточность понимается как “известная сдержанность, самоограничение усилий государств в сфере внешней политики и военного строительства”. Благодаря “известной сдержанности и самоограничению” разрешение международных конфликтов несомненно облегчается. Нельзя ли принцип разумной достаточности осмыслить в более широком контексте, не ограничиваясь политической сферой?

При изучении мотивации человеческой деятельности обычно выявляются потребности, инициирующие ту или иную активность, и остаются в стороне мотивы прекращения этой активности. Например, А. Н. Леонтьевым постулирована причинно-следственная цепочка: деятельность — потребность — деятельность — потребность — деятельность... и т. д. В этой цепочке отсутствуют причины, обуславливающие дезактивацию потребностных побуждений и, стало быть, утрату стимулов к деятельности. Если “мотив” — это непосредственная причина начала действия, то причину окончания действия можно назвать “антимотив”. Ощущения достаточности, насыщения, удовлетворения, истощения представляют собой антимотивы, нейтрализующие начальную мотивацию. Налицо конфликтная ситуация: борьба мотивов и антимотивов, которая сопровождается в более или менее скрытом виде всякую человеческую деятельность. Именно эту мотивационную конфронтацию имел в виду К. Прутков, когда писал: “Три дела, единожды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) беседовать с возвратившимся из похода другом; в) чесать где чешется”.

Мотивы человеческой активности делятся на два типа: инстинктивно-рефлекторные (врожденные бессознательные реакции) и осмысленно-целесообразные (сознательные стремления к цели). Первый тип — биогенные мотивы; второй тип — социогенные мотивы. Антимотивы, очевидно, также могут быть биогенными и социогенными. Разумная достаточность — не что иное, как социогенный антимотив.

Бессознательные побуждения могут нейтрализоваться не только бессознательными же ограничениями, но и социогенными осознанными антимотивами. Конфликт между врожденными инстинктами и культурными нормами, развертывающийся в человеческой психике, хорошо показан психоаналитиками (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм).

Культурная деятельность (деятельность по созданию, хранению, распространению, освоению культурных ценностей) в зависимости от осуществляющего ее субъекта (индивид или социум) может быть индивидуально-культурной (ИКД) или социально-культурной (СКД). ИКД и СКД могут мотивироваться абсолютными потребностями (А-потребности), вторичными потребностями (В-потребности), спонтанными потребностями (С-потребности).

А-потребности, обуславливающие ИКД, — это врожденные мотивационные механизмы, в силу которых осуществляются речевая и мыслительная деятельность, коммуникационные контакты (потребность “в другом человеке”), творческая инициатива, познавательные, этические, эстетические побуждения. Антимотивами, ограничивающими ИКД, являются либо физиологическое утомление, либо культурные нормы. Известны попытки разумного самоограничения ИКД, например, отказ Л. Н. Толстого от творческой деятельности, но эти попытки — трагические следствия раздвоения личности.

Индивидуальные В-потребности — это потребности в культурных ценностях, выполняющих функцию инструментов в материально-преобразовательной или духовной деятельности индивида. Здесь уместен вопрос о разумной достаточности накопленных индивидом средств, но почвы для острых конфликтов нет.

С-потребности — это индивидуальные интересы, симпатии, отвращения, пороки, слабости, моральные регулятивы, развивающиеся в процессе жизнедеятельности и обладающие большой побудительной силой в ИКД. Они могут явиться причиной деформации потребностно-мотивационной сферы личности. Здесь требуется не только разумное самоограничение, но и разумное воспитательное воздействие со стороны социально-культурных институтов.

Источниками СКД служат социальные А-, В-, С-потребности, для удовлетворения которых создаются социально-культурные институты (школы, библиотеки, музеи, театры, литература, религия и т. д.). Поскольку социально-культурные учреждения далеко не всегда могут обеспечить самокупаемость, возникает вопрос о разумной достаточности, так сказать, “социально-культурной вооруженности” общества. В нашей стране принцип разумной достаточности в сфере культуры давно уже подменен принципом “финансовой остаточности”, пагубные последствия которого общеизвестны.

Принцип разумной достаточности, столь успешно использованный на международной арене, было бы полезно перенести в область социально-культурной деятельности. В деградирующей социально-культурной системе образуются отравляющие соединения и средства массового уничтожения, которые по разрушительному и поражающему действию конкурентоспособны с ядерным оружием. Вместо комитетов защиты мира пора создавать комитеты защиты культуры.

В. Г. ИВАНОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

“ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО” НРАВСТВЕННОСТИ — ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛОГ КАТЕГОРИИ РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ

“И какой русский не любит быстрой езды!” — воистину Гоголь умел “зреть в корень”, поскольку одной фразой выразил особенность, образа действий и образа мыслей — того, что сегодня называют русским менталитетом.

Откуда он взялся, предоставим судить Н. Я. Данилевскому и Л. Н. Гумилеву; задумаемся над следствиями. “Евразийство” России глубоко укоренилось в мироотношении и мировоззрении, породив неудержимую тягу к крайностям, к вечному “перехлесту” во всем — от жестокостей деспотизма до стихии бунта “бессмысленного и беспощадного”, до поэтизации любых “слишком” в романтизме Лермонтова и символизме Брюсова; от мелочей до глобальных проблем, от фольклора до социальных проектов (точнее, социальных утопий) русских мыслителей и политических деятелей. Чего стоит “кривая” отношений к иностранцам, к иноземцам: либо “в морду!” — либо “ручку пожалуйте!”, либо некритичное, всеядное заимствование — либо “железный занавес”, либо мечты славянофилов — либо грезы западников. Если изменять — то в корне; если сохранять — то обязательно мумифицировать. Сонность реакционного застоя и нервная спешка перемен, да так, чтобы все переменялось в одночасье — “по щучьему веленью”. От террора самодержцев — к революционному террору, и в результате — очередная груда наломанных дров, руины, страшные своей обыденной бесчеловечностью: “лес рубят — щепки летят!”. Готовность разрушить “до основанья”, а на “затем” уже ни пороху, ни времени не хватает. Если вдуматься, то не случайно в республиканской Франции был создан пантеон, а в революционной России — мавзолей. Вместе с тем, пожалуй, ни в одной стране не было уничтожено столько кладбищ и церквей — при бесконечном повторении о “любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам”. Слова о верности традициям, преемственности и — дела, по сути своей отрицающие и то и другое!

Осознав всеохватывающую масштабность подобных перехлестов и их поэтизацию, уже не удивишься органическому неприятию кропотливого созидания, не громкого, не “показушного”, а прочного постепенного “устроения жизни”. Над чем смеялись и что проклинали передовые мыслители в XIX и начале XX века? “Теорию малых дел”, “время жалкой постепенщины, на смену которой придет развитие стремительное и радикальное” (Л. А. Аннинский). К чему “возделывать свой сад”, лечить людей, учить детей, строить дороги и города, когда “труба зовет снова в поход”, чтобы “на горе всем буржуям” раздуть мировой пожар! Эгей! “Клячу историю загоним!...” и в очередной раз окажемся... у разбитого корыта.

Отсюда — “перманентная революция” и никаких эволюций. Отсюда — презрение к реформам и печальная судьба не революционеров (их судьба, их гибель всегда героична: “Безумству храбрых поем мы песню!”), а реформаторов, впадающих в монаршую немилость или погибающих под бомбами или пулями.

Быть может, самая неприемлемая для подобного склада национального характера, для русского менталитета философская категория — категория меры. “Мера, если она определена не внешне, а природой вещи, качеством, есть специфическое сколько... Когда изменяется мера вещи, изменяется сама вещь, и нечто, переходя свою меру, увеличиваясь или уменьшаясь сверх меры, исчезает” (Г. В. Ф. Гегель). “Если явление изменяется непрерывно, то это значит — у него нет внутренней меры, схемы его как целого, в силу соотношения и взаимной связи его частей и элементов полагающей границы его изменениям” (П. А. Флоренский).

Мера есть определенность вещи, явления, человеческого деяния, социальной структуры, социальных изменений, название которым — реформы; их “перехлест” есть либо революция, либо контрреволюция, глухая реакция.

Приняв разумную достаточность как мировоззренческую парадигму реформирования России, мы совершаем важный шаг в преодолении той исторической парадигмы (назовем ее “парадигмой крайностей”), которая господствовала в нашем менталитете и при любых реализованных на практике крайностях неизбежно заводила в тупик. Можно было бы сказать, что исконное стремление к быстрым переменам, попытки преодолеть историческую дистанцию героическим

скачком (“из царства необходимости в царство свободы”) или напряжением всех сил (любой ценой “догнать и перегнать!”) завершались слишком дорогой ценой за некоторое продвижение — в лучшем случае, в худшем — в отбрасывании назад вследствие перенапряжения сил, уходящих на восстановление “разрушенного до основания” и на лихорадочное соревнование вместо спокойного и уверенного, без поспешности самосозидания.

Не единожды и, на мой взгляд, верно говорилось, что наибольшие сложности в деле преобразования России заключаются в изменении образа мыслей, привычных стереотипов сознания; а поскольку в этом сознании определяющую роль играют система духовных ценностей и моральное сознание (как общественное, так и индивидуальное), есть достаточное основание рассмотреть проблему меры (разумной достаточности) с этической точки зрения.

В этике со времен Аристотеля проблема меры трансформируется в проблему добродетели вообще и добродетели благоразумия, в частности. “Если всякая наука успешно совершает свое дело... стремясь к середине и к ней ведя свои результаты, имея в виду, что избыток и недостаток губельны для совершенства, а обладание серединой благотворно... то и добродетель... будет, пожалуй, попадать в середину... По сущности и по понятию, определяющему суть ее бытия, добродетель есть обладание серединой, а с точки зрения высшего блага и совершенства — обладание вершиной...” (Аристотель).

“Золотое правило” нравственности есть как раз разумное и достаточное основание межчеловеческого общения: “Не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы он делал по отношению к тебе” — от глубокой древности к заповедям Христа и к суждениям философов нового времени — Монтеня и Юма, Гегеля и Фейербаха, Толстого и Швейцера и даже Карла Маркса, сказавшего, что бесспорным прогрессом в жизни человечества будет ситуация, когда простые правила нравственности и справедливости, соблюдаемые в отношениях между людьми, станут соблюдаться и в отношениях между государствами. Эти правила рассматривались именно как минимум нравственности, достаточный для того, чтобы люди могли сотрудничать в созидательной деятельности.

Благоразумие и есть то интеллектуально-нравственное качество, та добродетель, реализация которой обеспечивает соблюдение “золотого правила” нравственности; благоразумие — не только “качество, наиболее необходимое для свершения какого-либо полезного предприятия (и благодаря которому) мы поддерживаем общение с другими людьми..., взвешиваем каждое обстоятельство дела, которое мы предпринимаем, и применяем наиболее надежные и безопасные средства для достижения той или иной цели” (Д. Юм), но и реальная возможность предвидения последствий наших поступков (Т. Гоббс). Это та самая “совесть... с арифмометром” (по ироническому выражению одного журналиста), которую отстаивал в своей монографии о проблеме выбора В. А. Бакштановский и которая, как и должно было быть, высмеивалась и унижалась революционными романтиками: “Надеюсь, верую вовеки, не придет ко мне позорное благоразумие” (В. Маяковский).

Органическая связь благоразумия с реформами была подчеркнута уже Ф. Бэконом в его опыте “О новшествах”: “Не следует... решаться на новые опыты в государстве, кроме случаев крайней необходимости или очевидной пользы, и надо непременно удостовериться, что именно преобразования повлекут за собой перемены, а не жажда перемен служит предлогом к преобразованию”.

Воистину сегодня, когда осознано, что жизнь человеческая есть высшая ценность, и очевидно, что мощь, какой располагает человечество при любой ошибке (тем более ошибочной стратегии), может погубить весь род человеческий, принцип “золотой середины”, “добродетели благоразумия”, органично соединяющий человеческую свободу и ответственность, закрепленные в Декларации прав человека и в первой главе Конституции Российской Федерации, должен стать принципом деятельности каждого, кому дорого возрождение России. Это должен быть принцип разумной достаточности, прозвучавший некогда в клятве Гиппократ: “НЕ НАВРЕДИ!”.

Э. В. СОКОЛОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор

“ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО” КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ

1. Идея “открытого общества” — это идея, которая соединяет в себе многие плодотворные начинания в экономике, политике, культуре, допускает и признает плюрализм мнений и своеобразие местных культур, учитывает тенденции глобализации мирового сообщества, противостоит достаточно сильным тенденциям к сепаратизму, авторитаризму, тоталитаризму и технократическому рационализму, развивает применительно к современной мировой ситуации идею единства человечества, надежности мирового социального порядка, отвечает идеалам гуманизации, демократизации и справедливости.

2. Идея “открытого общества” как современного и перспективного, противостоящая идее “закрытого общества” как древнего, племенного, военного, получила выражение в творчестве многих классиков социологической мысли конца XIX — начала XX века: Г. Спенсера (военное — индустриальное), Э. Дюркгейма (механическая солидарность — органическая солидарность), Ф. Тенниса (общность — общество), Э. Фромма (авторитарная — гуманистическая культура) и др. А. Бергсон первым ввел понятие “открытого общества”, противостоящего “закрытому”. У Бергсона эта дихотомия носит содержательно-духовный, оценочный и исторический характер. “Закрытое общество” — это ответ на систему “приказов, продиктованных безличными социальными требованиями”, а “открытое общество” — ответ на систему призывов, брошенных в сознание каждого из нас личностями, представляющими все лучшее в человечестве.

3. В дальнейшем дихотомия “открытого” — “закрытого” обществ была развита К. Поппером. “Закрытое общество” как “идеальный тип” (М. Вебер) основано на идеологии, которая: защищает косный, племенной строй, его запреты и табу; ставит государство выше личности; обосновывает экономическую автаркию государства и его нежелание включаться в зону мировой свободной торговли; представляет мир в терминах “мы” — “они”; навязывает себя другим и желает господствовать; оправдывает жестокость и террор необходимостью “спасти Отечество”. Нетрудно увидеть в этом “идеальном типе” черты фашизма и социализма сталинского типа.

“Открытое общество”, по Попперу, основано: на власти закона; доверии граждан к закону и его представителям; на уважении частной собственности и инициативы; высоком правосознании; признании всеми гражданами естественно возникающей социальной иерархии по признакам богатства, власти, квалификации; на свободной конкуренции граждан за более высокий социальный статус в обществе и свободной социальной мобильности — как горизонтальной, так и вертикальной; на отказе в большинстве случаев от применения силы и использования “дурных страстей”, таких как агрессивность, воинственность, властолюбие в безопасной или даже полезной для общества сфере; на терпимости и плюрализме мнений; на философском, гибком сознании, постоянном диалоге между людьми противоположных убеждений, который сменяет единую и монолитную веру, характерную для мифорелигиозного сознания; на вере в разум, в человека и в справедливость. “Открытое общество” признает автономию и самоценность души человека как целостной, свободной и ответственной инстанции личности.

4. В экономическом аспекте идея “открытого общества” развита Ф. Хайеком.

Главное для Хайека — это отказ от централизованного планирования и управления обществом. Он считает, что “крупницы знаний, таланта и опыта отдельных людей, сливаясь воедино в никем не направляемом процессе”, делают экономику гораздо более эффективной, чем если бы мы руководствовались единым сознательно задуманным проектом. Будучи последовательным либералом, Хайек считает, что мы “гораздо больше должны использовать стихийные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению”, хотя для обеспечения максимальной свободы действия творческих стихийных сил необходима тщательно разработанная правовая основа, опирающаяся на интересы и сознание достаточно мощного социального слоя. Хайек делает акцент на “правилах” и “законах” взаимоотношений людей, которые, однако, не выдумываются юристами, а складываются стихийно, часто в силу случайных, эгоистических причин, и отражают уровень массового сознания. Он сравнивает систему морально-правовых норм “открытого общества” с системой норм языка, который, обладая высокой упорядоченностью, также никем не выдуман.

5. Близкие по духу и направленности идеи разрабатывались также Э. Фроммом, который использовал дихотомию “здорового” и “больного” обществ, “гуманистической” и “авторитарной” религий. Э. Фромм подчеркивал необходимость веры, общих идеалов для “открытого общества”. Однако таких, которые не столько ограничивают и репрессируют свободную активность личности, сколько побуждают ее к концентрации сил для максимального самовыражения, самореализации отдельным человеком “родовых сущностных сил” на определенном, конечном отрезке истории и в ограниченном социальном пространстве.

6. Все упомянутые мыслители — теоретики “открытого общества” — подчеркивали, что человек не имеет возможности опираться на законченный, статичный проект социального устройства, который нужно лишь реализовать. В действительности “открытое общество” — это прежде всего констатация незавершенности, временности любого социального порядка и призыв проявлять максимальную ответственность и мудрость, принимая решения, учитывать как близкие, так и отдаленные последствия любых широкомасштабных мероприятий.

7. Какие бы экономические и политические процессы ни происходили в обществе, какие бы демографические и экологические сдвиги ни бросали человеку свои “очередные вызовы”, процесс социального развития осуществляется при посредстве системы массовых ценностных установок сознания, которые во многом определяют, как и во имя какой цели объединяются люди, стремясь преодолеть вызов истории или добиваясь большего соответствия реального и желаемого положения дел. Массовые морально-политические и мировоззренческие установки имеют тенденцию как к фрагментации, так и к универсализации. Если удастся избежать угрозы тоталитаризма, то все большую роль в решении общественных проблем начинают играть терпимость, плюрализм взглядов, моральная философия, которая как бы заменяет собой жесткую, закрепленную политическими институтами и высказываниями авторитетов идеологию.

В советскую эпоху в обществе преобладали два типа дискурса, два мировоззрения: наука и идеология. Другие же формы сознания подчинялись этим двум. Наука и идеология — две силы, которые сформировались в религиозном контексте, но оторвались от него, сохраняя, однако, в своих дискурсах (в реальном речевом воплощении) мощный заряд веры. Наши деды и отцы “верили” в науку, коммунизм, прогресс, в человека, в братство всех людей, будущее единство человечества. Сегодняшние тенденции развития столь противоречивы и драматичны, что здравомыслящему человеку верить во что-либо как в некую реальность, которая обязательно наступит, стало затруднительно. Но это не означает, что современный человек обречен стать скептиком, циником, пессимистом. Напротив, освободив сознание от всякого рода “дурной веры”, человек стал гораздо более чувствителен и восприимчив к голосам разума, заботы, совести и ответственности, которые сегодня уже “нечем заглушить”. Эти многообразные голоса души нередко требуют принятия разных позиций, спорят между собой. Разуму лишь на время, и то не полностью, удается объединить их нестройную переключку в согласие и созвучие, которые достигаются лучше всего на основе моральной философии.

8. Моральная философия — это тип рассуждения, лежащий на границе между научным и житейским дискурсами, между философией и жизненной мудростью. Моральная философия не проповедь, не катехизация правил нравственности. Она не есть также моральное “делание”, устремленное к добру, равно как и не дискурсивная наука, устремленная к истине. Идеи — ценности; личный голос совести; стремящийся к истине и пониманию разум; спонтанные стремления индивида к саморазвитию, обретению внутренней целостности и социальной идентичности; страсти и невольные симпатии вступают в моральной философии в диалог, спор друг с другом. При этом сохраняется интуитивное ощущение универсальности разума и логики, благодаря которым только и возможен осмысленный, не абсурдный диалог. Всякое взаимопонимание, даже между врагами, предполагает, что во всех людях есть нечто общее и, игнорируя это общее, вступать в коммуникацию — бессмысленно.

Если душа человека “открыта”, то чем больше он знает, тем больше страдает от своего незнания. Он, как правило, понимает, что мир несовершенен, что абсолютный идеал — недостижим, что вечно быть счастливым — невозможно. Невозможно полностью искоренить зло, болезни, преступления, неравенство, фанатизм, жестокость, агрессивность. Но всегда можно минимизировать зло, если глубоко осознать его корни, проявить внимание к деталям и ситуации. Все морально-философские диалоги упираются или, напротив, вводят нас в вопросы, которых, возможно, не так уж много, но которые являются “вечными”, поскольку они всегда обсуждались и будут обсуждаться, но никогда не получают окончательного и категорического решения. Это, например, вопрос о “цене прогресса” или о “слезинке ребенка”, который был поставлен Достоевским; вопрос о допус-

тимости насилия и его пределах; о сопротивлении злу силой и непротивлении злу; о соотношении между равенством и свободой, которые одинаково ценны, но совместимы лишь до известной степени; о соотношении справедливости и рациональности; о возможности равенства мужчин и женщин; о возможности эксплуатации одного человека другим и т. п. Моральная философия не решает этих вопросов догматически, то есть не устанавливает единой формулы ответа, как это делает религия, утверждая, например, что Святая Троица “нераздельна и неслиянна”. Признавая эту формулу, мы не освобождаемся от необходимости каждый раз заново решать в наших житейских ситуациях, кто прав: Отец, Сын или некая “третья сила”, выражающая всеединство человеческого духа. Поэтому моральная философия есть призыв к поиску и вечной бдительности сознания.

М. М. БОБРОВ,

Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации. Заслуженный тренер Российской Федерации, заведующий кафедрой физического воспитания Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, президент Федерации современного пятиборья Санкт-Петербурга и Ленинградской области, арбитр международной категории, действительный член Российской академии туризма, действительный член Русского географического общества, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, профессор

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТЕ

Эстетическое воспитание следует рассматривать как специфическую форму развития интеллектуального и эмоционального потенциала личности, что является составной частью гармоничного развития и предполагает наивысшую способность человека к творческой деятельности.

Принимая во внимание чрезвычайную значимость физической культуры и спорта в современном обществе, важно выяснить, при каких условиях в них возникают эстетические отношения.

Физическую культуру и спорт можно представить как игру, значение которой (в том числе и эстетическое) для формирования и развития личности несомненно, но можно представить и как школу эстетического воспитания. Особую социальную значимость приобретают физкультурно-спортивные мероприятия как массовые зрелища и празднества.

Великий философ и чемпион древних Олимпийских игр Платон писал: “Первое благо человека — здоровье, второе — красота”. По сути, здоровый организм, в нашем понимании, и есть функциональная структура на уровне совершенства. Здесь эстетическая значимость проявляется в разумной достаточности: в пластической четкости, геометрической определенности, пропорциональности, ритмике, красоте статики, грации, красоте динамики. Путь от красоты к здоровью так же верен, как и путь от здоровья к красоте.

В литературе еще встречается разделение видов спорта на “более эстетические” и “менее эстетические”. К первым относят художественную и спортивную гимнастику, шейпинг, аэробику, фигурное катание, прыжки в воду и т. п., убеждая, что они слились с искусством, ко вторым — бокс, борьбу, регби, тяжелую атлетику. Любой вид спорта способен обладать и обладает эстетической значимостью и, следовательно, воздействует на человека и этим своим свойством. Другое дело, в каких условиях проходит тот или иной вид спортивной деятельности.

Выступления на ринге олимпийских чемпионов Г. Шаткова, В. Попенченко, Т. Стивенсона не только разрушили у многих предубеждение против бокса, но и завоевали самые широкие симпатии именно своей боксерской игрой и артистичностью. То же самое мы наблюдали в боевых схватках олимпийских борцов А. Карелина и И. Ярыгина.

Активные занятия спортом не обязательно являются утилитарной целью установления рекорда и наивысших достижений. В большей степени привлекает само удовольствие от занятий, нагрузок, высвобождения энергии. Это не раз подчеркивали выдающиеся спортсмены планеты и рядовые физкультурники.

Становление личности начинается с самоутверждения индивида, с его внимания к собственным физическим качествам и их проявлению. Поэтому знание и совершенствование личных физических качеств — первый шаг к самопознанию.

В историческом плане, как известно, идеалом античной системы физического воспитания были способность владения собой, своим телом, уравновешенность и психическая ясность как следствие физического здоровья.

Спорт как игровая деятельность (как, впрочем, и любая игра) имеет активный творческий характер и предельно насыщен в эмоциональном плане. Это средство развития, тренировки физических и интеллектуальных сил, формирования самостоятельной творческой деятельности и становления личности. Игра в спорте — это самостоятельное действие, которое выражает свободу выбора человеком своего вида спорта для удовлетворения потребности в удовольствии. Условием же эстетического наслаждения выступает мера свободы в раскрытии и утверждении умственных и физических сил личности. Насколько человек в эстетическом отношении утверждает себя как свободное существо, настолько физическая культура и спорт в такой же мере порождают эстетическое воспитание.

Творческая деятельность в спорте требует от человека наибольшей активности, поэтому в ней всегда возникает переживание, которое призвано нести нервную и эмоциональную нагрузку. Таким отношением-переживанием является природа эстетического отношения. Эстетика в этом случае выступает одним из главных составляющих компонентов творчества.

Чрезвычайной эстетической значимостью обладают сами формы физкультурно-спортивной деятельности: учебно-тренировочные занятия, соревнования по различным видам спорта, туристские походы, массовые спортивные празднества. Конечно, степени этой значимости различны, диапазон их — от удовольствия созерцания до эстетического наслаждения, от физиологической необходимости до свободы раскрытия физических и интеллектуальных сил. Значимость эта усиливается тем, что через свои формы физическая культура способна оказывать прямое эстетическое действие на индивидов, непосредственно спортом не занимающихся.

Так, степень сопричастности зрителя определяют эстетические переживания, которые в наиболее полной мере проявляются в массовых спортивных праздниках и особенно в церемониях открытия и закрытия таких зрелищ, как спартакиады, фестивали молодежи, Игры Доброй воли, Олимпийские игры, где каждый присутствующий становится непосредственным участником действия и, следовательно, включается в активную творческую деятельность.

Великим мастером в организации и проведении таких праздничных зрелищ является народный артист России, профессор Б. Петров, чьи постановки в массовом исполнении спортсменов и танцоров при прекрасном музыкальном сопровождении превращаются в грандиозный спектакль, вызывающий максимальный всплеск эстетических переживаний как у самих исполнителей, так и у зрителей.

Зрелищность спорта определяется такими общими принципами, как ритмичность, архитекtonика, вариативность, композиция, декоративность, цветовая гамма, выбор мест проведения соревнований, расположение спортивных снарядов, яркие цветовые “пятна” костюмов, поведение участников и т. п.

Зрелищная притягательность всякого состязания тем более велика, если наблюдатель отдает предпочтение определенной команде или единоборцу, стремится как-то помочь, способствовать успеху своего фаворита, действуя как бы за него.

О первых спортивных праздниках и парадах, их воспитательном значении писал А. М. Горький: “С каждым годом наши парады и праздники физкультуры являются все более веселыми, яркими, богатыми. Все более тверд шаг молодежи, и ярче горит в глазах ее радость жить в стране, где так быстро и красиво воспитывается тело и так огненно, победоносно цветет в ней боевой и героический дух...”.

К большому сожалению, в нынешнее трудное экономическое время почти не проводятся крупные спортивные праздники и состязания. Все чаще мы видим пустующие трибуны во время соревнований. Сокращение спортивной работы оказывает резко отрицательное воздействие на психические и физические параметры человека, вызывая понижение эмоционального тонуса, появление усталости задолго до исчерпания энергетических запасов.

Спортивные праздники и состязания, регулярные занятия физической культурой и спортом не только укрепляют здоровье человека, но и обладают большим эстетическим воздействием, имеют возможность выразить и развить в новых формах национальные традиции. Это весьма существенно, поскольку вносит немаловажный вклад в национальную культуру, вне которой со-

вершено невозможно формирование гармонически развитой личности. Любой спортивный праздник не только способствует положительным отношениям людей к определенным социальным явлениям, но и помогает человеку понять его место в системе социальных отношений, свою позицию.

В воспитании современного человека громадную роль призваны сыграть новые праздники, обряды, посвящения, массовые торжества, в центре внимания которых высшая ценность общества — личность. Среди этих праздников спортивные выделяются массовостью, многообразием форм, зрелищностью, эмоционально-эстетическим накалом, высоким уровнем сопричастности. Они открывают путь к усвоению социальных ценностей.

Л. А. ГРОМОВА,

доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена

ИНВАРИАНТЫ РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ

Имеет ли рациональное оправдание выбор поступков, ведущих к достижению умеренного благополучия, при наличии возможностей получить самое большее и самое лучшее? Является ли человек по своей природе максимизатором, стремящимся всегда оптимизировать свои предпочтения, или его добродетелью является довольствующаяся умеренность? Поиски ответов на эти вопросы ведутся в рамках различных этических концепций: от классического гедонизма и утилитаризма до современных теорий психоанализа и экономической психологии.

Идея о том, что рациональный индивид может искать меньше того, что является для него самым лучшим, при условии, что это первое предпочтение ведет к получению удовольствия, впервые была высказана Эпикуром и описана в трех видах желаний. Естественные и необходимые желания избавляют от страданий (сон, еда); желанья естественные, но не необходимые разнообразят наслаждения, но не снимают страданий (роскошь, богатство); желанья не естественные и не необходимые порождены праздными мотивами (величие, слава).

Какой бы обоснованной критике ни подвергалась концепция гедонизма, но две его ценностные установки вошли в нравственный опыт общечеловеческой культуры. Во-первых, гедонизм обосновал взгляд на человека как суверенную и самоцельную личность, высший смысл которой — поиск удовольствий (киренаики) или внутренний покой, атараксия (Эпикур). Стремление к удовольствию является выражением индивидуальной свободы и произвольности человека. Во-вторых, гедонизм призвал быть внимательным к человеческим нуждам, показав, что нельзя требовать добродетели от человека, желанья которого не удовлетворены.

Наслаждение — это то, что усиливает привлекательность цели, если с ней связаны ожидания позитивных результатов. Если же цель отдалена, а выбор средств ее достижения сопровождается болью и страданиями, то в этом случае принцип удовольствий предписывает умеренность, благоразумие, ограничение удовольствий не для того, чтобы навсегда отказаться от желаемого, а чтобы уметь быть счастливым и тогда, когда нет возможности достичь желаемого. Это является условием независимости человека от мира и достижения внутренней непротиворечивости.

Продолжением гедонистической традиции понимания разумной достаточности стал классический утилитаризм. И. Бентам признал пользу критерием благоразумия и обосновал вывод: хороши те желанья и поступки, которые способствуют личному благу и при этом увеличивают счастье других людей. Развивая эту идею, Дж. Ст. Милль подчеркнул, что счастье не сводится к сумме наслаждений и зависит как от способностей человека, так и от его чувства собственного достоинства. Ставшее афоризмом его высказывание: “Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей” — служит предупреждением о недопустимости смешивать счастье и довольство. Милль даже оправдывает жертву индивидуальным счастьем, если она может быть полезна для счастья других, но указывает, что это происходит по причине “крайне несовершенного устройства человеческого быта”. Жертва не может служить целью сама по себе. Поэтому самоотверженность и альтруизм не являются нормой поведения, а скорее исключением, так как цель добродетели — увеличение счастья, а не страданий.

Выступая с критикой утилитарно-гедонистической концепции, Вл. Соловьев справедливо обратил внимание на «грубый софизм, основанный на двояком значении слова “польза”». Недопустимо отождествлять пользу и благо, добро. Ибо добро в этическом смысле выступает как должное. И было бы большим заблуждением считать, что все люди желают того, что должно. Тем более, что выполнение требований должного не всегда сопровождается получением максимального наслаждения или пользы. Требование благополучия как совокупности приятных переживаний можно отнести к природным требованиям. Но человек как существо разумное подчиняется еще и разумным требованиям долга. Ошибочность утилитаризма состояла в том, что все удовольствия рассматривались им как различимые лишь по силе переживания. В действительности значение удовольствий определяется их качественным разнообразием, что связано с разнообразием ценностей, влияющих на моральный выбор поступков.

Аксиологический анализ критериев разумной достаточности дан в работах Э. Фромма. Самый примитивный способ подчинения своего поведения принципу благоразумия, считает он, характерен для людей, ориентированных на тип удовольствий, который обозначен термином “satisfacer” (букв. сделать достаточным). Для сатисфайзера благоразумие является средством оптимизировать свой выбор и найти удовольствие в предпочтении меньшего большему, приемлемого — лучшему. Это выражается в стремлении к репродуктивной деятельности, перераспределению ценностей, обмену товарами, услугами, информацией; способностью манипулировать ситуацией и другими людьми, эффективно использовать сообразительность, но не разум. Индивидуальность, творчество, бескорыстие, любовь не являются для него значимой ценностью.

Другой тип — иррациональные удовольствия — связан с дисфункцией психической сферы. Например, страстное желание славы, богатства, господства или, напротив, подчинения, враждебности, жадности, ревности коренится, по мнению Э. Фромма, в структуре характера человека и в тех условиях, которые его развивают. Эти иррациональные, садомазохистские желания отличаются ненасытностью, отсутствием продуктивности и, как следствие, бессилием и страхом, которые становятся причиной невротических состояний.

Третий тип удовольствий — радость — есть проявление продуктивной активности, основан на рациональном выборе предпочтений, среди которых приобретение и потребление играют подчиненную роль. Человек выходит за пределы утилитарных ценностей. Доминирующую роль начинают играть ценности, определяемые желанием выразить себя, утвердить собственное достоинство, придать смысл своему существованию, создать нечто большее, чем нужно себе самому, преодолеть озабоченность собственными удовольствиями. Продуктивная деятельность служит основанием для совпадения наслаждения, удовольствия, альтруизма и творчества. Разумному человеку достаточно того, что необходимо для развития его сущностной творческой природы.

Г. С. УСЫСКИН,

доктор исторических наук, вице-президент Санкт-Петербургского туристско-спортивного союза, председатель Комиссии по истории ленинградского туризма, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ИДЕЯ РАЗУМНОГО ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ

1. Уникальность спортивно-оздоровительного туризма состоит в органичной реализации духовных, спортивных и познавательных потребностей человека, способствующей духовному и физическому возрождению народа, что сегодня актуально для России.

2. Туризм как массовое социальное движение, достигшее широкого размаха в предшествующие годы, в настоящее время лишился развитой структуры общественных и штатных организаций, огромного туристского пространства, которое по своим физико-географическим, национальным, культурным и историческим условиям служило благодатной основой для развития туризма.

3. Реализации социального назначения в туризме способствовала рациональная, проверенная и корректируемая опытом организация взаимодействия самих туристов, их общественных организаций различного уровня.

4. С нарушением единого туристского пространства, распадом организационных структур, игнорированием социального назначения спортивно-оздоровительный туризм находится ныне в критическом состоянии.

Почти полностью свернута работа туристских секций на предприятиях, в вузах и других учреждениях. Сократились туристские походы школьников. Стоимость туристского снаряжения, транспортных расходов возросла до недоступных массовому туристу величин.

5. Восстановление и дальнейшее развитие спортивно-оздоровительного туризма не следует подменять понятиями “рынок туризма”, “индустрия туризма”, “туристический бизнес”. Туризм несет в себе прежде всего социальную значимость. Необходимо провести четкую границу между социальным назначением туризма и использованием его сферы для получения доходов.

6. Мировоззренческая идея разумного времяпрепровождения в туризме сформулирована в обращениях к государствам, парламентам, общественным организациям стран с призывом содействовать развитию туризма. В одной из статей Манильской декларации по мировому туризму (1980) записано: “При практике туризма духовные ценности должны преобладать над элементами материального и технического характера. Такими основными духовными ценностями являются следующие: а) полное и гармоничное развитие человеческой личности; б) постоянно возрастающий познавательный и воспитательный вклад...”.

7. Определенные надежды на восстановление спортивно-оздоровительного туризма мы связываем с заверениями заместителя председателя Государственного комитета по физической культуре и туризму Сергея Павловича Шпилько. По его словам, Госкомитет выступил в правительстве с предложением государственной поддержки самостоятельного спортивно-оздоровительного движения. С. П. Шпилько пишет: “Государство должно его поддерживать, в том числе и финансами, хотя бы десятой или сотой частью того, что уходит на какую-то другую социальную сферу... Я все-таки надеюсь, что здравый смысл победит и когда-нибудь придет время, когда туризм станет неотъемлемой частью жизни любого человека”.

ЛИ ДИН,

президент Балтийской ассоциации су-джок-терапии, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, профессор

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ С ПОЗИЦИИ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Под “цивилизацией” мы имеем в виду такие народы, чья культура уже достигла высокого уровня развития. Этот уровень характеризуется изобретением письменности, созданием календаря, а также развитием крупных общественных образований, селений и городов, имеющих администрацию, своды законов и монументальную архитектуру.

Возникновение цивилизаций — лучшее подтверждение эволюции человечества. Но почему же все ранние цивилизации зародились не в произвольных точках земного шара, а в определенных географических зонах (в сравнении с возрастом Земли практически одновременно)? Мы отвечаем на этот вопрос с позиции восточной философии Су Джок.

1. Историко-географический аспект возникновения ранних цивилизаций.

По свидетельствам истории, ранние цивилизации располагались в совершенно определенных местах земного шара. Они возникали в теплых и плодородных районах, по берегам крупных рек.

Археологические данные подтверждают, что первые цивилизации появились свыше 10 000 лет назад на Ближнем Востоке: в районе Плодородного Полумесяца, который располагается на

территории современных Турции, Сирии, Ирана и Ирака. Это цивилизация в Месопотамии (Междуречье) и бурно развивавшаяся цивилизация шумеров, находившаяся на территории современного Ирака (30-я параллель).

В эпоху, когда в Месопотамии возникали города-государства, в Египте сложились такие культурные и экономические условия, которые привели к появлению первого великого народа в мировой истории. Около 5000 года до н. э. в долине реки Нил (25—30-я параллели) одна за другой возникли три цивилизации, известные сегодня как культуры Будари, Амра (Накада I) и Герзе (Накада II).

На территории Индии археологами найдены неопровержимые свидетельства существования цивилизации в долине реки Инд (25-я параллель) около 3000 года до н. э.

Южнее Египта, в Нубии (15—20-я параллели), приблизительно в это же время также появляется цивилизация.

На Дальнем Востоке обнаружены останки древнейших людей. Подобные находки на территории Китая датируются 30-м тысячелетием до н. э. Однако цивилизация (культура Янтао) возникла в Китае значительно позже, около 5000 года до н. э., в долине реки Хуанхэ (35-я параллель).

Почему цивилизации возникают одна за другой в строго определенном географическом поясе земного шара (от 15 до 40-й параллели Северного полушария)? Что стоит за благоприятными природно-климатическими условиями?

2. Взгляды восточной философии Су Джок.

Восточная философия Су Джок позволяет дать ответы на поставленные вопросы.

Одним из краеугольных камней философии Су Джок является учение о шести энергиях. Шесть энергий (Ветер, Тепло, Жар, Влажность, Сухость и Холод) — наиболее важный фактор, влияющий на жизнь. Ими наполняется Вселенная: все, что окружает нас, и все, что наполняет нас изнутри. Если находящиеся внутри и снаружи шесть энергий сбалансированы, то человек здоров; если баланса нет, то возникает болезнь.

На Солнце жизни нет, потому что там доминируют энергии Жара и Ветра, а баланса шести энергий нет. На Луне жизни также нет, потому что там недостает энергии Ветра. На Земле жизнь (и в том числе человек) существует только благодаря тому, что здесь шесть энергий сбалансированы.

Баланс шести энергий не остается постоянным. В разные времена года поочередно доминируют разные энергии, оказывая благотворное влияние на все живое. Весной доминирует энергия Ветра, в начале лета — энергия Тепла, в конце лета — энергия Жара. В начале осени доминирует энергия Влажности, в конце осени — энергия Сухости и, наконец, зимой — энергия Холода.

С энергией Ветра связано начало любого изменения, любого процесса. Эта энергия необходима для того, чтобы пришли в движение явления и предметы. Не случайно именно весной все живые существа освобождаются от долгой зимней неподвижности.

Вслед за энергией Ветра наступает черед энергии Тепла. Под ее влиянием пробудившееся живое становится активным. Движение убыстряется, растения и животные стремительно развиваются при теплой погоде.

За Теплом следует Жар. Он позволяет всем живым существам завершить свое формирование, созреть.

На этапе доминирования Влажности, после полного расцвета, начинается спад.

Сухость, сменяющая Влажность, устраняет Тепло и Жар, принося с собой прохладу. Движение жизненных соков замедляется, предметы начинают сужаться.

Зимой доминирует Холод. Под его влиянием предметы проявляют тенденцию к сокращению и занимают наименьший объем. Многие живые существа впадают в спячку. Холод — последняя стадия годового цикла шести энергий и последняя стадия цикла жизни.

Шесть энергий влияют на эмоциональную и ментальную сферы человека. Ветер вызывает в человеке гнев и оригинальность, Тепло — радость и желание, Жара — счастье и амбициозность, Влажность — тревожность и сознательность, Сухость — печаль и волю, Холод — страх и мудрость.

3. Причины возникновения ранних цивилизаций.

С позиции философии Су Джок, определяющее влияние на возникновение ранних цивилизаций оказали сезонные изменения баланса шести энергий.

Именно в географическом поясе между 10—40° северной широты баланс шести энергий особенно гармоничен, а доминирующие энергии с неизменным постоянством сменяют друг друга в строго определенное время года в течение тысячелетий. Поэтому указанный географический пояс можно назвать *поясом разумной достаточности* условий окружающей среды.

Эти условия плодотворно сказывались на флоре и фауне, а главное — на жизнедеятельности человека, в том числе на его ментальности. *Таким образом, обстановка разумной достаточности послужила причиной качественного скачка в развитии человечества — создания цивилизаций.*

Это подтверждается также и тем, что цивилизации многих народов были созданы ими только после переселения в регионы пояса разумной достаточности. Именно так возникли цивилизации Древней Греции и Древнего Рима.

С. Б. ТИХВИНСКИЙ,

главный специалист по спортивной медицине Санкт-Петербурга, профессор кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор медицинских наук, мастер спорта

РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ В СПОРТЕ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ

Стремление к самоутверждению, к достижению целей, к успеху свойственно каждому человеку. Но не всегда одно вдохновение, желание или трудолюбие приводит к успеху, тем более если речь идет о большом спорте. Выдающиеся атлеты: пловец В. Сальников, легкоатлет-прыгун В. Санеев, бегун-спринтер В. Борзов, бегунья на средних дистанциях Т. Казанкина, бегуны-стайеры В. Куц и П. Болотников, лыжница Г. Кулакова и сотни других мировых и олимпийских чемпионов — это не только великие труженики, но и люди, обладающие особыми врожденными, природными индивидуальными особенностями, позволявшими им неоднократно опережать тысячи соперников. Они были лучшими из лучших.

Из фундаментальных биологических наук известно, что в основе нашего макроорганизма лежит микроорганизация в виде первоосновы — клетки. С точки зрения цитологии, на каждом этапе онтогенеза анаболический эффект клеток определяется генетическим наследственным кодом развития эндо- и экзогенных параметров: температура, достаточность обменных процессов, биофизические характеристики и др. При вмешательстве в анаболический процесс “генной инженерии” может возникнуть принципиально новая ситуация и в конечном итоге возможно другое биологическое образование. Те же тенденции развития наблюдаются в человеческом макроорганизме. Могут ли быть “возмущающие факторы” в онтогенезе — задерживающие или ускоряющие процесс развития? Несомненно. К подобным факторам относятся все стрессы, на которые организм отвечает общей адаптивной “защитной реакцией”, не меняющей общей тенденции развития — совершенствование как отдельных функциональных систем, так и всего организма. Компенсация, суперкомпенсация, возбужденный синтез, срыв адаптации, дезадаптация, потеря защитных элементов при возникновении иммунодефицитных состояний, даже потеря организмом отдельных органов или выключение определенных функций в виде глухоты, потери зрения, обоняния, чувствительности и т. д., но при всем том направленность генеалогического развития данной клеточной популяции неизменна. У оглохшего, у ослепшего, у инвалида может появиться потомство, лишенное пороков, приобретенных их родителями. Другое дело, если мы рассматриваем отягощенную наследственность, когда выявляются пороки развития или наследственные заболевания.

Теперь по поводу антропомаксимологии. Генофонд человечества огромен, и цивилизованному обществу предстоит решать, какого человека в будущем необходимо иметь прогрессивному человечеству. Если для баскетбола нужны гиганты, для тяжелой атлетики и борьбы — супертяжеловесы, для легкой атлетики — бегуны на короткие и длинные дистанции и т. п., то уже сегодня мы можем приступить к их воспроизводству “в пробирках”. Норма для подобных суперменов абстрактна, но она всегда индивидуальна. Разумная достаточность должна быть индивидуальна и строиться на принципах антропологии.

Современная спортивная наука создала определенный образ “НОМО OLYMPICUS” в каждом виде спорта. При этом не отрицаются конституциональные особенности людей, которые, по нашему убеждению, не могут быть изменены в процессе онтогенеза. С учетом генеалогического анамнеза, определенного типа высшей нервной деятельности, типа конституции, уровня и темпа биологического созревания, объективных морфологических и парциальных интегративных функциональных

данных, полученных в тестировании, оценивая иммуно-биологическую резистентность, современные специалисты по спорту довольно успешно решают вопросы о талантливости того или иного спортсмена в определенных видах мышечной деятельности и предлагают многолетний тернистый путь к спортивному Олимпу. При этом объем и интенсивность разнообразных тренировочных средств определяются разумной достаточностью с учетом роста и развития юных спортсменов. Существуют разнообразные подходы к оценке эффективности применяемых в различных видах спорта тренировочных средств. Главное — не навредить здоровью спортсмена, превратить его талант в гениальность, в общечеловеческое достояние в виде мирового рекорда или олимпийского достижения. Рекорд любой ценой, в ущерб здоровью (прием особых допингов и др. мероприятия) неприемлем для мирового спорта. Роль спортивной медицины при этом неоспорима.

Г. Т. КОМЛЕВА,

Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии России, президент Международного общества русского стиля танца, балетмейстер-репетитор Мариинского театра;

А. А. СОКОЛОВ-КАМИНСКИЙ,

руководитель исследовательского центра Фонда Ф. В. Лопухова, член редколлегии журнала "Балет", доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

ПРИНЦИП РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ В РУССКОМ БАЛЕТЕ КОНЦА XX ВЕКА

Ощущение рубежа возникло давно — рубежа, обозначающего стык эпох. Исчерпанность идей обнаружилась прежде всего в балетмейстерском творчестве. Талантливое могло возникать, но как бы вопреки общим тенденциям безвременья. Мы учились радоваться малому и довольствоваться скромными успехами. Эксплуатация собственных находок или, еще чаще, чужих стала мерилom благонравия хореографа. Великая традиция великого русского балета озарилась открытиями конца пятидесятых — начала семидесятых годов, чтобы затем впасть в апатию, торопливо ступешеваться, погрузиться в угрожающе затянувшуюся спячку. Это ли не конец света в нашем, балетном, мире?

Паралич души вскоре перекинулся на исполнительство. Спортивное, акробатическое начало в танце присутствовало всегда. Правда, в эпохи созидательные оно занимало в иерархии выразительных средств свое, особое, но все же отнюдь не главное место. Ныне спортивность танца стала кратчайшим путем достижения успеха. Все остальное требует значительно большей затраты времени, сил, души, таланта. Умопомрачительно увеличилась амплитуда вздернутых ввысь ног; это, может быть, и не было бы предосудительно, если бы вместе с тем не оскудела палитра танцевальных красок — тех самых, что разрабатывались многими поколениями педагогов, хореографов, артистов на протяжении веков. Граница, отделяющая технологию танца от художественной свободы самовыражения, оказалась непреодолима для нескольких поколений несомненно одаренных от природы исполнителей. Победивший практицизм выдвинул новые идеалы и жизненные установки. У педагогов и репетиторов, в той или иной мере сохраняющих достижения предыдущих поколений, эти жизненные и эстетические установки обычно другие. Так углубляется взаимонепонимание. Исчезает возможность диалога. Каждая из сторон кажется другой едва ли не глухонемой.

Но ведь все это уже было, было и было! И не один раз! Нечто похожее происходило в начале века: традиция казалась исчерпанной, сдавала позиции перед натиском преобразующих новомодных тенденций, чтобы обновленной и окрепшей выйти из этой навязанной и, как выяснилось, плодотворной борьбы. Разве революция не готова была отказаться не только от накопленных традиций богатств, но и от самого балетного жанра как такового — ради туманных обещаний нового демократического искусства? В итоге в советском балете жизнеспособное рождалось как развитие лучших традиций прошлого, по-новому осмысленных и талантливо претворенных. Значит, беспокоиться не стоит, кризисным явлениям можно даже радоваться как предвестию будущих взлетов, открытий, побед?

И все-таки избавиться от тревожных ощущений, принимающих иногда и более определенные драматические очертания, не удастся. Потому что сегодня разрушению подвергаются устои — школа классического танца и балеты классического наследия. На словах клянясь в верности заветам А. Я. Вагановой, школа утратила не только осмысленную цельность вагановского метода, но и многое из найденных русской школой и подытоженных великим педагогом коренных основ в обучении классическому танцу. А шедевры прошлого, увы, поражают масштабом вольных и бессмысленных переделок — в угоду очередному исполнителю или сомнительному вкусу репетитора и педагога. И здесь уж не до “тонкостей” — таких как стиль, образное осмысление — и всего того, что делает танец художественным, сферой духовной жизни человека.

Сохранить для потомков русскую школу танца и классический репертуар — на наш взгляд, и есть главная задача для нас сегодня. Это ли не “принцип разумной достаточности” для русского балета конца XX века?

Т. А. ЕВДОКИМОВА,

заведующая кафедрой физических методов реабилитации и спортивной медицины Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, доктор медицинских наук, профессор;

О. М. ЕВДОКИМОВА

ОПТИМИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ ПРИ НАРУШЕНИЯХ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО СТАТУСА ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Кроме групп населения “здоров”, “практически здоров” и “болен”, выделяют категорию лиц с донозологическими изменениями состояния здоровья. В последние десятилетия резко возросло число лиц среди молодежи с отклонениями нервно-психического статуса. Одним из существенных оздоравливающих воздействий при этом может быть применение различных физических упражнений.

Вопросы оздоровительной физической культуры при донозологических изменениях нервно-психического статуса (НПС) представляются наименее изученными. Исследования последних лет, проводимые в НИИ физической культуры, и анализ литературы позволили выделить среди здоровых группу лиц с донозологическими изменениями НПС (астенический, тревожно-мнительный и депрессивный синдромы). Указанная группа лиц характеризуется неадекватным восприятием интенсивности физических нагрузок, что может привести в результате нерациональных занятий к ряду нежелательных последствий. Стандартное дозирование интенсивности физических нагрузок при самостоятельных занятиях будет сопровождаться ощущением дискомфорта, отсутствием чувства удовлетворения от выполненной работы, что, в свою очередь приведет к снижению мотивации к занятиям и отказу от них.

Продолжение занятий, несмотря на отсутствие чувства комфорта, может усилить состояние тревожности вместо его снижения, что, несомненно, значительно снизит тренировочный эффект, а в отдельных случаях может привести к развитию психосоматической патологии.

Исходя из накопленного опыта, освещенного в отечественных и зарубежных публикациях, мы полагаем, что в случаях отклонений психического здоровья на доклиническом уровне целесообразно использовать как аэробные, так и анаэробные виды физических упражнений умеренной интенсивности. Программа оздоровительной физической культуры для этих лиц должна базироваться на общих методах и быть дополнена специальными комплексами физических упражнений в зависимости от специфики синдрома донозологического состояния.

Так, лицам с астеническим синдромом рекомендуется использовать физические упражнения в воде и силовые упражнения, что способствует тренировке и усилению процессов активного торможения, восстановлению и упорядочению возбудительного процесса, повышению эмоционального тонуса. Лицам с высоким уровнем тревожности следует включать в программу оздоровительной физической тренировки упражнения на координацию и равновесие, так как они

способствуют формированию сосредоточенности, концентрации внимания, снижению различного рода фобий. Упражнения с сопротивлением имеют целью сформировать установку на преодоление трудностей, уверенности в достижении успеха.

В случаях депрессивного синдрома следует признать целесообразным широкое использование игр, эстафет, упражнений, развивающих качества скорости и ловкости, элементов хатха-йоги. Подобное сочетание, с нашей точки зрения, будет способствовать расшатыванию инертных корковых процессов, окажет оптимальное влияние как на настроение, эмоциональный тонус, так и на развитие коммуникабельности, формирование социальной поддержки среди занимающихся.

Для лиц с депрессивными и тревожно-мнительными синдромами рекомендуются упражнения с использованием мышечной релаксации, которые способствуют снижению активации физиологических функций, нормализации кортиковисцеральной регуляции, что ведет к психической релаксации.

Таким образом, при нарушениях НПС оздоровительные тренировки должны базироваться на принципах ЛФК при неврозах, с учетом новых средств и методов, на общих положениях применения физических упражнений при донологических НПС и дифференцированном построении занятий в зависимости от синдромальной специфики.

БОГДАН СОЙКО,

протоиерей, настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ПРИНЦИП РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Принцип разумной достаточности рассматривается в сфере социально-экономического, политического, военно-промышленного, экологического, культурного, гуманитарного, философского, нравственного состояний жизнедеятельности человека и общества.

Этот принцип усматривают в Библии, Талмуде, Коране как регламентирующий способ материального благосостояния народа, исключающий разного рода излишества.

Нравственно совершенная личность — это воплощение в живом человеке высоких идей любви и правды. Чем выше идея, тем больших усилий требует она для своего осуществления. Чтобы всецело овладеть идеей, все наши духовные способности должны быть направлены на нее одну. Путем медленного постоянно увеличивающегося взаимодействия с другими нашими идеями необходимо постепенно расширять круг своего влияния. Чтобы идеал евангельской любви и правды стал нашим неотъемлемым достоянием, мы должны уделять ему особое внимание.

Евангелие дает нам совершеннейший идеал жизни. Нравственный облик человека, воплощенный в Божественном Провозвестнике любви, дышит чарующей духовной красотой.

Жизнь с Сократом должна умудрить человека, с Аристидом — сделать его справедливым, с Савонаролой — стойким, а жизнь с Христом должна сделать человека подобным Христу — христианином, усыновленным Богом Отцом.

Созидающийся в нас образ Христа должен быть преимущественной задачей нашей личной и общественной жизни.

“Никто не ищи своего, но каждый пользы другого. Все, что продается по торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести; ибо Господня земля, и что наполняет ее” (I Кор. 10, 24—26).

“Едите ли, пьете ли или иное что делаете, все делайте в славу Божию” (I Кор. 10, 31).

“Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного” (Мф. 5, 16).

Юноша, символ всего человечества, в стихотворении Гейне спрашивает:

“О, разрешите мне жизни загадку,

Вечно тревожный и страшный вопрос.

Дайте ответ мне, что тайна от века?

В чем состоит существо человека?

Что он такое? Куда он идет?

Кто там вверху, над звездами живет?"

В уяснение этих вечных недоумений ума и сердца лучшими людьми мира в глубокой древности в Элладе, Египте, на берегах Ганга, в Аравии на камнях скал, на свитках папируса, на медных таблицах, на кусках кожи было написано множество обширных книг, отдельных законов, правил, наставлений, но жизнь упорно хранила свою великую тайну.

"Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине" (Ин. 4, 24), — провозгласило Евангелие и тем впервые вознесло мысль о Боге выше мира и людских страстей. Путь служения Богу и людям — в нравственном совершенстве. Бог есть Дух, Высший Разум, Высшая Любовь, Высшая Правда, Высшая Святость.

Евангелие впервые дало миру столь возвышенное и совершенное понятие о Боге и тем поставило перед человеком такой идеал, который никогда не может быть достигнут, но, приближаясь к которому, человечество будет становиться чище, нравственнее, совершеннее.

Принцип разумной достаточности, возникший в период гонки вооружений и политического противостояния, был одним из сдерживающих действий, призывавший "власть имущих" к мирному сосуществованию. Он и донныне не потерял своей ценности, так как принцип разумной достаточности должен проявляться при подлинной свободе средств массовой информации, в решении межнациональных конфликтов, в противостоянии насилию и локальным войнам, при угрозе новых разрушительных военных систем.

Принцип разумной достаточности является одним из средств достижения нравственного возрождения. Источником нравственного возрождения для отдельных лиц и для всего человечества, основной силой роста культуры и социального прогресса является христианство. "Ищите прежде всего Царства Божьего и правды Его". Царство Божье — это праведная, нравственно совершенная жизнь людей на земле, пробужденная Христом Спасителем. Торжество подобного Царства состоит в полной победе добра над злом в человеческом сердце.

Л. А. МАЙБОРОДА,

президент Петровской академии наук и искусств, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

"Счастье человека не в том, чтобы брать, приобретать, а в том, чтобы отдавать себя людям, думать о благе ближних и далеких. Отдай себя людям, и ты станешь самым богатым и счастливым человеком в этом мире". Такую заповедь оставил нам, ныне живущим, необыкновенный человек нашего века, ученый-философ и историк — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (в миру Иван Матвеевич Снычев). Эти слова принадлежат действительно русскому человеку, они естественны для России: история российского государства вписала немало страниц о подвигах нашего народа ради блага Отечества, ради блага живущих и будущих поколений. Философия русских людей на протяжении столетий связана с философией разумного достатка в жизни отдельного человека, семьи. И это несмотря на несметные природные богатства государства.

Человечество, превысив пятимиллиардную отметку численности на планете Земля, похоже, двояко решит свою судьбу: или найдет механизм осуществления принципа разумной достаточности в жизни семьи, общества, системы государств, мира, или сожжет себя в огне ядерной, биологической или другой войны, прервав все дискуссии о "золотом миллиарде на планете", о процветающих странах и странах "третьего мира".

Пойти по первому пути непросто.

В далеком средневековье во французском городе Альби образовался монашеский орден, члены которого проповедовали заповеди разумного достатка для каждого человека, социальной гармонии, разоблачали неправедную жизнь в роскоши, обретенной насилием и обманом. Официальная Римская католическая церковь объявила учение монахов-альбигойцев ересью и жестоко их преследовала.

Иудеи, введя ссудный процент в жизнь, создали условия для того, чтобы более трети человечества умирало голодной смертью, чтобы государства перераспределяли мировые богатства в мировых войнах — “холодных” и “горячих”.

В XX веке в России после потрясений, которые пережила страна в результате кровавого эксперимента, был решен вопрос о построении общества без очень богатых и без голодных людей; это было общество социально обеспеченного минимума, частично реализующего принцип разумной достаточности всех живущих в обществе людей. Однако вновь и не без особых усилий государств с устоями иудейской религии и католической церкви это общество было разрушено.

В мире четыре пятых населения заставляют жить по принципу “лишь бы мне было хорошо”. Наиболее безнравственной позицией в мире является позиция США, которые уже сегодня потребляют почти 50 % мировых ресурсов, и их не останавливают на этом пути ни войны, ни кровь невинных людей, ни решение мирового сообщества в Рио-де-Жанейро, определившего на XXI век в какой-то мере принцип жизни на планете, совпадающий с принципом разумной достаточности. Данная проблема, на наш взгляд, является проблемой третьего тысячелетия от Рождества Христова, и человечеству придется все-таки ее решить.

Да и примеров в природе, особенно в животном мире (и не только), реализующих принцип разумной достаточности, немало. В Японии, например, выбрана одна из схем общественной жизни, близкая к реализации принципа разумной достаточности. Прежде всего, общество сумело уменьшить ссудный капитал в стране, практически ликвидировав его как форму паразитического существования. Величина его в размере 0,5—1 % обеспечивает содержание банковской системы. Кроме того, реализован главный принцип экономического обеспечения государством процветания людей: развитие перерабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Не имея собственных ресурсов, Япония стала одной из самых богатых стран мира, что тесно связано и с уровнем жизни всех японцев. Вторым примером может служить Китай.

Слова: “Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды, не может быть счастлив. Хочешь жить для себя, живи для других” (Сенека), — не случайно сказанные слова. Великие мыслители планеты последних тысячелетий подготовили достаточную основу для плодотворной работы в этом вопросе. Думается, что политики и философы нашего времени не останутся в стороне от решения небесполезной для человечества проблемы.

А. Г. ФАЛАЛЕЕВ,

заведующий сектором физиологии спорта Научно-исследовательского института физической культуры Санкт-Петербурга, доктор биологических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов;

В. А. КОБЗЕВ,

старший научный сотрудник Научно-исследовательского института физической культуры Санкт-Петербурга, доктор медицинских наук

ОПТИМИЗАЦИЯ ТРЕНИРОВОЧНЫХ НАГРУЗОК С УЧЕТОМ УРОВНЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ

Изучение возрастных особенностей биологического созревания у детей и подростков в период развития морфофункциональных систем и полового созревания имеет большое значение для физиологии, медицины и практики физического воспитания.

Известно, что у значительного числа детей и подростков имеет место несоответствие паспортного возраста биологическому, отражающему зрелость как всего организма, так и отдельных органов, функциональных систем и тканей. Поэтому ранее был разработан ряд методических подходов для оценки биологического возраста по гормональным и цитохимическим показателям, срокам оссификации скелета, телосложения и его пропорциям, срокам прорезывания и смены зубов, уровню развития вторичных половых признаков. На практике очень большое распространение получил метод оценки биологического возраста по вторичным половым признакам — степени (выражаемой в баллах) оволосения ряда частей тела (Бунак, Tanner, Ченегин, Фалаев, Кобзев, Черенина).

Исследования некоторых авторов (Тихвинский, Дорохов, Волков, Сальникова) позволили выявить, что юные спортсмены с одинаковым паспортным возрастом, но отличающиеся по темпам полового созревания, имеют большие различия в уровне развития основных физических качеств: силы, быстроты и выносливости.

К сожалению, до сего времени отбор детей в спортивные группы, планирование содержания занятий на этапах общефизической и специальной подготовки в избранном виде спорта в большей мере основаны на паспортном возрасте и не в полной мере учитывают индивидуальные особенности биологического развития организма ребенка. Поэтому многие специалисты считают, что в программы педагогических, физиологических и медицинских исследований целесообразно включать оценку биологического возраста (Гайдай, Крюкова, Абрамчик, Аршавский).

Анализ литературных данных позволил сделать заключение об отсутствии каких-либо сведений об особенностях возрастной динамики биологического созревания, о равномерности ежегодных величин его прироста у мальчиков 9—18-летнего возраста, тренирующихся в беге на короткие, средние и длинные дистанции. Поэтому задача настоящего исследования заключалась в изучении возрастной динамики биологического возраста у мальчиков 10 возрастов (с 9 до 18 лет), тренирующихся в беге на короткие, средние и длинные дистанции, а также у их сверстников, спортом не занимающихся.

Исследования выполнены на 450 мальчиках, — юных спортсменах (ЮС) 9—18-летнего возраста (по 15 чел. каждого года рождения), специализирующихся в беге на короткие (КД), средние (СД) и длинные дистанции (ДД), и однократно обследовано 150 мальчиков, их сверстников, спортом не занимающихся — НС (школьники и студенты I курса гуманитарного вуза).

У каждого испытуемого изучены: показатель биологического возраста — ПБВ, рассчитываемый в баллах с учетом степени оволосения лобка, подмышечной впадины и лица (Tanner, Ченегин). Кроме этого определялись величины его ежегодного прироста в процентах и в абсолютных величинах (АВ) к предыдущему году.

Показатель биологического возраста с 9 до 18 лет у НС увеличился с $0,06 \pm 0,01$ до $9,31 \pm 0,01$ балла. У бегунов на КД с $0,09 \pm 0,01$ до $13,2 \pm 0,01$ балла, у СД с $0,13 \pm 0,01$ до $14,51 \pm 0,01$ балла и у ДД с $0,16 \pm 0,02$ до $15,00 \pm 0,01$ балла.

В сравнении с НС у их сверстников, тренирующихся в беге на КД, ПБВ был выше на 2—71 %. У юных бегунов на СД ПБВ был выше, чем у НС, на 34—152 % за исключением 13-летних, у которых ПБВ был одинаков с ПБВ у НС. У ДД ПБВ был выше, чем у НС, на 40—256 %.

У ЮС всех групп ПБВ был выше, чем у НС, за исключением 13 и 15-летних бегунов на КД и 13-летних бегунов на СД. Причина такого расхождения кроется в пубертатном скачке ПБВ у НС в 13 лет и в снижении величины прироста ПБВ у ЮС в 13 лет перед пубертатным скачком — в 14 лет.

Среди юных спортсменов самые высокие величины ПБВ были выявлены у ДД, самые низкие — у КД. Это свидетельствует о том, что в наибольшей мере уровень полового созревания стимулируется упражнениями в беге на длинные дистанции и в меньшей мере — на скоростные.

Весьма любопытными оказались данные при рассмотрении ежегодных величин прироста ПБВ, выраженные в процентах и в АВ. У НС максимальное увеличение ПБВ, выраженное в процентах, наблюдалось в 13 лет с существенными (более 50 % от максимального) увеличениями в 10, 12 и 14 лет, а выраженное в АВ — в 15 лет с существенными приростами с 13 до 18 лет. У КД максимальное увеличение в процентах наблюдалось в 14 лет с существенными приростами в 11 и 12 лет, а в АВ — в 18 лет; существенные сдвиги были в 16—17 лет. У СД максимальное увеличение в процентах выявлено в 14 лет с существенными приростами с 15 до 18 лет, а в АВ выявлен только максимум в 14 лет. У ДД максимальное увеличение в процентах выявлено в 14 лет с существенными приростами в 10—12 лет. При анализе АВ максимум выявлен также в 14 лет с существенными приростами в 16—17 лет.

Анализ равномерности прироста ПБВ показал, что в зависимости от расчетов в процентах или АВ получаются результаты, которые могут привести к различным выводам. Например, у НС пубертатный скачок при анализе прироста, выраженного в процентах, наблюдается в 13 лет, а выраженный в АВ (анализ АВ прироста используется в большинстве исследований) — в 15 лет. У ЮС максимум прироста, рассчитанный в процентах, совпадает и наблюдается в 14 лет. При этом в 10—12 лет выявлен существенный препубертатный прирост ПБВ, а в 13 и 15 лет перед и после пубертатного скачка — его снижение. После 15 лет резких колебаний величин прироста (в процентах) ПБВ не наблюдается.

При анализе максимальных величин прироста, выраженных в АВ, у ЮС сроки максимума прироста ПБВ отличаются: у КД — в 18 лет, у СД и ДД — в 14 лет. Сказанное позволяет сделать заключение о том, что методологически более правильно учитывать величины ежегодного прироста ПБВ не в АВ, а в процентах к предыдущему году.

Таким образом, в результате проведенных исследований выявлено влияние занятий бегом на КД, СД и ДД у мальчиков 9—18 лет на уровень биологического созревания их органов. Установлено, что регулярные тренировки по указанным беговым программам ускоряют биологическое созревание.

Нами обнаружено, что систематические занятия бегом на КД, СД и ДД в значительной степени влияют на величину прироста показателя биологического возраста в препубертатном периоде в 10—12 лет и сдвигают пубертатный скачок на год позже, т. е. к 14 годам (у НС он проявляется в 13 лет). Оказалось, что наиболее высокая биологическая зрелость среди ЮС выявлена у мальчиков, тренирующихся в беге на ДД, и наименьшая — у тренирующихся в беге на КД. Видимо, скоростно-силовые тренировки с большими объемами тренировочных нагрузок в меньшей степени интенсифицируют уровень биологического созревания. Нами также показано, что у юных бегунов на КД, СД и ДД перед и после пубертатного скачка в 14 лет — в 13 и 15 лет выявлено снижение скорости прироста биологического возраста, которое может оказывать влияние на динамику прироста ряда других морфофункциональных характеристик.

Ранее (Колчиная, Astrand) наблюдали подобное явление, связанное с пубертатным периодом, что выражалось в снижении коэффициента полезного действия во время физических нагрузок и МПК.

Предложенные в данной работе уровни биологического созревания для ЮС и НС могут служить ориентирами для оценки биологической зрелости при отборе в группы начальной подготовки и отслеживания его динамики в ходе многолетней тренировки с целью выявления критических периодов биологического созревания и коррекции нагрузки. Как и ряд авторов (Гайдай, Крюкова, Абрамчик, Аршавский), мы считаем необходимым включать в программы педагогических, физиологических и медицинских исследований оценку биологического возраста и полагаем целесообразным планировать тренировочную работу с учетом препубертатного, пубертатного и постпубертатного периодов биологического развития.

М. А. АРИАРСКИЙ.

заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургской государственной академии культуры, профессор

ПРИНЦИП РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Переход постиндустриального общества в информационное отмечен значительным повышением интереса к гуманитарному образованию, стремлением человечества посредством возрождения идей просветительства и овладения основами культурной деятельности преодолеть противоречия нашего жестокого времени. В России, равно как практически во всех экономически развитых странах нашей планеты, последовательно усиливается популярность средних и высших учебных заведений гуманитарного профиля, процветают учреждения раннего эстетического развития детей, курсы иностранных языков, познавательный туризм, возрождаются клубные и иные объединения историко-культурной направленности.

Интерес к гуманитарному образованию в современных условиях, когда гуманистические факторы в структуре личности приобретают доминантный характер, естествен. Но при этом нельзя не учитывать, что традиционно-просветительские концепции, ориентированные на стремление наполнить человека максимальным объемом знаний, на грани третьего тысячелетия оказываются малоэффективными. В отличие от времени зарождения идей просветительства сегодня ни одна голова не может выдержать всего объема накопившейся и постоянно обновляющейся информации. И это диктует необходимость реализовать принцип избирательного отношения к ней,

позволяющий человеку воспринимать, перерабатывать, усваивать и использовать лишь то, что представляется непреложным и актуальным.

В связи с этим нельзя не поставить под сомнение ничем не оправданную “всеядность”, которую проявляют некоторые родители, стремящиеся одновременно вовлечь своих детей в непонятное их восприятию количество форм культурной деятельности. Но еще более спорным и научно не обоснованным выглядят попытки отдельных учебных заведений ради рекламы и погони за модой включить в свои учебные планы содержание образования, явно превышающее объективные возможности его эффективного восприятия.

В ряде университетов и педагогических вузов учебные планы по специальности “Социальная педагогика” предусматривают цикл дисциплин в области экономики, права и менеджмента, которые значительно превышают объем часов по социальной педагогике. Авторы пояснительных записок к этим планам подчеркивают бесспорную истину о том, что педагог, связанный со сферой социальной работы, должен разбираться в экономических, юридических и организационных вопросах. Не будет ошибкой, если мы продолжим перечень необходимых социальному педагогу знаний, включив в них риторику, социальную психологию, экономику и ряд иных дисциплин. Но при этом никак нельзя допустить, чтобы в широком потоке информации утонула специальность, потерялась ее самобытность, а главное, приоритетность для тех, кто изначально ее избрал.

В вузах культуры на отделениях театрализованных форм досуга цикл дисциплин в области режиссуры настолько многократно превышает объем часов, раскрывающих сущность, природу и воспитательный потенциал досуга, что студенты уже на первых курсах забывают об избранной специальности и считают себя режиссерами. К сожалению, таковыми они не являются и к выпуску, а в еще большей мере после него испытывают горькое разочарование.

И в первом, и во втором случае ошибки в стратегии образования порождают у обучающихся завышенные самооценки, отвержение профессии и крушение жизненных планов.

Широкое образование, формирующее общекультурные знания, функциональную грамотность и профессиональное мастерство, всегда ценилось и будет цениться как один из важнейших показателей развития личности. Однако в современной ситуации, когда экстенсивные возможности образования исчерпали себя, пути его интенсификации видятся в оптимизации соотношения объема знаний и характера профессиональной деятельности, в процессе которой они могут реализоваться.

Еще в пятидесятые годы российские социологи (Е. С. Кузьмин, В. А. Ядов и др.), исследуя в городе на Неве отношение к труду рабочих “Светланы” и “Электросилы”, установили, что лица с незаконченным средним образованием выполняют конвейерные и иные монотонные функции лучше, чем специалисты с более высоким уровнем образования и соответственно с большими притязаниями. Тогда же впервые встала проблема разумной достаточности образования.

Поиски путей обеспечения соответствия объема образования содержанию предполагаемой профессионально-трудовой деятельности правомерно рассматривать и в контексте идей И. Е. Тамма и П. Л. Капицы об ограниченности и конечности познания в определенных направлениях науки. За ряд тысячелетий в анатомии человека не произошло заметных изменений, и поиски новизны здесь не имеют перспективы. То же, вероятно, разумно учитывать и в учебном процессе, который также имеет свои разумные границы.

Наконец, не последнее место занимают реальные способности, интересы, наклонности и дарования каждой конкретной личности, имеющей свой поток восприятия информации. В связи с этим несомненный интерес представляет вариативно-многоуровневая система образования, которая способна в соответствии с принципом разумной достаточности предложить человеку лишь то, что он может успешно усвоить.

А. П. БЕЛЯЕВА,

директор Института профессионально-технического образования
Российской академии образования, академик Российской академии
образования, доктор педагогических наук, профессор

МЕТОДОЛОГО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ

Социально-психологический и социально-педагогический аспекты гуманитарного образования взаимодействуют в жизнедеятельности общества и отдельной личности на основе глубокого проникновения в сущность культурологической концепции духовного развития человека. Гуманитарное образование не только в высшей, но также и в начальной, средней профессиональной школах как непрерывный процесс является сложноорганизованной категорией, интегрирующей различные виды образования, преемственные структуры, компоненты, функции, профессиональный состав, предметные области деятельности, профессионалогические характеристики личности, внутренние и внешние взаимодействия, онтологическое развитие объектов, их категориальное построение. Гуманитарное образование является структурой и организацией научного предмета, отличающегося общими и специфическими характеристиками, обусловленными принципиально разными представлениями профессиональной психолого-педагогической деятельности. Сложившаяся онтологическая зависимость образования вообще, и гуманитарного в частности, от объективных социально-экономических и политических основ общества, от личностно-деятельностных структур подготовки специалистов в высшей школе обуславливает его статус носителя и трансформатора созданных общечеловеческих и индивидуально-личностных ценностей, активного фактора развития страны, формирования специалистов-профессионалов в процессе гуманизации образовательных систем и процессов.

Гуманитарное образование соединяет в себе социальные, философские, психологические, педагогические, культурологические, национальные и другие факторы, что определяет сложность проектирования новых теорий и систем подготовки будущих специалистов для различных профессиональных областей деятельности.

Условием соотнесения разнопредметных факторов в одном целом является системное представление объекта, новые его модели, основанные на теории интеграции и дифференциации, ориентированные на предметные области. Суть научных исследований состоит в том, чтобы выявить идеи и обеспечить взаимообусловленность гуманитарной культуры и гуманитарного образования для возможности переноса интеграционных процессов на субъективную педагогическую действительность.

Следовательно, опора исследований на частно-конкретные закономерности без учета иерархии всех уровней методологии (философской, общенаучной, междисциплинарной, частнонаучной) не может в современных условиях служить достаточным базисом для разработки теории гуманитарного образования.

Естественным процессом в современных условиях, наряду с материальной обеспеченностью и стабильностью, является глубокое проникновение в сущность духовных устремлений личности и в национальные традиции, обусловленные историческим развитием, влиянием природных условий на самобытность культурного возрождения и развития народов, ценностных ориентаций человека в процессе образования.

Исследование Институту профессионально-технического образования РАО тенденций и динамики социализации личности учащихся начальной, средней и высшей профессиональных школ показало, что при сохранении значимости общечеловеческих ценностей происходит жесткая инвен-

таризация профессионально-деловых ценностей, резко снижающая вектор профессиональной социализации. Современные условия изменяют ценностные ориентации и на персонифицированном уровне (лично значимые ценности, социальная активность, профессионализм, жизненные планы, трудовые ориентации, функции в семье, досуговая деятельность и др.).

Возрастает количество обучаемых, осознающих роль образования, демократических форм управления, выполняющих положительные функции в семье, участвующих в позитивных формах досуговой деятельности, что подтверждает формирование более зрелой структуры запросов поведения. Наряду с этим возрастают негативные явления: снижается активность в самостоятельной оценке социально-профессиональных отношений, субординации социальных ролей как важного способа социализации личности и активного средства решительности, твердости, обоснованности профессиональной линии поведения. Одновременно увеличивается число обучаемых, распивающих спиртные напитки, употребляющих наркотики, участвующих в рэжете, воровстве и т. д. К концу обучения неизменными атрибутами преуспевающего человека считаются: "гибкий" ум, наличие выгодных связей, обладание большими деньгами, умение быть ловкачом, пронырой. Это подтверждает возрастание собственной самооценки, личностного самоутверждения, желания быть неповторимыми, индивидуализированными субъектами.

Приведенные научные факты подтверждают мысль о том, что высшее гуманитарное образование должно опираться на базис предшествующего школьного в преемственной цепи непрерывности (допрофессиональное, начальное, среднее, высшее, дополнительное, научное, переподготовка и повышение квалификации, самообразование).

Ведущее значение в этой структуре имеет среднее общее и среднее профессиональное образование, на этапах обучения которого формируется базисный социальный и профессиональный портрет личности и ее коррекция. Известно, что значительная часть социальной адаптивности и развития будущего гражданина происходит в данных типах школ.

В связи с тем, что происходящие существенные изменения в характере и средствах социализации личности продиктованы не только самой школой, но также и социально-экономическими условиями, процессы духовного развития и социализации личности должны быть перенесены на общероссийские и региональные социальные институты.

Функции высшего гуманитарного образования должны быть углублены на основе всеобщей идеи социализации и профессионализации личности как социально-педагогической тенденции формирования гуманитарной культуры, гуманитарного и других видов образования.

С. Н. ИКОННИКОВА,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской академии культуры и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гуманитарное образование стоит на пороге XXI века, который, по определению ЮНЕСКО, должен стать веком образования. Это определение вовсе не означает, что в предшествующий период была накоплена та "критическая масса" знаний, победное шествие которой произойдет в следующее столетие. Скорей наоборот, наука остро нуждается в новой методологии и в новом типе мышления для освоения изменившейся реальности, определения перспектив развития человека, ценностей его духовного и физического мира.

Появление новых отраслей гуманитарного знания, пересмотр отношения к классическому гуманитарному образованию, возникновение частных и альтернативных форм обучения, информационных технологий существенно меняют прежние контуры системы знаний.

Именно такое состояние макрообновления было названо американским ученым Томасом Куном "парадигмой". Предстоит многократное исследование возникших проблем, и об этом свиде-

тельствуют темы предстоящих Всемирного философского конгресса “Философия и образование” (1998) и Первого Российского философского конгресса “Философия. Человек. Гуманизм” (1997).

Среди новых наук на карте гуманитарного знания особое место принадлежит исторической культурологии. Ее появление было достаточно внезапным даже для тех, кто специализируется в изучении культуры как целостного общественного явления.

Но динамика социокультурного развития такова, что первичный шок быстро сменяется привыканием, и историческая культурология получила уже квалификационный статус как определенное направление культурологии. Но новизна ее остается, и тем сильнее соблазн размышлять по этому поводу. Тем более, что это диктуется рядом обстоятельств: необходимостью найти границы между историей общества и историей культуры, между историческим процессом и теоретическим моделированием, между философией истории и философией культуры, между культурным наследием и современностью. Эти границы могут быть четкими или расплывчатыми, но их выявление должно содействовать взаимопроникновению гуманитарных наук в целях более полного изучения мировой и отечественной культуры. Не меньшее значение имеют определение методологии и методов историко-культурологических исследований, их достоверности и надежности, развитие исторической компаративистики и герменевтики с целью предотвращения межэтнических конфликтов и обеспечения мира, согласия и толерантности в отношениях между людьми и государствами.

Решение этих и многих других задач требует объединения усилий целых исследовательских коллективов и специалистов разных наук. Не претендуя на полноту изложения и предвидя оппонентов, считаю возможным определить некоторые структурные элементы исторической культурологии как отрасли гуманитарного образования и науки. Здесь не имеет смысла обращаться к словарям и энциклопедиям, они просто не содержат этих понятий. Не употребляется это словосочетание и в трудах классиков культурологии XIX—XX веков, хотя смысловое содержание имеется у многих мыслителей, исследующих историю культуры.

В самом широком смысле культура — это искусственная среда человеческой жизнедеятельности, неотъемлемый атрибут социо- и антропогенеза. Но эта общая характеристика чрезвычайно абстрактна и поэтому малопродуктивна. В действительности же культура дискретна, локальна и подвержена изменениям в процессе истории. То, как жили и о чем думали люди вчера, не похоже на их поведение сегодня. Не оценивая по шкале “лучше—хуже”, отметим лишь многообразие исторических форм, стилей, образов. Культура не только синхронна, но и диахронна. Ее недаром сравнивают с культурным слоем, то узким, то широким, как кольца жизни на стволе дерева. Не конкретизируя, отмечу историзм и трансляцию как закономерности динамики любых процессов в культуре. Это обстоятельство позволяет выделить в структуре исторической культурологии следующие разделы:

1. *Культурогенез* — исследование исторического процесса, происхождения, становления и развития культурных форм, норм, стилей, образов жизни, технологий и духовных произведений. Культурогенез происходит в истории постоянно. На основании этого возникают специфические и уникальные черты социокультурных систем и историко-этнических сообществ, а в науке создается реальная возможность для их портретирования и идентификации. В процессе культурогенеза имеют значение особенности территории проживания, сложившиеся традиции и стереотипы, виды ментальности, потребности и интересы.

2. *Диффузия культуры* — процесс распространения ценностей и достижений, культурные контакты между странами и народами. Потоки миграций, несущих перемены в образ жизни и духовный мир. Взаимовлияние культур и освоение новых форм. Диаспоры и автономии.

3. *Историческая типология культур*. Возникновение культурно-цивилизационных комплексов и этнокультурных систем Востока и Запада, Севера и Юга. Региональные особенности культур. История мировых цивилизаций.

4. *Феномены культуры* в историческом развитии и этническом своеобразии. Универсалии культуры и процесс преемственности. Освоение новообразований и утраты. История культуры в лицах и памятниках.

5. *История культурологических концепций*. Развитие культурологических теорий и взглядов. Историография культурологии.

6. *Методы историко-культурологических исследований*. Историко-генетический анализ. Сравнительно-исторический и семиотический методы. Структурно-функциональный и биографический методы.

7. *Динамика культурно-исторических процессов.* Хронотоп культуры. Преемственность культурного наследия. Противоречия, надломы и дезинтеграция культур. Подъемы и спады, “пористый” характер культуры. Многослойность и многомерность культурного пространства.

Становление исторической культурологии опирается на целый комплекс наук о культуре и имеет междисциплинарный характер. Результаты исследований должны принести реальное благо людям, способствовать их взаимопониманию, бережному отношению к историческому наследию, развитию национального самосознания, накоплению творческих потенциалов.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ,

руководитель лаборатории довузовского образования Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Роль образования заключается в формировании и развитии способности личности осваивать достижения культуры и увеличивать их за счет собственной деятельности. Освоение продуктов материальной культуры в системе образования происходит через овладение духовной культурой. Исходя из основных компонентов духовной культуры, можно выделить главные составляющие общего образования: это гуманитарное, научное и технологическое образование.

Гуманитарное образование имеет своей основной функцией освоение гуманитарной культуры. Наиболее частым результатом школьного образования является усвоение сведений о некоторых произведениях литературы, искусства, социальных ценностях, учреждениях и отношениях. Культура родной речи стала довольно привычным объектом общественной критики.

Повышение роли общего образования в освоении ценностей гуманитарной культуры возможно по крайней мере при трех условиях:

- расширение философского образования школьников, что способствовало бы сознательному выбору учащимися своей мировоззренческой позиции;
- развитие психологического образования, что обеспечило бы более высокий уровень самопознания учащихся;
- увеличение учебного времени на изучение иностранных языков, что расширило бы доступ учащихся к современной научной и политической информации и способствовало бы повышению степени их интеллектуальной независимости.

Главный вопрос касается выбора культурного образца, на котором основывается общее образование: сохранится ли в качестве главной гуманитарной основы школьного образования изучение русской литературы XIX века или же эта роль перейдет к другим составляющим мировой гуманитарной культуры? Вряд ли на этот вопрос можно дать однозначный, определенный ответ. Можно лишь предполагать, что будет возрастать значение изучения философской литературы, как отечественной, так и зарубежной. Российской школе еще предстоит открыть для себя философские труды XIX, и XX веков, что позволит ей усилить идейное влияние на учащуюся молодежь.

Научное образование в условиях средней школы заключается в освоении обучаемыми научной картины мира, в котором они живут и осуществляют свою деятельность. В массовой практике обычным результатом является усвоение определенного числа научных понятий, знание которых дает возможность решения некоторых задач преимущественно в сфере учебной деятельности.

Повышение роли школы в научном образовании учащихся возможно по крайней мере при двух условиях. Первое из них касается методов научного познания. В ситуации развития многопредметности растет потребность в овладении универсальными методами познавательной деятельности. До настоящего времени главную роль в формировании таких методов играла математика, предназначение которой видели прежде всего в развитии логического мышления учащихся. Опыт последних 25—30 лет показал, что не менее важную роль в интеллектуальном развитии

учащихся, в том числе и в развитии логического мышления, могут сыграть и другие предметы, в частности гуманитарные. В то же время продолжают попытки найти предметы, изучение которых давало бы возможность учащимся усвоить универсальные методы познания.

Второе условие повышения роли школы в научном образовании касается изучения факторов риска в современном обществе. В нынешней ситуации само образование может стать либо дополнительным фактором риска, если оно будет ориентироваться на стереотипы массового сознания, либо фактором подготовки учащихся к жизни в условиях риска. Последнее возможно на основе развития у учащихся способности к выбору между обоснованным и необоснованным риском.

Технологическое образование в условиях школы заключается в освоении обучающимися средств деятельности (технологий), применимых в различных сферах жизни. Эти средства можно разделить на информационные технологии, технологии производственной деятельности и социальные технологии. Необходимость в специальном изучении социальных технологий возникла в связи с усложнением общественной жизни, прежде всего процессами урбанизации и демократизации. Для безопасной и полноценной жизни в обществе необходимо обучение правилам этой жизни. В массовой школьной практике более частым результатом является формирование знаний о методах, чем усвоение самих методов.

Возможно повысить роль школы в технологическом образовании, если перейти от изучения информатики к изучению и практическому использованию информационных технологий; сочетать изучение правил социального поведения с формированием опыта социального поведения, расширением масштабов социальной практики, в том числе и в сфере деятельности детских и молодежных организаций; при изучении технологий производственной деятельности концентрировать внимание учащихся на гуманитарных аспектах этой деятельности (иерархия и этика отношений, моральная ответственность, правила поведения и т. д.).

Последовательная реализация принципа культуросообразности общего образования дает возможность придать новый смысл общему образованию. Если классическое образование XIX века было направлено на формирование качеств личности, которые дали бы возможность учащимся занять определенное место в обществе, если технократическое образование в советской школе было направлено на развитие у учащихся способности адаптироваться к требованиям общества, то главным смыслом современного общего образования становится развитие у учащихся способности конструировать свой внутренний мир на основе ориентаций в мире ценностей, теорий и правил.

В. С. ОВЧИННИКОВ.

член-корреспондент Российской академии естественных наук,
доктор философских наук, профессор Академии труда и социальных отношений

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ВЫВОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА

Кризис является глобальной характеристикой современной эпохи. Демографические и экономические процессы, протекающие в настоящее время на нашей планете, носят парадоксальный характер: так, при росте народонаселения планеты в 90-е годы примерно на 1 млрд человек, при очевидном прогрессе в развитии системы образования, численность детей, не посещающих школу, растет с 293 млн в 1985 году до 315 млн к концу текущего десятилетия; число неграмотных уже возросло с 742 млн в 1970 году до 889 млн в 1990 году. Логично предположить, что процесс роста численности неграмотных будет расти, если не будут разработаны глобальные программы, позволяющие поднять общий уровень образования у населения планеты. Одной из характерных черт современного глобального кризиса в сфере образования является обострение противостояния между странами, где в повестку дня ставится вопрос об обязательном (в разумных пределах) всеобщем высшем образовании, что дает возможность войти в постиндустриальное общество, и другими странами, где нет возможности обеспечить обязательное начальное образование, что, в свою очередь, обуславливает их место аутсайдера на мировой арене.

Кризис в России носит общий характер, охватывая все стороны жизни ее общества. Уровень образованности и развития науки, достигнутый к началу реформирования России, утрачен. Преодоление тоталитарного наследия в духовной жизни не сменилось расцветом гуманистической духовности и распространением демократических ценностей в жизни общества. В настоящее время в кризисном состоянии находятся такие социальные институты, как наука, школа, культурно-просветительная работа. Кризис выражается как в количественных характеристиках, во многом обусловленных экономическими факторами, так и в качественных, обусловленных управленческой деятельностью некомпетентных государственных служащих и демагогически ориентированных общественных деятелей. Спецификой кризиса в гуманитарной сфере, характерной для России, являются обесценивание своей государственной и национальной истории, причем не только по отношению к последним восьмидесяти годам, безудержная коммерциализация духовной жизни российского общества, агрессия нетрадиционных для нашего общества духовных ценностей преимущественно импортного характера, обесценивание образования как общего, так и специального по очень многим направлениям. В данной ситуации особое значение приобретает развернутая система гуманитарного образования, которая призвана преодолеть хотя бы на некотором уровне кризисные явления в сфере духовной жизни общества, а тем самым и кризисные явления в России в целом.

Система гуманитарного образования, значение которого признается практически во всех документах периода предвыборной кампании Президента РФ, должна получить достойное реальное существование в практической деятельности школы, средних специальных и высших учебных заведений, в деятельности средств массовой информации, в ориентации деятельности правительственных органов, благотворительных организаций. В этой связи представляется целесообразным провести ряд научно-организационных мероприятий, объединяющих силы, заинтересованные в развитии системы гуманитарного образования в нашей стране. На этих мероприятиях представляется целесообразным прежде всего обсудить вопрос о содержании гуманитарного образования применительно к условиям нашего времени и нашей страны. При этом чрезвычайно важна разработка программы гуманизации общества на основе социокультурных факторов и с учетом возрастных особенностей аудитории.

Разработка теоретических проблем, связанных с содержанием гуманитарного образования, позволит найти новые пути решения задач, связанных с выводом России из кризисной ситуации.

А. П. ВАЛИЦКАЯ,

заведующая кафедрой эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор

О ПРИРОДЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Любое человеческое знание "гуманитарно", иным оно быть и не может, поскольку принадлежит человеку.

Познание ищет в многообразии различия и общность, упорядочивая мир, или (и) от априорного представления о порядке идет к многообразию в поисках его единого основания.

Проблема типологии наук — это вопрос об объекте знания, способах его получения, оформления и верификации, а по сути дела — вопрос о позиции познающего по отношению к бытию.

Классическая эпистемология (ньютоновско-картезианская парадигма) строит бинарное пространство знания: науки о природе и науки о человеке, где субъект познания противопоставлен объекту, мыслится в ситуации "всенаходимости" по отношению к нему. При этом сам он, познающий разум, мыслится как неизменно активный, формирующий знание в процедурах отбора, оценки, классификации, установления координационно-субординационных и причинно-следственных связей вещей и явлений пассивного мира, подлежащего операциям познания.

Здесь типология знания задана сферами (секторами) реальности: природа, общество, культура; каждая из этих сфер подлежит логико-аналитическому осмыслению.

В субъект-объектной позиции естественно-математическое знание оказывается наиболее “чистым”, поскольку его предмет — отчужденный мир — отвечает логико-аналитическому методу, имеющему дело с объектом статичным, где опыт может быть повторен, а результат формализован и адекватно интерпретирован.

Подвергая аналитическому препарированию системы живые, изменчивые, “самоподвижные” (Л. Карсавин) и становящиеся, в которые человек сам включен органично и “изъятию” не подлжит (культура, общество, искусство), познающий разум вынужден их “остановить”, разъять, чтобы потом вновь синтезировать в формуле. Однако они ускользают из-под скальпеля аналитика, поскольку постоянно не равны себе в пространстве и времени и, будучи целостными, имеют в себе нечто такое, чего нет в каждой из составляющих. Рациональный синтез не схватывает их полноты и целостности, утраченных в процедуре анализа, оставляя за скобками формулы потаенное пространство духа, интуиции, воображения — “невыразимое”, единичное и уникальное, не поддающееся повтору в эксперименте, а потому — вообще “подозрительное”, “неточное” (сиречь — неполноценное) знание, именуемое гуманитарным.

Его признаки: интуитивно-чувственный метод получения, образно-метафорический (эстетический) способ формулирования, пейностный характер интерпретации, субъект-субъективный (диалогичный) путь передачи, верификация (в индивидуальном сопереживании-“вчувствовании”).

Иными словами, гуманитарное знание образуется в ином типе рациональности, там и тогда, где субъект-объектное разделение не может быть “чистым”, где требуется исходная гипотеза целостности бытия, в пределах которого сосуществуют и взаимодействуют мир и сознание.

Отстаивая свою принадлежность к науке, современное гуманитарное знание тяготеет к естественнонаучной парадигме, к физико-математическим методам формализации, утрачивая собственногуманитарную принадлежность. Отсюда — дегуманизация знания, а следовательно — мышления и практики людей, которая сегодня осознается как одна из самых веских причин цивилизационного кризиса конца XX века.

Представая как познающий и познаваемый, удвоенный (раздвоенный) на субъект и объект, творящий разум и вещь среди вещей, человек экспонирован в различных инструментальных системах как телесное, психическое и духовное — в раздельности качествований и их несовместимости.

При этом вопрос о единстве мира, проблема общих онтологических оснований, в принципе, не требуют категорической постановки и ответа. “снимаются” в методе, в анализе непосредственной данности частного (и частичного) предмета познания.

Субъект-объектная эпистемология не нуждается и в постановке вопроса об обратной зависимости: сознания от знания, о “репрессивности” науки в процедурах образования личности, о зависимости самого типа мышления о мире от заданных ею способов получения, интерпретации, применения знаний.

Современная “гуманистическая революция”, когда главным предметом забот и внимания становится человек, его потребности, возможности и цели, обещает эпистемологический поворот к единой науке о мире и человеке в нем. В русле этой тенденции предпринимаются попытки строить типологию знания “от человека”, постулируя его целостность как существа био-психо-духовного, непрерывно становящегося в природо-социокультурной среде. Тогда человек целостный (познающий и познаваемый) “размещен” в целостном же, открытом, непрерывно расширяющемся в процедурах познания пространстве бытия, где он предстает как микрокосм, в котором удваивается и воспроизводится многообразие макрокосма.

Будучи “единосущно” познаваемым, сознание раскрывает свою феноменальность в мышлении как процессе “распредмечивания” собственно человеческого смысла реальности в режиме субъект-субъектного диалога.

Тогда типология знания задается природой сознания как био-психо-духовного феномена, реализующего себя в адекватном отражении целостного образа мира. И наоборот, в процедурах познания как субъект-субъектного отношения познающий не только выступает как созидатель знания, но сам активно формируется им: устанавливаются способ и алгоритм восприятия, обработки информации, инструменты и приемы интерпретации и формализации знания.

В этом смысле можно сказать, что в процедурах обучения (образования) предъявленная субъекту система наук (картина мира) формирует его мышление — стиль, направленность, способы оценивания результатов.

Структурные компоненты сознания как био-психо-духовного феномена, становящегося в природо-социокультурном пространстве, описываемом системой наук, можно представить в отношениях общего, особенного и единичного. В этом смысле разделение эпистемологического пространства

между естественнонаучным и гуманитарным знанием представляется условным, они сосуществуют в картине мира по принципу дополнительности, и речь идет лишь об акцентах, опережении того или иного типа рациональности, о типологии условных знаков (языков), “пакующих” полученную информацию.

Витальный компонент сознания (бифункциональный мозг) порождает психо-физиологическую потребность в целостном и полном образе реальности (см.: И. Ренчлер, Б. Херцбергер, Д. Эпстайн. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1995). “Двуполушарный” способ обработки информации задает необходимую взаимодополнительность, совместимость работы чувственно-интуитивных и рационально-логических познавательных операций.

Витальная бифункциональность человеческого “инструмента” познания фиксирует всеобщность онто-гносеологических оснований миропонимания, определяя сущностную потребность, которую необходимо удовлетворить в целях обеспечения нормально-эффективного функционирования мозга.

Поэтому так важно, чтобы познающему-становящемуся сознанию был предъявлен в учебном модуле востребованный им целостный образ научной картины мира.

Человеческая социальность реализуется в ценностном аспекте знания; в эстетической, нравственной, религиозной конвенции как способе достижения взаимопонимания, общения, сосуществования. Здесь витальный инвариант (потребность в целостном образе мира) предстает как особенное (в вариативности ценностных значений) в этнонациональной, классовой, субкультурной “окраске” образа мира и человека в нем, как результат исторического культурного опыта народов и наций.

Единичность индивидуального образа мира (целостного представления, мировоззренческой “картины” действительности) содержит общее (витальное), особенное (социокультурное) и развертывается в бесконечном многообразии индивидуального опыта каждого из людей.

Таким образом, строение системы современного знания, предъявленного для освоения в образовательном модуле (с учетом его формирующей сознание активности), можно представить как открытое сферическое пространство, ядром которого является человек, познающий мир по законам собственной меры, соотносимой с мерой вещей и явлений действительности. Он осваивает его по принципу расширяющейся ойкумены, “освещающая” бинарным зрением сознания единое пространство бытия.

Будучи, как и всякая схема, условной, такая модель эпистемологического пространства оказывается удобной для решения задач образования. Она дает основание утверждать, что процесс освоения мира человеком может быть полноценным при следующих условиях:

— параллельность и взаимодополнительность гуманитарного и естественнонаучного знания, поскольку “отставание” любого из них тормозит процессы познания, пагубно сказываются на интеллекте и эмоционально-чувственной сфере человека;

— гуманитарный тип рациональности (начальный этап познания и фундамент целостности образа мира) надо развить в первую очередь, т. к. он определяет становление логико-аналитической способности, актуализирует и закрепляет ценностные (эстетические, духовно-нравственные, гуманистические) основания мышления и деятельности, обеспечивает психическую стабильность личности;

— образовательное пространство (страны, региона, учебного заведения) необходимо строить соответственно парадигмальному типу “картины мира” в ее историко-культурной этнонациональной конкретности, соотнося его естественнонаучные и гуманитарно-художественные компоненты;

— современные образовательные системы строят процесс познания в логике становления личности (сознания), отказываясь от сциентистского (субъект-объектного) принципа обучения в логике каждой из множества наук, поскольку множественность “логик” ведет к рассыпанной мозаике фактов, невозможности установить их связи, применить в практике.

В ситуацию современного цивилизационного кризиса философско-культурологическая прогностика видит выход в гуманизации сознания людей с помощью образования.

Гуманизация образования — глобальная тенденция, и она состоит в радикальном пересмотре самого принципа построения образовательного пространства в соответствии с гуманизацией всей системы наук и подходов к их классификации.

В. А. ЯДОВ,

директор Института социологии Российской академии образования, доктор философских наук, профессор

СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Если признать формулу “Социология — саморефлексия общества”, то она будет определять место социологии в системе образования. Конечно, речь идет о теоретической социологии, а не об опросах общественного мнения.

Современное состояние теоретической социологии в России не самое завидное. На фоне октавного дискурса различных теоретических подходов в мировой социологии, в нашей стране учебная литература предлагает студентам два основных подхода: марксистский и структурно-функциональный. Оба акцентируют внимание на системно-структурном представлении об обществе, недостаточно выявляется и анализируется роль социального субъекта, деятельного начала социальных процессов.

На пороге третьего тысячелетия социальная мысль бьется над решением проблемы, которая, согласно формулировке Маркса, заключается в том, что социальные структуры субъектны, а субъекты структурированы. Определенное восполнение “субъектного пробела” в гуманитарном образовании осуществляется в курсах культурологии и политологии. Между тем, следует вести разработку нового поколения учебных пособий по социологии, в которых должны найти отражение современные теории, акцентирующие деятельностный подход к анализу социальной жизни.

Также существенно в курсах философии, экономики, социологии, культурологии, политологии и психологии обозначить нежесткость границ этих дисциплин, сложившихся еще в прошлом веке. Современное обществознание имеет тенденцию к ломке дисциплинарных границ. В области экономики, например, социологические концепции экономического поведения человека играют не меньшую роль, нежели бессубъектные модели рыночных механизмов. Достаточно упомянуть Веберна и Чаянова, демонстрирующих влияние культуры на экономическую жизнь существенно различающихся общностей.

Социологическое образование можно рассматривать и в качестве центрального звена гуманитарного образования, обращенного в будущее с удержанием исторического прошлого, и в качестве всеобщей и отечественной истории, но главное — позволяющего лучше ориентироваться в социальном пространстве текущего времени.

П. С. ХЕЙФЕЦ,

генеральный директор Российского лицея традиционной культуры, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире образование охватывает все стороны деятельности общества, определяет стратегию его развития.

Вместе с тем, ни одна страна в мире не удовлетворена существующей системой образования. О кризисе школы говорят и в Германии, и в США, и в России. Для каждой страны кризис индивидуален, имеет свою отправную точку оценки ситуации. Но как бы ни отличалась одна школа от другой, все они стремятся повысить интеллектуальный потенциал учащихся, их творческую инициативу, гражданскую активность, способность адаптироваться к окружающей динамичной среде, готовность к самореализации и самопроявлению.

Глобальные проблемы обучения и воспитания человека на грани второго и третьего тысячелетий находят свое прямое отражение и в деятельности учреждений начального профессионального образования в Санкт-Петербурге.

Система профессионального образования в России имеет глубокие исторические корни. Первые профессиональные учебные заведения, возникшие в XVIII веке (горнозаводские школы на Урале В. Н. Татищева, Школа математических и навигационных наук в Москве), успешно сочетали в себе образовательные и социальные функции, совмещали формирование профессионального мастера с решением широкого комплекса задач социальной защиты и гармоничного развития личности обучающегося.

Одним из первых общественных деятелей, предвидевших великое будущее технического образования и его влияние на развитие Отечества, стал замечательный российский педагог К. Д. Ушинский.

План организации системы профессионально-технического образования в России был осуществлен крупным государственным деятелем И. А. Вышнеградским уже в XIX в. В основу системы были положены гуманистические идеи К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого, Д. И. Менделеева, А. Т. Небольсина. Цель системы состояла в подготовке юношества к практической жизни. Так, В. Н. Тенишев, основатель одного из первых реальных училищ в Санкт-Петербурге, отмечал: «В жизни ему (ученику) придется действовать на свой страх и совесть, устраиваться своим умом, держаться на своих ногах и при этом в условиях, которые для каждого ученика будут, несомненно, особые. Поэтому в школьном деле необходимо все внимание направить к тому, чтобы не превратить ученика в автомат, послушно воспринимающий и передающий логику и мысль учителя, в полусонное общество, загипнотизированное более сильной волею учителя, а сохранить в молодом человеке живую мысль с ее особенными запросами».

Формирование способности личности к самопознанию и саморазвитию, пониманию других людей, высоких гражданских и нравственных качеств, приобщение к духовным ценностям Отечества, раскрытие и развитие ее творческого потенциала, подготовка к жизни — в этом видели свою задачу российские педагоги-гуманисты. Особое внимание уделялось вопросам социально-педагогической защиты учеников.

Гуманистические идеи российской педагогики находят свое развитие в новой модели профессиональной школы конца XX века: высших профессиональных училищах — лицеях.

Российский лицей традиционной культуры, так же как и другие ВПУ, начинался с типичного профессионального училища, готовившего рабочих массовых профессий. Многолетняя связь со старейшим в стране фарфоровым заводом им. М. В. Ломоносова, с рядом предприятий народных художественных промыслов, подкрепленная широким движением за возрождение лучших традиций национальной культуры, обусловила целесообразность сосредоточиться на подготовке специалистов, способных своей профессиональной деятельностью реально содействовать возрождению и дальнейшему развитию традиционных российских ремесел.

Педагогический коллектив в тесном сотрудничестве с учеными Российской академии образования, Санкт-Петербургской государственной академии культуры разработал и реализовал комплексную экспериментальную программу по формированию новой модели профессиональной школы — учебно-производственное объединение «Российский лицей традиционной культуры» (РЛТК). Его учредителями и соучредителями выступили Российская академия образования, Комитет по образованию Санкт-Петербурга.

РЛТК — это интегрированный тип учебного заведения, работающий в системе непрерывного разноуровневого образования. Лицей осуществляет подготовку специалистов по художественной обработке дерева, изготовлению и декорированию художественных изделий из фарфора и керамики, художников по росписи дерева, портных традиционного и театрального костюмов и имеет следующие структуры: общеобразовательное отделение (8—11 классы с профессиональной ориентацией в области традиционных российских ремесел), начальную профессиональную школу трех ступеней, отделение среднего специального образования, отделение высшей профессиональной школы (факультет социально-культурной деятельности Санкт-Петербургской академии культуры), отделение повышения квалификации инженерно-педагогических работников ПТО (кафедра новых организационных форм ЦИПКа).

В условиях глубокого социально-экономического кризиса, крушения нравственных идеалов особую остроту приобретают проблемы перспективы развития личности. Труд требует не только специальных знаний, но и широкого кругозора, знания действительности как целостной, внутренне гармоничной системы, готовности к принятию самостоятельных решений и выбору жизненного пути.

Структура и образовательные программы УПО «РЛТК» позволяют решать современные проблемы молодежи через систему дифференцированного обучения, интеграцию общего, профессионального и культурологического образования, систему дополнительного образования (творческие лаборатории, факультативы, спецкурсы, студии и т. д.).

Исследования, проведенные группой ученых Института профтехобразования РАО в РЛТК, показывают, что структура и образовательные программы новой модели профессиональной школы гарантируют каждому учащемуся право выбора форм обучения и ступеней квалификации, обеспечивают непрерывное художественно-эстетическое и правовое экономическое воспитание, более раннее раскрытие творческого потенциала личности, расширяют зону ее самоутверждения, социальной защищенности и профессиональной компетентности.

Большинство выпускников РЛТК (61%) уверены в своем будущем, не имеют проблемы с трудоустройством, легко адаптируются в условиях различного типа предприятий (государственных, частных, совместных и т. п.), с достаточной глубиной осознают сущность и значимость приобретенной профессии, ответственность за сохранение и развитие традиций национальной культуры.

Т. В. КАЗАНКИНА,

Заслуженный мастер спорта СССР, заведующая кафедрой массовой физкультурно-оздоровительной работы и туризма Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, трехкратная чемпионка Олимпийских игр, президент Союза спортсменов Санкт-Петербурга, академик Российской академии туризма, профессор;

Ю. Н. ФЕДОТОВ,

доцент Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, член методического совета Федерации туризма России, мастер спорта СССР

НОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ: ТУРИЗМ, ОРИЕНТИРОВАНИЕ, СКАЛОЛАЗАНИЕ

Санкт-Петербургская государственная академия физической культуры им. П. Ф. Лесгафта в 1995 году провела первый набор студентов на новую специализацию «Туризм, ориентирование, скалолазание».

Программа специализации создана на кафедре массовой физкультурно-оздоровительной работы и туризма. В рамках дисциплины «Теория и методика избранного вида физкультурно-спортивной деятельности» подготовлен курс, отражающий основные особенности данной специализации.

Аналогов такой специализации и учебной программы в вузах России не существует, а актуальность подготовки специалистов по спортивному туризму, ориентированию, скалолазанию не вызывает сомнений и подтверждается рядом решений Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре и туризму. Программа разработана в рамках госбюджетной научно-исследовательской работы «Подготовка и повышение квалификации специалистов по физкультурно-оздоровительной работе и туризму», выполненной по заказу Госкомспорта.

Организация обучения студентов по данной специализации основана на формировании комплекса знаний, умений и навыков, необходимых в практической деятельности специалистов с высшим физкультурным образованием. Предусмотрено изучение вопросов эволюционного развития туризма, теории и методики его преподавания как массового и доступного средства физического воспитания населения различных возрастных категорий. В качестве важнейшей составной части программа обучения включает в себя круг вопросов, связанных с овладением будущими специалистами по

физической культуре и спорту практических умений и навыков по основным видам туризма, ориентирования и скалолазания; формирование профессиональных способностей, необходимых для ведения организационной, педагогической и научно-методической работы по туризму в системе учебных заведений, по месту жительства, на станциях юных туристов, туристских базах, в коллективах физической культуры, спортивных клубах и других организациях.

Задачами обучения по специализации являются:

- развитие профессионального интереса студентов к указанной сфере деятельности;
- формирование у студентов научно обоснованных взглядов и убеждений, знаний, умений и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности;
- совершенствование спортивно-педагогического мастерства в спортивных видах туризма, ориентирования, скалолазания.

По избранной специализации студенты изучают следующие основные разделы программы:

- основы туризма, ориентирования, скалолазания;
- основы методики оздоровительной физической культуры;
- организация и проведение занятий по туризму, скалолазанию, ориентированию;
- научно-исследовательская работа и УИРС в сфере туризма, ориентирования, скалолазания;
- правовые, социально-психологические и экономические особенности занятий туризмом, ориентированием, скалолазанием.

В результате обучения студенты данной специализации должны знать: научно-методические основы туризма, ориентирования, скалолазания как в аспекте оздоровительной физической культуры, так и в рамках спортивного совершенствования. Студенты должны уметь решать практические задачи организационной, педагогической и научно-методической работы по туризму, ориентированию, скалолазанию.

Аттестованные по данной специализации выпускники получают право работать инструкторами, тренерами, преподавателями, организаторами туризма, ориентирования, скалолазания, а также заниматься другими видами физкультурно-спортивной деятельности.

Р. М. ЮСУПОВ.

Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, директор Института информатизации и автоматизации Российской академии наук, доктор технических наук, профессор

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК МОЩНЫЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

На пороге третьего тысячелетия размышление о наступающем времени становится насущной потребностью общества. Немало приходится задумываться над тем, что ждет нас в ближайшие десятилетия, каким потоком новых проблем встретит нас век грядущий.

Специалисты предсказывают, что общество XXI века будет информационным. Человечество в своем развитии прошло этапы охоты и собирательства, аграрный и индустриальный. Во второй половине XX века оно вступило в информационный этап и начало перехода от индустриального общества к одной из форм постиндустриального, а именно к информационному обществу.

Информационное общество обладает своими особенностями в экономической, технико-технологической, политической и социальной областях.

В этом обществе информация будет одним из основных стратегических ресурсов, играющих решающую роль в его развитии. Начнется массовое применение высокопроизводительных наукоемких информационных средств и технологий с использованием эффективных телекоммуникационных и компьютерных сетей. Резко усилятся и будут ускорены тенденции развития общества, в том числе и политического. Превращение информации в основной ресурс общества неизбежно повлечет изменение отношения человека к информации, потребует существенного повышения его информационной культуры. В то же время появятся объективные условия для изменения стиля, характера и интенсивности общения между членами общества; для повышения степени информированности членов общества по всем вопросам, касающимся их жизни и деятельности. Все это, в итоге, должно привести к улучшению качества жизни и условий труда.

Переход человечества от индустриального общества к информационному в различных странах и регионах происходит неодновременно и разными темпами. Большинство исследователей сходятся на том, что в наиболее развитых странах (США, Япония, страны Западной Европы) этот переход был начат в 60-х годах нашего века. Предполагают, что в США этот переход в основном завершится к 20-м годам XXI века, в других развитых странах — несколько позднее.

В России о переходе к информационному обществу заговорили в середине 80-х годов. Именно тогда в нашей стране появилось понятие “информатизация общества”.

Представляется, что информатизация — это техногенно-социальный процесс создания, развития и массового применения информационных средств и технологий, обеспечивающих достижение и поддержание информированности общества, необходимого и достаточного для кардинального улучшения качества жизни и условий труда каждого члена общества, повышения эффективности труда во всех сферах общечеловеческой деятельности.

Свое отношение к информатизации, к ее роли в дальнейшем развитии общества автор хотел бы кратко выразить следующей формулой, являющейся перефразировкой известного ленинского лозунга: “Информационное общество (наше будущее) есть разумная власть плюс информатизация всей страны.”

Говоря о влиянии информатизации на развитие образования и науки, хотелось бы выделить два следующих аспекта: во-первых, непосредственную информатизацию этих отраслей хозяйства страны; во-вторых, рассмотрение информатизации как мощного фактора интеграции науки и образования.

Первый аспект достаточно подробно рассмотрен специалистами и научной общественностью, имеются публикации и соответствующие решения.

В связи с этим ограничусь только изложением кратких соображений по некоторым проблемам информатизации образования и науки.

Многие специалисты и руководители потребность в информатизации образования связывают с необходимостью интеграции российского образования с мировой системой образования; при этом основную цель этой интеграции они видят в приведении нашей системы к западной модели, которая в своей основе является многоступенчатой и связана с подготовкой магистров, бакалавров и т. д. Представляется, что этот процесс “перестройки” и массового копирования зарубежной модели к информатизации образования имеет весьма косвенное отношение. Более того, по мнению автора, российская система образования, так же как и наша система дошкольного и школьного воспитания, является не худшей в мире, имеет свои многовековые традиции и требует более внимательного отношения к себе.

В то же время информатизация должна стимулировать дальнейшее совершенствование самой технологии и организации образовательного процесса. В связи с этим хотелось бы вспомнить следующие слова академика В. М. Глушкова: “Попытка вставить ЭВМ в традиционную технологическую управления эквивалентна попыткам установить реактивный двигатель на телегу или построить мощную тепловую электростанцию, в котлы которой уголь подбрасывался бы лопатами”.

Пока центральной фигурой в образовательной технологии остается человек — преподаватель. В какой мере и на какой период он останется в этом статусе, а если останется, то как видоизменится его деятельность — эти и другие аналогичные вопросы ждут своего решения в связи с активным внедрением новых информационных технологий в образовательный процесс.

Сегодня уже реальностью стали такие образовательные технологии, как электронные учебники, электронные факультеты, дистанционное обучение и т. д.

Еще одна проблема привлекает внимание специалистов в сфере просвещения и образования. Она связана с ролью и местом информатики как научной и учебной дисциплины. Сегодня информатика становится междисциплинарной наукой и обязательной для всех вузовских специальностей общенаучной учебной дисциплиной, такой же как математика и физика. Нельзя не согласиться с тем, что мы являемся свидетелями процесса неуклонного роста мировоззренческой роли информатики, роста ее интегрирующей роли по отношению ко многим научным и научно-техническим дисциплинам и направлениям: кибернетике, теории управления, связи, вычислительной технике и т. д. Сегодня информатика стала включаться и в школьные программы. В значительной мере начал претворяться в жизнь лозунг, высказанный в свое время большим инициатором развития информатики и программирования в стране академиком А. П. Ершовым: “Программирование — вторая грамотность”. Несмотря на спорность этого лозунга (в свое время по этому поводу среди специалистов по информатике и языкознанию проходили достаточно бурные дискуссии), он сыграл свою положительную роль в дальнейшем развитии программирования в стране. Представляется, что меньше дискуссий и споров вызывает тезис о важности для прогресса общества развития компьютерной грамотности населения.

Современные тенденции информатизации науки связаны с широкой компьютеризацией и математизацией гуманитарных наук, повышением интеллекта автоматизированных систем научных исследований и автоматизированных рабочих мест исследователей, включением научных работников в мировую информационную компьютерную сеть баз данных и знаний, повышением роли компьютерного моделирования в научных исследованиях и т. д.

Говоря об информатизации науки, следует отметить, что она (наука) в силу своей природы имеет дело со знаниями и информацией. Так, академик Н. Н. Моисеев говорит: “Наука — это еще один способ накопления, хранения и переработки информации. Научные теории и законы можно рассматривать в качестве специальных средств агрегирования информации и методов, обеспечивающих к ней относительно легкий доступ”. В таком контексте науку условно можно рассматривать как макроинформатику, а информатику — как своего рода микронауку. Этим сравнением автор еще раз хотел подчеркнуть интегрирующую роль информатики в науке и обществе.

Основная цель интеграции науки и образования определена в Федеральной целевой программе “Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 годы” в следующей формулировке: углубление и расширение взаимодействия академической и вузовской науки, повышение качества образования с целью сохранения и развития научно-технического потенциала страны. По существу речь идет об определенной взаимной координации усилий науки и высшей школы для повышения эффективности их деятельности.

В этой же программе указаны пять основных направлений ее реализации:

1. Развитие совместных фундаментальных исследований.
2. Обеспечение взаимодействия академической науки с образовательным процессом в высших учебных заведениях.
3. Развитие опытно-экспериментальной приборной базы фундаментальных исследований для совместного использования.
4. Формирование информационной базы фундаментальных исследований в целях совершенствования учебного процесса в высших учебных заведениях.
5. Поддержка экспедиционных и полевых исследований, выполняемых научными сотрудниками, преподавателями и студентами вузов совместно с учеными Российской академии наук.

Нет необходимости особо доказывать, что информатизация затрагивает и активизирует указанные направления интеграции науки и высшей школы. Обратим внимание на следующие обстоятельства.

Все направления информатизации, от проведения фундаментальных исследований до организации международного сотрудничества, связаны с тенденциями интеграции. Это отражается, например, в развитии интегрированных производственных систем, мультимедиа-технологий обработки разнородной информации, интегрированных информационно-телекоммуникационных систем и т. д. Сегодня методология построения таких интегрированных систем и технологий в значительной мере обобщается принципом открытых систем. Этот принцип облегчает решение проблем взаимодействия разных аппаратно-программных платформ, их модернизацию и развитие, облегчает работу пользователя с ними.

Известно, что информационно-вычислительная база науки и высшей школы в значительной мере развивалась независимо. Кстати, определенная степень автономности была характерна и для учреждений как самой науки, так и высшей школы. В связи с этим представляется, что принцип открытости позволит, особенно на первом этапе, наиболее рационально, с сохранением ранее сделанных вложений, решить многие проблемы интеграции науки и образования, в том числе проблему создания единого интегрированного информационного пространства науки и образования.

А материальную основу этого интегрированного информационного пространства составит информационная инфраструктура, создаваемая в результате реализации одного из направлений информатизации.

В свою очередь основу информационной инфраструктуры сформируют:

- приемо-передающие информационные центры, включающие самые разнообразные виды и средства связи и передачи данных, оконченную аппаратуру пользователей и информационные технологии использования этих центров;
- системы баз данных и знаний, в том числе информационной базы фундаментальной науки и базы данных о российской и мировой системах образования;
- локальные, региональные и глобальные телекоммуникационные и компьютерные сети, объединяющие базы данных и знаний, приемо-передающие и вычислительные центры и среды, открытые для подключения к общегосударственным и международным информационным сетям.

Создание аналогичной информационной инфраструктуры в системе “наука—образование” позволит объединить информационные ресурсы системы в единый информационный фонд, а подключение к общегосударственным и международным сетям создаст возможность работникам науки и высшей школы использовать для обеспечения своей деятельности весь накопленный человечеством информационный фонд.

В результате будет решена проблема сближения учреждений науки и образовательной системы и их специалистов во времени и пространстве, будет ликвидирована “информационная ущербность глубинки”, появятся реальные условия для эффективного внедрения в повседневную практику таких новых форм организации учебного процесса и науки, как дистанционное обучение, электронный факультет, телеконференции, коллективное использование уникальных экспериментальных установок и т. д.

Успешное решение проблемы интеграции высшего образования и науки потребует развития и проведения целого комплекса мероприятий: исследовательских, правовых, социально-экономических, организационно-хозяйственных и т. д. Но уже сегодня бесспорным является тот факт, что одним из наиболее мощных факторов ускорения этого процесса интеграции является информатизация общества.

С. А. КЛЕЙМЕНОВ,

ректор Московского государственного радиовузза, ректор Академии менеджмента инноваций, заместитель директора Российского центра UNEVOC/UNESCO, действительный член Академии проблем качества, доктор технических наук, профессор

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО САМОРАЗВИТИЯ СТРУКТУР ОБУЧЕНИЯ НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Развитие новых технологий и связанные с этим изменения условий эволюции технических систем приводят к формированию сложных взаимодействий различных процессов: социальных, экономических, технологических и др.

Очевидно, что объектом и субъектом этих взаимодействий является человек. Известно, что условия жизни и деятельности человека в техногенном мире связаны с возможностью его адаптации при изменении условий, характерных для перечисленных процессов.

Очевидно, что проблема весьма сложна, и предложить одну или несколько традиционных моделей, позволяющих адекватно сформировать условия деятельности человека и оценить последствия принимаемых решений, не представляется возможным.

Особенностью обеспечения условий для адаптации человека является создание гибких моделей обучения, основанных на принципах гуманитарного саморазвития. Показано, что эти принципы, основанные на дарвиновской “триаде”, позволяют создать структуры “непрерывного формирования способа профессиональной деятельности” и обеспечить механизм гуманитарного саморазвития структур обучения новым технологиям. Например: структуры системной экспертизы инновационных процессов, образовательной интернационализации и т. д.

Доминирующий в настоящее время механистический подход к проблеме социально-технических коммуникаций приводит нас к рассмотрению человека в качестве субъекта воздействия на окружающую среду с помощью технических систем. В этих условиях роль человека сводится к регистрации результатов воздействий на окружающую среду и управлению этими воздействиями при помощи существующих моделей, не учитывающих результаты обратных воздействий среды на человека. Однако роль таких воздействий на изменение и прогнозирование изменений техносферы и стандартов социальных технологий для человека исключительно велика. Причем под стандартами социальной технологии понимается соответствие между потребностями человека по шкале ценностей и полезностью, качеством и количеством произведенных продуктов и услуг.

Это обстоятельство приводит к тому, что технические системы новых технологий необходимо рассматривать не просто как инструмент воздействия на окружающую среду, а как средство взаимодействия человека с природой. Невычислимость алгоритмов типа “человек—среда—человек” и “природа—человек—общество” приводит к возникновению проблемы формирования новой концепции технической революции и оценки ее воздействия на жизнедеятельность человека.

Принципы гуманитарного саморазвития, основанные на отборе, изменчивости и эволюции структур обучения, соответствуют особенностям саморазвития личности в процессе самоактуализации. Смысл процесса заключается в совпадающей динамике саморазвития человека и среды. Из этого следует, что гуманитарное саморазвитие структур обучения новым технологиям является источником синтеза процедур, изменяющих познавательные структуры через воздействия на среду, окружающую системы "человек—среда—человек", "природа—человек—общество", "человек—обучение—техника".

Как уже было сказано, механизм гуманитарного саморазвития структур обучения обеспечивается:

- гибкой моделью обучения, основанной на этически направленном непрерывном формировании способа профессиональной деятельности, гуманизацией непрерывного многоуровневого обучения;

- системными экспертизами композиций инновационных процессов во взаимодействующих средах;

- образовательной интернационализацией.

Предлагаемые механизмы саморазвития обеспечиваются следующими процедурами:

1. На системном уровне условно выделенных пяти аспектов субъектно-объектной технической деятельности человека используется система оценок существующей реальности, т. е. описывается пространство жизнедеятельности человека при известном уровне технического развития систем.

2. Оценивается тенденция изменения характеристик пространства жизнедеятельности человека при изменении характеристик технических систем.

3. Оцениваются возможные механизмы саморазвития человека при условиях изменения характеристик технической среды и параметров среды жизнедеятельности человека.

4. Формируется система моделей, позволяющих с единых лингвистических и семантических позиций описывать результаты экспертиз и анализировать возможности развития моделей картины мира. Эти модели являются конкретными семантическими структурами, формирующими так называемый "сюжет" динамического среза конкретной социально-экономической ситуации.

С. И. ГОЛОД,

директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор

СЕМЬЯ И ЛИЧНОСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦИОЛОГА

В начале 60-х годов XX столетия известный американский социолог У. Гуд подметил парадоксальный факт. Он говорил, что хотя в области социологии семьи проведено исследований больше, чем в какой-либо другой значимой отрасли, однако лишь в немногих из них содержатся попытки теоретических изысканий. Действительно, нередко все сводилось к одной лишь разработке техники социальной инженерии с тем, чтобы помочь людям решать те или иные практические задачи (например, как избежать супружеских конфликтов). Против такой направленности не возражишь, но надо помнить, что эффективность рекомендаций непосредственно сопряжена с наличием концептуальных построений. В известной мере развивает и дополняет высказанное соображение другой американский исследователь — П. Бергер. Некоторые социологи, с его точки зрения, настолько увлеклись методологическими проблемами, что утратили всякий интерес к обществу. "В результате ни в одном аспекте социальной жизни они не могут найти ничего существенного, поскольку в науке, как в любви, концентрация на технике ведет к импотенции". Лучшая иллюстрация высказанного суждения — современное состояние российской социологии семьи. Впрочем, об этом речь впереди. Отчасти согласимся с еще одним тезисом У. Гуда. Здесь речь идет о его замечании по поводу прохладного отношения классиков социологии к институту семьи. В самом деле: ни К. Маркс, ни М. Вебер, ни В. Парето не исследовали семью. Э. Дюркгейм только мельком рассма-

вал ее как часть социальной структуры. Однако верно и следующее. Начиная со второй половины XIX века, теоретические проблемы семьи так или иначе находились в поле зрения ряда первоклассных антропологов и социологов. Убежден, что достаточно будет напомнить имена Л. Моргана, Ф. Энгельса, М. Ковалевского, Ф. Ле Плэ, Б. Малиновского и П. Сорокина.

Говоря без обиняков, высказывание У. Гуда по поводу малой теоретической продуктивности социологов семьи главным образом относится ко второй половине XX столетия. Действительно, на рубеже веков семья являлась объектом социокультурного анализа целой плеяды первоклассных специалистов, в то время как после Второй мировой войны наиболее талантливые исследователи отдали предпочтение в приватной сфере изучению сексуальности. Смещение акцента интереса, вероятно, сопряжено с бессознательным, импульсивным стремлением крупных ученых проявить себя в неизведанной доселе области знания. Успешность реализации насущной потребности стала возможна вследствие кризиса иудео-христианского морального кодекса, обусловленного в конечном счете процессом интенсивной модернизации общества. Назовем лишь несколько имен: в США — П. Сорокин; во Франции — М. Фуко; в Германии — Н. Луман; в Англии — А. Гидденс.

Вместе с тем, думается, мы не погрешим против истины, если укажем на то, что и среди современных специалистов по проблемам семьи, образно выражаясь, имеются свои холмики, но, увы, не горные вершины. Например: У. Гуд в США, Ф. Кениг в Германии, Р. Флетчер в Англии, Л. Руссель во Франции, А. Г. Харчев в России. Что же объединяет названных исследователей? Во-первых, каждый из них в своей стране несомненный авторитет в рассматриваемой здесь отрасли социологии. Во-вторых, несмотря на разные дискурсные подходы (эволюционистские, истматовские, функционалистские и т. п.), они выражают активную обеспокоенность кризисным состоянием моногамии, ставя его (этот кризис) в прямую зависимость от глобальных социальных изменений.

С. И. АРТАНОВСКИЙ,

доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской государственной академии культуры

ИДЕЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОБНОВЛЕНИЕ

Задача данного исследования — проследить эволюцию отношения к гуманитарным наукам, гуманитарному знанию и гуманитарной проблематике в основных направлениях советской и постсоветской мысли, таких как пролеткульт, конструктивизм, футуризм, официальная партийная печать 20—30-х годов, в официальной идеологии 40-х и последующих послевоенных годов, в диссидентстве 60-х годов, в возрождающемся в 60—70-х годах почвенничестве (Вл. Солоухин, “деревенская литература”). Исследование охватывает и наши дни, в нем рассматривается гуманитарная проблематика в идеологии соперничающих группировок, таких как христианско-почвенническая (Валентин Распутин и др.), христианско-экуменическая (С. С. Аверинцев и др.), постмодернистская (Виктор Ерофеев и др.). Исследование ограничено рамками территории Российской Федерации. Из этого вытекает, что русская культура за рубежом не попадает в поле зрения нашей работы.

Под гуманитарной проблематикой в исследовании понимается круг вопросов, связанных с духовной суверенностью индивида, с внутренним самоопределением личности. Эта проблематика относится прежде всего не к индивиду, рассмотренному в его общественных связях (хотя этот фундаментальный аспект не может быть устранен полностью). К этому сугубо личностному аспекту человеческого бытия тяготеют такие начала, как спонтанность, творчество человека, его стремление к высшим ценностям, к трансцендированию бытия. Гуманитарная культура — это, по традиции, идущей от Ренессанса, язык, философия, история, искусство (последнее в основном в плане критики). До сих пор некоторые зарубежные авторы обозначают эту совокупность латинским *humanitas* и английским *humanities*. Наверно, в наши дни следует несколько расширить этот список. Гуманитарные науки мы склонны рассматривать как средство воздействия на душу индивида, под влиянием которого вырабатываются его духовное своеобразие и неповторимость.

Гуманитарное знание и весь “гуманитарный комплекс” рассматриваются в исследовании как нетождественные понятия социально-этического гуманизма. Конечно, между этими сферами существует общность, нередко переходящая в единство. Обе они соотносены с человеком и его воспитанием. Однако эти разновидности гуманизма опираются на различные традиции и имеют различный смысл. Гуманитарное знание и гуманитарность как особая методология изучения и воспитания человека идут от гуманистов Возрождения, “классического образования” XIX века, концепции *Geisteswissenschaft* неокантианцев, “третьего гуманизма” В. Йегера, отчасти Я. Буркхардта и Ф. Ницше. Социально-этический гуманизм имеет истоки в Просвещении XVIII столетия, в либеральных и пацифистских течениях европейской мысли конца XIX века.

В данной работе прослеживается эволюция идеи гуманитарности — от ее полного неприятия в первые два десятилетия советской власти. Однако после XX съезда КПСС понятие гуманизма получает все большее признание и распространение в советской науке и публицистике. Оно фигурирует и в официальных документах. Под “гуманизмом” понимается прежде всего социально-этический гуманизм, одобренный “классовым подходом” и другими догмами. Скрытая оппозиция советской идеологии, никогда не умиравшая в советской культуре, теперь смелеет и делает своим знаменем именно социально-этический гуманизм. Обращения к гуманизму ренессансного типа редки и не пользуются популярностью у интеллигенции.

Духовную ситуацию в постсоветской России следует понимать, исходя из того, что страна живет под знаком “догоняющей модернизации”. В связи с этим в центре внимания современного россиянина стоят проблемы политические, социальные, экономические, идеологические, так или иначе связанные с этой модернизацией. В этом же русле находится “культурологический взрыв” — десятки книг рассматривают культуру в ее социальном функционировании и значении для человека в качестве родового (не индивидуального!) понятия. Западники-модернисты и постмодернисты, христиане-экуменисты более всего озабочены приобщением к “пространству мировой культуры”; христиане-почвенники — к державно-православной традиции. Сложившаяся в советское время недооценка гуманитарной сферы культуры (как уникально-личное) продолжает проявляться во всех сферах духовной жизни.

Исключение составляет ретроспектива. В 90-х годах хлынул поток книг, ранее не издававшихся или почти не издававшихся ввиду неодобрения руководителями идеологических ведомств. Вышли книги представителей русской эмигрантской культуры, насыщенной гуманитарностью. Переведены работы философов-персоналистов: Ф. Ницше, Ортеги-и-Гассета, Г. Марселя и многих других. Издана “Культура Ренессанса в Италии” Я. Буркхардта, приобщающая нас одновременно к истокам европейского гуманизма и к важному этапу его освоения в истории европейской мысли.

Однако эта мощная гуманистическая ретроспектива не является чем-то совершенно новым в истории российской культуры. Начиная от предреволюционного времени и сквозь весь советский период проходит континуум интеллектуальной работы над освоением классического гуманитарного наследия, выразившийся в множестве публикаций, переводов, исследований. Даже в самые тяжелые годы советской власти (1937, 1949 и др.) эта работа не прерывалась. Следует смотреть на исследователей, переводчиков, комментаторов, осуществлявших эту работу, как на подвижников.

Сегодня гласность существенно облегчила гуманитарную деятельность. Зато вступил в силу другой отрицательный фактор — ослабление и обнищание государства, не способного ныне материально поддержать российскую интеллигенцию. Найдём ли мы в себе силы продолжить славный путь?

И. Ф. ГОНЧАРОВ.

профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, действительный член Петровской академии наук и искусств, член-корреспондент Международной славянской академии, доктор педагогических наук

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЗАЛОГ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Количественная скудость и недостаточность полноценных знаний, ограниченный информационный обзор, невежество, неглубокие представления о России, русских и россиянах и о родной культуре, поверхностное знание творческого опыта Родины, ее самобытного облика, то есть “незнание России посреди России” (Н. В. Гоголь) — в этом одна из коренных причин слабого национального самосознания, недостаточного национального самоуважения и вековечной неустроенности отечественного быта.

Обзор истории России и истории ее просвещения показывает хроническую невостребованность национальной культуры, никогда по-настоящему не включенной в государственное, социальное и экономическое творчество. Из века в век отсутствовало серьезное внимание и интерес к “почвенной” культуре, ее пониманию. Не удивительно, что большая часть нашей духовной культуры до сих пор скрыта для нас за непроницаемой завесой незнания и предрассудков, не оценена по достоинству. А культурные ценности, известные нам, не стали достоянием рядового человека, выпускника существующей школы.

Полуобразованность, полужнание, очевидные прорехи в эрудиции даже у самых образованных русских людей — вот печальная картина нашего образования прежних эпох и нынешнего времени. В основе зияющей неполноты образования лежат следующие основные причины:

1. Преимущественная ориентация на православную религию, где главное — “внутренняя мудрость”, спасение души.

2. Неразвитость жажды к научным знаниям и научному образованию.

3. Неумение совместить знания и веру.

4. Равнодушие к самопознанию методом научного знания.

Исторически сложившиеся недостатки и пороки отечественного образования видятся так:

1. Беспочвенное подражание европейской цивилизации.

2. Недостаточное количество научных и практических знаний.

3. В самой системе дореволюционного образования зияют произвольные пропуски. Знания ориентированы преимущественно на “позитивизм”, без органической религии, национальной философии и по большому счету — без искусства. Русское традиционное образование — это все-таки в большой мере самообразование.

Школа большевистского периода, с одной стороны, внесла плюсы, а с другой — усугубила недостатки и пороки дореволюционного образования. Вот грани ее несостоятельности:

1. Обилие сознательно ложной информации.

2. Насыщенность сплошными фигурами умолчания. Умолчание вело к неполноте знаний, к обедненной картине жизни, следовательно, к ограблению ума поколений.

3. Игнорирование света независимой науки, особенно света русского православия, более того — искоренение традиционного религиозного отношения к жизни, его замена воинствующим атеизмом.

4. Строго регламентированное и дозированное идеологическим отбором содержание знаний.

5. Зараженность идеей интернационализма как искажение идеи вселенского единства и солидарности человечества.

6. Недопущение независимого поиска истины. Мы оказались соблазненными “великим инквизитором”, который предписывал отказаться от истины во имя иллюзорного счастья для всех.

7. Опора на постулаты, не подлежащие экспериментальному изучению, научному доказательству, погружение учеников во власть верований, в истинности которых нельзя убедиться.

8. Использование ложной идеологической модели, аспектами которой являются: всемирная революция, воинственный атеизм, классовая борьба, коммунистическая партийность, оказание помощи другим народам за счет уменьшения и без того весьма скромного достатка нашего человека.

9. Замена изучения реальности литературой и другими гуманитарными предметами. Только в России литература в союзе с искусством заменила жизнь. Не жизненный, а книжный и схоласти-

ческий ум — такова плата за пренебрежение непосредственным восприятием мира, наблюдениями природы, человека и общества в целом.

10. Руководство ложными установками при изучении гуманитарных наук, особенно — литературы и истории. В программах, в изображении прошлого, запечатленного в культуре, дурного, как говорили наши предки, “излиху много”. Это свидетельствует об антинациональной природе после-революционного образования.

11. Исключение состязательности в обучении, отсутствие свободы мышления, тоталитарный контроль над умами и многое другое — все это исключало дисциплину ума, формировало культовое мышление и создавало школу упущенных возможностей.

Типы школ современной России с национальной точки зрения: национально-русская, “почвенная”; интернациональная; космополитическая, наднациональная; безликая, неопределенная “полуиностранная” (К. Д. Ушинский). Опросы педагогов Санкт-Петербурга свидетельствуют: петербургская школа не поддается классификации с национальной точки зрения по причине неопределенности. При этом важно отметить, что в трудах идеологов петербургской школы отсутствуют понятия “Родина”, “Отечество”, “Матушка-Россия”.

Общий результат обучения, образования и просвещения в России на нынешний день таков: не открытая нами Россия, не изученный нами родной человек, до конца не найденная нами русская культура. Невежественность в области общей культуры остается потрясающей. Это значит, что школа не достигла истинного общеобразовательного уровня. Народ овладел элементарной грамотностью и выдвинул из своих недр научную и техническую элиту высочайшего класса. Но в целом нам свойственен дилетантизм образования. По всему своему характеру наше воспитание, образование и просвещение не вполне русское: оно не дает всестороннего познания России и русского человека, не открывает путей их понимания, не воспитывает проникновенного отношения к своему, родному. Наше воспитание и образование с натяжкой можно назвать русским, так как в нем русского духа почти нет: духовное и нравственное воспитание вытеснено информацией. Школа стала технократической: главное в ней — знания.

Именно сегодня, в конце XX столетия, впервые за всю историю России, у нас появилась возможность опереться на все богатства национальной культуры, на весь ее положительный и отрицательный опыт. Это самая большая культурная победа, самое значительное событие духовно-исторического значения именно последних лет: мы сегодня можем достаточно полно знать наши культурные ценности. Еще важный момент: дореволюционные массы с низким образовательным уровнем не могли творчески освоить культурные богатства. Ныне в России есть различные категории высокообразованных людей. Их несравненно больше, чем до 1917 года. В этом наши педагогические преимущества перед педагогами прежних формаций: никогда отечественная школа не имела такого доступа к культурным системам. Это один из важнейших признаков грядущего исцеления России.

Оптимальный состав родной культуры, рассматриваемый во взаимообогащении с культурами других народов, видится так: а) родной язык как явление культуры; б) действительность, житейская школа, опытное практическое познание; в) религия, преимущественно русское православие; г) русская художественная культура; д) дух и пути русской науки; е) народные ремесла, промыслы, прикладное искусство, народная медицина; ж) социальные коммуникации и социальная память; з) среда обитания русских и человечества; и) философия; к) Россия и мировая культура.

Все это — общие культурные системы. В каждой из них — несколько учебных предметов, факультативов, спецкурсов. Так, блок “Действительность” включает в себя такие конкретные компоненты: “Русские встречи” (непосредственное диалогическое просветительское общение с лучшими людьми России); “Русский человек и русское общество как объекты наблюдения”; “Человек и живая духовная среда”; “Эмпирическое и отвлеченное знание”; “Созерцание и деятельность в русской традиции”; “Современная текущая история”.

Спасительно самобытное национальное творчество, опирающееся на огромные запасы творческих сил всего народа и каждого человека; культ работы самого высокого качества как высшей формы самосуществования и самоутверждения личности, русское православное отношение к миру, умение воспринимать у других народов плодотворные уроки на равноправных началах — это должно стать основой русской национальной стратегии.

Умелое воспитание в этом духе наших соотечественников — вот путь к грядущей счастливой России. Такое системное воспитание под силу одной только школе. Именно новая русская школа — это фундамент новой сокровенной России, и только на нем может быть возведено прочное здание русской идеи. Русская национальная школа будет поколение за поколением возрождать великий народ, совершенствовать его и обеспечивать ему счастливую судьбу.

А. М. ЗИМИЧЕВ,

вице-президент Международной академии акмеологических наук,
действительный член Международной кадровой академии
ЮНЕСКО, доктор психологических наук, профессор

БЫТЬ ЛИ РУССКОЙ ЭЛИТЕ?

Именно в России зародились идеи и были заложены основы элитарного образования. Его начало связано с именем Ивана Бецкого — бастарда князя Трубецкого, президента Академии художеств, человека, сыгравшего в развитии образования России исключительную роль.

Франция в 1973 году отмечала переход к раздельному обучению в своей школе как национальный праздник. А труды Бецкого, давшего России кадетские корпуса, получили признание уже во времена Екатерины II, т. е. в XVIII веке. Именно он провозгласил принципы раздельного обучения юношей и девушек и закрытого учебного заведения, образцом которого и стал кадетский корпус. Поэтому закономерно, что памятник Ивану Бецкому установлен напротив первого воспитательного дома в Петербурге — ныне Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Ключевым воплощением идеи элитарного образования стал Царскосельский лицей. Лицей мог быть только один. И задачей его была подготовка правителей для России. Тем более комично, безграмотно и пародийно смотрится слово “лицей” сегодня фактически на каждом ПТУ. Лицей, по существу, давал тот уровень образования, который не нужно было дальше повышать. После Лицея в университеты не ходили. А образование лицейстов принципиально отличалось от других видов образования. И вот чем.

Лицейстам не преподавали отдельно историю, например, древней России, Древнего Рима и т. д. Давалась хронологическая история, т. е. лицейст представлял мир в целом. Ведь для чего нужна изолированная история? Чтобы легче создать образ врага при необходимости.

Лицейстам преподавали языки на основе методики, выстраивающей фонетическую логику, которая, в свою очередь, давала возможность запоминать любые новые термины, слова, будь то предметный или естественный иностранный язык. У них обязательно была рифма. Мы знаем Александра Сергеевича Пушкина. Но ведь каждый из лицейстов мог писать стихи, каждый умел танцевать, каждый владел искусством живописи.

Таким образом, практически каждый лицейст подводился к тому, чтобы сотворить доброе, вечное, т. е. он превращался из твари Божьей по сути в Творца по образу и подобию Господа Бога. Он приобретал свою систему миропонимания — свою диалектику, на базе которой он и мог творить управление: военное, административное, художественное и любое другое.

И Лицей, как Солнце, давал жизнь другим, по сути вспомогательным по отношению к себе, видам образования. Кадетские корпуса готовили военных — представителей силовых институтов для управления государством. Позже появились лицеи с определенными специализациями — юридическими, техническими. Они как бы обеспечивали подготовку штаба для правителей России.

Среднее образование получило идеи Лицея через гимназии опять же для элиты — для дворянства, но с некоторыми изменениями. Например, в гимназиях, в отличие от лицеев, уже не преподавали хронологическую историю. Иначе обстояло дело с фундаментальными науками. Но неизменной оставалась лицейская традиция устремленности к наивысшему уровню достижений: в данном случае ориентация на максимальное, акмеологическое образование.

Гимназия готовила к поступлению в университеты и различные другие высшие специальные учебные заведения, готовящие спецов. Спецы были нужны для обеспечения управления той системой, руководители которой готовились в Лицее.

Существовало также общее массовое образование в реальных и коммерческих училищах. Но это уже не было элитарным образованием по сути своей. Оно служило для подготовки буржуазного класса коммерсантов и ремесленников.

А будущие руководители страны готовились прежде всего в системе Лицея. И это то, что сегодня в американской образовательной психологии получило название *leadership*, что в буквальном переводе означает “руководитель корабля, капитан”. Многие идеи Лицея перекочевали в *Public schools* в Англии, многие оказались в американской элитарной школе и через висконсинский про-

ект косвенно ушли в Японию. Можно сказать, что весь мир практически использует идеи нашего Лицея, заложенные еще в середине XVIII века, которые приобрели развитие в XIX веке и к началу XX века пришли к своей кульминации.

Необходимыми чертами элитарного образования, провозглашенными Иваном Бецким, оставались все это время раздельность и закрытость. Таковыми были и широко известные высшие учебные заведения для девушек: Смольный институт, Бестужевские курсы, Мариинский институт. История образования в мире вообще не знает ни одного элитарного учебного заведения, где после 12 лет обучения не было бы раздельным. И это напрямую связано с новаторскими идеями уже упомянутого Ивана Ивановича Бецкого, Петра Федоровича Каптерева, Константина Дмитриевича Ушинского и других русских педагогов.

...Когда произошла революция, то под флагом борьбы с аристократией (причем изначальное значение термина уже было забыто, *aristos* означает — разумный, а аристократия — управление разумом) в 20-х годах попытались уничтожить и аристократическое образование. Причем ситуация в педагогике тогда очень напоминала современную ситуацию. Чего только не было у нас тогда: и бригадные методы обучения, и тестирование, и системы германские, голландские, французские.

Но сменились “капитаны”, и стало понятно, что нация может прийти к деградации при образовании, не ориентированном на получение максимума, на достижение вершин — *акме*. Это случилось в 30-х годах, и, как в то время и было принято, вопрос был решен радикально. В 1936 году появилось известное Постановление “О педологических извращениях в системе Наркомпроса”. К сожалению, вместе с педологией было запрещено и много полезного, в частности, психотехника, наработки Алексея Капитоновича Гастева в Центральном институте труда, положившие начало педагогической кибернетике.

Ориентация в образовании изменилась кардинально: было предложено готовить всесторонне образованных людей. Те педагоги, которые были консервативны в своих воззрениях, т. е. не стремились к революциям в образовании, предложили привнести принципы аристократического образования в массовое.

Тогда начали вводить раздельное обучение, все школы становились ориентированными на высшее образование. Обязательным предметом, которому придавалось большое воспитательное значение, была физическая культура. Огромную популярность имели различные соревнования между школами (то, что заимствовала американская школа у советской только в 60-х годах, и то, чему они нас теперь учат).

Была широко развита массовая система различных кружков, секций при школах. Вспомним то, что теперь вызывает в лучшем случае ироничную усмешку: построение знаменитых акробатических пирамид на сцене школьного актового зала во время массового концерта. Такие мероприятия были очень популярны. Но это позволяло каждому ребенку удовлетворять свои социальные потребности, проявиться каждому по-своему и остаться в школе, а не уходить на улицу.

Буквально вся страна пела, играла и занималась спортом. И эта система настолько “вросла” в школу, что даже во время войны продолжала действовать, несмотря на катастрофу.

...Сегодня можно создать настоящее образование. И это вопрос прежде всего законодательства. Экономика должна быть ориентирована на то, чтобы государственные деньги, отчисляемые на образование, следовали за учащимся, независимо от того, где он учится. И тогда, объединив средства родителей, предприятий-спонсоров с госбюджетом, можно будет серьезно поднять уровень учебных заведений, создать хотя бы для наиболее одаренных детей акмеологическое образование, позволяющее готовить будущих руководителей страны.

И конкурентоспособным русского человека мы тоже можем сделать. Ведь до настоящего времени во всем мире русских еще считают самыми образованными людьми...

В. Г. БЕЛОВ,

Заслуженный деятель искусств России, композитор, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, лауреат международных конкурсов

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Мои рассуждения на предложенную тему будут выглядеть как робкие мазки неопита в сфере общественных проблем, хотя мне и приходится быть тем “физическим” лицом, которое действует в системе гуманитарной культуры и гуманитарного образования. По профессии я композитор и одновременно преподаю в консерватории. Конечно, я кровно заинтересован в том, чтобы рыночные потребности человечества в гуманитарной культуре и в гуманитарном образовании прежде всего в нашей стране, да и во всем мире, не угасали, а росли, обеспечивая тем самым растущий спрос на такого рода “продукцию”.

К сожалению, мы уже стали свидетелями того, как в условиях рыночных отношений стремительно исчезают звенья культурно-образовательных учреждений: прекратили существование бесплатные формы художественного образования и просвещения при ДПШ и ДК (думаю, скоро мы забудем, как расшифровываются эти аббревиатуры), в несколько раз сократился выпуск отечественных кинофильмов, упали тиражи художественно-просветительских изданий, газет, книг и журналов, закрываются консерватории. Уменьшается, и не только из-за инфляции, и без того мизерная зарплата работников образования и культуры, в частности музыкантов. Энтузиазмом творческой интеллигенции был ошельмован “самый прогрессивный общественный строй человечества”, а теперь она и учителя становятся самыми дешевыми пролетариями в сфере интеллектуального труда.

В наши дни со словом “гуманитарное” связывается нечто спасительное, человечески сочувственное, сострадательное: например, “гуманитарная” помощь в виде бросового продовольствия, элементарных предметов быта, лекарств. Гуманитарное направление деятельности отдельного человека или какого-либо общества подразумевает их ориентированность на финансовую, юридическую, моральную или материальную поддержку людей, попавших в беду, независимо от того, как они проявляли себя — позитивно или враждебно.

Конечно, уместнее в этом плане было бы употребить словесные эквиваленты: гуманный, гуманистический. Ведь определение “гуманитарный”, вероятнее всего, происходит от понятия “гуманитарий”, т. е. профессионал в сфере знаний об общественных формациях, истории человечества, о человеке общественном и формах очеловеченного, окультуренного общения.

Но все же понятие гуманитарной культуры, вероятно, следует трактовать, в основном, как совершенство совокупных знаний в общественных науках и в искусстве, т. е. в тех сферах достижений цивилизации, которые очеловечивают духовный мир людей.

Может ли гуманитарная культура быть не гуманистической? Вероятно, может. К примеру, фашистская расовая идеология породила ряд философских, этических и эстетических представлений, которые несовместимы с истинным гуманизмом, ратуящим за ценность любой человеческой жизни. Извращенными понятиями о гуманности заражают своих граждан и такие тоталитарные режимы, где власть принадлежит лицам с низким духовным потенциалом и где “гуманитарные” науки обслуживают деспотов и тиранов.

Чтобы общество и его отдельные члены обладали подлинной гуманитарной культурой, основной ее предпосылкой должна стать высоко-развитая демократия, а не плутократия временщиков. Совсем недавно большинство из нас жило согласно нравственно-общественному принципу: “Не в деньгах счастье!”. Подразумевалось: в творчестве, в бескорыстном служении ближнему, Отечеству, в помощи обездоленным, в честном и здоровом образе жизни при разумном достатке. Теперь обществом правит официально провозглашенный лозунг: “Обогащайтесь как можете!”. Создает ли он необходимый климат для совершенной гуманитарной (гуманистической) культуры? Полагаю, нет. Конечно, культура стоит дорого, но ее отсутствие может обойтись дороже.

По натуре я не революционер, заниматься политикой мне ни к чему, поэтому остается лишь поразмыслить, что делать в тех условиях, которые сложились у нас на сегодняшний день.

Пример Китая, Южной Кореи, некоторых стран народной демократии показывает, что при определенных условиях прогресс общественной и гуманитарной культур может быть ускорен, но примеров, чтобы великая держава сама себя ввергла в пучину дикого, криминального капитализма двухсотлетней давности, я что-то не помню.

Считается, что перспективный образец гуманитарного вуза демонстрирует Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Он создан на коммерческой основе, не зависит от государственного бюджета, его педагогический персонал не знает, что такое многомесячные задержки выплаты заработной платы. Положительный научный, педагогический и организационный опыт работы этого образовательного учреждения, безусловно, надо обязательно изучать. Все это прекрасно! Но здесь каждый студент должен внести в кассу вуза годовую плату в 900—1200\$ совсем не для того, чтобы затем получать ежемесячную стипендию. Могу ли, допустим, я, профессор консерватории, чей официальный оклад равен месячной сумме студенческого взноса за обучение, спонсировать учебу моих детей в Гуманитарном университете? Ответ предполагает серьезную дискуссию. Конечно, учиться бесплатно, да еще за хорошую успеваемость получать стипендию, гораздо интереснее и выгоднее, но в такие вузы гуманитарного профиля, где еще заботятся о студенте, поступить не просто: требуется выдержать жесткий конкурс. Кстати, как я выяснил, конкурс абитуриентов в Гуманитарном университете также достаточно высок.

Мне известны жалобы педагогов-музыкантов, выехавших на постоянное жительство за рубеж, что там им большей частью приходится работать с весьма посредственными учениками, потому что они платят. Да и мне, грешному, “досталось” от некоторых южнокорейских студентов, принятых в нашу консерваторию на коммерческой основе.

Издержки гуманитарного образования при социализме, безусловно, существовали: полуправда исторических знаний, начетничество, излишняя заидеологизированность, социальный романтизм власти, поставившей задачу “воспитания нового человека”, которому была обещана завтра лучшая жизнь, чем сегодня. Это порождало научную недобросовестность, профессиональную пассивность, инертность, иждивенчество, социальную беззаботность у людей, случайно попадавших в гуманитарные вузы. И таких было немало. Капиталистические отношения в сфере образования наверняка подхлестнут конкуренцию за лучшее качество образовательного процесса. Однако всегда ли будет возможность учиться в первую очередь у талантливой, но нередко безденежной молодежи?

Когда-то, на заре социалистической общественной формации, В. Маяковский мечтал о том, что в светлом коммунистическом будущем рядовой крестьянин “землю попадет, напишет стихи”, что в переводе на прозу означало: каждый труженик после работы сможет бескорыстно заниматься любимым творчеством. И социалистическое государство всеми силами стремилось воплотить мечту в реальность. Ставилась задача постепенного вытеснения профессионального искусства самодеятельным. Вот почему во многих городах СССР возникали культпросветучилища и институты культуры (к тому же некоторых вузовских педагогов вынуждали преподавать на общественных началах в народных университетах). Нередко в этих учреждениях учили “чему-нибудь и как-нибудь”, хотя и там появлялись талантливые воспитанники, которые становились затем украшением советской культуры.

Удар по советской системе бесплатного образования в гуманитарных училищах и вузах был нанесен и интенсивной эмиграцией наших специалистов. На первых порах власть пыталась противодействовать этому явлению. Ведь на Западе, куда преимущественно устремлялись наши эмигранты, образование (особенно высшее) стоит довольно дорого. Гораздо дешевле обходится перекачка готовых кадров, талантливых творческих личностей. Например, на подготовку хорошего музыканта для симфонического оркестра должно уходить не меньше 15 лет индивидуальной педагогической работы высококлассных специалистов различного профиля этой сложной профессии и для такого обучения нужны немалые средства. Если же принять во внимание весьма доступные цены в концертные залы и музыкальные театры, то понятно станет, какие жертвы приносились на алтарь культуры. А тем временем в стране стал постепенно падать престиж профессий, связанных с материальным производством и его инфраструктурой, возникли проблемы с продовольствием, производительностью труда, качеством продукции.

Перестройка, развал Союза, затяжной экономический кризис, связанный с небывалым, еще продолжающимся падением уровня производства, — и стало не до гуманитарной культуры. Между тем страдают и юридическая культура, и финансово-экономическая, и техническая, и культура управления. Сегодня все предлагают общественные болезни лечить финансами: не умеешь зарабатывать деньги, значит, ты не прав. Ой ли? Или мои нравственные категории безнадежно устарели?

Между тем очень постепенное и осторожное введение платы за высшее образование способно благотворно воздействовать на оздоровление всей его системы. Трудолюбивый студент в этом случае постарается взять от вуза побольше, чтобы затем успешнее выдерживать творческую конкуренцию. Однако не у всех в молодости одинаковые стартовые позиции. Дети гуманитариев, несомненно, более расположены к продолжению потомственных профессиональных традиций; они могут чер-

пать знания не только в вузе, но и дома, пользуясь и опытом родителей, и домашней библиотекой, и семейными культурными ценностями. Сегодня же они видят, как бедствует их “гуманитарная” семья. Если же от юных гуманитариев требовать еще и непомерную для многих плату за вузовское обучение, то наше общество скоро может недосчитаться способных людей в сложной сфере гуманитарной культуры.

Нас убеждают: не можете сами платить — ищите спонсоров (либо организацию, которая возьмется оплачивать своего будущего специалиста, либо щедрого мецената). Однако кто может сейчас назвать какую-либо коммерческую гуманитарную организацию, которая не только вовремя расплачивается со своими сотрудниками, но и спонсирует свои будущие кадры? Везет лишь редким счастливицам, которые выигрывают зарубежные стипендии. Увы, многие наши богачи пока предпочитают тратиться на свою сладкую жизнь (дачи, машины, казино) либо на эффектные шоу, где срабатывает рекламная информация.

Реформы в системе гуманитарной культуры необходимы, ибо всегда следует пестовать жизнеспособные элементы и выкорчевывать сорняки. Суть реформ, на мой взгляд, должна заключаться в том, чтобы дорогостоящей профессией гуманитария овладевали люди действительно талантливые. Это должен быть “штучный товар”, а не серая масса полупрофессионалов (я постоянно сталкиваюсь с этим явлением в музыкальном искусстве, где существует явный избыток музыковедов — таких “экспертов”, которые мало что умеют сами). Воспроизводство высококвалифицированных гуманитариев, а среди них ярких талантов, возможно только в обществе, где гуманитарная культура и гуманитарное образование имеют достойный цивилизованного государства уровень. Нельзя унижать морально и материально гуманитарные профессии (философов, историков, словесников, работников культуры и искусства) — завтра интеллектуальный престиж нашего государства может упасть до уровня полупфеодалных государств.

Разумеется, исподволь должны появляться платные вузы типа замечательного Гуманитарного университета профсоюзов в Петербурге, чтобы любой желающий имел сегодня возможность получить заветную профессию. Но пока еще нужно сохранять и прежние формы изыскания талантливых гуманитариев (т. е. иметь жесткий конкурсный отбор в бесплатные гуманитарные вузы) и по возможности оказывать “гуманитарную помощь” способной молодежи. Значит, для них не должны быть закрыты двери бесплатных университетов и творческих вузов и отказано в стипендии.

Когда же, помечтаем, лет через 10 или 20, дай Бог, наше государство оправится от нынешнего потрясения, экономически прочно встанет на ноги, казна будет щедрой к “бюджетникам”, а высокая культура, как и детство, и старость, станет привилегированной заботой всех четырех ветвей власти и меценатов, тогда и гуманитарное образование можно сделать повсеместно платным, освобождая от взносов за обучение лишь самых талантливых (а при зажиточности среднего класса такая необходимость станет редкостью). До той поры, не приведи Господь, не погнаться бы за дешевизной, не наломать бы дров...

А. С. КОЛЕСНИКОВ,

заведующий кафедрой зарубежной философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Сложные драматические коллизии российского общества остро поставили вопрос об общественных ценностях и идеалах — духовных основаниях россиян. Осмысление явлений, происходящих в духовной сфере, выявляет их сложную и неоднозначную сущность, которая формируется изменениями бытия общества, взаимодействием духовных процессов и социальной практики. Современный кризис социально-экономического характера полностью отражается на системе культуры. Исправить положение возможно только на основе глубокого понимания сущности воспроизводства духовного потенциала России. Общеизвестно, что продуктом духовного производства являются наука, идеология, политическая культура, философия, техническое творчество и т. д. Само духовное производство понимается и как процесс производства духовных ценностей, и как производство

информации, и как производство общественного сознания, и — в итоге — производство личности. Однако производство духовных ценностей часто рассматривается безотносительно к сущностной функции духовного воспроизводства — формированию того или иного типа личности диалектически связанной с материальным воспроизводством, воспроизводством социальных отношений в духовной жизнедеятельности общества. Объединяющим элементом системы духовного воспроизводства, интегрирующим воедино процессы производства, распределения, обмена и потребления, является духовная ценность, раскрывающая взаимную направленность, определенную субординированность функций развития системы духовного воспроизводства.

Итогом воспроизводственных процессов в обществе является феномен социальности, который проявляется на уровнях единичного (личность), особенного (общество на определенном этапе развития) и общего (человечество). Духовное воспроизводство отражает происходящие в обществе процессы в идеальной форме, соотнося их с общей направленностью социальной системы, и через духовное производство осуществляет выработку соответствующих духовных ценностей, которые служат интересам этой системы. Притом цель самого духовного производства достигается не в результате творческого единоразового озарения, а посредством многократного повторения однонаправленных процессов всего воспроизводственного цикла: производство—распределение—обмен—потребление. Духовное воспроизводство помогает выявить в динамике различные теоретические формы сознания (религию, искусство, мораль) как виды духовного производства. Процесс духовного воспроизводства, таким образом, оказывается сложной системой их взаимодействий, куда включаются наука и идеология, философия и техническое творчество и т. п. Однако само духовное воспроизводство осуществляется через воспроизводство условий, средств и целей, т. е. соотносительности объективного хода истории с реальными потребностями и интересами, вовлечение в этот процесс духовных ценностей.

Духовное производство определенной эпохи через посредство созданных им духовных ценностей выдвигает определенную программу формирования типа личности. Трудность состоит в том, что воспроизводятся не только сами идеи, образы, понятия и категории, а их определенная связь, которая и составляет систему. Оказываются необходимыми те виды духовной деятельности, которые в идеальной форме воспроизводят общественные отношения именно этого этапа развития общества и соответствуют господствующему материальному производству. Воспроизводимая таким образом целостность общественных отношений определяет характер, тип социальной связи между людьми в их совокупной деятельности. Духовное воспроизводство в этом процессе общественного воспроизводства определенного общества реализует перевод интересов слоев, групп, классов в соответствующие духовные процессы. При этом становится видно направление духовных запросов субъектов потребления со стороны государства, которое таким образом поддерживает равновесие социальной системы общества.

В процессе общественного развития вбирается предметный мир, ибо люди осуществляют коммуникацию не только через личное общение, но и через предметы-посредники, воплощающие в себе уровень и тип общественных отношений. Результатом опредмечивания оказываются духовные ценности, которые вместе с их отношениями в сфере производства порождают все многообразие связей между людьми, т. е. общественно направленную форму деятельности индивида, соотносящуюся с другими индивидами. Духовные ценности как бы аккумулируют сущность общественных отношений. Духовные ценности, как “вещи” (не путать с нормами, обычаями, актами духовной деятельности), становятся и знаком общественных отношений, и символом, что и порождает “социальный символизм”, отражающий престижность духовного потребления. При этом духовные ценности как бы несут в себе социальный практикум человечества и выражают собой слепок социального наследования и программу его освоения.

В процессе становления личности (деятельность, общение, самосознание) его тип формируется через взаимодействие, целенаправленное социальное влияние и процесс саморазвития личности, ибо в последнем происходит актуализация способностей субъектов, а общественные условия определяют масштабы и возможности их развития. Здесь активно включаются механизмы традиций, обычаев, обрядов, социальных норм, общественного мнения и т. д. Следовательно, программа развития социальной системы определяет и спектр духовных исканий. В период ломки общественных отношений, “потрясения” основ предшествующей системы духовное производство через поиск путей стабилизации системы предоставляет множество вариантов, в которых и “проговариваются” новые духовные основания в атмосфере раскрепощенности, когда представляются варианты политических, философских, нравственных, религиозных концепций и их результаты. Формой обмена и поиска становится духовное общение как личностная реализация общественных отношений и передачи духовных

ценностей. Происходящее при этом духовное потребление как процесс переработки продуктов духовного производства посредством распределения их социальных связей и отношений завершается становлением определенного типа личности. При этом необходимо иметь в виду, что здесь оказывает влияние не какая-то группа духовных ценностей (например, религиозных), а их совокупность, образующая программы деятельности. Таким образом, духовные ценности выступают как саморегулирующийся механизм, в котором активную роль играют социальные нормы, социальные институты, в частности СМИ. Формируется тот тип личности, который своей деятельностью будет способствовать стабилизации и развитию общественной системы. Однако существуют и временные цели, направленные на частичное усовершенствование, и фундаментальные, направленные на преобразование общества, а соответственно и личности. Вот почему изменение мнения о сущности тех или иных ценностей в сфере религии, политики, нравственности, науки, философии, искусства еще не означает краха, кризиса культуры. Часто то, что воспринимается как утрата ценностей, на деле является условием нового развития культуры, которая изменяется вместе с развитием общества и человека.

Н. С. ХРУСТАЛЕВА-ФРЕЙНКМАН,

доктор психологических наук, Центр психологической адаптации эмигрантов (Берлин)

ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Современные интенсивные поиски отечественной наукой наиболее эффективных форм гуманитарного образования как области гуманитарной культуры требуют учета и опыта русских эмигрантов — философов, культурологов, педагогов.

Русская эмигрантская педагогика была органически связана с российским опытом, с философской мыслью и духовной культурой России. Нами проанализированы (впервые в нашей литературе) капитальные труды по философии образования.

Характерно появление в 1922 году во Фрейбурге (Германия) фундаментального труда С. И. Гессена "Основы педагогики", подлинной энциклопедии философской педагогики.

Во введении автор выдвигает мысль: педагогика неотделима от философии, она может быть названа прикладной философией. Следовательно, "...история педагогики есть часть или, если угодно, отражение истории философии. Платон, Локк, Руссо, Спенсер — все это имена не только реформаторов в педагогике, но и представителей философской мысли". В соответствии со своей неокантианской установкой автор рассматривает философию как "науку о ценностях". Но эти ценности — "суть и цель образования", поэтому каждый раздел философии: логика, этика, эстетика — есть в то же время соответствующий раздел педагогики.

Капитальный труд Гессена ценен своим соединением теории и истории педагогики с теорией и историей философии на основе антропологического принципа. Анализируя опыт образования, Гессен исходит из учета роли воспринимающего субъекта — школьника, студента.

Вопросы философии образования и воспитания увлекли в эмиграции и такого видного и авторитетного философа, как С. Франк. Он разрабатывал близкие ему проблемы свободы духа, личности на материале философии образования и воспитания. Критически оценивая черты формирования в процессе образования принудительного коллективизма, Франк рассматривает этот процесс как проявление "американизма", то есть презрения к духовной жизни, увлечения внешним делом, техникой в широком смысле слова. Человек такого типа чувствует себя прежде всего солдатом определенной армии, слепым, послушным орудием коллектива. Франк убежден, что нельзя искусственно сформировать "нового человека". Новые черты будут плодотворны, если прививаются органично, когда учитываются природа человека и испытанные формы его жизни. Никакая ломка этих форм, мгновенная переделка всей человеческой природы — немислимы, это пустые затеи, утопическая фантазия.

Франк подчеркивает недостаточность только умственных способностей и технических навыков. Необходимы в полной мере и качества, относящиеся к внутренней жизни личности: чувство личной ответственности, хотение — внутренний импульс к энергичной и добросовестной деятельности, вера в определенные идеалы и ценности. Иначе говоря, необходима духовно-нравственная культура личности. Таким образом, антропологизм в философии образования проявил еще одну грань — персоналистическую, существенно его обогатившую.

В русском зарубежье в полной мере раскрылась особая форма антропологизма — религиозная, православная. Виднейший ее представитель — протоиерей В. В. Зеньковский, автор не только богословских сочинений, но и “Истории русской философии”, и труда “Проблемы воспитания в свете христианской антропологии”.

В. Зеньковский констатирует внутренний тупик, в котором находится современная ему педагогика. Одной из его причин он считает противоречие между педагогическим процессом, в котором велика роль не только рационального начала, но и вдохновения, и “узостью философских идей нашего времени”. Выход русский мыслитель видит в обращении к антропологии — учению о целостном человеке, причем к христианской антропологии, которая включает не только рассудочные суждения, но и веру, чувство, интуицию, своеобразное ясновидение. Основным процессом в жизни человека признается не чисто физическая и не чисто психическая стороны в нем, а духовная — как основа целостности.

В. Зеньковский признает, что, по сравнению с католической культурой, “идеи православной культуры развиты очень слабо”, хотя в XIX веке к уяснению ее проблем были направлены усилия самых выдающихся людей (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, В. Соловьев). Свою задачу Зеньковский видит в развитии этих усилий, а также в использовании педагогических идей антропологического типа, основанных на признании целостности человека.

Осуществленный им анализ проблем христианской антропологии В. Зеньковский рассматривает в контексте истории русской философско-антропологической мысли в ее религиозной интерпретации. Он справедливо называет среди своих предшественников В. Несмелова, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Б. Вышеславцева.

Зеньковский не обходит острых проблем соотношения образования и религии, учитывает настроение большинства педагогов, боящихся возрождения средневекового фанатического насилия над свободной мыслью. Он поясняет, что “религиозное обоснование педагогики совсем не означает возврата к эпохе Победоносцева” (характерно, что эмигрант и религиозный мыслитель ни в какой мере не идеализирует деятельность Победоносцева, в отличие от некоторых современных отечественных авторов).

Философско-антропологическая мысль русского зарубежья разрабатывала и такие проблемы, которые обычно обходились стороной в традиционной педагогической литературе. Речь, в частности, идет о проблемах пола в широком смысле, включая анализ природы и сущности зрелого, сексуальной жизни, брака и внебрачных отношений полов, оценки принципиального безбрачия и половой активности.

Одной из таких работ является беседа профессора протоиерея В. В. Зеньковского с юношеством о вопросах пола (“На пороге зрелости”).

Нам представляется, что эта работа принципиально важна в двух отношениях. Во-первых, обращение к ней показывает, насколько односторонними являются суждения ряда советских авторов, которые утверждали, будто в отечественной литературе проблемы пола, сексуальных отношений игнорировались и следует опираться лишь на достижения западной сексологии. Во-вторых, эти работы свидетельствуют о новом этапе в развитии философско-педагогической мысли зарубежья. Опыт русских мыслителей-эмигрантов еще ждет своего дальнейшего изучения и использования.

В. Г. ВЕСЕЛАГО,

профессор Московского физико-технического института

INTERNET — НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сейчас мы являемся свидетелями необычайно быстрого развития глобальных электронных сетей и роста объема сообщений, пересылаемых по ним. Важно то, что этот новый вид коммуникаций, называемый обычно Internet, не сводится просто к новому виду связи типа телефона, телеграфа, радио или телевидения.

По сути дела, человечество сейчас получило новый способ общения, который одинаково хорошо подходит и для общения между двумя отдельными личностями, и для общения между индивидуумом и теми или иными коллективами. Этот новый способ общения относительно дешев и не требует объемных материальных носителей для сохранения информации. Именно поэтому можно вполне обоснованно сравнить появление глобальных сетей с появлением сначала письменности, а потом книгопечатания.

Internet идеально подходит для самовыражения отдельной личности. Именно это объясняет колоссальное развитие так называемых телеконференций, которые по сути дела являются “клубами по интересам”.

Всякий, кто начинает работать в сетях, сразу чувствует, что в его жизни появилось что-то новое, чего не было раньше. Internet резко меняет стиль и качество жизни. Можно сказать, что Internet существенно повышает уровень нашего информационного комфорта, так же как автомобиль повышает уровень комфорта транспортного. Конечно, правы те, кто говорит, что без Internet люди жили раньше и вполне можно и далее без него обойтись. Это верно, как верно и то, что можно жить без автомобиля. Но это уже другая жизнь.

Internet является типично самоуправляемым и максимально демократическим сообществом. Нет начальника Internet. Нет центрального офиса. Нет единой системы управления. Нет единого источника финансирования. Нет “головной организации”. Некому жаловаться. И тем не менее Internet работает без сбоев и успешно развивается количественно и качественно. Существующие (большей частью неписанные) правила поведения для пользователей Internet очень редко нарушаются, а злостных нарушителей приводят в порядок быстро и эффективно. Для Internet характерно очень благожелательное отношение пользователей друг к другу. В частности, сообщество всегда активно помогает новичкам, даже если они по неопытности создают помехи для других пользователей. Можно только пожелать, чтобы эти особенности Internet вошли составной частью в идеал будущей организации человеческого общества.

Бурное развитие Internet часто вызывает критику в его адрес. Типичное обвинение — возможность свободного доступа к порнографии и к материалам, пропагандирующим насилие и т. д. Такого рода критикам можно посоветовать подойти в любом подземном переходе к газетным или книжным киоскам, где такие вещи гораздо более доступны.

Более серьезная критика касается проблемы засоренности Internet неинтересными и маловажными материалами, что влечет за собой трудности в нахождении материалов действительно нужных. Но эта проблема существует и при привычном для нас поиске книг с необходимой информацией. Решение ее простое: нужно уметь проводить поиск в Internet, так же как в обычной библиотеке нужно уметь пользоваться библиотечным каталогом и библиографическим справочным аппаратом.

И последнее. Всякая новая возможность, оказывающаяся в руках человека, часто вызывает эйфорию и надежду на появление “лекарства от всех болезней”. Именно поэтому есть люди, которые думают (или по крайней мере говорят), что развитие Internet позволит решить все проблемы — от семейных до общеполитических. И наоборот, есть “неверующие”, которые считают, что Internet — это просто игрушка для бездельников (в эту категорию входят, как правило, те, кто сам не может или не хочет освоить компьютер и работу в сети). На самом деле истина в другом: Internet — это мощный инструмент, без которого современное общество уже не может существовать.

Л. П. СКОРОВАРОВА.

начальник учебного отдела, директор Центра гуманитарного образования "Петр Великий" Московского физико-технического института

ФИЗТЕХ — НАДЕЖДА РОССИИ

В драматические моменты жизни страны, во времена распада, смуты, страданий, ощущая угрозу национальной безопасности, угрозу самому существованию страны, "мы вопрошаем прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о будущем" (В. Белинский).

Именно стремлением "восстановить и понять" проникнута книга "Я — Физтех", написанная к 50-летию Московского физико-технического института. "О времени и о себе" рассказывают, размышляют "отцы Физтеха", его основатели, руководители, наставники, профессора, выпускники разных поколений: П. Л. Капица, С. А. Христианович, И. Ф. Петров, А. А. Дородницын, О. М. Белоцерковский, Н. В. Карлов, С. М. Никольский, В. С. Владимиров, Н. Н. Моисеев, Б. В. Раушенбах, С. Т. Беляев, В. Ю. Абдрашитов... Элита России, цвет ее интеллигенции.

Более семи десятков очерков составляют стереоскопическую картину, позволяют увидеть историю науки конкретно и многомерно, ощутить ее величие и драматизм судьбы ее творцов.

Главное же: в размышлениях о судьбе Физтеха и его выпускников, как в магическом кристалле, высвечивается судьба России, ее сегодняшняя драма.

В тяжелейшее время послевоенной разрухи, в самом начале "холодной войны", решая жизненно важные для страны задачи, правительство создает Физтех.

Он стал путеводной звездой для талантливейших молодых людей страны.

Пройдя жесткий отбор по способностям творчески работать в науке, лучшие из лучших попадали в Физтех, который, давая образование высочайшего класса, требовал от молодого человека полной самоотдачи, огромной работы.

В "системе Физтеха" воплотились великие научные и педагогические идеи замечательных ученых, понимающих свою высокую миссию служения России.

"На базе крупных научных школ возник феномен Физтеха, подкрепленный государственным пониманием места науки и необходимости ее развития... Был велик престиж научной деятельности. Я знал: я работаю для страны, для народа, для будущего..." (Н. Н. Моисеев).

"Роль Физтеха как мозгового центра не воспринимается нынешними руководителями страны. Задача, для решения которой создан Физтех, — это подготовка кадров по стратегическим национальным программам. Сегодня его выпускники не востребованы в России... Я думаю, что это обернется для будущей России просто катастрофой" (О. М. Белоцерковский).

Самая большая беда сегодняшней России — разрыв поколений при смене приоритетов. Бессмысленно произносить слова о необходимости сохранить науку и культуру. Те политики, что их произносят, претендуя на роль правителей России, не понимают, что наука и культура не могут сохраниться в законсервированном состоянии. Наука и культура — ветви живого дерева познания, они могут жить только развиваясь, постоянно обновляясь, давая молодую поросль и плоды. Принесут ли эти плоды обновление и здоровье России? Сможет ли настоящая российская интеллигенция противостоять процессам распада и одичания?

Ю. М. ШОР,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ГУМАНИТАРНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Для того чтобы преподавание философии осуществляло свою духовно-формирующую миссию, оно должно обладать внутренним качеством гуманитарности. Прежде всего это, конечно, сосредоточенность на проблематике, связанной с человеком, гуманистическими аспектами реальности и т. д. Но не только.

Гуманитарность должна закладываться в само качество преподавания, в истолкование его природы. Философия дает для этого все основания. Она не просто знание о чем-то, набор сюжетов и тем. Она — живое знание, неотделимое от вопроса: “Что значит знать?”; живое размышление, неотделимое от самой способности размышлять. Когда Сократ высказал свою знаменитую мысль: “Я знаю только то, что я ничего не знаю”, он поставил философский вопрос о знании как проблеме.

Философское знание неотделимо от человека, от человеческой души не просто сюжетно-тематически, а внутренне, глубинно, экзистенциально. Познавательные акты в философии исходят из конкретной личности, ее особенностей и жизненного опыта. Отсюда — изначальная вовлеченность в процесс преподавания философии личности самого педагога, его интеллекта, индивидуальных особенностей, нравственных качеств, например, таких, как меры его искренности по отношению к себе и к другим, а также к предмету своего знания.

Гуманитарность философского знания состоит также в том, что это — знание-переживание. Педагог не просто передает нечто слушателям; он приобщает, погружает в свой предмет, делает студентов участниками интеллектуального диалога. Отсюда значительная роль эмоциональности, вдохновения: не просто передать содержание философских систем, а помочь пережить их, сделать объектом душевной работы. Знание как переживание — именно эта сторона проблемы глубоко разработана в экзистенциальном философствовании Бердяева, Шестова, Хайдеггера, Мамардашвили.

Наконец, гуманитарное преподавание философии подразумевает создание педагогом выразительной картины философского знания, реконструирование истории мысли в ярких художественных образах. Потому что именно в художественном сознании сливается уникальное и всеобщее, субъективное и объективное, рациональное и эмоциональное. А если взять чрезвычайно емкую и содержательную театральную терминологию — соединяется представление и переживание. На наш взгляд, именно с учетом этих особенностей осуществляется преподавание философии как предмета гуманитарного знания.

И. А. МАЙЗЕЛЬ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

На рубеже столетий, ныне совпадающем с рубежом тысячелетий, вполне естественно стремление окинуть ретроспективным взглядом путь, пройденный человечеством на протяжении истекающего века, осмыслить и оценить его уроки. Но при этом столь же естественно приходит на память известное изречение: “Единственный урок, извлекаемый человечеством из истории, состоит именно в том, что оно не извлекает никаких уроков из истории”. Ибо веками на пути, о котором идет речь, являются мировые, региональные и гражданские войны, революции, фашизм и тоталита-

ризм, расизм, шовинизм и ксенофобия, лагеря смерти, преступность, терроризм и обесценение человеческой жизни. Впрочем, для современной России, дважды “наступившей на одни и те же грабли”, в данном случае достаточно лишь двух названий — Афганистан и Чечня.

Трагически парадоксально то обстоятельство, что даже высшие достижения творческой мысли в области науки и техники, вплоть до прорыва в космос, движения к созданию “искусственного интеллекта”, геной инженерии, оказались подчинены целям социального зла и разрушения.

Тем не менее, имеются достаточно веские основания и для иной, более оптимистической позиции. Сквозь хаос деструктивных сил мучительно, но неуклонно пробивает себе русло многогранное прогрессивное начало, главным воплощением которого является гуманизация социокультурной сферы жизни людей. Идеи гуманизма, являвшиеся в течение длительных промежутков времени достоянием лишь отдельных немногочисленных мыслителей, получают теперь все большее признание, широко распространяются и в той или иной степени реализуются. Растет понимание высшей самоценности личности, ее прав на достойные условия существования и свободного развития. Эти права зафиксированы международным сообществом и подкрепляются, хотя пока не всегда последовательно, практическими усилиями по сдерживанию агрессии и ограничению диктаторских режимов.

Россия, давшая миру поистине великих гуманистов, фактически никогда еще не жила в условиях правового государства, гарантирующего права личности, и с трудом преодолевает наследие различных форм неограниченного этатизма. Для нее именно принципы гуманизма могут и должны стать важнейшим регулятивом дальнейшего развития. В выкристаллизовывающейся в настоящее время консолидирующей российской идеологии они вправе играть приоритетную роль и выполнять смыслообразующую функцию.

Несколько детализируя представления о гуманизации социокультурной среды, следует подчеркнуть ее развивающую направленность, ориентацию на всемерное раскрытие позитивного потенциала каждой личности, в связи с чем и возникает проблема гуманитаризации образования вообще.

В нашей литературе процессы гуманизации и гуманитаризации обычно практически не разграничиваются, а обозначающие их термины рассматриваются как синонимичные. Между тем здесь обнаруживаются и определенное единство, и несомненное различие. Гуманизация означает придание каким-либо явлениям и деяниям человеческой жизни — будь то трудовая деятельность или техника, политика или торговля, оборудование и функционирование транспорта или размещение предприятий бытового обслуживания — гуманистической ориентации, направленности на учет возможностей и удовлетворение потребностей человека, на создание благоприятных условий его жизнедеятельности. В учебном заведении, например, предполагается наличие удобных, светлых, хорошо отапливаемых, должным образом оборудованных аудиторий, библиотек, спортивных залов, кафе-столовых, продуманного, сбалансированного расписания занятий, квалифицированного, вежливого, контролирующего свое поведение обслуживающего персонала. Что же касается гуманитаризации, то в ней, наверное, следует видеть сдвиги, происходящие лишь в духовной жизни под влиянием идей гуманизма, точнее — обогащение явлений духовной жизни идеями гуманизма, выводами социогуманитарных отраслей познания, требованиями нравственности, достижениями искусства. Применительно к учебному процессу гуманитаризация непосредственно затрагивает его содержательную сторону.

Конечно, в учебных заведениях различного профиля проблемы гуманитаризации существенно отличаются. В рамках настоящей работы сколько-нибудь основательное рассмотрение их невозможно, и в дальнейшем внимание будет сконцентрировано только на ситуации, сложившейся в вузах, осуществляющих подготовку инженерных кадров. Объясняется это тем, что им принадлежит абсолютное большинство в системе высшей школы, а инженерный корпус, под влиянием традиций, утвердившихся в период форсированной индустриализации, составляет наиболее массовый отряд высококвалифицированных специалистов. Но промышленность, строительство, транспорт, аграрное производство, озабоченные лишь погоней за валовыми показателями, отказывались ассимилировать и решительно отвергали большинство научно-технических инноваций. Поэтому не было нужды в действительно образованных, самостоятельно, смело и творчески мыслящих инженерах (за частичным исключением предприятий военно-промышленного комплекса). Результатом стало снижение профессионального уровня выпускников высшей технической школы, сопровож-

давшееся падением их общей культуры и интеллигентности, дегуманизацией их сознания и деятельности. Среди инженеров укоренились настроения научно-технического фетишизма и технократизма, убеждения относительно всемогущества технических и технологических решений, принимаемых вне связи с экологическими, демографическими, медицинскими, санитарными, экономическими, социальными, культурными, психологическими аспектами разрабатываемых проблем.

Вот почему гуманитаризация инженерного образования является особенно актуальной, причем она не может сводиться только к увеличению числа изучаемых в вузах дисциплин, к включению в учебные планы культурологии, социологии, психологии, истории и т. д. Необходима такая постановка изучения подобных дисциплин, которая порождает бы у студентов — будущих инженеров — ощущение приобщения их ко всему массиву культуры и социума.

В. П. ПЕТЛЕНКО,

главный ученый секретарь Петровской академии наук и искусств, председатель Ученого совета Международного института резервных возможностей человека, заведующий кафедрой валеологии Санкт-Петербургской медицинской академии постдипломного образования, доктор медицинских наук, доктор философских наук, профессор

ОБРАЗОВАННАЯ РОССИЯ: СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА

Веку XXI нужен *новый учитель, новый инженер, новый врач, новый судья, новый священник* — вообще *новый специалист нового века*.

Так было всегда, так и будет всегда: каждый новый век требовал *нового человека* — человека с *новой парадигмой мышления*, но, увы: “Из 10-ти Homo sapiens — 9 просто Homo и только один — Sapiens” (Ж.-П. Сартр).

Большинство людей оценивает мир “с высоты своих 170 сантиметров, и лишь единицы поднимаются на другие высоты” (М. Карбузье).

Нас это не должно огорчать: мир всегда прозревал от нового взгляда единиц, которые вели за собой человечество. На то и существует самая главная профессия на земле: *Учитель* — тот, кто помогает Homo стать sapiens.

Современный специалист получает диплом о высшем образовании в 23—25 лет. И работает до пенсии 30—35 лет. За эти 30—35 лет специалист проходит 6—7 циклов усовершенствования. Усовершенствование касается профессиональной специализации и чаще всего совсем не затрагивает фундаментальной переподготовки специалиста. Я не вижу в этом трагедии. Больше того, выскажусь еще более категорично: специалист должен получить фундаментальное образование в высшей школе, которое остается с ним до конца его рабочей деятельности. Фундаментальное образование дается человеку “раз и на всю оставшуюся жизнь”.

Фундаментальные основы сохраняются от 50 до 150 лет, иногда и целые тысячелетия (геометрия Эвклида).

Прикладное знание меняется значительно быстрее: 5—15 лет.

Вывод: высшая школа, дающая первичную профессиональную подготовку специалисту, должна быть подготовкой *фундаментальной*, а не профессиональной; она должна лишь очертить контуры будущей профессии, подготовить человека, способного стать специалистом высшей категории в период последипломного усовершенствования.

Ни один педвуз не выпустит готового педагога — он им станет через 7—10 лет работы в школе. Ни один медвуз не выпустит готового терапевта, хирурга или педиатра — они станут этими специалистами через 12—15 лет усовершенствования и работы по специальности. Но педвуз и медвуз должны (просто обязаны) дать фундаментальную педагогическую или фундаментальную врачебную подготовку, способную быть основой для специализации и переподготовки. Это очень серьезная задача — дать фундаментальные знания будущему специалисту. У нас же в актах ГЭК

отмечается: “недостаточность навыков у выпускников”, “выпускник не владеет конкретным методом” (обучения, лечения).

А где им быть у мальчиков и девочек, пришедших из школ и не имеющих соответствующей практики, на которую уходят не только годы, но и десятилетия? Но если из медвуза выйдет малограмотный недоучка, не знающий человека, его анатомии, физиологии, генетики, биохимии, цитологии, методов диагностики, теории нормы и теории здоровья, теории болезни, принципов биоэтики, не понимающий философии жизни как формы существования одухотворенной материи, — это уже упущение, которое трудно будет исправить всеми последующими курсами специализации и усовершенствования.

Попутно выскажусь и на первый взгляд по чисто формальному вопросу, на самом деле связанному с непониманием образовательных задач. Все знают, что в России сегодня почти не осталось ни одного “института” — все в одночасье стали “академиями” или “университетами”. Лично мне кажется более обоснованной такая градация:

- первичная фундаментальная подготовка специалиста — *университет*;
- профессиональная последипломная специализация — *академия усовершенствования*;
- углубленная специализация на категорию (первую, вторую, высшую) — *институты при академиях усовершенствования*.

Университет — школа фундаментальной подготовки специалиста определенного профиля.

Академия усовершенствования — профессиональная специализация.

Институт усовершенствования — узкая, но очень глубокая специализация по определенному профилю.

Фундаментально подготовленный специалист должен знать теорию своего объекта.

Иногда говорят, что век XXI должен дать нам не специалиста, а интеллигента. И это якобы основная задача школы. Я с этим не могу согласиться не только потому, что здесь нарушена логика и диалектика умозаключения.

Все великое и значимое, что вокруг нас, создано трудом специалистов, трудом профессионалов. Но мысль, воплощенная в труде специалиста, определяется его интеллигентностью, уровнем его нравственного интеллекта. Вот почему я не мыслю себе высокого специалиста и профессионала XXI века, который бы не был одновременно духовно и нравственно современным человеком, т. е. который бы не был интеллигентом.

Попытаюсь привести основные качества специалиста XXI века.

1. *Устойчивость и профессиональная уверенность специалиста* — они определяются уровнем знаний и умений. Все это дают специалисту Университет, Академия, Институт.

2. *Адаптивность специалиста* — реактивная гибкость мышления, способность перестроить стиль и методы мышления в связи с изменениями в науке, в социальной практике, технических возможностях.

3. *Гуманоцентризм специалиста* — человекоцентричность науки. Человек должен быть концентрированным выражением экономики, политики, права, нравственности, науки.

4. *Перспективность специалиста* — он должен быть открыт для нового видения объекта и мира в целом, способным по-новому осмыслить ситуацию в науке и на практике.

5. *Антидогматизм специалиста* — видеть в своем мышлении стереотип старого, мешающего оценить новую ситуацию, уметь преодолеть в себе профессиональные и возрастные догмы.

6. *Специалист, уважающий инакомыслие своих коллег*; истина не только у тебя, но и у других; высокомерие и чванство в науке — признак бездарности и тупого упрямства.

7. *Философская эрудиция и энциклопедичность специалиста* — это системно мыслящий специалист, знающий философскую мудрость истории и теории своей специальности.

8. *Фундаментальность специалиста* — это университетски подготовленный специалист, знающий основные теоретические блоки и систему детерминированных связей в объекте своей профессии.

9. *Нравственные принципы специалиста* — они уходят в идею “корневого человека” (П. Флоренский) и в “золотое правило” нравственности (относиться к людям так, как хотел бы ты, чтобы люди относились к тебе).

10. *Педагогическая эрудиция специалиста* — он должен не только знать свой предмет, но и владеть педагогическими методами изложения своих знаний другим.

Специалист XXI века должен знать теорию прошлого (историю), теорию настоящей жизни (социологию), теорию будущего (футурологию).

XX век — век “научных и социальных революций” — дал нам политизированные системы фундаментальности. Особенно уродливые формы он приобрел в России в виде так называемой “партийности науки”, когда все науки объявлялись партийными.

Ни один принцип в эпоху социализма не принес большего вреда, чем “принцип партийности науки”. Исходя из этого принципа, в СССР были проведены так называемые “творческие дискуссии” в литературе, музыке, биологии, генетике, языкознании, философии, медицине, физиологии, психологии. Никаких дискуссий, естественно, не было — был просто кадровый кровавый погром, в результате которого страна была на долгие годы вычеркнута из научных лидеров мира.

Когда я думаю о реформировании образования в России, я думаю прежде всего о реформации духа и душ самих преподавателей. Это — самый трудный и не скоро решаемый вопрос. Но его надо решить сегодня, не откладывая на завтра. Но надо понять и другое, что враг не вне нас, а внутри каждого из нас, и имя этому врагу — догмы и стереотипы мышления, отражающие установки и “пережитки” семидесятилетней эпохи построения того, что так и не построили...

Ю. И. ГРОМОВ,

Заслуженный деятель искусств России, заведующий кафедрой хореографического искусства Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АКТЕРА (СЦЕНИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА)

Танец — традиционный предмет в театральной школе. Этот предмет, участвуя в совершенствовании культуры движения актера, помогает ему в правильной настройке его организма применительно к драматическому искусству. Его место в сценической педагогике достаточно прочно, а роль, которую он играет в обучении и воспитании актера, давно заслужила положительную оценку.

Однако воспитывающие и обучающие средства хореографического искусства и его влияние на развитие основ танца, программа и методика обучения танцу в театральной школе, созданные в 20—30-е годы профессорами Кристерсоном и Шеломиной, до настоящего времени в основном сохраняются без принципиальных изменений.

Достижения этой программы и этой методики для того времени были настоящим педагогическим открытием. Многие принципы и приемы, введенные Кристерсоном и Шеломиной и развитые их учениками, сохраняют свою действенность и теперь.

Тем не менее, современное драматическое искусство требует от актера овладения высшими формами мастерства и, в частности, высокого уровня двигательной культуры. Сегодня в театре, постигая и раскрывая глубину роли в сложном пластическом рисунке, актер должен виртуозно владеть многими смежными видами искусства. Так рождаются новые критерии профессиональной подготовки актера. Практика театра и ее теоретическое осмысление ставят перед сценической педагогикой сложные проблемы поиска и отбора новых, наиболее целенаправленных средств в обучении и воспитании. Естественно, что совершенное пластическое развитие актера, помогающее ему в создании образа, — составная часть решения этих задач.

“Когда мы нагружаем и насыщаем актера знаниями о роли, об обстоятельствах пьесы, он становится похожим на рахитичного ребенка: голова огромная, а ножки подгибаются под тяжестью головы, — писал выдающийся режиссер современности Г. А. Товстоногов, — он остается беспомощным в главном — в физической реализации роли”. Именно поэтому танец будет выполнять свою действенную функцию в сценической педагогике только при одном условии: средства хореографического искусства должны быть направлены на создание такого уровня гармонического развития психофизического аппарата актера, который обеспечит ему свободное применение качеств

и специальных навыков в своей сценической деятельности, зачастую весьма далекой от выполнения хореографических эпизодов.

Принцип “учу только танцевать”, т. е. исполнять танцы в спектакле, ныне не может быть признан исчерпывающим и прогрессивным. Будущее танца в театральной школе связано, на наш взгляд, с новым принципом сценической педагогики: “Обучаю и воспитываю актера средствами хореографического искусства не только для того, чтобы он мог грамотно исполнить тот или иной хореографический эпизод в спектакле (это обязательное условие), но главным образом для того, чтобы максимально развить, усовершенствовать его психофизический аппарат; для того, чтобы обогатить исполнительские возможности актера.”

Только тогда мы, хореографы, сможем утверждать, что удовлетворяем запросы профессии, оказываем действенную помощь драматическому искусству. Только тогда можно говорить об участии танца в воспитании актера, профессионально владеющего различными видами театрального искусства, — актера, способного выполнить творческие требования современного театра.

А. П. МАРКОВ.

доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В МИРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЕМИОТИКИ)

Для сегодняшнего этапа самоопределения культурологии в качестве новой отрасли знания характерна довольно парадоксальная ситуация: как научное направление она указана в номенклатуре специальностей ВАКа, но в реальности ученые, причисляющие себя к сообществу культурологов, не имеют однозначного суждения по основным атрибутам данной науки. И это не случайно, ибо культура как объект исследования входит в “проблемное поле” самих разных наук: философии, истории, этнологии, этнопсихологии, социальной антропологии, социологии и др. Каждая из них высвечивает ту или иную грань культуры в соответствии со сложившейся методологией, категориальным аппаратом, традициями, накопленным эмпирическим материалом. Более того, имея собственную “зону компетенции”, культуроориентированные науки сформировали специфические подходы и к изучению культуры в целом, которые могут быть в какой-то мере использованы в качестве исходной теоретической базы.

Однако простая совокупность подходов, идей и результатов научных исследований различных аспектов и граней культуры в рамках тех или иных наук социально-гуманитарного профиля не дает целостного представления о феномене культуры в силу фрагментарности знаний, разноуровневости предметной области и др. Не представляет себя культурология как особое научное направление и на пути сложения основных составляющих тех наук, в рамках которых накоплен немалый эмпирический и теоретический материал о различных явлениях культуры. Основным препятствием здесь является многообразие методологических оснований, которое обусловило несопоставимость теоретических конструкций и даже противоречивость (а в чем-то и взаимоисключаемость) самого понимания культуры — только в количественном отношении насчитывается несколько сотен трактовок и определений сущности данного феномена. Все это усложняет становление научного статуса культурологии, размывает границы ее предметной области и научной компетенции.

Потенциальная зона культурологии находится на очень тесном пространстве, ограниченном, с одной стороны, философией, изучающей феномен культуры в его наиболее абстрактном варианте, с другой — группой социально-гуманитарных наук, каждая из которых, изучая одну из форм культуры и решая на этом проблемном поле свои специфические задачи, внесла свой вклад (и довольно весомый) в изучение феномена культуры как целостного явления. Дальнейшие поиски теоретической ниши культурологии и определение ее статуса как науки могут продолжаться по двум направлениям:

1. Определение собственной “сферы компетенции” — поиск в ряду “культурно-заинтересованных” наук своего объекта и предмета исследования, оформление категориального и исследовательского аппарата, который позволил бы получить специфически “культурологический” эмпирический материал, осмыслить его в контексте собственных исследовательских целей.

2. Самоопределение культурологии как специфической методологии, упорядочивающей, понимающей и интерпретирующей уже полученные другими науками знания о культуре. В таком случае культурология не обращается к культуре в ее эмпирических формах: она на более высоком уровне обобщенности создает и воссоздает феномен культуры как системной целостности, используя для этих целей результаты других наук социально-гуманитарного цикла — путем переосмысления и переинтерпретации полученных эмпирических сведений и базирующихся на них концепций, наведения смысловых мостов между различными областями знаний, выявления их взаимодополняющего характера, что не только обеспечит эффект интенсификации вовлекаемых в пространство культурологии знаний, но и придаст культурологическому знанию подлинно комплексный и междисциплинарный характер.

Второй путь самоопределения более продуктивен: он возводит культурологию в статус интегративной дисциплины, которая синтезирует на основе специфической методологии различные подходы и области знания, заново “научно востребует” (И. М. Быховская) огромный массив эмпирических фактов, накопленных смежными науками, дает им новую смысловую интерпретацию в своей системе координат — в контексте и границах собственной компетенции.

Следовательно, культурология не должна рассматривать в качестве основного объекта эмпирический состав культуры — в таком случае она будет вынуждена неэффективно дублировать методологию, принципы, цели и задачи культуроориентированных наук. Она также должна отказаться от анализа культуры в наиболее обобщенном, абстрактном определении данного феномена — как сотворенной человеком материальной и духовной среды его обитания. Такое понимание культуры, фиксирующее прежде всего процессуальные и результативные составляющие внеприродного бытия человека, является, преимущественно, предметом философского анализа.

Объект культурологии — “сверхэмпирический” состав культуры, т. е. культура, отраженная в тексте (в слове, знаке, символе, образе) и выражающая себя через текст. Эта составляющая культуры, являясь продуктом специализированных сфер духовного производства (науки, искусства, религии и т. д.), выступает высшим проявлением духовной, идеальной деятельности человека, мерой освоения и реализации им своей родовой сущности. “Тексты культуры” являются формой самосознания, самопознания и самовыражения культуры и человека каждой конкретной исторической эпохи. Они обеспечивают непрерывность бытия социокультурной системы в историческом времени, сохраняют язык нации и фиксируют ее “генотип духовности” — образ человека и мира, выполняют функцию национального самосознания и культурной самоидентификации. В “текстах культуры” обнаруживаются и актуализируются универсальные модусы бытия культуры в целом — мифологический, символический, архетипический и др.

В связи с этим культурология должна обнаружить глубинные связи онтологического уровня бытия культуры и форм ее самопознания и самосознания, рассматривая культуру как текст и текст — как модель культуры и одновременно сущностный модус ее бытия. В контексте культурологической проблематики “текст культуры” обретает онтологическую интенциональность: он начинает указывать на некую культурную реальность, которая за ним стоит, в нем и через него просцируется, выражается и актуализируется.

В зависимости от исследовательских задач объектная область культурологии включает две группы текстов:

1. Специальные (научные) тексты, содержащие непосредственное знание о культурных феноменах (в т. ч. и философские, которые являются наиболее адекватной формой самопознания культуры, в концентрированном виде содержат в себе сущностные черты и мировоззренческие основания той культурной эпохи, в рамках которой они создавались).

2. Тексты-источники, выступающие “пассивной” формой отражения целостного культурно-исторического, этнокультурного, духовно-нравственного, социально-психологического и ментального комплекса культуры. Это, прежде всего, тексты художественной (включая народное творчество) и религиозной культуры, которые принадлежат к высшим проявлениям духа, являют собой творчес-

кое начало “антиэнтропической направленности”, противостоящее энтропическому погружению в бессловесность, немоту, хаос (В. Н. Топоров).

Таким образом, в качестве основного объекта культурологии следует рассматривать теоретические и мифопоэтические тексты гуманитарной культуры, которые или уже содержат в себе непосредственное знание о различных феноменах культуры (т. е. знания, накопленные в русле таких культууроориентированных наук, как этнология, этнография, социальная антропология, искусствоведение, семиотика, лингвистика и др.), или представляют собой форму неосознанного, опосредованного (образно-символического), но в то же время целостного отражения всего многообразия культурного мира (это преимущественно тексты художественной и религиозной культуры, отражающие ее идеальный, духовный, ценностно-ориентационный, смысловой пласты). Специфику своего научного подхода (и метода) в сравнении с другими культуроведческими дисциплинами культурология обретает посредством воплощения противоположного алгоритма и логики познания: не от эмпирических фактов или частных проявлений культуры к теоретическим конструкциям, а через концептуальный анализ научного и художественного текста (как ведущих форм бытия и самосознания культуры) — к воссозданию феномена культуры в его онтологической полноте и целостности.

Специфика культурологической интерпретации текста состоит в том, что он рассматривается в перспективе определенной системы координат, образуемой, с одной стороны, смысловыми и символическими оппозициями, фиксирующими наиболее существенные отличия культуры и одновременно определяющими ее границы как системной целостности (соотношение в системе ценностных ориентаций социального и индивидуального, материального и идеального, рационального и морального, а также смысловая нагрузка основополагающих и универсальных культурных символов неба и земли, света и тьмы, мужского и женского, четного и нечетного и т. д.), с другой — мировоззренческим ядром культуры, которое выражается через содержание и характер идеала, образ человека и типичную картину мира, специфику восприятия пространства и времени.

Проблемное поле и исследовательские задачи культурологии определяются уровнем обобщенности предмета исследования. В этом качестве могут выступать: а) культура в целом (культурологические исследования в таком случае ориентированы на анализ культуры как системной целостности, образующейся вокруг доминирующих ценностей и идеалов; изучение условий и механизмов становления и саморазвития культурных систем; выявление специфических черт и границ культурных эпох; логики, закономерностей, механизмов и этапов культурной динамики; характеристику структуры и специфики культурного пространства конкретного региона и т. д.); б) ее отдельные формы и проявления (генезис, содержание и специфика художественной, религиозной, политической, правовой, социально-психологической культуры человека и общества конкретной эпохи); в) взаимосвязь и взаимозависимость различных уровней, видов и форм культурной жизни, закономерности и механизмы взаимовлияния социального, природного и культурного бытия (культурная обусловленность хозяйственно-экономической деятельности, политической системы, образования и др.).

Если проблемное поле теоретической культурологии ограничивается вопросами методологического и мировоззренческого характера, то объект и предмет прикладной культурологии (которая также является областью теоретического знания) определяется содержанием и характером задач, диктуемых реальными проблемами и нуждами социально-культурной практики. Эти задачи можно представить как минимум в виде трех групп:

— выявление закономерностей создания, сохранения, трансляции, развития культурных ценностей, норм, практик и разработка условий оптимизации этих процессов (преимущественно на институциональном и “отраслевом” уровнях);

— получение практически ориентированного знания о закономерностях формирования и развития различных субъектов культуры (личности, социальной группы, этнической общности, региона, общества в целом) и поиск оптимальных механизмов регулирования культурных процессов на различных уровнях и срезах бытия культуры;

— разработка теоретических оснований и принципов использования различных культурных практик (т. е. видов и способов культуротворческой и человекотворческой деятельности и мышления, норм, традиций и форм человеческого общежития), сложившихся в истории мировых культур, в тех или иных сферах социокультурной деятельности.

Э. А. КУРУЛЕНКО,

заведующий кафедрой культурологии Самарской академии культуры, профессор

ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В педагогическом кредо блестящего музыканта и педагога В. А. Чернушенко: «Личность сама определяет свой путь и область профессиональной деятельности, но лишь тогда эта деятельность будет воистину успешной, когда носитель ее будет гуманитарно подготовленным, а значит, творчески состоятельным» (Чернушенко В. А. Гуманитарная культура между прошлым и будущим // День науки в СПбГУП: Материалы конференции. СПб., 1996. С. 103—104) — заложена одна из приоритетных задач вузовской педагогики, носящей сугубо гуманистический характер. Целью образования должно быть развитие талантов на основе личностного усвоения гуманитарных знаний, осознания ценностной связи явлений культуры, общества и личности, освоения системы культурных ценностей. Развитие самой способности человека к творческому акту, к свободному преобразованию реальности — один из главных механизмов культуры. Превращение человека в свободно творящее существо может рассматриваться как воспитательная парадигма гуманитарной культуры в целом, и гуманитарного образования в частности.

Проблемы гуманитарного образования, к сожалению, не получили достаточного освещения в отечественной научной литературе. Публикаций на эту тему крайне мало. В качестве одной из наиболее интересных и научно обоснованных приведем концептуально-теоретическую модель гуманитарного базиса образования, предложенную профессором А. С. Запесоцким. Автор в качестве методологического стержня гибкой философии гуманитарного образования рассматривает культуроцентризм. Культуроцентристская концепция, разработанная профессором А. С. Запесоцким, предполагает:

- понимание образования и воспитания как важнейших социальных институтов культурной преемственности;
- расширение гуманитарного ядра образования путем включения в образовательный процесс духовно-нравственного потенциала российской культуры;
- возвышение роли воспитания как механизма формирования «культуры жизнеспособности»;
- утверждение в качестве стратегической задачи формирование разносторонне развитой личности;
- оптимальное сочетание профессионализма и универсализма;
- построение образовательного и воспитательного процессов на принципе диалогичности информационно-целостного понятия обучения (Запесоцкий А. С. Гуманитарная культура и гуманитарное образование. СПб., 1996. С. 206—207).

Данная концепция гуманитарного образования может быть реализована как в техническом, так и в гуманитарном вузах, так как современные образовательные стандарты в качестве обязательных включают следующие компоненты: философский, обеспечивающий целостное знание о мире, обществе и человеке; исторический, позволяющий познать законы и механизмы развития культуры и общества; культурологический, основанный на изучении закономерностей культурных систем; психологический, объясняющий поведение людей с точки зрения их мотивов; социологический, основанный на знании людей в социуме и изучении функционирования общественных систем.

Реализация концепции гуманитарного образования возможна при условии формирования инновационной педагогической модели.

Анализ научно-методической литературы и педагогической практики позволяет выделить три основных вида педагогических инноваций.

Первый вид — образовательные идеи или действия, ранее не известные, полностью новые. Таких оригинальных идей в современной педагогической теории и практике очень мало, они носят ярко выраженный авторский характер и при реализации испытывают колоссальное сопротивление высшей школы, образовательной системы, отличающихся высокой степенью консервативности.

Второй вид — адаптированные, переоформленные, переосмысленные идеи и действия, которые востребуются в конкретной творческой сфере и в определенный период. Это открытия вторичного

порядка, которые позволяют расширить круг педагогических взаимодействий за счет находок в других областях знания (философии, психологии, социологии, эстетики и др.). Позиция педагога и в этом случае достаточно сложна, поскольку приходится вести поиск всего ценного в смежных науках или в различных видах искусства.

И, наконец, третий вид педагогических инноваций, который возникает при повторной постановке целей в измененных условиях, способных "оживить" ранее существовавшие идеи и действия, обеспечить их успех.

Основная часть применяемых методов педагогического воздействия черпается, как правило, из второго и третьего видов инноваций.

При использовании инновационных приемов и методик ценность новой идеи определяется не ее местом в классификации видов (принадлежность к первому виду, положим, придает большую ценность, ко второму и третьему — меньшую), а результативностью педагогического процесса.

Возможности множества вузовских дисциплин гуманитарного цикла в развитии мышления, фантазии, воображения, эмоциональной восприимчивости, установки на творчество в настоящее время реализуются далеко не в полном объеме.

Как показывает практика, внедрение педагогических инноваций ускоряет формирование готовности к принятию самостоятельных творческих решений не только в условиях учебных проблемных ситуаций, но и в развертывании креативных деятельностных потенциалов в последующей профессиональной деятельности.

Внедрение педагогических инноваций дает результаты, во-первых, если имеет место широта применяемых инновационных идей, ибо разовое их использование малоэффективно; во-вторых, если точно осмыслены значение и позитивное влияние инновационной идеи на ход педагогического процесса; в-третьих, если предусмотрены возможные последствия воздействия креативных методик на социально-культурное становление личности.

Обращение к инновационным идеям носит не только самоценный характер, обуславливающий результативность их применения, но и может расцениваться как педагогический метод, как механизм воздействия на развитие творческой индивидуальности.

В связи с этим использование инновационных идей в гуманитарном образовании можно рассматривать как специфический способ преобразования природных задатков человека, где важнейшую роль играет не столько технологический момент, сколько специфика самого культуросодержащего учебного материала, осваивая который, студенты приобщаются к культурно-творческой деятельности.

ЛЮДО МИХИЕЛЬСЕН.

координатор Проектов российско-фламандского сотрудничества,
директор PMS-центра (Бельгия)

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

В декабре 1993 года между представителями Санкт-Петербургской системы образования и координаторами российско-фламандского сотрудничества было заключено соглашение о реализации совместного проекта, направленного на создание условий для полноценной реализации образовательных прав жителей города.

Целью проекта являлось изучение возможности построения системы психолого-педагогического, медико-социального сопровождения учащихся в образовательном процессе. При этом под "сопровождением" понималась особая технология помощи ребенку, его родителям и педагогам в осуществлении выбора целесообразных вариантов решения сложных проблем личностного становления. Предполагалось, что Санкт-Петербургские коллеги изучат фламандский опыт и примут решение о возможности (или нецелесообразности) его использования в российских условиях. Сегодня, когда в городе работают более 20 психолого-педагогических медико-социальных центров, можно с уверенностью сказать, что сотрудничество оказалось плодотворным и полезным для обеих сторон.

Оценивая сегодня проделанную работу, анализируя совместные исследования и публикации, мы можем выделить “сопровождение” в особый метод, позволяющий реально создавать условия для становления открытой, демократической, гуманистически ориентированной системы образования. Для любой современной системы образования ключевой категорией выступает категория выбора, вне которого немислимо развитие индивида. Этот выбор постоянно совершается ребенком, его родителями, педагогами, и связан он:

- с выбором образовательного и профессионального маршрутов;
- с определением способа наиболее эффективного преодоления учебных трудностей;
- с решением социально-эмоциональных проблем.

Кто же должен осуществлять этот выбор? Ответ очевиден: в первую очередь тот, кто несет за него ответственность, то есть ребенок, его родители, а затем и педагоги.

Но выбор выбору рознь: неграмотное решение в сложный момент личностного развития может привести к необратимым последствиям. Психолого-педагогическое сопровождение — это метод, позволяющий помочь человеку разобраться в себе, в истоках и прогнозах проблемной ситуации, получить грамотную консультацию и первичную помощь.

Таким образом, метод сопровождения, активно применяемый сегодня специалистами по системным преобразованиям, всегда представляет собой единство четырех функций:

- информационного обеспечения;
- диагностического обеспечения, направленного на выявление сути проблемы;
- консультативной помощи, связанной с созданием плана решения проблемы;
- первичной помощи при решении проблемы (логика сопровождения “от интенсивной помощи на старте решения к полнейшей самостоятельности на финише”).

Определенную теоретическую базу развиваемой в нашей совместной деятельности системы сопровождения составляют следующие положения:

- ранняя диагностика проблем способствует более полноценной их коррекции;
- коррекция проблем должна происходить на фоне имеющихся у субъекта достижений;
- коррекция проблем ребенка предполагает одновременную коррекцию поведения семьи и педагогов;
- реальная помощь ребенку возможна только при условии грамотной заинтересованности со стороны семьи и образовательного учреждения;
- психолого-педагогическое, медико-социальное консультирование семьи и школы имеет самостоятельную ценность, вне зависимости от наличия или отсутствия проблем;
- в коррекции проблем предпочтение отдается индивидуальной работе, но наиболее продуктивным можно считать путь изменения среды жизнедеятельности ребенка или изменение его позиции по отношению к среде.

Опыт показывает, что и в Петербурге, и во Фландрии более всего нуждаются в помощи семьи и дети в момент смены образовательного учреждения, при переходе в специализированные системы образования (в том числе в специальные образовательные учреждения), при возникновении острых конфликтных ситуаций.

Анализ деятельности российских ППМС-центров показывает, что индивидуальное сопровождение развития учащихся служит не только желательным, но и необходимым условием овладения сложными образовательными программами, достижения каждым учеником высокого уровня образовательной грамотности и компетентности. Одним из важнейших качеств, которым должен обладать современный образованный человек, является способность принимать самостоятельные решения в простых и сложных жизненных ситуациях; а важнейшим качеством цивилизованной общественной системы (в том числе и образовательной) — гарантировать качественную помощь и поддержку всем, кто в ней нуждается.

С. А. ЭКШТУТ,

редактор отдела исторических иллюстраций журнала "Родина",
доктор философских наук

МАНИФЕСТ ИСТОРИСОФСКОГО МАНЬЕРИЗМА

Мы живем в переходное время: менее четырех лет осталось до 2001 года, который станет началом нового века и одновременно нового тысячелетия. Всякое время переходно, но не всякое время переживает *недуг бытия*. Одно время живет исключительно настоящим и не желает знать родства ни с прошлым, ни с будущим. Другое время осознает только свою исключительность, непохожесть на прошлое и чванится разрывом с ним. Конец XX века, постигая себя как трагическое безвременье — *распад связи времен*, мучительно переживает свою переходность.

Нам предстоит возвращение к рубежу XVI—XVII веков, к эпохе маньеризма, к той точке мировой истории, которая осмыслила свое бессилие вправить *вывихнутый сустав времени*. Будущее покажет, предстоит ли нам циклическое повторение прошлого с неизбежным гамлетовским "быть или не быть?" или же возвращение к нему на новом витке спирали. Мы живем в идеальное время для историософских опытов, когда есть все условия для содержательной, а не спекулятивной интерпретации исторического процесса и исторического познания. Опираясь на результаты тщательно фундированных изысканий А. А. Аникста, посвященных маньеризму, я рискну характеризовать основные стилевые тенденции этих опытов.

Тяга к потустороннему и неземному потеснит гуманистический оптимизм: "...в мире много кой-чего..." (что вашей философии не снилось). (Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы: Сборник. М., 1985. С. 475. Перевод Б. Л. Пастернака). Воображение и интуиция, связь с мистикой станут новыми опорами для деятельности ученого. Он устремится к виртуозности и усложнению традиционных мотивов. Субъективная основа творчества властно заявит о себе: изучение объекта исследования станет диктоваться внутренним чувством мастера и подчиняться ему. "Там, где кончается документ, там я начинаю. <...> Я чувствую угрызения совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашел за документ или не дошел до него, за его неимением" (Тынянов Ю. Н. Как мы пишем // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 197). Исследователь будет воплощать свое внутреннее видение без оглядки на преходящую и изменчивую действительность, не заботясь о правдоподобию в глазах научного сообщества. Если раньше канон сменялся каноном, а миф мифом, то отказ от подчинения правилам станет парадигмой будущего. Внутреннее напряжение между унаследованным и новым будет постоянно присутствовать в творчестве каждого незаурядного ученого в качестве проблемы, требующей сознательного решения.

Если в наши дни мир воспринимается парадоксальным и лишенным стабильности, то творец станет искать адекватные средства выразить свою озабоченность, растерянность и отчаяние перед лицом этого мира. *В большом времени*, в длительной временной протяженности (*la longue duree*) прошлое предстает перед исследователем в своей незавершенности и непредсказуемости, в противоборстве реализованного и нереализованного, во всеохватывающей альтернативности истории в каждой ее точке. "Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна)". (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 430). Произойдет отказ от идеи всеобщей строгой детерминации. Мгновенный и непредсказуемый *случай* — этот джокер из карточной колоды *судьбы* — станет главным героем историософского повествования. Ученый перестанет искать строгую логику решительно во всем. Его логика станет эластичной, подчиненной эмоциональной выразительности. Объективированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше соблюдения внешнего правдоподобия. Историософские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством.

"Чувство двойственности всей вещей, столь характерное для психологии маньеристской эпохи, является существенной предпосылкой трагизма в искусстве. Ситуация становится трагической в силу того, что она не допускает простого и прямолинейного решения; любой путь, избранный героем, ведет к смешению добра и зла, вины и невинности, вынужденности и свободы выбора" (Аникст А. А. Концепция маньеризма в искусствознании XX века // Советское искусствознание. Вып. 2. М., 1977. С. 241).

Произойдут изменения самого научного ряда: старший и младший жанры, старшая и младшая линии развития науки поменяются местами. Монография постепенно утратит былую важность, сдаст господствующую позицию и отойдет на второй план. Ее место займут историко-философские опыты. Процесс, начатый “Республикой ученых” (*La Republique des Lettres*) и доведенный до стадии зрелости позитивистами, получит логическое и эстетическое завершение. Рецензия, аннотация, тезисы, реферат и, главное, эссе будут “повышены в чине” и выйдут из тьмы некоторого пренебрежения.

Салон XVII—XVIII веков — вот зримый образ науки будущего, ориентированной не только на удовлетворение профессиональных интересов относительно узкого круга специалистов, но и на запросы более широких слоев читателей, слушателей и зрителей. (Разумеется, тончайшие оттенки смысла теоретических рассуждений — это удел собратьев по цеху. Однако юмор, ирония, изящество стиля, увлекательность и артистизм повествования — все это доступно восприятию любого образованного человека с развитым эстетическим чувством.) Слово звучащее потеснит слово, запечатленное на бумаге. Письменная речь станет нуждаться в ярких эмоциональных и зрительных образах. Книжные и журнальные иллюстрации органически войдут в систему логических построений ученого. Воображение и метафора вернут позиции, утраченные в Новое время, и получат все права научного гражданства. В научном сообществе утвердится большая терпимость. Сегодняшние изгои и бастарды — от марксизма и направлений субъективистского толка, включая крайний солипсизм, до литературных композиций и научно-фантастических романов, утопий и антиутопий — все получат гражданские права и будут допущены в научное сообщество. Вернее, сложится новое сообщество интеллектуалов, свободных от опеки *Левиафана*, отчужденных как от государственной кормушки, так и от необходимости торговать своим вдохновением и принципами. Платой за слишком долгое отчуждение науки от нужд гражданского общества станут резко возросшая потребность торговать рукописью и необходимость считаться с законами книжного рынка. Таковы неизбежные издержки будущего обмирщения науки.

Маньеризм XVI—XVII веков возродится в XXI веке не только как художественный, но и как научный метод. По книжным, журнальным и газетным страницам уже бродит призрак нового историко-философского дискурса. *Сова Минервы* находится накануне резкого взлета. Ее полет станет рождением *историко-философского маньеризма* — гуманитарной науки будущего.

И. М. БЫХОВСКАЯ,

доктор философских наук, профессор Российского института культурологии

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В ПОИСКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: ВЕКТОРЫ И ПОДХОДЫ

Проблема обретения культурологией своего статуса в современном научном и образовательном пространстве не стала менее актуальной за последние годы, несмотря на многочисленность вышедших работ и масштабность проведенных дискуссий. Не способствует решению этой базовой для любой науки проблемы и то обстоятельство, что большинство работ по культурологии, появившихся за последние годы и содержащих не только анализ классических теорий, но и попытки собственного выстраивания новой дисциплины, к сожалению, как правило, не содержат рефлексии собственной позиции, ее детального сопоставления с другими, системы аргументов в пользу принятой парадигмы и т. п. Представляется, однако, что вне такого рода рефлексивной практики узаконивание культурологии не только де-юре (что уже произошло), но и де-факто, прежде всего в общественном научном мнении (что пока еще нельзя считать вполне “закрытой темой”), достаточно долго будет оставаться вялотекущим процессом “перетягивания околонуучных канатов”.

Несмотря на богатую традицию в изучении вопросов, связанных с генезисом, спецификой, формами проявления культуры, традицию, подкрепленную обширным фактологическим знанием, накопленным в процессе развития многих наук социально-гуманитарного блока, вопрос о возможности и о необходимости выделения *специального научного направления*, ориентированного на

изучение культуры как особого феномена, не снимается. Такая постановка вопроса, как это ни парадоксально, связана с теми же особенностями развития наук о культуре, которые являются показателями достигнутой “избыточности” знаний в этой области. К этим обстоятельствам следует прежде всего отнести *масштабность* самого феномена культуры, его многообразие, многоликость проявления, его представленность практически во всех точках пространственно-временного континуума социального мира; а это объективно предопределяет *разнохарактерность наук*, в фокус интереса которых попадает феномен культуры в тех или иных своих ипостасях; это уже обуславливает *обширность* накопленного фактологического знания о культурных событиях, явлениях, процессах в контексте различных наук.

Накопленная огромная база информации о разнохарактерных культурных практиках и их результатах, относящаяся к различным временным и пространственным точкам развития человеческой цивилизации, сформированная из весомых “взносов” тех наук, которые так или иначе причастны к изучению культуры, напоминает кладовую, постоянно пополняемую, изобилующую многообразием хранимого богатства, но лишенную целостной системы его упорядочивания (хотя в каждой отдельной “отраслевой” ячейке эта упорядоченность нередко и присутствует). В значительной своей части содержащая описание культурных процессов и явлений, фактология остается несистематизированной, научно не востребовавшейся, не подвергнутой той серьезной смысловой интерпретации, которая только и обеспечивает необходимую для уровня научного знания выстроенность, что, в свою очередь, является важнейшим условием “полноформатного”, научно значимого использования всего информационного массива.

Одной из главных причин такого рода конгломератности, недостаточной отрефлексированности обширного массива разнородных фактов является прежде всего отсутствие целостной системы познания культуры, которая бы задавала общие принципы и параметры изучения культуры как некоторого целого, т. е. служила бы основанием, организующим культуроведческую фактологию, давала бы те концептуальные модули, опорные схемы, которые столь необходимы для эффективного использования всего массива эмпирических факторов как в развитии знания о культуре, так и в различных формах культурологической практики, в том числе и образовательной.

Все вышеперечисленное в совокупности и обусловило формирование того проблемного поля, на почве которого и пошли в рост искания, связанные со все более осознаваемой потребностью в становлении самостоятельной науки о культуре — культурологии.

Если положить в основание дифференциации подходов различие культурного и социального, то с известными оговорками и отвлечением от деталей возможно свести их к трем основным вариантам, каждый из которых задает не только соответствующий вектор построения научного знания о культуре, но и определяет характер и возможности действий в отношении различных составляющих культурного пространства, их укрепления или преобразования:

1. *Культура как весь внеприродный, искусственный мир, включающий в себя все многообразие видов, способов и результатов человеческой деятельности.* При таком подходе научное знание о культуре должно совпадать по сути с науками об общественном пространстве в целом, и любая из составных частей социально-гуманитарного блока может быть рассмотрена и как часть научного знания о культуре.

2. *Культура как отдельная сфера социального мира, как специфическая область деятельности человека.* Этот подход основан на выделении в системе социальных деятельностей и отношений особого пространства, в пределах которого и “размещается” культура, к которой относят прежде всего “возвышенные” виды социальной практики, наиболее отдаленные от повседневных, житейских проблем, от решения прагматических, утилитарных вопросов человеческого бытия и, более того, позволяющие хотя бы на время уйти от них в мир высших ценностей. Ядром этой области социальной жизнедеятельности выступают искусство, религия, в ряде интерпретаций — также философия и наука.

Принятие такой позиции означает, что вне рамок этих видов практики находится принципиально иное, некультурное (хотя и социальное) пространство, в котором оказываются все иные, не соответствующие “высокому творчеству” формы деятельности — экономическая, политическая и т. д., не говоря уже о повседневной бытовой жизнедеятельности.

3. *Культура как особый уровень или “срез” социального пространства.* В зависимости от смысла, вкладываемого в данную формулировку, могут быть выделены как минимум два вектора в формировании научного знания о культуре.

Первый из них определен “качественным” подходом, который характеризуется отождествлением культуры со всем позитивным, правильным (т. е. хорошим) в развитии общества, с “парадной” стороной цивилизации, что находит свое логическое продолжение в трактовке науки о культуре как науки о “хорошем” обществе (и соответственно в исключении из сферы ее интереса всего, к “хорошему” не относящегося).

Второй подход, основанный на выделении в качестве специфически культурных составляющих социального пространства его аксиологического, нормативного, идеационного “среза” и семиотической системы, обеспечивающей явленность этого контекста, имеет своей проекцией и соответствующее понимание науки о культуре — как науки о *регулятивных основаниях* жизнедеятельности человека, определяющих характер и направленность всех форм и областей социальной практики, общественных отношений, конкретных видов деятельности, в которых и находит свое выражение та или иная система ценностей и образцов, норм и идеалов, символов и смыслов.

Такой подход подразумевает, что объектом познания выступает не отдельная, локальная сфера, а практически весь мир социальной жизнедеятельности; в качестве же предмета выделяется определенный аспект, “срез” этой реальности, обозначенный выше. “Встреча” идеационного, нормативного, т. е. культуруобразующего, регулятивного начала с реальной социальной практикой, которая в соответствии с этим началом и посредством соответствующей знаково-смысловой системы организуется, упорядочивается, ограничивается, оформляется, т. е. становится культуросообразной, и дает основание для рассмотрения как самой этой практики, так и ее результатов в качестве феноменов культуры.

СЕКЦИЯ VI. ЭКОНОМИКА И ПРАВСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

В. Т. ПУЛЯЕВ,

президент Академии гуманитарных наук, директор Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете, доктор экономических наук, профессор

Н. И. БОЕНКО,

доцент Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований при Санкт-Петербургском государственном университете

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В ЗЕРКАЛЕ ПРАВСТВЕННОСТИ: РОССИЙСКИЙ РАКУРС

Пять лет реформ поставили Россию перед фактом изменения ее экономического статуса (из индустриальной державы она превратилась в полуиндустриальную-полусырьевую), а ее население — перед целым спектром проблем, имеющих не только экономический характер. Когда большая часть страны не получает вовремя зарплату, а если и получает, то не может прожить на нее, сомнений в том, что с экономикой что-то не в порядке, нет. Они возникают по другому поводу: нравствен ли такой путь? Действительно ли мы идем к рынку? Если нет, то на каком распутье сбились с пути? А если да, то необходим ли нам рынок?

Опыт развитых стран показывает, что рыночные отношения более прогрессивны по сравнению с феодальными, поскольку они обеспечивают большую свободу и равенство прав любому индивиду, а следовательно, и большую справедливость. Однако свобода, не ограниченная ничем, чревата злоупотреблениями. Принцип индивидуализма, являющийся доминирующим идеологическим и нравственным принципом стран Запада, оборачивается своей противоположной стороной — стремлением к монополизму, одному из наиболее негативных проявлений рыночного способа организации экономики. Чтобы преодолеть его, капиталистическим странам понадобились десятилетия для отработки механизма государственного регулирования. Современные модернизированные развитые страны, по сути дела, уже давно отошли от классического образца сугубо “рыночной” экономики периода первоначального накопления капитала. Неотъемлемой характеристикой их экономики становится целенаправленное регулирование: в экономической жизни ориентированное на движение от частной собственности к ассоциированной, в политической — от централизованного управления к демократическому.

Чтобы перенять лучшее из опыта становления мировой экономики, вряд ли стоит стремиться к тому, от чего уже отказываются страны, достигшие определенных успехов в своем экономическом развитии, т. е. к стихийному, нерегулируемому рынку под лозунгом индивидуальной свободы, позволяющему пренебрегать требованиям морали. “Дикий” рынок уже пришел на наши улицы, уставив их киосками с продуктами далеко не всегда гарантированного качества, в наши дома, где лежат никем не оплаченные бумаги финансовых компаний, играющих в “пирамиды”. А наемные работники частных фирм или даже некоторых АО на себе почувствовали “прелести” ничем не ограниченной власти экономических хозяев. Более того, даже в самих западных странах, которые можно назвать постиндустриальными, где имеется тщательно разработанное законодательство, обеспечивающее справедливость общественных отношений, понимают ограниченность подобных регуляторов. Ярким примером тому служит ситуация, сложившаяся в мировом сообществе с появлением “компьютерной преступности”, позволяющей “перекачивать” с чужих банковских счетов сотни тысяч долларов. Уже сейчас становится ясно, что чисто полицейские меры здесь не помогут. По мнению экспертов из США, наиболее слабым звеном в системе мер

защиты остаются люди, и подбор надежного персонала может снять многие проблемы. Но для того чтобы избежать ошибок, стоит ли перенимать чужой западный опыт, что называется, “один к одному”? История дореволюционной России свидетельствует, что модернизация, насаждаемая в стране “сверху”, приживалась плохо. Пример послевоенной Японии, наоборот, говорит о том, что быстрая и успешная ее индустриализация во многом объяснялась удачным сочетанием необходимости интенсивного производительного труда с традиционными японскими нравственными ценностями: стремлением к гармонии, уважением к старшим, привычкой к коллективным формам труда, т. е. ориентацией на совместное и гармоничное развитие общества и человека. В свете сказанного вырисовываются контуры ответа на исконно русский вопрос “Что делать?” Нам следует ориентироваться на освоение закономерностей общемировой эволюции с учетом исторически сложившихся особенностей собственной национальной, этнической жизни, ее ценностей. С точки зрения теории эволюционного развития, экономику надлежит рассматривать как материальный аспект культуры, а следовательно, в масштабе общества точнее говорить не о собственно экономике, а об экономической жизни, экономической культуре и экономической политике. Ученые, работающие в рамках эволюционного подхода, считают, что нет детерминирующих факторов (экономических, политических и т. п.), определяющих ход общественной жизни. Он обусловлен их уникальным сочетанием. В то же время существует точка зрения, что будущие конфликты между странами в первую очередь будут определяться не их экономическим положением и интересами, а, по мнению С. Хантингтона, цивилизационными различиями. Экономика — способ созидания материальных благ. Но это всегда тот способ, который предопределен уровнем развития культуры, уровнем развития общества, решающего с той или иной позиции вопросы соотношения свободы и необходимости, устойчивости и изменчивости, инноваций и традиций, интересов человека и общества. В связи с этим представляется необходимым учет и развитие теории Н. Д. Кондратьева о циклическом характере экономического движения. Н. Д. Кондратьев выделял циклические, обратимые трансформации хозяйственной системы, зависящие не только от сугубо экономических, но и от социальных факторов, и процессы нециклического необратимого характера, обусловленные социальной генетикой общества, закрепляющей и развивающей позитивные биосоциальные характеристики людей и исторические традиции, ценности и нормы этноса, нации. Поэтому экономика всегда ограничена, казалось бы, внешними по отношению к ней факторами идеологии и парадигмой развития (определяемой в том числе и религиозными воззрениями), типом власти и способами ее осуществления, социальной структурой общества, уникальным сочетанием интересов “элиты” и других социальных групп, их противостоянием и открытой борьбой. Таким образом, в центре экономической жизни оказываются нравственные коллизии и ценности. В российской национальной жизни такими ценностями являлись справедливость “уравновешивания” интересов человека и общества, соборность, стремление жить в соответствии с данными Богом законами (в переводе на язык современности — с принципами эволюции). Типично российскими характерными чертами всегда были приоритетность политических задач перед экономическими, излишне централизованная государственная власть, засилье чиновничества. Народ противостоял государственной власти, хотя и надеялся на ее защиту. Социальная структура отличалась полярностью ценностных ориентаций народных масс и привилегированных слоев населения.

Переход к рыночной экономике, начавшийся без учета социокультурной основы материального производства, исторически сложившихся ценностей российского сознания и подсознания, в настоящее время во многом объясняется засильем государственной и чиновничьей власти, государственно-номенклатурным характером складывающихся капиталистических отношений. Необходимость регулирования рыночной стихии не означает того, что оно должно осуществляться именно “твердой рукой” государства, а точнее, чиновничества. Мировая тенденция в этой области — расширение демократии, кооперации в принятии решений на основе усиления профессионализации и повышения компетентности, свободной вертикальной мобильности. Не случайно стремление нынешней российской “элиты” “отсечь” большинство населения от возможностей получения полноценного образования, от подлинно культурной жизни как основы перехода к гражданскому обществу. И в этом — главное проявление и причина сегодняшней безнравственности складывающегося рынка. Имеет место, как показывают социологические исследования, явная поляризация ценностей большинства социальных групп и “элиты”. До тех пор, пока регулирование общественной жизни не приобретет подлинно общественного, демократического, а не номенклатурного характера, надеяться на цивилизованное развитие страны трудно.

Н. А. ЧЕРКАСОВ.

главный научный консультант аппарата Межпарламентской ассамблеи СНГ, действительный член Международной академии информатизации ООН и Международной академии наук высшей школы, доктор экономических наук, профессор

НРАВСТВЕННЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Понятие нравственности изменчиво. Правила поведения и духовные качества, необходимые для их выполнения, изменяются в связи с развитием цивилизации, идеологии, представлений о духовных, общественно значимых ценностях.

Как несовершенство идеологических установок, так и их противостояние — следствие отсутствия подлинно научного знания, поверхностных оценок закономерностей земной цивилизации в различных концепциях и возникающих на их основе политических доктринах.

Сложность оценки нравственности или безнравственности, изменений, происходящих в земном мире, связана с тем, что принципиально недопустимо становиться целиком на позиции одной из таких концепций (или ее производных), в том числе при анализе рыночных реформ и прогнозирования социально-экономического развития в России, в других странах СНГ, в мире в целом.

Нравственное и безнравственное (негативное) представляют собой единство противоположностей. И опыт российских реформ свидетельствует о том, что негативная доминанта постоянно воздействует на становление новых нравственных начал, затрудняет их проявление.

Причина тому — не только общая сложность решений, направляемых на изменение парадигмы нравственности при переходе к развитым рыночным отношениям, но и конкретные особенности такого изменения в странах, подобных нынешним участницам СНГ. Социалистический эксперимент, длившийся многие десятилетия, породил совершенно особое общественное сознание и представление о нравственных ценностях. В коммунистической идеологии нравственным считалось и подавление свободы (в том числе в области предпринимательства), религиозных и иных убеждений, и устранение богатых людей как “класса”, и депортирование по национальному признаку и признаку несоответствия идейных взглядов официальной идеологии, и многое другое, находящееся в противоречии с подлинными нравственными ценностями современного этапа цивилизации.

В результате единство противоречивых доминант нравственного и негативного приобретает вид противоречия между тенденциями к развитию частной и сохранению общенародной (“ничейной”) собственности, к возрождению крестьянства и сохранению “раскрестьянивания”, к развитию предприимчивости и сохранению иждивенческой психологии, к демократизации и бюрократизации в управлении социально-экономическими процессами, к развитию рыночной конкуренции и сохранению монополизма в экономике.

Эти противоречия, углубляемые ошибками при выборе способов реализации рыночных реформ и потому своевременно неразрешаемые, — главная причина тяжелого положения, в котором оказались Россия и другие бывшие республики СССР. Сами ошибки являются результатом, с одной стороны, сильнейшей инерции “социалистических” (точнее, “советских”) взглядов и привычек, с другой — крайне поспешного, неконструктивного, экстремистского подхода к их преодолению. Отсюда особое противостояние сторонников СССР и нового экономического союза, сохранение и даже возрастание государственных расходов и бюрократического аппарата, межнациональные конфликты, сохранение претензий на мессианскую роль и традиций холодной войны с западными демократиями и т. д.

Реалистический концептуальный подход к стратегии дальнейшего реформирования экономики России требует ориентации на осуществление структурных экономических сдвигов, которые учитывали бы названные доминанты нравственности и противостоящие им тенденции общественного развития. При ее разработке следует всесторонне оценивать: 1) важнейшие факторы национального и регионального развития, в том числе проблему интенсификации экономических связей между регионами и национальными республиками Российской Федерации, проблемы их внешнеэкономических связей со странами СНГ и другими зарубежными странами; 2) пути последовательного углубления интеграции национальных хозяйств государств СНГ; 3) возможности и перспективы экономического взаимодействия с западноевропейской и “исламской” интеграцией, интеграционного сотрудничества с Китаем, другими странами Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Все это абсолютно необходимо для безотлагательного и совместного решения информационных, экологических, энергетических, продовольственных, сырьевых, национальных, религиозных и прочих важных проблем отдельных стран и земной цивилизации в целом, которая становится все более единой и одновременно хрупкой.

Ю. В. КУЗНЕЦОВ,

президент Российской академии туризма, заведующий кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА — ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВА

В Конституции Российской Федерации неоднократно отмечается социальный ориентир развития нашего общества, всех его структур. Таким образом, подразумевается необходимость приоритетного решения социальных проблем в ходе экономического развития, первоочередного развития социальной сферы, то есть сферы, обеспечивающей удовлетворение социальных и духовных потребностей населения. При этом под социальной сферой понимают область деятельности людей, занятых предоставлением социальных благ и услуг, в том числе и туристских.

Туристский бизнес — одна из наиболее стремительно развивающихся отраслей мирового хозяйства, на долю которой приходится около 6 % мирового валового национального продукта, 7 % суммарных капитальных вложений, 11 % мировых потребительских расходов, 5 % всех налоговых поступлений и около 7 % мирового экспорта (в абсолютном выражении экспортная выручка от туризма уступает только доходам от экспорта нефти, нефтепродуктов и автомобилей). К 1995 году каждое 16 рабочее место в мире было так или иначе связано с туризмом.

При этом косвенное влияние туризма на экономику почти равно ее прямому влиянию. С учетом данных предпосылок удельный вес туризма в создании мирового валового национального продукта, по прогнозам ВТО, достигает 11—12 %.

Туристский бизнес способствует развитию других отраслей хозяйства: строительства, торговли, транспорта, сельского хозяйства, связи, производства товаров народного потребления и т. д.

Деятельность, связанная с туризмом, привлекает предпринимателей по многим причинам: небольшие стартовые инвестиции, растущий спрос на туристские услуги, высокий уровень рентабельности и минимальный срок окупаемости от затрат.

Несмотря на продолжающийся туристский бум в России, влияние индустрии туризма на экономику страны пока незначительно. Оно адекватно вкладу государства в развитие данной отрасли и сдерживается, в основном, отсутствием реальных инвестиций, низким уровнем гостиничного сервиса, недостаточным количеством гостиничных мест, дефицитом квалифицированных кадров.

Самой уязвимой стороной современного туристского бизнеса является неразвитость социального туризма. В настоящее время практически отсутствуют организованные формы туризма и какие-либо крупные отечественные туристские фирмы, позволяющие сделать массовым туристский отдых учащейся молодежи, студентов, пенсионеров, инвалидов, малообеспеченных лиц и представителей других социально незащищенных групп.

Современное самостоятельное развитие туристской отрасли без серьезной государственной поддержки привело к выживанию преимущественно коммерческих форм и видов туризма. В этих условиях социальный туризм как явление практически перестал существовать.

Подобная ситуация имеет массу негативных социальных моментов, и прежде всего она крайне резко увеличивает общую социальную напряженность в обществе. Рост доходов населения не поспекает не только за ростом стоимости услуг в сфере туризма, но и за ростом стоимости многих других элементов, характеризующих жизненный уровень населения. В результате из основных социальных потребностей потребность населения в отдыхе является наименее удовлетворенной. Около 80 % населения являются потенциальными клиентами социальных форм туризма и на практике реализуют свой отдых только какими-либо самодеятельными способами, даже не задумываясь об услугах туристских фирм.

Поэтому представляют интерес предложения, сделанные в ежегодном докладе о состоянии национальной туристской ассоциации и проблемах развития туризма в России, в котором отмечается, что современное развитие социального туризма в России предполагает следующие направления:

— создание специализированных туристских фирм и учреждений, занимающихся оказанием услуг социального туризма;

— разработку методик и формирование программ различных видов социального туризма, учет зарубежного опыта в этой сфере и налаживание связей с зарубежными партнерами, специализирующимися на социальном туризме;

— принятие нормативно-правовых документов, устанавливающих организационную и налоговую помощь туристским предприятиям, оказывающим услуги в сфере социального туризма.

Общая неудовлетворенность в отдыхе влечет за собой и другие проблемы. Это вопросы охраны здоровья, рационального использования свободного времени, удовлетворения образовательных и культурных потребностей населения, общие проблемы снижения жизненной активности и межличностных контактов и многие другие.

Следует подчеркнуть, что именно кризисное состояние общества, как никогда раньше, требует особого внимания к развитию социального туризма. Массовое привлечение граждан к туристскому отдыху будет способствовать большему удовлетворению их культурно-просветительных потребностей, сохранению здоровья и работоспособности и в конечном итоге — снижению социальной напряженности. Большую роль в решении данного вопроса могли бы сыграть и профсоюзы. Именно через социальный туризм возможно вовлечь в туристский рынок большое число граждан и сделать туризм действительно массовым явлением в стране с новой рыночной экономикой. Эффект от развития социального туризма, несомненно, уже в ближайшие годы окупит все ожидаемые финансовые затраты на его становление.

Р. А. ИСЛЯЕВ.

директор Института региональной экономики и управления Санкт-Петербургской государственной инженерно-экономической академии, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, член экспертного совета при Комитете по делам Федерации и региональной политике Государственной Думы и Комитета по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ — СТРАТЕГИЯ НРАВСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ДВИЖЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

Само понятие “устойчивое развитие” сегодня еще довольно дискуссионно. Нет общих, единых представлений, что следует понимать под устойчивостью развития планеты, биосферы и отдельных ее элементов, природно-территориальных систем, территориальных социально-экономических систем. Как понимать устойчивость развития отдельных стран (государств), групп государств, регионов или групп регионов, какой смысл вкладывать в это понятие? Только ли экологический? Все ли построения осуществлять под углом зрения природно-экологической детерминированности развития человечества? А как быть с социально-экономическими, политическими, военными коллизиями?

Сегодня вопросов больше, чем ответов.

Со времен выхода доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию “Наше общее будущее” в 1987 г., известного также как доклад Гро Харлем Брундланд — премьер-министра Норвегии, прошло почти десять лет, однако решение вопроса до сих пор представляется довольно спорным.

По нашим подсчетам, только в России и для России разработано около 70 концепций устойчивого развития, опубликованного более 20 монографий и брошюр. Сбалансированность физических и социально-экономических показателей развития Земли в целом и отдельных стран (рождае-

мость — смертность, потребление ресурсов — их восстановление, загрязнение — ассимиляция, инвестирование — амортизация и т. п.) — это основа многих моделей устойчивого развития от Донеллы и Дениса Медоузов до Манеки Ганди (бывший министр окружающей среды Индии) и А. Гора — вице-президента США.

Автор сценария “Ядерной зимы” Н. Моисеев считает идею устойчивого (регулируемого) развития “опасным заблуждением человечества”.

С. Кургинян настаивает, что концепция устойчивости развития — это концепция остановки развития и гибели человечества в связи с закономерным нарастанием энтропии.

Каждый из авторов или авторских коллективов соответственно предлагает свои, порой оригинальные подходы, пути, модели. “Веер” путей перехода к устойчивому развитию и последующей реализации моделей такого перехода действительно не только может, но и должен быть широким.

По нашему мнению, устойчивое социально-экономическое и экологическое развитие — это движение страны или стран по избранной стратегической траектории, обеспечивающей достижение объективно прогрессирующей системы общественных целей.

Не будем далее углубляться в содержание данного понятия, тем более, что оно, как видим, весьма дискуссионно хотя бы потому, что не может быть устойчивого развития на протяжении какого-то достаточно длительного обозримого времени. Это будет всегда бесконечная или постоянно существующая вместе с человеком, обществом цепь “взлетов” и падений, кризисов, катастроф и других коллизий. Главное, чтобы эти кризисы и катастрофы не были роковыми для человечества, территориальной общности и для отдельного человека. И чем обоснованнее, вывереннее будет стратегия социально-экономического и экологического развития, тем легче для общества будут последствия таких падений. Одно несомненно: в центре внимания при разработке такой стратегии должны находиться люди, имеющие право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой.

В сознании многих политиков, управленцев и ученых понятие “устойчивое развитие” ассоциируется с биосферным подходом к анализу и прогнозу общественного бытия.

Правильный по сути и ориентированный на традиционное в нашей стране представление об устойчивом развитии Указ Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.96 “Об устойчивом развитии Российской Федерации” утверждает государственную иллюзию, а может быть, заблуждение о характере и направленности многих дестабилизационных процессов в государстве.

Так, в современной России использование “национальной идеи, обусловленной конкретными, порой сиюминутными конъюнктурными интересами отдельных политиков и политических элит, осуществляется экономически неоправданными и стратегически необоснованными формами. Происходит раздел собственности по уровню национально-территориальной организации страны. Следует, однако, отметить, что сама эта организация оказалась, как это стало очевидным, далекой от идеала.

Многие “национальные” республики в составе Российской Федерации на самом деле являются полинациональными, причем нередко “коренная” национальность не составляет основу населения того или иного субъекта Федерации. Но заслуживает внимания и другая сторона той же национально-территориальной ситуации: не во всех случаях тот или иной “коренной” народ проживает в основном в пределах “своей” республики. Так, в Мари-Эл проживает лишь половина российских марийцев, в Мордовии — 29,9 % мордвы, в Татарии — 32 % живущих в России татар и т. д. Таким образом, существующее национально-территориальное устройство слабо отражает реальное расселение народов на территории России и в силу этого может служить поводом для постоянного возникновения межнациональных и этнических конфликтов (а те, в свою очередь, могут обостряться конфессиональными разногласиями и противоречиями). В таких условиях провозглашать нефть, газ, уголь, алмазы, леса, другие природные богатства “достоянием народов”, проживающих на соответствующих территориях, а возможность распоряжаться ими отдавать органам их местного самоуправления не следует, т. к. это будет неизбежно приводить и уже приводит к резкому обострению национальных отношений как внутри национально-территориальных образований, так и между ними, поскольку подталкивает к постановке вопроса об исторической территории “коренной” нации: кто “жил здесь испокон веков”, а кто пришел позже (так называемые “захватчики” и “жертвы”).

Ни о каком едином и соответствующем интересам страны в целом природопользовании в этих условиях говорить не приходится. Экологическая ситуация существенно обостряется, а организовать экологическую защиту в случае перехода к рынку при данной системе распоряжения землей и природными ресурсами просто не представляется возможным.

Но и с экономической точки зрения такой подход трудно признать оправданным. Ни один кантон Швейцарии или штат США не является распорядителем, собственником недр. Не случай-

но и то, что во всех, за исключением США, крупнейших нефтедобывающих странах — Мексике, Кувейте, Бразилии, Ираке, Индонезии и т. д. — руководство в этой области осуществляется либо государственными фирмами, либо с участием государства. На государственном уровне осуществляется подобная деятельность и в развитых странах, лишенных сколько-нибудь существенных запасов нефти и угля, но потребляющих их в большом количестве. — Великобритании, Италии, Франции.

Таким образом, и разработка, и реализация государственной региональной политики в контексте государственной стратегии регионального развития сопряжены с большими трудностями как собственно научного, так и политического характера. Непродуманность и спешка в этих вопросах приводят к тяжелым последствиям, дестабилизирующим политическую, экономическую и экологическую ситуации в стране, заводя ее во все более глубокий “штопор” общественной деструкции.

Между тем опыт разработки и реализации единственной и последней, в своем роде уникальной, государственной стратегии регионального развития — плана ГОЭЛРО, показывает, что Россия в 20-е годы, с трудом контролировавшая часть своих территорий, особенно южных, смогла подняться из руин и выйти на траекторию устойчивой государственности. Сегодня эта историческая аналогия крайне актуальна.

Назрела необходимость государственной стратегии регионального развития Российской Федерации, которая была бы разработана в интересах сегодняшнего и последующих поколений и рассчитана на 20—25 лет с учетом сложившегося веками территориального разделения труда на 1/6 части суши и геополитического менталитета ее народов.

По нашему мнению, структурно такая стратегия должна в обязательном порядке отражать:

- социально-экономическую политику по размещению производительных сил, в том числе отдельно по северным и по приграничным территориям России;
- социально-экономическое районирование страны и ее административно-территориальное устройство;
- национально-этническую и национально-политическую доктрину;
- демографическую политику;
- миграционную политику с учетом защиты интересов и прав соотечественников в ближнем, а по возможности, и дальнем зарубежье;
- стратегию экологической безопасности и природопользования;
- внешнеполитическую доктрину;
- военную доктрину;
- доктрину геополитики России как методический фундамент внешнеполитической и военной доктрин;
- механизмы реализации всех вышеуказанных направлений.

Фундаментальная, комплексная, взаимосвязанная проработка этих направлений, создание правовых, экономических, административных и других механизмов позволили бы России встать на реальный путь перехода на модель устойчивого развития.

В. Н. КАШИН,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель академика-секретаря Отделения экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕДОВЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Выдающийся русский скульптор Сергей Тимофеевич Коненков в конце своей жизни обратился и к литературному творчеству — создал мемуары. Его книга “Земля и люди” была опубликована в 1968 году, а в 1972 году, уже после его смерти, вышла книга воспоминаний “Мой век”. В 1988 г. увидело свет ее второе издание.

В этой содержательной и интересной книге рассказывается не только о творчестве мастера, но и о его окружении, о той среде, в которой прошли его детство и отрочество, о жизни в России и

80-е годы XIX века и в более поздние годы, о быте и нравах населения в деревнях и городах Калужской и Смоленской губерний, где довелось тогда жить и учиться Коненкову. Он никогда не порывал тесных связей с жителями этих мест.

Один из разделов воспоминаний С. Т. Коненкова назван “Российские дельцы”. Такому “дельцу” — российскому предпринимателю Нилу Владимирову посвящает несколько страниц своих воспоминаний Коненков. Нам хотелось бы привлечь внимание читателей, особенно профессионалов-экономистов, к этим страницам.

Владимиров начал свою трудовую жизнь в роли мальчика-приказчика у спас-деменского купца и заводчика Даманова, к двадцати годам стал управляющим дамановского спиртоводочного завода, а вскоре скопил собственный капитал и построил в том же Спас-Деменске свой завод. Вступив в конкуренцию со своим прежним хозяином, Владимиров одержал победу. Став достаточно крупным капиталистом, начал вкладывать капиталы в землю и заводить совершенно новые порядки в жизни местного крестьянства. Именно эта его деятельность в качестве своеобразного российского предпринимателя и представляет, как нам думается, особый интерес в настоящее время, т. к. свидетельствует о тех огромных возможностях экономического и культурного прогресса, которые открывались перед Россией в связи с появлением подобных предпринимателей.

Нил Владимиров скупал имения разорившихся или обедневших помещиков (вспомним чеховского Ермолая Лопухина, купца, героя пьесы “Вишневый сад”, приступившего к его вырубке под строительство), платя им наличными, в которых они так нуждались. Затем приобретенные земли закладывал в Московском крестьянском банке, а землю в виде наделов продавал крестьянам. Дело было поставлено на широкую ногу. Но оно было подчинено не только сугубо коммерческим задачам, а отвечало интересам трудового крестьянства.

Для того чтобы сделать бедное смоленское и калужское крестьянство платежеспособным, повысить его доходы, Владимиров не просто продавал землю. Он организовывал строительство целых сельских поселков и, по словам Коненкова, “строил слободы новеньких аккуратненьких домиков и обращал крестьян в мастеровых”. За умеренную плату крестьянин получал готовый дом, а в придачу к нему инструктаж и хорошо организованный сбыт продукции, говоря нынешним языком, — хорошо организованный маркетинг. При этом созданные таким путем деревни специализировались на производстве разных товаров, на различных ремеслах. В одной деревне, например, “с фабричным размахом” процветало сапожное дело, в другой — швейное, в третьей — деревообработка. Как видим, вклад Владимирова в развитие товарного производства и рыночных отношений, в развитие капитализма, в его несомненно здоровое, демократическое начало был весьма положительным, активным.

“Среди капиталистов мне встречались и другие аналогичные Нилу Тимофеевичу фигуры, тоже весьма своеобразные и противоречивые”, — пишет С. Т. Коненков и вспоминает в этой связи А. А. Бахрушина, И. Д. Сытина, П. М. Третьякова, Савву Морозова.

Интересны его воспоминания об Алексее Александровиче Бахрушине — представителе знаменитого семейства Бахрушиных. А. А. Бахрушин основал знаменитый Театральный музей, передал его в дар Российской академии наук. Обладая крупными капиталами, он тратил огромные средства на приобретение экспонатов для создания этого музея. В то же время в личной жизни отличался скромностью и бережливостью, если не сказать скупостью.

Строгая расчетливость в домашней жизни и миллионные пожертвования на пользу общества были одной из характернейших черт русского просвещенного купечества. Хотелось бы подчеркнуть, что сегодня нам очень может помочь изучение такой уникальной человеческой “породы”, как русские купцы-промышленники. Сочетание деловой хватки, холодной головы, сугубой расчетливости с беспредельной сердечностью, домовитостью, религиозностью, щедростью и создает этот уникальный тип.

Известен вывод, сделанный В. И. Лениным, что Россия пошла в XIX — начале XX века по так называемому прусскому пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Противоположный путь развития, так называемый американский, с точки зрения Ленина, для России оказался исключенным. Между тем именно американский путь означает наиболее быстрое, прогрессивное развитие капитализма, сопровождающееся ростом жизненного уровня населения.

Однако приведенные нами примеры, и особенно пример российского дельца Нила Владимирова, как нам представляется, свидетельствует о том, что в действительности в России конца XIX — начала XX века шла борьба между различными социальными силами. На одной стороне находились те, кто добивался ликвидации помещичьего землевладения, феодальных пережитков, кто стоял за свободное развитие крестьянского хозяйства по пути рыночной экономики. Эти силы

были представлены реально существовавшими купцами и промышленниками, послужившими прототипами многих литературных героев, стремившихся ликвидировать помещичий уклад, убрать его с дороги свободного, неограниченного, ничем не стесняемого развития сельского хозяйства. Подобных литературных героев можно найти в произведениях А. П. Чехова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других русских писателей.

На другой стороне находились социал-демократы (и их мнения придерживался В. И. Ленин), которые стремились направить развитие капитализма в сельском хозяйстве по "прусскому пути", противоречившему интересам большинства населения крестьянской страны — России.

Однако борьба этих сил оказалась незавершенной в связи с Октябрьской революцией 1917 года и последующими событиями. Что же касается естественного развития этой борьбы, то существует, на наш взгляд, немало факторов, вполне подтвержденных в начале XX века, — таких, например, как реформа Столыпина, — что "американский" путь развития становился для России реальным. Особенно хорошо это обнаружилось после февральской революции 1917 г., которая серьезно подорвала помещиков как политическую силу, создала условия и для подрыва их экономической мощи в пользу свободного крестьянина — потенциального фермера американского типа. Если бы подобная перспектива реализовалась, это могло бы повлиять на всю последующую историю нашей страны.

Н. Ф. ГАЗИЗУЛЛИН,

первый проректор Санкт-Петербургского института управления и экономики Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК ИНТЕГРИРУЮЩАЯ СИЛА НРАВСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Передовая часть человечества, переосмысливая предшествующий опыт, сосредоточила интеллектуальный потенциал на разработке новой модели развития цивилизации, ставящей во главу угла экологическую безопасность, устойчивое экономическое развитие и социальную защищенность человека.

Эти три понятия неразрывно связаны между собой и составляют фундаментальные качества новой системы ценностей, направляющей общество к достижению оптимальных результатов социально-экономического развития с допустимым уровнем нагрузки на окружающую природную среду и, следовательно, надежной системой экологической безопасности граждан.

Более чем очевидно, что мы не можем оставаться в стороне от этого только еще зарождающегося общемирового процесса, ибо возможность полнокровного вхождения в него обладает той самой притягательной силой, которая могла бы служить основой консолидации нашего общества, соединяющей высокую идею социальной защищенности человека с научностью и практическим здравым смыслом, с ее научным воплощением.

Иной равноценной основы, способной идейно увлечь, нравственно вдохновить, научно организовать и объединить общественный интеллект с мудрой государственной политикой, нацеленной не на сиюминутные интересы отдельных групп населения, а на достижение удовлетворения долгосрочных, устойчивых и приоритетных интересов всех социальных слоев общества, по нашему убеждению, на сегодняшний день просто не существует. Поэтому необходимо подчеркнуть не только научную актуальность, но и гражданскую направленность необходимости коренного поворота общественно-го сознания и общественных действий к достижению триединства экологической безопасности, устойчивого экономического развития и социальной защищенности человека.

Почему именно так нужно ставить вопрос? Потому, что он закономерен, ибо необходимость такого коренного поворота для нашего общества сегодня — это уже не просто декларация, это уже не только требование адекватного научного осмысления новых тенденций мирового развития и стремление влиться в поток высокоцивилизованных стран, но и мощное средство овладения массовым сознанием, возвращающее нашим соотечественникам не только чувство самосохранения, но

и глубокого самоуважения и уверенности в завтрашнем дне. Такой поворот к достижению вышеуказанного триединства мог бы стать эффективным средством созидательного вывода нашего общества из состояния упадка, депрессии и потери нравственных ориентиров на уровень новой системы ценностей, а также новой системы мотивации экономической деятельности и социальной активности.

Мы берем на себя смелость это утверждать еще и потому, что, как показывает исторический опыт и общественная апатия к проводимым реформам, сила наших общенациональных традиций такова, что только высоконравственные цели, основанные на идеях социальной защищенности и справедливости, способны материализоваться в мощную созидательную силу народа.

Нам, естественно, могут возразить, сказав, что расстояние от самой цели и новых ценностных установок до их материализации и практического воплощения в жизнь — дистанция большого размера. Это так, если опираться на традиционные научные знания и способы их доведения "до ума". Однако становится совершенно ясно, что это расстояния можно очень существенно сократить, если опереться на новую систему научных знаний, на новую теорию и методологию, не укладывающуюся в рамки "общепринятых" знаний, и если четко представлять себе программу и механизм ее реализации, спроецированные на практические потребности самой жизни.

Новая система научных знаний, способная обрести форму инновационного общественного мировоззрения и несущая в себе силу созидательного общественного действия, зиждется на разработке ценностных подходов к анализу и управлению хозяйственной деятельностью и теоретических принципов эколого-экономического равновесия. Их внутреннее единство и соподчиненность задаче создания системы экологической безопасности генерирует объективно назревшую потребность в переходе от атомизированных систем ценностей, каждая из которых составляла основу развития отдельных отраслей науки, экономики и политики, — к единой системе ценностей, в которой верховенствующее значение принадлежит человеку и природе в их целостности, неразрывности и взаимозависимости.

Нам представляется, что в методологическом плане этот путь наиболее оправдан, ибо именно в интеграции научных знаний с жизненными реалиями заключается надежное средство преодоления стереотипов и догм, которые десятилетиями формировали порочную практику антиэкологической хозяйственной деятельности в нашем обществе.

И. К. СМЕРНОВ,

заведующий кафедрой экономики и права Санкт-Петербургского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ

Как бы ни назывались преподаваемые сегодня в высшей школе экономические науки, они образуют совокупность, являющуюся, в свою очередь, составляющей всей системы социально-гуманитарных знаний. Фундаментальной категорией этой системы является ценность. Если верно, что истинной ценностью является сам человек, то становится понятным значение, которое имеет изучение этой категории студентами в процессе формирования качеств российского интеллигента в гуманитарном вузе.

Как самостоятельная область исследований теория ценности впервые оформилась в философии в следующих типах учений: натуралистическом психологизме, трансцендентализме, персоналистическом онтологизме, культурно-историческом релятивизме и социологизме.

Экономическое знание сформировалось в самостоятельную теоретическую науку лишь в XVIII веке. Естественно, что исследование категории ценности здесь определялось и опиралось прежде всего на достижения аксиологии. Тем не менее, несмотря на значительный философский задел, экономисты сразу же столкнулись с такими трудностями определения и экономического толкования самого понятия ценности, которые им не удалось преодолеть до сих пор. Конечно же, это не могло породить ряда проблем системного изложения теории ценности в вузовских курсах экономических дисциплин. Многие из них были бы решены, если бы аксиология, утилитаризм и

экономическая теория ценности образовали бы такую единую систему научных знаний об этой категории, которую можно было бы назвать философией экономики. Основные направления развития новой теории можно извлечь из многочисленных дореволюционных публикаций на эту тему. Необходимо прежде всего остановиться на анализе взглядов незаслуженно забытых немецко-русских экономистов Шторха и Сэя. Именно они первыми из экономистов достаточно четко и аргументированно сформулировали положение о том, что ценность есть признанная человеком полезность. Они различали ценность прямую и косвенную. Первая есть признание за известными предметами способности удовлетворять те или иные потребности, вторая — способность предмета обмениваться.

Дальнейшее развитие теория экономической ценности получила в трудах немецких экономистов Гильдебранда и Кнуса. По их мнению, при определении ценности блага нужно иметь в виду не одного человека с его потребностями, а весь народ как единое целое с присущими всем людям потребностями. Теория ценности, в основе которой лежит полезность, получила завершение в трудах представителей австрийской школы: Госсена, Джемсона, Вальраса.

Особого внимания, конечно, заслуживает изложение в учебном курсе эволюции трудовой теории ценности. Наиболее распространенные ошибки здесь заключаются в противопоставлении понятий “ценность” и “стоимость” и вульгаризации взглядов К. Маркса. Следует, наконец, во избежание разного рода недоразумений, признать тождественными названные категории и во имя истины отказаться от утверждения, что К. Маркс считал единственным источником ценности труд.

Оригинальная теория ценности связана с именами Бастиа и Маклеода. Они изгоняют из своей теории и труд, и полезность. Ценность всякого блага всецело определяется, по их мнению, отношением спроса и предложения. Любопытную теорию ценности предложил Реслер. Он считал, что основанием ценности служит известный юридический порядок и блага имеют ценность лишь постольку, поскольку человек может располагать ими. Благо имеет большую ценность, когда оно принадлежит лицу на праве собственности, и меньшую, когда оно принадлежит ему на праве владения. Наконец, отец экономикса Маршалл вообще изгоняет ценность из своей экономической науки, объявляя ее ненужной.

Следует отметить, что ни одна из названных теорий не выдерживает серьезной научной критики и не решает реальных задач действительной хозяйственной жизни. Именно этим и объясняется современный кризис не только отечественной, но и мировой экономической науки. Необходимость преодоления этого кризиса заставляет ученых искать новые решения, выдвигать новые идеи, способные вывести экономическую теорию на новый парадигмальный уровень.

Ценность есть всеобщность вещи, а ценность экономического блага есть его всеобщность. Наличным, вещным бытием ценности экономического блага являются деньги. Именно определение ценности как всеобщности указывает на ее значение как фундаментальной и универсальной экономической категории. Она присутствует во всех экономических явлениях как их всеобщая определенность, без которой невозможно понять особенность этих явлений. Ценность может быть и единичной, и специфической, но только как единичность всеобщего и особенность абстрактного. Такое понимание ценности дает возможность по-новому подойти к оценке ее многочисленных определений и теорий.

Истинной ценностью как ее конкретной всеобщности является человек. Но раскрыть эту истинную ценность можно, только проследив все ее развитие от абстрактной всеобщности блага к всеобщности конкретной.

Л. С. БЛЯХМАН,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

ЕВРАЗИЙСКИЙ СТИЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА

Предметом изучения советской политической экономики были абстрактные объективные законы, призванные управлять производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ. Такая постановка вопроса выводила “за скобки” изучение экономического поведения людей — производителей и потребителей, а также создаваемых ими организаций — коммерческих и некоммерческих. Между тем это поведение определяется не столько материально-техническими факторами, сколько состоянием главной производительной силы общества, а это состояние — не только общей и профессиональной подготовкой, но прежде всего социально-психологическим климатом в обществе, т. е. ценностными ориентациями людей, их нравственностью, верой в право-порядок, стилем работы и управлением.

В административно-командной системе образ мышления и действий навязывался людям извне, воспитывался официальной идеологией и пропагандой. Величайшей ошибкой российских реформ 90-х годов стало упование на то, что “невидимая рука” рынка сама расставит все по своим местам, что раздача миллионам людей ваучеров сделает их высоконравственными и рачительными хозяевами по зарубежным образцам. На самом деле произошло невиданное падение общественной нравственности, трудовой морали, этики бизнеса. По данным опроса, проведенного Институтом социологии РАН в 1996 году, почти каждый четвертый преуспевающий молодой предприниматель имеет уголовное прошлое, каждый четвертый, занявшись бизнесом, становится связанным с криминальным миром. По данным МВД, до 40 % всех доходов в России получает теневой бизнес, которые не платит налогов, переводит валюту за рубеж и организует массовый подкуп государственных чиновников и правоохранительных органов. Криминальному миру принадлежит более 40 тысяч фирм, более 70 % проверенных в 1996 году налоговой инспекцией коммерческих банков и финансово-кредитных учреждений, которые нарушают закон, а в ряде случаев выступают как прямые пособники криминальных структур. Директор Федеральной службы налоговой полиции России С. Алмазов отметил, что масштабы экономической преступности выходят за тот критический уровень, когда угроза безопасности государству становится суровой реальностью. Все это относится не только к России, но и к большинству стран СНГ.

В докладе рассматриваются три основных направления воссоздания на территории Евразии нормальной экономической нравственности, без чего невозможно привлечение в реальное производство ни отечественных, ни тем более иностранных инвестиций и высоких технологий.

Первая из них связана с формированием правовой экономики, где действуют все необходимые для ее развития законы (в России приняты лишь 1/4 из них), причем законы эти — прямого действия (не требующие подзаконных нормативных актов), не противоречащие друг другу (для этого необходима квалификация) и, главное, имеющие надежный механизм исполнения.

Современное российское государство удивительным образом сочетает бессилие, передав свои функции мафии, и всевластие, сохранив от прошлого массу ненужных ограничений и регламентаций. При низкой зарплате большинства граждан цены на многие товары уже превосходят мировой уровень, ибо включают невиданную за рубежом плату за риск и страх.

Вторая задача — обеспечить переход собственности в руки тех, кто сможет владеть ею наиболее эффективно, используя механизм банкротства, ответственности за задержку зарплаты и других платежей, нецелевое использование амортизационных и других фондов, принудительную вторичную эмиссию акций и включение в состав законопослушных и рентабельных корпораций.

Большое значение имеет формирование особого евразийского стиля менеджмента, учитывающего многовековые традиции и социально-психологические особенности народов СНГ. Успехи Японии и других стран Азии, куда в XXI веке перемещается центр мировой экономики, во многом объясняются тем, что они не копировали чужие образцы, а создали свою трудовую мораль и этику бизнеса. Большой научный интерес представляет изучение традиций старообрядцев, к которым принадлежали наиболее известные предприниматели России XVIII—XIX веков, а также исламского бизнеса.

На наш взгляд, можно выделить ряд различий между западным (преимущественно протестантским) и евразийским (православным и мусульманским) отношением к хозяйственной

деятельности. Для протестанта размер дохода — показатель трудолюбия, разумного поведения, заботы о семье, т. е. нравственности человека и показатель его места и веса в обществе. В России же всегда считали, что “не в деньгах счастье”, поскольку “от трудов праведных не наживешь палат каменных”, а “не обманешь — не продашь”. На Западе индивид — суверенен, в значительной степени свободен в выборе модели поведения в соответствии со своими интересами (на этом основана господствующая в западной экономической литературе теория рациональных ожиданий), его особость и непохожесть на других (в рамках закона) всячески приветствуется.

В Евразии же человек всегда рассматривался прежде всего как член семьи, рода, общины, коллектива, гражданин государства, которые не должен “высовываться”, иначе столкнется не только с неприязнью, но и с прямым противодействием. Западный, а ныне и японский стиль мышления предполагает постоянное сопоставление затрат и результатов, личной выгоды и потраченного времени (“время—деньги”), постоянную бережливость (на этом базируется теория предельной полезности), возмездность отношений с другими людьми (“гамбургский счет”). Народы Евразии никогда не отличались особой законопослушностью, стремились к равенству (пусть в бедности), известны своей терпеливостью (“бог терпел и нам велел”, “все в воле Аллаха”), которая, однако, быстро могла перерасти в бунт “бессмысленный и беспощадный”.

Попытки переделать эту нравственность “любыми средствами, вплоть до расстрела”, преобразовать старый “человеческий материал” в коммунистический (Н. И. Бухарин) ни к чему не привели и не могли привести. Здесь нужна длительная и кропотливая совместная работа государства, науки, общественных и религиозных организаций, профсоюзов и ассоциаций бизнеса.

Э. Н. ФЕТИСОВ,

президент Международного института психологии, социологии и экономики труда, заведующий кафедрой экономической социологии Московского института повышения квалификации Госкомстата Российской Федерации, доктор философских наук, профессор

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА?

В последние 200 лет вся история российского государства самым тесным образом была связана с процессом становления и развития российского предпринимательства. Пожалуй, невозможно вспомнить ни одного события в России, которое не испытало бы на себе влияния предпринимателей. Это относится не только к промышленному производству, освоению новых земель, поискам и добыче ископаемых, транспорту, связи, но и к науке, образованию, культуре, искусству... Нигде, ни в каких сферах российской жизни не обошлось без самого непосредственного участия русских купцов, фабрикантов, коммерсантов и промышленников.

Но, оглядываясь на исторический путь предпринимательства в России, невольно задаешь себе вопрос о перспективах его развития в сложнейший период реформирования различных сторон жизнедеятельности общества в непростые 90-е годы XX столетия. Этот вопрос не случаен. Как ни парадоксально это звучит, но и сами предприниматели, и те, кто исследует проблемы развития предпринимательства (социологи и юристы, психологи и экономисты), отвечая на этот вопрос, зачастую отмечают, что современные российские предприниматели являются... одной из самых незащищенных групп населения. Увы, как раз те, без кого успех политических, социальных и экономических реформ невозможен, являются жертвами современных реалий.

Каковы наиболее острые проблемы, сдерживающие поступательное развитие предпринимательства в современной России? Ответ на эти вопросы можно найти в материалах исследований Международного института психологии, социологии и экономики труда: в телефонных опросах населения России, Белоруссии, Узбекистана, Украины “Отношение населения к предпринимательской деятельности” (1992—1995 гг.), в экспертных опросах “Предпринимательство и государственная политика” (1993—1994 гг.), Российском опросе (29 регионов) предпринимателей по актуальным

проблемам развития предпринимательства (1993—1995 гг.) и по отношению к реформам в 9 регионах России (март, ноябрь 1995 г.).

Особую озабоченность у наших респондентов вызывали отсутствие правового обеспечения (защиты) предпринимательской деятельности, о чем свидетельствуют заказные убийства, произвол чиновников, государственный рэкет через налогообложение. Ни одна страна мира не может “похвастаться” таким обилием всевозможных налогов и пошлин, которыми обкладывается любая, даже благотворительная, деятельность. По мнению предпринимателей, именно из-за этого постоянно сокращается или изменяет профиль деятельности значительное количество научно-внедренческих фирм, культурно-просветительских, полиграфических объединений.

Не способствует успешному развитию предпринимательства и наличие “черной информации”, которая образуется за счет управляемой и оплачиваемой “утечки” ее из одного из звеньев простейшей цепи: предприниматель (руководитель организации с той или иной формой собственности) — банк — налоговая служба — силовые структуры — поставщик — потребитель независимо от формы собственности. В каждом из звеньев может появиться не только посредник, но и его “ненадежный компаньон”, что довольно часто отмечается нашими зарубежными партнерами, хотя им зачастую невдомек, что ненадежность “в деле” наших соотечественников сплошь и рядом предопределяется “объективными”, независимыми от них причинами. А ими могут быть: разрыв традиционных производственно-хозяйственных, национально-культурных и товарно-денежных отношений с ближним зарубежьем, с суверенными субъектами Российской Федерации, появление новых налогов, взаимные неплатежи и т. д. и т. п. Для предпринимателей, занятых теми или иными видами промышленного производства, серьезными препятствиями становятся: отсутствие базовых инвестиций, разнообразные таможенные “рогатки” (от больших таможенных пошлин до высокой “профессиональной жадности” чиновников разрешающих властных структур), огромные непрогнозируемые цены структур-монополистов (связь, энергоносители, транспорт). Именно поэтому становится невыгодным производить для внутреннего рынка, разрабатывать и внедрять новые высокие технологии, тут же перекупаемые “добрыми” зарубежными компаньонами, новые эффективные и эффективные виды продукции.

Все названные причины, так или иначе тормозящие развитие российского предпринимательства и успешный его выход на мировой рынок, во многом определяют и направления разного рода инвестиций на внутреннем рынке России. Так, наши исследования последних четырех лет показывают, что наибольшие шансы в этом направлении имеют те “сферы деятельности”, которые позволяют получить самый быстрый и объемный доход. По мнению экспертов, в качестве которых выступали предприниматели и ученые, предпочтения для вливаний по убывающей степени “выстроятся” следующим образом: торговля (и в первую очередь продуктами питания), финансово-кредитная (банковская) деятельность, строительство (индивидуальная застройка, коттеджи и т. п.), информационное обслуживание (включая рекламу и маркетинг), шоу-бизнес с привлечением иностранного капитала, бизнес разного рода интимных услуг, транспортировка грузов и пассажиров, медицинское обслуживание (включая “нетрадиционную” медицину), коммерческое обучение по наиболее “престижным” на сегодняшний день специальностям (юристы, экономисты, бухгалтеры, социологи и т. д.). Промышленное производство находится, увы, на последнем месте. Конечно, с учетом традиций, характерных черт того или иного региона возможны подвижки названных сфер-предпочтений, но общая тенденция, к сожалению, такова: предпринимательство в сфере промышленного производства стало невыгодным.

И все-таки российское предпринимательство развивается на своей внутренней основе, с учетом своих исторических ошибок, но с великой верой в славное будущее России. И, на мой взгляд, многократно был прав Савва Тимофеевич Морозов, который еще 100 лет назад, при открытии Всемирной нижегородской ярмарки, говорил: “... Богато наделенной русской земле и щедро одаренному русскому народу не пристало быть данниками чужой казны и чужого народа... Россия, благодаря своим естественным богатствам, благодаря исключительной сметливости своего населения, благодаря выносливости своего рабочего, может и должна быть одной из первых по промышленности стран Европы”. Чтобы пророчество Саввы Морозова сбылось, необходимо выполнение ряда условий, важнейшими из которых могли бы стать: жесткий государственный протекционизм российскому предпринимательству в системе налогообложения, таможенных пошлин, в государственных и банковских гарантиях, в государственных инвестициях; эффективное

функционирование предпринимательских организационных объединений типа Российского союза промышленников и предпринимателей; развитие предпринимательской деятельности в рамках общественных объединений типа “Солдаты Отечества”, ассоциации “Согласие и содействие”.

В последнее время сами предприниматели перестали надеяться на “русское авось”, на слепую удачу, а стали учиться, учить своих детей, учить своих работников в самых различных образовательных структурах, включая и организованные ими Российскую академию предпринимательства, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии и целый ряд других. Таким образом, можно утверждать, что российское предпринимательство живо и будет жить во благо России.

А. В. БУЗГАЛИН,

президент Международной ассоциации “Ученые за демократию и социализм”, заведующий лабораторией производственного самоуправления экономического факультета, заместитель заведующего кафедрой политической экономии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА: ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Одной из ключевых проблем экономической теории на рубеже XXI в. становится поиск альтернативы двум “идолам” XX в. Один из них имеет праволиберальные концепции и утверждает якобы наступивший в конце XX века “конец истории” с торжеством “свободного рынка”, индивидуализма и парламентаризма (в ряде случаев последний может подменяться пиночетовской диктатурой). Второй “идол” — “реальный социализм” во всем многообразии его конкретных воплощений: от сталинизма в СССР до титоизма в Югославии.

Какой может быть альтернатива обоим этим “идолам”? Отметим лишь некоторые отправные точки:

1. Рубеж XX и XXI столетий — это период качественных изменений в характере отношений человека и природы. Последняя постепенно превращается из фактора производства в самостоятельную ценность. Переход к равноправному диалогу с природой и неутилитарное к ней отношение (а не просто штрафы за загрязнение окружающей среды, приводящие к экспорту грязных технологий в развивающиеся страны), составляют показатель нового качества экономического роста. Эти тезисы теоретиков “ноосферы”, ученых Римского клуба и их многочисленных коллег из других научных школ требуют своего дальнейшего развития в единстве со всеми компонентами качественных изменений, на пороге которых стоит человечество.

2. Мы являемся свидетелями становления человека нового качества, его деятельности и его общественных отношений. Развитие творческого содержания труда и превращение креативных способностей личности в один из ключевых факторов прогресса требуют качественных изменений в содержании самой социально-экономической жизни: преодоления отчуждения человека от труда, общества, социального творчества (а следовательно, собственности, управления и т. д.); изменения ценностей и мотиваций деятельности; создания объективных предпосылок снятия овещнения и бюрократической институционализации человеческих отношений. Все это — слагаемые альтернативы бюрократизму и либерализму, поисками которых заняты современный марксизм, экзистенциализм и многие другие течения общественной мысли.

3. О качественных изменениях социально-экономической жизни свидетельствуют и структурные сдвиги глобального характера. Доминантой общественного производства на рубеже XXI в. все более становится “производство” культуры, творческого человека, а не вещей, что приводит к противоречию как с общей атмосферой отчуждения, царящей в мире, так и с углубляющимися диспропорциями между развитым “севером”, концентрирующим все большую долю научного и культурного потенциала человечества, и отстающим “югом”, превращающимся в экологическую свалку Земли.

Наконец, нельзя забывать о том, что рождение нового качества социально-экономической жизни уже давно перешло из сферы чистой теории в область практических поисков. Распад иррациональных форм социализации экономической и иных сфер жизни человечества (так называемого "социалистического лагеря") отнюдь не означает прекращения движения человечества по этому направлению. Коллективные предприятия и активная роль общественных организаций (профсоюзных, потребительских и т. п.) в регулировании социально-экономической жизни, возрастающая роль некоммерческих организаций и массовых демократических движений в решении глобальных проблем человечества, ростки самоуправления на производстве и в регионах, активная политическая борьба за демократию, социализацию и гуманизацию общества — все это свидетельствует о практическом поиске человечеством "третьего пути".

В. Н. ИВАНОВА,

директор Института региональной экономики и управления экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель директора программы Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации по подготовке государственных служащих, главный ученый секретарь Российской академии туризма, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Актуальность исследования проблем местного самоуправления обусловлена, во-первых, потребностью общества в улучшении условий жизнедеятельности населения, в том числе путем его самоорганизации и самоуправления, и, во-вторых, необходимостью преодоления экономического кризиса как за счет государственных ресурсов, так и за счет привлечения средств населения. В этих условиях, а также в связи с выполнением Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" возникла задача реализации на практике принципов местного самоуправления в переходный период становления рыночного механизма хозяйствования. Особая актуальность данных проблем связана еще и с тем, что каждый субъект федерации должен разработать и принять соответствующий закон о местном самоуправлении в пределах своей территории. На наш взгляд, адаптированная к условиям переходной экономики концепция построения системы местного самоуправления в Российской Федерации должна включать, прежде всего, взаимодействие методов, механизмов и технологии регулирования социально-экономического развития территорий, а также организационных инноваций при построении структуры представительных и исполнительных органов местного самоуправления.

Данная концепция может быть охарактеризована следующими элементами, которые автор сгруппировал в определенные блоки.

Первый блок включает разработку теоретических положений и методологических подходов к раскрытию сущности категории "местное самоуправление".

Содержание социально-экономической категории "местное самоуправление" может быть охарактеризовано прежде всего тем, что это территориальная форма проявления производственных отношений, включающая в качестве основного ядра муниципальную собственность и отражающая целенаправленные управленческие функции поселенческого коллектива — субъекта самоуправления по реализации его социально-экономических интересов в качестве субъекта собственности и по обеспечению жизнедеятельности населения. На той территории, где возможно создание минимально необходимых условий для существования и воспроизводства населения, может быть введено и организовано местное самоуправление.

Второй блок концепции предполагает обоснование методологии регулирования социально-экономического развития в системе местного самоуправления. В ее основу может быть положено исследование динамики движения натурально-вещественной (потребительно-стоимостной) струк-

туры необходимого продукта, представленной отраслями и объектами социально-бытовой инфраструктуры, а также другими сферами жизнеобеспечения населения, связанными с повышением качества жизни, уровень которой дифференцируется в зависимости от социальной структуры общества.

Методологические основы местного самоуправления включают определения следующих основных элементов:

- системы целей местного самоуправления с позиций воспроизводства нормальных условий жизнедеятельности населения, разграничения функций между государством и органами местного самоуправления;

- методов самоуправления, базирующихся на планово-программном стратегическом регулировании и эффективной финансовой политике;

- организационных структур, обеспечивающих учет общественного мнения и привлечение населения к решению социально-экономических проблем развития территории.

Третий блок характеризует методы регулирования социально-экономического развития в системе местного самоуправления.

Методы и технология регулирования социально-экономического развития населения должны рассматриваться во взаимосвязи с технико-экономическим развитием хозяйствующих субъектов территорий местного самоуправления. Они включают прямые методы на основе составления целевой комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования и программы развития микрорайона в составе программы развития района, методы, обеспечивающие условия реализации целевой программы и связанные с внедрением передовых технологий на предприятиях градообразующего фактора района, а также соответствующие косвенные методы. Последние должны обеспечивать определение и поступление объемов финансовых ресурсов, которые необходимо концентрировать в первичном звене местного самоуправления. В частности, для этого автор предлагает ввести многоступенчатую шкалу экономических нормативов, которые позволят определить величину налогов, выплачиваемых предприятиями и направляемых в различные виды бюджетов, например, объема от налога на прибыль предприятий, оставляемую в местном бюджете.

В основу расчета первой (нижней) ступени указанных экономических нормативов предложено положить социальные нормативы — ориентиры обеспечения условий жизнедеятельности населения района, а также нормативы развития отраслей социально-бытовой инфраструктуры, заданные целевой программой развития административно-территориального района.

Названные нормативы могут служить основой реализации главных условий финансового обеспечения местного самоуправления за счет концентрации в районном бюджете необходимого объема средств.

Данный механизм должен также включать способы воздействия на технико-экономическое развитие хозяйствующих субъектов, направленные на ускорение инновационных процессов, поскольку последние выступают условием обеспечения занятости населения, а также стабильного функционирования отраслей социально-бытовой инфраструктуры, регулярного поступления средств в районный бюджет и формирования внебюджетных фондов. Среди них могут рассматриваться следующие:

- льготное налогообложение прибыли предприятий, реализующих в районе инновационные проекты;

- механизм гарантированной возвратности средств населения и средств иных вкладчиков, аккумулируемых с целью внедрения инновационных проектов и технологий;

- способы концентрации средств на строительство объектов передовых технологий, а также социально-культурной сферы за счет выполнения функций заказчика и путем стимулирования выпуска ценных бумаг частными эмитентами с целью финансирования инновационных проектов.

В качестве конкретного инструментария внедрения новых информационных технологий в первичном звене местного самоуправления следует разрабатывать автоматизированную информационную систему района, базирующуюся на варианном расчете прогнозов и программ социально-экономического развития территорий, осуществляемом в Управлении социально-экономического развития исполнительных органов местного самоуправления.

Четвертый блок концепции местного самоуправления в Российской Федерации включает обоснование методов организационного построения системы местного самоуправления. Здесь целесообразно разрабатывать организационные решения и организационные структуры для создания системы местного самоуправления в первичном звене на основе применения программно-целевых

технологий организационного проектирования, позволяющих обеспечить децентрализацию и сохранить целостность организации. На уровне первичного звена местного самоуправления должен быть создан координационный механизм, определяющий взаимодействие между микрорайонами или населенными пунктами, входящими в муниципальное образование, в рамках которого организуется общественное самоуправление.

Рассмотренная концепция позволяет реализовать комплексный системный подход к организации местного самоуправления, учитывая региональную специфику переходного периода российской экономики и включая в себя ряд теоретических, методологических и методических разработок, образующих, в основном, научную базу регулирования социально-экономического развития в системе местного самоуправления.

И. П. ЛЕЙБЕРОВ,

лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный деятель науки республики Абхазии, действительный член Международной академии информатизации и Нью-Йоркской академии наук, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

В настоящее время — время крушения иллюзий, традиций и пересмотра устоявшихся взглядов — Россию и российский менталитет нередко справедливо упрекают в мессианских тенденциях. Но ведь, действительно, невольное чувство гордости за свою страну и свой народ охватывает россиянина, когда он, окидывая мысленным взором историю своего Отечества, видит, что его народ, находясь в тисках глубокой социально-экономической отсталости, создал культуру всемирно-исторического значения, бессмертными шедеврами которой до сих пор питается духовная жизнь человечества. Выяснение причин этого феномена является одной из актуальных задач нашей исторической науки.

Отвергая известный ленинский тезис о двух культурах в одной национальной культуре как явно догматический, пропитанный пресловутым принципом классовой борьбы, мы, тем не менее, не можем не видеть, что культура старой России неоднородна и по социальным истокам, и по уровню своих достижений. Всестороннее исследование этих культурных пластов и истоков — благородная, хотя и трудная задача нашей науки.

Очевидно, мы должны до конца отрешиться от вульгарно-социологических негативных оценок таких факторов, повлиявших на отечественную культуру, как императорский двор, российская аристократия и, в особенности, российские купечество и буржуазия. Думается, что именно они во многом определили собой ту атмосферу расцвета художественной и интеллектуальной культуры, так характерной для России второй половины XIX — начала XX века. Именно в этой среде развивается такое отличительное явление русской культурной жизни, как меценатство, в котором опосредованно проявились связи между капиталистическим рынком и культурой. Традиция российского аристократического и, особенно, буржуазного предпринимательского меценатства, зачеркнутые большевизмом, нуждаются в обновлении и возрождении в наше время.

Но связи рынка и культуры были гораздо более сложными и многообразными. Его непосредственное влияние стимулировало развитие так называемой коммерческой культуры и ее разновидностей. В этих условиях культура высоких художественных и научных достижений неизбежно обретала элитарный характер. Ее взаимодействие, взаимовлияние, связь с народной, фольклорной основой, переплетение с массовой культурой — проблема, также нуждающаяся в дополнительных исследованиях.

Всегда ли рынок безусловно вреден для развития культуры? Известно высказывание П. И. Чайковского о возможности работы творческого человека, художника не только “по вдохновению”, но и на заказ, на потребу “рынка”. Вероятно, это одна из норм творческой, художественной жизни. Вот здесь как раз крайне важно проследить взаимодействие этих двух пластов культуры — массовой и элитарной. Не впадая в безоглядный оптимизм, можно с некоторой долей уверенности

предсказать, что однозначный ответ в пользу одной из них был бы несколько опрометчивым. Поэтому заранее согласиться с известными высказываниями, что рынок “убивает” культуру, что он якобы полностью с нею несовместим, было бы преждевременным.

Попытке нащупать пути этих взаимодействий, определить возможности наименее болезненного симбиоза этих двух трудно сочетаемых явлений — рынка и культуры — и посвящены, как нам представляется, настоящие заметки.

Хотелось бы коснуться еще одной проблемы. В нашей исторической науке под влиянием ленинских высказываний сложилась теория так называемой “культурной революции”. Думается, что давно пора внимательно присмотреться к этой теории и оценить ее с точки зрения современных реалий. Не будет серьезной ошибкой заявить, что культурная революция, как ее представлял В. И. Ленин, в нашей истории не состоялась.

Как известно, основными аспектами ленинской концепции культурной революции были ликвидация безграмотности, развитие системы образования и освоение культурного наследия. Из этого удалось решить в целом только первую задачу. В отдельных регионах (Узбекистан, Кыргызстан) еще имеются немногочисленные контингенты людей, не способных написать свою фамилию. Несмотря на отдельные успехи, советская система образования к настоящему времени находится в глубоком кризисе. Нам представляется, что одной из причин этого кризиса был принятый в 1956 году закон о всеобщем обязательном среднем образовании. В условиях унифицированной безальтернативности образования он в конечном счете привел к резкому понижению качества подготовки выпускников средней школы.

То же падение качества подготовки мы наблюдаем и в высшей школе — та же погоня за количеством в ущерб качеству из-за массового насаждения вузов низкого уровня, особенно в национальных республиках. Достаточно вспомнить кампанию 1960—70-х годов по “преобразованию” многих провинциальных пединститутов в университеты. Это привело лишь к дальнейшей девальвации и вузовского, в частности университетского, диплома, и, учитывая коррумпированность некоторых национально-региональных вузовских структур (известно, что в некоторых республиках существуют “твердые” тарифы на поступление в вуз, на сдачу экзаменов и т. п.), к дальнейшему снижению как престижа высшего образования, так и его качества. Недаром на Западе многие наши дипломы не признаются.

Ну, а что касается освоения культурного наследия — третьей задачи в ленинской концепции, то в 1920—50-е годы, да и позднее, имело место, как известно, разрушение культурного, религиозно-нравственного наследия как русского, так и ряда малых народов, разрушение массовое, тотальное, “до основания”. Страна, торговавшая по дешевке своим национальным культурным богатством, распродававшая частично Эрмитаж, Русский музей, не может называться культурной. Страна, воспитавшая миллионы своих граждан в духе классового антикультурного нигилизма; страна, сознательно разрушающая свои памятники (В. И. Ленину, российским революционерам), что имеет место и сегодня в СНГ, не может считаться культурной. Здесь о “культурной революции” можно говорить только в китайском, маоистском смысле.

Разрушительно сказываются на советской и российской культуре межнациональные распри, склоки и особенно войны. В последнее время это со всей очевидной силой проявилось в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдавии, в ряде среднеазиатских независимых государств. В огне политических и межнациональных военных конфликтов гибли не только сотни людей, но и дотла сгорали и разрушались театры, музеи, библиотеки, клубы, кинотеатры. Гибла и гибнет общечеловеческая культура.

Приведем еще один пример. Автор этого сообщения более двух десятилетий занимается историко-революционным и культурным кавказоведением. На базе цебельдинского поиска (см. книгу: Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М., 1980) в ноябре 1987 года в древнеабхазском селе Цебельда был создан историко-революционный и культурный музей-мемориал “Ясочка” с уникальными коллекциями книг, газет, документов, фотографий, картин. В экспозиции музея были представлены 6 тысяч писем семейства Вороновых, собранные за полтора века, мебель, одежда и т. п. И ровно через полтора года, в июле 1989 года, музей “Ясочка” был разгромлен пятеркой боевиков из села Мерхеули (это село — родина зловещего Л. Берии). Погромщики мотивировали свои действия тем, что “Ясочка” — это памятник “русской интервенции и оккупации”. Но сами жители Цебельды отстояли и восстановили музей как выдающийся очаг абхазо-грузино-русской дружбы, культуры и межнациональных связей.

Думается, что наследие большевизма в области культуры изжито в настоящее время далеко не полностью. Поможет ли рынок в решении этой задачи? Трудно сказать. Но то, что некоторые

области культурной сферы должны пользоваться государственной финансовой поддержкой, бесспорно. Однако следует иметь в виду, что государство, дотируя эти сферы, одновременно может претендовать на идеологическое если не руководство, то влияние в них. Согласитесь, что нам, пережившим длительный период некомпетентного руководства культурой со стороны партноменклатурных инстанций, это совсем не улыбается. И здесь роль рынка может быть не столь разрушительно негативна, как это может кому-нибудь вначале показаться.

Словом, проблем немало, их следует изучать и принимать действенные меры.

Д. В. СОКОЛОВ,

заведующий кафедрой экономической кибернетики Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, действительный член Международной академии высшей школы, Международной академии информатизации, доктор экономических наук, профессор

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО РЫНКА

Процесс экономических и политических реформ, происходящий в нашей стране, привел к необходимости существенных изменений в деятельности хозяйственных образований.

Меняются прежние организационные структуры, меняются интересы, а с ними и механизмы поведения, методы принятия решений. Происходящие изменения оказались настолько серьезными, что далеко не все хозяйственные образования смогли выбрать верный путь, направление развития, адекватное общественной динамике.

Условия переходного периода к рыночной экономике требуют повышенного внимания к управлению инновационной деятельностью, которая является эффективным источником развития во всех сферах деятельности.

Развитие инновационной деятельности является наиболее прогрессивной формой предпринимательства в рыночных отношениях. Рынок создает реальные возможности для развития научно-технического прогресса.

Конкретным отличием инновационной деятельности в условиях рынка является ориентация не на возможности производителя, а на запросы потребителя. В общем случае социально ориентированный рынок можно рассматривать как сферу реализации общественного продукта, базирующегося на определенных взаимоотношениях производителя и потребителя, целью которой должно быть максимальное удовлетворение потребностей общества.

Инновационные процессы не обладают автоматизмом действия даже в условиях рыночных отношений. Они нуждаются как в макрорегулировании (на уровне государства), так и в микрорегулировании (на уровне отдельного хозяйственного образования). Это тем более важно, что в настоящее время сложились не очень благоприятные условия и тенденции в области управления инновационной деятельностью.

Хозяйственная деятельность любых предпринимательских структур, имеющая своей конечной целью увеличение прибыли, должна быть подчинена определенному плану или стратегии. Важной частью общей стратегии здесь является инновационная стратегия, позволяющая выработать адекватное внешним изменениям направление деятельности предпринимательских структур.

Основой для разработки инновационной политики организаций, в том числе и организаций социально-культурной сферы, служит концепция нововведений, разрабатываемая как зарубежной, так и отечественной наукой.

Проблемы формирования инновационной политики достаточно широко освещены в научной литературе. Вместе с тем анализ этих публикаций позволяет сделать вывод, что в настоящее время недостаточно разработана теоретическая и особенно методическая база процессов формирования и управления инновационной стратегией хозяйственных образований в условиях складывающихся рыночных отношений. Это находит выражение в допущении определенного субъективизма в разно-

образии подходов к определению понятия “нововведение”, к формированию процедуры разработки стратегии, к постановке и решению задач инновационной политики.

Анализ отечественного и зарубежного опыта позволил выделить в качестве основного направления в реализации механизма управления нововведениями формирование инновационной стратегии предприятия, которая задает цели инновационной деятельности, выбор средств их достижения и источников получения этих средств. Инновационная стратегия является функцией технологических возможностей (внешних и внутренних) рыночных целей, а также конкурентных позиций организации.

Первая переменная функции задается внутренними параметрами — накопленным организацией научно-техническим потенциалом (“ноу-хау”, портфель патентов, кадровые ресурсы и т. п.), и внешними — доступностью лицензий, отношениями с исследовательскими организациями, клиентами, поставщиками и т. п.

Вторая переменная функции инновационной стратегии — конкурентная позиция фирмы — имеет определяющее значение в рыночных условиях. Ключевым элементом инновационной политики выступает выбор нововведений, обеспечивающих достижение рыночных целей, а также конкурентных позиций организации.

Изучение специфических условий реализации процесса нововведений, связанных со сложностью разработки и оценки положения данного продукта (услуги) на рынке, ростом затрат ресурсов и времени на осуществление нововведения, высоким уровнем риска, вызванного неопределенностью экономической ситуации на рынке, поставило проблему выбора наилучшего варианта проекта нововведения.

Для построения соответствующей методической базы такого рода оценок предлагается совокупность социологических факторов, факторов делового риска, спроса, признания на рынке и конкуренции, влияющих на инновационный процесс в целом и в конечном итоге определяющих потенциальную эффективность тех или иных нововведений.

В. А. ПЕТРИЦКИЙ.

заведующий кафедрой культурологии, социологии и политологии Санкт-Петербургской лесотехнической академии, иностранный почетный член Французской и Польской швейцеровской ассоциаций, доктор философских наук, профессор

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На первый взгляд, с точки зрения обыденного сознания, нравственность и рынок — явления несовместимые и несовместимые. В таком сознании прочно утвердилась аксиома “Не обманешь — не продашь”. Но ее рождение и бытование отражают специфику нецивилизованных рыночных отношений и, к сожалению, вновь повторяющегося в отечественной истории периода первоначального накопления капитала — накопления любыми способами, входящими в противоречие не только с моральными, но и с правовыми нормами. Однако даже в этом фактически перевернутом с ног на голову мирке полукриминального или откровенно криминального бизнеса сложилась, как это ни парадоксально, своя “этика”, что дает основание ставить вопрос либо о ее отрицании в обозримом будущем деловой этикой, принятой в цивилизованном мире, либо о постепенной ее эволюции, которая может быть обусловлена изменениями в самой экономике.

Робкие ростки рыночных отношений, опирающихся на нормы права и нравственности, пробиваются сегодня в российском бизнесе и, доказывая свою жизнеспособность, теснят “этику” черного бизнеса. Этот весьма важный для будущего нашей экономики процесс находит опору, с одной стороны, в лучших традициях отечественного торгово-промышленного капитала, когда честное слово партнера ценилось выше соответствующего финансового залога; с другой — в практике современных деловых отношений с солидными западными фирмами. Оказывается, что в перспективе экономически более выгодны честность и порядочность, взаимодоверие и взаимответственность.

Большой или малый бизнес в цивилизованной рыночной экономике не может не иметь определенных нравственных оснований, которые являются элементом морали данного общества и в качестве такового органично входят в систему нравственных отношений этого общества. Следует хотя бы в самых общих чертах вскрыть непростую диалектику взаимосвязи и противостояния делового и нравственного начал в экономическом поведении. Если предприниматель всерьез и надолго стремится поставить свое дело, постоянно расширять и укреплять его, с тем чтобы передать затем наследникам, он должен быть заинтересован в репутации своего предприятия, своей фирмы.

Но в содержание экономического понятия “репутация фирмы” входят такие его нравственные аспекты, как доброе имя, честь не только фирмы, но и ее владельца. Иначе говоря, интересы дела, получение прибыли и интересы привлечения инвесторов и потребителей требуют ориентации на нормы морали, принятые в данном обществе. Нельзя не подчеркнуть также, что нравственный смысл индивидуального экономического поведения выражается в определенном моральном выборе, который является своего рода способом утверждения достоинства личности предпринимателя. Этот выбор определяет, как и во имя чего предприниматель осуществляет те или иные деловые шаги, в какие отношения вступает с партнерами и потребителями.

Открытое общество с цивилизованными рыночными отношениями всегда представляет множество альтернатив, выбор одной из которых может определить успех или неуспех дела. Поэтому, осуществляя тот или иной выбор, предприниматель просчитывает или интуитивно предугадывает возможные экономические последствия; он также обязан предвидеть, какой нравственный резонанс вызовет в обществе выброс на рынок, например, продуктов питания, содержащих вредные для здоровья консерванты, или лекарственных средств, имеющих побочное негативное воздействие на организм человека. (Как тут не вспомнить о миллиардных состояниях, сколачиваемых “новыми русскими” на продаже разнообразной винно-водочной отравы...).

Но коль скоро условия выбора меняются, необходима постоянная коррекция не только экономического поведения, но и его нравственных оснований в направлении, которое оптимально способствовало бы успеху дела. М. Вебер полагал, что подобная постоянная перенастройка социокультурно обусловлена внутренней противоречивостью и динамичностью рациональности. Но сама рациональность, безусловно, выступает как неотъемлемый признак экономического поведения и, определяя движение к достижению цели, не может не считаться не только с правовыми, но и с моральными нормами поведения, принятыми в данном обществе.

Несколько иначе, но в том же ключе рассуждает современный предприниматель Дж. Сорос, который, помимо деловых качеств, обладает даром философа-аналитика. Выбор того или иного рода деятельности, выпуска конкретного вида продукции определяются, по его мнению, не только стремлением к получению максимума прибыли, не только собственными ощущениями или желанием испытать удовольствие от достигнутого успеха. Выбор определяется системой ценностей данного общества, а оно “...не может строиться только на принципе удовольствия. Если бы удовольствие было единственным ориентиром, нельзя было бы накапливать капитал: многие ассоциации и институты, из которых состоит общество, не могли бы сохраниться, а также были бы невозможны многие открытия, художественные и технологические достижения человеческой цивилизации” (Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. М., 1991. С. 93).

Развитие современного человечества все более начинает определяться тенденцией к интеграции во всех сферах социальной жизни — в экономике, политике, культуре. Объединенная Европа — прототип будущего мирового рынка, к созданию которого мировое сообщество подталкивают такие социальные беды, как сепаратизм, воинствующий национализм, а также демографические и экологические кризисные явления. Но на пути к единому мировому рынку стоит препятствие, преодолеть которое невозможно без включения в сферу уже не индивидуального, но общественно-мирового экономического процесса общечеловеческих нравственных оснований и моральных норм. Препятствие это — предпочтение собственных экономических интересов, узконациональное своекорыстие, борьба монополий за сырьевые источники и рынки сбыта. Только политическими и экономическими средствами развязать этот сложный узел противоречий не удастся. И вот здесь-то и должна заявить о себе еще одна глобальная тенденция развития современного человечества — рост социальной и моральной ответственности. Реальное существование и действенность именно этой смысло-жизненной тенденции уже определили важнейшее достижение современности — недопущение третьей мировой войны, которая была бы чревата угрозой гибели цивилизации. Сле-

дующим актом действия этой тенденции должно стать устранение препятствий на пути постепенного формирования единого мирового рынка. Нравственная ответственность каждого жителя нашей планеты, равно как и нравственная ответственность тех, от чьего влияния зависит развитие экономики и политики, — залог плодотворного существования и дальнейшего совершенствования цивилизованных рыночных отношений в третьем тысячелетии Христовой эры.

О. В. РОМАШОВ,

заместитель заведующего кафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений, доктор философских наук, профессор

КРИЗИС НАЕМНОГО ТРУДА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Пять лет назад в социально-трудовой сфере начались радикальные изменения, связанные с демократизацией трудовых отношений и с переходом к рынку труда. Этот "великий перелом" осуществлялся людьми, и их деятельность основывалась на рекомендациях некоторых ученых ("архитекторов реформ") и "специалистов", обладающих определенным уровнем знаний, экономической культуры.

Под экономической культурой личности мы понимаем не только определенный уровень экономического образования (накопленных знаний, сведений, представлений), но и умение применять эти знания на практике с учетом социальных процессов и явлений, происходящих в обществе.

Прошедшие пять лет в условиях острейшего экономического кризиса охарактеризовались ростом конфликтности в отношениях труда и капитала. Острейший кризис состоит в том, что в России стабилизация, о которой постоянно твердят официальная наука и чиновники, не достигнута даже на "половинном" уровне. Продолжаются деиндустриализация, умирание наукоемкого производства, развал сельского хозяйства, падение среднего уровня доходов, что при паразитическом потреблении необуржуазии и "высшего эшелона" новой номенклатуры означает недопотребление, бедность и нищету более 60% населения.

Основной регулятор наемного труда — реальная заработная плата рабочих и служащих — резко упал по сравнению со скудным прожиточным (а фактически физиологическим) минимумом. В 1995 году ее средний уровень составил 1,6 установленной Минтрудом РФ стоимости "потребительской корзины", состоящей из 19 наиболее доступных продуктов питания. Более того, эту урезанную зарплату на предприятиях и в организациях не выплачивают по 2—5 и более месяцев, а в связи с ростом цен и инфляцией не индексируют. В результате работники теряют еще 25—30% трудового дохода. Доля оплаты труда в валовом внутреннем продукте продолжает падать и в настоящее время сократилась до 30%. Для сравнения необходимо отметить, что в развитых капиталистических странах она составляет 60—70%.

В ряде случаев выдаваемое работникам жалование (особенно рабочим) практически утратило связь с эффективностью и производительностью труда и не обеспечивается даже ростом воспроизводства рабочей силы. Все большая часть людей работает на своих хозяев в надежде на будущий расчет, а "зарплату" получает скопившейся на складах и никому не нужной продукцией. Минимум оплаты, установленный и регулируемый государством, не оказывает социальной поддержки даже неквалифицированным и малоимущим работникам. На деле он служит лишь мериллом для удержаний из заработка, штрафов, поборов и платежей. Даже по данным официальной статистики растет число бедных. Для России примечательным становится то, что появились "новые бедные" — это люди работающие, но не зарабатывающие. Рост бедности работающих становится чрезвычайно разрушительным фактором экономики. Размер оплаты труда в образовании и здравоохранении практически не отличается от прожиточного минимума, а в сельском хозяйстве, легкой промышленности и культуре даже ниже его величины. Этим и объясняется рост коллективных выступлений и забастовок.

Просматривается явная тенденция к сокращению акционеров предприятий из числа их работников. Они первыми попадают под массовые увольнения и в ожидании невыплаченной заработной платы вынуждены продавать администрации свои акции, чаще всего за бесценок или

по принудительно установленному курсу. На негосударственных предприятиях вместо системы коллективных и индивидуальных договоров все шире внедряются кабальные контракты, предоставляющие хозяевам неограниченное право увольнений неугодных работников и одновременно ущемляющие возможности их перехода на другую работу по собственной инициативе. Возможности же судебной защиты от произвола в сфере социально-трудовых отношений в результате перегруженности судов превращаются в фикцию. Из-за бессилия судебной системы, попустительства властей нарушениям прав работников трудовые споры, возникающие по экономическим и социальным моментам, все чаще превращаются в политические.

Кризис наемного труда усугубляет плохие условия организации и охраны труда (травматизм остается на стабильно высоком уровне), происходит нерегулируемая трудовая миграция. На "иностранцах рабочих" России не распространяются никакие социальные гарантии, они даже не имеют возможности формальной защиты своих трудовых прав. Именно они становятся главной производительной силой на предприятиях и в отраслях с неблагоприятными и опасными условиями труда, принудительными режимами работы, низкой (порой мизерной) заработной платой, там, где вообще не заботятся о технике безопасности и социально-бытовых условиях своих работников.

Проанализировав даже эти всем очевидные факты социально-трудовых отношений, можно сделать вывод, что со стороны государства (его структур) постепенно теряется контроль за реальной ситуацией в социально-трудовой сфере, деградирует в целом система наемного труда, без которой немислима рыночная экономика. Сам же рынок внедряется без нормального экономического осмысления, чаще всего людьми с невысоким уровнем экономической культуры.

Рыночная экономика немислима без своей социальной направленности. При решении социальных проблем в условиях уже многолетнего реформирования общества допускаются, по крайней мере, три существенные ошибки: во-первых, легко отбираются собственность или сбережения граждан и по воле правительства перераспределяются (это безнравственно и экономически неграмотно, так как граждане должны добровольно финансировать полноценный рынок капиталов); во-вторых, не учитываются реальные возможности хозяйства (жизнь "не по средствам" продолжается); в-третьих, социальная политика осуществляется таким образом, что не оказывает обратного благотворного воздействия на ход преобразований и развитие экономики.

Можно привести весьма показательный пример. Уровень пенсии в России мало зависит или не зависит совсем от трудового вклада человека. Материальная обеспеченность неработающей и работающей части населения практически одинакова. Высококвалифицированный труд чаще всего оплачивается в меньшем размере, чем малоквалифицированный. Для общества это тупиковая ситуация, что должно быть понятно как каждому экономисту, так и обычному функционеру.

Основная причина кризиса российской экономики в настоящее время усматривается, безусловно, не в реформировании как таковом, а в низком уровне экономической культуры самих реформаторов, в принятых способах и моделях проведения реформирования. Примером может служить никем и ничем не регулируемое освобождение цен, в результате которого производители "освободились" от необходимости снижать себестоимость и повышать эффективность производства, так как появилась возможность ограничиться простым удорожанием продукции. Да и правительство "освободило" себя от руководства производством во имя его полной самостоятельности и отхода от командно-административной системы. Наши "рыночники" (экономисты и чиновники) оказались "рыночнее", чем экономисты самых развитых стран, где давно уже в различных формах (неолиберализм, кейнсианство и др.) усиливается регулирующее воздействие государства на деятельность свободных товаропроизводителей всех отраслей экономики.

Данное кризисное положение можно объяснить также и тем, что пока еще остаются нерешенными (да мы к ним особенно и не приблизились, а даже все больше отдаляемся) три фундаментальные задачи, в которых и заключается весь смысл проводимых реформ.

Во-первых, остановить кризис наемного труда, который в результате наличия многообразных форм собственности удалось создать.

Во-вторых, сделать экономику привлекательной, открытой для частной инициативы и творчества, когда добросовестный труд обеспечивает людям достойную жизнь.

В-третьих, найти свою четкую определенную нишу для интеграции в мировое хозяйство.

Решить эти и многие другие российские проблемы можно только за счет оживления деятельности экономики, ибо причины кризиса и пути выхода из него следует искать и находить, прежде всего, в сфере производства. В настоящее же время Россия пока держится "на плаву" за счет продажи в качестве сырья большого количества полезных ископаемых. Но ведь это "жизнь

за счет будущих поколений". Если Россия хочет быть самостоятельной (а это необходимо ее жителям, как воздух, и это должны понять экономисты и политики), то вся интеграция с зарубежными партнерами должна быть направлена на реконструкцию и развитие таких отраслей промышленности, как машиностроение, электроника и информатика, производство средств связи, транспортного оборудования, нефте- и газодобычи, пищевой, текстильной и других отраслей промышленности. Таким образом, прямые иностранные капиталовложения в экономику России должны способствовать структурным изменениям благодаря повышению конкурентоспособности продукции, производимой на современном оборудовании при передовых методах управления, а также улучшению материально-технического обеспечения предприятий, так как повышение объема капиталовложений — это один из путей оздоровления экономики. Но главное — необходимо стимулировать внутренние капиталовложения. Привлечение же иностранных инвестиций осложняется тем, что по степени риска Россия занимает сейчас второе место в мире после Ирака, поэтому уповать только на иностранную помощь просто бессмысленно.

У России есть позитивные особенности, унаследованные от прошлого, которые могут стимулировать (если их грамотно использовать) развитие производства. Среди них:

- традиционное трудолюбие населения, умение мобилизоваться в нужный момент (особенно, если есть объединяющая идея); навыки прогнозирования и перспективного планирования у руководящих работников, позволяющие быстро овладевать методами стратегического менеджмента, необходимыми для того, чтобы долгосрочные интересы не были принесены в жертву сиюминутным потребностям;

- высокий в целом уровень образования, отличающий Россию от развивающихся стран;

- достаточно высокий удельный вес предприимчивых и инициативных лиц, готовых при благоприятных условиях заниматься бизнесом;

- демографическая ситуация в стране, более близкая по своим характеристикам к развитым странам;

- наличие опыта индустриализации, свидетельствующего о способностях населения объединяться вокруг идеи, открывающей перспективы дальнейшего развития.

Безусловно, богатство России — ее люди, готовые вывести страну из трудностей, но им следует помочь в освоении новых правил поведения в конкретной среде, повысить их экономическую культуру. Общим же условием гарантии решения российских проблем должны быть высокий уровень экономической культуры правящих кругов, готовность их поддерживать не на словах, а на деле курс на социальную направленность развития рыночной экономики, предпринимательства и частной инициативы.

И. Д. АФАНАСЕНКО,

декан факультета коммерции Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, вице-президент Российской академии туризма, доктор экономических наук, профессор

ТУРИЗМ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Оценка роли туризма в жизни российского общества явно занижена. Даже экономическое значение туристской деятельности воспринимается с трудом. Между тем туризм, начало которому положили путешествия, издревле использовался как действенный, а нередко и единственный метод познания жизни других народов. Без него не обходилось ни одно масштабное начинание — шла ли речь о торговле или о вооруженном завоевании.

На Руси такими первооткрывателями по праву считались деловые люди, купцы, вывозящие свои товары в чужие страны. Тверским купцом Афанасием Никитиным первым из европейцев еще в XV веке составлено великолепное описание — "Хождение за три моря". В авторе "Хождения" узнается носитель русских национальных черт: уважительного отношения к другой культуре, нравам и обычаям, отсутствия высокомерного чванства и предвзятости в описании жизни разных народов и характере отдельных личностей. Этому правилу следовали и русские первопроходцы,

оставившие потомкам подробные описания жизни народов Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Аляски.

В современных условиях, когда резко возрос интерес народов друг к другу, упростился обмен научными знаниями и информацией, сближается хозяйственная жизнь людей, освоивших разнообразные ландшафты планеты, а некоторые черты экономического бытия приобрели общемировое значение, туризм как метод познания стал играть еще большую роль.

Полученная таким образом информация по своему значению едва ли уступает экономической выгоде от туристской деятельности. Более того, хотя это и может показаться странным, провал нынешних преобразований, социальная нестабильность во многом обязаны слабому развитию российского туризма: у огромного большинства россиян наблюдается самое поверхностное представление о западном мире — его культуре, нравственных ценностях, экономике, образе жизни и мышления. Поражают невежество реформаторов в вопросах этнической истории, непонимание менталитета, закономерностей развития нашего многонационального сообщества. Они оказались неспособными предвидеть, что ценности западного мира могут быть неправильно восприняты россиянами, что рыночные силы вместо возбуждения экономической активности населения и созидания станут действовать как разрушающая стихия. В итоге, по данным Евробарометра (март 1996 г.) — самого массового в Европе опроса общественного мнения, только 25% граждан СНГ признают рыночную экономику полезной для своей страны, в то время как 59% считают ее вредной.

Я сказал бы так: как метод познания менталитета и образа жизни разных народов, способный оказать помощь в выработке условий ускорения процесса консолидации общества, на первое место по значению претендует внутренний туризм. В этом специфика российского туризма в данных конкретных условиях.

Здесь следует сделать оговорку. Форма, в которой ныне осуществляется туризм, делает его неспособным выполнять функцию научного познания. В лучшем случае туристы могут посетить местный исторический музей, где им расскажут о нравах и обычаях “старины глубокой”. Памятники старины мертвы, если отсутствуют этнические традиции.

Этническая история России представлена не на уровне “ряженных” индейцев или австралийских аборигенов, предки которых были изгнаны с занимаемых ими территорий (кормящих ландшафтов) и деградировали. Она наполнена жизнью народов на земле предков, сохранивших свои традиции и культуру, поэтому изучать ее нужно на материале полноценной жизни людей.

Этническая история России — явление уникальное, единственное в своем роде. Наблюдательный исследователь может найти в ней ответы на, казалось бы, вовсе не разрешимые проблемы. Она состоит из событий этногенеза двух суперэтнотосов — Славянского (просуществовал по XV в.) и Российского, начало которому положил пассионарный толчок 1200 года.

Российский суперэтнотос очень скоро стал пополняться новыми этносами, сложившимися в других условиях, имеющими иную духовную программу и культуру и к тому же находящимися на разных фазах этногенеза. Вхождение новых этносов было столь необычно, своеобразно, что придало российской действительности особый колорит, сохранившийся до наших дней. Обозначим это своеобразие:

1. Московское царство зарекомендовало себя “страной национальной терпимости”. По определению писателя Владимира Личутина, миролюбие, присущее русским, таково, что “могли ужиться разные по своей сущности народы, которые ничем даже не смыкаются”. Говоря на языке этнологов, русская доминанта выполняла и продолжает выполнять функцию объединяющего начала. Народы, страдающие от набегов соседей, стремились попасть “под руку” московского царя, чтобы (в этом суть необычности) жить в соответствии с собственными обычаями и законами страны. Ослабление этого объединяющего начала приводит к межнациональным конфликтам. Сделано неожиданное для Запада признание: Стокгольмский институт СИПРИ “Региональные конфликты” опубликовал свои исследования, в которых отмечено, что “период борьбы и насилия” во вновь образованных странах СНГ и Балтии начался лишь “после получения ими независимости”, конфликты в этих странах “фактически разворачиваются только сейчас”.

2. Политическое объединение основывалось на принципе первичности прав каждого народа на определенный образ жизни.

3. Разнообразие ландшафтов Евразии позволяло каждому народу осваивать территории, наиболее для него удобные.

Все это объективно определило главную особенность государственного и хозяйственного устройства России, в суперэтнотос которой входили народы, имеющие разные культуры и этнические традиции, находящиеся в различных фазах этногенеза и в то же время неукоснительно соблюдаю-

щие в течение веков права за каждым народом быть самим собой, изначально предполагающие разные формы организации социальной и экономической жизни. Попытки разрушить такое состояние жизни, навязать всем народам одинаковый стереотип поведения всегда оборачивались подрывом суперэтнической целостности и разрушением экономики России.

Таким образом, разные по своей сущности народы — носители своей уникальной культуры, различающиеся стереотипом поведения, — могли “уживаться” в едином сообществе при наличии двух непеременимых условий: русской доминанты как объединяющего начала и кормящих ландшафтов, где они вели привычный образ жизни и осуществляли производство в формах, соответствующих их культуре и наличной естественной среде. Эти принципы впервые за многие столетия оказались под угрозой по вине невежественных реформаторов. Фетишизация рынка как единственного гаранта экономического роста обрекает целые народы, веками ведущие продуктивное хозяйство в своих ландшафтах, создавшие уникальные культуры, но не вписывающиеся в законы современного рынка, на деградацию и голодную смерть. Огромные территории Севера, Сибири, Дальнего Востока, приумножающие богатства России, ныне выведены из производственной зоны, разрушена инфраструктура, люди покидают обжитые места. Это одна из главных ошибок реформаторов, обрекая преобразования на неудачу.

Стереотипы поведения имеют глубинную основу. Они формируются под влиянием полового генотипа, передающего по наследству эмоции, характер и мировоззрение; культурных традиций, переходящих во времени от поколения к поколению и от этноса к этносу; этнических традиций, способствующих единству поведения живущих людей.

Формы общественного устройства и методы хозяйствования определяются культурными и этническими традициями, которые связаны с этногенезом данного этноса и передаются во времени от поколения к поколению. Многократно подтверждается такой факт: народы, заселив новые территории, привносят в хозяйственную жизнь свое самобытное восприятие реальности. Так, выходцы из Западной Европы, заселив Америку и Австралию, принесли с собою и хозяйственные навыки, выработанные в их этносах и закрепившиеся в этнических культурных традициях. Европейцы не остановились даже перед физическим уничтожением миллионов аборигенов, не пожелавших признать “новый порядок”, а более податливых жителей Западной Африки сделали рабами на чуждых им американских плантациях.

Ничего подобного Русь не знала. Здесь не было военного захвата земель и тем более уничтожения местного населения. По свидетельству русского историка Н. П. Огарева, “завоевания племени племенем и составного племени из завоеванных не было. Племена, которые смешивались с Русью, не составляли народа покоренного, так, чтобы их земли были поделены между русскими завоевателями. Они просто присоединялись, как были, и перемешивались равномерно”. Присоединение к сообществу равноправных народов — вот чем характеризуется этническая история России. Здесь сохранены все народы, их культурные и этнические традиции. Они поныне живут в своих ландшафтах. Туристы могут изучать их в естественной среде обитания.

По мере продвижения России на Север, Восток и Юг возникли новые подэтносы — поморы, сибиряки, казаки. Они выработали новые обычаи и традиции, которые отразились в формах устройства их жизни.

Способы передачи культурных традиций отличаются от преемственности этнических. Культурная традиция может переходить от этноса к этносу, а этническая традиция распространяется лишь в рамках данного этноса. Учет этих различий важен при изучении форм общественной жизни и форм хозяйствования, в том числе и в анклавных регионах.

Автору этих строк удалось аргументированно доказать, что анклавное положение области хотя и выделяет ее как специфический регион, но до тех пор, пока не произошла смена этнического сообщества, она является не только политически и экономически, но и этнически, и культурно частью России. Известно, что по решению союзников местное население покинуло эту территорию, унося с собою свои этническую и культурную традицию. Все стороны жизни основаны теперь на нравственных ценностях Российского суперэтноса, в чем и убеждаются западные туристы.

В исследованиях по туризму акцент делают на его экономическую функцию. Действительно, туристская деятельность может быть весьма доходной отраслью. Познавательная функция туризма, на первый взгляд, не может конкурировать с функцией экономической — она и мотивируется не материальной выгодой, а духовными потребностями, которые присущи человеку изначально. Без стремления к знаниям, информации человек не смог бы стать тем, чем он стал.

Заимствование чужой культуры носит избирательный характер. Перенимается лишь то, что легко вписывается в традиционный образ жизни, не разрушает его и не требует коренной пере-

стройки. Нам еще предстоит научиться продуктивному заимствованию чужого опыта. Нужно изменить и наши представления о традиционном образе жизни. Это не застывшая древность, не испепеленное время, а система сохранения и трансформации нравственного опыта сообщества (этноса), в котором сохраняется и нравственное существо отдельного человека. Например, традиционным является ориентация индивида на материальный успех (для романо-германской цивилизации) и порицание стремления личности к материальному излишеству (для индо-буддийской цивилизации). Формами передачи нравственной информации от поколения к поколению являются обычаи и традиции. Мы забываем, что для немца, англичанина бизнес — занятие традиционное (то есть закрепленное нравственной установкой), а для индийца или русского — нетрадиционное (то есть у этих народов иная нравственная установка). В их шкале ценностей экономическая деятельность не занимает первого места.

Академия туризма — учреждение научное. Исследования академии должны охватывать весь спектр знаний о туризме и его воздействии на другие стороны общественного развития. Полезно использовать научные разработки экономистов, философов, социологов, этнологов, психологов, географов. Такой подход обусловлен универсальностью данной формы общения. Научные результаты найдут применение не только непосредственно в туризме. Они помогут поставить реформирование социальной и экономической жизни на более прочную, научную основу.

А. Б. КРУТИК,

действительный член Академии гуманитарных наук, член-корреспондент Инженерной академии, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов;

М. А. ГОРЕНБУРГОВ,

профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

В настоящее время коммерческие операции достаточно прочно интегрируются в хозяйственную практику многих организаций и учреждений социально-культурной сферы. Их диапазон довольно широк: издательская деятельность, операции в сфере недвижимости, выпуск продукции. Особенно популярно торговое предпринимательство. Весьма разнообразны и конкретные варианты коммерциализации. Художественные музеи сдают в аренду помещения для коммерчески выгодных выставок, продают альбомы, каталоги и другие публикации, выполняют экспертизу художественных произведений. При учреждениях культуры работают киоски сувениров, рестораны, торговые автоматы и т. д.

Важное направление коммерциализации — продажа интеллектуальной собственности: авторского права, патентов, торговых знаков.

Россия — одна из ведущих стран мира по уровню культурного наследия — переживает период спада культуры, хотя успехи в начальной организации рыночного хозяйства уже есть. На наш взгляд, одна из причин этого — действия государства в области налогового законодательства (только 3% прибыли не облагается налогом в случае благотворительных акций предпринимателей), что и порождает двойственную ситуацию: с одной стороны — развитие рынка, а с другой — экономическая невыгодность меценатства вызывает деградацию как культуры, так и предпринимателей, которые даже в дореволюционной России всегда много жертвовали на развитие культуры своей страны.

Сейчас мы наблюдаем бурное развитие информатики, замену энергетической и материальной составляющих продукции информационной. Информационная культура, ее доля в расходах и доходах общества — очень важный показатель экономического развития цивилизации. Здесь, несомненно, возможна интеграция мировой культуры через компьютерные системы мультимедиа,

которые позволяют познакомиться с шедеврами, собранными в различных музеях мира, и привлечь наших российских предпринимателей к меценатству и спонсорству в сфере культуры.

Правильное понимание предпринимательства — это, прежде всего, организационная культура, нравственность, гуманность, благотворительность, талант предпринимателя, направленный не только на получение максимальной прибыли, но и на развитие общества, его культуры и современных, экологически чистых технологий. В предпринимателе надо видеть не машину для получения денег, а образованного и цивилизованного творца нового общества.

На наш взгляд, необходима этическая и образовательная концепция предпринимательства в России. Новое информационное общество пока еще не имеет достаточного уровня культуры. Высокая культура позволит развить и эффективную экономику.

Решение проблемы в создании сети информационно-образовательных центров (например, информационных агентств) или международных компьютерных сетей (Internet), которые предоставляли бы информацию периодическую, экономическую и другие виды информации, необходимые для развития культуры предпринимательства в России. Таким образом, дело за развитием информационных услуг, особенно ориентированных на потребности малого бизнеса.

Художественную биржу создать намного сложнее, чем сырьевую, к тому же для большинства предпринимателей первая менее притягательна, чем вторая. Однако если проводить последовательную политику формирования инфраструктуры рынка для сферы культуры, это позволит со временем повысить конкурентоспособность данной сферы как объекта предпринимательской активности.

В настоящем и будущем весьма перспективны услуги системы Intertnet в части создания электронных магазинов, бирж, художественных выставок (WebMuseum) с минимальными затратами (нет расходов на аренду помещений и т. п.).

Проблема роли предпринимательства в развитии культуры тесно связана с меценатством и спонсорством.

Меценатство облегчает доступ предпринимателей — особенно новых — в элитарные круги, тем самым не только повышая престиж, но и открывая уникальные возможности делового общения с целью развития бизнес-коммуникаций. Подобные возможности могут быть весьма ценными для российских предпринимателей, более других нуждающихся в самоутверждении, стремящихся к престижным контактам и испытывающих потребность в общественном признании. Для развития меценатства и спонсорства необходимым условием является благоприятная политика государства (налоговые льготы и иные способы стимулирования меценатства).

Информатизация и компьютеризация общества сопровождаются переходом на новые компьютерные технологии в различных областях бизнеса, и в частности в сфере культуры и искусства.

В настоящее время в России многие предприниматели имеют персональные компьютеры, и в перспективе возможно знакомство наших ведущих бизнесменов с современной культурой через системы мультимедиа. Данные технологии имеют большое будущее для рынка компьютерных систем. Объединение систем мультимедиа с системой международных компьютерных коммерческих сетей позволит эффективно проводить операции по покупке и продаже произведений искусства, антиквариата и успешно реализовать другие направления развития бизнеса в культуре, а также оперативно повысить квалификацию наших предпринимателей в области культуры (развитие сети электронных магазинов и художественных выставок в Internet).

Западные исследователи рынка мультимедиа предполагают широкое распространение технологии мультимедиа в образовании и рекламе.

Далее следует отметить, что в настоящее время девять из десяти подключений в Internet — коммерческие. Согласно прогнозам, предполагаемый доход от системы Internet в 1997 году составит 3,3 млрд долл.

Учитывая спрос на видеопroduкцию и возможность передавать большие объемы данных, Internet привлекает предпринимателей своим неоспоримым потенциалом.

Бизнесмены могут получить доход от дистанционного обучения, рекламы, презентаций, продажи недвижимости, а также от первых электронных магазинов в Internet и, как следствие, от проведения платных семинаров по изучению сети Internet для деловых людей.

Переход к информационному обществу невозможен без огромных затрат на сферу образования. В настоящее время в США доля образования в национальном продукте в 2 раза выше, чем в СНГ.

В последнее время на всех ступенях образования наблюдается рост стоимости обучения во всех развитых странах.

“Удешевление” образования приводит к ухудшению его качества (например, в результате низкой квалификации преподавателей, переполненности классов, уменьшения доли более высоких ступеней образования или более дорогостоящих его видов).

Основой образовательной деятельности и прежде всего системы формального образования всегда был и остается государственный сектор. Однако и население способно добровольно затратить на свое образование огромные суммы. В США такие затраты достигли 58 млрд долл. в составе личных потребительских расходов.

Международный опыт показывает, что альтернативные, конкурирующие с государственными учебные заведения столь же необходимы для эволюции, как и единая государственная стратегия. В условиях нашей страны преодоление монополизма государственного сектора и организация реальной конкуренции являются актуальной задачей. Вместе с частными университетами, на наш взгляд, возникают более высокие и иные по своему содержанию стандарты качества обучения, научной деятельности и общественных связей, оплаты труда преподавателей, а также оборудования, учебных заведений, комфорта в них.

Необходима реорганизация государственного сектора образования на предпринимательских основах, создание системы государственного и общественного предпринимательства. Для нашей страны огромный интерес представляет непосредственное участие зарубежного бизнеса в образовательной работе.

В настоящее время предприятия частного сектора США по своим масштабам обучения внутри производства не уступают системе высшего образования (максимальные оценки расходов бизнеса на эти цели достигают 200 млрд долл.). Функции учебных центров корпораций определились достаточно четко — это специализация и повышение квалификации. Корпорации превратились в важный источник финансирования образования. Значительная часть этой помощи осуществляется в форме предоставления современного оборудования для университетских лабораторий, вычислительной техники. Большие средства поступают от исследовательских соглашений между корпорациями и университетами (они оплачиваются из затрат на НИОКР), а также в форме индивидуальных стипендий. Компании-инвесторы активно принимают участие в обсуждении учебных программ, организуют практические занятия для студентов на своих предприятиях, четко формулируют требования к качеству подготовки выпускников.

Важным аспектом развития рыночных элементов образования является организация различных бизнес-коммуникаций. Этот аспект включает такие функции, как прямые контакты с фирмами — потребителями трудовых ресурсов, организация совместных (университеты-предприятия) научных центров, создание эффективного рынка учебников и пособий, программ, методик, а также различные формы предпринимательства в обслуживании учебных заведений: текущее материальное снабжение, контрактные центры прикладных исследований и разработок, получение заочного высшего образования при помощи учебных центров сети Internet и многие другие.

СЕКЦИЯ VII. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК УСЛОВИЕ УСПЕХА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

П. П. ГЛУЩЕНКО,

Заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой отраслей права, действительный член Международной славянской академии, помощник депутата Государственной Думы, профессор

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН

Правовая культура включает в себя три важнейших компонента: знание законов, умение ими грамотно пользоваться, а также стремление и желание действовать в пределах правопреписаний. В силу этого правовую культуру следует рассматривать именно в таком сочетании, прежде всего потому, что знания права и даже умения им пользоваться недостаточно, главное — это жить и действовать по закону. К сожалению, третьего компонента правовой культуры чаще всего и недостает многим, в том числе лицам, имеющим высшее юридическое образование.

Правовая культура должна стать показателем, мерилом уважения гражданина к государству, к обществу, к правилам поведения, на основе которых и обязаны строиться отношения между ними. Отсюда усматривается необходимость взаимного уважения между гражданином, государством, обществом. Уважительные отношения, в свою очередь, возможны только при наличии взаимоприемлемых законопредписаний, одинаково относящихся к правам и интересам государства и гражданина. В противном случае могут возникнуть осложнения и проблемы, в равной степени пагубные как для государства, так и для гражданина.

Особую роль правовая культура должна играть при реализации той части правопреписаний, которая обращена к социальной сфере, к социально-правовой помощи и защите граждан. Для того чтобы доказать или опровергнуть данное утверждение, следует разобраться с сущностью, содержанием социально-правовой помощи и защиты граждан в российском государстве. В настоящее время правовой основой, базой для организации и осуществления социально-правовой помощи и защиты являются ст. 2, 6—7, 17—18, 33—36, 38—39, 41—42, 45—56 Конституции РФ и Федеральный закон РФ “Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации” № 195—ФЗ от 10.12.95. Естественно, что в этом ряду федеральных законов следует называть законы о государственных пенсиях, социальном обеспечении малоимущих, многодетных семей, инвалидов и других категорий граждан. Необходимо также акцентировать внимание и на наличии аналогичных нормативных актов в субъектах Российской Федерации.

Как же должны соотноситься правовая культура и совершенствование социально-правовой помощи и защиты граждан? Прежде всего следует разобраться в понятии, содержании социально-правовой помощи и защиты прав, свобод и интересов граждан. В настоящее время законодательного закрепления понятия и содержания данного института нет. Однако указанные выше федеральные законы и нормативные акты субъектов федерации и органов местного самоуправления позволяют предложить следующее определение — это совокупность мероприятий экономического, политического, социального и административно-правового характера, вырабатываемых компетентными органами и проводимых в жизнь юридическими лицами, общественными организациями и отдельными гражданами в целях оказания своевременной помощи гражданам в реализации законодательно закрепленных прав, свобод и интересов, а также их защиты в случае нарушения.

Из приведенного определения следует, что мероприятия социально-правового характера вырабатываются компетентными органами и воплощаются в конкретной правовой базе, на основе которой и должна оказываться помощь и осуществляться защита прав, свобод и интересов гражд-

дан. Проводится, осуществляется социально-правовая помощь и защита государственными органами, организациями и должностными лицами. Кроме того, правозащитной деятельностью могут заниматься общественные организации и физические лица.

Итак, правовая регламентация мероприятий, направленных на создание условий для реализации гражданами своих прав, свобод и интересов, а также их защита в случае нарушения непосредственно демонстрируют эффективность законов и требуют пунктуального их исполнения, то есть наглядно показывают уровень правовой культуры, правовых знаний тех, кто законы пишет, тех, кто их исполняет, и тех, кто их применяет. Должный уровень правовых знаний, правовой культуры необходим и отдельному гражданину — владельцу соответствующих прав, свобод и интересов. Особое место необходимо отводить уровню правовой культуры работников и сотрудников правозащитной деятельности, ибо от него во многом будет зависеть эффективность, успешность противостояния незаконному, беспределу, правовой безграмотности.

Ускоренное формирование и становление правовой культуры предопределяются в настоящее время тем, что государство фактически устранилось от социальной политики, хотя статья 7 Конституции России прямо нацеливает различные государственные структуры «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной помощи».

Очень трудно удержаться от комментариев по поводу содержания данной статьи, ибо если это — достойная жизнь, тогда граждане недостойны жить. Нельзя не согласиться с тем, что в нынешней России труд и здоровье людей охраняются лишением их места работы, безработицей. Особое «спасибо» следует говорить государству за гарантированный минимальный размер оплаты труда, правда, не выдаваемой за 3—7 месяцев. Примерно такая же фактическая социальная политика в отношении поддержки семьи, материнства, детства, инвалидов и пожилых граждан.

Именно характер, уровень фактической нынешней социальной политики и предопределил крайнюю необходимость учиться владеть законом, приобретать навыки самозащиты, развивать и совершенствовать систему правозащитной деятельности. К счастью, от прежнего государства у подавляющего большинства граждан сохранилось умение писать и читать. Учитывая эту особенность наших граждан, представители юридического факультета СПбГУП начиная с 1994 года стали выпускать массовыми тиражами (от 50 до 450 тыс. экземпляров) специальную справочную юридическую литературу: «Занятость населения и социально-правовая защита граждан в Российской Федерации», «Социально-правовая защита военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, членов их семей и иных граждан», «Социально-правовая защита жилищных прав и интересов граждан», «Основы социально-правовой самозащиты» и другие издания.

Указанные юридические справочники позволяют гражданам без помощи юристов повышать свой уровень правовой культуры, не оставляя безнаказанным любое покушение на свои права, свободы и интересы, то есть бороться с незаконием, своеволием, безнаказанностью. И в этом усматривается неразрывная связь наличия, уровня правовой культуры со степенью эффективности социально-правовой защиты.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, стремясь оправдать свое название, уже оказывает силами юридического факультета гуманитарную бесплатную юридическую помощь тысячам граждан через сеть центров правовой помощи, открытых в различных районах города: Фрунзенском, Красногвардейском, Приморском, Смольненском, Кировском, Ломоносовском и других. В Информационном бюллетене Фонда имущества Санкт-Петербурга, издаваемом тиражом 50 тыс. экземпляров, с 1996 г. в каждом номере имеется рубрика «Правовая помощь от юридического факультета СПбГУП», где также каждый петербуржец может получить бесплатную юридическую помощь.

Поводя итог вышеизложенному, имеются основания утверждать, что правовая культура была, есть и обязана быть показателем состоятельности, прочности государства, общества, основой общественных взаимоотношений. Правовая культура есть средство становления государства во главе с законом, выжимания рабства, безысходности, всепрощения и показатель зрелости различных правоотношений. Таким образом, правовая культура в целом — это гарантия надежной, эффективной социально-правовой самопомощи и защиты.

В. П. САЛЬНИКОВ,

заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД Российской Федерации, член экспертного совета Государственного высшего аттестационного комитета по юриспруденции, действительный член Российской академии педагогических и социальных наук, Российской академии естественных наук, Международной академии акмеологических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, МЕСТО И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Современное состояние проблемы заставляет рассмотреть предпосылки и принципы формирования теории правовой культуры, проанализировать ее как объект изучения, а также типы знаний об этом объекте, определить круг изучаемых вопросов правового культурологического знания, остановиться на соответствующих концепциях и подходах.

При этом речь пойдет не столько о конкретных явлениях правовой культуры, сколько об обобщенной характеристике процесса формирования знаний о правовых культурных ценностях, анализе той системы средств, благодаря которой упомянутые ценности реализуются в условиях становления гражданского общества и формирования правового государства.

Можно сразу заметить, что сегодня в сфере гуманитарных наук, наверное, трудно найти другое явление, которое породило бы такое же обилие самых противоречивых толкований и концепций, как культура.

Вместе с тем, социологические и философские исследования, имеющие отношение к вопросу характеристики современной культуры, позволяют определить основные направления правовой культурологии, сосредоточить внимание на показе развития всего социального организма правовой культуры.

Имеющиеся в мировой науке подходы к изучению культуры оказывается возможным свести к трем видам: антропологический, социологический, философский. При антропологическом подходе культура понимается в качестве совокупности всех благ, созданных человеком, в отличие от тех, что создала природа. Социологический подход трактует ее в виде совокупности духовных ценностей: здесь культура выступает как компонент общественной жизни. И, наконец, при философском подходе культура рассматривается среди явлений, выделяемых чисто аналитически, не связанных с общественным развитием.

Положительной стороной антропологического подхода является его широта, поскольку культура здесь рассматривается как проявление самых разнообразных сторон и сфер общественной жизни. Его достоинство становится еще более очевидным при сравнении с достаточно распространенной и сегодня практикой ситуативного употребления понятий "культура" и "правовая культура" в довольно узком их смысле. Однако этому подходу присущи и серьезные недостатки. Он ориентирован лишь на суммативную, механическую фиксацию объективированных в соответствующих продуктах человеческой деятельности ее результатов. Кроме того, характеризуя эти результаты как ценности, предлагаемый широкий подход не позволяет сформулировать достаточно четкие критерии для определения того, что следует считать ценностями. Ограничиваясь им, нельзя вычленить правовые ценности, без которых невозможно понять правовую культуру.

Играя определенную позитивную роль в процессе развития ценностных представлений о культуре, обозначенный подход должен быть дополнен двумя другими способами анализа данного социального явления. Один из них состоит в осознании культуры как процесса творческой деятельности, другой — как специфического способа человеческой деятельности. Общим для них является деятельностная интерпретация культуры, хотя методы этой интерпретации далеко не тождественны. В первом случае культура анализируется через процессы духовного производства, функционирования и совершенствования человека; во втором — предлагается общая модель культуры как универсального свойства общественной жизни.

Разные цели, к достижению которых стремились представители каждой из этих концепций, обусловили как особенности научных поисков, так и своеобразие практической ориентации. Личностный план анализа культуры закономерно определил тяготение к аксиологическому подходу,

первостепенное внимание к сфере идеологии и гуманистики. Это обстоятельство имело и имеет большое значение в связи с широко распространившимися в последние годы технократическими "перекосами". Жизнь жестоко наказывает за технократический снобизм и самоуверенность. Культурология призвана создавать действенное противоядие позитивистскому технократическому мышлению, пустившему глубокие корни в сознании научно-технической интеллигенции, юристов, хозяйственных работников, не исключая и парламентариев. Само время, наша практика все чаще выдвигают требование подвергнуть каждое экономическое, юридическое, хозяйственное, техническое решение, каждую концепцию, каждый проект законодательного акта своего рода гуманистической экспертизе, выявить их глубинный человеческий смысл и направленность. Если они не "работают" на человека, то не имеют и права на существование.

Личностный план рассмотрения культуры, на мой взгляд, закономерно обусловил основные направления российской правовой культурологии, стимулировал исследование проблем правовой культуры личности. По существу, почти все работы, посвященные правовой культуре, до сих пор затрагивали личностную проблематику.

Сторонники другой концепции культуры, рассматривая ее как универсальное свойство общественной жизни, сосредоточили свое внимание на анализе функционирования и развития всего социального организма. С этой целью они обратились к принципам системного анализа и к изучению исследовательской практики таких отраслей науки, как этнография, археология, антропология, социальное управление. Полученные ими результаты в конечном счете также позволили лучше осознать суть культурологического феномена в творческой деятельности человека.

Рассмотрение культуры через призму творческой деятельности характерно для авторов, специально занимающихся проблемами личности. Несмотря на имеющиеся расхождения во взглядах представителей данного направления, их объединяет анализ культуры с позиций исторически активной творческой деятельности человека и его развития как субъекта этой деятельности. Прогресс культуры при таком подходе совпадает с развитием личности в любой сфере социальной жизнедеятельности.

Приведенный вывод, по нашему мнению, имеет методологическое значение для понимания правовой культуры личности. Он ориентирует на выделение двух параметров правовой культуры — творческого и личностного, благодаря которым устанавливаются критерии вычленения правовой культуры из всего комплекса социальной жизни. Что же касается самой этой концепции, то она вызывает симпатии своей гуманистической направленностью, подчеркиванием фундаментальной роли человека как созидательного начала в развитии цивилизации и прогресса. При возрастании роли личности в становлении гражданского общества и формировании правового государства актуальность и значимость этой концепции повысятся еще более.

Связана с этой концепцией и тенденция к аксиологизации культуры, к наделению ее положительными свойствами. Культура с этих позиций понимается как система ценностей и прогресс их реализации. Такой подход дает возможность охарактеризовать правовую культуру через меру гуманизации человека и общества.

Устойчивое сохранение двух рассмотренных концепций культуры — понимание ее как некоторого творческого процесса и как специфического способа человеческой деятельности, вероятнее всего, связано с их взаимодополняемостью. Представители этих концепций в своих исследованиях ориентируются на анализ хотя и различных, но естественно предполагающих друг друга объектов — культуры личности и культуры всего общества. Такой подход позволяет считать выделение соответственно правовой культуры личности и правовой культуры общества важнейшим методологическим принципом обозначенной проблемы.

Представляется, что в основу классификации правовой культуры необходимо положить ее понимание как целостной системы, выявление подсистем которой и создает теоретические предпосылки для выработки общей системной модели, приближенной к реальным процессам функционирования и развития человека и общества. Так, анализ правовой культуры невозможен без вычленения различных срезов культуры: интериорного — непосредственно выражающего мир психологических процессов человеческих индивидов, поведенческого — когда культура объективируется в соответствующих действиях, состояниях и когда явления культуры получают независимую от человеческого организма объективизацию. Отмечаемые срезы, охватывая всевозможные проявления культуры, в реальных процессах функционирования и развития характеризуются органической взаимосвязью и взаимопереходами и, безусловно, должны учитываться при построении модели правовой культуры и определении ее функций.

Анализируя исходные общенаучные требования к построению теории правовой культуры, нельзя, разумеется, обойтись и без аксиологического анализа последней, хотя ограничиваться только этим нельзя. Подход к пониманию правовой культуры лишь через призму аксиологической направленности составляющих ее элементов не позволяет создать прочный теоретический фундамент правовой культурологии хотя бы потому, что свойства, благодаря которым выделяется класс объектов изучения, имеют субъективный характер, так как непосредственно сопряжены с ценностными установками познающих субъектов. Но и без аксиологического подхода нельзя правильно определить понятие правовой культуры. После выявления и отбора явлений, относимых к сфере правовой культуры, познания законов функционирования и совершенствования данного класса явлений, в обязательном порядке нужен аксиологический анализ. Только с его помощью можно дать объективную оценку явления правовой культуры, определить его общественно-историческую значимость.

Если исходить из отмеченных выше предпосылок, учитывая принципы формирования теории правовой культуры и не упуская из виду существующие подходы ученых-юристов к исследованию изучаемого явления, то можно сделать вывод о необходимости системного использования имеющихся в правовой культурологии достижений. Лишь в этом случае обнаружатся все богатство, жизненность и сила высшей абстракции в области теории правовой культуры, а именно — понимание последней как результата и средства развития такого субъекта права, как человек.

Правовая культура есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям. Комплексное использование накопленного в теории правовой культуры материала необходимо, прежде всего, для того, чтобы обеспечить всесторонний охват изучаемого вопроса. Вместе с тем в каждом конкретном случае на первый план выдвигается строго определенный аспект в понимании данной разновидности культуры. Так, при подходе с позиций повышения роли человека в правовой жизни, в обеспечении становления цивилизации окажется необходимым, в первую очередь, обратить внимание на функционально-содержательный аспект правовой культуры. С этих позиций правовая культура общества предстает как разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики и охватывающей все ценности, которые созданы людьми в области права. По существу, это — совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и правовой практики. Ее элементами выступают составляющие позитивную правовую реальность обстоятельства. Она пронизывает само право, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческую и правоприменительную, а также иную правовую деятельность, всю позитивную юридическую действительность в функционировании и развитии ее составных частей.

Правовая культура немислима без человека и его деятельности, определяемой мировоззрением, без прогрессивной направленности этой деятельности и человеческого мышления. Она выступает здесь как социальное, имеющее ярко выраженную целевую направленность явление, охватывающее всю совокупность важнейших ценностных компонентов правовой реальности в ее фактическом функционировании и развитии. При этом важно сделать акцент на назначение юридических средств — прогрессивное развитие личности и общества. Правовая культура в полной мере может быть понята лишь в общем контексте социального прогресса. Подлинная правовая культура немислима без преемственности всего лучшего из прошлой истории и без прогрессивной направленности ее функционирования в настоящем, т. к. без них смысл данной категории оказывается выхолощенным.

Понятие “правовая культура общества” характеризует более всего ценностный срез правовой реальности, уровень ее поступательного развития, включенность в нее завоеваний цивилизации. Правовая культура общества, являясь условием обеспечения свободы и безопасности личности, прав человека, гарантом его правовой защищенности и гражданской активности, “заставляет” власть придать правовому статусу человека юридическую значимость: обеспеченность законом и судом.

Правовая культура личности, будучи компонентом правовой культуры общества и зависимой от нее величиной, отражает степень и характер ее прогрессивного развития, так или иначе обеспечивающего социализацию личности и правомерную деятельность индивида. Эта деятельность способна соответствовать прогрессивным движениям общества и его культуры в сфере права, благодаря чему происходит постоянное правовое обогащение как самой личности, так и общества. Она близко примыкает к образованности человека, имеет общие черты и отличительные свойства применительно к правосознанию личности, зависит от правового воспитания.

Таким образом, правовая культура личности — необходимая предпосылка и созидательное начало правового состояния общества, его цель и составная часть, но, вместе с тем, это — степень и характер правового развития самой личности, которые находят выражение в уровне ее правомерной деятельности. Будучи обусловленной в определенной степени правовым состоянием общества, она лежит в его основании, образуя целостное ядро. Правовая культура личности предполагает ее позитивное правовое сознание в действии. Она представляет собой творческую деятельность, соответствующую прогрессивным достижениям общества в правовой сфере, благодаря которой и происходит постоянное правовое обогащение индивида.

Таким образом, правовую культуру личности и общества можно рассматривать как одну из категорий общечеловеческих ценностей, как важнейший результат общедемократических завоеваний прогрессивного человечества. Она становится неотъемлемым компонентом цивилизованности личности, общества и правового государства.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ,

председатель координационной группы по законодательству
Законодательного собрания Санкт-Петербурга

О ПРИНЦИПЕ ДЕПУТАТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституция Российской Федерации устанавливает: “Все равны перед судом” (ч. 1, ст. 19). При этом вводится особый порядок привлечения к ответственности для некоторых категорий граждан. В Конституции таких категорий три — судьи, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации. К сожалению, норма, которая устанавливает этот особый порядок, сформулирована так, что допускает некоторую безответственность указанных категорий граждан.

На самом деле, депутатская неприкосновенность — не индульгенция за совершенные преступления, это форма защиты обществом депутата для обеспечения ему возможности осуществлять депутатские полномочия. Причем существующие нормы не допускают безответственности депутата или судьи, а лишь устанавливают более усложненный порядок привлечения их к ответственности.

Особенно важна необходимость защиты депутата при осуществлении им контроля за органами исполнительной власти (в том числе за правоохранительными органами).

Чрезвычайно ответственна депутатская деятельность по принятию правовых актов, связанных с бюджетным процессом. По сути дела, от голосования (точки зрения) каждого депутата зависит движение огромных финансовых средств. В этих обстоятельствах общество обязано полностью исключить возможность любых криминальных влияний на депутата и членов его семьи.

Задержка с принятием Федерального закона о неприкосновенности депутатов законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации происходит по нескольким причинам. Одна из них — позиция части юристов, состоящая в том, что установление особого порядка привлечения к ответственности приведет, по их мнению, к нарушению положения ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Такая позиция может быть оспорена, т. к. действуют Федеральные законы, такие как “О прокуратуре”, “О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов”, в которых устанавливается особый порядок привлечения к ответственности определенных категорий граждан.

Понятие “депутатская неприкосновенность” уточнено Постановлением № 5—П Конституционного суда от 20.02.96, которое дало разграничение понятий “действия, связанные с депутатской деятельностью” и “действия, не связанные с депутатской деятельностью” как основу для установления парламентского иммунитета.

Отдельно надо сказать о попытках в субъектах Российской Федерации написать собственные законы о статусе депутата по аналогии с Федеральным законом “О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” и

прописать там положение о депутатской неприкосновенности. Действие подобных законов субъектов РФ в части установления депутатской неприкосновенности (в Калининградской области) было прекращено решением Конституционного суда, в котором справедливо отмечалось, что установление соответствующих норм не входит в компетенцию субъектов Российской Федерации и вводит законодательство субъектов Российской Федерации в противоречие с федеральным законодательством, в частности со ст. 71, п. 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации, вторгаясь в область корректировки норм Уголовно-процессуального кодекса и Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

Сегодня в Российской Федерации продекларировано осуществление государственной власти на основе разделения на 3 ветви — законодательную, исполнительную и судебную, а также самостоятельность органов каждой ветви власти (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Признавая независимость каждой ветви власти, федеральное законодательство не обошло вниманием вопросы защиты (неприкосновенности) представителей органов власти. Однако решение указанных вопросов, к сожалению, не приобрело законченный характер. Так, например, Федеральным законом “О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов” предусмотрена защита для работников контрольных органов глав администраций субъектов Российской Федерации, осуществляющих контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов, для работников правоохранительных органов (милиции, прокуроров), работников таможни и других сотрудников, т. е. для лиц, работающих в исполнительных органах государственной власти. Тем же законом предусмотрена и защита судей, т. е. третьей ветви власти. При этом независимость и неприкосновенность судей (всех, а не только членов Верховного суда Российской Федерации) оговаривается ст. 120—122 Конституции Российской Федерации.

Действующий Федеральный закон “Об общих принципах организаций местного самоуправления в Российской Федерации” (в п. 7 ст. 18) устанавливает меры, обеспечивающие независимость (неприкосновенность) депутатов выборных органов местного самоуправления, разумеется, в более усеченном виде, по сравнению с теми мерами, которые предусмотрены для обеспечения неприкосновенности депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации.

Для депутатов законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации такой защиты (неприкосновенности), обеспечивающей их реальную независимость, не предусмотрено, т. к. ст. 98 Конституции Российской Федерации содержит упоминание только о депутатах Государственной Думы и о членах Совета Федерации.

Трудно сформулировать лучше Конституционного суда в Постановлении № 5—П: от 20.02.96: *“Неприкосновенность (парламентский иммунитет), ... — один из основных элементов статуса парламентария, важнейшая правовая гарантия его деятельности. По своему содержанию это гарантия более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности. Она не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым — парламента, их самостоятельности и независимости”*.

С. А. МАЛИНИН,

консультант ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов по специальности "Юриспруденция",
доктор юридических наук, профессор

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

(В контексте ст. 15 п. 4 Конституции РФ 1993 года)

В становлении российского правового государства значительная роль принадлежит международному праву. Это обусловлено рядом факторов, из которых особо следует выделить два.

С одной стороны, нормы современного международного права содержат в себе многие компоненты, необходимые для построения правового государства, и их внедрение во внутреннюю сферу суверенных субъектов ускоряет этот процесс.

Сказанное проиллюстрируем некоторыми примерами.

Истинно правовое государство может быть создано только на основе подлинно демократических принципов и институтов. Опираясь на общее международное право, нормы которого носят демократический характер, Россия может укрепить таким образом свою государственность. Следует при этом подчеркнуть, что тезис о демократическом характере международного права справедлив и в отношении его норм, которые будут созданы в дальнейшем. Данный вывод вытекает из важнейшего постулата международного правотворчества: ни одна норма здесь не может противоречить основным принципам международного права, демократический характер которых не вызывает сомнений (об основных принципах международного права см. ниже).

Рассмотрим теперь права человека. Без их закрепления в национальной правовой системе и гарантии их соблюдения правового государства существовать не может. Международные стандарты в данной области, содержащиеся в соответствующих международно-правовых актах, — это тот минимум правил, которым должны следовать все государства.

С другой стороны, в Конституции РФ 1993 года установлен механизм ввода в действие норм международного права на территории России. В п. 4 ст. 15 Основного закона провозглашается: "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы".

Как видно из приведенного текста, Конституция РФ устанавливает прямое действие на территории России определенных норм международного права, а именно: общепризнанных его принципов и норм, а также норм, содержащихся в договорах, заключенных Российской Федерацией. При этом, по смыслу данного правила, издание специальных актов для трансформации перечисленных норм международного права во внутригосударственные не требуется. Они входят в правовую систему России непосредственно, согласно предписанию самой Конституции.

Таким образом, основной смысл п. 4 ст. 15 предельно ясен. Но в процессе применения указанной нормы могут возникнуть некоторые вопросы, которые требуют соответствующих разъяснений.

Вопрос первый: устанавливает ли п. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 года примат международного права над российским внутригосударственным правом, как это нередко утверждается на различных форумах, в средствах массовой информации и даже в отдельных научных исследованиях?

Если говорить о действии на территории России норм международного права, обязательных для нее согласно тому же международному праву (перечень таких норм дан в самом тексте п. 4 ст. 15 и был приведен выше), то примат международного права здесь бесспорен. Тем более, что в самом тексте п. 4 ст. 15 прямо сказано: "Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора".

Но приведенный случай раскрывает только один из аспектов соотношения международного и внутреннего права. Существует два других аспекта этой проблемы. Применительно к международному правотворческому процессу на первое место следует поставить внутригосударственное право, поскольку нормы международного права создаются путем согласования воли субъектов права, а

воля государств в концентрированном виде выражается в нормах внутригосударственного права. Наконец, рассматривая соотношение двух систем права (внутригосударственного и международного) в целом, приоритет какой-то из них признать вряд ли возможно: они равнозначны, хотя и лежат в разных плоскостях правового регулирования.

Вопрос второй: что следует понимать под термином “общепризнанные нормы международного права”, или, другими словами, — “императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)”?

Само определение этого понятия выражается в весьма простой формуле: это нормы, которые подлежат исполнению всеми без исключения государствами; отклонение от этой нормы недопустимо.

Вся сложность решения проблемы заключается в том, чтобы установить, *какие конкретно* нормы можно признать обязательными для всех государств и как они могут появиться в международном общении.

Ответы на эти вопросы должны основываться исключительно на нормативных источниках. В противном случае неизбежны субъективные суждения, в которых, кстати, в современной практике (как внутри государств, так и на международном уровне) больше чем достаточно.

При рассмотрении норм в данном контексте следует опираться на предписания Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. В ст. 53 данного акта указывается, что императивная норма общего международного права (*jus cogens*) принимается и признается международным сообществом в целом и может изменяться последующей нормой общего международного права, носящего такой же характер.

Идеальным случаем рождения общепризнанных норм мог бы стать международный договор, в котором участвуют все государства мира. Но такой договор заключить трудно. Даже Устав ООН не охватывает всех существующих ныне суверенных субъектов (Швейцария, например, не является членом этой организации).

Тем не менее, можно смело утверждать, что Устав ООН содержит общепризнанные нормы. Дело в том, что государства, не вступившие еще в тот или иной период в Организацию Объединенных Наций (это касается и Швейцарии), были участниками ряда других международно-правовых актов, в том числе и договоров, стремящихся к универсализму, в которых содержались положения о признании тех или иных предписаний Устава ООН, или документа в целом как составной части международной правовой системы. Отметим, что Венская конвенция 1969 года не препятствует “какой-либо норме, содержащейся в договоре, стать обязательной для третьего государства в качестве обычной нормы международного права, признаваемой как таковая” (ст. 38). Следовательно, государства, не являющиеся участниками данного конкретного договора универсального характера, могут, не присоединяясь к договору в целом, заявить о признании тех или иных норм в качестве обязательных для себя, и тогда эти нормы превратятся в общепризнанные.

Не исключен и такой вариант, когда, к примеру, Совет Безопасности ООН, несущий главную ответственность за поддержание мира и безопасности, признав, что неучастие одного или нескольких государств (в числе которых могут оказаться и агрессивные) в определенном многостороннем договоре (скажем, по ядерному разоружению) представляет угрозу миру (а тем более — существованию человеческой цивилизации), принимает решение о признании норм данного договора общепризнанными и обязывает эти государства присоединиться к соглашению. Эта акция Совета Безопасности вполне вписывается в рамки его полномочий.

И, конечно, международно-правовыми предписаниями являются основные принципы международного права. Устав ООН и Декларация ООН от 24 октября 1970 года к таковым относят принципы неприменения силы, мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела государств, сотрудничества, равноправия и самоопределения народов, суверенного равенства, добросовестного выполнения государствами своих обязательств. Но перечень основных принципов этим не исчерпывается. Можно считать, что после издания указанных кодифицирующих актов появился и ряд новых основных принципов, облеченных в форму международно-правового закона. Это принципы уважения к правам человека, охраны окружающей среды, нерушимости границ, неприкосновенности и целостности территорий. Для более четкого обозначения их содержания, видимо, целесообразно закрепление этих принципов в новом кодифицирующем акте.

Основные принципы — суть те же нормы международного права, но нормы основополагающие, нормы общепризнанные.

К последним (общепризнанным нормам) относятся, на наш взгляд, и специальные принципы отраслей международного права (например, принципы международного экономического права: недискриминация, взаимная выгода, наибольшее благоприятствование и др.). Данная категория принципов носит нормативный характер и этим отличается от научных принципов, которые, естественно, не могут быть отнесены к нормам права.

С учетом сказанного, говоря строго юридически, из текста п. 4 ст. 15 можно было бы исключить упоминание об общепризнанных принципах.

Вопрос третий: какие международные договоры подпадают под действие п. 4 ст. 15, то есть становятся составной частью правовой системы Российской Федерации?

В первую очередь отметим, что норма п. 4 ст. 15 касается только тех договоров РФ, которые в соответствии с международным правом, российским законодательством и предписанием самого договора стали обязательными для России. Это, в частности, означает, что они должны пройти все стадии заключения (а не только подписания). Если, скажем, международный договор подлежит ратификации, то он будет подпадать под п. 4 ст. 15 только после осуществления этой акции. Более того, при особых требованиях к вступлению договора в силу, вытекающих из его текста (например, определенное число ратификации для многостороннего договора), обязательным для России он становится после выполнения этих требований, не считая собственной ратификации.

Нельзя также не учитывать, что в Российской Федерации международные договоры заключают государственные органы различного уровня. Закон РФ о международных договорах 1995 года выделяет три вида таких актов: межгосударственные; межправительственные; договоры межведомственного характера.

Межгосударственные договоры заключаются от имени Российской Федерации, и полномочия для ведения договоров и подписания международного договора предоставляются Президентом, а также Председателем Правительства РФ (по вопросам, входящим в его ведение).

Межправительственные договоры заключаются от имени Правительства, договоры межведомственного характера — от имени федеральных министерств и других федеральных органов исполнительной власти.

Международные договоры, заключаемые от имени Российской Федерации, безусловно, подпадают под действие нормы п. 4 ст. 15. Тем более, что такие договоры касаются жизненно важных для страны вопросов международного сотрудничества и, как правило, подпадают под зафиксированные в Законе РФ 1995 года условия для обязательной ратификации.

Возможно такое решение и в отношении межправительственных договоров, хотя оно и может быть признано спорным. Что касается договоров межведомственного характера, то вряд ли они будут подпадать под действие нормы п. 4 ст. 15.

Надо также иметь в виду, что за пределами действия нормы п. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 года остается значительный нормативный массив международного права. Это те нормы, в создании которых Россия не участвовала, и которые не являются общепризнанными. К ним, главным образом, относятся нормы двусторонних и региональных договоров третьих государств. Но имеются и договоры, стремящиеся к универсализму, к которым Россия не присоединилась.

Для того чтобы норма п. 4 ст. 15 действовала эффективно, следует проделать серьезную работу, связанную с ее реализацией. К сожалению, далеко не все юристы-практики достаточно хорошо знают международное право, особенно конкретные международные акты, которые необходимы для решения определенных юридических ситуаций. Следовательно, требуется некоторое дополнительное обучение сотрудников правоохранительных органов.

И особенно необходимо совершенствовать преподавание международного права при подготовке будущих специалистов в области юриспруденции, обращая при этом особое внимание на изучение тех норм, которые должны стать основой правовой системы Российской Федерации.

А. И. ЗЯБКИН.

Заслуженный юрист Российской Федерации, декан заочного факультета, заведующий кафедрой государственного и международного права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор

РОЛЬ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Конституция РФ провозглашает: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (п. 1 ст. 1).

Понимать данное конституционное положение как свершившийся факт — значит, по крайней мере, упрощать ситуацию. Это ориентиры нашего движения вперед, приоритеты в становлении государственности. Правовое государство во многом идеал, к которому стремятся в своем развитии не только Россия, но и другие страны.

Определяющий содержательный признак правового государства — связанность государства правом. Путь становления такого государства непрост и достаточно долог. Важную роль при этом играет правотворчество. Речь идет об организационном начале в развитии, совершенствовании уже существующего права, об активной сознательной деятельности по созданию новых правовых норм, отвечающих объективным потребностям общества.

По сути правотворчество — это основное направление социальной деятельности, которая создает условия для существования и воспроизводства самого общества. Правотворчество неразрывно связано с такими явлениями социальной жизни, как правовой нигилизм, правосознание, правовая культура. Правотворчество (в широком смысле) начинается (должно начинаться) с уяснения идей, в которых отражаются разносторонние интересы людей. Иными словами, в процессе правотворчества должен учитываться уровень правосознания различных слоев и общества в целом.

Правосознание общества проявляет себя в ходе общенациональных акций (референдумы, голосование за кандидатов в депутаты, выдвижения на должности и т. п.). Анкеты, опросы, наблюдения и другие социологические приемы позволяют уяснить содержание правосознания на различных уровнях. Изучая правосознание, можно определить конкретные правовые требования тех или иных групп, всего общества, выявить недостатки в законодательстве и т. п.

Нельзя не учитывать и того факта, что определенная категория российских граждан нигилистически относится к праву. Противостоит правовому нигилизму, иным деформациям правосознания именно правовая культура.

Уровень правовой культуры является обобщенным показателем, отражающим место и роль права в жизни общества. Правовая культура включает уважение к праву, правовую информированность граждан, определенный уровень правовых знаний, готовность соблюдать правовые нормы, уважение к правосудию и т. п.

Следующий этап — рассмотрение и оценка правовых идей при подготовке и принятии нормативных актов специально уполномоченными на то государственными органами.

Однако при реализации демократических начал в правотворчестве возникает проблема соотношения профессиональной деятельности юристов и представителей иных областей знания.

Вопрос даже ставится так: кто должен «делать» законы — юристы, политики или экономисты?

На наш взгляд, нормативные акты должны разрабатываться (с учетом сферы регулирования общественных отношений) профессионалами-специалистами с обязательным участием юриста и с проведением необходимой правовой экспертизы.

При подготовке нормативного акта также должен учитываться весь набор финансовых, кадровых, организационных, юридических условий, только при наличии которых данный акт сможет быть реализован.

Характеристика нынешнего состояния российского законодательства, процессов, происходящих в нем, позволяет утверждать: правотворчество есть сфера социальной борьбы, а органы, разрабатывающие и принимающие нормативно-правовые акты, есть ключевые социальные институты, где эта борьба осуществляется порой с такой ожесточенностью.

Социальная борьба идет практически на всех этапах нормотворческого процесса (законодательная инициатива, подготовка законопроекта, обсуждение, принятие, подписание нормативного акта.) Борьба эта — реальное отражение действующих тенденций, интересов различных социальных слоев, отдельных крупных организаций и даже конкретных лиц.

Лоббирования при этом не избежать. Реальная защита от недопустимых средств лоббирования, каковыми являются подкуп, обман, — строгое соблюдение принципа законности в правотворчестве. Данный принцип означает, что в правотворчестве особенно важным являются соблюдение процедуры принятия нормативно-правового акта, соблюдение компетенции органа, принимающего такой акт, соответствие подзаконных актов закону, соответствие закона Конституции.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что правотворческий процесс — это выявление, осознание правовой идеи (для чего, для каких целей, для каких слоев, что защищается, какой принцип закладывается и т. д.) и воплощение ее в нормативно-правовом акте, после чего нормативный акт идет в жизнь в качестве обязательного, подлежащего реализации и исполнению предписания. На этом этапе определяется судьба любого нормативного акта: либо он реализуется, достигает цели, либо — не воспринимается обществом и оказывается неэффективным. В таком случае необходимы анализ причин такого положения (например, неверна исходная идея) и возврат к правотворчеству с учетом новых идей.

Российская государственность находится в стадии становления. Мы пока не имеем достаточно профессионального парламента, невысок уровень правовой культуры значительных слоев населения, в том числе и самих парламентариев, подзаконные акты не всегда отвечают требованиям закона и т. д. Тем не менее, на наш взгляд, наметились и прогрессивные тенденции в правотворчестве: Конституция Российской Федерации провозглашает, что «общепризнанные принципы и нормы и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (п. 4 ст. 15). Данное положение во многом конкретизирует вопросы имплантации норм международного права в российское право; приняты Гражданский и Уголовный кодексы, другие нормативные акты, отражающие новые процессы в российском обществе; Федеральное Собрание в большей степени занимается правотворчеством, нежели политическими спорами; повышается роль Конституционного суда.

Ю. М. НОВОЛОДСКИЙ,

депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, государственный советник юстиции 2-го класса, действительный член Инженерной академии, профессор кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

КРИЗИС ПРАВА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

На протяжении всей истории цивилизации государство и право периодически попадают в состояние глубочайшего кризиса. Происходит это тогда, когда право из орудия всеобщего порядка, мира и человеческой солидарности, каковым оно должно быть в силу объективного своего предназначения, превращается в инструмент, используемый для достижения сиюминутных политических целей. В уходящем столетии уже в который раз наблюдаем мы кризис права, в который раз силится понять его причины. Но тщетно. Нам не хватает достаточного уровня правовой культуры, который позволил бы нам сделать из пережитого разумные выводы во избежание повторения одних и тех же ошибок.

Правовые репрессии тридцатых годов и правовое бессилие сегодняшнего дня, дикая сила и необъяснимая слабость есть проявление одних и тех же причин. А именно, взаимодействие двух обстоятельств: использование права в качестве инструмента для обеспечения классовых или групповых интересов и ненормальное состояние правосознания основной массы населения. Особый интерес представляет второе из перечисленных обстоятельств, поскольку ни в условиях строительства социализма в нашей стране, ни в нынешних условиях не было сформировано в массовом сознании населения правильное понимание объективной сущности права, реально происходящих правовых процессов и общественной самооценки института права.

Необходимо открыто заявить о серьезнейшем кризисе правосознания россиян, живших в XX столетии. Именно в этом и состоит трагикомедия российской правовой жизни. Человек — существо общественное, поэтому нет людей, у которых не было бы совсем никакого правосознания. Даже самое убогое правосознание, живя в людях, силится постичь окружающий правовой мир, и, не

понимая сути явлений, усваивает лишь поверхностные схемы, наполняет их своим примитивным или навязанным извне содержанием, формируя тем самым так называемое "неправое право", компрометируя саму идею справедливого и разумного правового регулирования общественной жизни.

Деформация правосознания неизбежно приводит к утрате веры в справедливость права, в его способность быть духовным объединителем нации, что, в свою очередь, выдвигает на передний план духовной жизни убогие личные интересы, предопределяющие всеобщее вырождение духовности.

Право всегда обращается к сознанию людей. Вне человеческого сознания право есть бессмысленный набор общих правил, не способных к какому бы то ни было регулятивному воздействию. Необходимо раз и навсегда уяснить, что нормальное действие права возможно лишь через нормально сформированное правосознание населения.

России нужны граждане, знающие и понимающие право в его истинном значении, способные вести борьбу за это справедливое, нравственное и объединяющее всех право. Только граждане с нормальным правосознанием способны разобраться, где кончается право и начинается произвол, облаченный в тогу закона; где необходимо сознательно подчиниться закону, а где — восстать против произвола и его творцов-законодателей.

На стороне народа, обладающего нормальным правосознанием, всегда будут сила духа и историческая правда. Народ с деформированным правосознанием жалок и слаб.

Если мы любим свою Родину и верим в ее лучшее будущее, мы обязаны сделать все для формирования нормального правосознания россиян. Невозможно, да и не нужно пытаться сделать юриста из каждого россиянина. Высочайшая задача юридической науки состоит сегодня в другом: неустанно трудиться над массовым обучением "неюристов", от российских малышей до седовласых старцев, и сотворить, наконец, концепцию доступного и понятного каждому правового мировоззрения — только это позволит сформировать подлинно национальную массовую правовую культуру, способную объединить и вдохновить Россию, вступающую в XXI столетие.

Л. И. АНТОНОВА,

заведующая кафедрой трудового права Северо-Западной государственной кадровой академии, доктор юридических наук, профессор

СОЧЕТАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

В условиях перехода к рынку оказываются непригодными те методы регулирования трудовых отношений, которые использовались при прежней социально-экономической системе. Тогда, в основном, применялись методы жесткого централизованного регулирования с дифференциацией лишь по отраслевой принадлежности предприятия. Крайне ограниченными были и возможности локального правового регулирования.

Радикальные преобразования в экономической, политической, социальной сферах потребовали кардинальных изменений в методах правового регулирования труда. Эти изменения, прежде всего, непосредственно связаны с новым содержанием функций государства, отказавшегося от монополии на правовое регулирование общественных отношений в сфере применения труда. Политика социального партнерства потребовала перейти к широкому использованию системы соглашений, заключаемых на трехсторонней основе с участием соответствующих государственных органов, объединений работодателей и профсоюзов. Такие соглашения представляют собой правовые акты, регулирующие социально-трудовые отношения и заключаемые на уровне Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, территории, отрасли, профессии (ст. 2 Закона РФ "О коллективных договорах и соглашениях" в редакции Федерального закона от 24.11.95).

В соответствии с данным законом, соглашения могут предусматривать положения об оплате, условиях и охране труда, режиме труда и отдыха; о механизме регулирования оплаты труда, исходя из роста цен, уровня квалификации, выполнения показателей, предусмотренных соглашением; о доплатах компенсационного характера, минимальный размер которых предусмотрен законодательством; о содействии занятости, переобучению работников; об обеспечении экологической безопасности

и охране здоровья работников на производстве; о специальных мероприятиях по социальной защите работников и членов их семей; о соблюдении интересов работников при приватизации государственных и муниципальных предприятий; о льготах предприятиям, создающим дополнительные рабочие места с использованием труда инвалидов, молодежи; о развитии социального партнерства и трехстороннего сотрудничества, о порядке внесения дополнений и изменений в соглашения, о содействии заключению коллективных договоров и предотвращению трудовых конфликтов и забастовок, а также об укреплении трудовой дисциплины. В соглашениях могут предусматриваться положения, не противоречащие действующему законодательству. Они не могут снижать уровня правовых гарантий для работников, установленного действующим трудовым законодательством. Напротив, их цель — обеспечить расширение прав трудящихся, усиление правовых гарантий для них, реализацию их законных интересов.

В новых условиях принципиально меняется роль коллективных договоров, заключаемых на предприятиях и в организациях. Они становятся основным источником так называемых локальных (корпоративных) правовых норм, регулирующих трудовые отношения непосредственно на предприятиях и в организациях.

В коллективные договоры могут включаться локальные правовые нормы, касающиеся формы, системы и размеров оплаты труда, денежных вознаграждений, пособий, компенсаций, доплат; механизма регулирования оплаты труда с учетом роста цен, уровня инфляции; выполнения показателей, определенных коллективным договором; занятости, переобучения, условий высвобождения работников, определения рабочего времени и времени отдыха; улучшения условий и охраны труда работников, в том числе женщин, молодежи; добровольного и обязательного медицинского и социального страхования; соблюдения интересов работников при приватизации предприятий, ведомственного жилья; экологической безопасности и охраны здоровья работников на производстве; льгот для работников, совмещающих работу с обучением, контроля за выполнением коллективного договора, ответственности сторон, социального партнерства; отказа от забастовок по условиям, включенным в данный коллективный договор при условии его своевременного и полного выполнения.

Коллективный договор может содержать, если позволяют экономические возможности каждой организации, и другие, в том числе более льготные трудовые, социально-экономические условия по сравнению с нормами, установленными законодательством и соглашениями (дополнительные отпуска, надбавки к пенсиям, досрочный уход на пенсию, компенсация транспортных и командировочных расходов, бесплатное и частично оплачиваемое питание работников на производстве и их детей в дошкольных учреждениях, иные дополнительные льготы и компенсации). В коллективный договор включаются нормативные положения, если в действующем законодательстве содержится прямое предписание об их обязательном закреплении в коллективном договоре.

В современных условиях коллективно-договорное регулирование условий труда дополняется возможностью их широкого индивидуального регулирования с помощью трудовых договоров (контрактов). Каждый работник, поступая на предприятие и (или) в организацию, заключает с работодателем письменный трудовой договор или контракт, позволяющий индивидуализировать не только трудовые функции, которые работник должен выполнять, но и условия его труда, систему льгот и компенсаций, форму и размеры оплаты его труда, правовые гарантии, предоставляемые ему в дополнение к тем, которые предусмотрены действующим законодательством, тарифными соглашениями и коллективным договором.

Таким образом выстраивается стройная система соглашений и договоров, с помощью которых осуществляется детализация и конкретизация правового регулирования трудовых отношений между работником и работодателем.

Эта система имеет несколько уровней:

- генеральное соглашение (в масштабе всей Российской Федерации), устанавливающее общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на федеральном уровне;
- региональное соглашение (в пределах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, например, Санкт-Петербурга и Ленинградской области), устанавливающее общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на уровне субъектов Российской Федерации;
- отраслевое (межотраслевое) тарифное соглашение, учитывающее специфику отдельной отрасли или ряда отраслей хозяйства и устанавливающее нормы оплаты и другие условия труда, а также социальные гарантии и льготы для работников этих отраслей; профессиональное тарифное соглашение, предусматривающее нормы оплаты и другие условия труда, а также социальные льготы для работников определенных профессий;

— территориальные соглашения, касающиеся условий труда, а также социальных гарантий и льгот, связанных с территориальными особенностями города, района или другого административно-территориального образования;

— коллективные договоры, заключаемые в рамках конкретных предприятий или организаций;

— трудовые договоры или контракты с участием каждого отдельного работника, индивидуализирующие условия его труда на данном предприятии, в организации.

Построенная таким образом система договорного регулирования труда предполагает возможность расширения правовых гарантий для работников на каждом новом ее уровне, создания для работников более льготных условий труда по сравнению с предыдущим. В результате вся система договорного регулирования условий труда уподобляется пирамиде, вершину которой образует генеральное соглашение, а основание — индивидуальные трудовые договоры (контракты), заключаемые каждым отдельным работником с работодателем. Между ними располагаются остальные соглашения и коллективные договоры.

Вся договорная система регулирования условий труда должна покоиться на твердом основании действующего законодательства, ибо договоры о труде не могут противоречить законодательству о труде. Противоречащими ему считаются договоры, ухудшающие положение работников по сравнению с законом (ст. 5 КЗоТ РФ). Они признаются юридически ничтожными и применению не подлежат.

Однако, как показывает практика, нередко эти требования не соблюдаются, особенно в процессе заключения коллективных договоров и трудовых договоров (контрактов), которые довольно часто содержат такие условия, которые снижают уровень правовых гарантий для работников. Например, в коллективные договоры включаются локальные нормы, устанавливающие новые виды дисциплинарных взысканий, не предусмотренные законом или уже отмеченные (предупреждение, штраф, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев и т. п.), расширяющие пределы материальной ответственности, увеличивающие продолжительность рабочего времени, ограничивающие право работников на отдых, не соответствующие стандартам безопасности труда, лишаящие работников прав на объединение в профсоюзы, и т. д. Все они являются недействительными и не могут влечь каких-либо юридических последствий. Это означает, во-первых, что они не подлежат применению, во-вторых, не могут влечь ответственности за их невыполнение, в-третьих, суды и другие юрисдикционные органы, в частности комиссии по трудовым спорам, обязаны во всех таких случаях применять нормы закона, а не коллективного договора.

Еще больше нарушений трудового законодательства наблюдается при заключении индивидуальных трудовых договоров (контрактов), причем не только на частных предприятиях, но и на государственных и муниципальных. Вопреки требованиям законодательства, в трудовые договоры включаются условия, увеличивающие продолжительность рабочего дня, отменяющие действующие нормы о гарантированном уровне заработной платы, ограничивающие право работника на получение пособий по государственному социальному страхованию, сокращающие продолжительность оплачиваемого отпуска и т. п. Они также являются недействительными.

Бытующее среди работодателей мнение о том, что если работник подписал трудовой договор, содержащий такие условия, то они приобрели обязательный характер, лишен оснований. Работник вовсе не обязан их выполнять. Закон стоит на страже его интересов и в том случае, когда сам работник, в силу недостаточной юридической грамотности или под давлением работодателя в условиях безработицы, вынужден подписывать трудовой договор на явно не выгодных для себя условиях.

Вместе с тем нельзя не учитывать и то обстоятельство, что силы работника в противостоянии с работодателем в настоящее время значительно ослаблены. Это связано и с особенностями социально-экономической ситуации в стране, и с упразднением на многих предприятиях и в организациях профсоюзов, и с отсутствием действенной системы государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства, все еще находящейся на стадии становления, и со свертыванием деятельности профсоюзных инспекций труда — правовой и технической. Значительно ослаблен и прокурорский надзор за соблюдением трудового законодательства. Не получила должного распространения и практика судебной защиты трудовых прав работников.

Без решения всех этих вопросов возможности договорного регулирования труда не могут быть реализованы, сводятся на нет. В таких условиях договорное регулирование, призванное повышать планку правовых гарантий для работников, нередко приводит даже к свертыванию тех их прав, которые установлены законом, что абсолютно недопустимо.

А. В. ЗИНОВЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры отраслей права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЕЛЫ В КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Нет необходимости доказывать, что уровень правовой культуры во многом зависит от совершенства Основного закона страны. Пробелы в Конституции негативно сказываются на законности и правовой культуре, порог которых может опускаться до обидно низкого уровня. Думается, стоит рассмотреть очевидные пробелы в Конституции и внести рекомендации по их устранению.

Из текста Конституции “выпала” глава об избирательной системе, что породило множество проблем, конфликтов и нарушений важнейших принципов этой системы, которых можно было бы избежать, если бы Основной закон определил ее конституционные рамки.

Не нашлось места в Конституции и главе о статусе депутата, что неизбежно негативно сказалось на качестве федеральных и региональных законов о народных избранниках. Так, Федеральный закон “О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” от 8.05.94 основное внимание уделил правам, привилегиям и льготам депутатов, но, по существу, обошел молчанием вопрос об обязанностях народных избранников, не обмолвился ни одним словом об ответственности депутатов за свою деятельность перед избирателями.

Закон о статусе депутата Государственной Думы депутатский иммунитет возводит почти в абсолют (см. ст. 18). Генпрокуратуре еще ни разу не удалось добиться лишения некоторых депутатов V и VI Госдумы неприкосновенности, несмотря на явный криминал в их действиях. Это касалось С. Мавроди, С. Станкевича, А. Тарасова и других, что, несомненно, парализует активность прокуратуры. Многие депутаты рассматривают неприкосновенность как индульгенцию от ответственности за все совершенные и еще не совершенные ими прегрешения, не исключая и преступления. Положить этому конец может глава в Конституции о статусе депутата, которая должна исключать освобождение народных избранников от уголовной ответственности, предоставив это право суду. При этом следует использовать и зарубежный опыт. Так, например, в США конгрессмены “во всех случаях, кроме измены, тяжкого уголовного преступления и нарушения общественного порядка, не могут быть подвергнуты аресту во время их присутствия на сессии соответствующей палаты, а также следования в палату и возвращения из нее...” В Великобритании член парламента за совершение уголовного преступления несет ответственность наравне со всеми подданными. Причем член Палаты Общин может быть лишен иммунитета единоличным решением спикера.

Многие наши ученые и политики начали ожесточенную борьбу за свободный мандат депутата, отвергая императивный. Суть императивного мандата заключается в том, что каждый депутат в соответствии с законами обязан выполнять волю избирателей и нести перед ними ответственность за свою деятельность, высшим проявлением которой является отзыв. “Свободный мандат” звучит подкупающе демократично, а на самом деле означает, что депутат не обязан следовать воле избирателей, нести перед ними ответственность, избиратели лишены права его отзыва, то есть депутат свободен от какой-либо ответственности, разве что перед Богом, если верует, и совестью, если она есть. Ничего не скажешь, идеальный вариант работы — высокооплачиваемое хобби и никакой ответственности. Противники императивного мандата ссылаются на зарубежное законодательство, по которому во многих странах депутаты являются представителями всего народа или всей нации. В обоснование данной концепции приводится еще один аргумент. По их мнению, право отзыва становится средством давления на инакомыслящего депутата.

С целью устранения очевидных пробелов Государственной Думе надлежит внести в Конституцию два дополнения в виде глав 3¹ и 3² под названиями “Избирательная система” и “Статус депутата” соответственно.

Особого внимания заслуживает проблема стойкой неспособности Президента по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия.

Статья 92 Конституции РФ предусматривает три случая досрочного прекращения полномочий Президента: отставка; стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия; отрешение от должности. Данный перечень не является исчерпывающим, так как прекращение полномочий, к сожалению, может иметь место и в случае смерти Президента. Если порядок отрешения Президента от должности Конституцией прописан более чем детально, то о

досрочном прекращении полномочий в силу “стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия”, кроме процитированного положения, в Конституции ничего не говорится. Конституционная неурегулированность породила массу слухов, которые не способствуют укреплению стабильности в обществе.

Зарубежный опыт знает ряд вариантов замещения Президента в зависимости от вида вакансии, то есть препятствий исполнять полномочия, которые подразделяются на окончательное (тяжелое заболевание, мешающее нормальному исполнению полномочий) или временное (временная потеря трудоспособности). Например, в статье 7² Конституции Франции решение об окончательном препятствии к выполнению Президентом своих обязанностей принимает Конституционный Совет (орган конституционного контроля). В этом есть резон, так как он гарантирует наибольшую объективность решения подчас непростой проблемы.

В тех странах, где учрежден пост вице-президента, независимо от вакансии президента замещает вице-президент. В случае окончательного препятствия вице-президент замещает главу государства до истечения срока его полномочий. Исключение составляет Египет, где в случае временной вакансии пост главы государства замещает вице-президент, а в случае постоянной — председатель парламента (до выборов нового президента). Невольно возникает сомнение в необходимости поста вице-президента в Египте. В России пост вице-президента “пришелся не ко двору”. При этом надо иметь в виду, что вице-президент, избранный в одной связке с президентом, не имеет права выступать против его политики. У него имеется единственный вариант протеста против президента — отставка.

Поскольку проблема замещения поста Президента РФ приобрела острое политическое и практическое значение, а ее конституционная неурегулированность едва ли оправдана, то есть необходимость предложить варианты ее решения. Прежде всего следует провести четкую грань между стойкой и временной неспособностью осуществлять полномочия Президента. Здесь возможны два подхода: 1) распространить на Президента действие КЗоТа РФ; 2) учитывая особый статус Президента, возможно надо разработать и принять Федеральный конституционный закон, который бы расставил все точки над “и”. Думается, второй вариант предпочтительнее.

Во-первых, закон должен установить, кто будет определять стойкую и временную неспособность осуществлять Президентом свои полномочия. Целесообразно на этот случай создавать медицинскую экспертную комиссию из шести соответствующих крупнейших специалистов: по два эксперта назначают палаты Федерального Собрания и два — Правительство.

Во-вторых, в случае очевидной стойкой или длительной временной неспособности Президента осуществлять свои полномочия достаточно заключения консилиума лечащих врачей, подтвержденного заключением Конституционного суда РФ, которое данному факту придает конституционное оформление, порождающее правовые последствия — признание вакансии и обязанность Совета Федерации назначить выборы нового Президента.

В-третьих, в законе особо оговорить, что временная неспособность Президента осуществлять свои полномочия не должна превышать четырех месяцев подряд, а в одном году — не более шести. В период общего глубокого кризиса, переживаемого страной, это предельные, если не запредельные сроки.

В-четвертых, предоставить право инициировать вопрос о стойкой или временной длительной неспособности Президента осуществлять свои полномочия 1/5 членам Совета Федерации и 1/5 депутатам Государственной Думы, а также Правительству РФ.

В-пятых, созданная медицинская экспертная комиссия тайным голосованием из своего состава избирает председателя. Решения комиссии принимаются абсолютным большинством голосов путем поименного опроса ее членов. Председатель комиссии голосует последним. В случае, если их голоса разделились поровну, голос председателя является решающим. Члены комиссии не вправе уклониться от голосования или воздержаться при голосовании. Каждому члену комиссии должно быть предоставлено право в письменной форме изложить особое мнение по вопросу заболевания Президента.

В-шестых, решение медицинской экспертной комиссии об установлении стойкой или временной длительной неспособности осуществлять Президентом принадлежащие ему полномочия подлежит утверждению заключением Конституционного суда РФ о соблюдении требований закона и порядка принятия комиссией решения. После положительного заключения Конституционного суда решение медицинской экспертной комиссии вступает в силу, является окончательным и обжалованию не подлежит.

В-седьмых, Президент признается неспособным осуществлять свои полномочия с момента провозглашения заключения Конституционного суда. С этого момента его полномочия возлагаются на Председателя Правительства. Совет Федерации Федерального Собрания не позднее 60 и не ранее 45 дней назначает выборы нового Президента. В статье 92 Конституции РФ этот срок установлен “не позднее трех месяцев”. Редакцию этой статьи нельзя признать удачной: ей не будут противоречить выборы и через неделю, а максимальный срок слишком велик. Существующие реалии в стране не могут позволить такую временную роскошь. В большинстве стран мира этот срок сокращен до минимума. Например, в статье 7² Конституции Франции записано, что избрание нового Президента происходит “не менее чем через двадцать дней и не более чем через тридцать пять дней”.

В-восьмых, действия, направленные против соблюдения данного закона, считать тяжким государственным преступлением, предусмотрев его состав в УК РФ.

Предлагаемый вариант решения проблемы не претендует на истину в последней инстанции. В то же время молчание — не лучший метод устранения конституционного вакуума. Проблема существует независимо от того, кто занимает пост Президента.

Рассмотренные пробелы не украшают Конституцию и не имеют ничего общего с правовой культурой. Устранение их не потребует умственных перегрузок у законодателей, которые должны проявить принципиальность и отказаться от соблазнительной идеи создания закона “под себя”.

В. Н. СМИРНОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и профсоюзного права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Проблема справедливости с древних времен волнует человечество. Справедливость рассматривается как одно из важнейших социальных явлений в этике с момента зарождения этой древнейшей науки. Со времени возникновения государства и права проблема справедливости связывается с деятельностью государства и функционированием права.

Древнегреческий философ Сократ впервые утверждал, что справедливым является то, что установлено законом. Его ученик и последователь Платон считал, что справедливость нужно ввести наимудрейшим, наидостойнейшим, просвещенным судьям из старых благородных родов.

В диалоге “Государство” Платон так дифференцировал понимание и принадлежность справедливости: высший принцип справедливости состоит в том, чтобы каждое сословие занималось тем, к чему оно предназначено от рождения, т. е. правило или повиновалось. Рабов Платон не относил к гражданам, а потому и понятие справедливости на них не распространялось.

Демокрит считал, что главным источником справедливости является хорошее состояние духа индивида, сохранение душевного спокойствия человека при любых, даже самых неблагоприятных внешних обстоятельствах жизни.

Эпикур определял справедливость как некий договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда. Он утверждал, что понятие справедливого и несправедливого неприменимо к народам, которые не могут или не хотят заключать такие договоры. Главным в определении справедливости Эпикур считал взаимную выгоду и полезность.

Наиболее полно учение о справедливости развил Аристотель в письме к своему сыну Никомаху. В “Никомаховой этике” Аристотеля явно выражен классовый подход к пониманию справедливости. “Природа устроила так, что и физическая организация свободных людей отлична от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов, свободные же люди держатся прямо и неспособны для выполнения подобного рода работ; зато они пригодны для политической жизни... Как бы то ни было, очевидно, во всяком случае, что одни люди по своей природе — свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо”. Понятие справедливости Аристотель связывает не только с полезностью и социальным положением человека, но также с равенством и правом государства.

«Понятие “справедливости” означает в одно и то же время как законное, так и равномерное, а несправедливости — противозаконное и неравное (отношение к людям)».

Философы-материалисты нового времени (XVII—XVIII вв.), выступая против сословно-феодалных привилегий, выдвинули лозунг “Свобода, Равенство и Братство”, реализация которого должна была обеспечить установление справедливости.

Французский материалист Гельвеций (XVIII в.) рассматривал понятие справедливости с точки зрения сочетания личного интереса конкретного индивида с интересами общества, зависимости поведения человека от общества.

Социалисты-утописты Сен-Симон, Ш. Фурье и Р. Оуэн рассматривали понятие справедливости применительно к устройству общества. Р. Оуэн считал, что справедливому устройству общества соответствует общность владения и труда, сочетание умственного труда и физического, всестороннее развитие личности, всеобщее равенство в правах.

Ш. Фурье дал обстоятельный анализ антагонизма нищеты и богатства, обосновывал решающую роль общественной среды в воспитании и формировании человека. Он утверждал, что все человеческие страсти и влечения сами по себе хороши. Порочен не человек, а общество, в котором он живет. Поэтому необходим такой общественный строй, который будет способствовать полному удовлетворению человеческих страстей, их развитию и расцвету.

Материалистическое понимание справедливости представляет марксистское учение об организации общества и управлении им. Энгельс писал: “Справедливость всегда представляет собой лишь идеологизированное... выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны”. Марксизм провозгласил идеалом справедливости равенство и свободу людей с классовых позиций, основанных на запрете частной собственности и эксплуатации человека человеком.

В. И. Ленин четко определил эту позицию. “Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов”.

С середины XX в. широкое развитие и распространение получили различные направления футурологии, основанной немецким социологом О. Флетхеймом, которой представление о справедливости связано с будущей организацией общества.

Важное место в футурологии заняла теория постиндустриального общества (У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт, Г. Кан и др.), согласно которой понятие справедливости, как и ее осуществление, носит прагматический характер и зависит от соответствующей стадии “индустриального общества”. Стадия каждого государства определяется уровнем развития промышленности, выражаемым обобщенным показателем величины валового национального продукта.

Приведенное выше рассмотрение понимания проблемы справедливости в процессе развития человеческого общества показывает сложность и многоаспектность содержания этого социального и нравственного явления. Бесспорно, понимание справедливости неоднозначно. Оно носит исторический и национальный характер. Каждый человек имеет свое представление о справедливости, которое определяется уровнем его воспитания и образования, его социальным и имущественным положением, отношением к определенному сословию, классу. Но у разных сословий, классов и иных объединений или групп людей интересы всегда будут различными, следовательно, различными будут и представления о справедливости в отношениях между людьми.

В тех случаях, когда невозможно установить отношения партнерства, общество нуждается либо в примирении людей с различными взглядами, либо в установлении обязательной для всех такой организации общества, которая представляется справедливой определенной группе, сословию или классу. Такую задачу и осуществляет государство посредством установления норм права. Еще древний мыслитель Сократ связывал понятия справедливости и права, понимая, что в рабовладельческом обществе справедливость при отсутствии равенства между людьми можно поддерживать силой государства, защищая справедливость для рабовладельцев и не признавая ее для рабов.

В современном демократическом государстве правовая культура содержит следующие признаки справедливого построения общества.

Во-первых, отражение в законах интересов большинства граждан. Это, в частности, означает справедливое распределение валового национального продукта. Минимальное требование здесь — обеспечение достойного уровня жизни людей, недопущение существенного разрыва в соотношении числа богатых и количества людей, живущих ниже черты бедности.

Во-вторых, создание такой системы права, которая полностью соответствует данной социально-экономической форме организации общества.

В-третьих, обеспечение государственной исполнительной властью справедливого применения действующих нормативных актов, в частности, исключение коррупции чиновничьего аппарата и организация борьбы с криминальными элементами в обществе.

В-четвертых, организация четкой, своевременной и объективной судебной защиты прав граждан.

Правовая культура современной России не содержит ни одного из перечисленных принципов, а следовательно, российское общество сегодня — это недемократическое, несправедливо организованное общество, управляемое государством, не обладающим общепринятой правовой культурой.

И. Е. ТАРХАНОВ.

доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Культура есть исторически определенный уровень развития общества, а также состояние творческих сил и способностей человека на определенном историческом этапе развития этого общества. Это способ организации жизни и созидательной деятельности людей, основная нормативная система функционирования человеческого общества. Культурные нормы исторически первичны, они составляют основу других нормативных систем: нравственности, религии, эстетики, права. Правила общественного поведения, сформировавшиеся вследствие эффективной практики, закрепляются в человеческом обществе в качестве культурных норм и лишь в течение исторического периода приобретают формы нравственного или религиозного долга, правового требования, то есть становятся общеобязательными. Отбор культурных норм, которые являются особо значимыми и необходимыми, производится обществом в лице (как правило) наиболее авторитетных его представителей. Культурные нормы приобретают новые качества и превращаются в правовые нормы. В юридические правила поведения могут превращаться разные виды человеческих отношений при условии, что они стали частью культуры общества. Поэтому все юридические нормы являются составной частью норм культуры, но далеко не все нормы культуры являются правовыми.

Таким образом, правовая культура общества является особым социальным явлением, представляющим собой качественное юридическое состояние личности и общества. В этом смысле *правовая культура* общества — это разновидность общественной культуры, отражающая существенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики. Правовая культура, как утверждает В. П. Сальников, это “совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании... Элементами правовой культуры являются: состояние права, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческая и правоприменительная деятельность, а также вся позитивная юридическая действительность.

Состояние правовой культуры общества может быть правильно понято лишь в комплексе с социальным прогрессом, с учетом реально признаваемой преемственности всего лучшего из прошлой истории, развития общества в настоящем и перспектив его в будущем.

Правовая культура является условием обеспечения прав человека, свободы и безопасности личности, гарантом правовой защищенности и гражданской активности людей.

Правовая культура личности является составной частью, компонентом правовой культуры общества, отражает степень и характер его развития, обеспечивает правомерную деятельность личности, в процессе которой происходит обогащение как самой личности, так и стабильное развитие общества. Уровень и состояние правовой культуры личности зависят от общей образованности человека и, безусловно, от *правового воспитания*. Правовая культура личности предполагает ее творческую деятельность, соответствующую прогрессивным достижениям общества в правовой сфере, благодаря чему происходит постепенное правовое обогащение индивида.

При анализе состояния правовой культуры личности необходимо учитывать, во-первых, степень подготовленности ее к восприятию цивилизованных правовых идей, умение и навыки пользоваться правом, а также оценкой собственных знаний права; во-вторых, уровень творческой

деятельности личности в развитии правовых знаний, в умении их распространять и применять; в-третьих, необходимо знать уровень социального развития человека, его специальную подготовку и способность вырабатывать свои правовые культурные ориентиры.

Для поддержания и развития уровня правовой культуры большое значение имеет правовое воспитание. С одной стороны, это целенаправленный, организованный, управляемый педагогический процесс воздействия на правосознание индивидов и социальных групп, осуществляемый с помощью системы специально созданных правовоспитательных средств и форм. Особое место в правовоспитательном процессе имеет система высшего юридического образования в юридических учебных заведениях и на юридических факультетах университетов, а также в юридических вузах правоохранительных министерств и ведомств. Все юридические вузы проводят обучение по единой специальности — правоведение (юриспруденция). Это общественная наука, изучающая право как особую систему социальных норм, правовые формы организации и деятельности государства и политической системы общества в целом.

С другой стороны это процесс воздействия на правосознание воспитуемых путем выработки правовых чувств, идей, взглядов, оценок, установок, представлений и других проявлений, выражающих отношение индивида к праву, к юридической практике, правам, свободам и обязанностям граждан как к желаемому праву, к другим желаемым правовым явлениям.

Высшим проявлением юридически значимого поведения, всей правовой культуры граждан выступает их социально-правовая активность, предполагающая личное участие в решении правовых вопросов, в укреплении законности и правопорядка, готовность противодействовать правонарушениям. Таким образом, социально-правовая активность структурно состоит из двух тесно связанных составляющих. Первая — постоянная внутренняя готовность граждан к активным действиям по обеспечению законности и правопорядка в обществе, а вторая — практическая инициативная деятельность.

Важнейшим внутренним источником правовой активности личности является положительная социально-правовая установка, т. е. принципиальная духовная направленность на ценности правовой культуры общества. Другими словами, правовое сознание налицо, если у его носителя сформирована положительная социально-правовая установка. Оно отсутствует (не сформировалось, деформировалось, разрушилось и т. д.), если такой установки нет или ее место занимает отрицательная социально-правовая установка.

Социально-правовые установки определенным образом соотносятся с таким аспектом правосознания, как уважение к праву, и оказывают принципиальное воздействие на поведение граждан. Они указывают на признание права или отрицание его. Это лишь потенциальная, а не фактическая позиция личности. На принятие конкретных решений могут оказывать влияние множество факторов. В этом случае и будет проявляться подлинное отношение личности к действующим правовым нормам.

В зависимости от уровня правовой культуры и некоторых других факторов правосознание граждан может быть деформировано, т. е. искажено. В этом случае правовые по своей природе взгляды, знания, установки превращаются в неправовые конструкции и даже могут превратиться в преступное сознание, т. е. в принципиальное отрицание исходной правовой идеи.

Деформация правового сознания может проявляться в разных формах вплоть до уродливых, опасных для общества. Различают три формы деформации индивидуального правосознания:

1. *Правовой инфантилизм* — наиболее мягкая форма искажения правового сознания, например, в связи с недостаточностью правовых знаний, установок, несформированности правового сознания. Он проявляется не только в неполноте правовых знаний, но и в отсутствии позитивного отношения к закону, правовой норме.

2. *Правовой нигилизм* — осознанное игнорирование требований закона, но исключаящее преступный умысел. Это наиболее распространенная форма деформации правового сознания. Спорным является утверждение, что при правовом нигилизме имеется активная противоправная тенденция личности или проявляется полное неверие в потенциальные возможности права. Некоторые правоведы утверждают, что здесь имеет место позиция полного отрицания права и замена его интересами или злой целесобразностью.

3. *Перерождение правового сознания* — крайняя форма искажения, связанная с правовым нигилизмом. Эта форма деформации правосознания является самой опасной. Право, закон, правовой акт отрицаются. Однако степень общественной опасности *зависит от мотивации*, но, в конечном счете, — от сознательного отрицания закона. Перерождение правового сознания проявляется в

виде совершения умышленных преступлений. Перерождение правового сознания возможно и у юристов, особенно у работающих в правоохранительных органах. Оно проявляется в произвольном толковании законов, совершении преступлений, связанных и не связанных с использованием служебных полномочий, попадании под влияние преступных элементов и т. д.

Важнейшим средством предотвращения деформации индивидуального сознания является *правовое воспитание*, т. е. выработка устойчивых правовых идей и принципов, а также систематическое воздействие на индивидуальное и групповое правосознание, достижение должного уровня правовой культуры воспитуемых.

Основными целями формирования высокого уровня правосознания граждан, ориентирования их на повышение социально-правовой активности являются:

- знание системы основных правовых предписаний, правильное понимание и уяснение их содержания и значения;
- глубокое уважение к праву, законности и правопорядку;
- умение самостоятельно применять правовые знания на практике, согласовывать свое поведение и личное отношение к действительности с правовыми знаниями;
- привычка поведения должна соответствовать полученным правовым знаниям;
- формирование устойчивого правового иммунитета к совершению любых правонарушений.

Эффективность процесса правового воспитания предполагает активную деятельность не только воспитателей, но и воспитуемых. Формирование правосознания — двойственный процесс: сначала идет накопление правовых знаний индивидами или общественными группами, а затем — превращение накопленной информации в личные убеждения. Таким образом, процесс правового воспитания состоит в переходе правовых знаний в правовые убеждения воспитуемых, а в конечном итоге — во внутренние духовные ценности.

Основная задача правовоспитательного процесса будет решена в том случае, когда в правосознании воспитуемых возникнет комплекс правовых знаний и убеждений, правовых потребностей и правовых привычек. Компонентом правового сознания и бытия выступает правовая культура. Присущие ей идеалы, правовые нормы, принципы и традиции могут способствовать консолидации социальных групп, граждан. Она позволяет не только осуществить правовое общение между людьми, но и регулировать их взаимоотношения в правовой сфере. Регулятивная функция правовой культуры реализуется через правовые и другие социальные нормы. Она вносит элемент упорядоченности в общественные отношения.

Ю. А. ЛУКИЧЕВ,

Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ГУМАНИЗАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ — ПОКАЗАТЕЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

К культуре общества в широком понимании относится все, что создано человечеством, т. е. совокупность средств производства и материальных благ, идейное, нравственное, правовое состояние общества, выраженное в его быте, идеологии, образовании, достижениях наук (в том числе и правовых).

Право неотделимо от культуры, существующей в данном обществе. Являясь необходимым элементом духовной культуры общества, право играет важную роль в его жизни. В юридических нормах выражаются и закрепляются достижения материальной и гуманитарной культуры. Значение права как одного из элементов гуманитарной культуры выразилось в том, что на практике и в науке сложилась особая категория — правовая культура.

Термин «правовая культура» в последнее время широко употребляется. Он означает довольно сложное явление, и не случайно в философской и юридической литературе встречается немало различных его определений. Одним из наиболее полных является определение, сформулированное С. С. Алексеевым, который полагает, что правовая культура характеризуется состоянием: правосознания в обществе; законности, прочности правопорядка; законодательства; практической работы правоохранительных, иных государственных органов и общественных организаций по применению норм права.

Таким образом, под правовой культурой общества понимается обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом правового развития субъекта, а также степени гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ответственностью ее перед обществом.

Из этого следует вывод: правовая культура — это качественное состояние правовой жизни общества.

А что в обществе ценнее всего? Какое из прав человека может быть более основополагающим или заслуживать большего уважения, чем право на жизнь? Право на жизнь является самым важным и основным из прав человека. Это та основа, на которой зиждутся все права человека. Вопрос о смертной казни ставится в важнейших международных документах: путем постепенного ограничения применения смертной казни прийти к конечной цели — ее отмене во всех странах и таким образом везде гарантировать каждому человеку право на жизнь, закрепленное в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на жизнь...»

Однако мировое сообщество лишь на начальном этапе этого пути. По данным ООН, смертная казнь отменена полностью в 23 странах, а сохранена более чем в 100. Смертная казнь отменена во всех странах Западной Европы (в том числе во Франции, в Англии, Нидерландах, Германии, Австрии, Финляндии, Швеции), в ряде стран Латинской Америки (в Колумбии, Бразилии, Мексике, Венесуэле и других), в Канаде, в некоторых штатах США.

Как известно, определенное время смертная казнь в США была отменена, однако с тех пор, как в 1976 году Верховный суд восстановил право казнить преступников, она на сегодняшний день применяется в 36 штатах из 50. При этом используются различные виды смертной казни. В 22 штатах — это смертельные инъекции, в 13 штатах применяется электрический стул, в 7 штатах — повешение, в 5 — расстрел и в 5 — газовая камера. В некоторых штатах используется несколько видов смертной казни. Например, в штате Арканзас преступник может быть расстрелян, казнен на электрическом стуле или с помощью смертельной инъекции. В отдельных штатах преступнику предоставлено право выбирать форму своей смерти. По желанию приговоренных к смерти им накануне казни могут быть сделаны инъекции психотропных препаратов. Всего после отмены в 1976 году запрета на смертную казнь на сентябрь 1993 года было казнено 188 человек, из них расстались с жизнью на электрическом стуле — 98, 83 — были сделаны смертельные инъекции, 6 человек опрaвлены в газовые камеры и одного расстреляли.

Судя по сообщениям печати и телевидения, в США сейчас, в обстановке резкого роста преступности, речь идет не об отмене смертной казни, а о расширении ее применения. В законопроекте, направленном президентом Биллом Клинтонem в Конгресс, предусмотрено 70 видов преступлений, подпадающих под наказание смертной казнью, причем предлагается распространить ее и на несовершеннолетних, совершивших убийства, грабежи и изнасилования приотягчающих обстоятельствах.

Озабоченность международного сообщества в плане содействия осуществлению и защиты самого основного и очевидного из прав человека усилилась в последние годы с осознанием того, что пренебрежительное отношение к человеческой жизни является широко распространенным и угрожает самим основам цивилизованного человеческого общества. Этот вопрос больше не является вопросом, рассматриваемым исключительно в рамках внутренней юрисдикции государств, а приобрел международное значение. В этой связи следует отметить, что в 1989 году Генеральная Ассамблея ООН приняла второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертную казнь. В самом же Международном пакте о гражданских и политических правах в статье 6 указано: «Право на жизнь охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Кроме того, в этом международном документе отмечается, что в странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления, а каждый, кто приговорен к смертной казни, имеет право просить о помиловании или о смягчении приговора. Смертный приговор не должен выноситься за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин.

В нашей стране смертная казнь отменялась трижды — в 1917, 1920 и 1947 годах и всякий раз восстанавливалась. На декабрь 1996 года смертная казнь предусматривалась в качестве меры наказания (в мирное время) за 11 преступлений. В 1991 году исключительная мера наказания была назначена 147 осужденным, в 1992 году — 159.

В период подготовки нового уголовного законодательства в нашей стране велась активная дискуссия вокруг проблемы смертной казни. Является ли она фактором, сдерживающим преступность? Нарушает ли она права человека? Применять ли ее в современный период развития общества или отказаться от этого? На эти и многие другие вопросы по-разному отвечают ученые, юристы-практики, общественные и политические деятели, граждане. И хотя в принципиальном плане практически все они высказываются за отмену смертной казни, есть серьезные расхождения в оценке сроков осуществления данного гуманного акта.

Стремление к отказу от смертной казни нашим государством сначала было выражено в принятой Верховным Советом РФ «Декларации прав и свобод человека и гражданина.» В статье 7 установлено: «Государство стремится к полной отмене смертной казни. Смертная казнь впредь до ее отмены может применяться в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления только по приговору суда с участием присяжных». Затем это стремление закреплено в статье 20 Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. С принятием Государственной Думой 24 мая 1996 года нового Уголовного кодекса РФ, который вступил в действие с 1 января 1997 года, смертная казнь в России как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления и предусмотрена за совершение 5 преступлений (ст. 105 — убийство, ст. 277 — посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ст. 295 — посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, ст. 317 — посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, ст. 357 — геноцид). Кроме того, исключительная мера наказания не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста, т. е. эта мера наказания может быть применена только к мужчинам в возрасте от 18 до 65 лет. Законом предусмотрена в порядке помилования замена смертной казни пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок до 25 лет. После вступления приговора о смертной казни в законную силу, каждое дело проверяется в порядке надзора Председателем Верховного суда и Генеральным прокурором РФ. Вне зависимости от ходатайства осужденного о помиловании дело направляется в Комитет по вопросам помилования при Президенте РФ, где рассматривается вопрос о помиловании осужденного.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что наша страна встала на путь гуманизации применения исключительной меры наказания, и ее практика в этом вопросе стала соответствовать международным документам, что дает основание признать важный факт — несмотря на трудности переходного периода развития государства наше общество стремится стать обществом правовой культуры.

М. Г. ЛЮБАРСКИЙ,

доцент кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА И УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В соответствии со ст. 78 УПК РСФСР, «Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле». В ст. 74 ГПК РСФСР зафиксировано, что «Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных познаний в области науки, техники, искусства или ремесла, суд назначает эксперта».

Согласно сложившейся в Российской Федерации практике, подавляющее большинство криминалистических экспертиз назначается судебно-следственными органами, прокурорами или лицами, проводящими дознание, и производится в государственных экспертных учреждениях Министерства

юстиции и Министерства внутренних дел РФ и лишь незначительная часть — в учреждениях Министерства обороны и других ведомств. Вместе с тем в качестве экспертов могут привлекаться и иные лица, не работающие в государственных экспертных учреждениях, но хорошо зарекомендовавшие себя как высококвалифицированные специалисты, обладающие необходимыми специальными знаниями и большим опытом работы.

Какими же критериями руководствуются суды, прокуроры, следователи, дознаватели и иные учреждения и лица, назначающие криминалистические экспертизы или испытывающие необходимость в получении заключения эксперта?

Лицо, назначающее экспертизу, при направлении материалов в экспертные учреждения свое право выбора эксперта или специалиста передоверяет руководителю экспертного учреждения, который отвечает за квалификацию, деловые и моральные качества экспертов или специалистов. Но это не устраняет, конечно, права лица, назначающего экспертизу, назвать конкретного специалиста, которому доверяется это исследование.

Руководитель экспертного учреждения не может отказать в выборе специалиста, если нет каких-либо серьезных причин, препятствующих этому. В случаях же персонального назначения эксперта или специалиста, суд, прокурор, следователь, дознаватель берут на себя всю полноту ответственности за свой выбор. Они должны хорошо знать специалиста, быть убежденными в его профессиональных знаниях, опыте, уровне правовой культуры и умении работать с участниками процесса и судебного разбирательства.

Но, для того чтобы правильно выбрать необходимого специалиста, суметь проверить и убедиться в его компетентности, сами участники процесса и, соответственно, судебного разбирательства должны обладать в достаточной степени профессиональной и правовой культурой. Они обязаны разбираться хотя бы в общих вопросах криминалистической экспертизы, быть знакомыми с научно-техническими средствами, возможностями применения достижений естественно-технических наук в исследованиях вещественных доказательств. Только обладая достаточной квалификацией, участники процесса могут правильно зафиксировать, изъять, подготовить материалы для криминалистической экспертизы, поставить вопросы перед экспертом, оценить и использовать его заключение как доказательство.

Плохое знание комплекса вопросов, связанных с подготовкой и назначением криминалистических экспертиз, обусловлено недостатками подготовки юристов в высших учебных заведениях, где уделяется некоторое внимание криминалистической технике, но лишь попутно освещаются вопросы криминалистической экспертизы, составляющей самостоятельный раздел в курсе криминалистики.

Только систематическая и всесторонняя подготовка студентов-юристов по разделу криминалистической экспертизы позволит им в будущей самостоятельной деятельности правильно собрать материалы, четко сформулировать вопросы, сообщить эксперту все необходимые ему данные, подобрать в достаточном объеме качественные образцы для исследования, грамотно сформулировать приостановление или определение, выбрать необходимое экспертное учреждение. Судья, прокурор, следователь или лицо, производящее дознание, хорошо подготовленные в вопросах криминалистической экспертизы, всегда сумеют сделать правильный выбор учреждения и эксперта.

Какими же качествами должен обладать эксперт, чтобы успешно осуществлять свои функции? Эксперт-криминалист должен иметь юридическое или естественно-техническое образование. В настоящее время к эксперту предъявляются более повышенные требования — обязательное высшее образование. Он должен получить и специальную подготовку, т. е. быть аттестованным комиссией в качестве эксперта-криминалиста с выдачей свидетельства (удостоверения) о профессиональной подготовке. Каждые несколько лет эксперт, работающий в государственном экспертном учреждении, проходит переаттестацию, подтверждая свой профессиональный уровень. Большое значение для оценки этого уровня эксперта-криминалиста имеет наличие у него ученой степени и звания, научных трудов, а также стаж работы по избранной специальности. Опыт, не ограничивающийся только работой в лаборатории, а приобретенный экспертом-криминалистом в процессе многолетней практики, — основной залог успеха его работы. Этот опыт должен быть многосторонним. Опытный эксперт-криминалист должен уметь обнаружить, зафиксировать, изъять и упаковать вещественные доказательства, дать исчерпывающие консультации по подготовке образцов для исследования, провести предварительное исследование на месте происшествия. Он обязан четко знать свои процессуальные права и обязанности, принимать активное участие в исследовании доказательств, оказывать всестороннюю помощь участникам процесса в пределах, предусмотренных законом. Все

это достигается постоянной учебой в экспертных учреждениях, наставничеством, помощью наиболее подготовленных и опытных экспертов.

Сложнее обстоит дело в случаях, когда участники процесса приглашают эксперта (специалиста), не работающего в экспертном учреждении. Он должен обладать всеми качествами и отвечать всем требованиям, предъявляемым к штатным экспертам (наличие специального образования, подготовки, опыта работы и др.). Проверку указанных качеств, а также разъяснение эксперту его процессуальных прав и обязанностей, предупреждение его об ответственности за отказ от дачи заключения и (или) дачу заведомо ложного заключения производится прокурором, следователем, дознавателем или судом. Они берут на себя всю полноту ответственности за качество работы эксперта и должны особенно тщательно подойти к оценке его выводов, к примененной методике исследований и к использованию научно-технических средств.

Требуется рассмотреть еще один аспект профессионализма и правовой культуры участников судебного разбирательства — их компетентность в постановке перед экспертом вопросов, допросе эксперта и оценке его выводов, а также умение различать дополнительную, повторную, комиссионную, комплексную и ситуационную экспертизы.

Участники процесса должны четко представлять себе пределы компетенции экспертов-криминалистов, для того чтобы задавать им только те вопросы, на которые эксперты могут ответить. Кроме того, необходимо помнить, что эксперты-криминалисты имеют более узкую специализацию (специалисты-подчерковеды, эксперты по техническому исследованию документов, трассологи, баллисты, физики, химики, биологи и др.). Вопросы перед ними должны ставиться в пределах указанной узкой специализации, т. к. в этих случаях расширяется круг вопросов, которые они компетентны решать. Пределы своей компетенции устанавливает сам эксперт. При допросе эксперта участники процесса должны ставить только те вопросы, которые направлены на разъяснение и уточнение ранее данного заключения. Эксперт, в свою очередь, имеет право ходатайствовать о предоставлении ему времени для подготовки ответов на поставленные вопросы. Все новые вопросы должны оформляться дополнительными постановлениями или определениями.

Оцениваются выводы эксперта в совокупности со всеми доказательствами, добытыми в процессе следствия или судебного разбирательства.

Никакого преимущественного значения заключение эксперта по отношению к иным доказательствам не имеет.

СЕКЦИЯ VIII. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА ПУТЯХ ОБНОВЛЕНИЯ

В. С. ГОНЧАРОВ,

заместитель председателя Федерации Независимых Профсоюзов
России

III СЪЕЗД ФНПР ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ТРУДЯЩИХСЯ

В числе важнейших направлений деятельности Федерации Независимых Профсоюзов России III съезд ФНПР назвал реализацию прав граждан на достойный уровень жизни и социальную защиту. В программном документе ФНПР, принятом съездом, сформулированы приоритеты по этому направлению деятельности.

Главная цель — сохранение социальных гарантий и их основы — внебюджетных социальных фондов. Она и определяет практические действия ФНПР.

1. ФНПР намерена всемерно добиваться усиления социальной ориентации политики реформ, определения ее приоритетных направлений через механизм социального партнерства. В этой связи потребуются совершенствование практики заключения коллективных договоров и соглашений, активизация участия профсоюзов в законотворческой деятельности, в работе всех социальных систем.

2. ФНПР будет последовательно добиваться доведения доходов трудящихся и членов их семей на основе социальных нормативов и индикаторов до уровня, обеспечивающего их реальные потребности — на получение полноценного питания и жилья, образования, оплату коммунально-бытовых услуг, на основные виды страховой помощи, медицинское обслуживание, санаторно-курортное лечение, оздоровление и отдых, занятия физической культурой, спортом, туризмом, пользование ценностями культуры.

Необходимо на всех уровнях осуществление профсоюзного контроля за дифференцированным соотношением платных и бесплатных социальных услуг для различных по доходам категорий граждан за счет соответствующей налоговой политики и льгот, рационального использования бюджетных средств и средств внебюджетных социальных фондов на социальную защиту.

3. ФНПР выступает за выработку и осуществление стратегии и тактики системной реформы, социального страхования в Российской Федерации в соответствии с международными нормами и конвенциями МОТ, предусматривающими гарантированный уровень и объемы социальной защиты работающих граждан, пенсионеров, инвалидов и безработных.

4. Весьма актуальной является задача обеспечения участия профсоюзов наравне с другими социальными партнерами в управлении средствами внебюджетных социальных фондов, организации общественного контроля за их целевым и рациональным использованием.

Профсоюзы в первую очередь должны обеспечивать упреждающую реакцию на действия органов государственной власти и управления, ведущие к снижению уровня социальных гарантий.

5. В нынешних социально-экономических условиях очень важным является осуществление профсоюзами за счет средств социального страхования организации и проведения оздоровительных мероприятий среди членов профсоюзов и их семей. Именно профсоюзам должна принадлежать ведущая роль в определении политики ценообразования на путевки санаторно-курортного лечения.

6. ФНПР более эффективно намерена противодействовать дальнейшему обнищанию пенсионеров, добиваться обеспечения их достойного уровня жизни, реформирования системы пенсионного обеспечения граждан, повышения минимальной пенсии до уровня не ниже прожиточного минимума, актуализации уровня пенсии и заработка прошлых лет с учетом фактического индекса цен, трудового вклада каждого, проведения разумной политики установления пенсионных льгот, реализации в полном объеме федерального закона о ветеранах.

7. Важная задача — предотвращение развала учреждений социально-культурной сферы, находящихся под управлением или в собственности профсоюзов, предоставление им равных с

аналогичными государственными и муниципальными учреждениями финансово-экономических условий деятельности, в том числе по налогообложению, оплате коммунальных услуг, выделению бюджетных средств за предоставляемые населению бесплатные услуги и выполнение социально-творческих заказов.

Профсоюзы должны инициировать создание и осуществлять профсоюзный контроль за реализацией федеральных и региональных программ по защите социально-культурных интересов семьи, женщин, молодежи и детей.

В. Я. САЛЕНКО,

первый проректор Академии труда и социальных отношений

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ

Профсоюзное движение России как в целом, так и в системе ФНПР, ее членских организаций, характеризуется сегодня как движение, набирающее ускорение после трудного, а порой мучительно-го и затяжного периода поиска своего пути в новой социально-экономической и политической обстановке в перестроечное и постперестроечное время. Ни один профсоюз мира одновременно не сталкивался с таким комплексом проблем, с каким столкнулись российские профсоюзы: смена политической системы, изменение структуры и функций органов власти, форм собственности, разрыв экономических связей, спад или остановка производства, неплатежи, инфляция, рост цен, невыплата зарплаты, падение уровня жизни, безработица, миграция, расслоение общества, рост преступности, трудовые, гражданские конфликты и т. п. При этом надо учитывать, что из всех общественных объединений трудящихся только профсоюзы остались на первичном, основном уровне, они стали своеобразным громомтоводом общественного мнения, взяли на себя груз житейских забот, гаранта производственной демократии в трудовых коллективах, защиты интересов трудящихся на всех уровнях.

Ключевым моментом в развитии профсоюзного движения России стал 1990 год, когда была создана Федерация Независимых Профсоюзов России. Произошла не просто смена вывески — произошло качественное реформирование профдвижения. Сегодня ФНПР объединяет 122 членские организации, в том числе 43 отраслевых профсоюза, 79 территориальных объединений. Более 380 тысяч первичных профсоюзных организаций объединяют около 45 млн человек. Членские организации ФНПР охватывают 88,5 % от числа работающих на предприятиях и в учреждениях всех форм собственности.

При этом все же следует отметить, что в последнее время наблюдается тенденция к снижению профсоюзного членства. Этот процесс имеет под собой ряд объективных причин: структурная перестройка в экономике страны, развитие различных форм собственности; рост числа безработных и занятых в неорганизованном мелком бизнесе; миграция рабочей силы. Ряд причин — в недоработке самих профсоюзов: не всегда эффективна их роль в защите социально-экономических интересов человека труда, недостаточный уровень их правовой защиты, отсутствие должного профсоюзного единства в решении сложных проблем переходного периода.

Вместе с тем, как показало проведенное Академией труда и социальных отношений социологическое исследование, вопреки высказываемым утверждениям о снижении роли и авторитета профсоюзов, члены профсоюза верят в свой союз, и основными мотивами профсоюзного членства для большинства из них являются: надежда на то, что профсоюз способен защитить разнообразные интересы работников; стремление к объединению для защиты профессионально-экономических интересов работника. И только около 8 % опрошенных считают, что их ничто не удерживает в профсоюзе.

Во взаимоотношениях с властями и работодателями ФНПР идет путем социального партнерства. Сегодня в России действует целая система соглашений, начиная с генерального соглашения и включая отраслевые тарифные соглашения, трехсторонние соглашения в регионах и коллективные договоры на предприятиях. При активном участии ФНПР в начале 1996 г. в Академии состоялась научная конференция "Человек: социальная политика, социальное партнерство". Конференция подчеркнула необходимость совершенствования правовой базы социального партнерства, разработки

эффективного механизма ответственности за выполнение заключаемых договоров и соглашений на всех уровнях. Государство должно стать активным организатором переговорного процесса и обеспечения правила: принятию всех соответствующих бюджетов и смет на следующий год должны предшествовать разработка коллективных договоров и соглашений на этот период. Со своей стороны профсоюзы должны усилить внимание к коллективным договорам непосредственно на предприятиях. Поддержана инициатива профсоюзов в разработке и принятии федерального закона о социальном партнерстве, необходимости приведения законодательства России в соответствие с международными нормами, ускорении ратификации конвенций МОТ, регулирующих социально-трудовые отношения.

Как известно, в соответствии со статьей 7 Конституции Российская Федерация является социальным государством. Однако это пока только слова: присущих такому государству способов воздействия на экономическую и социальную жизнь страны еще не найдено. Пытаясь положить хотя бы начало серьезной работе в этом направлении, ФНПР в сентябре прошлого года организовала в рамках круглого стола научную дискуссию "Российская Федерация — социальное государство". Признано целесообразным провести специальную Всероссийскую конференцию по этой проблеме, результатом которой должно стать принятие общенациональной программы, определяющей основные цели и задачи социального государства, его научную концепцию, этапы становления; закрепляющей конкретные обязательства государства, субъектов федерации, профсоюзов и других общественных организаций по согласованным действиям в рамках единой общенациональной идеи.

По поручению ФНПР Академией проведено исследование "Социально-экономические последствия консолидации социальных внебюджетных фондов в федеральном бюджете и проблемы социальной защиты населения". Сделан обоснованный вывод: эта мера приведет к снижению уровня социальной защищенности населения, в конечном итоге может привести (и приведет) к резкому нарастанию социальных рисков каждого конкретного работника, т. к. фактически произойдет замена государственной системы социального страхования всепомоществованием. Данные выводы взяты на вооружение ведущим Российским профцентром в его борьбе за интересы трудящихся.

Важным моментом в развитии профдвижения России стал III съезд ФНПР. С учетом современных реалий съездом принята новая редакция Устава ФНПР. Съезд принял также программный документ Федерации Независимых Профсоюзов России, определяющий роль профсоюзов в современном обществе, цели и принципы деятельности, план конкретных мер до 2000 года. Принят ряд резолюций по важнейшим вопросам: о социальном партнерстве, социальном страховании, охране труда, о единстве профсоюзного движения и др.

Документы съезда будут, бесспорно, способствовать дальнейшему совершенствованию профсоюзного движения России, повышению роли профсоюзов во всех сферах общественной жизни.

В. И. НОСАЧ,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики профсоюзной работы Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФСОЮЗОВ И ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

1. Уже более девяноста лет российские профессиональные союзы в той или иной мере взаимодействуют с государственными органами и государством в целом. Вначале гонимые и преследуемые как государством, так и его репрессивными органами, профсоюзы своей правозащитной деятельностью завоевали право на признание. Таким законодательным актом явился Закон от 4 марта 1906 года под названием "Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, и для владельцев этих предприятий". Это был первый закон о профсоюзах России, который в своих сорока статьях регламентировал образо-

вание и деятельность российского профдвижения. В этом и других актах рабочего законодательства были определены роль и права государства и работодателей-собственников в области взаимоотношений с представителями работников наемного труда. За долгие годы своего существования профсоюзное движение, выступающее от имени наемных рабочих, выработало целый свод норм и принципов взаимодействия.

Российские профсоюзы, применяя различные формы и методы работы, но не изменяя своей сущности — оставаясь всегда представителем и защитником людей труда, — прошли большой и поучительный путь развития.

Этот опыт подлежит научному изучению и обобщению. Нынешнее российское профдвижение должно использовать прежний опыт и развить его творчески с учетом новых условий и задач.

2. Радикальные преобразования российского общества сопровождаются сегодня кризисными процессами в политической, социально-экономической и духовной жизни народа. Позитивные сдвиги в демократизации, политизации общества в период перехода к рынку носят противоречивый характер. В стране снижается уровень жизни населения, идет расслоение общества и в связи с этим обостряются экономические и социальные проблемы. В условиях перехода к рыночной экономике профсоюзам приходится испытывать давление не только со стороны государственных органов, но и средств массовой информации. Развернута массированная атака по очернению и компрометации деятельности профсоюзов. Высказываются прямые обвинения о развале производства, снижении жизненного уровня трудящихся, неустойчивости социальных гарантий в обществе и прямой конфронтации с государственными органами. Приводятся ссылки на якобы соглашательские позиции профсоюзных организаций, нарушения принципов социальной справедливости и социального партнерства.

В настоящее время в российском обществе проявляются признаки, характерные для периода раннего капитализма: подталкивание профсоюзного движения к расколу с целью ослабления его влияния в обществе; потеря трудящимися важных социальных завоеваний (и прежде всего гарантированного права на труд); обоснование “теории” о том, что профсоюзы якобы тормозят развитие рыночных отношений; стремление вытеснить профсоюзы или принизить их влияние на предприятия. Высказываются прямые призывы к ликвидации профсоюзов.

Однако, несмотря на эти негативные явления, сегодня в условиях коренных изменений социально-экономических и трудовых отношений стала актуальной необходимость создания новой системы взаимодействия профсоюзов и государства, соответствующей рыночной экономике и базирующейся на цивилизованных формах взаимоотношений между работодателями, наемными работниками, органами государственной власти.

Основные принципы социального партнерства изложены в Указе Президента Российской Федерации “О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)”, в законах “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”, “О коллективных договорах и соглашениях” и других законодательных актах. Отрицая конфронтацию и давление на работодателей и органы государственной власти, профсоюзы, защищая права трудящихся, стремятся к сохранению общественного равновесия, атмосферы законности и порядка, недопущению крайних форм конфронтации и непримиримости, использованию эффективного механизма реализации выработанной социальной политики и социального партнерства на всех уровнях. Но несовершенство нормативной базы взаимодействия профсоюзов и государства вызывает серьезные трудности в регулировании социально-трудовых и культурных интересов.

Переход к рыночной экономике, к капиталистическим общественным отношениям выдвигает перед профсоюзами новые задачи, в первую очередь связанные с борьбой за достойную оплату труда работающих, которая обеспечивала бы компенсацию расходов на жилье, образование, здравоохранение, культурные потребности и другие жизненно необходимые нужды, за совершенствование механизма взаимоотношений, паритетность и ответственность сторон социального партнерства.

3. Социально-экономические и политические проблемы, которые сегодня переживает наше общество, очень болезненно отражаются на социально-культурной и духовной жизни трудящихся. Экономическая нестабильность, разрушение исторически сложившихся хозяйственных и культурных связей, резкое сокращение бюджетных ассигнований в сферу культуры привели ее в тяжелейшее кризисное состояние. Фактически приостановлено строительство новых дворцов и домов культуры, клубов, творческих центров для детей и молодежи, спортивных залов и стадионов, библиотек и других учреждений культуры. В настоящее время ярко проявляется тенденция к снижению престижа духовных ценностей, катастрофически сужается социально-культурная сфера профсоюзов, которая совсем недавно занимала важнейшее место в общенациональной культуре. Только за

последние три года в системе профсоюзов России количество культучреждений клубного типа сократилось более чем на 50 %, почти повсеместно ликвидированы подростковые клубы, молодежные центры, развалилась система духовного и нравственного воспитания молодежи.

Для российского профдвижения исторически характерно, что с первых дней своего возникновения профсоюзы создавали клубы, библиотеки, вечерние школы, школы грамоты, общества самообразования, различные кружки художественного творчества. В недавнем прошлом профсоюзы проводили громадную работу по развитию творческого потенциала трудящихся. Ни в одной стране мира не было столь мощной системы самодеятельного художественного творчества рабочих, служащих и их детей, которая одухотворяла все общество. Профсоюзы не должны допустить оскудения отечественной культуры, обнищания духовно-нравственных ценностей, вместе с государственными органами обязаны заботиться о сохранении и развитии трудовых, бытовых, культурно-художественных традиций, которыми так богат наш народ.

Ответственность за сохранение культуры лежит на государстве, оно прежде всего ответственно и за состояние, и за развитие культуры. Но, к сожалению, в этот трудный период государство все более и более устранивается от ответственности за культуру, используя известный остаточный принцип ее финансирования.

Новая социально-экономическая ситуация, в которой оказалось общество, настоятельно требует объединения усилий государства, профсоюзов и других общественных структур по защите культуры, их всеобъемлющего взаимодействия по сохранению и приумножению культурных ценностей, национальных традиций и духовных интересов.

Профсоюзы, ближе всего стоящие к человеку труда, создающему и приумножающему культурные ценности общества, и всемерно заинтересованные в его культурном и духовном развитии, должны стремиться, чтобы культура и ее развитие стали единой заботой как государства, так и общественных организаций.

Л. Д. НЕЧАЕВА.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующая гуманитарным отделом Совета Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

ГОСУДАРСТВО И ПРОФСОЮЗЫ — РАВНОПРАВНЫЕ СУБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Выступая гарантом культуры, государство обязано обеспечить равные права и возможности всем субъектам культурной деятельности. Вмешательство и давление со стороны государства могут быть объяснимы лишь в том случае, когда нарушается гуманистическая сущность культуры.

В «Основах законодательства о культуре Российской Федерации», ряде других нормативно-правовых документов продекларированы недопустимость государственной монополии на культурную деятельность, государственная поддержка и содействие в развитии негосударственных учреждений и альтернативных общественных объединений в сфере культуры.

Реалии же таковы, что вместо функционирования в качестве равноправных субъектов единой социально-культурной инфраструктуры им приходится постоянно отстаивать свое существование. Монополия государства на культурную деятельность осуществляется через неравные условия в налоговой политике, в обеспечении организационно-правового статуса учреждений культуры. Элементы давления со стороны государства принимают порой уродливые и непредсказуемые формы. В 1991—1992 годах негосударственным домам и дворцам культуры было отказано в перерегистрации под предлогом отсутствия (на ту пору) закона о некоммерческих организациях. Государственных учреждений культуры эта проблема не коснулась, регистрация их произошла на основе циркулярного письма Министерства культуры. Культурно-просветительным учреждениям профсоюзов и предприятий было предложено избрать для себя одну из организационно-правовых форм, обозначенных в Законе «О предприятиях и предпринимательской деятельности», либо вообще прекратить самостоятельное существование и работать на правах структурного подразделения своего предприятия. На протяжении десятилетий негосударственные клубные учреждения несли культуру в массы

и были доступны всем, а не только членам профсоюзов или производственных коллективов; в одночасье их объявили коммерческими структурами и обложили налогами вровень с их хозяевами-предприятиями.

Именно на этот период пришлось резкое сокращение сети негосударственных учреждений культуры. Почти полностью исчезли студенческие клубы, клубы в рабочих общежитиях. Один за другим прекращают свое существование заводские клубы и дома культуры, расположенные в помещениях, предоставленных государством предприятиям на основе долгосрочных договоров об аренде. Резко взвинченная арендная плата за эти помещения оказалась не по карману измотанным экономическим кризисом предприятиям. Судьба таких учреждений культуры решается чиновниками “от культуры” и “от недвижимости”. Факты муниципализации попавших в критическую ситуацию негосударственных учреждений культуры редки, прецеденты передачи помещений непосредственно самим негосударственным учреждениям культуры за минимальную арендную плату вообще отсутствуют.

Трудно назвать мерой государственной поддержки налоговую политику в отношении учреждений культуры. Сделав под давлением общественности налоговую льготу, государство с лихвой наверстывает упущенное: с учреждений культуры стали взимать штрафы за нерентабельные направления деятельности. Многие десятилетия такие традиционные клубные формы, как коллективы художественной самодеятельности, народные студии, клубы по интересам, молодежные и детские досуговые объединения, были бесплатными или льготными для населения и, следовательно, нерентабельными в финансовом плане для дворца. Они существовали за счет других, рентабельных, видов деятельности, и это было социально оправданно: доступность культуры и досуга для малоимущих за счет способных оплатить услуги. Государство решило и здесь навести порядок: не имеешь — не ходи.

Финансируя учреждения культуры по остаточному принципу, государство тем самым создает благоприятную среду коммерциализации культуры, засилья серости, ширпотреба, непритязательно-го “развлекательства” по западному образцу.

Утрачены или доведены до исчезновения уникальные пласты самобытного народного и самодеятельного художественного творчества, системы внешкольного и вневузовского эстетического воспитания, культурного просвещения для многих категорий населения.

Государство должно создать систему экономических, социальных и правовых гарантий культурной деятельности, противодействовать массовой коммерческой культуре, ведущей к деградации нации, поддерживать учреждения культуры всех форм собственности, отвечающие задачам государственной культурной политики. Любое положительное решение в адрес негосударственных учреждений культуры окупится сторицей. Существование альтернативных учреждений культуры и общественных объединений будет поддерживать атмосферу здоровой конкуренции, способствовать снижению стоимости культурного досуга, влиять на его качество и доступность.

Государству следовало бы существенно расширить права и возможности в формировании культурной политики общественным профессиональным объединениям в сфере культуры: творческим и профессиональным союзам, ассоциациям, гильдиям. Лишение общественных объединений в соответствии с новой Конституцией Российской Федерации права законодательной инициативы не способствует развитию демократических процессов в законотворчестве. Законы в области культуры пишут, в основном, люди чиновные, по рукам и ногам “связанные” бюджетом. Отсюда — декларативность, низкая социальная и практическая ценность этих правовых актов.

В условиях хронических проблем с финансированием, с углублением в гуманитарной сфере кризисной ситуации недопустима ведомственная разобщенность субъектов культурного процесса. Для пользы общего дела необходимо развивать и всячески поддерживать разнообразные формы социального партнерства, основанного на уважении и взаимных интересах. Только совместными действиями можно добиться принятия работающих законодательных актов о культуре с гарантиями и правами для всех субъектов культуры, разработки и реализации мер, обеспечивающих разностороннее удовлетворение духовных потребностей трудящихся и их семей, доступ к культурным ценностям, введение гарантированных услуг в социально-культурной сфере для детей, молодежи, пенсионеров, других малообеспеченных слоев населения.

В. А. КАМЕНЕЦКИЙ,

руководитель Аппарата, управляющий делами Федерации
Независимых Профсоюзов России

НРАВСТВЕННОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВО

Касаясь очень сложного вопроса нравственности в экономике, мы сталкиваемся с различными взглядами на одни и те же процессы, происходящие в производстве.

Российское общество, как это еще раз продемонстрировали прошедшие президентские выборы, оказалось расколотым на две части. Главный источник расхождения во взглядах на будущее России заключается в вопросе о том, какие конкретные формы преодоления противоречий между трудом и капиталом являются наилучшими. В рядах сторонников коммунистической идеологии, как и в рядах ее противников, находятся десятки миллионов человек. Пытаясь как-то уменьшить раскол нашего общества, Президент в инаугурационной речи подчеркнул, что будет защищать интересы всех слоев российского общества.

Однако, если общество действительно разделяют антагонистические противоречия, то призывы типа: "Ребята, давайте жить дружно!" — вряд ли могут рассматриваться как форма разрешения этих противоречий. В том же, что такие противоречия действительно существуют, сомнений нет. А почему нет сомнений? Только потому, что наличие антагонистических противоречий в свое время "убедительно" обосновал Карл Маркс? Однако многое из того, что он утверждал, в жизни не подтвердилось. Так, может быть, и разработанная Марксом концепция производственного процесса, основанная на наличии антагонистических противоречий между его участниками, столь же недостоверна, как и другие его утверждения, например, о близком крахе капиталистической общественно-экономической формации? Если же на самом деле никаких антагонистических противоречий между трудом и капиталом нет, то "противоречия" порождены непониманием экономической сущности процесса производства и поддерживаются в сознании населения только из-за того, что созданы и действуют сотни, если не тысячи, организаций, для которых наличие "классового антагонизма" является единственным оправданием существования.

Понятие "классовый антагонизм" для нас, россиян, привычно и естественно. Однако, если взглянуть на этот вопрос с более общих позиций, то ничего естественного в этом нет. Существование человечества только потому и возможно, что в основе его лежат два никогда не прекращающихся процесса: воспроизводство самого человека и производство всего необходимого для обеспечения жизнедеятельности человека. Эти процессы могут успешно осуществляться только тогда, когда их участников объединяют общие цели и интересы. Если бы участников любого из этих процессов разделяли антагонистические противоречия, эти процессы просто бы прекратились. А вместе с ними прекратил бы свое существование и род человеческий.

Любые экономические концепции, если они действительно отражают объективные процессы, происходящие в человеческом обществе, не должны противоречить общим принципам существования самого общества, а, наоборот, должны подтверждать их действие в конкретной экономической сфере. Если же они противоречат друг другу, значит, где-то в рассуждениях допущены ошибки. Необходимо не только выявить эти ошибки, но выработать концепцию производственного процесса, полностью соответствующую той роли, которая принадлежит этому процессу в развитии человеческого общества.

Что же касается сегодняшних проблем развития российского общества, то его избавление от идеологии классового антагонизма вряд ли возможно переоценить.

Какой представляется цель, которую ставит перед собой собственник, капиталист, если следовать логике Маркса и его последователей? Капиталист участвует в производственном процессе якобы ради получения капитала, в отличие от наемного работника, который участвует в нем ради своих потребительских интересов. Различие в средствах достижения цели выдается за различие в самих целях. Капиталист стремится к увеличению своего капитала, но не ради самого капитала как такового, а видя в нем средство для достижения своих интересов и целей, которыми, как и у работника, является стремление получить средства для обеспечения своих потребностей.

Понимая зыбкость своей аргументации, Маркс пытается опереться на некоторые специфические качества, присущие только капиталисту: "... это стремление к абсолютному обогащению, это страстная погоня за стоимостью...", — вот на каком эмоциональном уровне характеризует Маркс собственника. Но эмоции — не аргумент. Гобсек или Скупой рыцарь, к которым полностью

применима вышеприведенная характеристика, только потому и стали литературными персонажами, что выпадали из общего ряда людей, занимающихся извлечением дохода за счет принадлежащего им капитала, и наглядно показывали, каким в определенных условиях может стать нормальный человек. В действительности все участники производственного процесса имеют совершенно одинаковую цель: путем своего участия в процессе производства получить средства для своего существования. Безусловно, что “существование” далеко не одинаковое.

Главное в том, что нельзя объяснить процесс, существовавший задолго до развития капитализма, с помощью понятий, присущих только капиталистическим производственным отношениям. Это все равно, что приход зимы объяснить тем, что у людей появились пугбы и валенки. Разве, когда у людей не было валенок и шуб зима не наступала? Разве, когда нет ни наемного труда, ни зарплаты, ни прибыли, нет и производственной деятельности?

В руках опытных политиков ошибочная экономическая концепция превратилась в стройную теорию классово-борьбы и диктатуры пролетариата. Пожалуй, ни одна теория, проповедовавшая религиозную или национальную исключительность, не принесла человечеству столько бед и несчастий, сколько принесла эта теория, основанная на классово-исключительности. Причем не только принесла, но и продолжает приносить.

Эксплуатация или просто зависть?

В свое время Маркс предложил весьма “оригинальный” метод определения наличия степени эксплуатации. Степень эксплуатации, по Марксу, — это отношение прибавочной стоимости (получает собственник) к необходимой (получает наемный работник). При этом не столь важно, сколько получает сам работник, лишь бы собственник получил как можно меньше. Знакомые мотивы, не правда ли? Народная мудрость характеризует подобную “логику” весьма образно: “Пусть моя корова сдохнет, лишь бы у соседа дом сгорел!”. И такая порочная психология довольно прочно сидит в сознании многих. Гораздо меньше возмущения вызывает факт собственной нищеты, если и все вокруг тоже нищие.

А почему бы не воспользоваться элементарной логикой и оценивать доход участника не с точки зрения того, больше он или меньше, чем у меня, а сопоставляя его с нормативным, т. е. с тем, каким он должен быть, исходя из полученного результата? Миллионы людей получают зарплату и другие выплаты, но никто не знает, почему такая и какой она должна быть. А когда это известно, то определить степень эксплуатации совсем не трудно: эксплуатации нет, если работник получает то, что ему полагается. А чтобы определить, что “полагается”, нужно учитывать не только затраты труда (что плохо ли, хорошо ли, но все-таки обеспечивают действующие системы оплаты труда), но и результаты труда, т. е. доход.

Защита на словах и дискриминация на деле

Образ “совка” возник не на пустом месте. Он десятилетиями культивировался в сознании человека, в частности, и той ролью в процессе производства, которая объективно отводилась ему советским законодательством. Только “под занавес” появились некоторые формы производственных отношений, которые на практике предоставили работникам предприятий определенные права и возложили дополнительную ответственность. Имеется в виду “вторая модель хозрасчета”, внедрявшаяся в СССР в 1987—1991 гг. Вместо СССР появилась Россия. Однако расширение политических прав российских граждан и экономических прав для определенной их категории (собственники) сопровождалось возвратом российских наемных работников, составляющих пока еще большинство среди занятых в сфере материального производства, в то бесправное состояние, в котором они всегда пребывали до этого и которое как раз и порождает “совковую” психологию.

Провозглашение равенства всех граждан в политических правах — пустая болтовня, если это равенство не подкреплено экономически. А для этого нужно убрать законодательные основы экономического неравенства, которыми буквально “нашпиговано” российское законодательство. Зачем нужны два кодекса, гражданский и трудовой, для регламентации правоотношений граждан, участвующих в одном и том же производственном процессе, имеющих одинаковые цели и связанных друг с другом экономически? Гражданский кодекс — для граждан первого сорта, а трудовой — для граждан второго сорта?

Если никакое предприятие не может функционировать без участия и работников, и собственников (возможно, оба в одном лице), то почему право управления предприятием предоставлено законом только одной категории граждан — собственникам? Нелепость такого положения стано-

вится особенно очевидной, если учесть, что эффективность использования имущества предприятия, а следовательно, и доход предприятия, зависят в основном от тех, кто на предприятии работает, а право "управлять" предоставляется собственникам, которые не всегда знают, где "их" предприятие размещается. Что это, просто недомыслие или неспособность отрешиться от взглядов, хотя и неверных, но зато привычных: как все, так и мы? Однако в данном конкретном вопросе "все", т. е. развитые капиталистические государства, давно уже отрешились от очень многого из того, чем характеризовался капитализм XIX века и что сегодня внедряется в России.

Право наемного работника на участие в управлении бесспорно. Вопрос в том, чем должна определяться степень участия в управлении наемного работника и собственника. Очевидно "один человек — один голос" в данном случае не лучший вариант. Ответ лежит на поверхности: если работника и собственника объединяет одна цель — доход, то и право на участие в управлении должно определяться тем вкладом, который каждый из них внес в достижение общей цели. Несколько упрощая дело, можно сказать, что для наемного работника цена его вклада определяется полученной им зарплатой (со всеми "довесками"), а для собственника — дивидендами. Доля в общем доходе определяет число голосов, которым в рассматриваемом периоде владеет наемный работник или собственник.

В реальной экономике соображения нравственности всегда уступают место соображениям экономической целесообразности. Причем пока человек как составная часть производственных сил общества выступал, в основном, в качестве некоего физиологического агрегата, выполняющего рутинные трудовые операции, роль нравственного фактора большого значения не имела. Однако по мере возрастания роли интеллектуального фактора в структуре производственных сил моральная и материальная мотивация, да и просто настроение человека приобретают все большую экономическую весомость.

Е. И. МАКАРОВ,

председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

1. Новейшая история регионального профцентра насчитывает более 6 лет. Все эти годы пришлось на тот период, когда в стране проводились кардинальные экономические реформы, которые не могли не затронуть профсоюзное движение. В связи с этим возникла потребность в разработке концептуального документа, определяющего место профсоюзов в происходящих в стране процессах.

При всей противоречивости существовавших взглядов Федерации удалось уже к маю 1992 года разработать и принять на IV Пленуме Совета Концепцию региональной социальной политики профсоюзов на период перехода к рыночной экономике.

Главная ее ценность состоит в том, что выработанные новые концептуальные подходы если и не исключили, то свели к минимуму имеющиеся внутренние разногласия по главным социально-экономическим проблемам, определили устойчивую позицию профсоюза, предотвратили крайности в региональной организации трудящихся, позволили выработать основные направления ее деятельности и формы работы профсоюзов в это непростое время.

Приоритетными направлениями стали защита экономических и трудовых прав членов профсоюзов, их социальная и правовая защита, укрепление единства и сплоченности в отстаивании коренных прав и интересов работников.

2. Состояние и перспективы развития экономики региона.

Активная деятельность профцентра региона, отраслевых профсоюзов позволила несколько смягчить отрицательные последствия проводимых реформ.

Однако в целом ход проводимых преобразований принес пока больше проблем, чем обнадеживающих результатов.

Региональная экономика в эти годы находилась в состоянии поиска. Не были определены четкие стратегические ориентиры, многие ранее выбранные приоритеты оказались иллюзорными.

В условиях форсированной приватизации в значительной мере была устранена прежняя система жизнеобеспечения и организации экономики. Стихийно внедрялись новые механизмы

хозяйствования, далеко не во всем заменявшие те, что действовали прежде. Государственное и региональное экономическое регулирование было сведено к минимуму. Определенное равновесие в экономической системе и на потребительском рынке было достигнуто ценой крупных экономических и социальных издержек, резко снизился уровень потребления. На этом фоне не проявились в достаточной мере определенные позитивные результаты реформ, более того, возникла реальная угроза их утраты и дискредитации.

Оценка сложившегося положения позволяет сделать вывод о том, что в последние годы серьезно нарушены условия нормального функционирования региона:

- продолжает оставаться сложной демографическая ситуация, смертность населения превысила рождаемость более чем в 2 раза, средняя продолжительность жизни сократилась на 4 года (у мужчин — более чем на 5 лет);

- резко ослаблена главная на сегодня экономическая база города — спад в промышленности уже составил 67 % к уровню 1990 г., резко обострился инвестиционный кризис, создалась реальная угроза разрушения основных фондов;

- уровень безработицы, включая скрытую, достиг 400 тыс. человек;

- реальные доходы населения упали по сравнению с 1990 г. на 50 % при резком усилении социально-имущественного расслоения;

- имеет место хроническое недофинансирование (примерно вдвое меньше нормативов) производственной и социальной инфраструктуры.

В 1996—1997 годы резко увеличились задержки по выплате заработной платы и пенсий. Серьезные осложнения произошли на финансовом рынке, в банковской сфере. Продолжается рост неплатежей.

Прежняя отстраненность от вопиющих экономических, производственных вопросов, расчет на то, что рынок сам естественным путем решит все проблемы, далее недопустимы. Новой экономике, рынку необходима неотложная помощь. Руководство города, например, приступило к реализации четкой системы поддерживающих, координирующих, регулирующих управленческих мер в экономике. Первыми этапами должна стать реализация антикризисных, а затем стабилизационно-восстановительных мер.

Что касается дальнейшего развития, то главные стратегические приоритеты в экономике города — это те сферы хозяйства, которые обеспечат Санкт-Петербургу поступательное развитие, экономический и социальный подъем. По мнению администрации Санкт-Петербурга, к ним, в первую очередь, следует отнести:

- 1) Развитие промышленности с ориентацией на российский и зарубежный рынок. Использование прогрессивных технологий ВПК в международном сотрудничестве. Город как форпост “новой индустриализации” (постиндустриализации) Российской Федерации. Акцент на выпуск стартовых серий новой техники широкого ассортимента, высококачественных потребительских товаров.

- 2) Город как крупнейший транспортно-коммуникационный, коммерческий и посреднический центр, обслуживающий до 1/3 внешнеторгового оборота и обеспечивающий значительную часть предпринимательских контактов России с Западом.

- 3) Город как научно-технический, культурно-образовательный, информационный центр, создающий и передающий интеллектуальную продукцию в разные регионы Российской Федерации и в зарубежные страны.

- 4) Развитие города как центра туризма, спортивных, научных, культурных, политических, деловых, финансовых и иных международных связей.

- 5) Город как организационно-хозяйственный и финансовый центр для территорий к северо-западу и северу от Москвы.

- 6) Рациональное функционирование города как военно-стратегического центра (военные наука и технологии, производство и экспорт военной техники, подготовка кадров).

3. Пути развития профсоюзного движения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Реальное состояние экономических реформ в регионе, намечаемые программы стабилизации экономики на предстоящее пятилетие потребовали от профсоюзов создания адекватной сложившейся обстановке Концепции реформирования профсоюзного движения. Она разработана и принята Федерацией профсоюзов в конце прошлого года.

- 1) Профсоюзное движение должно быть ориентировано на реальную социальную базу профсоюзов в городе и области. Федерация профсоюзов призвана распространять свое влияние на следующие группы экономически активного населения:

- работающие постоянно на средних и крупных предприятиях в материальном производстве (промышленность, транспорт, связь, строительство);

- работающие на малых предприятиях в материальном производстве и сфере услуг;

- работающие в организациях социальной сферы;
- студенты, учащиеся ПТУ и техникумов, ученики и стажеры на предприятиях;
- часть пенсионеров;
- безработные и ищущие работу (временно незанятые);
- мелкие предприниматели, совместители, временно занятые домашним трудом или в подсобном хозяйстве, в сфере неформальной занятости.

2) Миссия профсоюзов на предстоящее пятилетие должна измениться: от обороны и защитных действий к активным, с использованием своей главной силы — солидарности.

Солидарные действия профсоюзов должны быть направлены на:

- обеспечение благоприятных условий для эффективного и безопасного труда;
- получение достойных трудовых доходов;
- сохранение социальных гарантий качества жизни в здравоохранении, образовании, культуре, отдыхе, любительских и творческих занятиях, физкультуре и спорте;
- социальную защиту и поддержку в неблагоприятных жизненных ситуациях;
- содействие устойчивому экономическому росту и политической стабильности в обществе.

Анализ результативности действий Федерации за последние годы показывает наличие явных организационных затруднений и слабости как в выработке и согласовании решений, так и в организации их совместного выполнения. Отмечаются нехватка кадрового резерва, организационная "рыхлость", дефицит информации, ограниченность финансовых и материальных средств, неадекватная реакция на угрозы и кризисные ситуации. Для преодоления данных недостатков необходимы продуманные и взвешенные организационные нововведения, избегая крайностей бюрократического самоуспокоения или перестроечной лихорадки.

Узловыми проблемами, имеющими концептуальное значение для мобилизации внутренних сил Федерации профсоюзов, являются:

- лидерство как решающий фактор мобилизации;
- использование гибких организационных структур управления;
- формирование достаточных информационных систем управления;
- укрепление финансовой и материальной базы профсоюзов;
- создание возможностей для упреждающей реакции на угрозы акций вмешательства, на кризисные ситуации (массовые увольнения, банкротства предприятий, внутрипрофсоюзные конфликты).

На протяжении последних 5 лет профсоюзы претерпевали неоднократные угрозы своим правам, положению, оказывалось мощное давление в целях подчинения профсоюзов власти и выполнения воли управленческой элиты. Проводились кампании по расколу профсоюзного движения. Администрациями многих приватизированных предприятий, акционерных обществ предпринимались усилия по сокращению профсоюзных организаций, доказательству их "ненужности" в новых условиях. Многие средства массовой информации стремились внедрить в общественное сознание представление о консерватизме и антидемократичности профсоюзов, представить их "отмирающим движением заката". Среди некоторых предпринимателей, особенно в финансовом бизнесе, на малых предприятиях наметилась тенденция к отказу от сотрудничества с работниками и противодействие образованию профсоюзов.

В предстоящем пятилетии сохраняется опасность антипрофсоюзных акций как со стороны властей, так и со стороны работодателей. Необходимо предусмотреть в организации управления солидарные действия по профилактике и преодолению реальных угроз законным правам профсоюзов.

На рубеже третьего тысячелетия профессиональные союзы, крепя солидарность, сохраняют свою жизненную необходимость для простых тружеников и тем самым сохраняют свою организацию. Во всех формах и направлениях деятельности, на всех уровнях управления профсоюзы должны чутко и своевременно улавливать изменения в жизненном положении трудящихся, находить простые и действенные средства выражения и защиты их интересов.

Н. Н. ГРИЦЕНКО,

ректор Академии труда и социальных отношений, доктор экономических наук, профессор

ПРОФСОЮЗЫ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Теория социального государства, или, как его еще называют, “государства всеобщего благоденствия”, возникла после второй мировой войны. По этой теории, современное правовое социальное государство открывает совершенно новый этап в развитии государственности, программная цель которого — обеспечение достойных условий и благоденствия граждан.

В настоящее время это государственная философия многих европейских стран с социальным рыночным хозяйством, которую они выбрали для себя, отбросив философию государств с расовой или классовой ненавистью. При этом государство, используя различные рычаги, следит за разумным ходом саморегулирования экономики и распределением доходов между всеми категориями и слоями граждан, не допуская неоправданных разрывов в уровнях доходов и расслоения общества.

В декабре 1993 года принятая Конституция Российской Федерации провозгласила Россию социальным государством, которое должно создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, о чем говорится в статье 7, т. е. страна юридически порвала с социалистическим государством, существовавшим у нас более семидесяти лет. Но экономическое состояние и социальная жизнь показывают, что мы пока только провозгласили государство социальным, не осознав происшедшего.

К сожалению, приходится констатировать, что происходит разрушение социальных гарантий интересов трудящихся, продолжается спад производства. За 1992—1995 годы валовой внутренний продукт сократился на 35 %. Для реализации же социальных программ нужны огромные средства, создание которых возможно только при развитой экономике, квалифицированном и эффективном труде.

Социальная политика еще не стала целью экономических реформ. За счет социальной сферы, истощения производственных и природных ресурсов, экологических потерь проводятся первичное накопление капитала, перевод экономики на рыночные методы хозяйствования.

Уровень жизни непрерывно падает. Растут цены и инфляция. Снижается продолжительность жизни граждан. С 1991 года реальные денежные доходы трудящихся снизились более чем на 40 %. Средняя продолжительность жизни упала с 71 года в 1987 году до 64 лет в 1995 году. Все более непосильной для большинства населения становится плата за жилье.

Падение производства привело к массовой безработице. По некоторым данным, безработица (с учетом скрытой) достигает 20 %, около 2 млн. молодых россиян нигде не работают и не учатся. Проводимая социально-экономическая политика привела к разделению общества на сверхбогатых и бедных. Разрыв в зарплате достиг 26-кратного размера. Но первоочередной задачей государства является обеспечение выплаты зарплаты и пенсий. При этом необходимо определить объем денежной массы. Тот, который есть сейчас, недостаточен для нормальной экономической и социальной жизни страны.

Основой эффективности социальной политики социального государства является социальное рыночное хозяйство. У нас его еще нет. И причина не только и не столько в неповоротливости предприятий, как это нередко подается общественному мнению, сколько в объективных причинах. Наша экономика создавалась как единое планово и централизованно управляемое хозяйство, в общенациональном масштабе, на принципах специализации и кооперации. Государством создавались предприятия-монополисты, встроенные в общенациональную, скооперированную экономику, строго регулируя и балансируя при этом ценовую политику и политику доходов. Технократический подход к экономике был приоритетным, а социальные цели осуществлялись по остаточному принципу. Помочь наладить нормальную производственную жизнь в условиях социального рынка, вывести предприятия из того состояния, в котором они оказались, должно государство, которое в свое время и поставило их в эти условия. О том же свидетельствует и опыт ряда стран: США, Германии, Японии.

Необходимо рассмотреть вопрос о переходе на программно-целевой метод решения социальных задач, ориентируясь на социальные нормативы, присущие каждому периоду в развитии экономики (кризис, стабилизация, подъем). Для нынешнего кризисного времени таких программ должно быть 15—20.

И, конечно, социальному спокойствию должна способствовать и система управления социально-экономическими процессами, основанная на социальном партнерстве между правительством, предпринимателями и профсоюзами.

В. М. РАЙКЕВИЧ,

Заслуженный экономист Российской Федерации, заведующий экономическим отделом Совета Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. В Ленинградском регионе к середине 90-х годов сформировалась система социального партнерства, она приносит первые плоды, развивается по мере укрепления рыночных отношений, но еще далека от совершенства.

Анализ сторон социального партнерства и той экономической и правовой среды, в которой они действуют, позволяет сделать определенные выводы и находить перспективы развития социально-трудовых отношений.

2. Организации работников.

Наиболее важными проблемами организаций работников являются:

— снижение мотивации профсоюзного членства и престижа профсоюзов в условиях тяжелого и затяжного экономического кризиса и, как следствие, выход из профсоюзов;

— изменение структуры хозяйства и занятости, в результате чего происходит отток работников (членов профсоюзов) из сфер, где профсоюзное движение традиционно было сильным, в сферу услуг;

— отсутствие территориальных профсоюзных структур на уровне районов Санкт-Петербурга в условиях предстоящего в 1997 году формирования органов местного самоуправления и районных бюджетов;

— недостатки в кадровой политике профсоюзов, старение профаппарата;

— недостаточность информационной деятельности внутри профсоюзного движения;

— недостаточность финансовой базы профсоюзов, неэффективное использование профсоюзных средств;

— издержки в обучении профсоюзных кадров и актива.

Эти и другие проблемы, назревшие в профсоюзах за годы реформ, потребовали разработки новой концепции профсоюзного движения Санкт-Петербурга на период до 2000 года. Такая концепция разработана, принята и реализуется Федерацией профсоюзов.

3. Организации работодателей.

Наиболее важными проблемами организаций работодателей, с точки зрения профсоюзов, являются:

— слабое структурирование работодательных объединений, не позволяющее перекрыть все поле социального партнерства (прежде всего на отраслевом и территориальном районном уровнях);

— отсутствие законодательной базы, определяющей реальные права и обязанности объединений работодателей;

— нежелание отдельных работодателей действовать в рамках социального партнерства, доходящее до фактов дискриминации профсоюзов, слабая внутренняя дисциплина объединений работодателей;

— большое количество неорганизованных работодателей, действующих в новых секторах занятости.

Важнейшими мерами в преодолении недостатков движения работодателей могли бы стать:

— разработка и принятие блока федеральных и местных законов об объединениях работодателей и социальном партнерстве;

— усиление работы органов исполнительной власти Санкт-Петербурга по инициированию организационного оформления и становления объединений работодателей с помощью мер экономического характера, не нарушающих принцип свободы объединения.

4. Исполнительные органы государственной власти.

Наиболее важной проблемой Администрации Санкт-Петербурга, с точки зрения профсоюзов, является определение своей роли и места в системе трипартизма, присущей социальному государству.

В нынешних условиях тяжелого экономического кризиса, скудости городского бюджета, неразвитости движения работодателей, Администрация города будет вынуждена нередко подменять конкретных работодателей и брать на себя функции, не свойственные ей в период развитой рыночной экономики.

Новая Администрация Санкт-Петербурга разработала и утвердила Программу стабилизации и развития экономики города до 2000 года, однако проблемам социального партнерства в ней не отведено достаточно места.

5. Проблемы коллективных переговоров.

Основные проблемы, которые возникают в ходе коллективных переговоров, длящихся иногда до 4—6 месяцев, заключаются в следующем:

- глубокий экономический кризис, спад производства, нехватка бюджетных средств обостряют позиции работодателей и Администрации по вопросам об уровне зарплат, о социальных гарантиях населению;

- снижение различных доходов населения, рост безработицы вынуждают профсоюзы быть все более неуступчивыми;

- по отдельным проблемам возникают внутренние противоречия в самих профсоюзах: отраслевые профсоюзы коммунальной сферы, транспорта готовы пойти на повышение тарифов ради роста зарплат в этих отраслях в ущерб положению других работников;

- на ход переговоров оказывает негативное влияние недостаток навыков их ведения.

Важнейшими мерами по решению этих и других проблем могли бы стать:

- оздоровление городской экономики путем реализации намеченных программ;

- передача Санкт-Петербургу как субъекту Российской Федерации больших прав в области социально-экономической политики;

- усиление социальной направленности политики городских властей и работодателей (сдерживание роста безработицы, сокращение в ближайшие годы ее уровня вдвое, а в перспективе обеспечение полной и продуктивной занятости; доведение минимальной зарплаты до величины реального прожиточного минимума; оказание адресной социальной помощи тем категориям населения, которые еще или уже не могут обеспечить себя сами);

- заключение картельных соглашений между профсоюзами о политике в вопросах заработной платы, переход к тарифному регулированию оплаты труда с помощью механизмов социального партнерства;

- овладение участниками социального партнерства техникой переговоров и искусством достижения разумного компромисса.

6. Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области играет активную роль в развитии системы социального партнерства в регионе. Однако ее нынешнее состояние и недостаточно эффективное влияние на социально-трудовые отношения требуют от профсоюзов, а также от других социальных партнеров разработки системных мер, направленных на развитие организационных форм социального партнерства, его научно-методического, информационного, кадрового и финансового обеспечения.

Возникла острая необходимость организации в Санкт-Петербурге регионального организационно-методического центра по социальному партнерству.

Подобный центр мог бы заняться разработкой и практической реализацией концепции развития социального партнерства до 2000 года.

В центре могли бы последовательно решаться задачи:

- расширение полномочий Санкт-Петербурга как субъекта Российской Федерации в проведении региональной социально-экономической и трудовой политики;

- разработка и принятие местных законов о тарифном регулировании заработной платы в рыночных условиях на основе социального партнерства, о союзах работодателей, социальном партнерстве и др.;

- создание системы социальных индикаторов и организация мониторинга социально-трудовой сферы;

- проведение комплексных научных исследований, социологических опросов, разработка методических материалов по социальному партнерству;

— подготовка кадров: специалистов-организаторов коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, а также консультантов, посредников и арбитров по урегулированию трудовых споров;

— исследование специфических проблем социально-трудовых отношений, связанных с деятельностью крупных компаний, в том числе международных, совместных предприятий, финансово-промышленных групп, с глобализацией рынков и необходимостью интернационализации социального диалога.

Ю. Н. МИЛОВИДОВ,

директор Центра по изучению рабочего и профсоюзного движения Академии труда и социальных отношений

РОССИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТРИПАРТИЗМА

Органы государственной статистики Российской Федерации уже неоднократно сообщали через средства массовой информации (газета "Сегодня" от 03.02.97, газета "Солидарность" № 24 за декабрь 1996 г.), что официальная заработная плата работников в структуре их доходов составляет менее 50 %. Следовательно, половина и более доходов работоспособного населения приходится на скрытую предпринимательскую деятельность в самых различных ее проявлениях. Это и неофициальная вторичная и третичная занятость, особенно в сфере услуг, и торгово-посредническая деятельность, садоводство и огородничество, и дивиденды от размещения свободных денежных средств, и сдача в аренду жилплощади и многое другое.

Об успехах всеобщего "предпринимательства" говорят данные все той же государственной статистики (газета "Солидарность" № 1 за январь 1997 г.), а именно: только за 11 месяцев прошлого года население России перевело в валюту 222 трлн руб. К тому же на накопления во вклады и ценные бумаги потрачено еще 52 трлн. При этом общая сумма доходов за 1996 год составила 250 трлн руб. Таким образом, судя по вкладам и сбережениям, население России может официально не работать весь 1997 год, но при этом прожить на уровне 1996 года.

Об успехах российского предпринимательства говорят также следующие данные Госкомстата. На 1 декабря 1996 года в личной собственности граждан находилось 15 млн 200 тыс. автомобилей, по сравнению с 1990 годом их число увеличилось почти в два раза. Выросло число находящихся в личной собственности грузовых автомобилей.

Значительные масштабы отечественного предпринимательства косвенно подтверждаются незначительной массовостью ежегодных акций протеста профсоюзов в защиту заработной платы, занятости и социальных гарантий. Напрашивается естественный вывод о том, что большинство российских граждан предпочитают или вынуждены не столько митинговать, сколько искать дополнительные источники существования или выживания. Причем скрытая предприимчивость неизбежно сопряжена с разобщенностью и одиночеством. В этих нестандартных условиях потребность в профсоюзах отодвигается далеко на задний план. Эпизодические всплески профсоюзной активности, а точнее деятельности профсоюзных работников и актива, сводятся, по сути, к умиротворению населения страны в ответ на грубое и циничное попрание их социально-трудовых прав и интересов со стороны крупного российского капитала.

На фоне активного формирования крупного российского капитала с вольным или невольным участием в этом процессе широких народных масс роль профсоюзов в системе отечественного трипартизма не представляется равноправной и независимой.

На завершающем этапе перехода от плановой экономики к рыночной, от монопольной государственной формы собственности к многообразию форм новообразуемые работодатели и собственники (а это в основе своей директора предприятий и высшие госслужащие) смогли "пристегнуть" к себе в тяжбе с государством профсоюзы, а точнее их представителей в лице профбюрократии и профсоюзной олигархии.

По мере формирования и легитимизации российского капитала наступает следующий этап в системе отечественного трипартизма, на котором обновленное государство "пристегнет" к себе профсоюзы, а точнее профбюрократию и профолигархию, для того чтобы переложить бремя социально-экономических реформ на новоявленных капиталистов-работодателей, т. е. директоров и собственников предприятий.

Но не за горами третий этап развития отечественного трипартизма, на котором государство и работодатели объединятся для того, чтобы заставить наемных работников "вкалывать" на новых, довольно жестких условиях. Тогда у основной массы работников уже не будет возможностей для скрытого предпринимательства, а заработная плата по основному месту работы станет главным, если не единственным, источником дохода. В этих условиях у наемных работников появится реальная потребность в объединении своих и только своих усилий для защиты социально-трудовых, экономических, профессиональных и иных прав и интересов, т. е. в профсоюзах. К тому времени профсоюзная олигархия переместится в среду капиталистов-работодателей и высших госслужащих, профбюрократия либо реформируется, либо найдет более подходящее место. На смену им придут профсоюзные лидеры, которые будут неразрывно связаны с членами профсоюзов, а значит, и служить будут профсоюзному делу. Только тогда профсоюзы смогут стать равноправной стороной в системе отечественного трипартизма.